

Лишённые смерти

Ира Якимова

В мрачном зачарованном краю вампиры негласно правят уже четыреста лет. Кажется, их власть незыблема, а жители страны, как куклы в механическом городе-игрушке, вечно будут двигаться по данным им дорожкам. Что в силах изменить определенный древним проклятием порядок? Разве что безумная, обреченная еще до того, как о ней решишься прошептать, любовь старинных врагов... Разве что частица человеческого во все еще не мертвом сердце владыки вампиров... Разве что извечное стремление к свободе, толкающее юного охотника изменить жестокой клятве родителей... Разве что мечта - чистая, наивная мечта одного ребенка о Даре, исцеляющем *carere morte*, лишенных смерти.

Пролог. Carere morte

Карда - город на севере земли страха. Многолюдный, но странно тихий. Жизнь течет здесь размеренно, совсем как в старые времена. И только смелая чистая душа, ясный бойкий ум распознают подвох, ведь эта размеренность машинная. Механический город, заведенный ключиком. Искусная игрушка. Чья же?

Ответ - в руинах на пустоши, за восточным краем города. С высоты видно, белые, обглоданные временем и ветром камни торчат меж темной травы как острые зубы в разинутой пасти чудовища. Ответ в кладбище Карды. Если взглянуть на него глазами парящих в небе птиц, видно, площадь некрополя превышает площадь города, породившего его. Но человеку не подняться к облакам, чтобы увидеть это. Так высоко летают только орлы... и carere morte.

Лишенные смерти. Главная сказка старой Карды. Отрекшиеся от смерти... и от жизни. Вампиры. Рассказывают, они родились несколько веков назад на пустоши, где прежде стоял город. Рассказывают, они питаются человеческой кровью, и Бездна ненависти, чьими детьми они являются, требует от них пить до дна свои жертвы, оттого так велико кардинское кладбище. Рассказывают - и не задумываются. Не верят. Куклам механического города, заведенного ключиком вампирских чар, не прорезано канавок для движения в этом направлении. Но и пришелец извне, свободный, в Карде быстро попадает под власть тех же чар и начинает двигаться вместе со всеми к одному из двух возможных исходов: стать пищей вампиров или стать вампиром и охотиться.

...Мира едва успевает переступить на самых цыпочках, кружимая партнером в танце. Спину леденит его рука, холодная и крепкая, словно выточенная из камня. Огоньки свечей и их многократно повторенные в зеркалах отражения ведут хоровод. И лучше закрыть глаза, пока от этой безумной пляски, да еще от равнодушных взглядов гостей, собравшихся в большой гостиной дома Вако, не стало дурно.

Странные гости! В большинстве своем юноши и девушки не старше ее самой, на прошлой неделе отметившей двадцатилетие, но в их глазах таится что-то совсем не юное, напротив, древнее, как руины Старого города за пустошью, как безлунная ночь преддверья за окном, как страх, тяжело ворочающийся в груди. Их красота кажется странно одинаковой. У всех правильные, точеные, неподвижные черты, так что невозможно запомнить лица. Мира будто в музей попала, в зал античного искусства, заполненный застывшими в одном движении мраморными статуями.

Она помнит, зачем приехала в Карду, как оказалась здесь. После смерти отца она собиралась решить вопрос наследования дома Вако со своим сводным братом, Аланом. Но это стало неважно, отодвинулось далеко-далеко, осталось за пределами зачарованного мира, города, дома, где она танцует с незнакомцем. Это все сон... только от последнего страшно просыпаться. Мира будто уже знает, что проснется в залитом кровью платье со смертельной раной на шее.

Громыкает рояль: одна девушка играет вальс, но даже сквозь грохот музыки Мира слышит смешки гостей. Вспоминает, что надо стремглав бежать отсюда, поворачивается к партнеру... и вновь забывает. Все на свете, кроме его лица.

Он лучший друг Алана Вако, так он представился ей. Странное лицо, безумно притягательное и отвратительное одновременно. В благородных чертах чувствуется какое-то

напряжение, в холодных серых глазах отчаяние, тонкие губы нервно кривятся, когда он смеется, так что смех кажется похожим на стон. Это лицо, которое кричит... всегда. Когда он молчит, размышляет, отдыхает, спит - оно кричит. Этот крик звенит у Миры в ушах. Наверное, так на человеческих лицах отражается безумие.

Конечно, едва увидев такое лицо, следовало бежать прочь, прочь от странного опасного человека. Но Мира не смогла. Она уже влюбилась.

- Вы впервые в Карде? - спрашивает он. В танце краткая передышка. Balance два раза по линии танца, два раза против: короткое движение вперед и такое же назад, на тот же круг, в ту же ловушку. Его пальцы, когда соприкасаются с ее, обжигают то ли холодом, то ли самим касанием, как электрический ток. Мира судорожно сглатывает.

- Я родилась здесь. Но меня увезли в Дону очень рано, я не могла ничего запомнить.

- Как же матушка отпустила вас одну в Карду? Это очень опасный город, вы знаете? - он посмеивается, а лицо - кричит. Ледяной взгляд серых глаз словно приклеился к кусочку ее шеи за двумя расстегнутыми пуговками ворота. ...Когда, зачем она их расстегнула?!

- Мама умерла при родах, я не успела узнать ее. Недавно умерла и бабушка, которая нас со старшей сестрой воспитала. В Карду меня отпустила сестра, Агата. Но Алан не встретил на вокзале. Или я пропустила его, ведь мы ни разу прежде не видели друг друга... Где он?

- Сколько смертей! Фамилию Вако словно преследует злой рок, - замечает он, начисто игнорируя вопрос о сводном брате, сыне отца от второго брака. Хихикает девушка за роялем, и у Миры мороз по коже проходит от ее смешка. Весь этот "вечер танцев" ненастоящий, понимает она. Репетиция. Обманка. Преддверие безвыходного лабиринта.

- Уже ночь. Скоро придет Алан? - робко спрашивает она, и вспоминает, что спрашивала это уже не раз. Партнер усмехается. Что-то неясное, но зловещее, острое как кинжал или клык мелькает в его усмешке.

- Он не придет больше. Никогда. Я же сказал: фамилию Вако преследует злой рок.

Вот теперь надо бежать, иначе и она останется тут навсегда. Но Мира продолжает кружиться, ноги как у механической куклы переставляются на раз-два-три. Что с ней? Может, это чары, которыми в сказках объясняли особые странности Карды?

- Хотите сказать, он умер? Это шутка?

- А вам не все равно, шутка или нет? Имеет для вас то, жив ли ваш ни разу не виденный брат, какое-либо действительное значение? Признайте, что нет. Вокруг только пустота, без значений, и то, чего в этой пустоте хочет ваша душа, то, благодаря чему вы осознаете себя существующей. А ваша душа хочет сейчас танцевать, я вижу.

Его голос зачаровывает, теряется четкость мыслей, лучше вовсе не слышать его. Мира умолкает, надеясь, что замолчит и он. Но партнер не успокаивается.

- Вы верите в *carere morte*? - новый совершенно неожиданный вопрос. В танце *promenade* с поворотами под его рукой, и он крутит ее так быстро, даже немного больно, что лица и огни свечей вокруг сливаются в единый светлый фон. *Carere morte*. Чудовища, летающие в ночи, потому что сгорают на солнце, питающиеся людской кровью и жизнями. Нельзя не признать, сказки о них будоражат воображение. Ведь в них упоминаются известные люди былых эпох, реальные исторические события, и всегда логично, подкупающе честно. *Carere morte* идеально вписаны в прошлое их страны, могут ли они быть так же идеально вписаны в настоящее?

Мира почти падает спиной на вовремя подставленную руку партнера, выдыхает:

- Верю ли я в вампиров? Наверное, нет. Вы читали Натуса? Все странности прошлых

веков он объяснил с позиций политической логики, а не мистики.

- Натус аферист. К тому же сотрудничающий с орденом, - фыркает он. - А вы хотели бы стать *carere morte*?

Waltz. Ноги едва касаются кажущегося зыбким, как песок, пола. Они почти летят.

- Лишенные смерти - это привлекательный образ, по-темному привлекательный, - она задыхается. Бросает в жар от близости его тела. - Но, наверное, нет. Нет.

- А вы могли бы полюбить *carere morte*?

Его лицо кричит, этот крик перекрывает все: музыку, смешки гостей, шорох шагов танца, звуки ночи за окном... целый мир. Этот крик - вызов ей. Пройдет она мимо, заткнув уши, или ответит на него? Как бы ни было страшно. Сколь бы темным ни было ее будущее на этой дороге. Как бы ни хотелось вернуться назад, в ясный спокойный мир незнания. Существование *carere morte* противоречит всем известным законам природы, но оно единственное в зачарованной стране - правда. Просто настоящие, не сказочные вампиры бескрылы и могут ходить среди людей и днем, и ночью. Один такой перед ней: бледный, пустой, с холодным сердцем. Может быть, не бессмертный, но отрекшийся от жизни. Отчаявшийся.

- Я уже люблю, - шепчет Мира, и он останавливает кружение. Замирает музыка. Вс внезапно воцарившейся тишине болезненно отдается в ушах его смех.

- Любить - значит дарить. Что ты подаришь *carere morte*?

Хочется просто ответить: "жизнь", именно это нашептывают чары, но Мира упорствует. Чувствуя, как некрасиво искажается лицо от несвоевременного упрямства, выдавливает:

- Свою верность.

Он не ожидал этого. Отступает. На миг в глазах мелькает удивление... восхищение. А потом там снова только крик:

- Тогда я подарю тебе вечность.

Удерживая за талию, он наклоняется к ее шее. Мира еще никому из юношей не позволяла приблизиться к себе так вызывающе близко, и дрожит, но не отстраняется. Становится немного по-злому весело: мальчишка, вздумал разыграть роль клыкастого чудовища... что же ты будешь делать теперь?

Фантазии хватает, чтобы представить тривиальный поцелуй, но в шею вонзаются длинные острые клыки. Разрывают кожу. Разрывают окутавшее поглупевшую голову покрывало чар. Разрывают реальность, где никогда не было и не могло существовать *carere morte*.

- О, боже! - звук теряется, когда он начинает глотать ее кровь, будто вместе с нею отнимает и голос. Его руки как каменные, она скорее разобьется о них, чем вырвется. Мира мечется, но тем только сильнее раздирает рану на шее и скоро затихает. Сознание темнеет. Она покорно обвисает в медленно теплеющих, наполняющихся ее жизнью руках лишенного смерти. Очередная куколка заведенного ключиком чар игрушечного города достигла конца своей канавки для движения. Стать пищей вампиров или стать вампиром и охотиться. Иных исходов в сказках Карды... нет?

иллюстрация Валерии Морозовой

Часть 1 Глава 1 Хранитель Равновесия

Часть 1

ГЛАВА 1

ХРАНИТЕЛЬ РАВНОВЕСИЯ

Дэви заметил эту даму, когда она шла аллеей к дому Бала. Владыка бессмертных на мгновение даже замер, пораженный. После двадцатилетнего отдыха близ восточной границы он совсем забыл родной зачарованный север и отвык видеть таких ярких, прекрасных смертных. Женщина казалась самым воплощением Карды, цитадели *carere morte*. По белому как снег платью расплзались струйками крови алые узоры вышивки, черная меховая накидка, укрывавшая плечи от ледяного декабрьского ветра, казалась кусочком ночной тьмы. Рубиновое ожерелье на длинной сильной шее сверкало россыпью брызг, а на холеном благородном лице застыло любопытство и предвкушение. Дама спешила на главный бал Карды. Бал вампиров.

Женщина оставила свою карету за воротами дома Вальде - захотела прогуляться садом. Опрометчивое решение! Дэви сделал знак своим помощникам, хозяевам кукол, Магнусу и Сесилии Калькарам, длинные пальцы указали на даму и властным, жадным жестом сжались в кулак: «Мое!» Марионетки Калькаров в крылатых чудовищных обличьях мгновенно ринулись из крон парка на добычу. Испуганный женский вскрик взвился высокой нотой и затих, только сердце смертной недолго пульсировало белой звездочкой вверху, быстро удаляясь на север. Ее несли в замок Дэви, она станет праздничным угощением для свиты владыки уже этим утром... А пока - Бал!

На снегу осталась россыпь кровавых брызг. Нет, Калькары научились аккуратности за три столетия, это было рубиновое ожерелье... Дэви небрежно взмахнул полой широкой мантии заметая его снегом, и неторопливо направился в дом Вальде.

На подъездной аллее теснились десятки разнообразных экипажей. Здесь были и богато украшенные кареты владетельных Домов Карды с гербами на дверцах, и вампирские дормезы без окон, более всего похожие на гигантские гробы на колесах, и простые безликие повозки с одинаковой печатью вокзала Карды, в которых приехали приглашенные из других городов. Фигурки гостей наводнили сад, усыпали лестницу главного входа. И в самом доме, в светлом теплом царстве зажженных свечей и тонких мелодий, их было полно. Рокот их сердец был чарующей музыкой, слышимой только уху *carere morte*, а их жизни сияли ярче свечей. Традиция вампирских Балов была положена еще первым владыкой Карды и прародителем всех вампиров, Мактой: каждые двадцать лет собирать знатнейшие Дома Короны и напоминать им, кто является истинным хозяином земли страха. Балы Карды были ключиком, заводящим зачарованный город, а после и весь край. Сложный часовой механизм, отмеряющий не минуты, а века.

Дэви поднялся по ступеням главного входа, Магнус и Сесилия Калькары, почти неотличимые в плотоядных улыбках ярко-красных пухлых губ, грубой некрасоте черт лица и плотно сбитых тел, шли за ним шаг в шаг. Слуги распахнули перед бессмертными двери, и в лицо дохнуло спертым сухим теплом и горячим воском.

Большой холл. Тьма была изгнана отсюда, всюду разливался ровный желтый искусственный свет - кусочек дня среди ночи, приманка для смертных, любящих солнце. Все зеркала была завешены тканью - еще одна традиция Бала, об истинных корнях которой

имели представление только вампиры. Дэви не мог видеть своего отражения, впрочем, за двести лет вечности он к этому привык. Хватало дам, провожающих худощавую, но с царственной осанкой фигуру владыки бессмертных восхищенными шепотками, хватало стука их сердец, заметно ускоряющегося, когда они заглядывали в темные колодцы его глаз. В людских глазах он выглядел, кем ему и подобает - богом.

За стеклянной стеной, разделяющей холл и бальный зал, проплывали ни разу не виденные прежде и все же знакомые лица отпрысков благородных семейств Короны. Те же черты, с небольшими вариациями повторяющиеся несколько столетий... Владыка прошел в зал и остановился у колонны. Люди вокруг расступились, даже не зная, кто эта величественная фигура в широком и длинном, в пол, одеянии, не понимая, чье лицо скрыто белой маской с крючковатым как клюв птицы носом. Дэви отбросил длинные прямые черные волосы назад и скрестил руки на груди. Кивком отпустил Калькаров танцевать.

Какая-то девушка тут же доверчиво ответила на приглашение Магнуса. Но в зале смерть от *clavos carere morte* ей не угрожала. В ночь Бала всякая охота на людей... а равно и на бессмертных внутри дома была запрещена. Правила старинного бального противостояния неукоснительно соблюдали и вампиры, и охотники на вампиров.

Дэви успел определить среди гостей двоих несомненных служителей ордена по пронзительному взгляду и ровному биению сердца, слышному глухо из-за невидимой ауры особой клятвенной защиты от *carere morte*. Но тут свет в зале потушили. Начался первый официальный танец Бала - танец со свечами. Слуги внесли подносы со множеством маленьких горящих свечей, и гости-мужчины взяли по одной. После первого круга танца они передадут свечу партнерше, а сами займут место ожидающих приглашения.

Одинаково подсвеченные снизу рыжим пламенем свечей лица казались масками. Висящими в воздухе масками, танцующими по старинную музыку в полной темноте. Словно сама ночь влилась в зал с улиц Карды: непроглядная, таинственная... пугающая. Смертные встревожились, сильнее застучали их суетливые сердца. Но и Дэви почувствовал беспокойство. В надвинувшейся со всех сторон тьме он неожиданно вспомнил о другой тени, что пробуждалась на границе Карды. На пустоши за городом и кладбищем, в мертвом яблоневом саду, выросшем на руинах старинного дворца, у истока их зачарованного мира она колыхалась и вздрагивала сейчас - черная, клочковатая... Ветвистая, раскидистая, как лишенные листья деревья вокруг, эта тень не была тенью ни одной яблони, ее чернота и длина не зависела от луны и солнца. Нетерпеливая, клочкующая от предвкушения, она ждала, когда ей будет вновь дозволено явить силу. Только собственная слепота и отсутствие направляющего мешали ей разрастись сей же миг, оплести яростно жгучими нитями весь мир, как паутиной. Но направляющий скоро придет, и тогда... -

Дэви заранее ненавидел его, потому что ненавидел перемены, что несло каждое возвращение тени. Поддержание Равновесия, покой мира - вот в чем он видел цель своего существования, как владыки *carere morte*, и иных ролей, кроме этой, не знал.

Танец закончился. Пары повернулись лицами друг к другу и синхронно задули свечи. Тьма заполнила зал без остатка. Какая-то дебютантка испуганно и в то же время радостно вскрикнула, но ничего страшного и прекрасного не случилось, просто зал вновь залил ровный мягкий золотистый свет. Осветилось множество лиц, как на большой групповой фотографии, и теперь, увидев одно, Дэви вздрогнул. Это был на вид обычный человек, уже немолодой, с аккуратными усами и бородой. Подобно всем гостям, после первого танца он надел обезличивающую полумаску, но кусок черного бархата лишь оттенил яркие холодные

голубые глаза, привлекая внимание. Валерий Конор, выскочка, назвавший себя владыкой низших вампиров.

"Низшие" - так с недавних пор звали вампиров, при обращении не поделившихся с обращающим своей кровью и получивших лишь каплю бессмертной. Низшие могли ходить под солнцем и есть человеческую пищу. Они не имели крыльев, зато могли незаметно воздействовать на разум, внушать мысли, идеи, чувства. Их чары были столь тонки и сильны, что им могли поддаться не только смертные, но и охотники на вампиров, и даже те, кого по аналогии с низшими теперь звали высшими вампирами. Подданные владыки. Кто придумал названия "низшие" и "высшие", Дэви не знал. Может быть, орден охотников, а, может, словечки пошли гулять по стране благодаря Либитине - безумной владычице бесплодных земель севера. Вначале определение "высшие" даже льстило, но скоро Дэви осознал его хитро расставленную ловушку.

Получив имя, низшие, прежде верные слуги высших, впервые за века задумались о себе как самостоятельном роде вампиров. Это было бы смешно, если б не было опасно, ведь во многих отношениях сосуществовать с людьми низшим было куда удобнее, чем высшим. Их не сжигало солнце, они довольствовались каплями крови, чтобы подпитывать свое крохотное проклятие. Их властью над людьми была не власть страха перед крылатыми чудовищами, но куда более тонкая, легкая, незаметно скручивающая стальной проволокой власть чар. Низшие могли внушить смертным что угодно, тайный военный союз людей с ними против высших мог пошатнуть даже владычество Дэви. К счастью, до сих пор все это быстро разбивалось об одну важнейшую особенность проклятия низших - его недолговечность. Через пять, десять лет, разрастающаяся капля проклятия в их крови побеждала и превращала их в высших.

Дэви не принял и не поощрял в своей свите и по всей Карде употребление новых названий. Состояние низшего он приказал считать промежуточным звеном в цепи превращения в высшего и время пребывания в нем старался сократить. Но, увы, владыка не мог контролировать юг и нынешнюю столицу Терратиморэ, Дону, вотчину ордена охотников. Там у него и появился сильный противник.

Имя Валерий Конор ни о чем не сказало бы Дэви еще двадцать лет назад. А сейчас низшие звали его своим владыкой и с упоением говорили о какой-то "мечте всех низших", которой отчаянно не хотели делиться с высшими. Меж ними передавались особые правила питания, якобы позволяющие продлить состояние низшего до нескольких десятилетий. Ходили слухи, Конор прибрал к рукам всю Дону. Неужели он явился поспорить и за владычество над Кардой?

Низший почувствовал гнев владыки. Не отводя столь же холодных как у Дэви глаз, он кратко кивнул, здороваясь как с равным, и его взгляд вдруг пронизал до самого омертвевшего сердца - владыка на миг почувствовал этот тяжелый холодный груз в груди. Проклятая чувствительность низших! Даже через двести лет вечности Конор нашел у него какие-то живые людские слабости.

Дэви с досадой потер занывший висок и испугался забытому вместе со смертной жизнью жесту. На мгновение он словно... почувствовал себя вновь человеком.

- Владыка? - вопросительный голос Адама Митто, первого помощника Дэви позади. - Кто в толпе привлек ваш взгляд?

Митто подошел к нему вместе со своей подругой, Хеленой. Светловолосые, в нарядах одинакового серебристо-серого цвета, они казались скорее братом и сестрой, как Калькары,

хотя не были родственниками. Хелена, шурша юбкой, присела в реверансе.

Светлые глаза Адама были скромно опущены к полу, но Дэви прекрасно знал, сколь темные идеи носятся в голове этого веселого и жестокого вампира. Ими он и заслужил место правой руки владыки.

- Я видел здесь Валерия Конора, - заметил Дэви.

- Да, слухи о нем ходят. Он велит звать себя владыкой низших, господин, - тон Митто был полон сарказма. - И, чую, это незначительнейшее из его направленных против вас деяний...

- Зачем он явился, как ты полагаешь?

Митто придвинулся ближе. От его костюма и волос шел смешанный запах духов подруги, Хелены, и крови убитых парой:

- Затем же, зачем и вы, господин: инициации. Конон раздаривает свою жиденькую кровь всем желающим. Я видел, только за время танца свечей он получил троих себе в свиту. И не он уговаривает их или заставляет чарами - люди бегут к нему сами за каплями вечности. Бессмертие так называемых «низших» кажется им не таким обременительным, как наше, ведь низшие не знают подлинного вампирского голода. Они могут не убивать.

- Хм, - Дэви задумчиво побарабанил ледяными пальцами по таким же ледяным, нечувствительным губам.

- Устроить вам беседу, владыка? Немедля? - вступила Хелена.

- Нет, - Дэви поморщился от недогадливости белокурой *carere morte*. - Или Конон и тебе уже замутил чарами разум, бессмертная? Низший - гость в моих владениях. Он сам придет представиться, если у него есть хоть капля ума.

Однако минул час, а Конон так и не соизволил явиться в зимний сад, где расположился владыка. В ожидании низшего Дэви занимал злость и нетерпение тем, что принимал присягу у молодых *carere morte*, желающих войти в его свиту и ради этого согласных принять жесткие ограничения в питании. Дэви устроился в кресле, у фонтана - почти скрытая тенью фигура, а кандидаты бросали на него любопытные и испуганные взгляды. В основном тут были отпрыски старой аристократии Карды, но пришел и один дикарь.

Дикарями в Доне и Карде звали не подчиняющихся никому юных высших, убивающих бесконтрольно. Обращенные случайно и чуть ли не на спор, они были неприятным, но в какой-то мере необходимым явлением, отвлекая гнев охотников от старших вампиров на себя. В свите Дэви они задерживались ненадолго: строгая диета в одну человеческую жизнь в месяц лишь дразнила их не привыкший к цепям голод. Они быстро срывались и, с позором изгнанные из свиты, возвращались к бытию дикарей. Каждый год Дэви подумывал вовсе отказаться от их обременительных услуг, но вместо этого продолжал нянчиться. Дикари были силой, рассеянной и хаотичной, но яростной и огромной. Если они вообразят владыку врагом, объединятся против него - не спасут ни армады кукол, ни чары.

Едва дикарь преклонил перед владыкой колена, как в арке входа в зимний сад показалась фигура Валерия Конора. Но теперь Дэви сделал низшему знак подождать. Прежде выслушал последнюю присягу и принял ее. Дикарь выпрямился. Широкая в плечах, высокая фигура совершенно заслонила и арку, и Конора в ней. "Может получиться отличный воин", - отметил Дэви и вдруг вспомнил, что не спросил имя вампира.

- Твое имя? - поспешил исправиться он.

- Гектор Долус, господин, - вампир вежливо поклонился и отступил в сторону. От Дэви не укрылся его быстрый, чуть удивленный взгляд на Конора. Несомненно, низший был

знаком дикарю.

- Верны ли слухи, что твои родители были низшими? - негромко спросил владыка.

- Да, господин, - теперь Гектор осознал свою оплошность, взгляд стал закрытым.

Грубовато-сильный на вид вампир вовсе не был простодушным.

- Что же, сейчас они обрели подлинное бессмертие, как и ты?

- Нет, господин. Они умерли.

- Как они умерли?

- Погибли от мечей ордена, - ровно сказал Гектор, и это была несомненная ложь. Но

Дэви не стал пока расправляться с лжецом. Прежде он посмотрит, куда тянутся нити странной связи дикаря с низшими.

- Как бы то ни было, отныне ты должен забыть это прошлое, - молвил он, сделав вид, что ничего не заметил, и взмахом руки отпустил Гектора. Настало время знакомства с Конором.

- С возвращением домой, владыка высших, - так начал низший. - Прошу прощения, что не подошел поприветствовать вас в начале бала. Я видел, вы были заняты разговором с кандидатами в бессмертные.

Дэви равнодушно кивнул, одновременно прожигая низшего взглядом. Под капле колокольчиков нового танца, доносящуюся из зала, Конор закончил столь же ровно:

- Высших вампиров, способных принести пользу свите, осталось так немного в наши дни. Я не осмелился помешать.

- Я не делю новообращенных вампиров на высших и низших, Валерий, - спокойно сказал Дэви. - И требую того же от всех подданных. Определение "низший" мало того, что лжет, выделяя лишь одну из стадий вхождения в бессмертие адептов - оно унижает тех, кто находится в этом переходном состоянии, включая тебя самого. Традиционный Бал Карды, как всегда, подарит мне множество кандидатов самого благородного происхождения...

- Осмелюсь поспорить с последним, владыка. Большинство сейчас предпочитает бессмертие низших. Бессмертие низших удобнее, если не высшие вампиры, так люди уже признали это.

- Поэтому ты, не испросив моего разрешения, обращаешь не тебе принадлежащих смертных в недовампиров, прячешь от них путь к истинной Бездне?

Немногие высшие выдерживали гневный взгляд Дэви долее минуты, но этот низший оказался крепок. Он даже осмелился улыбнуться. Его сердце спокойно, мерно билось в холеном теле: куда реже, чем у смертного, но много быстрее, чем у высшего. Полное румяное лицо с яркими глазами было открытым.

- Проклятию в моей крови уже двадцать два года, владыка. Вы позволяете инициировать людей всем *carere morte*, достигшим двадцатилетия вечности, я лишь следую вашему закону. При этом для питания я еще ни разу не взял себе человеческую жизнь целиком.

Двадцать два года в состоянии низшего - треть жизни смертного, - про себя отметил Дэви. При том что обычно состояние низшего длится три, пять, очень редко десять лет... Как Конору это удалось? Не тут ли кроется безумное признание Конора вторым владыкой, не это ли нить, ведущая к мечте всех низших?

Увы, тонкие высокие звуки все того же вальса били в виски маленькими стеклянными молоточками, это мешало сосредоточиться.

- Скольких ты обратил сегодня? Трех? Пятерых? - воскликнул он, подавляя неприятное ощущение, что этим вопросом отступает от настоящего боя. - И трех новых *carere morte*

более чем достаточно. Избыток бессмертных вреднее недостатка.

- Я обратил десятерых, владыка, - Конор смиренно опустил голову, но не очень тщательно скрываемым довольством засверкали его глаза. - Простите еще раз. Кто мог знать, что спрос на каплю бессмертной крови со стороны людей настолько превысит предложение? Я не посмел отказать столь благородному обществу, как Тридцать старинных Домов Карды.

Дипломатическая игра все больше злила и одновременно веселила Дэви. Он откинулся на спинку кресла, стараясь прислушиваться больше к тихому журчанию фонтана, чем к неумолкающему танцу в зале. К его мелодии низший несомненно привязал свои чары, и нужно было избавиться от их сети. Скоро стало легче.

- То есть ты просто старался услужить гостям Бала...

- И вам, владыка. Все эти низшие - будущие ваши подданные. Я завлекаю их чарами, чтобы позже вы получили армию высших.

- Я требовал от тебя не произносить этих нелепых определений.

- Неужели они пугают вас, господин? С каждым годом число ваших подданных редет, число же моих растет: люди прогрессивного века железных дорог, фотографии и электричества стремятся к удобству, в том числе, удобству вечности. Я, разумеется, не оспариваю вашу силу и власть, владыка. Но я считаю, господину высших и господину низших настала пора заключить союз. Наступает время перемен, вы не можете не ощущать этого. Великая сила вот-вот пробудится опять, как случается каждый век, и неизвестно, каким будет ее новый направитель. В такое время опасно любое разобщение.

Дэви хмыкнул, но вновь согласился отступить. Отступить, чтобы ногой нащупать опору и ударить. Одна ослепительная молния клинка, и очередной противник повержен.

- Что такое «мечта всех низших», о которой так много говорят те, кого ты называешь своими подданными?

- Это мечта низших, господин, - наконец что-то дрогнуло в его цветущем облике. - Я не могу открыть ее высшему. Осмелюсь спросить, откуда вы узнали о ней?

Дэви довольно оскалился:

- Про "мечту всех низших" перешептываются охотники в Доне. Ты стараешься установить дружеские отношения с орденом, но меня с покровителями ордена связывает куда более давний и крепкий союз. Ты думаешь, заручившись поддержкой нового века, сможешь сражаться и даже победить век минувший в моем лице, но ты заблуждаешься, Конор. Я над любым веком и временем, как Бездна. Ты знаешь, что такое Бездна?

Конор, не ожидавший столь резкого изменения темы беседы, вскинул на владыку чуть испуганные глаза. Совсем человек: в дорогом, комфортном телу костюме, полные губы выдают гурмана, еще умеющего получить удовольствие от людской еды, но уже промелькнула тень на его лице, так хорошо знакомая двухсотлетнему владыке вампиров - пробуждающийся голод высшего.

- Я не вполне понимаю, что вы имеете в виду, - начал он, но поперхнулся следующим вдохом и замолчал.

Бездна - сила, пронизывающая весь мир... Люди не могли ни почувствовать ее, ни прикоснуться к ней. Только высшие вампиры, получая с проклятием Ее частицу, возвращая Ее своей ненавистью к живому, вскармливая человеческой кровью, могли обрести толику силы Бездны. Решались на это немногие. Большинство *carere morte* боялись открывающейся им силы, не понимая, что она. Дикари, безумные от голода, звали ее ненасыщающейся

Пустотой. Они хорошо кормили Ее, но не умели удержать на цепи и использовать. Низшие же, благодаря тонкой чувствительности, наоборот, могли слегка прикоснуться к Ней, воспользоваться, перенаправив в чары, но не кормили досыта, опасаясь пробудить голод высшего в себе.

- Ты еще не сделал выбор, Валерий. Не узнав противника, рвешься сразиться. Но я не воюю с неразумными, - промолвил Дэви. - Делай свой выбор: война или мир, я подожду. Ибо я всегда даю выбор и жду, когда он будет сделан. А после не я - Королева Бездна заключает, полезен или вреден был этот выбор Ей и поощряет... или наказывает. Помни: Та, которую вы со страхом зовете Чудовищем, всегда побеждает, низший.

"Низший", - теперь он мог бросить это с нескрываемым презрением и совсем без подспудной тревоги. Он нашел уязвимость врага - тень высшего на его лице - и нанес удар.

- О десятке обращенных тобой и еще одном десятке обращенных твоими слугами за время нашего разговора - передай их охотникам, - с тонко рассчитанной небрежностью бросил Дэви. - Слуги ордена исцелят, кого можно исцелить, и умертвят остальных. И впредь в инициациях никогда не иди не по поводу желания самых благородных смертных. Мы не дарим бессмертия всем, кто его попросит. Принятие его - ответственность и обязанность для тех, кого мы выбираем за заслуги.

Конор слушал, поджав губы, побледнев, только взгляд жил и тьма дальше расплзалась по лицу.

- Требую от тебя и твоего сброда неготовых принять всю силу проклятия *carere morte*, именующих себя низшими, в течение следующего дня покинуть мои земли, и немедленно - Бал, - закончил Дэви. - Кто по истечении суток попадется мне или моим *carere morte* в Карде и окрестностях - ответит головой, и ты, раз назвался его владыкой, с ним.

Яркие глаза низшего полыхнули холодным гневом бессмертных, но Конор сдержался. Поднялся из кресла, сжимая подлокотники чуть сильнее, чем требовало спокойное состояние духа:

- Как угодно, господин. Я совершил ошибку, разрешил себе на вашем Балу слишком много. Но я беспокоился о вас, владыка...

- Побеспокойся о себе.

Дэви махнул рукой, приказывая уйти. Не поклонившись, не сказав более ни слова, Конор быстро ушел. За ним из зала молча двинулись еще низшие, около десятка. Дэви задумчиво смотрел им вслед.

Конор не мог не знать, что своими действиями на Балу навлечет на себя гнев владыки. Почему же упорствовал? Для чего явился сам, подставившись под удар? Наконец, зачем ему два десятка низших... и все сотни в столице? Армия? Смешно, сила низших ничто перед возможностями по-настоящему готовых биться высших. Что задумал Валерий Конор?

Адам Митто кратко поклонился, отвлекая от мыслей. Быстро произнес:

- Господин, Калькары покинули Бал. Они собирают добычу для пира.

- Хорошо, Адам. Сколько у нас кандидатов на обращение среди гостей?

- Немного, господин, - вампир нерешительно помолчал. - И ни один, на мой взгляд, не способен справиться с вечностью.

Тонкие пальцы владыки рисовали на подлокотнике кресла невидимый сложный узор. Только ему казалось, что он полностью разгадал авантюру Конора, как какая-нибудь нить-интрига шелком выскальзывала из рук! Проклятый низший...

- Поразмышляем вслух, Адам, зачем Конору может быть нужна армия так называемых

"низших" carere morte, ведомая единой мечтой?

- Для войны? - Митто нахмурился. - Они будут слабы и против нас, и против дикарей, и против охотников, к тому же через пять-десять лет, когда все низшие станут высшими, от его армии не останется ничего. Хм... Значит, Конор в любом случае надеется управиться с приведением «мечты низших» к реальности за пять-десять лет...

- Он торопится. Обращает себе соратников уже и у меня под носом.

- Но если его армия не для войны, то для чего? - Адам в волнении поиграл пальцами, обрисовывая в воздухе новую догадку. - «Для обороны» звучит так же смешно. Может быть, для поиска? Сам Первый вампир, Макта, когда-то создал carere morte как средство поиска, помните эту легенду, господин?

Дэви поднял палец, останавливая его:

- Поиск... да! Тень на пустоши просыпается, я чувствую. А у Тени всегда должен быть направитель... Голос Бездны.

Он замолчал, задумавшись об этой легенде, на самом деле бывшей реальностью. Во все приходы Тени в их мир у нее был направляющий. Смертный с особым чутьем на Бездну, его звали Голосом Бездны. Обычно еще до того, как он понимал, что за силу способен призвать в мир, за влияние на него начинали бороться смертные и бессмертные. По расчетам владыки, сейчас он был еще ребенком - Тень пришла в движение семь лет назад. По-настоящему Голос Бездны вступит в игру лет через десять, когда подрастет и осознает свои необычные способности. Гм, та же цифра... Может, то что они видят со стороны низшего - подготовка к старинной игре за власть над Тенью?

- Контролируя Голос Бездны, контролируешь Тень. Конор может внушить Голосу Бездны направить Тень против нас! - прошептал Митто. - Но как он ищет Голоса Бездны? Его невозможно распознать, пока его сила не выдаст себя. Какие он нашел признаки?

- Возраст, Адам. Голосу Бездны сейчас должно быть около семи лет. И, возможно, эмоции. У Голоса Бездны они необычайно сильны, ярки...

- Значит, низшие изучают эмоциональный фон людей, находят яркие следы и проверяют их, - Митто хмурился все сильнее. - Если они найдут Голос, своими чарами они могут вызвать у него бурное проявление эмоций, и тот окончательно пробудит Тень...

Хелена в волнении схватила Адама за руку.

- Нужно опередить Конора, господин! - звонко воскликнула она. - Подкупить его подданных?

Дэви усмехнулся:

- Не выйдет. Конор нашел какой-то способ связи низших, подобный связи кукловода и кукол. Все низшие покинули бал по одному его мысленному приказу, я следил. Он сплел некое подобие мысленной сети, связывающей всех, обращенных им. Предательство на его стороне исключено.

- Тогда найти их всех и уничтожить как род бессмертных!

- Мы сможем отыскать только старших из них, тех, что достаточно приблизились к высшим, остальные на наш взгляд не отличаются от людей. Капля в море.

- Тогда обратимся к поиску не низших, а Голоса Бездны? - предложил Адам, но тут же оборвал сам себя. - Только мы не различим Голос Бездны среди людей по его эмоциям, а иных признаков, кроме возраста, нет... Хм... Нет, нельзя, чтобы Голос Бездны попал в руки низших! Если умертвить всех семилетних...

Дэви поморщился.

- Слишком рискованно, Адам. Орден поймет, кто стоит за смертями детей. Войны с охотниками я не хочу.

- Охотники примут нашу сторону, когда узнают о планах Конора. Орден, как и вы, поддерживает Равновесие.

- Конора за двадцать два года не убил ни одного человека, его подданным довольно капля крови, в его планах мир с минимумом людских смертей. Орден может усомниться, чей вариант Равновесия лучше, - Дэви раздраженно махнул рукой, приказывая Адаму с подружкой уйти. - Убирайтесь. Мне необходимо все обдумать.

Он задержался в зимнем саду еще на полчаса. Дэви неподвижно сидел в кресле, рассеянно слушая музыку струй воды и журчание струн в зале. Владыка сердился. Одно он Адаму не сказал. Если он не справится с выскочкой-низшим, он больше не над миром и эпохой, он - еще одна жертва нового прогрессивного времени. Уже не бог.

Дэви в задумчивости рисовал узоры на подлокотнике кресла. Узоры, стягивающиеся в петлю, которую так мечталось затянуть на шею противника...

Придется принять удачный первый ход Низшего. Выжечь паутину Конора немедля уже невозможно, остановить его поиски Голоса Бездны также. Хорошо организованная армия последователей, общая мечта, недоступные высшим возможности поиска и связи - всё это сильные стороны противника. Но все их можно обратить в слабости... Дэви почувствовал нетерпеливое жжение в кончиках пальцев, поднимающееся в мышцы рук, спины, распространяющееся по телу, как перед вечным боем с врагом. Преимущества низшего ясны, пора вспомнить свои преимущества. Он все еще сильнейший и мудрейший в Терратиморэ вампир, жалкий двадцатилетний опыт Конора не сравнить с его двухвековой вечностью. Что, если запутать Конора? Пусть он ищет Голос Бездны, но не там, где он есть и... не того, кем он является. Низший растратит на это ресурсы жизни, обратится высшим и по мысленной сети передаст страх перед Бездной подданным. Тогда, на пороге превращения в высших, Дэви легко найдет и уничтожит их. Итак. Организовать ложные поиски Голоса Бездны со стороны высших. Указать местом поиска Карду, чтобы локализовать кампанию в пределах одного города. Ищущих Голоса Бездны высших в настоящий план не посвящать на случай их мысленной проверки Конором. Низший купится, перетащит армию сюда, Дэви останется вовремя вырезать их, как опухоль. Только какой же признак Голоса Бездны указать высшим, что будут его искать? Возраст? Недостаточно. Это должен быть такой же необычный, яркий знак, как след эмоций, по которому идут низшие. При этом - что-то доступное для проверки только высшими, чтобы Конора поволновался. Чтобы он забеспокоился так же, как заставил забеспокоиться владыку... Что же?

В переливчатых струйках фонтана то тут то там играло бликами золото. То же, которым полнился зал Бала: свет, так похожий на солнечный... Пальцы все скорее, беспокойнее, рисовали ту же петлю, и Дэви уже не мог разобрать, на чьей шее она затягивается. Беседа с чутким к чужим эмоциям низшим разбудила странное ощущение какого-то внутреннего смятения, чуждого гордому владыке бессмертных, знакомое тому, кем он был когда-то... человеку. Холодный ком в животе, теплое дрожание в горле, как у не в меру разволновавшегося смертного. Слабость. Уязвимость. Сомнение... Старый страх.

Ведь низшие, Голос Бездны, Тень - не самое страшное из того, что может внезапно явиться в мир. Есть иное, опаснейшее чудо. Впервые оно было явлено миру двести лет назад, и Дэви позаботился о том, чтобы быль о нем не просочилась в сознание новых поколений. Теперь даже участвовавшие в той истории *saegre morte*, даже бережно сохраняющие историю

Терратиморэ в своем архиве охотники считали его невозможной сказкой. Если это чудо ворвется в мир опять - разрушит все, что владыка строил, и вампирам не поможет ни тень, ни Голос Бездны.

«Оно не вернется. Оно забыто, заслонено другими легендами, стерто из людской памяти. Но до конца ли стерто... из крови?»

- Господин, я привел кандидатку, - от мыслей отвлек Клеменс Грата. Аристократ-вампиры ювелирно балансировал на самом краю ближнего круга владыки, но остерегался окончательной верности. Тем не менее это был очень полезный информант в Доне. Дэви поднял основательно потяжелевшую от дум голову, глянул на очередную кандидатку, и позволил себе легкое удивление, чуть приподняв бровь. Юная *carere morte* была из знаменитого рода Вако.

Маленькая, худенькая, с копной вьющихся светлых волос, она была наряжена в черное безвкусное платье, благодаря обилию плохо накрахмаленных кружев похожее на груды гниющих листьев. Типичный наряд дикарки... Эта Вако напоминала знаменитую прабабку Регину лишь особой, ведьминской резкостью черт тонко, как у всех аристократов Карды, выписанного лица - но напоминала так четко, живо, болезненно! Только, в отличие от той, новая Вако совсем не умела скрывать еще человеческие эмоции: рот кривился от волнения, пальцы нет-нет, да сжимали оборку на юбке. Заметив взгляд владыки, она присела в глубоком реверансе.

- Благодарю, Клеменс, - Дэви благосклонно кивнул, одновременно с этим указывая вампиру уйти. Он остался наедине с кандидаткой.

- Твое имя?

- Мира Вако, господин, - быстро сказала она. Голос, как у многих *carere morte*, был по-юному звонкий, но слабый, затухающий к концу фразы как задуваемая свеча.

- Сколько тебе лет?

- Семь бессмертных лет, господин. Двадцать семь смертных.

- Зачем до сих пор считать смертные года? - холодный голос выразил капельку удивления. - Думаешь, ты еще когда-нибудь сможешь вернуться к человеческому времяисчислению?

Мира опустила глаза:

- Нет. Конечно же нет, господин.

Зачем он спросил это? Или воспоминания о чуде, что он скрывает, вынудили спросить? Превращение в *carere morte* необратимо - вот, что все считают сейчас единственной правдой, и только Дэви знал, что это ложь. Можно вампиру избавиться от бессмертия, вернуться в жизнь и к человеческому времяисчислению. Есть особая сила, заключенная в золотой крови особого человека, - сила, возвращающая вампирам потерянную жизнь - вот то чудо, которое он сначала сделал сказкой, а потом постарался, чтобы забыли и сказку. Потому что невозможно богов сделать обратно смертными!

Нельзя богов делать обратно смертными, это разрушит все, чем он существует... Почему же, приказав другим забыть, сам он сегодня вновь и вновь вспоминает это?

Раздраженный, Дэви обратился к Мире куда строже:

- Итак, твоей вечности уже семь лет. Где ты была это время? Как охотилась?

Девушка вздохнула. Как и для всех дикарей, пожелавших отринуть дикарские привычки, чтобы войти в свиту владыки, для нее это был неприятный вопрос:

- Я охотилась в компании вампиров-дикарей в Доне.

- То есть убивала без разбора и без разбора делилась своим проклятием со смертными?

Мира робко, коротко кивнула. Дэви поморщился:

- Полный ответ!

Лицо, так тонко и точно отражавшее малейшую эмоцию, окаменело.

- Да, я убивала без разбору и обращала людей вампирами просто так, для удовольствия,

- раздельно, с толикой ненависти сказала она. Дэви довольно улыбнулся:

- Кем ты обращена?

- Обратил меня также вампир, которого вы бы назвали дикарем, господин.

- Этот дикарь заботился о тебе?

- Да, господин.

- И вы были любовниками...

Мира внезапно осмелела. Гордо вскинула голову, посмотрела прямо в центр тьмы за фонтаном - ему в глаза:

- Это не запрещено, господин. Его уже давно нет. Его убили охотники.

- Зачем же ты пришла ко мне, дикарка Вако? За семь лет вечности ты и не попробовала научиться владеть, как *carere morte*, собственной частицей Бездны.

- Господин, - голос Клеменса. Аристократ отошел недалеко и тревожно вслушивался в беседу протеже с владыкой. - Я заметил ее после того как она совершила нападение на охотников во главе группы дикарей. Им удалось разбить защиту ордена. Она учится контролировать свою Бездну, господин.

Дэви чуть подался вперед, увлекшись:

- Вот как. Нападение на охотников - что это было для тебя? Мечь тем, кто погубил твою любовь?

- Нет! - ее лицо запылало. Мира заговорила, не подбирая слов. - Мечь - это примитивный, дикарский мотив! Он... мой создатель давно заслуживал попасться охотникам! То, что мы творили в Доне совсем не похоже на настоящую вечность, настоящее бессмертие *carere morte*. Поэтому я пришла к вам, владыка.

Выдохнув это, она затихла, ожидая его слов. Дэви поднялся из кресла Мира чуть отступила, когда ног коснулась его растекшаяся по полу тень.

- Что ты готова мне предложить, Мира Вако?

- Свою верность, - почему при этих словах потемнело ее лицо? Какое горькое воспоминание его коснулось?

- Что ж, я принимаю ее, - молвил Дэви. Он прошел к выходу из зимнего сада. Вако боязливо, но с любопытством следила за ним, как за опасным, но прекрасным зверем.

Играли очень быстрый вальс, и зал наполнила кавалькада пар. Виола, еще одна *carere morte* из свиты владыки, поднявшись на сцену в центре зала, тянула тонкую высокую завораживающе красивую мелодию без слов - они тут были не нужны. Каждый слышал в волшебной музыке то, что хотел слышать. Разноцветие нарядов тонуло в заливающим все золотом мареве, а маски проносились перед глазами так быстро, что казалось, это одна маска и лишь одно прячущееся под ней лицо на всех - одинаковых кукол, пляшущих под музыку чар.

- Ты знаешь, кем была твоя прабабка, Регина Вако? - неожиданно для себя спросил Дэви. Мира робко приблизилась.

- Ее называли ведьмой, *carere mortей*. Ходили слухи, она могла управлять Тенью, господин, как Голос Бездны.

- Верно. Ты знаешь, что такие люди рождаются каждое столетие?

- Да, господин.

- Тогда ты должна понимать, что наступает срок прийти следующему после Регины.

Девушка мелко кивнула.

- Голос Бездны нужен мне. Ты и Гектор Долус найдете его и тем докажете свою верность, - тихо сказал владыка. План еще только складывался в уме, но что-то будто толкнуло его сказать, как бывало и прежде. Дэви привык считать это благоволением Бездны. Это Она подсказывала, как действовать. А свите он расскажет все позже.

Мира нервно улыбнулась - осмелилась показать зубки. Она была заметно поражена.

- Но как нам искать его, господин? Вряд ли он представляется под таким именем людям!

- Ему сейчас должно быть семь лет.

- И все, господин? Вести к вам всех семилетних?

Дэви поднес сложенные ладони к губам, будто собрался помолиться. Какой ложный признак указать, чтобы весь план сложился? По-прежнему ничего нет в голове, кроме тревожных бликов солнечного света - завораживающего и ужасного знака из старой сказки о чуде, которое он всем приказал забыть...

«А, может быть, указать его? Вдруг чудо вернется? Нужно проверить, убедиться, что оно исчезло!»

- Никого никуда не нужно вести, Вако, - слетело с губ. - Двести лет назад я своими глазами видел того, кто был тогда Голосом Бездны. До обращения в *carere morte* у него была особенная на вкус и взгляд вампира кровь. Горькая и пронизанная золотым сиянием, точно солнцем. Для проверки вам будет достаточно увидеть хоть каплю.

- Золотая горькая кровь? - не удержавшись, переспросила Мира и тут же замолчала. Только еще какой-то несказанный вопрос застыл на ее лице.

- Что, Вако?

Девушка вздрогнула, опять смешавшись. Опустила странно живые глаза:

- Нет, ничего, господин. Есть вопросы, которые может быть слишком дорого для себя задавать владыкам.

- Вновь верно, - он усмехнулся: а эта девочка понятливее Конора. - Ты мне нравишься, Мира Вако. Только отныне никаких дикарских замашек. Не более одной жизни в месяц и в будни, и в праздники, начиная с этой ночи, и запрет на инициации до моего нового распоряжения. До сих пор Бездна владела тобой, теперь ты должна научиться владеть Ею. И главное, помни, новая Вако: мне ты нужна без твоего прошлого.

- Да, господин. Я готова отдать вечность служению вам. Вам, не нелепой Пустоте дикарей.

Дэви усмехнулся и разрешил:

- Иди, веселись.

Он смотрел, как Мира влилась в водоворот танцующих маленьким черным пятнышком, как ее тут же подхватил, закружил такой же недавний дикарь, Гектор. Дэви усмехнулся. Разговор ли с очередной Вако или чары мелодии Виолы помогли, но он вновь был спокоен. Он достойно ответил на удар низшего. Невидимая битва с Конором за власть над Тенью и землей страха началась.

К рассвету Дэви со свитой возвратились в дневное убежище владыки в горах за Кардой. Предутренный город отсюда казался далеким морем огней в чаше островерхих скал.

Высокий и массивный, кажущийся черным продолжением одинокой горы - Стража, замок герцогов Дэви стоял здесь, еще когда не было *carere morte* и их земли страха, когда за власть над Терратиморэ сражались пять государств. Древний оплот, достойный владыки бессмертных, с укрепленными стенами и башнями, обшитыми железными листами двери, обширными подземными помещениями, где можно спрятать и армию кукол, и живое угощение для богатого вампирского пира, с роскошными залами и теряющимися в бесконечности коридорами. Но, разносторонне пользуясь поистине королевским видом «Тени Стража» - такое название носил этот замок, сам Дэви, последний потомок знатнейшего в Короне рода, давно не звал и не считал это место домом. «У истинного бога нет дома. Его дом - мир, и мой дом - вся земля страха», - так он говорил всем, но в сердце помнил, что неприятие замка предков имеет совсем иные корни, лежащие глубже, чем вся его двухсотлетняя вечность - еще в смертной жизни и предательстве отца и брата. В ярости он убил их тогда, с тех пор добрая память об общем доме смылась пролитой кровью. Дэви все двести лет чуял тут ее запах. Запах ненависти, запах скорби...

Он со свитой спустился в трапезную над подвалами. Когда-то этот зал с огромным очагом в центре и замкнутым кругом столом было сердцем замка, местом сбора всей большой фамилии. Став бессмертным, владыка постарался изгнать память о прошлом, прежде всего, отсюда. Со стен ободрали резные панели, обнажив массивную каменную кладку, окна под потолком наглухо забили досками, не пуская внутрь солнце. Очаг в центре более не разжигался. Слуги владыки лишь зажигали здесь немногочисленные канделябры на стенах, освещая поверхность стола, выскобленную до белизны, но все же пахнущую кровью.

- Своими действиями на балу Валерий Конор бросил вам прямой вызов, владыка, - решил отметить Клеменс Грата, когда первые бокалы были выпиты. После принятия протезе в свиту, аристократ преисполнился самоуверенности. - Ужасный век настал! Быстрый, самоуверенный. Если в такое время пробудится Тень... - Грата многозначительно вздохнул, хотя сам был обращен едва ли двадцать лет назад и не мог видеть ни предыдущие века, ни предыдущие визиты Тени. Дэви хотел сказать это вслух, но ограничился тем, что монотонно засмеялся.

- Тень не опасна для нас, если Голос Бездны на нашей стороне, - громко сказал он.

- Как мы с вами выяснили, господин, Конор уже занимается поисками Голоса, - равнодушным светским тоном заметил Адам, поигрывая пустым бокалом. - И вряд ли затем, чтобы подарить его вам, скорее, чтобы сразиться с вами за власть над землей страха. Придется собрать собственную армию, чтобы опередить его.

Дэви отметил, как при упоминании армии загорелись глаза Магнуса и Сесилии. Брат и сестра так и подались вперед, готовые внимать господину. Дэви уже знал, что им грезится: орды крылатых марионеток, война с низшими, а потом и война с охотниками за Дону. Калькары никогда не умели остановиться вовремя.

- Это мы обсудим, - негромко, но веско пообещал он и поднял бокал. - За Равновесие!

Кровь, что он пригубил, чуть горчила. Как память. Как пепел вперемешку с пылью в потухшем двести лет назад очаге в центре зала... Раздосадованный лишними, вновь неведомо из каких темных глубин сердца всплывшими чувствами, владыка громче чем нужно поставил пустой бокал с полустертым гербом Дэви на стол.

- Пусть Конор собирает армию. Главное, чтобы он собирал ее под нашим контролем. Хелена, - подруга Митто встрепелась, - распусти слух, что владыка Дэви ищет Голос Бездны в Карде и только в Карде, потому что по колебаниям Тени определил: он здесь,

близко. Скажи, что мы завтра же начинаем его поиски.

- Вы хотите отвлечь Конора ложными поисками? - вкрадчиво спросила Мелисса, красивейшая в свите чаровница. - Кто будет их вести?

- Юные Гектор Долус и Мира Вако.

- Вы могли бы поручить это нам, господин, - немного обиженно заметил Магнус.

Дэви легкомысленно махнул рукой:

- Для чего утруждать вас, старейших, вернейших? Пусть юные устроят грызню. А нам будет чем развлечь себя в грядущие годы в Карде.

- Мне ясно почти все, господин, - глаза Адама хитро сверкали. - Но что, если Голос Бездны, и правда, в Карде, и низшие найдут его?

- Если б Голос Бездны был в Карде, Тень стремилась бы к нему. В прошлый раз она лучами вытянулась к дому Вако задолго до того, как Регина осознала, что она - Голос. Сейчас подобного нет. Только Конор, как и ты, родился позже Регины и этого не знает, - Дэви хитро улыбнулся.

- Какой признак Голоса Бездны вы указали Долусу и Вако? - Мелисса хмурилась, но это делало ее лицо лишь милее. - Что, если он встретится им у какого-либо человека? Они решат, что он и направляет Тень!

- Это невозможно, - спокойно сказал владыка и почувствовал, что пальцы в судорожном испуге до хруста костей сжали край стола. Он постарался расслабить хватку.

- Я указал Вако как признак Голоса Бездны золотое сияние крови, которое ранее принадлежало иному опасному существу - Избранному, и навсегда потухло двести лет назад, - молвил он. - Мой господин, владыка Алитер, нашел способ погасить его. Избранный и исцеляющий Дар из сказок не вернуться.

Увы, сказав это, внутренней уверенности Дэви не почувствовал. Пока никто не заметил, он щелкнул пальцами, и слуги вывели к гостям даму, украденную перед балом. Мелисса хорошо зачаровала ее. Она осталась, какой спешила к дому Бала: радостной и безмятежной, полной предвкушением праздника. Воплощение Карды - прекрасной и покорной, без сопротивления, с тихим восторгом отдающей бессмертным свою кровь уже четыре века.

- Угощайтесь, - велел Дэви широким жестом. Но сам не остался вкушать жизнь, что так желал прежде. Воспоминание об Избранном не уходило. Мерещилось, едва *carere morte* вскроют женщине вены, оттуда потечет сияющая золотом кровь.

Вместо трапезы владыка поднялся в галерею между двух центральных башен. Меж окнами, заостренными кверху как копья, тут были развешаны зеркала, большей частью разбитые, и даже звонкий каменный пол под ногами был усыпан осколками, в ночной тьме похожими на бездонные колодцы. Тут никогда не зажигали света - ни лампы, ни свечи. Днём пустую галерею заливало солнце, ночью звёзды и царица-луна гляделись в её зеркала.

Его *carere morte* ненавидели Зеркальную галерею. В отражении зеркал всем вампирам является собственный, без чар, неживой, выпитый проклятием облик: истощенный, болезненный. Никто не выдерживает его вида долее мгновения: от испуга, неверия, ужаса смотрящего зеркало трескается и рассыпается. Иногда Дэви думал: если б являлось крылатое чудовище, было бы проще, но являлся изможденный собственным безумием человек - именно это бессмертным страшно. Он и сам не любил видеть себя без чар, поэтому еще в начале владычества отыскал единственное место в галерее, откуда мог видеть большинство зеркал, а сам не отражался ни в одном. С тех пор для владыки галерея стала любимым местом допросов провинившихся вампиров. Здесь Дэви открывалась вся правда о подданных

carere morte, и он расслабленно мечтал однажды через нее коснуться истинной Бездны и овладеть всей Ее силой.

Зеркала на стенах и полу галереи чернели дырами, до краёв полными пустотой. Дэви вглядывался в них, пока не уловил быстрое мелькание черных крыльев одинокого carere morte в отражении окна. Кто-то спешил сюда. Скоро угловатая тень скользнула в галерею. В вихре снежинок сбросила плащ крыльев, открыв человеческий облик: тонкая черноволосая женщина, с лицом, носящим отпечаток страданий, но еще красивым.

Клара-пророчица. Сердце глухо стукнуло. Эту гостью он ждал и боялся. Она помнила его человеком, а Дэви не хотел увидеть себя-человека ни в одном зеркале, пусть всего лишь в зеркале туманных глаз полубезумной.

Клара чуть наклонила голову в знак приветствия, как всегда скрывшись за длинными, дождём спадающими волосами. Дэви жестом пригласил пройти во внутренние комнаты замка, но она отрицательно качнула головой:

- Люблю это место. Давайте останемся в галерее, господин.

- Что привело тебя, Клара? - с некоторой тревогой спросил Дэви.

- Кларисса, господин, - поправила гостью, смиренно не поднимая глаз. - Прошу простить, что не оповестила вас загодя о визите, владыка. Мне пришёл ответ на незаданный ещё вопрос, и я хочу услышать вопрос от вас.

- Вопрос?

- Задайте мне его и услышите ответ.

- Что ж, - обронил Дэви и замолчал надолго. Он опять поднёс сложенные ладони к губам, словно собирался помолиться. Владыка собирался с мыслями. Покачнулся, сойдя с места невидимки без отражения, и фигура со склонённой головой отразилась в десятках треснувших зеркал.

- Расскажи мне сказку о Даре, Клара, как ее раньше рассказывали люди.

- Сказку об Избранном? - она качнула тяжелыми черными волосами. - О чуде исцеляющего Дара?

- Да.

- В тот час, когда волей первого Арденса родился Первый вампир, к людям пришел великий Дар. Он выбирал одного человека и сопровождал всю жизнь. Дар позволял ему видеть истинную суть вампиров и исцелять их, делая обратно людьми. Но никто из Избранных не пожелал по-настоящему воспользоваться своей силой. Может быть, они боялись вампиров, может - ответственности за судьбу земли страха. А однажды Избранный вовсе пожелал стать вампиром. Его обратил ваш господин, Алитер...

- Довольно, Пророчица. Ты сама веришь в исцеляющую силу Дара в наши дни? Может способность исцелять проклятие carere morte вернуться к нему через века?

- Дар не уничтожен. Его исцеляющая сила заслонена, будто ширмой, проклятием Алитера. Но почему исцеляющий Дар вдруг так обеспокоил вас, владыка?

Дэви вздохнул:

- Тень возвращается, Клара. Я отдал приказ найти того, кто сумеет ее направить. Голос Бездны.

- Кларисса, господин, - она опять упрямо тряхнула волосами. - Так причём здесь Дар? Голос Бездны и Избранный вовсе не связаны. Однажды способности призывать Бездну и прогонять Бездну совпали в одном человеке, но это было лишь раз. По сказкам Избранные являются чаще.

- Знаю. Но я дал группе поиска знаком золотую кровь Избранного. Нужен был признак, какой не отыскать в реальности. Поиски Голоса Бездны с нашей стороны - обманка, чтобы Конор вел свои под моим невидимым контролем. Бездна подсказала вспомнить легенду о Даре.

Клара, помедлив, кивнула. В тишине ветер звенел осколками зеркал.

- Вы не задали вопрос, из-за которого я пришла, господин, - напомнила она через минуту. Дэви усмехнулся, готовя себя наконец задать его.

- Ты всё ещё полагаешь, что твой туманный ответ будет полезен мне?

- Это вам решать, господин. Спросите меня... или прогоните.

Дэви отвернулся. Неподвижно глядя в ночь за окнами, сумел спросить:

- Тень пробуждается. Грядет большое нарушение Равновесия, верно, Клара? Через кого оно придет?

Он почувствовал, как в ожидании её ответа вдруг трепыхнулось сердце. Вновь это неприятное чувство. Недо-пустота. Недо-вечность. Недо-бессмертие... Уязвимость.

- Я узнаю тебя, Воланс, - тихо проговорила Кларисса, и он дрогнул... и вцепился в раму зеркала. - Ты снова боишься, что твой божественный трон будет низвергнут, и в этот раз боишься верно. Равновесие уже нарушено, и чаши будут качаться, пока не падет старый мир. И не ты, не Конор, не проснувшаяся Тень его нарушит, но золотая кровь из старой сказки.

- Нельзя вернуть Равновесие? - в виске заворочалась игла боли. - И... золотая кровь?! Но эта возможность потеряна!

- Воланс, чудо произойдет, что бы ты ни предпринимал, как бы ни старался задавить его. Не ты ли сам сегодня ночью призвал его, вспомнив и рассказав юной Вако про золотую кровь? Разве Бездна подсказала тебе это? Может быть, собственное живое сердце? -

Она ушла, больше ничего не промолвив, не попрощавшись - вполне в своём духе. А Дэви продолжал глядеть в хмурое небо и когда тонкая, ломкая тень его гостьи растворились в грязно-серых облаках.

Ветер разыгрался не на шутку. Выл, хлестал стены, ударял в окна, заставляя стёкла жалобно дребезжать. Он взметал снежные тучи, стирая границы между небом и землёй, пряча мир в белой мути. И Дэви в этой круговерти мерещились белые глаза еще одного старинного врага. Как много их было там, в минувших столетиях, и все стремятся прорасти в настоящее, урвать кусочек его вечности...

Он сердился. «Подсказало сердце», - что за чушь! Но собственная злость подтверждала: все правда. Сила низшего всколыхнула его эмоции, его почти стертые человеческие чувства. Ведомый ими, Дэви зачем-то вспомнил золотую кровь.

«А, может быть, Клара ошиблась. Она ошибалась много раз».

Владыка простоял на галерее до рассвета, созерцая тьму ночи и слушая молчание мира. Когда наступающий день смыл с неба густую чёрную краску, возвратив ему болезненную бледность, а о зеркала ударились первые лучи солнца, Дэви покинул галерею. Хлопнула дверь, ведущая в правую из двух главных башен замка. Ночной мир погружался в сон.

Глава загрузная, с кучей интриг и информации, поэтому картинка будет контрастно веселой. Кроме Дара владыку вампиров мучает еще много-чего...

Комментариями испорчена иллюстрация Alle Alle)

Глава 2 Сказка с хорошим концом

ГЛАВА 2

СКАЗКА С ХОРОШИМ КОНЦОМ

Мира покинула бал за час до рассвета вместе с большинством бессмертных гостей. За их спинами расхрабрившиеся люди завели змейкой вокруг колонн последнюю веселую фарандолу. Ноги гудели от подзабытой нагрузки, жесткий корсет неприятно стягивал разгоряченное пятью десятками танцев тело, но иллюзия человеческой усталости разбивалась о молчащее в груди сердце и неумолимо набирающее силу ощущение пустоты внутри.

Мира обошла дом и углубилась в сад, надеясь преобразиться и улететь незаметно для окружающих, но тут уже были люди. Охотники в черных плащах, накинутых поверх нарядной бальной одежды, докалывали серебром низших - всех, обращенных этой ночью.

- Угадай, по чьему приказу они это делают? - мрачно заметил подошедший Гектор.

- Владыки Дэви?

Он кивнул.

- Никогда бы не подумала, что охотники и вампиры могут быть заодно.

Гектор усмехнулся. В голем зимнем саду смешок прозвучал зло и одиноко.

- Охотники воюют только с теми, кто не умеет защитить себя силой Бездны, с теми, кого убить легко: дикарями, низшими. А с Дэви у ордена договор о сотрудничестве.

- Ты шутишь?

- Ничуть. Дэви и орден делают одно дело: поддерживают равновесие без больших войн.

Они две главные силы Терратиморэ, и обе не заинтересованы в том, чтобы появилась третья. А ты думала, охотники на балу будут, рискуя жизнью, защищать людей? Нет. Это исконно вампирский праздник, орден старается не раздражать владыку, и все. Трусливые шавки, вот они кто, - его тон стал резок, голос излишне громок. Вампир почти кричал, чтобы не слышать свиста серебряных мечей. Но до обоих все равно донесся отдаленный гром покотившихся на тропу голов.

- Думаю, мы здесь слишком задержались, - внезапно охрипшим голосом сказала Мира. Ритуал охотников на мгновение вернул в прошлое, и она увидела другой сад и другую группу служителей ордена, судьями вставшую над пленными *carere morte*. Сквозь свист мечей и грохот голов, через года донесся безумный последний смех любимого.

- Да, - также тихо согласился Гектор. - Идем, пока нас не заметили.

Он предложил руку. Мира, чуть помедлив, вложила свою ладонь в его. Симпатию вампира она заметила в начале Бала, но еще размышляла, отвечать ли. Впервые за пять одиноких лет появилось желание прикоснуться к чьим-то волосам, рукам, сердце болезненно-радостно резонировало чьему-то голосу, а взгляд скользил по мужским кистям рук, запястьям в то время как воображение достраивало сильное тело, скрытое костюмом. "Ты так можешь влюбиться, Мира," - отметила она и ощутила грусть... и радость. Радость освобождения от образа первой роковой любви и грусть оттого, что понятие смерти близкого теперь по-новому явилось ей. Вот так. Та, что любила тебя, утешается, флиртуя с другим, и даже не испытывает чувства вины. А тебя нет, нет, нет - ни призраком, ни сном, ни возмездием.

- Завтра начнем поиски обладателя золотой крови, - сказал Гектор. Они тем временем

вышли на чистую площадку в саду, где по периметру идеально ровного круга были расставлены изящные витые скамейки. Деревья склоняли над ними кроны, оставляя свободным небольшое пятнышко неба, достаточное, впрочем, чтобы распахнуть крылья.

- Немного странное задание мы получили, - заметила Мира.

- Очень странное. Но обсудим завтра. Где тебя искать? В доме Вако?

Мира улыбнулась:

- В дом Вако ты просто так не войдешь: по воле прабабки все, приходящие без приглашения, получают ведьмино проклятие. А тебя приглашать я пока не собиралась. Встретимся на Старом мосту.

Она вдохнула, резко выдохнула, и из горла вырвалась тень, окутала фигуру, распахнулась за спиной двумя крыльями. Мира взлетела. Не прощаясь, рванулась в узорчатый просвет наверху. Сумбурная ночь заканчивалась. Она начала ее дикаркой, а закончила в свите владыки. Мечта последних лет сбылась: ее приняли в обществе высших. О, она будет верно служить владыке и однажды получит право сама именоваться богиней! Почему же не радостно, откуда тяжесть на сердце?

Пришлось забраться высоко, чтобы окинуть взглядом город. Дом Бала - особняк графов Вальде сверкающим бриллиантом выделялся в ожерелье Короны, северного район города. Корону, а с ней и весь город делил надвое Несс - река, в свою очередь ровно как по линейке пересеченная черточками мостов. К западу от Несса на холмах предгорья расположился Сальтус, новейший район Карды, с клетями одинаковых кварталов, к востоку - центральный и самый обширный, Патенс, и следом старейший, темный, с редкими звездами фонарей над дверями домов, Вастус. За Вастусом же было только черная пропасть громадного кардинского кладбища и севернее - руины Старого города. По остаткам крепостной стены, храмов и дворцов угадывался облик бывшего города, как по человеческим костям угадывается облик человека и то, как его настигла смерть. От руин начиналась белая дорога Виндекса, у церкви Микаэля переходящая в длиннейшую в Короне Карнавальную улицу. Вся Карда была нанизана на нее, как на меч.

Через полчаса, нагулявшись, Мира опустилась на Старом мосту через Несс, недалеко от дома Вако. Концы крыльев чиркнули по холодным каменным перилам, оставив два тонких, как от бритвы, пореза.

Дом Вако был за спиной. Не поворачиваясь, Мира чувствовала на себе взгляд темных, глубоких, как глазницы черепа, глаз-окон. Она давно ждала этой встречи, мечтая проверить себя. Что почувствует, когда увидит вновь дом, где началась ее вечность, где они с обратившим ее прожили первые, самые счастливые и самые страшные месяцы? Что накатит волной и погребет под собой: тоска, злость? Равнодушие? Как же Мира хотела последнего! Уйти из-под власти жестокого прошлого, разорвать его оковы. Пять лет после смерти любимого оно придавливало железной дланью к земле, теперь пришла пора скинуть ее. За этим - за освобождением она пришла в свиту Дэви... Обернись же, Мира, посмотри на дом!

Порыв ветра ударил в лицо, и Мира вынужденно вдохнула знакомый, холодный от присутствия не-жизни, тяжелый от чар, пахнувший кровью воздух. Тело задрожало. Все вокруг было как тогда, в далекую ночь обретения бессмертия, и эта память не желала уходить. Яростно сигналила запахами, звуками... знаками. Улица за мостом была знакомо пуста, будто дочиста вылизана: ни людей, ни экипажей. Знакомые чёрные тени залегли в глубоких четырёхугольных глазницах домов. Тот же ветер, с ночи ее обращения не раз облетевший страну, шалил: подкидывал крупу снежинок и вновь бросал на мостовую.

Холодный ком встал в горле. Горечь полилась по сосудам вместо крови, ядом заполняя тело. Одна Бездна знает, что намешано в нем: обида, ненависть... отчаяние:

«Я не хочу больше вспоминать это! Все в прошлом. Бездна, пожалуйста...»

Дойдя до пика, перевалив через него, эмоции угасли. Быстро, полно, только отголоском в груди билось разбуженное приступом отчаяния сердце. Мира медленно обернулась. Жадный взгляд охватил сразу весь дом на углу улицы, не оставив ни одной тайны. Ничего сверхъестественного. Просто небольшой и не самый богатый в Короне двухэтажный грязно-белый особняк в классическом стиле. Крыло большого зала, где когда-то гремели балы Карды, совсем обветшало, ступени бокового входа осыпались. Дом окружал маленький сад старых, как все тут, уродливо кривых яблонь. С каждым годом они вытягивали руки-ветви ближе к окнам, царапая стекла, но это никого не беспокоило. Ведь дом Вако пуст, никто не ждет ее здесь, кроме призраков памяти... Да и те с каждым новым шагом по знакомой дороге к воротам будут делаться из горьких сладкими и растворяться, исчезая навсегда.

Мира сошла с моста. Странно легко, будто влекомая потоком ветра, направилась к дому. Знакомым эхом отдавался под каблуками каждый камень мостовой. Знакомым холодом коснулся ладони поцелуй незапертых чугунных ворот. Да, когда-то она точно так же шла по дорожке, меж уродливых, будто войной искореженных яблонь-стражей, а еще живое сердце заходило в стуче.

А потом, на исходе ночи Мира открыла глаза в кресле в опустевшей гостиной, и первое, что нашла в вечности - жестокий своей ледяной прозрачностью взгляд создателя...

"Он не убил меня!" - радость от осознания себя живой сменяется тревогой: слишком много непривычных ощущений. Бросает то в жар, то в холод, и жар этот будто от расплавленного металла, текущего по венам, а холод как ото льда, кусками заполняющего тело. Как он говорил? "Я подарю тебе вечность"? Что же это, значит, она стала *carere morte*?

Мира открывает глаза. Она полулежит в кресле в темной гостиной. Гости-вампиры ретировались, остался один, обративший ее. Свечи наполовину сгорели, небо за окном плотно затянули тучи. Прошло несколько часов, но ночь еще та же. Обративший ее сидит на ковре у камина, протянув к огню синевато-бледные руки. На его белом шейном платке, манжетах пятна ее крови.

Мира глядит на свои руки: побелевшие, с тонкой синей сетью мелких вен. Голова кружится, ее захлестывает то огненный, то ледяной вихрь. Она *carere morte*... но как в это поверить? Его вопросы о вампирах, ее ответы, укусы - все это казалось частью игры, частью танца.

Кем она была? Просто двадцатилетняя девчонка, грезившая, как все, о любви и ее дарах. Может, немного стремящаяся с юношеским бунтарством к свободе без ответственности. Может, немного замороженная тьмой и ее сказочными детьми: оборотнями, призраками, вампирами. Но мечтала ли она о бессмертии? О питании чужими жизнями? Нет!

Как поверить, что все это происходит на самом деле в их мире: охоты в ночи, убийства тысяч людей ради прокорма, полеты над городами на черных крыльях? Невозможно...

Мира приподнимается, и лишенный смерти оборачивается к ней.

- Проснулась? - замечает он. Сейчас она впервые видит его без чар: бледное, очень... слишком молодое, почти детское лицо. Больной ребенок.

- Что ты со мной сделал? - шепчет Мира, но звука нет. Она в испуге хватается за горло, и вампир замечает этот жест.

- Ты ведь не дышишь. Вдохни побольше воздуха, тогда попробуй говорить, - глухо

командует он. Мира слушается. Скоро удастся выговорить первое слово:

- Холодно.

- Иди ко мне, погрейся.

Мира устраивается рядом на ковре, протягивает руки к углям, купает пальцы в тепле. Увы, лишь тень прежних ощущений: ее тело больше не держит тепло, тепло проходит сквозь него не согревая. Неужели так теперь будет всегда?

- Я стала *carere morte*? - набрав побольше воздуха, выпаливает она и понимает, что и голос другой. Звонкий, но дребезжащий, как у надтреснутого стеклянного бокала. Навсегда с изъясном.

- Да, - глухо говорит вампир. - Ты не состаришься, не умрешь, как человек, от болезней. Будешь пить кровь и летать в ночи на крыльях, как я. Солнце сжигает тебя, серебром можно ранить, ритуалом охотников убить. Я обратил тебя, я твой хозяин. Ты должна меня слушаться.

Мира неловко кивает, но он не смотрит в ее сторону. Надо разомкнуть губы, ответить ему, спросить еще что-нибудь, но Мира молчит. На языке вертится один нелепый ненужный вопрос, и она терпит, чтобы не задать его. "Почему ты обратил меня?" - никогда нельзя спрашивать это. Никогда. Что, если ответом будет: "Потому что мне было скучно"?

"Но ведь можно вернуться, - приходит трусливая упокаивающая мысль. - Если есть *carere morte* и верны все легенды о них, есть и охотники. Новообращенных, еще не попробовавших человеческой крови вампиров они исцеляют водой из источника Донума!

Вампир, будто чувствуя ее колебания, встряхивает руками, прогоняя с них ауру тепла, и поднимается.

- Не греет, да? Потому что теперь тебя согреет другое! - равнодушно замечает он, и глаза вдруг сверкают, как у зверя в ночи. - Летим охотиться!

И все еще можно отступить сейчас. Уйти, забыть странную ночь как сон. Но он говорит, словно знает, что она чувствует, и эти слова обезоруживают:

- Знаешь, что такое чары *carere morte*? Думаешь, они делают из тебя куклу? Думаешь, это я принудил тебя ко всем твоим признаниям? Нет! Чары *carere morte* не внушают чужие мысли, они высвечивают суть твоих собственных устремлений. Кто хочет быть героем, чувствует себя героем. Кто хочет блистать - блистает, кто хочет бояться - боится. Ты хотела подчинения... и пустоты, это и получила. Все честно.

- Да...

- Пойдешь со мной до конца? - его тон становится мягче, мечтательнее, но лицо все так же кричит. Мира уже поняла, что не сумеет унять этот крик, но и уйти, заткнуть уши, сказать себе, что не слышала его, не может.

- Я пойду, куда ты решишь, - выдыхает она с последним теплым живым воздухом, сохранившимся в груди. Вампир глядит испытующе... и вдруг его рука скользит за решетку камина, в самое пламя.

- Ты что?!

Его рука не дрожит, хотя кожа на пальцах, ладони идет пузырями и темнеет. Из нее сочится кровь и тут же с шипением вскипает, не успев упасть на угли.

- Не больно, - неестественно спокойно говорит вампир. - Если идешь со мной до конца, иди сюда, ко мне.

Мира вкладывает свою ладонь в его. Действительно, почти не больно. Совсем не так, как раньше. Они сплетают окровавленные, плавящиеся от жара пальцы.

Неважно, почему он обратил ее, пусть даже создателю было скучно. Мира идет за ним, потому что любит, потому что поклялась в верности. Когда она отречется от этой клятвы и любви, вот тогда станет по-настоящему неживой. Но не сейчас...

Мира, склонив голову, шла по дорожке к дому. Медленно, прислушиваясь к ощущениям, готовая в любой миг, что очередная пропасть воспоминаний разверзнется под ногами. Но чувствовала только равнодушие и голодную пустоту внутри.

«Все верно. В начале вечности я поклялась в верности одному, а сегодня, отрекшись от той клятвы, отреклась и от любви. Хладному владыке бессмертных отдала свою верность и власть над своей душой. Поэтому больше ничего не болит. Все умерло. Вот теперь-то я и стала по-настоящему неживой».

Собственное равнодушие к ужасной мысли лишь подчеркнуло истинность этого заключения. Мира поежилась. Взгляд скользнул по деревьям сада, и она замерла, не дойдя до крыльца. Прислоненный к яблоне, невдалеке, у тропки чернел небольшой фигурный силуэт. Бездна возьми, игрушечная лошадка?!

Какие-то дети играли в саду проклятого дома Вако и забыли игрушку? Невозможно. Мира не врала Гектору, особняк надежно охраняло проклятие выстроившей его прабабки, но еще сильнее его была зловещая память о ведьме Регине. К этому дому никто, кроме хозяев, не смел подойти близко.

...Или смел? И не просто подойти, а поселиться? Только теперь Мира сообразила: а кем обозначена тропинка, которой она идет к дому? Кто подмел крыльцо? Дом Вако не пустует... Но кто здесь живет?!

Невозможная догадка назойливо звенела на границе сознания... Мира взошла на крыльцо, погладила знакомую резную ручку в виде львиной головы. Потом сжала холодную руку в кулак и постучала трижды, чувствуя, как эти глухие удары отдаются болью волнения в теле.

Дверь долго не открывали, пришлось постучать еще - громко, требовательно. Наконец, послышались шаги, щелкнул замок. Дверь отворила служанка, женщина лет тридцати. Отворила - и отшатнулась. С ужасом смотрела она на гостью. Её лицо показалось Мире знакомым.

- Ты знаешь, кто я?

- Госпожа Мира Вако, - служанка избегала смотреть ей в глаза.

- Кто у меня дома? - зная, как зловеще это выглядит при ее резких, ведьминских чертах, Мира широко улыбнулась.

- Г-госпожа Линтер, - привычно учтивый тон.

- Агата?!

Старшая сестра. Смертная. Они не виделись с тех пор, как Мира уехала в Карду решать вопрос наследства отца с братом, Аланом. Отворившая ей женщина служила Агате ещё в столице, вот почему лицо показалось знакомым. Невозможная догадка оказалась единственно верной. Но внезапное возвращение к событиям и людям прежней, довампирической жизни ошеломило Миру. Она не могла решить, что делать дальше: уйти? Войти в дом?

- Ясно, - после паузы кивнула она служанке, делая шаг вперед... а не назад. - Любопытство? - может быть. И сила привычки: маленькая девочка возвращается домой, к старшей сестре. Женщина прижалась к стене, пропуская её. Она нервно теребила фартук.

- Ну-ну, - усмехнулась Мира. - Чего ты боишься? Это же я, малышка Мира.

Сама ошеломлённо озиралась по сторонам. Обстановка в доме за прошедшее время изменилась так же мало, как его вид снаружи. Холодный темный холл со стенами из простого камня, как в старинном замке. Из ниши под лестницей поблескивала паутина разбитого зеркала Регины Вако в тяжелой железной раме с мелкими узорами - око чудовища. Знакомая тёмная мебель, даже в зимнем утреннем мраке отливающие красным ковры... Возвращение было почти полным, не хватало лишь светлоглазого вампира, так долго державшего ее замершее, как пойманная птичка, сердце в клетке ледяных пальцев.

- Лина? - голос Агаты - как давно Мира его не слышала! - с верхнего этажа. - Лина? Кто пришёл?

Служанка взбежала на второй этаж. «Приехала ваша сестра», - доложила она, тревожно косясь на Миру.

Возглас Агаты: «Мира! Не может быть!». Мира сделала шаг к двери, но удрать не успела - сестра уже бежала навстречу. Лина поспешила ретироваться. Агата, подбежав, заключила в душные шумные, со слезами и всхлипами, объятия. Высокая ростом, чуть пополневшая за время, что они не виделись, брюнетка. Мира окаменела сначала, потом оттаяла и даже погладила сестру по теплой спине.

«Не спрашивает, где моя верхняя одежда. Даже не чувствует, что я такая же холодная, как деревья сада. Сильны же чары Карды!»

- Почему ты не предупредила, что приедешь? - спросила Агата, наконец, выпустив ее.

- Прошу прощения за столь ранний визит. Я полагала, этот дом в Карде пустует...

- Где ты пропадала? Почему перестала писать? Никаких вестей от тебя не было уже...

- Да, долго, - отрывисто сказала Мира, не давая сосчитать, сколько точно прошло лет.

Агата моргнула, и теперь стала заметна пленка сонного тумана в ее глазах - тумана чар Карды:

- Пойдем в комнаты, сестра. Сейчас все расскажешь.

«Кажется, нет необходимости выдумывать связную историю. В зачарованном городе Агата поверит всему».

- Надеюсь, у вас все хорошо, сестра, - доброжелательно сказала Мира. - Ты приехала погостить? А муж, дочь? -

Встреча с Виктором и Кристиной казалась совершенно излишней: подействуют ли на них чары Карды так же, как на близкую по крови сестру? Лучше б избежать этого...

- Хорошего мы не видели давно, - Агата вздохнула. - Дочь я потеряла. Пневмония... И Виктор погиб, три года назад. Ужасный случай! Его зарезали почти на пороге нашего дома в Доне... Теперь ты понимаешь, я была не в силах достойно вести твои поиски. Прости. В кардинский особняк мы переехали, потому что дом в столице после смерти мужа пришлось продать. Увы, мы разорены, осталась лишь бабушкина рента.

- «Мы переехали» - это вы с Линой? - вставила Мира. Про себя отметила бесчувственность этой реплики в свете несчастной судьбы сестры, но не стала смягчать. К Виктору и племяннице она прежде не была привязана, а за годы с дикарями отвыкла от игр этикета. К тому же, было просто не до того. Болезненно знакомо скрипели половицы паркета под ногами. Порхнуло рыжими крыльями пламя камина - Мира спрятала вспомнившую прикосновения углей этого очага, запылавшую болью руку в складки платья. Все возвращалось, только первая любовь оставалась в прошлом. Но от этого было и легко, будто от тела оторвали кусок плоти, но, избавленная от его тяжести, она теперь может взлететь. Равнодушие и голод - и более ничего, как подобает бессмертной богине. Да, она

окончательно перестала быть живой, и это... хорошо. Больше не больно, не страшно смотреть в пустую пропасть вечности впереди.

- Мама! - прозвенел вдруг детский голос наверху. Мира вздернула голову. За балюстрадой лестницы стоял ребенок лет шести-семи. В длинной белой ночной рубашке с кружевным воротником, золотистые вьющиеся волосы до плеч - но напомнил он ей не ангела. Светлые глаза, немного капризный изгиб бровей, тонкие губы - это был... он, ее создатель-вампир. Такой, каким он мог быть в детстве, до обращения.

- «Мы» - это мы с сыном, Мира. Это Винсент, - Агата грустно улыбнулась. - В феврале ему уже семь. Ты и не знала о нем...

- Мама, мне показалось, что к нам домой залетела тень. Я еще вчера про нее рассказывал! - говорил мальчик, спускаясь, но, заметив гостью, осекся и замолчал. Посмотрел хитро и неожиданно пронзительно. Этот взгляд легко проник сквозь покров чар, но ребенка не испугал бледный изможденный облик *carere morte*. Он посмотрел и сквозь тень проклятия - в человеческую суть и будто теплая маленькая яркая звездочка зажглась в сердце.

- Винсент? - обронила Мира и не узнала свой голос.

- Да, - спохватилась Агата. - Винсент, познакомься с тетей.

Пряча клыки, *carere morte* улыбнулась, и он смутился.

- Он маленький актёр, - засмеялась сестра, - не обращай внимания.

- Он не похож на тебя, - задумчиво сказала Мира.

- Да, он похож на отца.

- На Виктора? Разве?

- Нет, на нашего отца, сестра. Как и ты.

- Я останусь до вечера, - тихо сказала тогда Мира, все не отводя от мальчика взгляда. - Но я очень устала после бала... Поднимусь наверх, отдохну. Угловая комната в левом крыле свободна?

Агата рассеянно, но чуть тревожно глядела на неё:

- Всего на день? Но... как же завтрак? Приказать принести его тебе в комнату?

- Спасибо, нет. Я сыта, - уверенно заявила Мира.

Она долго заставляла себя отвернуться от Винсента... На второй этаж взбежала бегом. Заперлась в своей старой комнате и здесь схватилась за голову. Вот так. Думала, что сбежала от прошлого, а прибежала напрямик в его ловушку.

Как же тесно, душно! Вся комнатка - пять шагов. Мира измерила ее раз десять из угла в угол, потом упала на кровать, поднимая тучу пыли.

«До чего похож! Те же глаза. Те же, готова поклясться, повадки. Но... как? Почему?»

Пустые вопросы, ведь она уже знала ответ. Кровная связь - грязная связь...

...В ту первую ночь она плывет в руках своего создателя над Кардой, по-новому узнавая и город, и его жителей. По-новому видит дома - темные улы для роев звездочек человеческих жизней. Их совокупное сияние ярче всех звезд неба, и это успокаивает: ничего страшного, если они возьмут себе одну... или даже две.

Вампир ловит первую звездочку-жизнь на мосту через Несс. Мира мельком видит белую запрокинутую голову, белую открытую шею - и забывает. Проклятие *carere morte* ведет работу в превращающемся теле, новые ощущения обрушиваются с силой и скоростью водопада. Пустота в груди, требующая насытить ее, зуд в деснах, где уже растут новые острые клыки, угасшее дыхание и вялое, не бьющееся, лишь вздрагивающее сердце.

Мира сглатывает голодную слюну.. и отворачивается. Нет, право, это слишком. Когда кончится этот кошмарный сон, эта слишком страшная сказка? Вампир чувствует ее сомнение - как хищник ловит запах страха жертвы.

- О чем последнем ты думала? - вдруг спрашивает он, прямо над безвольным телом зачарованной жертвы - точно они ведут светскую беседу за обедом. - Когда я уже пил тебя, когда ты думала, что умираешь... Кого позвала последним? Отвечай!

- «О, боже», - помедлив, шепчет Мира. Вампир усмехается.

- Бога все зовут. Не сразу. Одни будут осыпать убийцу проклятиями, другие молить о пощаде, третьи гордо молчать, четвертые призовут любимого, детей или маму.. Но перед самым последним краем, за которым одна Пустота, все призывают бога. Интересно, почему? В Терратиморэ Его четыреста лет не помнят, в наших церквях славят только Арденса-Основателя Терратиморэ... Так откуда Бог?

- Я н-не знаю. Я просто очень испугалась.

- Да, да! - опять страшно, льдисто сверкают его глаза. - Просто ты увидела Пустоту, ту, что ждет за гранью жизни всех - и смертных, и бессмертных. На Ее последнем рубеже стоит призрак Бога. Четыреста лет назад Он тут властвовал, но пришли вампиры, и все увидели, что за Ним - Пустота. Теперь у нас два бога. Днем - Король Арденс, ему поют гимны, ночью - владыка Дэви, о нем шепчут страшные сказки. Но и они - лишь служители Пустоты...

Мира немеет от этих слов, а он увлеченно продолжает, и шепот постепенно переходит в ликующий крик:

- Нет божественного света, это ты поняла, умирая? Ничего нет, кроме Пустоты. Ни тебя ни меня, ни ее, - он встряхивает жертву за плечи. - Значит, и кары не будет! И страха... Страх нет. Повтори.

- Страх нет... -

Слабой рукой Мира режет предложенным им ножом белое, теплое. Получается неглубоко... несмертельно. Вампир перехватывает ее запястье, надавливает, направляет, и их руки заливают горячий сияющий поток жизни. Они вместе жадно пьют его, а потом в первый раз целуются липкими губами. Мира языком чувствует его длинные острые клыки, скрытые от глаз покровом чар.

...Потом они возвращаются в дом Вако. Мира вздрагивает, встретившись взглядом со своим отражением в разбитом зеркале холла. Волосы встали дикой нечесаной гривой, впалые щеки горят румянцем. Это лицо также... кричит, как лицо юноши-вампира рядом, до оторопи - теперь она замечает это! - похожее на собственное.

- Непростое зеркало, - замечает вампир. - Регинино. За ним тайник. Что в нем, знала одна ведьма Вако, вскрыть за сто лет его никто не пытался. Отец мне рассказал: снимешь зеркало, и все рухнет.

- Что «все»?

- Может быть, дом, может быть... мир.

- Я знаю только, что разбитые зеркала приносят несчастья, - голос обретает вдруг чрезвычайную звонкость, пронзительность. Мира чувствует неприятную разгадку того, куда подевался сводный брат, Алан Вако, но как же тяжело и страшно облекать ее в слова! - Зачем мы вернулись в дом Регины? Я думала, ты приведешь меня к себе домой.

- Это мой дом, - небрежно бросает он и, легко смеясь, идет по лестнице вверх. Мира отворачивается от своего одинокого, разрезанного на части трещинами отражения.

Вдруг просыпается дыхание. Это теперь больно, легкие как ножом режут изнутри. Но

она выталкивает лезвия - слова:

- Так ты - Алан? Ты мой брат?!

- Это сейчас важно? Это что-то изменит? - стоя за резной деревянной балюстрадой, он широко разводит руки, и вдруг тень вырывается из его губ, окутывает фигуру и расплескивается из-за плеч в стороны и вверх громадными, перепончатыми, как у летучих мышей, крыльями.

- Пути назад больше нет. Иди ко мне, сестричка, - зовет он. Тень искажает голос, выходит гудение, как вой или звук трубы, но Мира разбирает слова.

...Потом она поднимается к нему, на ходу расстегивая оставшиеся пуговицы на воротнике платья и манжетах, откидывает волосы назад, чтобы открыть шею и грудь для поцелуев. Алан, брат... - это, действительно, неважно, тем более, что его лицо сейчас закрыто маской тени. Она будет избавлена от того, чтобы видеть черты, так кошунственно похожие на собственные. Он прав: нет ничего, кроме пустоты его скуки и суеты ее любви, что свели их в проклятом доме в недобрый час. Тень обнимает Миру, тень целует ее тело, вливается в рот и распахивается за спиной такими же как у Алана черными крыльями.

Так заканчивается эта ночь: страхом и радостью первой близости, клеймом любовницы брата... и крыльями.

Мира проснулась ранним вечером и долго ленилась вставать. Она лежала в холодной постели и вглядывалась в темноту, пока на глазах не показались слёзы. Тогда закрыла лицо руками.

Она ненавидела Алана за то, что он не оттолкнул ее от края пропасти, а затащил с собой. В то же время признавала, что делала все по доброй воле, и за это ненавидела еще сильнее. За то, что его безумие оказалось сильнее ее любви - ненавидела. И все еще любила...

О, эта жестокая реальность! В которой предстоит встретиться с мальчиком, сумасшедше похожим на того. Она уже любила эти знакомые глаза на знакомом лице. И незнакомый покой и лишь детям присущую чистую ясность в них. Родные черты, родные ей мысли, мечты... родную кровь - и за них же ненавидела Винсента, как того, ушедшего... Как разговаривать с ним? Как хотя бы смотреть в любимые глаза на еще детском лице?

«Довольно!»

Мира отняла ладони от лица. Слёзы уже засохли на коже солёной корочкой. Опять дойдя до точки полной обреченности и отчаяния, она успокоилась. Какая бы неразбериха ни творилась в голове, а следует заняться делом. Странное задание Дэви кое в чем было несомненно полезным: отвлекало от бесплодных дум.

Она села в постели, занялась спутанной шевелюрой. Перебирала пряди волос и перебирала дела, которые группе поиска обладателя золотой крови нужно сделать сегодня.

«Для проверки цвета и вкуса крови достаточно капли. Область по группам людей обозначена: все дети в возрасте Винсента. Осталось обзавестись картой города и составить план проверки по районам. И так, чтобы Корона с домом Вако осталась последней».

Для чего это было нужно, Мира пока не могла ответить даже самой себе, только подспудная тревога, проснувшаяся от первого пронзительного взгляда мальчика, поднималась в сердце.

Она переделалась в дорожное платье, выскочила из комнаты в коридор, не в пример мрачному холлу светлый, со старинными шелковыми обоями пепельно-розового цвета, только испорченный дурацкими панно из засушенных цветов, развешанными, должно быть,

Агатой - раньше их тут не было. У самой лестницы в холл была приоткрыта дверь детской. Чуткий слух *carere morte* уловил за нею быстрый шепот Агаты и фоном за ним биение двух сердец. Сестра утешала сына. Не тень ли проклятия *carere morte* его беспокоит? Ее тень... Мира остановилась, осознав страннейшую вещь.

«Всех детей в возрасте Винсента!» - значит, в первую очередь, его самого! Кстати, перспективный мальчик. Взгляд не по-детски пронзительный, как у охотников. Но он даже не *carere morte* нашел под покровом чар, как умеют служители ордена, а будто проник глубже, дальше, к искалеченным остаткам человеческой души. Необычная зоркость, как в одной старой сказке, которую Мира слышала так давно, что это уже кажется сном... Но по ней особая пронзительность взгляда - признак того, кого называют Избранным. А другой признак - та самая золотая кровь.

«А вдруг обладатель золотой крови там, за дверью, и вовсе не нужно обыскивать Карду? Проверить легко...» - от этой мысли Мира почему-то похолодела. И, несмотря на холод, вопреки холоду, сердце особенно больно, звонко, как ледышка об ледышку, забилося внутри.

«Нет. Ерунда. Вспомни рассказ сестры. Винсент четыре года прожил в Доне, полной вампиров... и никто из дикарей не заметил золотую кровь? Да все дети расшибаются по три раза на дню! О, если б он был Избранным, об этом уже несколько лет кричала бы ночная столица!»

- Это не та сказка, мама! - капризный тонкий возглас за дверью. И спокойная, чуть усталая, как река в конце своего пути, речь Агаты:

- Это уже пятая сказка, солнышко. Какую ты хочешь?

- Чтобы хорошо кончилась, - прошептал Винсент.

- Если ты просишь сказку о вампирах, они все такие, сын.

Мира непроизвольно усмехнулась: верно, Агата! Хороших концов в сказках про *carere morte* не бывает.

"Кроме одной, все той же сказки о Даре и золотой крови Избранного", - подумалось тотчас, и теперь она улыбнулась - грустно, одиноко... и светло. Может, рассказать ее племяннику?

Она уже взялась за витую медную ручку, но Винсент понял голову на шорох, вновь точно и ясно взглянул на нее прямо сквозь дверь, и Мира отшатнулась. Быстро, стараясь не шуршать платьем, спустилась по лестнице. Нет, слишком страшно хотя бы встретиться с ним взглядом, не то что рассказать сказку! Знакомое лицо с незнакомым выражением не отчаяния, а покоя тревожило болезненно, как игла в не зажившей до конца ране.

Да что с ней, холодной *carere morte*, такое?! Старая любовь-боль возвращается, или... -

Спеша навстречу Гектору по аллее сада, Мира решила это не додумывать.

Ночь выдалась хлопотной, времени на обсуждение вкусной темы целесообразности самих поисков и тайных планов владыки вампиров не было. Полночи Мира и Гектор ругались над большой картой Доны и окрестностей, выбирая первый район поисков. Гектор стоял за Сальтус, Мира предлагала обратиться к началу города - Вастусу. Примириться не удалось, они в итоге направились в Патенс.

Простое в теории задание на практике оказалось тяжелой и сложной работой. Определить дом, найти проход сквозь естественную защиту человеческого жилища, пройти по комнатам, проверить каждого малолетнего ребенка... При этом не шуметь и постоянно следить, нет ли поблизости прохожих и служителей ордена.

Скоро они застряли у большого трёхэтажного многоквартирного дома на западной

украине Патенса. Защита от проникновения *carere morte*, невидимым куполом накрывающая каждое человеческое жилище, тут была необычайно сильна. Простую защиту стен высшим удавалось прорывать, пусть расплачиваясь болью и кратковременной слабостью, но эта была так плотна, что одна мысль о резком рывке сквозь нее вызывала дурноту.

- Интересно, - пробормотал Гектор, - оценивая коснувшись стены защиты рукой без перчатки. - Редко, когда над доходными домами защита сильна. Почему бы?

- Может, это Покров ордена? - наугад предположила Мира. В Доне, оплоте охотников, купола Покрова накрывали многие здания. Это была особенная, не естественная - заклятая защита, и пройти ее по легендам сумел только владыка Дэви и лишь один раз.

- Нет, - Гектор упрямо мотнул головой. - Ты что, в столице не пробовала коснуться Покрова ни разу?

- Я не настолько глупа, - Мира оскалилась. - Я спросила друзей-дикарей, где он расставлен, и к нему близко не подходила.

- Это определенно не Покров, - вампир протолкнул растопыренные пальцы чуть дальше, в пределы защиты. - Обычная защита, просто сильная, будто над фамильным гнездом. Надо поискать, может, в ней есть дыры. Идем.

Мира благосклонно кивнула: кажется, в странной работе, втройне бессмысленной из-за постоянных споров с напарником, наконец наметился перерыв. Они неспешно направились вокруг дома, огибая пятна света фонарей. Гектор вновь предложил руку в знак примирения. Мира, помедлив, согласилась. Долус по-прежнему вызывал у нее интерес, но стоит ли давать вампиру явные авансы?

Гектор не был похож на *carere morte*. И после обращения природная смуглость осталась при нём, а крупные черты лица не приобрели завлекающей мягкости. Маленькая Мира едва доставала ему до груди. Она совсем терялась и казалась смешно суетливой на фоне обманчиво медлительного атлета. У его бедра на поясе покачивался кинжал охотника с гербом ордена и инициалами бывшего владельца - среди дикарей столицы было модно напоказ носить оружие поверженных врагов. Значит, Гектор убил по крайней мере одного охотника, как и она...

- В первую очередь вечером я проверил ближайšie к собственному убежищу дома, а ты проверила свой? - спросил Гектор. Мира повела плечами:

- Еще нет.

- Я сегодня видел в окне дома Вако какую-то смертную.

- Это мой будущий обед, - не моргнув, соврала Мира и поразилась своей лжи. Зачем? Неужели лишь из-за сходства Винсента и Алана, о котором Гектор вовсе не знает?

- Владыка разрешает лишь одну жизнь в месяц, а в доме двое, - с опасным вниманием глядя на нее, заметил вампир. Мира выдержала этот взгляд, и Гектор согласился сменить тему:

- Странное задание мы получили, не правда ли?

Она медленно кивнула, осторожно выражая заинтересованность.

- Безусловно, интересно, зачем Дэви нужен обладатель золотой крови... Но это дела владыки, не наши.

- Не только его, - резко возразил Гектор. - Вон, посмотри туда, - он кивком указал бледное лицо в окне соседнего дома, почти неразличимое среди пятен хризантем, стоящих в вазе на подоконнике. Человек-наблюдатель угадывался скорее по тревожащему ощущению чужого взгляда - упорного, ищущего что-то в огромной, широко раскинувшейся Карде. Едва

незнакомец понял, что замечен, он тут же убрался в темную глубину комнаты.

- Кто это? - дрогнувшим голосом спросила Мира, почему-то вспомнив Винсента. - Какой-то смертный... Под чарами ли он?

- Это низший вампир. Видишь ли, низшие вампиры по приказанию владыки Конора, ведут те же поиски, что и мы, но доступным лишь им способом. Так что это дело не одного Дэви: низших, охотников, нас. Всех, кто захочет вступить в игру за обладание высочайшей властью в Терратиморэ.

- Вот эти нелепые поиски - и высочайшая власть? - Мира неуверенно засмеялась. - Гектор, это же бессмыслица! Я недаром спорила с тобой полночи! Пока мы ищем обладателя золотой крови на одном конце города, родители могут увезти его в другой. Его семья может переехать в тот район, который нами отмечен как пройденный. Он может вовсе покинуть город. Наконец, он может умереть, пока мы ищем его! И откуда у Дэви уверенность, что он вообще здесь? Это ребенок, а дети редко сидят на месте. Как его золотая кровь оставалась скрыта от глаз вампиров столько лет? Я думаю, это задание - просто проверка нас на терпение и верность!

- Ты меня не слышишь, - Гектор быстро повернул за угол дома и прибавил шаг, так что она была вынуждена подобрать узкую длиннохвостую юбку, и почти бегом семенить за ним, чтобы не отстать. - Низшие ищут того же человека, что и мы, только не по крови, а по эмоциональному следу. Потому что этот смертный - не просто несколько бутылей редкого цвета и вкуса крови Дэви в коллекцию - это направитель Тени! По другому его еще называют Голос Бездны.

Мира вздрогнула. Голос Бездны - была в этом древнем, кажется, из первобытных времен пришедшем определении какая-то завораживающая темная сила... Прогоняя неясный страх, она даже решилась задать вопрос. Тот самый, что не осмелилась задать Дэви, хотя он заерзал на языке, едва она услышала задание владыки:

- Откуда ты знаешь, что мы ищем именно Голоса Бездны?

- Дэви мне так сказал, - Гектор непонимающе нахмурился. «Ты совсем дурочка, Вако?» - читалось в снисходительном, каким разговаривают с детьми, тоне. Мира улыбнулась. Ссориться с Долусом вовсе не хотелось, тем более, что она поняла: похоже, у нее есть тайна, о которой ничего не известно никому из ныне существующих *carere morte*, кроме только владыки, обязанного знать все.

- Дэви вряд ли открыл бы новичкам свой истинный план. Если он сказал: ищите Голос Бездны, это на самом деле может значить, что угодно. Важен лишь признак, который он нам указал - золотая кровь, - протянула она.

- Тогда это задание нелепо. Невозможно, - отрезал Гектор. - Нет, Дэви ищет Голоса Бездны. А торопливость самой организации поисков объясняется просто: владыка очень боится низших.

- Низших вампиров? Они всего лишь этап превращения в настоящего *carere morte*.

- Это пока... - Они завернули за следующий угол, и вид на дом открылся с новой стороны: облезлая стена с узкими как бойницы окнами - изнанка нарядного фасада. - Получив Голос Бездны, Конор прикажет ему натравить Тень на Дэви, и с высшими вампирами будет покончено. Низшие установят свои правила.

- Не могу представить низших в качестве владык земли страха, - Мира пожалала плечами. - Прости...

- Это мечта всех низших, и она сбудется, вот увидишь! - вампир разъярился: почему-то

это болезненно задело его. - Сколько высших было обращено на недавнем Балу Карды? Двое. А сколько низших? Двадцать! Современным людям не нужна вечность и пустота высших. Они выбирают легкое, необременительное, близкое к человеческому состояние. Скоро никому не будет нужно такое бессмертие, как у тебя и меня. Почти постоянный, заглушающий голос разума голод, болезненный, уродливый под покрывалом чар вид, людские отвращение и... ненависть. -

От холодных слов кольцом боли охватило голову. Это Мира и сама знала. Давно. Она увидела всю суть *carere morte* в ледяных глазах Алана еще при первой встрече. Она бежала от этого в свиту владыки, надеясь, что тут дадут высшую цель и раскроют смысл вечности, но нет! Здесь та же Пустота, просто все *carere morte* бегут от нее по-разному.

- Ты сам высший. Откуда такое преклонение перед низшими? - сменила она тему.

- Мои родители двадцать лет прожили как низшие, - Гектор быстро развернулся, и Мира опять была вынуждена столь же быстро последовать за ним. - Низшим мог до сих пор быть и я, но... я не сумел удержаться на грани.

- Вот как. А владыка знает?

- Это неважно. Мы говорим не об этом! Сейчас Дэви боится, что Конор найдет Голоса Бездны первым, поэтому торопливо собирает отряд, довольно нелепо организует поиски...

- Конор дурак, потому что явился на территорию настоящего владыки без приглашения. И к тому же трус, потому что без возражений отдал на суд ордена десяток низших вчера. Мы сами видели их казнь, - Мира помимо воли увлеклась спором. - Никакого превосходства низших перед нами нет. Вечность на всех одна, и Пустота на всех одна, - уверенно закончила она, но Гектор не казался убежденным.

- Конор встречался с Дэви, чтобы в личной беседе выявить эмоциональные слабости, страхи владыки - и выявил. А жестокий приказ лишь подвигнет оставшихся низших сильнее ненавидеть владыку высших. Дэви отказывает низшим в праве на самоопределение как расе, но у него вот уже несколько десятилетий ничего не выходит. И не выйдет.

- Низшие - не раса. Это временное состояние *carere morte*, - упрямо сказала Мира.

Тем временем они обошли дом кругом, но ни прорывов, ни провалов защиты не нашли. Ровная, стойкая - ее мог создать только человек, над которым не властны чары Карды. Бывший охотник или исцеленный вампир.

«Исцеленный», - это отдалось неожиданной болью в сердце. Опять Мира вспоминала ту же странную сказку.

- А, может быть, высший - это не раса? Может, это болезненное состояние не справившихся с проклятием низших? - не сдавался Гектор. Мира замерла, и он, не понимая, остановился тоже. - Что?

- Пора в дом! - прошептала она. Пустой спор разозлил голод. Возвращаться в таком состоянии в дом Вако невыносимо. Винсент все поймет, едва взглянет тетушке в глаза, - подумала она, и это решило дело. Мира вскинула голову, ища ряд чердачных окон близкого, но недостижимого за стеной защиты дома.

- Прорвать защиту, конечно, можно, - деловито согласился Гектор. - Но будет очень больно. И купол сомкнется снова, едва ты окажешься в доме. Не надейся, что я за тобой полечу. Одна, ослабевшая, ты рискуешь не выбраться.

- Я убью того, кто создает защиту, - бросила Мира и, не тратя больше слов, прямо на тротуаре преобразилась, взлетела. Все равно зачарованные жители Карды не заметят этого, примут за игру теней. В три взмаха сильных крыльев она поднялась над домом и ринулась к

намеченному чердачному окну. Невидимая стена встала на пути, Мира проломилась ее телом, в шлейфе осколков кубарем влетела в окно... Только на полу перевела дух. Повезло, что окно застекленное. Были бы деревянные ставни - пришлось бы мучиться с задвижкой. Сильные дикари умели отодвигать ее мысленным приказом с помощью силы Бездны, но у Миры это получалось через раз.

Болело все, мышцы и кости, будто она и себя разбила вместе с защитой дома. Мира шатаясь, хватаясь за стены, добрела до выхода с чердака, спустилась в грязный тесный коридор верхнего этажа. Скорей бы найти нужную квартиру!

Что-то вело ее сегодня. Она шла по следу, как охотничья собака, на знакомый запах. Первая же дверь открыла комнатку, увешанную распятиями. У кровати, спиной к ней, на коленях стоял изможденный человек и молился. Призраку Бога, над которым насмеялся еще Алан... Он даже не обернулся, когда Мира подлетала к нему в обрывках тени. Только насытившись его жизнью до конца, когда туман жажды покинул голову и море боли отхлынуло от тела, Мира глянула на лицо жертвы... и отшатнулась от остановившихся прозрачных знакомых глаз. Такие же все знающие о ней, как у Винсента, они смотрели с укором и... жалостью?

Мира укуталась в восстановившуюся крылатую тень и шагнула из окна комнатки в ночь. Защиты вокруг здания больше не было.

- Кто создавал защиту? - любопытствовал Гектор. Она отмахнулась:

- Он верил в призрака. Я показала ему Пустоту.

Они не нашли ничего интересного и в освобожденном от защиты доме. В некоторые квартиры пробраться не удалось: сложный дверной замок. Придется вернуться позже. Минула половина ночи, и пора было расходиться: патруль охотников появился в конце улицы. Гектор опять вызвался проводить Миру до Старого моста.

- Мы неплохо побеседовали сегодня, - признался он. - Спасибо.

- Ты не боишься, что я расскажу владыке о твоих соображениях насчет низших и высших? - хмыкнула Мира. От украденной жизни, волшебным эликсиром распространяющейся по венам, кружило голову, неживое-немертвое тело укрылось в защитной ауре тепла. Это дарило бесстрашие и особый кураж. - У тебя довольно опасные мечты, Гектор!

- Ты не расскажешь Дэви, - вампир искренне улыбнулся, и она отметила его очень приятную, по-мальчишески веселую улыбку, неожиданную на грубоватом лице. - Зачем тебе это? Без меня ты останешься единственной новенькой в свите, старшие тебя «съедят». Я нужен тебе как компаньон. А слова о низших считай дружеским предостережением: пришла пора задуматься, с кем придется проводить вечность.

- Играющие против господина проигрывают. Гектор, ты играешь с огнём. Не зли его.

- Ты тоже, - он вновь улыбнулся. Мягко, но иначе: как шелковая удавка на шее. Мира словно натолкнулась на невидимую стену; они остановились в конце моста.

- О чём ты? - три слова - три кусочка льда повисли в звенящем морозном воздухе.

- Ты не для запасов крови бережешь каких-то людей в доме, - усмехнулся Гектор. - Ты сегодня убила человека, потому что боишься приводить свои голод и злость домой. Какой бы призрак бывшего ты ни встретила в доме Вако... Дэви говорил тебе отныне забыть прошлое?

- Это не прошлое! - голос оборвался.

- А что тогда?

Мира пожалала плечами.

- Возможно, будущее, - неловко выдавила она.

- Кого ты прячешь в доме Вако?

- Там просто живет моя сестра и ее сын.

- Мира, - видя, что она торопится сбежать, он остановил ее, ухватив за запястье. Не больно, но крепко, не вырваться, пока он не захочет. - Что ты боишься рассказать? Скажи, я не выдам. Я предлагаю союз. Как Адам Митто и Хелена.

Мира дрожаще выдохнула. Прикосновения Гектора тревожили, горячая кровь прилила к щекам. Среди дикарей не были приняты человеческие запреты на близость до свадьбы, не привыкшие сдерживать голод, они больше не хотели сдерживать себя ни в чем. Тем более что влечение *carere morte* бурно, но коротко: длится, лишь пока чужая кровь не начнет остывать в венах. Моральные запреты не сдерживали сейчас ни его, ни ее. Мира хотела поскорее освободиться от телесной памяти об Алане. Только...

Гектор был бурей, океаном и вихрем на дне океана. Миру притягивала и пугала его страсть, порывистость. Нужно будет отвечать столь же ярко, иначе он поглотит ее. Но сердце тянулось сейчас совсем не к этому...

...А к ровному ясному огоньку за стеклом лампы, покою переливчатых разговоров звезд на ночном небе, шелесту страниц старой книги сказок...

- Нам двоим дали особенное задание. Если не тратить время на споры, не тратить силы ума на тайны друг от друга, а действовать вместе, если мудро распорядиться возможностями, которым нам открываются, можно встать во главе мира *carere morte*, - втолковывал Гектор, не выпуская ее руку. Мира с сожалением качнула головой:

- Любовь отнимает так много сил, Долус! Но ты прав. Споров больше не будет.

Она выдохнула крылатую тень, и Гектор отдернул руку от жгущего холодом черного шелка, окутывающего ее фигуру. Совсем не скрываясь, держась невысоко, Мира полетела к недалекому дому. Взгляд Гектора всю дорогу упирался в спину - мрачный, страстный, внимательный взгляд. Кого она заполучила сегодня, друга или врага?

Так или иначе, открыть тайну золотой крови Мира не могла ни врагу под пытками, ни другу из приязни. Это тайна огромна и яростна как солнце. Она сжигает тьму всех сомнений, но ярко высвечивает тень чудовища позади тебя. Она возрождает из пепла... и вновь повергает в прах, когда ты осознаешь, что услышал. Узнав сама, Мира молчала о ней долгие годы. Солнце тайны о Даре медленно прогорало в груди, давая тепло и поддержку на темном пути, но она не делилась им ни с кем. Ревнивица... или хранительница, ищущая того самого?

...Избранного.

Уже давно... два, а то и три месяца назад - дни, недели вечности сливаются - Мира начала медлить по утрам, когда они с Аланом возвращаются с охоты. Их жилище в Доне - каморка в подвале с большим окном, утопающим в земле до самого верхнего наличника. Как все подобные окна в Доне, оно заключено в подобие каменного колодца, отгораживающего его от тротуара. Утром они друг за другом ныряют в этот колодец и распахивают незапертые деревянные створки. Алан скрывается в квартирке первый, а Мира, что ни день - задержится еще на минутку, так что солнечные лучи начинают щекотать затылок. Неясная мысль бродит на границе сознания, но Мира не решается придать ей четкость, переводя в действие.

Она играла так и осенью, еще в Карде, только тогда нарочно давала почти догнать себя солнцу, с каждым утром все дольше ленящемуся вставать. Потом Карда наскучила Алану, он решил, в Доне веселее играть с охотниками... А Мира продолжала играть с солнцем. Сейчас,

весной, она едва успевает унести ноги от него, бодрого, спешащего обнять мир каждое новое утро. Но свет догоняет... Мира постепенно устает от этой гонки. И, может, из-за усталости, может, из-за особенно дикой, кровавой, звериной охоты, однажды туманная мысль обретает форму. Крылатая тень Алана первой скрывается в комнатке. Она еще клубится там: вампир не хочет снимать обличье чудовища, надеясь сорвать у сестренки поцелуй, но Мира остается за окном и захлопывает створки. Припирает их деревянным бруском, давно гниющим в углу колодца, давно останавливающим на себе ее взгляд. Теперь скинуть тень и прислониться спиной к створкам. Запрокинуть голову, поглядеть сквозь листву старых тенистых деревьев, не идет ли солнце.

Удар в ставни позади. Осторожный, проверяющий. Глухой, едва просачивающийся сквозь доски, голос Алана:

- Сестричка?

Мира вздыхает, но не отвечает. Теснее прижимается к створкам. Меж листочков, освещающая и просвечивая каждый, трепещут лучи, все в золотой пыли. Как она тоскует по этому зрелищу! Сейчас солнце выплывет из-за горизонта полностью и будто фотографический аппарат запечатлит весь мир как оттиск своего лика. Только она этого не увидит - сгорит в миг вспышки.

- Мира? - удар уже сильнее, дрожью в спине отзывается его эхо. - Иди в дом! Ты что?

Еще, еще удары. Ее отбрасывает от окна, но она упрямо прижимается снова. Потом удары стихают.

- Ну и глупо, - теперь он обижен. Слышно, как отступил. - Обычный истерический припадок.

Мира всхлипывает, потом еще, еще. Замечание о глупости выводит из себя.

- Когда солнце начнет по-настоящему жарить твою шкурку, заскочишь внутрь как миленькая. Уж я-то знаю, - какая-то завораживающая дрожь в его последней фразе, будто она своим поступком напомнила Алану подобное в его биографии. Сердце дрожит, отвечая на эту эмоцию. Мира размыкает губы.

- Как умер наш отец?

Больше года они вместе, а она все еще не спросила об этом. Не хочется поднимать тему их родства и потерянных человеческих жизней. Но сейчас спросить нужно, иначе она не узнает ответ и не узнает Алана по-настоящему никогда.

- Если я скажу, зайдешь в дом?

- Без условий.

- Я его убил. Почему? Мне было... скучно.

- А твоя мать?

- Она сбежала от меня. Испугалась, - Мира скорее угадывает, чем слышит его усмешку. - Теперь зайдешь в дом?

Напряжение прорывается слезами, ведь солнца над головой все больше. Оно расплзается по миру уже бесцеремонно, грубо раздвигает листву толстыми масляными пальцами.

- А зачем? Какой смысл в таком существовании? Голод, и охоты, и бег от солнца... и снова голод! К чему?!

- А имеет что-то, кроме голода и охот, какой-то смысл? - тихий, мечтательный и ужасно холодный голос. Он ледяными иглами колет сквозь доски створок. - Власть? Слава? Семья, дети? Бред. Ничего нет, кроме Пустоты, мы, *carere morte*, ближе всех к ней, ближе всех к

идеальному существованию.

- Поэтому ты не выносишь моего крика днем? Поэтому сейчас уговариваешь войти? Зачем? Отпусти, оставь. Я просто растворюсь в твоей Пустоте...

- Дура! - он опять в ярости ударяет кулаком створку. Они молчат минуту. Мира следит, как тает под солнцем ночная тень, как ее остатки спешат скрыться в колодцах во дворах. Но лучи проберутся и туда... Руки уже не серебристо-серые, как ночью - белые, с тонкой сетью голубых вен. Предошущение последнего костра, в котором *carere morte* сторит, пробегает по коже тысячей маленьких иголочек, и Мира обреченно выдыхает:

- Рассвело.

- Сестричка, возвращайся, - шепчет Алан. Слышно: острым, предназначенным вскрывать горло добыче ногтем царапает створку с той стороны. - Помнишь, я сказал, что больше нет пути назад? Я соврал. Есть одна сказка.

- Какая? -

Мира запрокидывает голову и чувствует, как иголки бегут по щекам и лбу.

- Эта история из тех историй без начала и конца, что начинаются давным-давно, так давно, что и начала их не вспомнить, - начинает он нарочито медленно, растягивая ее мучение под солнцем, - и тянутся, тянутся... так долго, что и конца их не разглядеть.

- О чем эта сказка? - дрожь проходит по телу - и от близости солнца, и от близости тайны нового голоса Алана: мягкого, задумчивого, с нервной болезненной ноткой, в которой угадывается живое... жизнь, не поглощенная до конца проклятием.

- Это сказка о Даре, что появился тогда же, когда первый Арденс возмечтал о вечности, когда его мечта открыла Бездне дорогу в мир. Дар пришел вместе с Первым вампиром, как противоположность *carere morte*, - в ответ шепчет он. -

Сердца и души людей стали любимой пищей Первого вампира, он пожирал одно сердце за другим, одну душу за другой и не насыщался. Он убивал без жалости одних и обращал вампирами других - так страшное проклятие расплзлось по свету. Дар же выбирал всегда только одного человека, Избранного, а не множился - зато сопровождал всю жизнь и ждал, когда смертный решится использовать великую силу. Макта отмечал своих детей острыми клыками, голодом до чужой жизни и черными крыльями, Дар же отмечал Избранных горькой на вкус вампиров кровью цвета золота и... способностью разрушать проклятие Арденса и исцелять *carere morte*. Не новообращенных, это умеют и охотники - всех. И юных дикарей, и вампирских владык. Только все Избранные во все эпохи боялись и не понимали, как использовать свою силу.

- Дар исцеляет вампиров? - улыбка искривляет губы: она не знает, плакать или смеяться. - И это вся сказка?

- Пока, да. Ведь до сих пор Избранный не решился... Но он есть, точно так же, как есть *carere morte*. Мне ее рассказал мой создатель. Это был вампир-старик с длинными белыми волосами, куда старше Дэви и Калькаров... Я ему поверил. И ты бы поверила. Только представь, сестричка, что Избранный ходит среди нас. Голова закружится!

Сначала кажется, это вставшее солнце болью ожога потекло по щекам. Но нет - слезы.

- А как Дар будет нас исцелять? Разве это возможно?

- Не знаю. Говорят, Дар подобен солнцу, но мягче. Он посылает тебе нить-луч, и, взявшись за него, идя по нему, можно выйти на свет и не сгореть. Только нужно, чтобы тебе было, к кому идти на другом конце нити.

Мира всхлипывает. Еще немного и бросится в комнату к нему:

- Ты специально придумал эту сказку?

Невозможно поверить, что это говорит он, ее насмешливый, циничный, злой брат. Но Алан шепчет:

- Нет. Просто ее редко услышишь. Ее запретил упоминать еще предыдущий владыка вампиров Алитер, и Дэви продолжает ту же линию. Видишь ли - смешок - идея исцеления вампиров как обычных больных плохо соотносится с идеей божественного бессмертия *carere morte*... Сестренка? Эй?..

Брусок, подпиравший створки, летит в сторону. Мира распахивает окно и летит в объятия Алана...

Зайдя домой, Мира плотно закрыла входную дверь, прижалась к ней спиной и стояла так минут пять, будто точно хотела удостовериться, что не привела с ночных улиц никакую темную тень.

«Помнится, вчера ты говорила Агате, что останешься лишь на день. Что тебя так притягивает в этом доме? Знакомая обстановка? Загадочные вещицы Регины Вако? Или люди, сделавшие его и своим домом?»

Мерно тикали часы. Тускло светила лампада, и ещё одна - отражение в зеркале Регины в глубине холла. Раму сплетали мелкие железные завитушки, в воображении складывающиеся в головы и лапы чудовищ, и еще одно чудовище глядело на Миру из зеркала. Истощенная ведьма в черном платье, с облаком не то очень светлых, не то уже совсем седых волос вокруг головы. Она сама...

«Гектор верно сказал, владыке ты нужна без шлейфа дикарского прошлого, Мира! Зачем же ищешь, хоть и боишься, новой встречи с ним? Оставь мальчика, раз неспособна убить. Дай ему спокойно прожить простую смертную жизнь. Повернись и уйди. Зачарованная сестра забудет тебя уже завтра. А Винсент...» - тут Мира споткнулась в размышлениях. Не так важно было, забудет ее мальчик или нет, как то, что она никогда не забудет его взгляд.

- Ты вернулась, - ласковый голос Агаты вернул в реальность. Сестра, кутаясь в красную шаль поверх ночной сорочки, выглянула из гостиной. - Где ты гуляла полночи? Я так боялась, что ты снова уедешь и потеряешься. Иди сюда.

Мира отступила от двери. Робко, одними губами улыбнулась и тут же потупилась. Агата, все такая же царственно-...или легкомысленно? - спокойная возвратилась в скупо освещенную одним трехсвечником комнату. Низенький столик перед ее креслом был завален засушенными цветами и листьями: сестра клеила очередное панно. Прозрачные лепестки с сетью жилок, как стрекозиные крылья, сухие полые дудочки стеблей - давно неживые, утратившие краски детальки. Призраки цветов. В них была своеобразная зачарованная, но неживая красота. Мира с удивлением поняла, что они напоминают ей лишенных смерти.

- Ты опять ходила без пальто, - пожурела Агата, осторожно подбирая щипчиками засушенную коричневую маргаритку. - Тебе нельзя простужаться, помнишь? Ты всегда плохо переносила жар.

- Почему Лина мне не отворила? - торопливо прервала Мира, уходя с опасной темы вампирского здоровья. - Где она?

Агата огорченно повела плечами:

- Она днем попросила расчета. Как и кухарка. Не понимаю! Но ты же останешься. Мира? Тебе у нас будет хорошо.

- Да, я останусь, - неприятно согласилась она, в очередной раз слыша себя будто со

стороны. Агата успокоенно улыбнулась и наклеила цветок в центр композиции:

- Хорошо.

- Ты каждую ночь так подолгу не спишь? - проворчала Мира, прикидывая, как впредь не попадаться сестре с ночными охотами.

- Увы, малышка. Сын просыпается каждый час, плачет, приходится утешать. Это началось просто ужасного несчастья в Доне. Ничего не помогает: какой-то страх крепко вцепился в него. Постоянно лепечет что-то о «крылатых тенях», и ничто его по-настоящему не успокаивает. Он и сейчас, слышу, не спит. Ждет очередную сказку о вампирах. И не обычную, а с хорошим концом. Может, ты попробуешь?

Винсент, и правда, не спал. Он словно ждал именно ее, потому что, едва увидев в дверях, радостно, широко улыбнулся, как доброму другу.

- Здравствуй, солнышко, - поздоровалась Мира. - Помнишь меня? Я твоя тетя. Мира.

- Ты расскажешь мне сказку? - опять обезоруживающая улыбка, в них белокурый ангел определенно знал толк. Мира опустила глаза, едва встретившись с ним взглядом.

- Почему ты не спишь среди ночи? Приснился плохой сон?

- А ты почему не спишь? - он зарылся носом в подушку, виден был только один хитрый глаз. Мира поневоле улыбнулась:

- Тоже увидела... плохой сон, -

Она вспомнила сегодняшнюю трапезу и испугалась, что от нее может пахнуть кровью. Или, еще хуже, осталось пятно на платье.

«Чего ты опять боишься? Даже если заметит, просто припугнешь мальчишку! Ему не поверят - поверят тебе. Что? Не хочется видеть отвращение в этих светлых глазах?»

- Сон о крылатых тенях? - шепотом спросил мальчик.

Мира вздрогнула:

- Да. Такие сны многим снятся в Карде. Но ты не бойся, сегодня вампиры больше не придут. Я их не пушу.

«Здесь только я, carere morte...»

- Какую сказку ты хочешь? - вслух спросила Мира.

- Про вампиров, но счастливую, - заявил племянник. - Мама их для меня специально сочиняет, а сама про себя думает: в конце все равно все умрут. Я не хочу такую. Хочу настоящую.

- Есть одна. Там нет хорошего конца, но нет и плохого. Есть надежда. Потому что это не сказка, а самая настоящая правда.

Мира сделала долгую театральную паузу. Настоящая неудобная правда... В земле страха ее одинаково стремятся скрыть и вампиры, и охотники. Вампиры - потому что это бросит тень на их божественное бессмертие, охотники - потому что вместе со сказкой о золотой крови придется признать, что они убивают больных людей, а не чудовищ. Столько лет она молчала, а сейчас так хочется разделить историю! С тем, кто видит тот же ужасный сон о крылатых тенях...

- Что ж. Это сказка о Даре, - Мира вздохнула, набирая в грудь побольше воздуха, рассказ предстоял долгий. - История из тех историй, что начинаются "давным-давно", так давно, что и начала их не вспомнить и тянутся «долго-долго», так долго, что и конца их не разглядеть. А поскольку рассказывают её уже очень-очень давно и всякий раз по-разному, правду, пожалуй, никто не знает. Кроме Луны и Солнца. Они видели, как всё было, они рассказали эту историю мне, я расскажу сейчас тебе, ты потом ещё кому-то, а те другим. И, может быть,

когда весь мир наконец-то узнает правду, эта история завершится, и тогда люди станут рассказывать её от самого настоящего начала до самого правдивого конца... Итак. Однажды человек по имени Арденс возмечтал о вечности, и эта мечта открыла Бездне дорогу в мир. Так родился первый вампир.

Винсент оказался внимательным и серьезным слушателем. И совершенно беззастенчивым провокатором. Буквально все он подвергал сомнению и требовал подтверждений, чтобы установить полную подлинность истории:

- ...А как звали Первого вампира?

- Первым вампиром был Макта Вастус, Владыка Карды.

- Владыка Карды?

- Он правил в Терратиморэ четыре столетия назад. И жил в Карде. Представляешь? Старейший из вампиров ходил когда-то теми же улицами, где сейчас бегаешь ты, - Мира все больше увлекалась. - Улица Прэсто, самая широкая, где театр и бульвар, древняя дорога Виндекса, близ которой стоит наш дом - они берут начало оттуда, из старого города, где три века назад безраздельно властвовал Он. Впрочем, ненасытная Бездна владела тогда не всеми его подданными, и кое-кто из людей нашёл в себе силы встать у Неё на пути. Эти отважные герои стали первыми охотниками на вампиров. Они уничтожали вампиров без страха, но чувствовали то же отчаяние, что все жители Карды: победить проклятие, изгнать всю тьму, накрывшую их край, они не могли. Но ты не бойся. Это проклятие не вечно, и количество добра в мире равно количеству зла.

Она опять исподтишка глянула на племянника.

«Не спит. Всматривается в ночь широко открытыми глазами...»

- В тот час, когда первый человек вкусил крови и стал вампиром, к людям пришёл великий Дар. Сей Дар бы дан лишь одному человеку, Избранному. Он должен был разрушить проклятие Арденса и закрыть Бездне ненависти дорогу в мир. Дар позволил Избранному видеть, кто из окружающих его породнился с вампирами, - она опять убежала взглядом от его слишком пронзительных глаз. - Но, увидев это, Избранный не захотел принять своей миссии. Ужаснувшись разгулу тьмы, он отдалился от дел и прожил всю жизнь отшельником, не пользуясь чудесным Даром.

- Почему?

- Ну... Наверное, он испугался вампиров. Их ведь многие боятся. Когда же Избранный умер, Дар покинул его и начал путешествие по свету. Он выбирал одного смертного из многих и сопровождал всю жизнь. Но ни один из избранных им не понял своей великой миссии и не исполнил великой мечты людей Карды, цитадели вампиров.

- Все они, увидев проклятие, отворачивались?

- Что? - Мира вздрогнула от очередного метко заданного вопроса. - Да, должно быть, так и было... Дар продолжал путешествовать. Вампиры же во все времена боялись людей, избранных Даром, и не могли к ним подступиться: солнечная кровь не возвращала им жизнь, если они пытались пить ее, наоборот, забирала силы.

- Как это: «возвращала жизнь»? - вновь звонкий голос.

«Он и не думает засыпать!»

- Для вампиров нет смерти, Винс. Их так и называют: *carere morte* - лишённые смерти. Но для них нет и жизни. Отказываясь от одного, они лишаются и другого...

- Я видел сегодня, ты гуляешь по крышам, как кошка...

«Этого еще не хватало! В следующий раз нужно быть осторожней».

- Путешествия Дара продолжались до тех пор, пока очередной его обладатель не пожелал стать вампиром, одним из детей и рабов Бездны, - ровным тоном продолжила Мира. - Сам владыка вампиров Алигер посвятил его, отдав ему всю свою силу. Так родился Великий вампир, и великий Дар стал проклятым. Много тьмы принёс в мир Великий вампир, но однажды с первым лучом солнца он рассыпался в прах, и Дар вновь стал свободен. Он гуляет по свету, носимый ветром, до сих пор. За столетия он устал и почти погас. Если б нашёлся человек, способный пробудить его! Дар закрыл бы Бездне ненависти двери в этот мир, а все вампиры исцелились и получили свои души назад. Только до сих пор Дар не находит истинного своего владельца, и нет перевеса ни на стороне охотников, ни на стороне вампиров. И среди нас сейчас ходит один, избранный древней силой, вовсе не догадываясь о своём Даре... - она замолчала.

- Я вспомнил эту сказку, - задумчиво сказал Винсент, по-прежнему глядя в темноту широко открытыми глазами. - Я видел это во сне: свет касается тени, она рассыпается, и на ее месте остается человек... А как пробудить Дар? Что сделать, чтобы он проснулся?

Мира всерьез задумалась.

- Я не знаю точно. Первый Избранный не захотел воспользоваться Даром, и это позволило проклятию распространиться по свету, но... - она улыбнулась, склонилась над ним, уже повернувшись набок и спрятавшим руку под подушку, чтобы скорее заснуть, - ...я думаю, новому Избранному надо просто по-настоящему захотеть.

Винсент улыбнулся, откликаясь, и вдруг болезненно ойкнул, вытащил руку из-под подушки.

- Ой! Поцарапался...

Они перевернули подушку и выяснили, что ладонь малышу поцарапало острым носиком обыкновенное перо. Царапинка была крошечная, выступившая на ней капля крови тоже, но Мира долго смотрела на нее, не отрываясь. А мир вокруг рушился, и она вместе с ним летела в пропасть, только в руках скользила, разрезая ладони, туго натянутая золотая нить, ведущая из бездны ввысь, к солнцу.

Капля крови Винсента была как расплавленный свет. И это было не белое сияние, наполняющее кровь всех живых существ. Иное, золотое, ни разу не виденное прежде.

- Дай, я поцелую, чтобы скорее зажило, - хрипло сказала Мира, и он доверчиво протянул ей ладонь. Поцеловав, облизнула губы: горчит. И не так, как страх.

Пусть даже раньше его кровь не светилась - сейчас она светится! Вот он, обладатель золотой крови! Открылся в первую же ночь поисков, но как отдать его Дэви, Конору, Гектору... кому угодно? Высшие и низшие раздерут Избранного на части, сломают, подчинят. Потухнет свет в его глазах, они станут такими же, как у Алана... Нет! У этой сказки должен быть хороший конец!

- Хорошая сказка... Значит, где-то до сих пор есть Дар, которым *carere morte* можно исцелить? - шепчет она в объятиях Алана. Окно заперто, в комнатке холодная влажная тьма, но обожженная солнцем кожа до сих пор горит. Алан глядит с интересом, но уже не добрым - прежним - жестоким, саркастичным, привычным ему:

- А ты считаешь, с мыслью о где-то бродящем Избранном тебе станет проще принять свое существование, лишённая смерти? Смешно.

- Почему? - лепечет Мира. Неужели и этот хрупкий замок, выстроенный их общей, как ей показалось, мечтой, он разрушит сейчас одним ударом?

- Дар давно не может никого исцелить. И никогда не сможет. Он был проклят двести

лет назад, когда его обладатель, бывший к тому же Голосом Бездны, решился предать исцеляющую сторону своей силы и выбрал путь *carere morte*. Его обратил владыка Алитер, и в сказках он известен как Великий вампир.

- Значит ты просто зло пошутил надо мной. Опять. А если бы я...

- Если б что? Осталась бы на солнце? Ха! Не осталась бы, - он смеется, а лицо его.. кричит. Но прижимает ее к себе Алан неожиданно мягко, заботливо, ласково. - Если ты правда захочешь исчезнуть, сестренка, не жди смерти трусливо, в подвале. Распахни крылья и лети - навстречу солнцу, пока сможешь лететь. Только и меня позови с собой.

«Когда-то он был другим, - понимает Мира, - иначе просто не смог бы воспринять эту чудесную сказку». Верно все это время она пыталась разглядеть на его лице за безумием изначальные, светлые черты! Только она опоздала, безнадежно опоздала...

Проходит несколько дней, и лицо Алана в последний раз искажается - от сумасшедшего смеха, меж тем как охотник уже всаживает ему в сердце серебряный кинжал. А потом брат рассыпается в пыль, будто его и не было никогда...

- Тетя, завтра расскажи мне ту же сказку, пожалуйста, - недетским тоном с какой-то задумчивой... смелостью? попросил Винсент. Мира кивнула, опять облизнула пересохшие, все такие же горькие губы. Она избавилась от жгущей углями тайны, теперь это был пылающий факел в еще детской руке Избранного. Не просто обладатель золотой крови - тот обладатель Дара, что примет свою силу и сможет действительно исцелить проклятие *carere morte*, родился только что, от слов тайной сказки - поняла она. И еще поняла, что полетит этому солнцу навстречу, пока будут силы лететь.

...и старая картинка от Alle Alle

Глава 3 Мечта низших

Наступила весна - четыре месяца с начала поисков. В эту апрельскую ночь Гектор с Мирой опять спешили по домам без хороших вестей для владыки. Забрались высоко: тучи, собирающиеся пролиться дождём перед рассветом, были далеко под ними. Мира летела впереди, и Гектор не сводил взгляда с ее фигурки. Точно кукла, ведомая тем же кукловодом, он повторял все пируэты Вако: и страшные как во сне падения, и лёгкие будто на одном вдохе, подъемы.

Почувяв реку, вампиры нырнули в тучи и полетели над ней, разрезая тёмную воду концами крыльев. Они остановились под широкой аркой Старого моста. Мира, сложив крылья, но не убрав тень, встала вполборота к Гектору, чтобы быстрее удрать домой. С плохо скрываемым нетерпением она ждала, когда напарник начнет беседу. Но Гектор нарочно медлил: нравилось наблюдать ее недовольную гримасу.

- О чем ты хотел поговорить? - Мира громко вздохнула, всем видом показывая, что не прочь упорхнуть к своим ненаглядным смертным. - Если о проверке Вастуса, то завтра начнем по плану.

- Вастус проверим, - Гектор доброжелательно улыбнулся. - Но ты одна начнешь проверку, у меня дела за городом. Я хотел, Мира, поговорить о другом.

- О чем же? - холодный, резкий и одновременно осторожный тон. Как дрожащее у горла лезвие кинжала.

- Чего ты ждешь от поисков?

- Я исполняю волю владыки, - выражение ее лица резко изменилось: надела маску равнодушия. Но она не обманула Гектора:

- Значит, когда Голос Бездны будет найден, ты сразу сообщишь это Дэви?

- Да, - не меняя тона, - как только мы с тобой его найдем.

Вроде бы не врала, но думала совсем о другом и надеялась совсем на другое. Гектор улыбнулся еще доброжелательнее и еще фальшивее:

- Я предлагал тебе другой путь. Отдать Голос Бездны не владыке высших вампиров, а владыке низших.

- Я помню, чего ты хочешь, - хрустально-звонкий голос. Мира резким движением откинула светлые пушистые волосы назад. - Но я не верю в мечту низших.

Гектор прислонился к опоре моста. Девушка занервничала, понимая, что он расположен к долгой беседе.

- Пусть так, - неосознанно подражая Дэви, он вальяжно взмахнул рукой. - Но ты подумай, Вако. Голос Бездны окажется прежде всего в наших руках. И мы можем не отдавать его никому. Забрать себе, а с ним забрать и власть над миром *carere morte!*

- Не думаю, что на деле это будет так просто, - оборвала Мира, даже не потрудившись приглушить скепсис в тоне. - Голос Бездны пока не понимает, кто он. Ему всего семь лет. Ты готов нянчиться с ребенком? А едва он подрастет, осознает свой дар, как, захочет самостоятельности, и ничья воля ему не указ. Помножь стремление юности к свободе на огромную силу направителя Бездны - и получишь конец света. Разве что владыка сможет его укротить, и то на Дэви я не рискну поставить... Глупый разговор. У тебя все? Я домой тороплюсь.

- Кстати о доме, - Гектор расплылся в широкой улыбке, довольный, что она сама

загрохнула эту тему. - Не хочешь, наконец, рассказать, для чего до сих пор бережешь смертных домочадцев?

- Нет, - дерзко заявила Мира и, кивнув на прощание, взмыла над мостом. Гектор смотрел вслед, пока крылатая тень не затерялась где-то над верхними районами города.

Его восхищала самоуверенность Вако. А предвкушение того, как он разрушит эту самоуверенность одним ударом, вызвав у нее слезы и крик, заставляло биться его сердце. Напоминало об остатке человеческой жизни, еще растворенной в крови, помнящей настоящую страсть... Когда был низшим, Гектор умел чувствовать тончайшие эмоции и людей, и *carere morte*. Тогда он пил их, как амброзию, а сейчас придется привести Миру в полнейшее отчаяние, подвести к самому краю пропасти, чтобы ощутить хоть в какой-то мере переполняющие ее эмоции. Но Гектор жаждал этого. Скоро Вако узнает, что мечта низших - вовсе не утопия.

Мечте всех низших его научили отец и мать, и Гектор принял ее, как свою. Это была мечта о мире, где низшие *carere morte* владеют умами смертных и направляют их на великие благие дела, мире, где нет высших, а те низшие, что подходят к черте чудовища, добровольно или с участием стражи уходят из жизни. Таков единственный возможный благоприятный выход для пораженного старинным проклятием мира.

Следующим днем, едва небо начало темнеть, он отправился в Корону. Пришло время первой в череде важных бесед.

Встреча была назначена на городской площади в Патенсе - людном, открытом, но при этом вполне безопасном месте. Соглядатаев Дэви можно было не опасаться: слишком рано, слишком больно для них. Гектор и сам чувствовал, как лучи догорающего солнца обжигают кожу даже сквозь три слоя пропитанной специальным составом одежды. На миг ярко представив, как луч пробивается к незащищенному затылку стрелой, он поддернул выше воротник плаща. Даже через пять лет бытия высшего Гектор порой забывал, что он не низший. Что вечером или утром он уже не может быть полностью спокоен, что во все дневные часы враг, безжалостный убийца, наблюдает за ним с неба.

Он окинул кратким взглядом подошедшего низшего, старательно скрыв разочарование. На встречу Конон не пришел, хотя Гектор подчеркнул в письме, что желает видеть владыку низших лично. Валерий отправил служку. Плохо. Но придется вести диалог.

- Сам Конон не смог появиться? У меня к нему серьезное дело, - хмуро сообщил Гектор напрямик, не тратя время на игры в дипломатию. В них он никогда не был силен.

Низший вскинул прозрачные, без единой собственной эмоции глаза.

- Владыка Конон недоумевает, какое дело может быть у слуги Дэви к нему, - спокойно, без угрозы и презрения сказал он.

- Я не слуга Дэви. А об этом деле Конон договаривался еще с моим отцом, - Гектор не смог скрыть нажима в голосе.

Отец, создатель мечты низших, готовил сына к судьбе "нового *carere morte*" - того, кто встанет во главе измененной земли страха. Но дурная порывистость, усиленная юностью, не дала Гектору продержаться среди низших и несколько лет. Одно, второе убийство случайного недруга, и подпитанное гневом проклятие разрослось, поглотило его. От надчеловеческого бессмертия умеющих внушать мысли и идеи, он канул в пропасть вечности умеющих внушать лишь страх.

- Мой владыка помнит, кто увлек низших одной мечтой, - тон собеседника обманчиво смягчился, Гектор почувствовал, как голову окутывает дурманящим туманом покрывало чар.

- Он помнит, какая роль в будущем мире отводилась вам, всему юному поколению низших. Но вы более не низший. Мой владыка рассудил, что жестоко будет понапрасну обнадеживать вас и вводить в новый круг посвященных.

Холодная ярость волной поднялась в груди, сжала ребра изнутри, чтобы он задохнулся в ней. Мечты всех низших Гектор больше не мог достичь для себя, высшим в этой мечте предоставлена одна роль - тех, кого будут убивать без жалости, и в новых напоминаниях со стороны низшего он не нуждался.

- То есть когда придет время, я по плану Конора должен сдохнуть со всеми высшими?!

- Вы высший, - мягко, но непреклонно. Гектор шире расставил ноги, расправил плечи, хоть и без того всегда выглядел внушительно.

- Я в группе ищеек Дэви. Я могу дать Конору Голоса Бездны. Он ведь важная часть плана вашего владыки, не так ли?

- Голоса Бездны вы до сих пор не нашли, - глаза низшего чуть заметно блеснули сквозь туман. - Золотая кровь - нелепая зацепка, откуда Дэви взял ее, из какой глупой сказки? Своими поисками вы только переполошили Карду и привлекли внимание ордена. По эмоциональному следу мы почувствуем Голос Бездны раньше и отыщем быстрее.

Гектор усмехнулся:

- Вы не смогли продвинуться дальше нас, а со вчерашнего вечера и вовсе безнадежно отстали. Голос Бездны мною уже определен, и я буду решать, кого обрадовать известием о нем: владыку Конора... или владыку Дэви, я ведь высший.

- Блеф, - взгляд низшего иглами пронзил мглу чар. Он искал способ заставить Гектора повиноваться и выдать правду. Гектор широко улыбнулся. Сегодня он хорошо напитал свое проклятие чужой жизнью, чтобы оно щитом закрыло его человеческую частицу от любого воздействия низших.

Он достал из кармана маленький хрустальный пузырек, в каких охотники хранили воду источника Донума для ритуалов. Только этот заключал в себя маленькую золотую звезду. Низший недоумевающе следил за его движением: видеть сияние в пузырьке он не мог.

- Вот. Отдай это Конору, - Гектор швырнул низшему пузырек. - Это кровь Голоса Бездны! Можете убедиться, пригласив для проверки любого высшего-дикаря. Только потом избавьтесь от ненужного свидетеля.

Низший ошеломленно молчал. Споро поймав пузырек, он сжал его крепко, будто уже прятал сияние крови в нем от всех.

- На следующую встречу пусть приходит Валерий, иначе встреч не будет, - громко, раздельно закончил Гектор. - И передай Конору: имя Голоса Бездны он узнает, только когда обменяется со мной кровью. Я должен обезопасить себя.

Обмен кровью давал *carere morte* возможность обмениваться мыслями и всеми ощущениями. Обменявшись кровью, Конор вынужденно станет его вернейшим союзником. И убить уже не посмеет: тем может смертельно ударить и себя, ведь обменивающиеся мыслями и смерть партнера чувствуют, как свою. А через пять, десять лет Конор не сможет совладать с растущим голодом своего проклятия, станет высшим... и перейдет во владения Гектора. Благодаря опыту, он справится с новичком легко: задушит образом Бездны, лишит разума образом Пустоты, и в океане своих мыслей вновь будет один. Обмен мыслями - отличный ход.

Не слыша ответ низшего, Гектор взлетел. Он узнал, кто Голос Бездны, но еще не победил, и фразы, которыми бросался в беседе, были отчасти блефом, бравадой. Он

осмелился поспорить сразу с Дэви и Конором, но оба эти вампира были не просто сильными личностями - у каждого армия и сеть законов, опутывающих землю страхом паутиной. Гектор понимал, прежде чем сразиться с главарями, придется разрубить сеть и сразиться с армией.

«В одиночку? Немыслимо!»

Впрочем, на всей земле страха лежала еще одна сеть - тонкая и густая, искусно сплетенная... древняя. Охватывающая всех: и смертных, и высших, и низших вампиров. Гектор надеялся воспользоваться ей, прежде чем придет время решающего разговора с Конором.

Купол неба, застывший на глубокой синеве, медленно затягивали тучи. В воздухе, как и вчера, пахло дождем. Гектор пролетел восточную часть Короны и свернул в Патенс, где опустился в переулке за театром. Когда пробило одиннадцать, он направился к зданию.

Последнее представление закончилось, и к театру начали съезжаться экипажи. Гектор занял удобный наблюдательный пост на ступенях и внимательно изучал покидающих здание.

Он искал владельца древней сети. Кукловода, наводящего ужас на весь север. Люди знали его под именем Нефандус. Или Либитина.

Одно имя мужское, другое женское... Странность объяснялась просто: этот вампир был хозяином тысяч мертвых кукол, но, в отличие от Калькаров, работал за ширмой, так что никто не знал, мужчина это или женщина, молод он или стар. Никто никогда не видел его истинного лица, только застывшие стеклянными глазами лица марионеток. На севере, далеко за Кардой, в лесах у подножья гор было его убежище-лабиринт. Кукловод никогда не покидал его, но его куклы навевались и в Карду, и в Дону.

Версий, кто этот кукловод, было немало, наибольшее доверие вызывала одна. Говорили, двести лет назад Дэви недолго служила хозяйка кукол. Потом владыка за что-то сильно осерчал на нее и, покалечив, выгнал из замка. Опозоренная *carere morte* поселилась в северных лесах, где основала лабиринт с сотнями кукол, и скоро за безумные игры с покойниками ее прозвали Либитиной, богиней мертвецов. Дэви хранил об этой истории презрительное молчание, но, кем бы ни был кукловод Лабиринта, он знал верные ответы на самые безумные вопросы. Говорили, его детальнейший архив наблюдений за жизнью земли страха занимает несколько залов.

Помимо сбора сплетен Нефандус увлекался театром. Особым театром. Ненавидящие считали его помешанным, безразличные называли чудачком. В своем кукольном театре Либитина была и сценаристом, и режиссером, и актерами, и зрителем, для которого разыгрывалось представление. Она играла свои спектакли прямо на улицах городов, часто со многими участниками, ткала странные пьесы из жизней давно мертвых людей, которые исполняли в них роли самих себя... Определенно, сумасшедшая!

Гектор обратился опять к театрам, разъезжавшимся от здания. По ступеням как раз спускались двое - невысокий господин под руку с красивой полной дамой. Они тепло, хоть и быстро попрощались и разошлись. Оба были куклы, мертвые внутри. Чьи же? Магнус Калькар стремился не показывать своих эмоций, его куклы носили грубые, искаженные в крике лица как маски, а эти выглядели радостными, как все посетители театра, получившие удовольствие от представления. Может быть, Сесилия? Нет, марионетки госпожи Калькар одинаково отражали любую сиюминутную эмоцию хозяйки, а на лицах этих были написаны разные чувства. Они казались живыми людьми, только если посмотреть вампирским взглядом, в их груди не сияли звезды сердец, там угадывалась чернота. Древняя, как горы за

Кардой, таинственная, как северные леса... - вот она, печать Либитины. Это он, Нефандус!

Теперь надо было выбрать марионетку, чтобы похитить и поговорить. Вообще, желающие получить сведения приходили к убежищу Кукловода в лесах за пустошью и тут же застревали в Лабиринте, предваряющем вход. Нефандус запутывал их, водя коридорами, отвлекал страннейшими представлениями театра марионеток, так что хотя бы выбраться из Лабиринта удавалось далеко не всем. За столетия лишь несколько счастливиц смогли вырвать у хозяина нужные сведения. Но Гектор сразу отринул идею пойти в Лабиринт. Он не рассматривал варианты, хоть чуть грозившие проигрышем.

Он выбрал даму. Видно: дорогая игрушка. Холеное пышное тело было наряжено в шелковое платье, круглые гладкие плечи скрыты меховой накидкой. Было заметно, эта кукла изготовлена очень давно: чудесная фарфоровая кожа при внимательном рассмотрении напоминала тонкий слой эмали, коснись - осыплется. Эта кукла была сильно нужна странному хозяину, раз он поддерживал подобие жизни в рассыпающемся теле. Можно надеяться, он согласится на разговор с похитителем из опасения ее навсегда потерять.

Фарфоровая дама взяла извозчика и укатила. Возница, отметил Гектор, был человеком, не куклой. Тогда он отступил в тень колонн и преобразился.

Выходящие из театра всё же заметили вампира. Раздались не испуганные, скорее удивлённые и быстро заглушенные плотным покрывалом чар возгласы. А Гектор был уже далеко. С высоты он следил за экипажем. Дама спешила не в лесное убежище, целью был оживленный южный район Карды. Следовало действовать быстро.

Резко сложив крылья, он упал перед экипажем в безлюдном переулке, и тут вновь выпустил тень, перегородив дорогу. Возница опешил. Он резко потянул поводья на себя, лошадь, и без того растревоженная неживой пассажиркой, вскинулась, но тут же остановилась. Гектор метнулся к карете, на бегу прикрикнув на возницу: "Слезай!" Человек, хоть и не мог различить слов в вое чудовища, послушался.

Гектор распахнул дверцу кареты. Дама вжалась в угол сидения. Тёмные глаза лихорадочно блестели в темноте.

- Кто вы и что вам нужно? - визгливо от страха, но держа себя в руках, спросила она. Будто и правда, была аристократкой, попавшей в когти вампира. Гектор чертыхнулся: Кукловод продолжает игру.

Он достал маленький серебряный кинжал, и обхватив даму за плечи, приставил лезвие ей к горлу. Женщина взвизгнула тоньше и нервнее, забилась как бабочка в горсти. От кружев, обрамляющих лиф платья, волос, убранных в высокую причёску, пахло пылью. Прахом. Гектора даже замутило, будто он был ещё живым.

- Что вам нужно?! Возьмите кольца, мех... - залепетала дама, снимая с пальцев кольца с драгоценными камнями, стаскивая с плеч накидку. Гектор усмехнулся:

- Мне нужны ответы на вопросы, Нефандус!

- Что?! О чем вы?! -

Женщина дрожала, но уже не вырывалась. Совсем как живая, если б по звенящей тишине он не слышал, что сердце ее мертво... Гектор ослабил хватку. По-прежнему удерживая кинжал у шеи, достал из кармана пузырек воды из источника Донума.

- Не фиглярствуй, властительница мертвых. Откройся мне. Или прелестное личико, что ты берегла два столетия, потечет как горячий воск!

В глазах куклы полыхнула ненависть:

- Кто ты такой, чтобы я... -

- Богиня, я отниму немного времени. И щедро заплачу.

- Ты умрёшь сегодня, бессмертный!

- Я не от Дэви. Я ему враг. Ты же знаешь о поисках Голоса Бездны, что ведёт владыка? Я из группы его ищек.

- Ты в группе ищек Дэви, но ты не от Дэви? - на губах куклы отразилась усмешка далекого хозяина.

- Я ему враг, - вновь повторил Гектор.

- Мечтаешь забрать Голос Бездны себе? - кукла широко, плотоядно улыбнулась, показав высохшие мёртвые дёсны и желтые оголившиеся зубы, провела языком по их кромке. В глаза Гектору неприятно бросились её клыки - размером не больше человеческих, но острые, похоже, подпиленные каким-то инструментом.

Ах-да, у кукол не растут клыки. Можно залатать раны, но мёртвое тело не заставишь вырастить недостающий орган, - запоздало понял он и тут же вспомнил о странном обычае людей севера: они хоронили своих покойников с вырезанными глазами и сердцем. Видимо, чтобы их мертвецами не смог воспользоваться Нефандус.

- Думаешь, справишься с тем, за что не решается по-настоящему взяться сам владыка Дэви? Даже сейчас, простая ищетка, ставишь себя настолько выше всех, что не идешь в Лабиринт за моей милостью, а ворует моих любимых кукол и ставишь условия? - продолжала меж тем марионетка. Сквозь запах пыли от ее волос пробивалась струйка гнили от выдыхаемых слов. - Ты высокого о себе мнения, Гектор Долус. Но ты плохо узнал северного Кукловода!

Лошадь, дотоле стоявшая спокойно, вдруг прынула вперед, понеслась вдоль улицы без возницы. Копыта звонко цокали о разбитые мостовые, она бежала хоть и быстро, но размеренно, очень прямо, уверенно - везла карету к неведомой цели. Кто заложил эту цель?

«Неужели, и животное - марионетка?!»

Дама, заметив растерянность Гектора, залилась сухим трескучим смехом, будто горло тоже было полно пыли. Похолодев, он сжал кинжал крепче:

- Серебряный! Ранение долго будет заживать! Отвечай немедленно, куда меня везешь?!

Кукла продолжала хохотать. Потом резко замолчала. Гектор отнял кинжал от ее шеи, надеясь, что марионетка сейчас что-то скажет, но она, так же молча, осела. Голова свесилась на грудь, плечи утонули в накидке, платье расплзлось по сидению тающим кремовым тортом. Хозяин оставил куклу. Где-то вверху над несущимся экипажем насмешливо закаркала ворона. Нефандус все равно заставил вампира играть в свою игру.

Экипаж вылетел из города близ церкви святого Микаэля. Здесь кончался живой город и начинался мёртвый: невдалеке белел фундамент какого-то здания, разрушенного триста лет назад, а слева за частоколом деревьев просматривалось городское кладбище. Пронесшись по краю кладбища, они окончательно остановились около леса.

Гектор потянулся отворить дверцу. Дернул ручку, но от волнения вложил в ничтожное усилие столько злости, что погнул ее и сломал. Дверца с тонким скрипом отворилась. Гектор подхватил оказавшуюся неожиданно тяжелой, будто набитую камнями куклу-даму и вышел из кареты. Бездольное тело давно мертвой расплзлось из рук, как плохо сшитая тряпичная игрушка, голова все также клевала грудь носом, зато прямо перед его взглядом сиял белый затылок, пересеченный широкой бороздой шва. Концы шва терялись под волосами, будто лицо как ткань натянули на круглую болванку. Гектора опять по-человечески замутило, но он удержался и отвратительную марионетку не бросил. Сломать

Кукловода не получилось, осталось сыграть в его игру и выиграть, чего до конца за два столетия не удалось никому.

Тишины вокруг не было. С явственной насмешкой верещали в ветвях птицы, в лесу впереди перегавкивались одичавшие собаки. Но были эти твари живыми или все такие же, как лошадь? Волоча куклу, Гектор сделал шаг в сторону от кареты. Другой.

- Нефандус! Либитина! - громко крикнул он. - Покажись!

Только насмешливый вой, хохот в ответ. Меж деревьев показались смутно-человеческие силуэты. Пустошь галдела, как торговая площадь в базарный день. Сколько же у Либитины кукол?!

Гектор уставал. От запаха тлена и пыли кружилась голова, волнение сожгло весь запас чужой жизни, питавшей тело, он вновь был голоден. Очень скоро понадобится чужая жизнь, возможно, целиком. Но за деревьями не просматривалось ни одной живой твари, ни единой звездочки-сердца.

"В лесах Либитины живого зверья не бегают!" - вспомнилась не то страшилка, нето поговорка.

Ища куклу, к которой можно было б обратиться, он медленно двинулся к лесу, и скоро зашел под свод смыкающихся крон. Птицы, звери, неживые люди расступались с дороги, прятались меж колонн деревьев и хохотали, выли из тьмы на сотню голосов. Подстилка из мха мягко пружинила под ногами, лодыжки щипала тонкая, но цепкая весенняя трава. Гектор прорвался через дико растопырившиеся кусты, а дальше пошел густой лес. Хитрый кукловод завлекал глубже в свои владения, так и не открывая намерений. Что это сверкает в лунных лучах под ногами... Серебряный меч?

«Зачем он тут?» - это Гектор не успел додумать. Кукла в его руках ожила, тело напряглось, наполняясь нечеловеческой мощью. Дама взмахнула внезапно потяжелевшими, сильными руками, освобождаясь от хватки. Гектор успел перехватить холодное запястье, и тут жемчужный браслет на нем порвался... а с ним и кожа куклы. К плечу, пальцам побежала расходящаяся сеть трещинок. Кожа рвалась как ветхая ткань, взрывалась облаками легкой черной пыли, а под ней была... другая пергаментно-желтая кожа. Гектор отказывался верить глазам, но кукла-дама оказалась лишь оболочкой, еще одним слоем одежды. Вот, и платье с тихим трескучим шелестом ворошимого кострища упало на землю.

Остатки личины дамы расточились, сквозь оседающий шлейф пыли на Гектора глядело другое лицо, мужское. Он не успел и дернуться, а невысокая сухая фигура в простой одежде охотника на вампиров быстро подобрала серебряный меч. Охотник взмахнул им и рассек едва начавшую формироваться тонкую тень чудовищного обличья вампира. Следующим ударом - в грудь - лезвие прошило Гектора насквозь и вошло в дерево позади, пригвоздив.

Серебро парализовало тело, но разум был свободен. Он не дал одурачить себя представлением, хотя в голове стоял тяжелый туман. Вот так, хорошо... Гектор перевел дух. Главное, все время напоминать себе: это не настоящий охотник - лишь марионетка, прячущаяся под личиной другой. Она не сможет убить *carere morte* ритуалом, как настоящие слуги ордена...

Увидев, что вампир не боится, как большинство посетителей лабиринта, кукла отступила.

- Признаешь поражение, бессмертный? - глухим механическим голосом спросила она. Гектор быстро кивнул. Марионетка-охотник выдернула меч из тела вампира, и он теперь даже не почувствовал боли. Он весь был - настороженность и готовность. Игра

продолжается.

- Не пробуй играть против Либитины, Гектор Долус, играй на моей стороне! - будто прочитав его мысли, заметил охотник и захохотал.

- Ты знаешь мое имя?

- Я знаю о тебе больше, чем ты сам. Хозяину полагается знать всё о своих куклах, - неприятная усмешка - эхо усмешки кукловода - искривила лицо мертвеца. Гектор нахмурился:

- Тогда ты наверняка знаешь, зачем я ищу встречи с тобой.

- Ты пришел, как и все, за сведениями, - охотник оперся на меч, глаза сверкнули предвкушением долгой и лживой беседы.

- Верно, за сведениями и помощью. Мне нужна истинная история Голоса Бездны. Такая, какой она известна Дэви, чтобы я мог стать ему достойным противником.

- Почему ты уверен, что та история, которая известна Дэви, истинна? - прищурился охотник.

Гектор мотнул головой, прогоняя сомнения:

- Не пробуй запутать меня, Нефандус! Я хочу знать, что за «золотую кровь», которой нет ни в одной легенде, Дэви дал нам в качестве признака Голоса Бездны. Взамен, - он перевёл участившееся дыхание и невозможным усилием воли заставил замолчать бешено бьющееся сердце. - Взамен я стану частью твоей мести.

Вот теперь в глазах куклы вспыхнула заинтересованность:

- Мести?

- Мести Дэви. Владыка выгнал тебя и, говорят, изуродовал. Такую боль и ненависть не избыть в играх с куклами. Обрати их на владыку, вложи в оружие - меня! Помоги. Я хочу не просто убить или искалечить Дэви, чтобы занять его место. Я хочу убить идею, которой он существует, - идею о божественном бессмертии высших вампиров, чтобы он сам не смог больше жить.

Кукла сверкнула глазами:

- Это мне подходит.

Минута прошла в молчании. Кукловод изучал наглеца. Гектор с равнодушным видом старался смотреть поверх головы куклы и скоро заметил птицу - чёрный силуэт на верхушке ближайшего дерева. Ворон наклонил голову набок, рассматривал его любопытным глазом.

- О золотой крови говорится в старой, забытой сказке, - нарушила молчание Либитина. - Это сказка об Избранном и его Даре. Золотая кровь - вовсе не признак Голоса Бездны, хотя однажды в истории две страшные судьбы совпали в одном человеке. Оттуда пошла путаница, которой сейчас умело пользуется Дэви...

- Рассказывай!

- Это случилось во времена, когда вампирами правил Улисс Алитер, - женская мягкая улыбка престранно смотрелась на грубоватом мужском лице куклы-охотника. - К владыке пришёл юноша, бывший в то время Голосом Бездны, он попросил бессмертия. Алитер был наслышан о его способностях и с радостью согласился, полагая что с обретением бессмертия вампиров, сила Голоса Бездны еще возрастет. Он пожелал обратить юношу в ночь Бала Карды, и праздник обернулся трагедией. Голос Бездны оказался к тому же Избранным, и его золотая кровь убила владыку. Алитер пил ее, но она не возвращала ему жизнь - она отнимала его вечность! А он, поглощенный мыслями о том, что создает идеальное оружие в грядущей войне с охотниками, не замечал этого, пока не был осушен до дна. Тело Алитера иссохло,

будто века провело в земле, юноша же стал Великим вампиром, сильнейшим из всех. Лишь Дэви сумел укротить его. Дэви и Великий развязали войну за Карду. Орден был изгнан. Охотники ушли в Дону, и вампиры праздновали победу. Только Великий пробыл с ними недолго: его голод и жажда убийств были неутолимы. Он ненавидел своё существование и, говорят, однажды сам вышел на солнце.

- Кого же Дэви ищет сейчас? Избранного или Голос Бездны? - задумчиво спросил Гектор. Новые странные знания не могли встроиться в четкую структуру его плана, это злило.

- А ищет ли он их? - кукла засмеялась. - Подумай, Гектор Долус!

- Если владыка Дэви не ищет их сейчас, значит, он безумен.

- Он умен. И благороден. -

Охотник прервался. Взгляд его изменился, стал мужским, острым:

- Что ты принес мне? - голос куклы дрогнул, в него просочилась толика эмоций хозяина. - Я чую...

Гектор усмехнулся и достал из кармана точно такой же, какой показывал низшему, пузырек с золотой звездой внутри.

- О - о! - восхищенно выдохнула кукла. - Дар!

- Я не знаю, что это. Я запутался. Но это то, что приказал найти Дэви. Смогу ли я использовать это против него?

- Ты не запутался: не в чем запутываться, ты ничего не видишь. Ты думаешь, что знаешь свою цель, но на самом деле ты ее еще не выбрал. Я жду, когда ты сделаешь выбор, - марионетка растянула губы в широкой улыбке, показав те же мелкие, но острые клыки, что Гектор увидел у дамы в карете.

- Выбор между чем?

Кукла неопределенно помахала рукой:

- Лишить Дэви могущества можно, пойдя по пути мечты низших, а можно, пойдя по пути сказки об Избранном и его Даре, которая отлично известна твоей хорошей знакомой. Больше я ничего не скажу, пока ты не выберешь.

Гектор решил, что спорить с этим опасно.

- Прощай, Кукловод, - сдержанно сказал он. - Благодарю за ответы. Ты еще услышишь обо мне.

Охотник отступил и, укутавшись в плащ крылатой тени, растворился в темноте леса.

- Рано прощаться. Ты вернешься, - ехидно прозвенела тьма вокруг.

Кружным путём Гектор возвратился в своё убежище в руинах Старого города на Пустоши. Это была небольшая прямоугольная камера, в которой едва помещались постель, один стул, книжные полки и простой светильник. Постель представляла собой узкую яму глубиной и длиной в рост человека, выстланную тонкой тканью и наполовину закрытую сверху каменной плитой. Он пользовался для сна земляной ямой по привычке, доставшейся от родителей-низших: считалось, что холодная постель продлевает молодость и позволяет дольше оставаться сытым.

Гектор снял сюртук и улёгся. Вглядывался в грязно-серую пустоту потолка камеры и размышлял. То, что он узнал от Либитины, растревожило.

Он привык, что все происходящие события укладываются в четкую картину. А сейчас понимал лишь, что не понимает ничего. Какие две истории и две судьбы одного человека? Какой Дар? Каковы настоящие мотивы действий Дэви? А Вако? Визит к Кукловоду ничего

не прояснил, лишь больше запутал.

«Мечта всех низших», - напомнил себе Гектор и стало легче. Судьба родителей до сих пор вдохновляла его, ведь они стали первыми вестниками возможности этой мечты. Через двадцать лет в облике низших они решились уйти. Первое разбитое их взглядами зеркало стало сигналом превращения в чудовищ-высших, которого нельзя было допустить. Чтобы уничтожить низшего, достаточно серебряного кинжала в сердце... Они умерли без страха Пустоты, в один день, как в доброй сказке. Они доказали: можно воспользоваться положительными сторонами бессмертия *carere morte* и не получить настоящего проклятия Бездны, не стать голодным убийцей - высшим.

«Дэви помнит, что двести лет назад две судьбы совпадали в одном человеке, потому и дал им с Мирой золотую кровь Избранного как признак Голоса Бездны, ведь по эмоциям, как низшие, высшим его не найти. Да, наверное, так. Но что, если все эти поиски и нелепый признак - лишь проверка ищущих на верность и ничего более, как говорила Мира?!»

Что ж, если так, проверку Гектор уже провалил. Потому что найти золотую кровь и не попытаться сыграть свою партию в большой игре за власть над Терратиморэ - верх глупости. Безумие, сродни безумию Нефандуса. -

На мгновение Гектор отвлёкся, вспомнив странное представление Либитины, сотни кукол, наводнивших лес, и ужасное лицо дамы, сменившееся мужским...

«Кто таится там, в лабиринте? Старый, выживший из ума кукольник? Непризнанный драматург? Дитя, не наигравшееся в куклы?..» -

Он поморщился, представив все эти фигуры, и вернулся к оставленным мыслям.

Чего бы ни желал владыка, ни от Голоса Бездны, ни от Избранного он не получит ничего. Гектор вырвет их из его рук. А Дэви? Гектор сполна насладится его поражением, прежде чем убьет. -

У него не было личной вендетты к владыке высших. Ни в человеческой, ни в бессмертной жизни Гектор и его родители не страдали по вине Дэви. Но ему нужен был соперник, реальный, не умозрительный, чтобы тянуться за ним, расти, достигать и побеждать. Упрямый росток, тянущийся к звездам сквозь ветви высоких деревьев, - если б Долусы были знатными господами из Короны, на их гербе было бы именно это.

Он едва дождался следующих кратких весенних сумерек и вновь отправился в город. Он летел хорошо знакомым путём, к дому Вако.

О том, что искомый человек спрятан здесь, Гектор догадался, едва на третью ночь поисков напарница упомянула возраст своего племянника. Мира тут же заверила, что его кровь не светится золотом... Солгала. Недавно Гектору удалось выманить мальчика за пределы защиты дома Вако, и он убедился в верности своей догадки.

Стража низших сегодня была усилена. Потрясенный видом золотой крови в пузырьке, Конор совсем забыл приказ владыки Дэви и наводнил улицы низшими. Их можно было узнать меж обычных прохожих по особому взгляду, то отстраненному, когда они прислушивались к эмоциональному фону целой улицы, то внимательному, пронзительному - когда они замечали всплеск чувства, по их мнению, подходящего Голосу Бездны.

На Старом мосту стоял один низший. Он уже приглядывался к дому Вако... Гектор натянул на лицо платок до самых глаз, подражая служителям ордена на охоте, и, бесшумно подкравшись, вогнал ему в сердце серебряный кинжал. Процедив: «Отродье Тьмы!» сбросил обмякшее тело в воду и обтер вытащенный кинжал, пока серебро не почернело от частицы проклятия в крови низшего. Если Конор и успеет прочитать в общем мысленном фоне об

этом инциденте, подумает на охотников, как думал прежде. С тех пор как Гектор заподозрил, где скрывается Голос Бездны, ему регулярно приходилось в одиночку патрулировать окрестности дома Вако, и не раз он втайне выручал Винсента и Миру... Да Вако вечно должна быть ему благодарна!

Последний широкий черный круг волны разошелся от упавшего в реку низшего, и Гектор тихо двинулся к дому. Чуть скрипнули незапирающиеся ворота. Он прошел аллеей до половины сада и остановился, почувствовав сопротивление уплотнившегося воздуха. Защита дома. Гектор снял перчатку и коснулся её ладонью, потом надавил. Невидимая стена колыхнулась, будто занавесь, но не исчезла. Не стоило тревожить призрак Регины Вако прорывом защиты... Он решил наблюдать отсюда.

Прямо напротив его взора горело окно гостиной. Шторы были раздернуты. Мира с племянником забрались в кресло с ногами и листали какую-то книжку. Одинаково золотистые волосы на склоненных головах смешались в единое поблескивающее искорками пламени облако. Старшей сестры Миры в комнате не наблюдалось, и Гектор долго, ревниво следил за этими двумя, ничем, даже биением сердца не выдавая себя, только чувствовал, как все тело опять заполняет холодная ярость.

Ему было хорошо знакомо это чувство - ревность. Именно оно пять лет назад окончательно выбросило Гектора из комфортного существования низших в пропасть вечности высших. Он поклялся не допустить повторения ошибки. «Страсти смертных губят бессмертных», - часто повторял он случайно услышанную от одного из друзей отца фразу, но появилась Мира, и благие намерения, логические выкладки забылись. Покорная и хитрая, послушная и скрывающая все истинные мысли за синим, лживым стеклом глаз... Ее молчание, холодность злили и завораживали. Она играла с ним, не понимая, какое чудовище внутри него дразнит. Хотелось прижать ее к стенке, не оставив ни единого выхода ускользнуть, и медленно разъять по кусочку. Следуя за ускользающей как ртуть ложью ее облика, пробраться, кислотой выедавая путь, до самой сути.

«Но даже так, овладеет ли он ей до конца? Подчинит ли полностью?»

Лицо Миры, освещённое тихим пламенем очага, казалось прекрасным и неприлично, отвратительно живым для *carere morte*. Гектор смотрел на неё, а внутри поднималась холодная, тяжёлая волна ненависти...

Не может быть, чтобы ей не было известно о золотой крови племянника! Мальчишки расшибают локти и колени каждый день. Но почему она скрывает его от всех? Отдавать Винсента Дэви она не хочет, но что мешает довериться Гектору? Неужели, прошлое, от которого Вако так и не сумела отречься?

Хелена, подруга Адама, проболталась как-то после обильной трапезы пьяной кровью, что в начале вечности Мира была любовницей собственного брата, и что мальчик, с которым она носитя как с сокровищем, похож на того Алана как две капли воды. Тогда что ее забота: искупление старого греха или жажда нового? Почему Мира не хочет ввести Винсента в свиту Дэви, да еще в облике самого могущественного существа? Может, собственница, она не хочет его ни с кем делить?

Точно так же, как он, собственник, не хочет ни с кем делить ее...

Мира, улыбнувшись чему-то, перевернула очередную страницу и начала неслышный рассказ. «Глупо! - оборвал себя Гектор. - Очень глупо! К кому ты ревнуешь? К семилетнему ребёнку? Посмотри: он ей как сын. Мира играет в мамочку, и всё. Это другая любовь. Мальчишка - дитя её души и тебе не соперник». -

Но уверенности он не почувствовал. Было в кажущемся невинным и незащищенным общем силуэте этих двух что-то еще. Какая-то сила, великая, всеобъемлющая, только пока не проявившаяся в реальности. Как Тень в яблоневом саду, эта сила не обрела форму и направление удара, но она... была. Дэви, Кукловод, Кононор, Гектор - все они были перед ней ничем.

Будто поймав эхо последней мысли Гектора, Винсент вскинул голову. Внимательно, с недетской серьезностью поглядел вглубь сада, точно в глаза вампиру, хоть никто из смертных не различил бы его фигуру меж ночных теней. Гектор, не выдержав, отступил, потом вовсе ушел за ворота. Что-то огромное, неохватное померещилось во взгляде мальчика. Что-то... Яростное и жгучее как солнце, и от него нельзя было заслониться никаким щитом, его лучи пронизывали все.

Успокоившись, он хотел вернуться в сад, дожидаясь, когда выйдет Мира. Но тень, появившаяся в конце улицы, заставила замереть. Плотный мужчина в теплом удобном плаще и прибавляющем роста цилиндре. Дорогая трость с тяжелым золотым навершием звонко отмечала шаги. Валерий Кононор. Все-таки явился сам, решив для новой беседы пренебречь приказом владыки Дэви.

- Гектор Долус, - негромко заметил Кононор, подходя. - Вчера мне принесли вещицу, при виде которой я понял, пришло время нам побеседовать.

Гектор довольно осклабился. Кононор, подходя, окинул его долгим взглядом, в котором за вечным бесстрашием читалось сомнение и беспокойство:

- Это та кровь, что вам поручили. Я взял в плен высшего, и тот подтвердил: она светится золотом. Но уверен ли ты, что это кровь именно Голоса Бездны?

- Ты точно так же не уверен в том, верно ли его ищешь, раз перепроверяешь эмоции жителей Карды опять и опять.

Беспокойство в ярких голубых глазах низшего стало отчетливей, замерцало жгучими искорками:

- Да, это оказалось сложнее, чем я предполагал. Ярких эмоций у детей много, сложно найти меж ними действительно особенного.

- Мы могли бы найти его, разделив мысли.

Кононор чуть откинулся назад, будто принял удар, оперся на трость:

- Разделив с тобой мысли, я уже не позволю убить тебя и тем поставить под угрозу собственную жизнь. Хороший вариант для тебя, Гектор, обременительный для меня. Почему ты уверен, что я соглашусь?

- Ты не захочешь уступать Голоса Бездны Дэви и - ты же пришел ко мне на встречу вопреки запрету владыки, - Гектор улыбнулся. - Видишь, я знаю о тебе достаточно и без обмена кровью.

В глазах Кононора неожиданно мелькнула усталость.

- Хорошо, - почти без паузы согласился он и, порезав руку кинжалом, протянул ему. Гектор сделал то же. Кровь вампиров смешалась, и поток чужих мыслей захлестнул Гектора. Ему открылась сразу вся мысленная паутина, связывающая низших в единую сеть: разноголосый, пестрящий разноцветием океан красок. В таком немудрено потерять себя... Гектор поспешно отгородился, поставив образ голода высших: пугающее чудовище для низших. Океан тотчас отхлынул, остался лишь один голос, одна краска, Кононора:

«Итак, чья кровь была в пузырьке?»

Гектор вызвал в памяти вид дома Вако.

«Винсент Линтер. Ему семь лет. Он племянник моей напарницы Миры».

«Хм... - голубая, как его глаза, краска Конора замерцала сталью. - Этот мальчик был отмечен и нами, как возможный Голос Бездны. Необычные эмоции. Сильные, стойкие, яркие. Только странная идея питает его воображение - он мечтает об исцелении вампиров. Кто бы мог внушить ему ее?»

Как ни старался Гектор оставаться холодным, ему не удалось скрыть от низшего заволновавшиеся единым бурным морем мысли и чувства:

- Я поговорю с Мирой.

Распрощавшись с Конором, он снова направился к дому Вако, но Мира уже шла навстречу. Поравнявшись, Гектор вежливо поклонился, и она, будучи в прекрасном расположении духа, впервые за прошедшее время доброжелательно улыбнулась:

- Что ты хмуришься, Долус? Я даже не опоздала. Летим в Вастус?

- В церковь Микаэля. Сегодня поисков не будет, предстоит важный разговор.

- Но мы, кажется, все обсудили? - теперь пришел черед хмуриться Мире.

Более на всем пути до церкви, которой оканчивалась длиннейшая в Короне Карнавальная улица, ни он, ни она не сказали ни слова.

Церковь Микаэля стояла совсем пустой с тех пор, как сюда двести лет назад вошел владыка вампиров Дэви. С тех пор здесь не возносили хвалу Королю Арденсу, здание перешло во владение вампиров и второго бога Терратиморэ - Дэви. Гектор и Мира устроились в церковном саду. С одной стороны, за невысокими молодыми деревьями угадывалось огромное городское кладбище, а на противоположной стороне чернела громада Карды. Зубчатый ряд остроконечных крыш будто обрезал глубокое, загадочно мерцающее мириадам глаз, ночное небо: точно сама тьма, вечно несытая, вечно беспокойная, надкусила его край, оставив след всего своего множества клыков. Мира молчала, пока Гектор рассказывал свой план: как пришел к нему, как сумел воплотить в реальность. Когда город за их спинами промерз до основания, впитав весь холод ночи, а небо у противоположного, утыканного могильными камнями горизонта, начало светлеть, он, наконец, закончил.

- Так ты почти с первой ночи знал! - прошептала Мира и снова замолчала, закусила губы. Пыталась сдержать крик или плач, но и крик, и плач блестели в синих безднах ее глаз.

- Так же, как и ты.

- Но откуда уверенность, что Винсент именно Голос Бездны? Я не замечала у него никаких особенных способностей, кроме тех, о которых говорится в совсем другой сказке, которые вовсе не связаны с Бездной!

- Конор говорит, низшие Винсента также отмечали.

- У низших было, с чем сравнивать? Они много Голосов Бездны видели в своей краткой вечности?

После Кукловода ничто не выбьет его из колеи. Гектор равнодушно пожал плечами:

- Ты предлагаешь уточнить это у Дэви?

Мира сникла и, довольный, он продолжил:

- Я не выдам Винсента владыке. Объясни одно: почему ты скрывала его?

- Я не хочу, чтобы он увидел хоть краешек проклятого мира *carere morte*, - выдавила она.

Гектор усмехнулся:

- Я думал напротив, что ты этого хочешь. Чтобы он, как и Алан...

- Что, стал моим любовником? Стал вампиром? Сошел с ума, как Алан? Погиб в ритуале охотников как Алан? - зачастила она на одном вдохе. - Нет!

- Но почему-то он тебе дорог.

- Как сын!

- Он тебе не сын, *carere morte*, - жестко сказал Гектор. Мира снова закусила губы, сжала белые, призрачно светящиеся в предсолнечном свете руки на коленях. - Подумай, что предлагаю я. Не рабство у Дэви - партнерство со мной и Конором ради великой мечты. Любая мать хочет для своего дитя лучшей судьбы. Новый мир, в котором не будет жестоких, вечно голодных высших вампиров - разве это не прекрасная, не достойная цель?

- А потом? - на ее щеках медленно, также медленно, как рассвет над горизонтом, разгорался румянец - признак человеческого волнения. - При самой строгой диете низшие превращаются в высших через двадцать-тридцать лет. Что дальше?

- Мы надеемся продлить этот срок до пятидесяти лет и более... А тех, кто преступит закон, превратится в высших, расплата не заставит ждать. Их будет уничтожать Тень, направляемая Голосом Бездны.

- А когда Голос Бездны умрет от старости?

- Он не умрет. Естественно, Винсента сделаем бессмертным и высшим.

Мира разочарованно выдохнула.

- Тогда это не прекрасная цель. Это мечта, и хрупкая, неосуществимая. Низшие просто закрываются ею от страха Пустоты. Давай, я расскажу свою, и ты поймешь, почему я скрывала золотую кровь Винсента, - ее глаза заискрились старой, неведомой ему памятью - счастливым прошлым, ощущением объятий другого. Это было отвратительно. Ревность ошпарила ведром кипятка.

- Ты знаешь сказку об исцеляющем Даре? Нет, конечно, никто ее не знает, - зашептала Мира. - Я не знаю, сумеет ли Винсент направлять Тень, но я точно знаю, для чего предназначена его золотая кровь. Это Дар, которым можно разрушить проклятие *carere morte* и исцелить их. Дэви скрывает правду, потому что боится, Дар поставит под сомнение божественное предназначение вампиров, мыслями о котором он живет. Но если мы дадим Избранному то, к чему он предназначен, дадим ему исцелять вампиров - мы получим новый, прекрасный мир где вообще не будет *carere morte*, ни высших, ни низших! Дэви будет посрамлен, и лучше, чем это сделает мечта низших. Неужели ты сам не видишь, как она шатка? Все держится на бессмертии Голоса Бездны, а он может не пожелать вечности! Даже чары вам не помогут... А если сделать по-моему, Дэви будет просто раздавлен! Как тебе это, Гектор? Гектор... - шептала она и неосознанно... или с тонким расчетом? поглаживала его покойно лежащую на спинке скамьи руку холодными тонкими пальцами, пока Гектор не накрыл ее кисть своей. Остановил дразнящие и раздражающие прикосновения и успокоился сам. Сообщение Миры обрадовало: ее цель ему теперь известна, и она оказалась лишь смешна, не опасна. Это не он - она ничего не понимает в истинном устройстве мира *carere morte*!

- То, что ты говоришь - это утопия, Мира, - с жестокой лаской сказал он. - Наша страна существует благодаря проклятию Первого вампира. Только страх перед ним сдерживает соседей от нападения, если проклятие падет, Терратиморэ немедленно раздерут на части! Мы же четыреста лет на воевали ни с кем! Ни опыта, ни смелости, ни готовности. И... будет так, как я сказал, потому что с Конором я уже поговорил и обменялся мыслями. Он знает о Винсенте, знает даже то, о чем мы сейчас говорим. Смирись.

- Какой... ужас, - пробормотала Мира. Ее лицо задрожало, будто она собралась

расплакаться, рука, накрытая его ладонью, дернулась, но не сумев вырваться из клетки его пальцев, смиренно затихла. И в этот миг Гектор почувствовал жгучую, четыре месяца выматывавшую предвкушением, а сейчас ставшую реальностью радость обладания. Покорная, плачущая, эта дикарка наконец-то была - его. Только в глубине ее глаз еще сверкало что-то совсем чуждое, резкое и острое как меч охотника... Торопясь разрушить последнюю преграду, Гектор выпалил:

- Да что тебе нужно от Винсента, кроме внешнего сходства с бывшей любовью?! Стоит это твоего упрямства, а?! Смирись с моим и Конора планом. Иначе в нем для тебя просто не найдется места!

- И что вы по вашему плану сейчас будете делать с мальчиком? - выдохнула она. - Конор хочет забрать его себе?! Если... если он это сделает, я все сообщу Дэви!

Она уже сдалась: угроза была пустой, и Мира сама это понимала: Гектор мог убить ее в любой момент. Наслаждаясь ощущением власти, он сжал ее руку сильнее.

- Мы можем забрать Винсента из дома Вако и воспитывать среди низших, и раз ты так не хочешь его отдавать, тебя придется убить. Но, увы, это наверняка привлечет лишнее внимание Дэви к дому и фамилии Вако, а мальчик пока не умеет направлять Тень, чтобы стать владыке достойным противником. Видишь, этот вариант не устраивает ни тебя, ни нас. Предлагаю иной: Винсент остается с тобой, и ты воспитываешь его в ненависти к высшим и приязни к низшим. А мы следим за фоном его эмоций и ждем, когда он подрастет и осознает свою силу достаточно, чтобы выступить против Дэви. Если достойно воспитаешь племянника, обещаю подумать о месте для тебя в новом мире низших. Соглашайся. Или дальше будешь упрямитесь?

Мира молчала. Опять вспоминала что-то неведомое ему... Глаза заволоклись сонным безразличным туманом, но ее рука вдруг скользнула выше - по его предплечью, прослеживая ход раздутых чужой теплой кровью вен.

- Ты говорила, любовь отнимает слишком много сил, - мгновенно насторожившись, заметил не ожидавший столь быстрого отклика Гектор. Слишком холоден был ее взгляд для близости любовницы, это была близость убийцы. Мира была безоружна, но оружие, которым можно воспользоваться есть у него... Гектор расстегнул ремень с кинжалом, отбросил подальше опасное лезвие. Проследив это движение, Мира лукаво, чуть нервно улыбнулась:

- Разве, речь о любви? Мой первый любовник сказал, я хочу от вечности подчинения и пустоты. И он был прав.

Не отводя взгляда от ее лица, Гектор вновь вызвал в памяти пустоглазое чудовище голода высшего, и ярко-голубое пятно - образ Конора в общем мысленном море, тут же растворилось. Низший временно оставил наблюдение за партнером по мыслям. Теперь они с Мирой были подлинно одни.

Солнце вставало, и они как преступники сбежали от его ищущих лучей в церковь. Мира отвечала на ласки, вела по коже холодными пальцами, запоминая линии скул, плеч, рельеф торса, а ее туманные странные глаза следили за ним, изучая. Как чувствительные кончики пальцев - чужое тело, они запоминали силу и слабость его духа. И не было в их близости ни капли любви. Это была разведка: поиск болевых точек противника, это была война: они обменивались ласками, как в битве ударами. Даже когда вся одежда была сброшена, гладкая кожа Вако показалась Гектору железным доспехом. Все равно она была - не его... Даже когда он навалился сверху, не оставляя ей возможности ускользнуть, ее лицо осталось чужим, далеким, а тело было ледяным, обжигающим, как черная вода зимней проруби.

После, когда Мира одевалась, Гектор окинул ее фигурку новым расслабленным и презрительным взглядом, как всякое, сломавшее себя и уступившее его силе и напору. Он отыскал Голоса Бездны и обеспечил себе будущее в мире низших обменом кровью с их владыкой. Вако не мешает нашему с Конором плану. Все будет хорошо, - сказал он сам себе, но внутренней уверенности не почувствовал. Туманные, в глубине смеющиеся глаза Миры ставили под сомнение это «хорошо». «Подчинение... и Пустота», - зачем-то вспомнил Гектор, и какая-то тень легла на сердце, ожгла холодом. Он так долго искал сильных эмоций Миры, чтобы выпить, а когда она оказалась в его власти, ее отчаяние ничуть не утолило его голод. Наслаждение чужими чувствами осталось далеко, в прошлом низшего. Впереди была лишь Пустота вечности высшего.

...и тут будет атмосферный набросочек Карды от Ирины Кварталовой)
(или "церковь Микаэля глазами Кукловода")

Глава 4 Война на два фронта

Гектор ушел днем, он не боялся ходить под солнцем, нацепив плотный плащ с капюшоном и закрыв лицо платком, как охотник на вампиров. Мире, увы, пришлось задержаться до заката. Весь день она бродила по залу церкви меж уцелевших скамей. Каблуки размеренно как часы отстукивали шаги, а утекающее время становилось физическим ощущением, холодным ветром скользило в теребящих прядь волос пальцах. Потом она бежала по стремительно темнеющим, улицам еще пахнущим свежим, хрустким как яблоко весенним днем, а время уже жестким потоком хлестало в лицо.

Зимой, когда первая оторопь и восторг от открытия Избранного схлынули, Мира осознала, в каком сложном положении оказалась, и пришел ужас. Ведь она поклялась владыке в верности, обещала исполнить задание - а теперь придется скрывать от него золотую кровь, играть нелепую комедию, которая в любой момент может превратиться в трагедию!

Идеи приходили в голову, одна другой страннее. Отправить Винсента прочь из Карды выходом уже не было: его золотая кровь может открыться вампирам в любом месте в пределах земли страха, стоит ребенку чуть оцарапаться. Что, если увезти сестру с племянником за границу? - но северная и южная закрыты наглухо и светловолосых выходцев из «проклятой земли», там не жалуют. На западе и востоке свои войны и беды. К тому же существовало старинное поверье: выйдешь за пределы земель Арденса - упадешь мертвым, и выезжавшие за границу хоть ненадолго действительно жаловались на ухудшение самочувствия... А уж голод *carere morte* на чужой земле многократно возрастал, их там убивали, как бешеных зверей... И, ко всему прочему, спешные сборы и бегство обязательно привлекут опасное внимание Дэви!

Другой раз Мира думала, сыграть сошедшую с ума от голода дикарку, чтобы владыка разочаровался в ней и прогнал из свиты. Так она хотя бы сможет защитить Винсента в любой миг, в любом городе или стране. Только поверит ли владыка лжи? А если она и правда поохотится сейчас как в былые времена, может сойти с ума. Срывы с диеты высших из высших, по слухам, были ужасны.

Питание всего одной жизнью в месяц лишало сил, делало ум медленным, неповоротливым... Мира думала в конце концов обратиться за помощью к Гектору, но тот слишком был увлечен мечтой низших. Сможет ли он отступить ради чужой мечты об исцеляющем Даре? Все же она тихонько готовилась к этому разговору... и тут все рухнуло в единый миг.

Что теперь? Спешно доложить о планах Долуса и Конора владыке? Но доберется ли она до «Тени Стража»? Гектор поймает предательницу по пути... И даже если не сегодня, потом она скажет все Дэви, поверит ли владыка, что Винсент вовсе не похож на страшную Регину Вако, бывшую Голосом Бездны сто лет назад? ...И даже если поверит, зачем он дал им заданием поиск именно золотой крови? Что, если Дэви для неведомой цели нужен как раз Избранный, а не Голос Бездны?

Столько дней она, пытаясь найти ответы на эти вопросы, выстраивала самые хитроумные комбинации... А когда подошло время столкнуться с ними в реальности - все, на что хватило ее хитроумия - это воспользоваться страстью Гектора, чтобы потерять еще и собственное достоинство! - Мира подумала так и горько засмеялась.

Винсент ждал в саду. Подходя, Мира смотрела, как он чертит что-то палочкой в пыли аллеи, и горячая волна тревоги и любви поднималась в сердце. Высокий для своих лет и худощавый, светлые волосы длинны для мальчика, но остричь эти локоны не поднималась рука ни у Агаты, ни у нее самой... В последние два дня Винсент сделался необычно молчалив, постоянно насторожен, и теперь Мира поняла причину. Недавно он встретился с крылатой тенью - наяву, не во сне и не в сказке.

- Ты меня ждешь, Винс? - не удержав беспокойство, прорвавшееся легкой хрипотцой в голосе, спросила она. - Что случилось?

Мальчик вскинул прозрачные пронзительные глаза:

- Да, тетя. Я хотел спросить кое-что по сказкам. Что нужно сделать, чтобы стать *carere morte*?

- Что за вопрос? - ожидавшая совсем другого, Мира нервно засмеялась.

- Я серьезно, - в голосе послышался нажим. - Нужно, чтобы другой вампир выпил твоей крови?

- Нет, - все поняв, быстро и также хрипло воспротивилась Мира. Ступила ближе и заметила, что манжет правого рукава его рубашки странно топорщится. Племянник неумело забинтовал себе запястье.

- Чтобы стать вампиром, нужно самому выпить бессмертной крови. *Carere morte* может напоить тебя ей как по твоей воле, так и пока ты без сознания. Ты ведь не терял сознание?

- Что? - он отлично сыграл наивность, захлопав длинными ресницами, но Мира не поддержала игру. Она сорвала повязку. Под бинтом нашелся ровный аккуратный ножевой порез. Конечно, не следы клыков, Гектор не безрассудный дикарь.

- Как он нашел тебя?

- Кто?

- Винс, не юли, - Мира опустила перед ним на колени. - Я знаю, кто в Карде оставляет такие порезы.

Он мгновение смотрел прямо в глаза, взгляд потрясенный, но не потерянный. Потом губы зашевелились:

- Они есть не только в сказках, тетя...

- Я знаю, знаю, - она притянула его к себе, обняла. - Все равно не бойся их, я рядом.

Он доверчиво прижался к ней, а Мира представила противника, Гектора, упрямого и сильного, как машина, выполняющая сложную задачу... Глупец, уцепился за нелепую мечту низших, а ее и слушать не захотел! И Гектор уже заручился поддержкой Конора... Вспомнив это, Мира еще крепче прижала к себе Винсента. Больше всего хотелось схватить его в охапку и умчаться на крыльях куда-нибудь на край света, подальше от политических игр и вампирских владык, но она уже опоздала. Поздно бежать! Остается сражаться.

Потому что ни Дэви, ни Конору она Винсента не отдаст ни сейчас, ни через десять лет. Мира только вспомнила холодный пустой взгляд владыки вампиров, вспомнила слова Гектора, что из Голоса Бездны они с Конором намереваются сделать бессмертного монстра для охоты за высшими, и ей стало по-человечески плохо. Погубить его, чистого, ясного, сделать еще одно чудовище, подобное Алану?! Нет, нет!

- Я не боюсь вампиров, - прошептал Винсент. - Но я не понимаю, кто они. Они люди или чудовища?

- Чудовища, - сказала Мира, думая теперь о Коноре и его чарах. - И я научу тебя, как давать им отпор.

- Ты охотница на вампиров?! Я так и знал!

Мира усмехнулась:

- Нет, мальщ, я не в ордене. Но знаю о *carere morte* достаточно.

Гектор хочет, чтобы она обучила Винсента, сделала из него покорного слугу *carere morte*... О, она его обучит! Только противоположному - воспитает охотника на вампиров.

- Вампиры такие же, как люди, - рассказывая Мира, тихонько повела его дорогой к дому. - Могут быть такими же злыми, хитрыми, умными, только при этом они куда сильнее человека. Сказочная чепуха вроде чеснока и вербены на них не действует. Символы Веры могут быть сильны, только если защищающийся, а равно и вампир в них действительно верят, а в наше время это - большая редкость. *Carere morte* чувствительны по-настоящему только к солнцу и серебру.

- Значит, днем меня не должны тронуть? Но тот вампир...

- Поймал тебя днем? Бывают и *carere morte*, не боящиеся солнца, их зовут низшими. Они также боятся серебра, как высшие, но сами не сильнее человека и бескрылы. Низшие опасны другим: могут подчинить разум чарами, и ты этого даже не заметишь. От крылатых вампиров защищайся серебром, а лучше просто не выходи за ворота: у нашего дома сильная защита. От низших защититься сложнее, но возможно. Нельзя допускать дурных, злых мыслей, не сомневаться в себе и не бояться, потому что все это - двери в твою голову для них.

- Я думал, тот вампир просто прохожий...

Мира скрипнула зубами:

- Этот *carere morte* к тебе больше не подойдет. Я с ним разберусь.

Тело еще помнило жестокие ласки Гектора, хотелось поскорее смыть это ощущение чистой водой. Мира была противна себе самой из-за того, что сделала, но в глубине души начинало крепнуть мрачное и одновременно радостное знание, что она нашла уязвимость Долуса. Ее тело станет ядом, постепенно отравляющим... и побеждающим его. Она останется близкой Гектору, и со временем его бдительность ослабнет. Он смотрел с таким презрением после всего, думает, уже победил... Но однажды она улучит момент и вонзит ему в сердце серебро с его же пояса. Хотя бы один противник будет повержен.

- Я вижу их среди людей, - тихо-тихо прошептал Винсент. - Если приглядеться как следует, их можно отличить. Раньше я думал, это просто тень или у меня какое-то неправильное зрение, а теперь понял. Проклятие *carere morte* - это оно как тень. На сердце и в глазах.

Мира с испугом взглянула на него: нашел ли он уже и у нее тень на сердце? Похоже, нет. К тем, кому доверял, Винсент пока не «приглядывался».

- Если я их вижу, значит, у меня Дар? Как в сказке? - продолжил меж тем мальчик. Мира нервно рассмеялась. Если б она знала, что ответить!

Сказать ему: да, ты Избранный? Ах, какие опасные слова! Они либо снимают с плеч груз всякой ответственности: избранные делают что хотят, либо наоборот придавливают к земле невыносимым грузом: избранный должен спасти всех. И, если она скажет, придется сказать и о Дэви, и о Коноре, об охоте, которая открыта на золотую кровь. А что сказать Винсенту о Тени, мощь которой он по мнению Конора способен направлять? Рано! Пусть подрастет.

К тому же, хитрец непременно потребует доказательств. И что она скажет? «Я видела твою золотую кровь»? Признаться, что она чудовище, *carere morte*?

- Не знаю, солнышко, - выдавила Мира. - Некоторые люди умеют видеть вампиров среди людей, но это не значит, что у них есть Дар. Ты вырастешь еще, и тогда сам поймешь, Даром ли вызвана твоя зоркость.

...Потом Мира думала: столько лжи в такой важной беседе! Однажды вся она вернется к ней страшным, возможно смертельным ударом. Однажды Винсент узнает, что она *carere morte*... Что тогда? Примет он ее или прогонит?

Следующие восемь лет, несмотря на всю ложь, стали лучшим временем для обоих. Время светлой дружбы и безусловной детской любви. Вспоминая его потом, Мира признавала, что никогда их отношения с Винсентом не были столь близкими, когда они просто могли идти рядом, и она бы держала его ещё детскую руку. Отринув призраков прошлого, не страшась будущего, не соблюдая обязательную дистанцию... Винсент, полагая, что она охотница, помогал скрывать от Агаты ночные отлучки и так смешно заботился о ней днем, чтобы на кожу *carere morte* не попало ни лучика солнца! Похоже, он считал, тетушка пострадала от вампирских клыков, потому обрела некоторые черты *carere morte*. Она была ему старшей сестрой. Счастливое фальшивое время...

Увы, Мира так увлеклась процессом обучения, с теоретическими занятиями и оттачиванием боевых навыков, что совсем забыла о другой войне, которая также постоянно велась в ее сердце - войне с образом Алана. И скоро всё изменилось. Мальчик вырос, и ей стало тесно с ним новым. Хохоха и гримасничая, вырвался из заточения старый призрак.

Винсенту исполнилось пятнадцать. Он вырос, уже теперь был выше Миры. Лицо было ещё по-детски мягким, подбородок, скулы не выделялись рельефно, но голос потерял детскую тонкость.

Голос Алана - вот первое, что вернулось к Мире из прошлого, когда мальчик повзрослел. Когда она слышала этот знакомый тембр, ее вновь окунало то в горячую воду, то в ледяную. Руки и ноги переставали слушаться, она валилась в кресло или на диван, плохо играя усталость, и лишь гадала, отражается ли волнение лихорадочным румянцем щек? Тот же смех, те же любимые словечки, та же небрежная манера говорить. А еще походка, привычки, улыбка... Иногда Мира верила, что перед ней действительно Алан, но иллюзия всякий раз ломалась, когда она встречалась с племянником взглядом. Тот же голос, манеры, походка, привычки - словно отражение в зеркале, но это зеркало, отражающее давно ушедшего, но до конца не забытого, разбивалось о взгляд. Не те глаза: не серый лёд - прозрачный ручей.

И в этом взгляде Мира скоро начала замечать то, чего не видела никогда в глазах брата, спасавшегося в жестокой игре с сестренкой от скуки. Неподдельный интерес. Восхищение. Винсент искренне, как умеют лишь дети и влюбленные, любовался ей и наслаждался одним ее присутствием... вот только он уже не был ребенком. Мира чувствовала, дальше станет лишь хуже, но за годы устала бежать от прошлого, упрямо не желающего уходить, просачивающегося в настоящее. Обреченно опустив руки, она ждала последнего удара - объяснения с Винсентом, и не хотела ни отводить его, ни отступать в сторону.

Наступила ее восьмая весна в Карде. Поиски Голоса Бездны все также велись, только расширился круг: проверяли уже всех смертных без учета возраста. Тень на Пустоши становилась все беспокойней, пульсировала словно сердце, тонкая паутина ее нитей, разбросанных из центра во все концы земли страха, при каждом биении становилась заметнее. Валерий Конор стягивал все больше сил в Карду вопреки запрету Дэви. Пока ему удавалось скрываться от гнева владыки: низшие были осторожны, и все их диалоги велись

только с помощью мысленной сети, куда путь для Дэви как для высшего был закрыт. Последний год Конор, по словам Гектора, лично отслеживал фон мыслей и эмоций Винсента. Мира каждый день боялась, что он предъявит ей претензии за неправильное воспитание племянника, но низший молчал.

Люди готовились к традиционному Карнавалу Карды, вампиры же со страхом и нетерпением ждали ночь Большой Охоты. О ее точной дате владыка Дэви собирался объявить на весеннем балу в своем замке. По традиции Большой Охотой заканчивалось время очередного пребывания владыки в Карде, он со свитой уходил из города, порой на десятилетия, давая людям отдохнуть от непомерных appetitов бессмертных, вырастить новое поколение жертв. И низшие, и свита гадали, неужели Дэви просто уйдет, оставив Карду и найденного Голоса Бездны злейшему врагу? Высказывались самые фантастические предположения, каковы его истинные планы... А Мира опять кидалась от одного варианта действий к другому, но ни один не казался безопасным и осуществимым. Но, перенесясь мыслями на интриги низших и высших, она пропустила удар на другом фронте.

Был полдень - время самого жаркого солнца. Они собрались в гостиной: Винсент рисовал, Агата скучала у окна. А Мира забила в кресло в самом темном углу и оттуда исподтишка наблюдала за племянником. Она размышляла, что будет делать, когда Дэви прикажет оставить Карду. Оставить Избранного в зачарованном городе наедине с низшими Конора? Ну, нет.

«Напрошусь в патруль, в стражу Термины... Что угодно! О! Скажу, что не могу оставить город, пока не выполню задание! Только вот, что делать с Гектором и Конором?!»

А что, если всей семьей уехать в Дону, когда хотя бы владыка со свитой будут далеко? Конечно, в Доне много охотников... но много и дикарей! Нужно заручиться их поддержкой! Если собрать дикарей столицы вместе, если придумать, какой идеей можно собрать их всех вместе... - о, это будет сила! Не чета ни низшим, ни самому Дэви!

Кажется, выход нашелся. Губы непроизвольно разошлись в широченной улыбке, и Мира поспешила скрыть ее в тени кресла откинувшись на спинку.

Агата впервые за долгое время решила сесть за рояль и заиграла - сначала неуверенно, медленно. Она сильно била по клавишам, забывая приглушать левую руку, и, вспоминая сложные места, и недовольно щурилась за новыми очками. Взгляд Мира надолго задержался на этих очках. Успокоенная, она прикидывала, не обзавестись ли подобными, добавить себе возраста. Прежние ухищрения: темные платья, гладкие причёски помогали мало. Все же по людским меркам младшей из сестре Вако было уже тридцать пять.

- Мира, ты позавтракала? - спросила Агата, оторвавшись от клавиш.

- Да, - привычно откликнулась она. Завтрак, по заведенной традиции принесённый служанкой в комнату и немедленно упакованный в бумагу, ждал своей ежевечерней участи - быть отправленным на помойку. Скоро к нему присоединится обед, а ужин *carere morte*, как всегда, пропустит.

Винсент схватил альбом и начал делать карандашный набросок мамы за роялем. Талант к рисованию у него раскрылся в детстве. Мира поощряла его занятие рисованием, Агата, наоборот, недовольно ворчала, что сын занимается ненужными глупостями... Когда же из-под рук Агаты полились звуки весёлого вальса, Винсент отложил рисунок и вскочил. Мира фаталистически следила, как он подходит к ней, чтобы пригласить на танец. Она ответила согласием: совсем как в юности не смогла ответить «нет» этой улыбке, и, будто в обуви не

по ноге неуклюже ступая, вышла в центр комнаты вслед за партнёром.

Они закружились, и в собственном золотистом танце закружилась исполошенная их движениями пыль... Винсент смущался. Он полагал, что будет болтать без умолку, но голос ему не повиновался. Мира с радостью приняла его молчание. Она окончательно сдалась после нескольких тактов, закрыла глаза. Возвращение к прошлому было полным: она вспоминала и узнавала партнёра не глазами, ушами, как прежде - кожей, и это воспоминание-узнавание было, пожалуй, самым сильным. Какой год за окном? Испуганно-встревоженно как у человека опять бьется сердце, горячая кровь приливает к щекам, а руки партнера вновь так холодны... только не от отсутствия жизни - от волнения.

Они разошлись на очередную фигуру танца, в следующее мгновение их пальцы снова сплелись. Мира всё не открывала глаз. Ей было довольно нити взгляда и стука близкого сердца, чтобы отыскать партнёра вслепую.

Балансе, поворот, - вместо одного Мира по старой привычке сделала два, и Винсент, смеясь, подхватил её, помог устоять на ногах, совсем как прежде Алан. Они остановились и стояли, покачиваясь от мелодии, продолжающей кружить вихри. Они были близко, слишком близко, Мира чувствовала слабость и истому. «Беги!» - кричал страх перед неизбежным, но она оставалась на месте. Ноги срослись с полом. Бежать сейчас - бежать опять в ложь, а ее слишком много было в эти годы. Более всего - поняла Мира - за все время она устала от постоянной лжи.

В робком оцепенении она позволила Винсенту понести её руку к губам. Он поцеловал её пальцы. Нежно и страстно, не так, как целуют руку матери. Мира почувствовала, как дрогнули его губы, он удивился неожиданному теплу её кожи.

Музыка оборвалась. Грохот крышки рояля довершил разрушение магии танца. Мира обернулась к Агате. Сестра поднялась, очень медленно, очень бледная, с решительно сжатыми губами, и Мира поспешно и поздно отпрянула от партнёра.

Винсенту удалось сохранить больше хладнокровия.

- Пожалуй, я снова займусь рисунком. Мама, продолжай, - промолвил он.

Мира спряталась в своей комнате. Бегать из угла в угол, как зверю в клетке, не хватало сил, она пластом лежала на кровати.

«Нашел время! Мало мне Дэви с Конором! И все же... Что дальше? Как себя вести (сестрой?)»

Взгляд Агаты поразил куда больше чем то, что проделал Винсент. Прежде, когда была с Аланом, Мира ни разу не видела ужас и укор в чужих глазах, ведь брат и сестра не представились никому из живых родственников как пара, а друзья-дикари приняли их греховную связь легко: сами нарушили не один моральный запрет, так к чему считать их у других? А сейчас Мире открылась пропасть ее падения, не прошлого - нынешнего. Безумная любовь к Алану появилась раньше, чем она узнала об их родственной связи, это оправдывало ее в какой-то мере... Но сейчас она все прекрасно знает.

«Он совсем юн. Он не ведает, что творит. А ты - ведаешь?»

Мира села на постели, закрыла лицо ладонями. О, слишком часто в последнее время ей приходится скрывать пылающие стыдом щеки!

Один случайный вальс разрушил всю семью. Утроившая бдительность Агата отныне пресекала общение сестры с сыном и даже наняла в служанки вместо обычной женщины в годах совсем юную, смуглую, черноволосую и чрезвычайно смазливую девчонку, надеясь, что сын увлечется ею и забудет тетюшку. Мира же так и не объяснилась с сестрой, только

гада: не может ли Агате быть известно и о них с Аланом? Почему-то отшатнулась от нее Лина при первой встрече, хоть не могла бы разглядеть принадлежность младшей хозяйки к *carere morte*! Что, если слухи о странной паре, жившей тут пять лет назад, дошли до служанки и перед уходом Лина передала их Агате?

Дни, оставшиеся до весеннего бала, Мира коротала в библиотеке. Отыскала книжку старых сказок Карды и перечитывала печальные вампирские легенды. Она помнила, когда читала эту книгу прежде, больше всего понравилась безысходно-грустная история Эрвина и Лелии, теперь же, занятую думами, как уберечь Избранного от вампирских владык, тронула другая сказка. Вечером накануне бала Мира несколько раз перечитала историю молодой герцогини, вызволявшей мужа из плена владыки вампиров.

«История похожа на мою. Пройти семь дорог, победить семь чудовищ. А что придётся сделать мне ради Избранного?»

Сказка, к её огорчению, обрывалась на самом интересном месте. Герцогиня добыла снадобье, избавляющее от чар *carere morte*, но вот удалось ли ей дать его супругу и жили ли они после «долго и счастливо», осталось неизвестным.

«Все вампирские сказки обречены на страшный конец. Чем кончится моя война? - заныло сердце от дурных предчувствий. - Чем кончится наша сказка?»

Мира поднялась, чтобы убрать книгу на полку и поняла, что больше не одна в комнате. К ней зашла не Агата. Другой смертный, высокий и тонкий. Его сердце бешено быстро знакомо билось - так собственное трепетало в недобрый час первого танца с Аланом.

- Винсент, - она удивилась, как ровно, хрустально прозвучал голос. - Что ты ищешь?

- Я возьму одну книгу, - звонко отозвался он. После выходки с поцелуем Агата вдруг чрезвычайно озаботилась грядущими в лице экзаменами, и теперь племянник проводил за зубрёжкой большую часть дня.

Мира кожей ощущала приближающуюся волну тепла идущего к ней человека. Она бесцельно перебирала корешки книг и не двигалась с места. Книга, которую искал Винсент, оказалось, стояла на полке над её головой.

Забрав книгу, племянник не поторопился уйти. Чуть помедлив, он осторожно, нежно обнял Миру со спины, вдыхая запах её волос. Она склонила голову, и Винсент, приняв это за знак покорности, обрадованно зашептал что-то. Ей послышалось: «Люблю тебя...» Мира закрыла глаза.

Она помнила точно также обнимавшего ее Алана, но помнила и Винсента, ребенком, которому читала на ночь сказки. Да, она испытывала к ним обоим одно чувство, потому немудрено было обманываться, путая образы... только это вовсе не похоть! Это светлое, сильное чувство: желание уберечь от пропасти чудесного родного мальчишку. Кровная, но не грешная любовь. Мира не ошибалась, когда звала себя старшей сестрой Винсента, она ошиблась раньше, когда думала, что любит Алана не так, как должно любить брата! Но она и ему была прежде всего старшей сестрой. А вспыхнувшая страсть меж ними - это лишь вампирские чары, на которые так искусна Карда...

Внезапное открытие придало сил. Мира смогла разомкнуть губы. Теперь она видит все ясно, осталось объяснить ему.

- Нет, - также ровно. - Никогда, Винсент. Ты мне как сын, как младший брат. Жажду близости нам внушили чары Карды. Я учила тебя не слушать их голосов.

Она легко освободилась и тихим быстрым шагом покинула библиотеку. Добравшись до своей комнаты, рывком распахнула пропахший кровью шкаф и нарочно выбрала самое яркое

платье для бала. Хотелось кричать от радости окончательного освобождения от прошлого и страха неизбежной битвы против целого мира в будущем, но Мира знала, что должна молчать. Кричать цветом сегодня будет ее алое, как кровь из перерубленной артерии, платье.

На весенний бал в «Тени Стража» собрались бессмертные со всей Термины, древнего северного княжества. Свита Дэви и простые *carere morte*, еще чужающиеся Бездны. Одеть все одинаково: мужчины в черном, женщины в красном. Дэви со свитой расположился на балконе, шедшему по периметру бального зала, а простые *carere morte* танцевали внизу и тихонько обсуждали планы владыки и возможные исходы его войны с Конором.

Мира вначале направилась к свите. Адам Митто чуть взмахнул бокалом крови, неопределенным жестом обозначая приветствие, Калькары и вовсе не удостоили ее ни взглядом, ни приветственным жестом. Вампиры свиты сегодня были вялы и ленивы, только порой становящиеся острыми взгляды выдавали их напряжение и нетерпеливое ожидание. Они ждали, когда владыка объявит начало Большой Охоты - ночи разнузданнейшей трапезы прямо на улицах выбранного города или селения и, разумеется, ждали итога многолетней вражды Дэви с Конором.

Владыка устроился в кресле на небольшом возвышении, так что мог видеть весь зал. Дэви, как и на Балу Карды скрыл красивое лицо за старинной маской с длинным птичьим носом, и надел не фрак - на нём был парадный мундир далёкой забытой эпохи. Но костюм не казался гротескным, владыка был великолепен.

- Конор на пороге превращения в высшего, - говорил он Адаму Митто, когда Мира поднималась на балкон. Звучный монотонный голос легко перекрывал музыку оркестра. - Уверен, если привести его в Зеркальную галерею, он разобьет с десятков зеркал взглядом. Также и его низшие: голод одного должен распространяться по мысленной сети.

- Он и распространяется: мы уже замечаем его подданных в Карде, они перестали быть похожи на людей, - звякнул смешок Адама. - Одна кровавая охота, в которой они будут хотя бы наблюдателями, и голод в них возобладает.

- Значит, пора... - Дэви прервался, заметив появление Миры, и неожиданно указал место рядом с собой. Она коротко поклонилась и проследовала к креслу владыки, сопровождаемая удивленными и возмущенными взглядами свиты и ревнивым шипением Мелиссы, бывшей невесты Дэви. Коротко поклонилась.

- У меня для тебя хорошая новость, Вако, - тихо сказал владыка, без малейшего волнения сменив тему. - За прошедшие годы ты показала, что способна контролировать свою частицу Бездны. Отныне на праздниках, подобных Охоте, можешь брать себе столько жизней, сколько захочешь.

Мира вновь поклонилась: «Благодарю, господин», хотя радости не чувствовала. Нетерпеливое ожидание окончательного уравнивания в правах с вампирами свиты сменилось вялым безразличием, едва она узнала, кто Избранный. Признание ее «своей» Винсентом значило гораздо больше, чем признание свитой.

- Как прикажете, владыка.

От Дэви не укрылось состояние подданной. Вампир усмехнулся, в прорезях маски блеснули чёрные глаза-агаты:

- Я полагал, тебя обрадует возможность славно поохотиться на грядущем празднике, - негромко сказал он. - Что с тобой, Вако?

- Я поглощена мыслями о поисках Голоса Бездны, - почти не соврала Мира. Дэви равнодушно повел плечами.

- Вы с Долусом можете оставить поиски, и присоединиться ко мне в путешествии, - сообщил он, глядя уже не на нее - в зал. - Голос Бездны, едва осознает свою способность, все равно придет ко мне, как к сильнейшему в мире *carere morte*. Так всегда было прежде.

- Я могу остаться в Карде, владыка? Не хочу оставлять ваше задание невыполненным. Вдруг Конор...

- Что? Конор отнимет Голоса Бездны у меня? О, нет, - Дэви засмеялся. - Самопровозглашенный владыка низших доживает последние дни благодаря вашим поискам. То, для чего я дал вам это задание, выполнено. Я считаю ваш с Гектором вклад достаточным.

Это была новость. Значит, все эти годы Дэви не нужен был обладатель золотой крови? Это была просто проверка, как она и говорила Гектору вначале?!

- Значит, вам вовсе и не был нужен обладатель золотой крови, господин? Это была проверка? - не удержалась она. - А если я когда-нибудь встречу такого...

Дэви удивленно приподнял брови и расхохотался.

- Мне нравится твой быстрый разум, Вако, - непривычно тепло заметил он. - Золотая кровь - вовсе не признак Голоса Бездны, я сообщил вам о ней, чтобы запутать Конора. Но если ты когда-либо встретишь золотую кровь, веди этого смертного ко мне. Ничто не нарушает равновесие нашего мира так, как золотая кровь: ни Тень, ни Голос Бездны. И единственное, что погасит ее сияние - обращение в вампира. Заниматься этим буду я, как владыка.

- О, - выдавила Мира, едва успев перевести в ничего не значащее междометие потрясенное: «Ох!»

Она сделала вид, что заинтересовалась танцем. Черно-красные пары, расположившиеся в несколько кругов, по задумке танцмейстера должны были казаться сверху цветками розы, распускающими лепестки всех оттенков крови, меж пожухлых темных листьев, а Мира виделись то огнестрельные раны, то страшные красномясые язвы... Вот, все и определилось. Дэви готовит расправу над Конором перед тем, как покинуть Карду. И если Конор выдаст Дэви имя Избранного перед смертью, пропадут они оба - и Винсент, и Мира.

- Я запомнила, господин, - пролепетала она.

«Что же делать?!»

- Ты хочешь остаться в Карде... Почему? - вдруг спросил Дэви.

- Я люблю этот город и дом великой Регины, - похолодев, отчеканила Мира. - Только это.

- Только это... - задумчиво заметил Дэви. - Но, наверное, непросто было жить в одном доме со смертными восемь лет, скрывая от них свою сущность. - Мира опустила голову, но чувствовала жгучий, как солнечный луч, собранный лупой, взгляд владыки на своей макушке. - Конечно же, не ради них ты желаешь остаться?

- Не могу сказать, что я абсолютно равнодушна к сестре и племяннику, господин. За годы я поняла, что смертные родичи дороги мне...

- Да, я поощряю тех бессмертных, что сохраняют свои фамилии. Таким образом они приобщаются к вечности смертных, заключенной в потомстве, - какой внезапно машинный, равнодушный голос! - Но скрывать от них свою бессмертную суть очень опасно. Чем дольше ты держишь ее в тайне, тем сильнее, резче может быть их реакция на ложь. Ты слышала истории о бессмертных, которых восплававшие к ним ненавистью родственники отдавали на суд толпы? Те *carere morte* молили передать их охотникам для быстрого бескровного ритуала убийства, пока безумная толпа раздирала их на части...

Мира содрогнулась, представив эту картину.

- Чары Карды сильны, я надеялась на них, - робко сказала она. - Что же делать?

- Не привязывайся к смертным родичам слишком сильно. Если кто-либо из них что-то заподозрит сейчас, спустя восемь лет, тебе придется их убить. Готова ли ты к этому?

- Я... Господин...

- Полный ответ, Вако, - взгляд Дэви вдруг обрел чрезвычайную властность. Мира потянулась за ним как за нитью, заглянула в черные ледяные глаза бессмертного:

- Да, господин. Если сестра... или ее сын раскроют мою тайну, я убью их. -

Страха, говоря это она не ощущала: будто милостивый сон. В голове хаотично носились новые сотни вариантов, как избежать исполнения этой клятвы, и ни один не был верен. Все яснее проступало одно: очень скоро придется самой открыться Винсенту и надеяться на его милость или уехать прочь и не видеться с ним. А, договорив, Мира нашла на дне глаз Дэви довольные искры, и поняла, что поклялась в этом не просто владыке бессмертных, а самой Бездне. И последствия неисполнения такой клятвы для нее, *carere morte*, могут быть еще ужаснее исполнения.

Танец закончился. Лепестки роз - платья дам сомкнулись в бутоны с черной окантовкой - фраками кавалеров. Скрипки допели тягуче-красивую мелодию и сразу забренчали струны, проигрывая начало следующего танца, быстрого и резкого как вампирские охоты. Из тающих бутонов потянулись, извиваясь, грациозные черно-красные змейки танцующих.

- Иди, веселись, Вако, - разрешил Дэви, как в ночь Бала Карды. - Твой партнер уже внизу.

Действительно, недалеко от входа в зал остановился только что вошедший Гектор. Собранная фигура, внимательный взгляд. Он тоже ждал слов о Большой Охоте, как вся свита, только в них видел не разрешение и напутствие, а вызов, первый удар противника.

Мира предпочла послушаться, спустилась в зал. Гектор тут же пригласил ее кратким поклоном. Она фальшиво улыбнулась вампиру, привычно окинула осторожным взглядом оружие, которое было при нем. Отметила хорошо знакомый кинжал охотника на ремне у пояса. Все эти годы она мечтала однажды вонзить его Гектору в сердце... и все яснее понимала, что сделать это не удастся. Хитрый вампир был начеку. Не он, но привычка постепенно подчинила ее. Давно не вызывали подсознательного протеста ни его прикосновения, ни близость тел. Прежде яркая война превратилась в рутину, и Мире в ней была отведена совсем незавидная роль.

Не подозревающий о мыслях партнерши, Гектор закружил *carere morte* в том же быстром, но вовсе не веселом танце, напоминающем погоню.

- Готова к Охоте? - со злым весельем спросил он во время променада. Мира хмыкнула.

- Время еще есть.

- Времени нет, - Долус оскалился. - Большая Охота будет завтра.

- Но... - Мира в ужасе оглянулась на балкон, запоздало вспомнив, что самое главное - дату Охоты у владыки не узнала. - Дэви ничего не объявлял! Откуда ты знаешь?!

- Не объявлял, значит, сейчас объявит. У Конора связи в ордене. И он узнал, завтра сюда прибывает особый отряд охотников. Очевидно, по соглашению с Дэви. Чтобы, охотясь, владыка не слишком увлекался...

- Ясно, - лицо помертвело, так что даже не выразило ее ужаса. - А где именно будет охота? Не в самой же Карде, завтра Карнавал!

- В больших городах Дэви, насколько мне известно, открыто не охотится. Но, чтобы

скрыть фиаско с поисками, Охота должна быть грандиозной, это точно, - очередной фигурой танца Гектор воспользовался, чтобы привлечь Миру к себе поближе. Она мягко, но непреклонно отодвинулась на прежнюю позицию.

- Славно поохотимся, да? - вампир облизнулся, ничуть не оскорбленный ее холодностью. Мира фыркнула.

Они разошлись на фигуру танца. Мира не следила за Гектором, от души желая, чтобы хоть в танце они разошлись насовсем, но чувствовала, что тот глумливо ухмыляется все время, пока танцевала с другими партнерами.

- Уже послезавтра Карда будет нашей, - поделился Гектор, едва они сошлись вновь.

Мира промолчала. Конор с Долусом, конечно, могут думать, что Дэви уступит им просто так. Только она хорошо помнила уверенность, с которой владыка говорил о скорой расплате для низших.

- Что вы задумали? - протянула она.

Гектор хитро улыбнулся, но не спрятал нервозность:

- Так, намечается одна проверка...

- Волнуетесь, что Дэви вряд ли оставит вам город, м? - Мира тоже улыбнулась, настолько глумливо, насколько была способна. Гектор прищурился:

- Намекаешь на опасность для низших со стороны владыки? Мы готовы сразиться за власть над Кардой, не сомневайся. Это мы для него - опасность. А если думаешь рассказать владыке про золотую кровь - не глупи, молчи. Он тебя же и казнит первой за то, что лгала насчет поисков. Мы с Конором предлагаем и тебе, и Винсенту лучший выход.

- Да... Я согласна с ним.

Мира фальшиво улыбнулась и теперь сама подвинулась ближе к партнеру, так чтобы он почувствовал ее тело под платьем. Гектор заметно напрягся. Он никогда не доверял ее ласкам сразу.

- Должен передать тебе благодарность от Конора: Винсент великолепно подготовлен к воздействию низших, - внезапно огорошил он.

- О, - опять глупо выдохнула Мира. Играя роль, надо было б обрадоваться, но сердце бешено забилося от тревоги. Что значит, «готов», когда она все годы готовила его совершенно к другому?! Гектор шутит? Но ведь и правда странно: за все время ей ни разу не поставили в вину, что Винсент закрывается от воздействия низших и испытывает к ним отнюдь не почтение!

- Что ты имеешь в виду? - голос дрогнул.

- Он по уши влюблен в тебя уже три года! Чем можно столь же великолепно подчинять и приказывать, как ни любовью? Конор говорит, все сложилось еще лучше, чем если б ты учила племянника строго, как мы велели.

Музыка оборвалась, резко замолчал и Гектор. По залу прошла волна шелеста последнего инерционного шага танцующих, следом разлилась тишина. И новая волна - поднимаемых голов. Дэви поднялся из кресла. Он снял маску, но красивое безэмоциональное лицо и само было маской с глазами из черного стекла. Владыка прислушивался к Бездне... но что он слышал? На что Она вдохновляла его?

- Очередной визит бессмертных в Карде подошел к концу! - возгласил он. - По традиции, мы покинем цитадель *carere morte* после Большой Охоты завтрашней ночью!

Следующим вечером, наряженная в старое, но ещё красивое голубое платье, Мира сидела в любимом глубоком кресле в гостиной. На коленях лежала раскрытая книга, она не

читала, но и не поднимала глаз от мелких чёрных строчек. Винсент устроился в нескольких шагах от неё с альбомом и остро заточенными карандашами. Агаты дома не было, и он нейтральным тоном предложил тетушке сделать ее портрет. На память. Это были первые его слова после объяснения в библиотеке, и Мира поспешно согласилась. Она и сама надеялась поговорить с племянником. После бесед с Дэви и Гектором выход остался один: рассказать Избранному о его Даре немедленно. Объяснить про золотую кровь, поиски Конора и владыки. И придется сознаться в собственной принадлежности к *carere morte*, пока Бездна не поймала ее клятвой.

Громко тикали часы на каминной полке, напоминая, как мало осталось времени. Но пока они болтали о ерунде: его учебе, его друзьях. После объяснения в библиотеке Винсент выбрал вежливый, неискренне веселый и чуть официальный тон, Мира же перешла на шуточный, словно перед ней был всё ещё ребёнок.

Сейчас она сидела вполоборота к Избранному и порой бросала на него краткие осторожные взгляды. Изучала извечно знакомое и меняющееся каждый день лицо и улыбалась про себя, когда он хмурил брови. Обещанный портрет Винсенту не удавался.

- Не получается, - наконец, грустно выдохнул он и в сердцах отложил карандаш. Закрыв альбом. Мира улыбнулась:

- Ты склонен к идеализации образа. Я давно тебе говорю: больше реализма!

- Что-то не то, - Винсент опять открыл рисунок. - Взгляд не получается, и из-за этого ломается все...

Мира, вытянув шею, заглянула в альбом, и ее пронзила дрожь. На листе была *carere morte*. Без крыльев и клыков, но тень лежала у нее на сердце. Она разбросала отростки во все стороны, создавая еще один образ - чудовищный. Два портрета в одном, но сам художник не замечал игры теней.

- Нам с тобой нужно серьезно поговорить, - дрожащим голосом сказала Мира.

- О чем, тетя? Я думал, мы все выяснили, - затаенная горькая обида послышалась ей в этих словах.

- Сегодня у свиты Дэви будет Большая Охота. Если ты заметил, утром со шпилей его замка в горах убрали знамена с гербом Первого, это значит, владыка готов оставить Карду. Но прежде он со свитой поохотится, накормит свою Бездну перед дальней дорогой. Для Охоты владыка выбирает всего одну какую-то область северного края, и потом не возвращается туда столетия, чтобы память об этом у людей стерлась. Куда он полетит в этот раз, увы, пока неизвестно.

- Ясно. Я рассмотрю тучу, когда она вылетит из замка, определю направление, селения по дороге вампиров. Предупрежу местных.

- Не вздумай! - испугалась Мира. - Тебя примут за сумасшедшего. А если Дэви узнает он пожелает расправиться с тобой лично. Орден защитит... защитит селения, куда полетит владыка. В Термину прислан особый отряд охотников.

- Вы будете с охотниками, тетя?

- Я буду занята одним с ними делом, - проворчала Мира. Никогда еще нелепая ложь так не тяготила.

- Я могу помочь, - тихо, но упрямо возразил Винсент. - Я недавно научился издали распознавать, откуда и куда направляются *carere morte*.

Мира с досадой уткнулась в книгу. Вот сейчас придется сказать о том, что она *carere morte*... и о его Даре. Только голос пропал. От волнения проснулось дыхание, но воздуха

взбесившемся сердцу показалось маловато.

- А я чувствовал, что-то назревает. Давно, - задумчиво сказал Винсент, рассматривая рисунок. - Эти тени... их в городе стало больше и видны они ярче. Но все равно то вижу их, то нет. Будто что-то мешает их разглядеть, понять...

- Может, мешают чары низших? - хрипло предположила Мира. - Я говорила тебе, они тонки, незаметны глазу. Высшие своими чарами подчиняют жестко, как рабов, но ненадолго: минуты, часы. Низшие же умеют стирать границу между свободной волей и безволием. Ты можешь думать, что живешь собственным разумом и желаниями месяцами и годами, но это внушенное... -

Почувствовав, что запуталась и совершенно не знает, как подвести разговор к признанию в том, что сама вампир, Мира испуганно замолчала. Винсент совсем скрылся за альбомом.

- Это не чары, - глухо возразил он. - Это очень похоже на... страх?

- Боишься признаться себе в том, что видишь? - прошептала Мира, теперь поняв, как можно рассказать и о своем проклятии, и о его Даре. Винсент прищурился, вглядываясь в рисунок.

- Да, точно, - зачарованно согласился он. Быстро перевел взгляд на нее, будто ледяным душем окатил, и обратно в альбом. Лицо потрясенно побелело.

- Подожди... Что это?! - прошептал Винсент, вновь вскинув голову. Мира обмерла в кресле. Взгляд Избранного стал острым, пронизывающим, он просто пригвоздил её: не пошевелиться, не отвести уставших от многолетней лжи глаз. Сколько прошло - минута, час... год? Тиканья часов не слышно: успел кончиться завод, или это был только миг между двумя «тиками»? Его зрачки обморочно расширились. Не было сомнений, Винсент все понял про нее. Сам.

Избранный глубоко вздохнул и опустил глаза точно больше не желал им верить.

- Ты... - свистящий шепот. - Такая же, как они? Ты тоже *carere morte*?!

- Я... Винсент...

- Давно тебя обратили?

- До твоего рождения, - созналась Мира и увидела, как тухнут искры приятия и доверия в его глазах, того, что до сих пор отличало Винсента от Алана.

- Пожалуйста, дай мне сказать! - отчаянно крикнула она, но он отбросил альбом. Вскочил.

- Значит, ты зачаровывала меня... столько лет... А чувства, их ты тоже внушила?!

- Нет. Это чары Карды, я не сумею так зачаровать. Я не низшая, Винсент. Я высшая.

- Значит, ты убиваешь людей?! - шок сделал его голос пронзительно звонким. Мира вздохнула. Кажется, сказать еще что-то - сделать только хуже.

- Это все сейчас неважно, Винс. Потому что тебе грозит настоящая опасность и со стороны высших, и со стороны низших. Прошу, не покидай дом! Где бы ни охотился Дэви. У дома Вако сильная защита, а вне его ты станешь совершенно беззащитен. Еще тебе необходимо, я подчеркиваю это, не получать никаких повреждений. Вампиры не должны увидеть твою кровь. Ты помнишь сказку, которую мы читали в детстве, об Избранном и его Даре?

- Не надо мне напоминать о детстве, - он зло засмеялся и вдруг указал ей на дверь. - Убирайся, *carere morte*!

- Винсент...

- Вон из моего дома! Чудовище! -

Презрительный тон и еще хуже ставшее чужим лицо ударили больнее слов. Мира зло засмеялась в ответ, инстинктивно отводя этот удар:

- Мальчик! Это и мой дом! Проклятый дом семьи Вако! Не смей покидать его и не смей выпускать Агату! Поговорим утром, когда ты остынешь.

Она сумела гордым спокойным шагом покинуть комнату, но холлом уже бежала. Выскользнула за входную дверь - и по аллее, до ворот. Лишь там остановилась, вцепилась пальцами в холодные чугунные прутья.

Вот и все. Мира так увлеченно всматривалась в пропасть своей лжи, прикидывая перескочить ее, что не заметила, как земля поплыла под ногами, потащила в бездонную тьму. А хуже всего, что теперь придется или исполнить клятву и убить того, кто ее раскрыл, или поспорить с самой Бездной ненависти. Впрочем, все лучше внезапно чужого лица Винсента...

Мира развернулась, прислонилась к воротам спиной и долго стояла так, бездумно глядя на дом. Нельзя оставлять сейчас Винсента, но нельзя пропускать Охоту свиты... Как же быть?! И Конор, и Дэви намереваются перейти к решительным действиям, а они с Избранным очутились мало того, что меж двух огней, так еще и разделенные!

«Отправлюсь на охоту со свитой. Нужно выяснить, куда Дэви полетит. Когда владыка увлечется трапезой, вернусь в город. Заберу Винсента - и в Дону. Спрячемся среди дикарей. Только б Дэви от Конора не узнал про золотую кровь! Ничего, не узнает, низшие тоже подготовились, наверняка... Пока владыки будут меряться силой, мы с Винсентом и сбежим... Ведь сбежим?!»

Невеселые предчувствия на несколько минут полностью поглотили ее, и Мира пропустила возвращение Агаты. Лишь когда решетку ворот кто-то несильно дернул с другой стороны, она вздрогнула и повернулась к входящей сестре.

- Мира, хорошо, что ты здесь, - заметила Агата. - Нам нужно серьезно поговорить. И, видимо, нам давно нужно было серьезно поговорить.

Мира постаралась открыто улыбнуться, но улыбка угасла, едва зацветши, когда она заглянула в лицо сестре. Освещенное лишь обманчивым светом луны, оно показалось очень старым, будто Агата старела в прошедшие годы и за себя, и за вечно юную Миру. Глубокая хмурая складка пролегла между бровями, ещё две печально кривили рот.

- Послушай, - холодно сказала Агата. Если она и волновалась, это было совсем незаметно. Когда ты вернулась к нам после семилетнего отсутствия, не была удивлена, что я не спрашиваю, где ты гуляла столько лет? Просто, я знала. Про тебя и нашего сводного брата. Он соблазнил тебя... Все соседи и их слуги только об этом и говорили, пока тебя не было. А как только появилась - замолчали. Должно быть, этот Алан напугал их.

- Не сомневаюсь, - вставила присмирившая Мира. В голове крутилось одно: «Чары Карды», значит?! Агата «ничего не понимает»?! Хороши чары!»

«Может она и про то, что я *carere morte* сейчас поведает?»

- Я приняла тебя без порицаний, потому что чувствовала свою вину в том, что с тобой случилось, - помолчав, сказала Агата. - Я полагала, жизнь в дружной семье поможет, исцелит твою печаль. И я считала, что исполняю доброе дело, пока не увидела ваш с сыном танец.

- Агата, - опять вставила Мира неизвестно зачем, ибо совсем не знала, что сейчас сказать сестре.

- Я не верила тому, что вижу! Но недавно Беата Меренс обронила, что Винсент стал очень похож на Алана Вако, и тогда я все поняла. Вот, зачем ты оставалась с нами все эти годы! Ты просто ждала, когда мой сын подрастет, чтобы соблазнить его!

- Агата, это не так, - безнадежно прошептала Мира.

Сестра нервно помотала головой, отрицая ее право на оправдание.

- Я боялась говорить с тобой об Алане. Сейчас понимаю, я с самого начала знала верный ответ, но не хотела делать выбор. Я будто была под чарами... но теперь они спали. Я желаю тебе, Мира, никогда не встать перед выбором между двумя самыми родными людьми, - в тоне появилась жесткость: свидетельство окончательности решения. - Но я вынуждена сделать его. Прости меня, но иначе нельзя. Тебе нужно уехать. Тебе больше нельзя жить здесь.

- Я понимаю. Я уже ухожу.

Теперь Агата поглядела удивленно.

- Хорошо, что ты понимаешь, - выговорила она мягче. - Я не выгоняю тебя сию секунду. Поднимись к себе, собери вещи.

- Мне ничего не нужно, - Мира торопливо отвернулась, чтобы не показать выступившие слезы,

- Возьми хотя бы денег на дорогу и первые месяцы, - голос Агаты явственно потеплел. - Я сейчас вынесу.

- Бабушкина рента подходит к концу, на что вы сами будете жить? - Мира дернула створку ворот, зная, что та громко заскрипит от движения. Она надеялась, этот звук скроет подступающее дрожание голоса. - Мне нужно только, чтобы ты пообещала сегодня ночью не покидать пределов дома. Хорошо?

Больше не поглядев на сестру, Мира ушла. Без вещей, в одном простом платье - с тем же, с чем пришла сюда восемь лет назад. Один раз она оглянулась и нашла силуэт юноши в светлом окне гостиной. Но Винсент тут же отступил за занавесь. Что ж, она ушла из дома, но не из жизни племянника. Она останется его ангелом-хранителем с перепончатыми крыльями. Впереди решающая ночь - ночь Большой Охоты, она покажет, что делать дальше.

Ночная чернота уже опускалась на Карду, сменяя вечернюю синь. Она разливалась под ногами, она давила непроглядной громадой сверху... Скоро показалось, весь город заключен в шар - чёрный, непрозрачный, наполненный клубящейся тьмой и звенящей тишиной. И Мира могла лишь гадать, что будет дальше, с тревогой ожидая, когда эта тишина взорвется.

Векторный рисунок Марина Галимджанова

Глава 5 Большая Охота

Винсент сначала не хотел подходить к окну, смотреть, как уходит Мира. Обида и злость переполняли его. С самого детства тетушка была светом в его странном мире с черными клочковатыми тенями и неясными, но угрожающими призраками за каждой дверью, в каждом закоулке. Она поведала чудесную сказку, давшую надежду, прогнала еженощные кошмары с длиннопалыми крылатыми силуэтами, склоняющимися над его кроватью. Он любил ее так сильно, ярко, что пред этим неважен стал даже закон родственной связи между ними, Винсент готов был жизнь отдать за нее...

Но прекрасный образ Миры оказался ложью. Отвратительная *carere morte*, оплетшая его чарами, как паутиной... Конечно, Винсент подозревал, что у тетушки есть какая-то тайна, и темная. Он думал, может, она прежде была в ордене, но ушла от охотников из-за каких-то разногласий и теперь по ночам охотится на *carere morte* одна. Он воображал, что какой-то вампир ранил ее, оттого она теперь боится солнечного света. Но предположить, что Мира - *carere morte*, Винсенту и в голову не пришло!

Лишенная смерти... Значит, питается человеческими жизнями и служит Дэви, о котором сама наговорила столько ужасов. Она рассказывала очередную лживую сказку и уходила на охоту за чужими жизнями, а он с его даром распознавать крылатое зло ничего не чувствовал... Она могла убить маму или его в любой момент! Кстати, куда девались их постоянно меняющиеся слуги?!

И все же не хотелось принимать черную суть Миры до конца. Ведь она не пользовалась в злых целях тем, что он доверяет ей...

В конце концов, Винсент подошел к окну. И увидел, что Мира уже вышла за ворота. Скоро ее скрыли деревья сада. Вновь он увидел тетушку у моста через Несс. Фонари еще не зажгли, и тонкий силуэт терялся на фоне неба и реки. Сейчас перейдет мост и скроется в шепчущем голосами призраков тумане, окутавшем город... навсегда. Навсегда! - последнее слово больно, горячо толкнуло в грудь осознанием. Мгновенно забылись злость и обида, важным стало лишь увидеть Миру напоследок. Винсент кинулся из гостиной в холл. Линда, служанка, обратилась было с чем-то к нему, он не услышал. Только отметил, лицо девушки полно романтической жалостью. Винсент распахнул дверь - и столкнулся с мамой.

- Винсент, - лицо мамы было непривычно строгим, замкнутым. - Куда ты собрался? Уже поздно.

- Мира ушла!

- Я знаю. Ты собираешься ее вернуть? - тень омерзения на миг исказила ее лицо, резкие штрихи тени в морщинах на миг сделали маму на двадцать лет старше.

- Я... - Винсент запнулся. Он сам не знал, хочет вернуть Миру домой или попроситься. Просто не хотелось терять ее там, в черной, пахнущей гнилью и кровью пасти Карды.

- Ты никуда не пойдешь! - вспыхнула мама. Тычок в грудь - она оттолкнула его обратно в дом. - Она распутница! Ты не знаешь, какой грех она уже взяла себе на душу!

Почему-то при этих злых справедливых словах представилась совсем не клыкастая *carere morte*, а тихая девушка, что рассказывала ему чудесные сказки и боялась зеркала в холле... Мира переходила мост, и Винсент отчаянно рванулся за ней. Невыносимо было видеть, как ее тонкий силуэт поглощает тьма.

- Мама,пусти!

- Нет! - крикнула Агата. Она загородила дверь своим телом. Винсент не узнавал ее: холодно-спокойная, чуть отстранённая от его дел, от всей его жизни, она глядела на него сквозь вечную прозрачную стенку потери дочери. «Не может полюбить, потому что боится потерять», - так он, стыдясь злых мыслей, порой думал... а сейчас убеждался, что ошибся.

- Винсент, ты убиваешь меня этим, - всхлипнула Агата. - Если б ты знал, что она сделала, но я не могу сказать, это слишком ужасно... Просто знай: она - чудовище!

Это решило дело. Только что Винсент сам кричал Мире в лицо: чудовище, а, услышав это же от матери, понял. И она ошибается, и он ошибся, жестоко обошедшись с Мирой. На ходу отцепляя пальцы мамы от одежды, он прорвался за дверь. Дернулся в последний раз и окончательно освободился, кинулся вниз по ступенькам. Кстати и Линда, решив встать на сторону «несчастливых влюбленных», громко грохнула чем-то в доме и жалобно позвала хозяйку.

- Она любит не тебя! Она видит в тебе Алана! - отчаянно крикнула вслед Агата. И еще умоляла, грозила, но Винсент уже не слышал и не оборачивался.

Когда он выбрался на улицу, Старый мост был пуст. За ним плотным пластом лежал туман, совершенно потопив в себе улицы Патенса. Этот туман копился в Карде последние несколько ночей, а сегодня окончательно оккупировал город. Зачем он тут и что предназначен скрыть от чужих глаз, никто по давней привычке не пытался дознаться. В нем могли прятаться какие угодно чудовища, но Винсент ринулся туда. Мира не могла уйти далеко.

«Если только не воспользовалась крыльями...» - все же странно было думать о тетушке, как о *carere morte*!

- «Мира!» - осмелился позвать он за мостом, едва ориентируясь в густом тумане. Совершенно забыл, что может привлечь этим криком с десятков куда более опасных *carere morte*, чем тетушка. Никто не отозвался. Во тьме угадывались какие-то силуэты: полулюди-полузвери, громоздкие, лохматые... Винсент не успел испугаться. Зажегся один фонарь, второй, замерцали огни факелов, и тут же вернулось разноцветие красок и разноголосица звуков, будто дотоле он спал. Винсент стоял в начале городской площади, а лохматые чудовища обернулись людьми в маскарадных костюмах зверей и птиц. Жители города собирались на большой Карнавал Карды. Этот праздник был очень древним, древнее самой Карды, его след терялся в ежегодных языческих ритуалах, а в новую эпоху звериный маскарад постепенно становился просто большим развлечением.

Львы, медведи, волки скалились настоящими клыками, птичьи личины сверкали большими бусинами глаз, и с каждой минутой масок становилось все больше. Площадь оживала на глазах. То тут, то там засверкали вспышки фотографических аппаратов, разгоняя туман сразу на десятков шагов. Да и был ли тут туман, или он являлся лишь иллюзорным ощущением? Вкусно запахло поджаренным хлебом и медом - старинными ритуальными кушаньями. Кто-то запел песню, и собравшаяся толпа начала общее движение. Люди шли в сторону моста, откуда Винсент прибежал. Шествие должно было начаться от западного конца Карнавальской улицы и закончиться церковью Микаэля. Люди переговаривались, предвкушая веселый праздник. ...Но ведь сегодня у вампиров свой праздник! - запоздало вспомнил Винсент начало разговора с Мирой, когда еще не понимал, кто перед ним.

Он потянул ближайшего горожанина за рукав, попытался объяснить, что на эту ночь лучше остаться дома. Тот, конечно, не послушал. Рассмеялся, вынул из кармана маленькую меховую полумаску, сунул ее Винсенту и скрылся. Никто его не слушал, одинокий голос

тонул во вновь затягивающем все тумане. Цепочка зажженных шаров фонарей тянулась за мост, люди следовали за ней, как мотыльки на свет лампы. Как зачарованные...

Винсент пробрался сквозь уже густую толпу обратно за мост, проверить родной дом. Силуэт Агаты виднелся в освещенном окне гостиной. Она ждала сына, но сама не покидала дом. Двигаясь так, чтобы из окна его не было видно за густыми кронами яблонь, Винсент дошел до самых ворот, но тут остановился. Возвращаться за очередной порцией плохих слов о Мире совсем не хотелось: слишком слабо, хрупко было теперь его доверие к ней.

Гигантская многокрылая тень в горах дрогнула и двинулась с места - владыка бессмертных объявил начало охоты. Винсент замер, определяя направление. Куда они полетят: за Сальтус или в северные пустоши?.. Нет, Дэви избрал иную область охоты. Винсент задохнулся от ужаса, когда понял, куда владыка ведет свиту. Другие люди не умели определять столь малые изменения света, но он видел: темное холодное пятно, своим передвижением гасящее слабый свет вокруг, шло на Карду!

Праздничное шествие переместилось на Карнавальную улицу. Люди шли точно слепцы, не знающие, что на них стремительно несется голодная смерть. Винсент бросился сначала к дому, предупредить маму, и на аллее столкнулся с вышедшей посмотреть на разряженную толпу Линдой. Служанка залепетала что-то, но он резко оборвал ее:

- Скажи маме, чтобы не выходила из дома и не вздумала меня искать! Я вернусь к утру.

И бросился вдоль по улице.

Шествие набрало размах. Толпа лохматых полузверей, чуть подсвеченная редкими огнями факелов, заняла широкую Карнавальную улицу, длинным языком протянулась вдоль домов Калькаров, Митто. Лакусов и Хаста. В общем гомоне сложно было что-либо разобрать, только кто-то громко и раздражающе играл на деревянной флейте одну и ту же простую мелодию, снова и снова. Из-за масок невозможно было отличить знакомых от незнакомых, и Винсент кидался ко всем. Уговаривал вернуться домой - безуспешно. Кто он был против древней традиции?

- Пожалуйста, идите домой, - уже охрипшим голосом орал он в ухо какой-то медведице, пока та не замахнулась на него когтистой рукавицей-лапой. Какой-то рогатый, не то бык, не то демон, надсадно засмеялся в лицо... Станный туман прополз за реку, над ним торчали лишь гигантские морды-маски. Винсент теперь точно знал, что она, эта мгла: вампирские чары. Скоро, скоро начнется Охота! Доведенный до отчаяния, он схватил какого-то малыша, оторвав от юбки матери. Припустил с отчаянно ревушим ребенком к ближайшему дому. Мать запричитала, за ними кинулось полтолпы, но куда худшее сейчас творилось в небе, также плотно затянутом облаками, как улицы внизу туманом. На Карду с гор неслась целая туча крылатых теней, и Винсент один чувствовал ее: зловещую, несытую, стремительную. Он один слышал грохот камней отовсюду - это тихий привычный мир ночи рушился, и пустота на месте разрушенного была та самая Бездна, голодная, чудовищная. Та, что страшит и смертных, и бессмертных.

Он успел добежать до ворот какого-то особняка, когда отец ребенка дернул его назад за шиворот, так что едва не оторвал голову. И в этот миг небо разверзлось. Винсент машинально прикрыл лицо. Удары настигших его пришлились по рукам, но скоро прекратились. Только что галдевшая толпа затихла, лишь рядом подвывал спасенный ребенок. Заливавшаяся поотдадь флейта взвизгнула, и звук оборвался. Серо-черное небо распадалось на сотни клочковатых крыльев. Оно щерило клыки, выпускало когти. Люди поднимали факелы навстречу снижающейся стае чудовищ, но защититься не успевали - лишь

увидеть напоследок лик своей смерти. Carere morte Дэви обрушились градом одновременно, везде - как в мифах о гневе богов. На глазах Винсента черное нечто утащило ближайшего человека в туман, мазнув юношу холодными гладкими крыльями по лицу. Жертва слабо вскрикнула, но крик тут же утонул в окружающей мгле, как брошенный тяжелый камень в темном глубоком озере. Только что слитая в единого мощного зверя толпа исчезла, будто ее не было. Веселые звуки стихи, а крики ужаса убиваемых начисто съедал туман. меховые маски разбегались по переулкам и дворам, куда carere morte не могли б спуститься из-за тесноты, прятались в чужих садах. Пустеющую улицу поглощал туман. Скоро не осталось ничего, одно серо-черное марево, только вдали мельтешил одинокий огонек факела. Кто-то там пытался сражаться... Но пламя потухло, и угасла последняя надежда. Вот кто-то пробежал мимо, всхлипывая и отчаянно шепча молитву. Какая-то дама, стук ее каблуков ненадолго разрезал новое жуткое беззвучие ночи, но она внезапно возникла из мглы и также внезапно канула вновь, растворилась. Где-то совсем близко резко запахло кровью. Тогда и Винсент, не выдержав, бросился с широкой улицы в проулок, догадавшись о его близости по холодной засасывающей струе воздуха. Заледеневшим, нечувствительным без теплой одежды телом прислонился к каменной стене. Кажется, спасся. Дома стояли плотно, соседнего он мог бы коснуться кончиками пальцев, всего лишь вытянув вперед руку. Крылатый carere morte не пролезет в эту щель.

Мелькнула мысль: «Хорошо бы об этом убежище узнали другие люди!» Но Винсент не осмелился покинуть проулок, вновь выйти в страшную, ожившую ночь, чтобы указать другим путь. Он закрыл глаза, но и сквозь веки видел все это: как высоко вверху множится ночь на новые отражения-тени и как угасает сияние поглощаемых carere morte жизней внизу. Сейчас он ненавидел свою не раз спасшую жизнь зоркость.

Винсент провел рукой по лицу и почувствовал, что оно мокро. Мгновенно испугался, вспомнив странное предостережение тетушки не показывать вампирам свою кровь, но это были слезы.

«Скорее бы вампиры насытились и ушли!» - взмолился он. И тут темноту улицы разорвали быстро приближающиеся огни факелов, а тишину - древняя молитва охотников. Ее, рассказывала Мира, слуги ордена используют в ритуалах ордена, убивая carere morte или исцеляя новообращенного. Она помогала разбивать вампирские чары.

Ободренный, Винсент бросился на помощь. Охотников подошло трое - стандартная группа патрулирования. Их факелы, сам их приход вновь ненадолго рассеял туман чар. Карнавальная улица стала видна далеко, и по ней беспорядочно рассыпались людские фигурки: стоящие, сидящие, лежащие. Крылатые тени кружили над ними, но высоко, за пределами выстрела из арбалета. Винсент подбежал к ближайшему служителю ордена, на вид обычной пожилой даме в платье серого мышинного цвета.

- Дайте мне оружие! - попросил он. - Меня учили убивать carere morte! -

О том, кто учил, он решил пока не сообщать. Женщина отрицательно качнула головой.

- У вас нет защиты ордена, запрещено, - быстро объяснила она. Тут мгновение оцепенения у людей прошло, чары были сброшены. Кто-то заплакал, кто-то закричал, кто-то заметался, но высокий охотник с платком на лице, скрывающим черты и возраст, был наготове. Приказав держаться вместе, он повел группу смертных в тот самый проулок, где прятался Винсент.

- Идите с ними, - спокойно предложила дама. - Ваше имя?

- Винсент Линтер, - сказал он и осекся: стоило ли сообщать охотникам свое имя?

Нужно ли идти с ними? Мира мало рассказывала об охотниках, подчеркивала, что у нее с орденом разные пути...

Дама приподняла факел выше, чтобы разглядеть юношу, и доброжелательно улыбнулась. Даже очень пожилая: Винсент сперва обманулся ее строгой молодой выправкой, но лицо женщины оказалось совсем старым.

- Идемте в наш штаб, - предложила она. - Дом Гесси в Короне.

Гесси? Да, в ее манере держаться чувствовалась старая аристократия Карды, столь же древняя как известные вампирские семейства, но совсем иного качества. Не темный - светлый огонь. Винсент, помедлив, кивнул. Он еще боялся этому поверить, но... похоже, Дэви удовлетворился малой кровью. Вампиры улетали: черная туча понемногу покидала город, ползла обратно в горы. Потяжелевшая от наполнивших ее жизнью, медлительная, довольная.

- Охота уже закончилась? Быстро! - прошептал он.

- Это начало, - глухо из-под платка возразил высокий охотник. - *Carere morte* еще вернутся.

- У вас не кардинский выговор, - заметил Винсент. Охотник усмехнулся:

- Разумеется, нет. Мы особый отряд из Доны.

Особый отряд? Винсента разобрало любопытство: вот он, шанс узнать больше о главных противниках вампиров. Мира относилась к ним достаточно презрительно, а с нею и он: охотятся на мелочь, а подлинно опасных бессмертных не трогают. Но так орден ведет себя в чужой Карде, а что в Доне?

Они, и правда, направились к дому Гесси. Ботинки скользили будто по маслу по мокрому от крови тротуару. Один раз Винсент наткнулся на тело, скрытое туманом, обошел его и побрел дальше за охотниками. Те не обращали на убитых внимания. А тело за его спиной тут же... исчезло. В Охоте наметилась передышка, и кукловоды Дэви выпустили в город марионеток. Невидимые, неслышимые для людей, они прибирали за владыкой. Мертвых подбирали, чтобы сделать новых кукол, и охотники не препятствовали им в этом. Служители ордена казались очень спокойными: ситуация была им привычна. Но за спокойствием пряталась усталая грубая отрешенность - Винсент и сам сейчас чувствовал ее.

С самого детства он был вынужден наблюдать за охотами *carere morte* из окна уютной комнатки, из-за светлых занавесей. Ночь Большой Охоты еще не сломала его, но первая монетка на чаши весов, качающих надежду и отчаяние, была брошена на сторону отчаяния. Винсент даже зачем-то Избранного из сказки, что отказался от своего Дара и устранился - судьба, похожая на его собственную судьбу. Ужасно видеть все это: трапезы свиты Дэви и дикарей, то, как выпитые до дна тела после превращают в марионетки, как отправляют их за новыми жизнями, страшно ощущать запах крови, как привычную частицу аромата кардинской ночи. Но подлинно невыносимо - не мочь всему этому воспрепятствовать.

Дом Гесси, основателей ордена охотников, был хорошо известен в Короне. На фоне богатых, украшенных позолоченной лепниной, окруженных экзотическими садами домов Реддо и Красов, он притягивал взгляд простотой и изяществом линий. Высокий и белый, он вздымался над туманом как свеча. Особняк Гесси неуловимо напоминал церковь Микаеля, венчающую восточную оконечность Карды.

Людей завели в холл, временно превращенный в настоящий арсенал ордена со стойками серебряных мечей и арбалетов, и расположили в большой гостиной. Винсента дама провела дальше, в библиотеку и здесь сразу же захлопнула дверь.

- Как тебе удалось сохранить ясный рассудок в зачарованном городе? - строго спросила она.

Неверное пламя нескольких свечей дрожало в такт его колебаниям. Что сказать?

- Я узнал, Большая Охота Дэви в этот раз будет в Карде и подготовился, - не слишком уверенно сказал Винсент.

- О выборе Карды в качестве места Охоты знал лишь Дэви и мы. Фамилии «Линтер» среди адептов ордена нет. Кто сообщил тебе об Охоте?

- Я... просто увидел летящих сюда *carere morte*. У меня это с детства. Я чувствую их приближение, вижу их сквозь чары, сквозь тучи, сквозь стены...

- Продолжай, - странный беспокойный огонек вспыхнул в глазах женщины. Опять вспомнились предостережения тетушки не распространяться о своей особой зоркости, но делать было нечего. Винсент продолжил:

- Иногда я чувствую, что чувствуют они. Голод, тоску, страх... И чары Карды вроде бы не действуют на меня. Во всяком случае, не так сильно, как на других. -

Он вглядывался в лицо женщины, ища сомнение, неверие, но та удивленной не выглядела. Она не просто поверила нелепице, достойной сказки, без доказательств, а даже... ждала от него подобного признания!

- Вы мне поверили? Сразу? - тихо спросил Винсент. В глазах старой дамы была та же загадка, что и в глазах Миры, когда та рассказывала сказку о Даре... Но сходство длилось лишь мгновение. Женщина моргнула, и стряхнула его с ресниц как странный сон.

- Случаи особенной зоркости встречаются и у обычных людей, - неожиданно сухо сказала она. - Вам повезло, юноша. Таким как вы прямая дорога в орден. Подумайте об этом.

Вступить в орден? Винсент вежливо кивнул, обещая подумать, но сам вовсе не был уверен, что станет хорошим охотником. Охотники должны убивать *carere morte*, а его ненависти к вампирам не хватит, чтобы делать это. Даже после того, как увидел Большую Охоту Дэви, Винсент помнил и другое: сказки Миры и ее уроки, на которых она учила его бороться с вампирами и противостоять их чарам. За эту *carere morte* он сам убил бы кого угодно. Мира не заслуживала уничтожения, она заслуживала...

Исцеления?..

Что за странная идея, прямиком из детской сказки! Но почему-то Винсенту уже казалось, это вовсе и не сказка...

Дверь распахнулась, вошел высокий охотник. Он сдернул платок с лица, и Винсент удивился в очередной раз. Этот по манерам напоминал скорее зрелого мужчину, но оказался совсем молод. Старше Винсента всего лет на пять, а на рукояти его меча счет зарубкам, отмечающим обезглавленных *carere morte*, перевалил за два десятка.

- Адора, срочное извещение от второй группы, - быстро сообщил охотник, и Винсент про себя присвистнул: «Адора!» Так она не Гесси, а просто пользуется домом Гесси как штабом. Ее же фамилия еще известней: Адора Рете приходится родней самому Королю.

- Вы просили известить вас об этом заранее: в штаб едет герцог Крас, - закончил охотник. Хмурым взглядом он окинул Винсента. - А это кто? Все люди в гостинной.

- Он охотник, Марк. Спонтанный, - герцогиня фальшиво улыбнулась. - Отлично убивает вампиров даже обычным оружием. В Карде такое случается. Я уговариваю его отправиться с нами в столицу и подучиться охоте на вампиров, верно, Винсент?

Чувствуя себя отчасти заговорщиком, Винсент медленно кивнул. Интересно, почему Адора предпочла выдумать нелепицу о его наклонностях палача *carere morte*, но скрыть его

зоркость от собственного подчиненного... Значит, это не такая уж обычная зоркость?

«Может быть, это Дар?» - мелькнула очередная невозможная, но такая верная мысль.

Марк ушел, они опять остались вдвоем с Адорой. Герцогиня, задумчивая или... внезапно ослабевшая? - прислонилась к книжному шкафу, скрестив сухие тонкие руки на груди.

- Молчите? Наверняка то, что вы видели в эти годы, отвратило вас от ордена, - тихо заметила она. - Договор с Дэви о невмешательстве в дела друг друга... Мы отдали владыке на растерзание Карду, забрав себе Дону. Но это было рациональное решение. Владыка вампиров силен, и с этой силой придется считаться, пока мы не сможем противопоставить ей такую же. Постулат о первейшей ценности человеческой жизни по-прежнему есть в клятве охотника, однажды мы вернем и тот, с которого все начиналось: о борьбе со всем многообразием проявлений тьмы. Может быть, вы поможете нам его вернуть?

- Полагаете, я обладаю достаточной силой? Марк назвал вашу группу «особым отрядом»... Зачем вы прибыли в Карду?

- Даже не все охотники в отряде знают истинную цель нашего визита, а вы хотите, чтобы я сообщила ее не-охотнику? - Адора усмехнулась, но тут же смиростивилась. - Одно уясните: никому более не говорите о своем необычном умении чувствовать перемещения вампиров. Никому, даже охотникам, прибывшим со мной! Мы поговорим обо всем позже, а сейчас прошу простить: меня ожидает герцог Крас. Оставайтесь здесь.

Загадочно поблескивали золоченые корешки книг на полках. В мерцающем свете свечей их названия казались вязью на неизвестном языке. Или просто он от волнения не может собрать рассыпавшиеся мысли? Рете ясно запретила ему говорить кому-либо о своем даре распознать вампиров... Почему?!

Избранный... Дар... - неужели, все это правда? Много раз с тех пор, как узнал сказку, Винсент задавал себе этот вопрос. Может, особая зоркость - свойство не его глаз, но его сердца, крови? Вдруг у него есть сила, способная исцелять само проклятие *carere morte*, вдруг его кровь светится для вампиров, выдавая это? Недаром тетушка каждый раз, случалось ему пораниться, стремилась поскорее остановить кровотечение. Она говорила, запах может привлечь вампиров. ...А, может, она видела золотое сияние крови и его пыталась скорее спрятать?!

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Долгие годы Винсента мучила вековая определенность мира, в котором существуют вампиры: либо ты встаёшь на сторону *carere morte* и убиваешь людей, либо становишься на сторону охотников и убиваешь вампиров. Даже на уроках Миры он долгое время старался не проговаривать вслух само слово «вампиры», как бы отказывая им в реальности. Ведь едва признаешь их существование по-настоящему, придется выбирать одну из сторон...

А, что если есть выход - выход, мелькнувший еще в старой сказке о Даре? Проклятие *carere morte* - это болезнь, а болезнью не восхищаются, больных не убивают. Их лечат, и в мире вампиров лекарь один - Избранный... Что, если в его руках эта сила?

Избранный... Дар... - едва подумаешь о возможностях, открывающихся тебе, как кружится голова и воздуха не хватает, будто стоишь на вершине горы, над облаками... Но, если он Избранный, почему прячется в убежище охотников? Он должен быть там, на улицах Карды, защищать людей от *carere morte* и исцелять бессмертных.

«И самой первой исцелить - Миру...»

В библиотеке Винсент, конечно, не остался. Новооткрытое, волшебное знание о себе как Избранном кощунственно было держать взаперти среди пыльных, отныне никому не

нужных фолиантов о способах борьбы с *carere morte* и истории ордена. Винсент сошел в холл, где охотники готовились к очередному визиту вампиров Дэви в город. Тут же дорогу заступила стража.

- Тебе не разрешено покидать библиотеку, - сообщил все тот же охотник, хмурый Марк. Винсент сделал вид, что послушался, но у библиотеки повернул вдоль по коридору. В дальнем крайнем кабинете горел свет: желтая полоса из приоткрытой двери перерезала темно-красный ковер.

Он был спокоен: запереть охотники его не запрут, это еще никому не удавалось. А раз они попытались ограничить его свободу вопреки его воле, так и он не станет сдерживать любопытство и подслушает наверняка интересную беседу.

В кабинете была Адора - в приоткрытую дверь был виден кусочек знакомого мышинового цвета платья. Невидимый собеседник герцогини был ей под стать, аристократом - властный, уверенный тон, скользкая как шелк вежливость в построении фраз:

- Вы потратили немало времени на спасение от вампиров Дэви смертных, Карда вечно будет благодарна вам. Благородный поступок, но удалось ли приблизиться к настоящей цели вашего визита в Карду, Адора?

- Защита людей от вампиров - прямая обязанность охотников. К тому же, заниматься нашей главной целью, пока Дэви в Карде, было невозможно, - ровный, нарочито равнодушный голос Адоры.

Винсент пожалел гордую герцогиню, вынужденную оправдываться. Он хотел уже уйти, но следующие слова Адоры заставили буквально прилипнуть к двери.

- Владыка покинул город полчаса назад, и группа уже доложила мне, что низшие выходят в город. Большой их отряд собирается возле одного из домов Короны. Вы совершенно верно предполагали, герцог: владыку низших терзает страх, что Дэви попытается расправиться с ним и его подданными своими или чужими руками до конца ночи. Пока есть время передышки, он хочет забрать себе того, кого определил, как Голоса Бездны. Конор надеется с его помощью дать Дэви отпор. Нам этот человек известен как Избранный...

- Проклятый, Адора! Я требую называть его Проклятым, - нервно заметил герцог Крас.

- Прошу простить. Низшие уже зачаровывают разум жильцов дома. Думаю, они надеются выманить Проклятого.

- Что за дом в Короне? Чей?

После долгой паузы, наполненной, как показалось Винсенту, сожалением, Адора сообщила:

- Дом Вако. Вероятных Избранных трое. Это...

Винсент оторвался от двери, не дослушав. Ошеломляющие сведения о поисках Избранного орденом и, сверх того, о поисках Избранного низшими вампирами и неясных интригах охотников и вампиров надо всем тонули в страшной новости: слуги Конора оккупировали дом Вако?! Как он с его зоркостью опять пропустил то, что ближе всего к сердцу?! Ведь в доме мама...

Он кинулся в холл и замер. Едва завидев, Марк пошел к нему с самым угрожающим видом, собираясь вернуть в библиотеку куда менее вежливо. Взгляд Винсента упал на готовый к бою арбалет у охотника на поясе, и решение пришло.

- *Carere morte* опять начали охоту! - крикнул он. - Я видел сейчас! Они идут от дома Калькаров по Карнавальной улице!

Кстати пришлось полученные от Миры знания о структуре свиты Дэви. В очередной поход на несчастный город вечно несытых, жестоких Калькаров легко было поверить. Охотники в холле зашушукались. Марк нахмурился:

- Что ты видел?

- Я вижу их! Как тени! И в небе, и на земле, даже на больших расстояниях! Вы разве не из-за этого... Дара, - он нарочно выделит последнее слово, - держите меня тут?!

Теперь поверил и Марк, принялся раздавать группам указания. Охотник отвлекся на секунду, этого Винсенту было достаточно. Он проскользнул к входной двери. Тихий скрип потерялся в лязге десятков собираемых арбалетов и убираемых в ножны мечей за его спиной. У садовых ворот охотник заступил дорогу, что-то спросил, приняв за своего. Винсент оттолкнул его и, не слыша окликов, помчался по улице. К счастью, вслед не стреляли.

Низших у дома мамы он уже нашел. Тонкие слабые тени, призраки самих себя. Они как свечи были расставлены кругом у дома Вако, а их чары накрыли особняк, точно клеткой. Там мечется сейчас мама... Как он мог забыть о ней?!

Он бежал, а обстановка вокруг менялась. Carere morte начинали новую охоту. Винсент будто и не соврал охотникам: вновь сотканная из сотен крыльев тень накрывала город. Маячки фонарей терялись в уплотнившемся тумане, но он уверенно приближался к родному дому, ориентируясь по зрению Избранного на низших, оккупировавших сад. Только когда Винсент перебежал Старый мост, все стражи вдруг разом исчезли. Сердце оборвалось: что же, это значит, задание у дома Вако, чем бы оно ни было, выполнено?

Да, сад был пуст, на широкой подъездной аллее поверх белого конфетти яблоневого лепестков красные кружки - брызги крови. Чья это кровь?! Винсент не помнил, как влетел в незапертый дом. Если он не найдет тут маму, возможно, эта кровь станет последним знаком о ее судьбе.

...Скоро он нашел ее, только радости не испытал и многое бы отдал за то, чтоб не найти. Агата была там же, где Винсент видел ее последний раз - лежала под окном в гостиной, замотанная в оборвавшуюся занавесь, как в белый саван. И не carere morte приходили за ней. Мама выпила уксус - осколки бутылки лежали тут же - и в агонии боли вцепилась в штору, уронила ее на себя. Сейчас она уже успокоилась... лежала неподвижно, слишком неподвижно для живой.

Эхом зазвучали в голове Винсента ее последние слова к нему: «Ты убиваешь меня этим!» Он упал на колени у тела мамы. Если б не страшная ночь, если б не вновь обрушивающееся на землю сотнями голодных черных теней небо, осознание этой смерти раздавило бы его. Но пока казалось, разбитая бутылка с резким запахом уксуса и красная пена на маминых губах - это такой же сон, как клыкастые крылатые твари вокруг, как кровь на мостовых, как люди, живые и мертвые, одинаково беззвучно исчезающие в густом тумане.

Винсент захватил пару серебряных ножей из праздничного сервиза и выскочил на улицу. Сейчас он забыл, что недавно хотел исцелять вампиров. Завидев, что у самой ограды сада, крылатая тень пытается утащить слабо сопротивляющуюся Линду, он бросился девушке на помощь. «Не смог спасти маму - спасу хоть кого-то!» - звенело в голове, но все не могло заглушить крик Агаты, что сын ее убивает. Винсент вонзил вампиру нож в правый подвздох. Как учила когда-то Мира, ранения серебром в печень и поясницу могут быть очень опасны даже для бессмертного... Вампир отпрянул, но тут же перехватил его руку в следующем замахе, вывернул запястье. Винсент махнул вторым ножом, и серебряное лезвие разрезало черную тень. Нежданная помощь пришла от жертвы вампира. Служанка бросилась на carere

morte, ничуть не страшась клыков, и все старалась обхватить ладонями его голову. Вампир сопротивлялся ей на удивление слабо. Потом вовсе обмяк, в распадающемся плаще тени осел на тротуар, увлекая Винсента за собой. Из раны в его боку неостановимой струей лилась кровь.

Тяжело дыша, Винсент поднялся. Линда присела около поверженного *carere morte* и держала ладонь у его виска.

- Кажется, я утихомирила его, - скоро шепнула она. - Бежим!

Винсент замер, теперь поняв, кто перед ним. Не человек - низшая! Вон, и проклятие лишенных смерти, притаилось мохнатым пауком около ее сердца.

- Когда ты успела стать *carere morte*?! - ошеломленно выдохнул он. - Ты точно была человеком, когда устраивалась к нам, я проверял!

- Сегодня, - Линда, отбросила извитую прядь волос, мешающую смотреть-гипнотизировать, со лба назад.

- Зачем?!

- Приказ владыки Конора. Ты не должен был меня увидеть, - прошептала она. - И сейчас все забудешь... -

Девушка приподнялась, все гипнотизируя взглядом. Винсент отшатнулся, взмахнул будто спаявшимся в одно с рукой ножом и порезал ей лицо. Низшая вскрикнула, на миг выпущенный из поля притяжения ее взгляда, он бросился бежать.

Опять городская площадь. Везде вновь охотились *carere morte* Дэви, но брали теперь не людей - только низших. Густой, влажный, пахнувший их грязной кровью воздух полнился рыданиями и мольбами. Низшие пытались ткать паутину чар, но она терялась в тумане. Никто не защищал их, как напрасно спас служанку Винсент. Высшие хватали их, лишенных какой-либо защиты, вонзали серебро в сердце и швыряли обратно на камни.

Шла финальная часть большой игры Дэви - уничтожение конкурента Конора, и Винсент с его жалким оружием вовсе не был тут нужен. Но вернуться в пустой страшный дом Вако он не мог. Он подобрал тлеющий факел, раздул его и, чуть подбодрившись, пробовал искать охотников. Но уворачиваться от множащихся прямо на глазах крылатых теней даже со сверхъестественной зоркостью становилось все сложнее. Их было так много, что они сливались в единую черную тень, отовсюду тянущую свои щупальца. В конце концов, от одной Винсент не уберегся. Холодные пальцы цепко сдавили плечи, повлекли вверх. Он наугад ткнул факелом, резанул ножом... но его уносили все выше, так что драться с вампиром становилось бессмысленно: упадешь - разобьешься. Винсент отчаянно забился в когтях вампира, и тут сбоку налетела другая *carere morte*. Одним широким движением черной руки она сорвала с вампира крылатую оболочку, как игрушку выхватила добычу, не успел Винсент и вздохнуть. Теперь его держали ее когти, *carere morte* заложила вираж, постепенно снижаясь, но он был спокоен. Он узнал маленький огонек ее жизни даже под чудовищной крылатой оболочкой. Это была Мира.

Она опустились там же, на площади. Ничего не говоря, не покидая чудовищной тени, Мира выхватила у него факел, широко мазнула огнем по тротуару вокруг. Повела дальше, дорожкой. Что она делает?

Винсент обхватил замерзшие в разодранной рубашке плечи, и понял, что они мокры от крови. Так значит, Мира уничтожает следы его крови! Ведь, если он Избранный, они светятся золотом для вампиров сквозь туман как маячки... Осознание иной стороны Дара накрыло волной страха. Винсент попытался зажать глубокие порезы на плечах, спине.

Только теперь и ладони будут в «золотой» крови! «Много ее уже пролилось, интересно?» - подумал он, а площадь поплыла под ногами. Закружилась голова. Он прислонился к фонарю, чтобы не упасть.

Подскочила Мира, все еще в крылатом обличье, но Винсент не замечал ее уродливых остроугольных крыльев и переплетений тени на лице, складывающихся в маску чудовища. Он смотрел глубже, в скрытый проклятием свет ее жизни. Должно быть, это было *carere morte* больно, она резко, стонуце выдохнула, но не отступила. Наоборот, привлекла его к себе, холодными губами приникла к ранам. Все с той же лихорадочно торопливостью принялась слизывать опасно светящуюся кровь, одновременно останавливая кровотечение. Знакомая, вовсе не холодная аура ее тела рядом напоминала не о вампирской сути Миры, а том счастливом времени, когда прекрасная загадочная тетушка читала ему сказки на ночь.

- Ты знаешь, что мама... - прошептал Винсент. Когда-то он доверчиво поверял ей все о своих детских ранах, но теперь договорить не смог - слишком страшна и выросла была эта. Он устало закрыл глаза, но и сквозь веки видел рядом ее свет.

- Тихо, тихо! - зашептала она, наконец сбросив чудовищное обличье. - Дэви захватил в плен Конора, владыка может узнать о тебе очень скоро. Надо бежать! Отправимся в Дону, к моим старым друзьям...

Ее прервали какие-то странные щелчки. Мира резко дернулась всем телом и безвольно как кукла осела ему под ноги. Сверкнули сквозь туман две серебряных болта в ее спине. Винсент попытался вытащить тот, что против сердца, но пальцы оскальзывались в крови. К ним подходили охотники, Адора и Марк, держа наготове вновь заряженные арбалеты. Винсент поднял ладонь защищающим жестом:

- Не стреляйте! - крикнул он, сообразив, что охотники приняли сцену за обычную вампирскую трапезу. - Она не хотела меня убить!

- Ты пойдешь с нами, - хмуро констатировал Марк. - Проклятый.

- Винсент, теперь это необходимо, чтобы защитить тебя от вампиров, - вступила Адора. Искреннее сожаление плескалось в ее глазах. - Напрасно ты выдал свой Дар, - вздохнула она, и Винсента теперь огорошило осознание: неспроста герцогиня Рете умолчала о нем во время разговора с Красом! Хотя уже тогда все знала, и группу к дому Вако отправила, лишь чтобы отвлечь внимание от него...

Подойдя к Мире, Марк потянул из ножен у пояса меч. Винсент накрыл бесчувственную *carere morte* своим телом:

- Если вы тронете ее, у нас не может быть общего пути! - выпалил он.

Адора покачала головой:

- Вампиров свиты Дэви нам трогать запрещено. Марк, оставь ее. Винсент, ты идешь с нами.

Миру они так и оставили лежать с болтами в спине. Винсенту перевязали порезы, повели обратно в штаб. Он вынужден был подчиниться. Вторая волна *carere morte* схлынула, туман без подпитки их чар начинал уходить.

Когда они проходили дом Вако, Винсент подвинулся ближе к решетке ворот, чтобы разглядеть особняк. На миг мелькнула безумная мысль: сейчас он увидит фигуру мамы у окна, и недавний кошмар аннулируется. Но Марк заступил дорогу и вернул его на место.

- Какая охрана... Вы меня от вампиров охраняете или конвоируете? Если это из-за моего Дара...

- Это из-за твоего проклятия, - быстро объяснил Марк.

- Какого проклятия? - вскинулся Винсент и отметил про себя: загадочная привязка его к некоему «проклятию» упоминается уже второй раз. - Я Избранный! Какое проклятие?

- Твоя способность видеть вампиров, как и твоя золотая кровь, говорят, что ты - новый носитель проклятия Алитера, - пояснила Адора. - В твоём Даре есть частица *carere morte* - частица проклятия.

- Но я же не стану из-за нее вампиром?

Марк очень скептически хмыкнул.

- Вы будете всюду меня сопровождать? Или запрете где-нибудь?! Это же чушь. Я не чувствую никакого проклятия! Госпожа, - обратился он к Адоре, решив игнорировать недоброжелательного охотника. - При Красе вы называли меня Избранным, а не Проклятым...

Пожилая дама только вздохнула.

- Я не чувствую никакого проклятия, - повторил Винсент уже не так уверенно. Что-то темное, липкое и холодное как грязь осело в горле со смерти матери и теперь под собственной тяжестью медленно проваливалось в грудь, к сердцу. Он вдруг почувствовал, что сейчас не сможет исцелить никакого *carere morte*. Даже если перед ним окажется Мира, он не сможет хотя бы попробовать это сделать... Что это? Апатия от горя?

«А если, и правда, проклятие?»

Что-то капнуло на макушку. Потом еще, еще... Теплое. Неужели, кровь? Винсент подставил ладонь, и в нее упали прозрачные капли воды, кажущиеся теплыми для него, оледеневшего внутри и снаружи от всего увиденного. Дождь... В Карде даже природа по воле бессмертных идет против жизни. Дождь смывал кровь с улиц в Несс, река уносила прочь и ее, и память о ней. Туман рассеивался, а камни тротуаров и мостовых были чисты. Невдалеке лежала чья-то потерянная перчатка - волчья лапа. Будто эта ночь лишь привиделась... Реальными остались только стражники - охотники, конвоирующие опасного «Проклятого», и память о мамином теле у окна гостиной. Винсент рассмеялся. Странно, полубезумно прозвучал на пустой городской улице этот безнадежно взрослый смех.

воск.мелки Аня Ру

Глава 6 Изгнанница

Мира очнулась, когда некто рывком вытащил стрелу из ее спины. Сейчас же вторую, так что она задохнулась от крика. Охотники были точны, пронзили, парализовав, оба сердца, и человеческое, и вампирское, что в поясице. А теперь оба заработали, поток остывшей крови захлестнул тело, сразу обозначив сосущую воронку голода внутри.

Мира застонала, открыла глаза. Спаситель подтащил ее за плечи, разворачивая к себе. Мгновение она надеялась, что это Винсент, но перед ней оказалась Хелена Митто. Carec morte была разодета в рыжие меха, длинноногая раскосая лисья маска сбилась на плечо... И они были уже не на улице - в тесном темном вампирском дормезе, трясущемся по проселочной дороге.

В начале ночи Дэви объявил, что они будут охотиться в Карде. Сердце замирало, когда она летела над городом. Остался ли Винсент дома? Что, если он сейчас где-то на улицах?! Но охота была краткой. Владыка объяснил, они должны создать лишь видимость настоящей трапезы, пустить живым кровь, чтобы ее запах вогнал в голодное безумие низших Конора, и без того балансирующих на грани превращения в высших. План удался. Когда они спускались в город во второй раз под утро, голодные тени низших рядом с сияющими силуэтами живых обозначились очень четко. Но Мира уже не стала охотиться вместе с владыкой. Как только Калькары доложили, что Кононр взят в плен, удрала. Она летела к дому Вако, и тут кровь Избранного знакомой золотой звездочкой сверкнула на городской площади...

«Проклятые охотники! Если б не они, мы были б уже далеко...»

События ночи помнились хорошо, только воронка голода засасывала все эмоции от них. Угадав ее состояние, Хелена достала из-за подвязки чулка фляжку стабилизированной крови, открутила крышку и подала Мире.

- На, пей. Это охотники тебя так? Странно. У Дэви с ними договор не нападать, - тараторила она, пока Мира, стуча зубами, пила. - Ты что, первой напала на охотника?

- Нет, - сдавленно сказала Мира, допив последние капли. - Они сами подошли. Когда я схватила... добычу.

- Какую добычу? - не унималась подруга Адама. Мира закрыла глаза.

- Обычного человека. Куда мы едем?

Хелена изобразила удивление.

- В «Тень Стража» конечно.

Чужая кровь прочищала сосуды, в голове постепенно прояснялось. Хелена пока ни словом не упомянула Избранного, значит, Кононр оказался крепок и Дэви его не расколочил. Но все ли следы крови Избранного она сама уничтожила? На мостовой все, а схвативший Винсента вампир был в крылатой тени, возможные следы крови сотрутся при обратном превращении... Как и у нее должны были исчезнуть. Конечно, надо еще осмотреть себя пристально... Только б выбраться из экипажа, с глаз Хелены!

- Что это у тебя? - неожиданно спросила та. Мира испуганно вздрогнула. Может, кровь Избранного осталась на руках?! Она принялась разглядывать ладони - чисто. Может быть, на лице? ...Почему Хелена так странно смотрит?!

Их взгляды встретились, и Хелена, сбросив потрясение с лица как маску, привычно лживо улыбнулась:

- А, показалось что паук! - воскликнула она и вдруг пребольно дернула Миру за волосы слева. - А это просто сухой листик. Идти можешь? Мы приехали.

Экипаж встал. Хелена выскочила во двор замка первой, еще слабая Мира спустилась, прибегнув к помощи возницы. И тут Хелена словно невзначай обронила:

- Ты пропустила погоню за Долусом. Твой напарник определенно был связан с Конором! Так что держись, Вако! Гектор исчез, придется отвечать тебе.

В холле приглашения владыки и начала собрания ждала почти вся свита. Вампиры кратко, неразборчиво переговаривались, усиливая нервозность обстановки. Слуги же, выстроившиеся по стенам, хранили молчание, никого не приветствовали, никого не вызывали. В верхние галереи пропустили только Хелену, шепнувшую что-то на ухо ближайшей марионетке в серой ливрее. Подозрение, что Хелена все же разглядела капли крови Избранного, немедленно вернулось, но Мира усилием воли подавила панику.

«Нет, Дэви ничего не знает об Избранном. Конор молчит, Гектор пропал. Есть шанс скрыть все от владыки... Есть у меня шанс!»

Она устроилась на кушетке, расправила мокрое платье. Постаралась принять отстраненно-равнодушный вид, только сердце колотилось как у человека, толкало вскочить и броситься мерять шагами холодный холл и коридоры.

Холл пустел по мере того, как спускался новый вечер. Слуги приглашали вампиров свиты в зал, только Мира напрасно ловила их холодный взгляд: ее обходили, как пятно солнечного света. В конце концов, она осталась совсем одна. Сейчас бы сбежать... но воздух вокруг словно уплотнился. Вязкий, густой, олицетворение ее сомнения и страха, он обволакивал как смола, не давая ни шевельнуться, ни вздохнуть. Громадный сводчатый холл вокруг казался темным кристаллом, в который ее заключили. Сбежать... Но если она тревожится напрасно? Если Хелене ничего не известно об Избранном, а своим побегом Мира и выдаст Винсента? Вот на лестнице загрохотали шаги нескольких слуг.. Должно быть, идут за ней. Мира не дрогнула, только пальцы вцепились в кружево на юбке. Шаги ближе, ближе, скрипнула дверь... Готовая ко всему, она привсталала, неуверенная в ставших ватными ногах, уцепилась за спинку кушетки. Но это оказались куклы Калькаров. Они вели пленного - Валерия Конора. Шедший следом Магнус сделал знак ступать за ними. Чувствуя себя бесплотным призраком, существующим лишь волнением, Мира присоединилась к процессии.

Их привели в трапезную. Владыка удобно устроился за круговым столом с бокалом крови в руке, глаза сверкнули приветственно и хищно, когда он увидел входящих. Мира выдавила дрожащую улыбку. Едва войдя в зал трапезной, склонилась в глубоком реверансе, пряча лживые тревожные глаза. Дэви пока не обратил на нее внимания.

- Валерий Конор, - с издевательским радушием поприветствовал он низшего, и дал знак слугам, работавших на смежной с трапезной кухне. Оттуда тотчас же раздался звук удара, оглушившего жертву, и сладко запахло человеческой кровью. Поневоле Мире представилась бьющая в пол горячая красная струя. Хоть и не была голодна, она сглотнула как многие, многие *carere morte* в зале.

Дэви отпил немного из бокала и опять прошел взглядом храбрящегося, но все больше сдающего с каждой минутой Конора. В перемазанном кровью, изорванном карнавальном рубище, владыка выглядел куда увереннее и сильнее низшего в очередном дорогом, с иголки, костюме.

- Это была великолепная ночь, - начал Дэви, обращаясь одновременно ко всем и

никому. - Мы славно поохотились. За последний предрассветный час нами было убито больше сотни... Верно, Конор?

Низший судорожно вздохнул:

- Вероятно, господин. Я не считаю ваши жертвы.

- А своих подданных? - ввернул владыка и засмеялся. Он опять отпил из бокала и знаком пригласил всех за стол. Мира постаралась сесть подальше от Дэви, но в результате оказалась на середине стола, зажата с двух сторон Калькарами. Конор также сел... или его усадили? - на противоположной от Дэви стороне круга.

- Помнится, восемь лет назад я потребовал от тебя и тех, кто называют себя твоими подданными, покинуть Карду, - заметил Дэви. Слуги тем временем расставляли на длинном столе дымящиеся бокалы со свежей кровью. - Если бы ты исполнил мое повеление точно и полно, никто сегодня не должен был пострадать. Что заставило тебя преступить повеление владыки?

Конор издал звук, напоминающий не то всхлип, не то взвизг.

- Впрочем, знаю. Слух об особенной крови. О, золото во все времена вводило людей в безумие! - владыка рассмеялся. - Вот только этот слух был ложью, созданной специально для тебя. Моей ловушкой. Теперь, когда она захлопнулась, я могу это сообщить.

- Ловушка или нет, мы нашли золотую кровь, - очень тихо сказал Конор, не поднимая взгляда от бокала остывающей крови. Пальцы на столе мелко подрагивали, ноздри раздувались - вампир отчаянно боролся с голодом.

Что-то дрогнуло и в лице Дэви:

- Что?

Мира неразборчиво прошептала ругательство.

- Чтобы узнать имя обладателя золотой крови тебе придется обменяться со мной кровью, владыка, - Конор вскинул голову - гордо, в отчаянии последней надежды. - Только так и никак иначе. Решись, открой мне человеческие чувства, человеческие слабости, сбрось все свои маски. Нырни в самую глубину моей памяти. Там найдешь имя обладателя золотой крови...

Дэви отодвинулся от низшего, хоть они и были разделены кругом стола. В глазах владыки мелькнул ужас.

- Что, боишься? - зашептал Конор. - Я знал это, Дэви. Ты всего боишься в этом замке: запахов, звуков... воспоминаний, и так будет всегда. Ты скорее проиграешь мне, чем откроешь эту свою слабость. Так оставь золотую кровь, отдай ее обладателя сильнейшему, тебе самому с ним не справиться!

- Молчать! - взревел Дэви и взмахнул рукой. Бокал Конора подскочил и упал, заливая столешницу кровью как вином. Мира вжалась в спинку стула.

- Восемь лет назад я дал тебе выбор, и ты его сделал, - вновь пугающе монотонный голос Дэви. - Ты преступил мой приказ, ты решился поспорить со мной за власть над миром *carere morte*. Теперь же Бездна накажет тебя, не я.

Он щелкнул пальцами, и с кухни запахло кровью еще сильнее, резче, ярче. Мира почувствовала, что рот наполняется голодной слюной. Двое слуг подхватили Конора под руки, вытащили из-за стола и повели на кухню. Свита повскакивала с мест: развязка многолетнего конфликта высших и низших была близка. Вампиры переглядывались, и их глаза горели предвкушением и любопытством.

- Мысленная сеть - великолепная задумка, - признал Дэви, нотки довольства сделали

его голос звончее, он зазвучал почти живо, взволнованно. - Но она не лишена недостатков, и фатальный среди них тот же, что у кукловодов. Ты слышал, что высшие вампиры-кукловоды в битвах испытывают всю боль своих раненных марионеток одновременно, что убийство кукловода мгновенно уничтожает всех его кукол? Сейчас же все твои низшие вампиры по мысленной сети одновременно испытают твой голод. Ты достаточно узнал Бездну за годы бешеных поисков Ее Голоса, Валерий, я вижу по твоим глазам... Много ли твоих подданных останется в низших после того как и они узнают Ее, скажи?

Мира не удержалась, тоже приподнялась из-за стола. Мелькнула перед глазами разверстая пасть кухни, сияющая белизной обнаженных тел. Там умирающие бились в агонии на полу, в потоках алой крови. Низшего швырнули на грудь еще живых тел, Конор отпрянул, но слуга Дэви тут же притиснул его лицо к коже жертвы. Рот и нос низшего захлестнула горячая кровь, льющаяся из широкой раны. Конор вынужден был ее глотать, и скоро голод победил, захватил его разум. Низший со вскриком вгрызся в рану.. и тут картинку кухни заслонила мощная фигура Магнуса Калькара, вставшего в дверном проеме. Мира была только рада. Собственный голод при виде льющейся бесполезно жизни властно заявил права на тело и разум. Пустота темным пятном разрасталась от сердца, оплетала нитями члены, превращая в свою марионетку... Ее привел в себя спокойный, монотонный голос Дэви:

- Видишь, Валерий? Бездна, что вы зовете Чудовищем, все равно побеждает. Всех вас, низших, разом. Отныне этим словом «низшие» будут звать то, что постигает неминуемый крах, как бы высоко оно ни стремилось!

Мира судорожно вздохнула. Слова владыки о неминуемом крахе вернули в реальность, где поражение все еще могло настичь ее. Вампиры возвратились за стол трапезной, но ей взять бокал уже не позволили. Двое слуг, точно также, как Конора, подняли Миру из-за стола и Дэви, увидев это, равнодушно махнул рукой:

- В Зеркальную галерею ее. Я скоро поднимусь.

Зеркала везде: на стенах, потолке, полу. В одних отражалась лишь темнота, так похожая на Пустоту, в других звезды новой ночи и кривая улыбка месяца, в третьих она сама, бледная девочка с дикими глазами. Запутавшаяся в паутине трещин, поломанная куколка... Казалось, тьма за ее спиной клубится, и Мира ощущала ее всплески внутри. Их звонкое эхо гуляло по голодной пустоте, пожравшей все, даже сердце и мозг. Временами и зрение меркло, и тогда на месте собственного отражения являлось клыкастое истощенное чудовище: полумертвец-получеловек.

- Мира Вако, помнишь ли ты, что обещала мне в начале службы? - низкий голос владыки звучал, казалось, отовсюду, хотя самого видно не было. Хитрец, встал так, что не отразился ни в одном зеркале, не показал общую для вампиров слабость - настоящий болезненный облик *carere morte*.

- Да, господин. Я обещала вам верность.

- Помнишь ли ты, каким было твое первое задание?

Мира опустила глаза к полу, но осколки зеркал - провалы в Пустоту были и там:

- Да, господин. Отыскать Голоса Бездны по золотой крови и указать его вам.

- Сегодня ночью множество низших собралось возле дома Вако, - в дальнем зеркале мелькнул силуэт владыки, его черные глаза вспыхнули в зеркалах повсюду и тут же пропали.

- Там же был найден и сам Конор. Чем низших мог заинтересовать твой дом?

- Н-не знаю, господин, - вопрос Дэви был совершенной неожиданностью. Вспомнился

тихий безнадежный голос Винсента: «Ты знаешь, что мама...»

«Что с Агатой?!»

- ...Десять лет низшие искали того же обладателя золотой крови в Карде, что вы. Известно, что с ними сотрудничал твой напарник, Гектор Долус, - продолжал меж тем владыка, а конце галереи замельтешили еще тени - свита сбежалась послушать интересный допрос.

- Я не связывалась с низшими Конора. Никогда, господин, - вымученно сказала Мира. - И я бы никогда не отдала им Голоса Бездны.

- Гектор говорил тебе о своих с Конором планах?

- Он говорил, господин, но я... смеялась над ними. Думала, он так шутит. Гектор говорил, что обменялся кровью с Конором. Но даже если так, Конон слаб и мал, ему не победить вас, господин.

- Зачем сегодня Конон направил низших к дому Вако? Может быть, он искал там золотую кровь? - голос Дэви набрал силу. Зазвенели зеркала... и звезды вверху, негромко, остро как осколки стекла в полотняном мешочке.

- Я не знаю, господин! Может, спросить это у Конора?

- Конон уже мертв, - ровно сказал Дэви. - Так же, как твоя сестра. Сегодня ночью Агата Вако-Линтер покончила жизнь самоубийством. Осталось выяснить, почему. Может, она узнала нечто невысказанное о себе... или сыне? Может, ее убедили покончить с собой низшие, расчищающие путь к обладателю золотой крови? И где ее сын, Винсент? Марионетки Калькаров не могут найти его с середины ночи.

Мира сглотнула. Что же сказать?! Пустота в каждом зеркале ждала ее провала. Она закрыла глаза, но, почувствовав в этом опасную слабость, вновь широко распахнула их. Странно: теперь увиденное в зеркало напротив не ужаснуло. Она поняла, что уже много раз видела это... не чудовище, просто истощенную, больную, но живую деву. Она видела ее прежде в зеркале глаз Избранного.

- Агата, действительно, узнала кое-что... ужасное. Она узнала о любовной связи сына со мной, - медленно, обдумывая каждое слово, сказала Мира.

Кто-то не удержавшись хихикнул. Она подозревала, Мелисса. Дэви же остался холоден, спокоен... неумолим, как катящийся с горы громадный камень:

- Вот как. А откуда взялись низшие у дома Вако? И где сейчас Винсент?

- Я не знаю, господин. Может, он сбежал искать меня, когда Агата меня выгнала? Сестра была в отчаянии. Наверное, ее сильная эмоция привлекла низших и Конора.

- Довольно, - белая, изящная, будто выточенная из кости рука владыки промелькнула в зеркале на дальней стене. - Замолчи, Вако.

Мира вздохнула. Наступила тишина. Владыка решал, что делать с ней, а она совсем не чувствовала страха возможной скорой смерти. К Винсенту сейчас тянулось сердце: как он теперь... без матери... и без нее... не подозревающий о своем Даре...

«Бездна, пусть Дэви сохранит мне жизнь! Только б еще раз увидеть его, еще хоть раз напоследок от всего злого заслонить его...»

Болезненно взрезал слух гладкий лязгающий шелест осколков стекла - вдалеке на пол серебристым дождем пролилось очередное не выдержавшее груза лет и всех чудовищных отражений в нем, зеркало.

- Что ж, - не дав перевести дух, успокоить испуганное сердце, раздался следом голос Дэви. - Раз так, убирайся, Вако. Ты не сдержала клятву оставить прошлое. Беги за ним, раз

не хочешь идти в будущее. Там и сгинешь: в прошлом нет ничего, кроме Пустоты.

Тишина. И зудящие тонкие голоса звезд, буравящих небо... Через минуту Мира осмелилась обернуться. Колыхнувшейся юбкой задела зеркало, в которое только что смотрелась, и оно осыпалось со знакомым печальным шелестом. В галарее, в обоих концах длинного коридора, не было никого. Только разломанный на части и вновь собранный из осколков образ *carere morte* глядел отовсюду.

Она сбежала из «Тени Стража» через подземный ход, пещерами, что когда-то указали слуги. Порвала платье и намочила туфли, но идти через главные двери было стыдно. Она поклялась в верности владыке и не оправдала доверия, он же до конца остался мудр и мягок и не стал расправляться с утратившей его доверие. Но, что поделать? Солнце Дара затмило для нее величественный храм бессмертных богов, воздвигнутый Дэви, только она никогда не сумеет объяснить это пустому холодному владыке.

Когда Мира спустилась в подземелья, Дэви возвратился в галерею. Любимое место дум встретило шелестом осколков под ногами.

Никто не наблюдал за ним. Успокоенный этим, владыка позволил себе отдаться тревоге, непокою. Он уперся в раму зеркала на стене, склонился над испещренной трещинами поверхностью и поглядел в глаза отразившемуся в ней бледному изможденному человеку, когда-то убившему отца и брата. Когда-то служившему владыке вампиров... Когда-то пошедшему против воли родителей ради юной любви...

«Проклятый низший!»

Дэви попытался усилием воли подавить страшные воспоминания, но стало только хуже. Кононор, предлагая обмен кровью, успел черпнуть из колодца памяти владыки, да с самого дна. Поднялась муть - черная, горькая. Теперь он долго не сможет вновь позабыть все это.

- Господин? - донесся с дальнего конца галереи голос Адама Митто. Дэви оторвался от зеркала и сделала первому помощнику приглашающий жест:

- Входи, Адам. Повтори еще раз рассказ Хелены.

- Хелена сказала, что нашла Миру Вако на городской площади. Ее руки, лицо были обожжены как от факела, в спине два охотничьих болта. Мира сказала, ее подстрелили охотники, когда она пила добычу. Охотники Карды от причастности отреклись. Это особый отряд из Доны.

- Про волосы Вако, Адам, - терпеливо напомнил Дэви.

- Хелене показалось, в волосах Вако что-то странно светится. Будто золотые монетки или краска. Она выдернула прядь, вымоченную в субстанции. Это оказалась жидкость, светящаяся золотом жидкость со вкусом и запахом крови. Та самая «золотая» кровь из легенд, господин.

- Хелене удалось сохранить хоть каплю стабилизатором? - выдохнул он. В качестве поддержки опять пришлось вцепиться в раму зеркала.

- Да. Слякка у меня, - осторожно сказал Адам, но Дэви отметил в его голосе скрытое удовольствие: вампиру нравилось быть вестником судьбы для владыки, видеть, как его слова будят в непоколебимом боге бессмертных беспокойство и страх.

- Покажи!

Адам подошел. Через мгновение Дэви рассматривал каплю крови на дне хрустального пузырька, в каких охотники хранят воду из источника Донума... Нет, не каплю крови - кусочек солнца. Знакомое отвратительное сияние! То, чего он боялся, все же произошло: через двести лет сна под проклятием Дар явился вновь. Что будет, если он обретет прежнюю

исцеляющую силу?

- Мы не выяснили, кто Голос Бездны, зато узнали, что исцеляющий Дар пробудился, - прошептал Адам. И, полагаю, этот Дар у Винсента Линтера, иначе у Вако не было бы необходимости скрывать Избранного от вас. А Конор, возможно, с подачи Долуса или Вако, считал его Голосом Бездны, и инициировал самоубийство Агаты Линтер, чтобы печаль и вина за ее смерть вызвали бы у сына шквал эмоций и пробудили Тень.

- Господин! - еще голос из конца галереи. К владыке торопился молодой кукловод - Хиам Калькар, младший из семейства, кукловод зверей. Подойдя, он церемонно, хоть и кратко, поклонился и доложил:

- Владыка, мои собаки нашли Винсента Линтера. Гектора Долуса не нашли. Отправитесь за ним вновь?

- Оставь Долуса, Хиам, не распыляй силы. Даже если смерть Конора не сожгла Гектора на месте, он не опасен. Бездна всегда забирает обоих партнеров по мыслям, раньше или позже. Где младший Линтер?

- Он с особым отрядом охотников в доме Гесси. Вероятно, он отправится с ними в столицу. Приказать дяде и тете перехватить его?

Дэви сжал пузырек в пальцах, так что костяшки побелели, но сумел спокойно сказать:

- Нет, Хиам. Пусть уезжает с охотниками.

Повисло молчание.

- Господин, - с предельной осторожностью начал Адам. - Зачем вы отпускаете Линтера и почему отпустили Вако?!

Дэви усмехнулся - трещины на зеркале растянули усмешку его отражения до бездушного и бесстыдного оскала черепа:

- Пусть Линтер ближе познакомится с охотниками. В ордене его буду звать Проклятым, и скоро он разуверится в своем исцеляющем Даре... Лишенного надежды, его куда легче будет сломать, когда придет время. Может, он сам сбежит от Краса ко мне, когда поймет, что в ордене ему предложат только смерть. Если же нет - пригодится Мира. Они связаны общей сильной надеждой, это позволило Вако не устрашиться моей галереи. Но они также и слабость друг друга... Мира поможет нам выманить Линтера.

- Но если он - Голос Бездны...

- Линтер не может быть Голосом Бездны. Тень давно бы тянулась к нему, будь это так! Голос Бездны хоть и повзрослел, до сих пор далеко от Карды. Винсент всего лишь Избранный, - сила голоса вдруг изменила владыке. - Всего лишь...

- Тогда, может быть, проще его убить? - резко от нетерпения спросил Адам. - Господин, мы можем убить Линтера прямо сейчас! Зачем ждать?!

- Нет, Избранного убивать нельзя, - спокойно выговорил Дэви. Только пальцы сильно сжали пузырек с золотой кровью и в этот раз раздавили его. Осколки вонзились в ладонь. - Уже нельзя. Его кровь и под проклятием Алитера сияет. Убьем одного Избранного - Дар через десяток лет засияет у следующего, и неизвестно, найдем ли мы его, как сложится тогда история.

- Что же делать, господин? - тихо спросил Хиам.

Дэви взмахнул рукой, стряхивая осколки, и проследил, как затягиваются ранки. Только отвернувшись от своего живого вопреки пронесшимся столетиям отражения, восстановив в памяти образ холодной величественной Королевы-Бездны, к которой стремился, смог ровно сказать:

- Проклятие Алитера в крови Избранного не может сдерживать золотое сияние, но оно еще долго не даст Избранному возможность исцелять *carere morte*. У нас есть время подготовиться к обращению Избранного, как двести лет назад сделал владыка Алитер.

Золотая кровь засияла - вот и нарушилось равновесие сил, как предсказала Кларисса. А за нарушение Равновесия ему придется ответить первым, как владыке мира лишенных смерти... Дэви с досадой подумал, что события развиваются совсем как двести лет назад, когда другой Избранный отнял вечность Алитера. Неужели, пришел его черед проделать то же самое, чтобы погасить страшный свет?

- Подождем, - слабо молвил Дэви. Прямо сейчас ему совсем не хотелось расставаться с привычной вечностью.

На похоронах Агаты шептались, что женщина покончила жизнь самоубийством, не выдержав вести о любовной связи сына и сестры. Мире донесла это девушка, согласившаяся разведать что было на кладбище, за каплю бессмертной крови. Девушка сказала, на похоронах был Винсент. Бледный и совершенно равнодушный к грязным слухам, а может, просто оглохший и ослепший от горя и потому нечувствительный к ним, он ушел с похорон вместе с статной пожилой женщиной благородной наружности и высоким мужчиной - прежде смертная не встречала их в Карде. Но Мира догадалась, кто они - столичный особый отряд охотников. Винсент уехал с ними в сторону вокзала.

Выслушав, Мира кивнула и достала нож. Девушка с готовностью протянула ладонь, но Мира только порезала свою и отдала ей нож с окровавленным лезвием.

- Порежешь себе руку, этого должно хватить, - скупое пояснила она. Спрашивать, уверена ли она в своем решении, как и обещать заботиться, не стала. Махнула небрежно, прогоняя.

Еще можно было перехватить племянника по пути к вокзалу, но Мира не решилась покинуть дом. Дэви наверняка следит за ней... Не стоит. Они встретятся позже, в столице.

«Винсент уезжает с охотниками - и пусть. В столичном ордене он будет вдали от Дэви со свитой. В безопасности!»

До вечера Мира бродила коридорами опустевшего и будто сразу одряхлевшего дома Вако. Половицы визжали под ногами, хлопали ставнями незакрытые окна, а она раздражалась то смехом, то рыданиями. Не таила горе и отчаяние, хоть и знала, что дает этим новую пищу для слухов зевакам, сегодня делающим лишний крюк, чтобы пройти поближе к любопытному дому. Она переколотила все панно Агаты с сушеными цветами, но все та же высушенная проклятием *carere morte* глядела на нее из разбитого зеркала холла.

Миру переполняла странная тяжелая радость. Один из врагов Избранного повержен, и ей удалось избежать гнева владыки. Винсент раскрыл ее принадлежность к *carere morte*, но не призвал толпу на расправу с ней, как пугал Дэви. В Ночь Большой Охоты он заслонял ее собой от охотников, оттого на ее волосах осталась его кровь. И, похоже, Бездна удовлетворилась смертью Агаты за нарушение клятвы убить того, кто разгадает в ней *carere morte*...

Сестра покончила с жизнью сама, или ее зачаровали низшие? Мира не верила в первое: непохоже на холодноватую Агату. Или ей просто слишком страшно было представлять такую степень отчаяния у родной сестры? Мира убеждала себя, знай Агата об истинной угрозе сыну, она согласилась бы с участью, что ей досталась... Но утешало это мало.

Оттого так странно тяжела была ее радость. Как беременность. Она несла тяжелый груз добровольно принятой ответственности за судьбу Избранного - целый новый нерожденный мир пыталась удержать в слабых руках...

Мира прислушивалась к затихающим вечерним звукам засыпающего мира, надеясь расслышать гудок и стук колес поезда, уносящего Винсента в Дону. Но ничего не услышала, да еще и пропустила момент, когда в дом Вако без приглашения явился некто. Только когда высокая мощная фигура перегородила вдруг лестницу в холл, куда Мира вновь собралась спуститься, она очнулась от сонной усталой задумчивости. Перед ней стоял охотник. Высокий мощный мужчина в светлом плаще с накинутым капюшоном. Белый платок в брызгах темной крови закрывал нижнюю половину лица, рука в такой же белой окровавленной перчатке сжимала исчербившийся и потускневший от крови бессмертных серебряный меч. Ожившая фигура из кошмаров дикарей.

Мира негромко ахнула. Отступила со ступенек обратно на площадку, в качестве поддержки прижавшись к стене. Орден не побоялся отправить убийцу в проклятый дом! Должно быть, все тот же «особый» отряд...

- Не убивайте, - голос дрогнул. - Я знаю много ценного. Я буду вам служить.

Охотник расхохотался и сорвал грязный платок с лица. Это оказался Гектор Долус.

- О, так ты уже готова переметнуться к охотникам, Вако? - отсмеявшись, ехидно протянул он. - Серебряный ошейник тебе пойдет, - он пальцем неторопливо обвел ее шею, царапая заскорузлой от крови тканью перчатки тонкую кожу.

- Какой ещё ошейник? - неприязненно сказала Мира. Сердце больно, испуганно билось, и злило, что вампир этот стук прекрасно слышит.

- Охотники заковывают вампиров, которые готовы служить им за миску собачьей крови, в серебряные ошейники. Ошейник обращается в удавку, как только у тебя появляется хотя бы желание полакомиться человеческой кровью. Что, и об этом не слышала? Бедная девочка, все еще в сказке живешь!

- Зачем этот маскарад? Прячешься от соглядатаев Дэви?

- Верно, прячусь, - нехотя признал Гектор. Мира исподтишка глянула на него. Лицо вампира было искажено призраком боли, а сердце сбивчиво как у умирающего, трепыхалось. Гектор сумел пережить смерть партнера по мыслям, Конора, но на миг или два заглянул в подлинную Пустоту. Мира не удивилась, найдя у него на висках седые волосы.

- Как ты пережил смерть партнера по мыслям?

Лицо Гектора нервно дернулось, тень незабытого страха пробежала по нему.

- Я обратился к разуму, Вако, - жестко сказал он. - Это не меня режут серебром, не мне рубят голову, не мое тело сжигают водой источника Донума. Помогло. Я теперь *carere morte*, прошедший сквозь смерть, подлинно бессмертный... - он резко засмеялся. - А ты не рада, любимая? Желаешь мне смерти?

- Зачем? Ты проиграл. Ты уже не опасен. -

Вот их взгляды и схлестнулись - как клинки в поединке, холодные, безжалостно режущие чувства, как металл - живую плоть.

- Ты проиграл, - повторила Мира, помня и о силе соперника, и о его мече, но все-таки желая уязвить. Близость его тела разбудила унижительные воспоминания о том, как много раз приходилось играть покорность ему... или уже жить ею? - не зная, как иначе не проиграть Долусу. Собственные глупость, слабость сейчас вызывали ярость.

Лицо Гектор вновь нервно дернулось... а потом надвинулось - он вздернул ее за плечи, подтащил к себе - не вырваться.

- Я не проиграл, - грубо, скоро выдохнул он, будто мечом пронзил противника. - Мы бы победили, скоро! Но Дэви заставил Конора заторопиться. Эта нелепая Охота... Конор

забеспокоился, что под ее прикрытием владыка высших хочет расправиться с низшими. Пришлось форсировать план, чтобы ответить ему. Конор с новенькой сильной низшей, Линдой, должны были пробудить в Винсенте силу Голоса Бездны. Нужно было вызвать у него сильные эмоции... и ведь это удалось! О, знала бы ты, какая темная сила в нем поднялась в миг, когда он увидел смерть матери, я чувствовал это через ощущения Конора... Еще минута, и Конор убедил бы Винсента натравить на высших Тень! Дэви не нам дал этой минуты... Но, все равно, теперь доказано: Винсент - Голос Бездны, и я до него доберусь! Винсент будет винить себя в смерти Агаты, а вина, ты знаешь, верный ключик в голову хоть охотника, хоть *carere morte*! Теперь легко будет открыть этим ключиком дверь в его разум и зачаровать, направить...

- На что направить? Конора больше нет, мечты низших больше нет, Избранный теперь с охотниками. Все кончено, Долус. Тебе не перейти Покров ордена, - прошептала Мира, тщетно пытаясь освободиться. Кажется, и опора под ногами уже потерялась... Но она все еще старалась верить, что победила. Просто чтобы не заорать от ужаса.

Монотонный смех вампира ужасно напомнил смех Дэви:

- Глупая кукла! Думаешь, с охотниками твой «Избранный» будет в безопасности? Думаешь, орден защитит его?! Скорее тебе придется просить у меня защиты для него!

Теперь она по-настоящему испугалась. А Гектор все хохотал, не мог успокоиться:

- Ты веришь, что твой обожаемый Винсент спасен?! Да охотники захотят убить его не меньше, чем Дэви! Ты опять забыла! Забыла наш старый разговор, когда я объяснял про Равновесие. Орден - другая его чаша и не менее, чем владыка, покровители ордена желают удержать весы незыблемыми!

- Я не понимаю, - пролепетала Мира. Гектор встряхнул так, что она поперхнулась.

- Я втолковываю тебе восемь лет: не надо ничего понимать, надо просто слушать меня! Конора нет, но я все еще могу подчинить Голоса Бездны и встать над миром *carere morte*. У меня все еще есть союзник - Кукловод Лабиринта. И в моих руках по счастью есть ниточки, чтобы вытащить Винсента даже из лап ордена. Или ты поможешь переманить его на мою сторону, или я убью тебя.

Мира едва перевела дыхание в его мощных объятиях-кандалах. Неужели, сейчас придется ускользнуть в ту же нору, в очередной раз отдав Гектору такое вожаемое тело? Когда она наконец избавится от его довлеющей, опутывающей по рукам и ногам воли?!

Она нашла силы презрительно рассмеяться, зная, какой пожар тем раздувает в его груди:

- И вот только, чтобы сказать это, ты пришел в проклятый ведьмой-Региной дом? Не боишься?

- Хватит прятаться, - Гектор усмехнулся... и рванул платье с ее плеч, так что оно разошлось на спине по шву с сухим долгим треском. - Решай, Мира! Сейчас!

Она только всхлипнула. Гектор рывком откинул плащ с головы, притиснул ее к стене. Руки Миры зашарили по его одежде... и тут пальцы наткнулись на холодную гладкую рукоять кинжала в ножнах на ремне.

«Не снял при мне, не отложил оружие, как всегда было прежде! Гектор - и забыл об этом? Вот оно, проклятие пришедшему без приглашения в дом Регины!»

Но Гектор уже перехватил ее запястья, завел за спину, сжал обе тонкие косточки одной лапицей. Потом развернул ее лицом к стене. Близкая рукоять кинжала холодила пальцы, но добраться до нее не было никакой возможности. Щеку больно царапала неровная каменная

кладка. Одним движением Гектор сдернул ей платье до бедер...

Так жестко он с ней еще не обходился. Мира опять всхлипнула, попыталась что-то сказать, но он пятерней обхватил ее лицо, будто решил смять его как у восковой куклы. Сегодня она должна всецело стать - его или умереть, - поняла Мира.

- Забудь Винсента. И Алана, - глухо шептал Гектор, покрывая поцелуями ее спину, а ей мерещились хлещущие плети. - Все забудь. Подумать только, какой-то мальчишка. Щенок. Он ничего не значит, лишь его дар...

Мира исхитрилась укусить его ладонь. Вонзила клыки так глубоко, как не стремилась до смерти голодная в добычу. Гектор вскрикнул, дернув рукой, впечатал ее головой в стену, но хватка запястий ослабла. Мире удалось освободить одно. Она быстро потянула серебряный кинжал из ножен. Тот едва не выскользнул из пальцев...

Гектор уже не держал ее руки. Он ухватил ее за волосы, отрывая от своей ладони. Ориентируясь только на быстрый стук близко бьющегося сердца, Мира вывернулась змеей, оборачиваясь к нему, ударила кинжалом между ребер сбоку. Стук прекратился. Большое тело Гектора грузно осело на пол, пальцы запутались у нее в волосах, так что и ее потянуло за ним. Мира упала на колени рядом.

«Это только начало. Второе вампирское сердце в пояснице подхватит работу через две-три минуты, и я пропала. Меч... У него был меч...»

Спутанные волосы закрывали лицо, но Мира разглядела тусклое сияние серебра на площадке. Меч оказался неожиданно легким. Если б таким же легким был и удар! Прежде во время убийств она всегда будто чувствовала направляющую руку Алана на своей, а сейчас память не помогала.

Гектор лежал на боку, последним движением схватившись за кинжал под мышкой и так застыв. Обездвиженные вампиры очень напоминают мертвецов. Мира ждала гримасы, звериного оскала, но его лицо было почти спокойным, слегка удивленным. Она пожалела, что увидела это: чудовище убить было бы легче, чем человека, но все же быстро, сильно повела меч косо вниз - на его шею. Навстречу поднялась его рука, удар пришелся по ней, разрезав до кости. Гектор, дотеле лишь притворявшийся, вскочил. Отнял меч и отбросил его на лестницу. Сдавил ей горло.

- Значит, вот как, Вако?! Опять ты ничего не знаешь! Серебро я никогда не ношу на поясе. Показывать всем серебряный клинок - давать в руки врагов лучшее оружие против себя. Это обычная стальная обманка для таких как ты, предателей. Чувствуешь?! - Он вонзил извлеченный из раны кинжал ей в живот. Мира не успела защититься, только вскрикнула на выдохе. Обезволено тело, ее держала как в петле только рука вампира.

- Впрочем, такая верность этому щенку должна быть вознаграждена, - смешок Гектора донесся будто из другого мира, кошмарного сна. - Ты останешься жить. Приманкой для Линтера.

Давление на шею исчезло, Мира мешком свалилась на пол. Прогрохотали шаги Гектора вниз по лестнице, и все стихло. Тогда она кое-как собрала окровавленные тряпки, в которые превратилось платье, прикрыла тело. Дом Вако выбрал наказать не вошедшего без приглашения, но ее, предательницу пути бессмертных, - пришла мысль, и она... захохотала. Какая б ни была тяжелая и странная - это была радость освобождения от еще одной многолетней лжи.

Вдали просвистел поезд, Мира готова была поклясться, ей не послышалось. Может, это был тот самый поезд в Дону, что увозил Винсента... Тогда она поднялась, добрела до своей

спальни. Голова кружилась как после кровопотери, внутренности там, куда Гектор вонзил кинжал, жгло, но рана уже заживала. Боль исчезала, оставалось ощущение удара и сдавливающего, охватывающего шею кольца - навек.

Сев за туалетный столик, она подвинула к себе записную книжку. Мысль написать Винсенту письмо пришла еще когда Мира слушала рассказ о похоронах Агаты. Неизвестно, когда она сумеет отправить его, неизвестно, когда Винсент его получит, но сказать эти слова Избранному, пусть мысленно, было необходимо.

Начала она легко, перо быстро запорхало над бумагой. Извинения, новость о его Даре, ситуация вокруг поисков Избранного - слова лились ровно, Мира только злилась на себя: почему не сказала хоть часть этого раньше?

«Впрочем, она сполна расплатилась...»

В конце листа она остановилась, больше не найдя слов. Осталось ещё несколько строк, и эта белая пустота требовала себя заполнить.

От открытого окна тянуло холодом. Мира машинально поправила остатки платья на плечах, вскинула голову, и из зеркала на столике, в которое все эти годы она старалась не смотреть, на неё глянуло знакомое чудовище. После последнего происшествия с Гектором оно отрастило клыки и когти. Истощённое тело, тускло-серые волосы, напоминающие мочалку, страшные, выжигающие смелость у смотрящего в них, глаза. Эта *carere morte* была готова к битве за свое солнце хоть с Долусом, хоть с самим Дэви, богом бессмертных, хоть с их убийцами - охотниками. Мира лишь на миг заглянула в уголья собственных зрачков, и зеркало разбилось в стеклянную пыль.

«Рано радуешься, тебя оставили в живых как приманку. И Гектор... и Дэви наверняка также. И они не оставили свои цели, значит война продолжается. Будет буря, злее прежней. Будут потери, горше последней. Готовься к новой битве, *carere morte!* К битве с самой Бездной».

Она вернулась к листу. Перо задвигалось над бумагой. И - откуда, почему, зачем? - неожиданная слезинка прочертила холодную дорожку по щеке. Тьма вокруг сгущалась, но тем яснее Мира видела в ней тонкий лучик, уводящий к далекому золотому диску солнца впереди.

«Помнишь сказку, которую я рассказывала тебе в детстве? Об Избранном и его Даре? Мы живём в странном, быстро меняющемся мире, но я верю, любовь к этой легенде мы оба пронесём через года. Мы и сами, хотим того или нет, уже герои этой сказки, вслед за нами она пойдёт с книжных страниц в реальный мир, новым солнцем осветит землю страха. Ты можешь не верить сейчас в то, что я рассказала, главное, что верю я. А может, быть когда-нибудь, сломаюсь я, тогда ты меня поддержишь, любимое дитя моей души. Поддержишь и вновь выведешь к свету. И однажды наша сказка преобразит этот темный мир».

Первая часть закончена. На следующей неделе начну выкладку 2-ой части)

Часть 2 Глава 7. Дочь охотников

Селение Прэсто было последней на северном пути в Дону железнодорожной станцией, в сорока минутах от столицы. Маленький неказистый деревянный домик вокзала терялся на фоне величественного пейзажа: шелестящее травами предгорье, сизые призрачные вершины гор, стальная цепь озер. А дальше, южнее разливалось море столичных огней.

В ожидании поезда из Метора охотники расположились в пустующем здании вокзала. Кто занялся проверкой снаряжения, кто вытащил, чтобы освежить в памяти, схему действий в пути, а Лира достала вышивку и устроилась у окна. Она любила вышивать, мелкая работа успокаивала. Игла так и порхала над тканью. Колченогий стул вынуждал сидеть очень прямо и не делать лишних движений. Лишь иногда, чтобы отдохнули глаза, Лира бросала взгляд за окно, на древний красивый пейзаж, которому столь мало подходило бедное низкорослое селение на переднем плане.

Никто не говорил: лучше займись проверкой снаряжения, повтори план действий. Все знали, у дочери знаменитых охотников идеальное понимание тактики охоты и всегда в порядке оружие, пусть ей всего пятнадцать и уже два года, как она сирота. Лира умела держать себя так, что казалась давно и безнадежно взрослой.

Смотритель станции отступил в угол, будто был нежеланным пришельцем на собственном рабочем месте. Осторожный любопытный взгляд перебегал с одного члена отряда на другого. Все вшестером, они, и правда, производили внушительное впечатление. Четверо мужчин, две женщины, все в простой, удобной для охот одежде, пересеченной ремешками с кинжалами и запасом болтов, с кармашками для пузырьков воды из источника Донума. У каждого на поясе кинжал с гербом ордена и инициалами владельца на рукояти, а у некоторых еще и с зарубками по числу убитых *carere morte*.

Смотритель зашевелил губами, подсчитывая черточки на кинжале Марка, и, наконец, решился заговорить о том, что терзало его все полчаса, пока охотники отдыхали:

- Вчера такой же отряд приходил. И позавчера. Раньше не было такого, - он замолчал, не зная, как тактичнее спросить дальше. Бовенс шутливо подсказал:

- Беспокойтесь, откуда такой наплыв *carere morte* по северному направлению, что мы последние трое суток направляем сюда по отряду еженощно?

- Э-э, да, - проямлил смотритель.

- Не волнуйтесь, это должна быть последняя ночь, - сообщил Бовенс. Что-что, а успокаивать он не умел.

- Вчера тут накрыли шестерых, верно? - спросил Алекс, собирая арбалет. - Или слухи уже добавили к ним половину?

- Похоже, идет наш поезд, - заметил Карл, намеренно прервав охотника, пока тот не выдал еще какую-нибудь интересную, но совершенно не подлежащую огласке среди обычных людей информацию. - И да, слухи добавили половину, - соврал он.

Марк одобрительно усмехнулся. Он поднялся первым, зарядил арбалет. Лира нехотя убрала вышивку в поясную сумку и достала из-под стула оружие - большой арбалет для стрельбы ловчими сетями. Всего-то осталось вышить крестик церкви святого Рафаэля, и картина была бы закончена. «Их» поезд еще только полз вдоль цепи зеркал-озер.

Она вскинула арбалет на плечо и чуть шатнулась от его тяжести. Перед глазами на мгновение встало черное пятно. В последнее время Лира часто чувствовала себя неважно.

Доктор сказал, это из-за быстрого роста, взросления, но она ощущала иное. Иногда она будто становилась пустой внутри: холодная, молчащая, чего-то ждущая. Пустота требовала себя заполнить, только Лира не знала, чем. Она перенесла арбалет на другое плечо... и поймала внимательный взгляд старшего в своей группе, Бовенса. Он отметил ее слабость.

«Вот проклятие!»

Бовенс был старинным другом отца и матери. После их смерти Лиру все время тянуло доказывать в его присутствии, что дочь не посрамит чести родителей. Скептический Бовенс никого из охотников не видел идеальным, но она еще покажет: насчет нее он ошибается. Лира Диос - идеал охотницы, ее с младенчества готовили к Служению.

Они покинули вокзал. Тихая летняя ночь вокруг, синяя, а не черная, казалась лишь призраком настоящей, зимней. Да, зимняя будто имеет собственную плоть - тьму и кровь - тени. Когда она ложится на города и пустоши, то совсем скрывает их, будто нет никакой реальности, она одна. А летом? Точно, привидение. Даже в полночь сквозь нее просвечивают поблекшие, но угадываемые краски дневной действительности.

«Интересно, каково в это время вампирам?» -

Лира откинула странную для охотника мысль. Поезд уже завернул за лес, миновав который начнет торможение перед станцией. Отсюда его не было видно, только длинное облако белого дыма из трубы паровоза шалью окутывало частокол елей.

- На самом деле успешные охоты именно на северном направлении - свидетельство успеха Дэви в войне с Конором, - без свидетеля заметил Бовенс. Марк мрачно кивнул, соглашаясь, а Габриель заспорила:

- Полагаете, это слуги Конора бегут из Карды? Но те, кого тут ловят, высшие!

- Потому что низшие ими стали, - быстро пояснил Марк. - Дэви устроил так, чтобы чувство голода владыки низших распространилось по мысленной сети, чтобы каждый почувствовал его своим. Или что-то в этом роде, тут лучше спросить Адору.. В общем, большинство низших не выдержало голода и сошло с ума. Теперь они неуправляемые высшие, хуже дикарей.

- Странный был план у Конора, - заметил Карл. - Он надеялся закончить поиски Голоса Бездны раньше, чем чувство голода возобладает в нем самом и его низших. Такое делают от отчаяния. Неудивительно, что Дэви это разгадал.

- Дэви? - приподнял брови Алекс.

- Да. В Карде в последние годы часто видели пару вампиров, перелетающих от одного дома к другому, но жертв среди людей после их визитов не было замечено. Riskну предположить, Дэви также дал своим слугам поиск Голоса Бездны как задание, только высшая цель владыки была не в нем. Поисками в Карде он убедил низшего оставить Дону и вступить с ним в соревнование на севере. Не выдержав постоянного напряжения сил, Конон в конце концов сорвался. Теперь о мечте низших можно забыть. Дэви красиво воспользовался отчаянием Конора.

Бовенс кивнул. Лира усмехнулась. Ее немного пугала холодность, даже некоторая бездушность заключений Карла. Впрочем, простительно для молодого охотника, всего лишь минувшей зимой вступившего в орден. Которая это будет по счету охота для него: вторая, третья? Сама Лира, несмотря на то, что была младше лет на пять, повидала охот и убийств *carere morte* достаточно, чтобы использование слабости низшего, боящегося превратиться в высшего, против него самого, вовсе не казалось красивым.

- Пора уже выучить: бессмысленно вступать в противоборство с Дэви, - подытожил

Бовенс. - А нам опять разгребать, что наворотили carere morte...

- Голоса Бездны не нашли, но, говорят, нашли другого, - хитро прищурившись заметила Габриель.

Тут уже заинтересовалась и Лира.

- Кого, Габ?

- Человека, умеющего распознавать вампиров, видеть их приближение сквозь чары. Он предсказал вторую волну охоты Дэви. Его еще зовут, - Габриель понизила голос, - Избранным...

- Ну, нашли, - фыркнул Бовенс. - А что толку? Глава все равно не решится по-настоящему воспользоваться его способностями.

- Интересно, он сейчас в Доне? - задумчиво заметил Алекс.

- Герцог Крас очень недоволен тем, что легенда об Избранном получает распространение среди охотников, - быстро заметил Марк. - Этого найденного следует звать Проклятым и никак иначе. Прекратите.

«Опять тайны и запреты», - устало подумала Лира. Что она более всего ненавидела в ордене, так это постоянные тайны главы и покровителя. Шагу ни ступишь, как влетишь в очередную невидимую стену, барьером ограждающую какую-то опасную, явно уходящую корнями к началам ордена историю.

«Надо б освежить в памяти, что об Избранном говорится в сказках Карды...»

На прямой линии показался замедляющий ход поезд в клубах пара. Черный, масляно блестящий как жук в хитиновой броне паровоз тащил пять краснобоких пассажирских вагонов и три зеленых грузовых. Лира перехватила тяжелый арбалет другой рукой, одновременно оценивая скорость прибывающего состава. Придется вскакивать на подножку. Остановившись на станции прямой поезд из Метора не будет, чтобы carere morte не заподозрили неладное, так объяснили на собрании перед охотой. Задача охотников - заскочить в вагон в Прэсто и выйти в Доне на Кардинском вокзале с пятью-шестью новыми зарубками на кинжалах и мечах.

В первый вагон вскочили Марк, Алекс и Габриель. Поезд шел с небольшой скоростью, держаться рядом не составляло труда. Лира сбавила бег, пропуская два закрытых. Вот и спущенная для них подножка. Первым в поезд запрыгнул Бовенс, успев пробормотать, что подобные игры ему давно не по возрасту. Поясная сумка больно била по бедру при каждом шаге, Лира поправила ее, а Карл уже подавал ей руку. Лира вскочила на подножку. Поезд вновь набирал ход, кусты по сторонам железнодорожного полотна сливались в серо-зеленую полосу. Озера таяли за горизонтом, а море огней там, куда они ехали, разливалось все шире.

- Сорок минут, - напомнил главный в группе, Бовенс.

Карл за два движения разложил и зарядил арбалет. Лире потребовалось немного больше времени, чтобы зарядить свой, более сложный. Громоздкий тяжелый арбалет для сетей - не самое подходящее оружие для девушек, но еще при вступлении в орден Лира настояла на этом оружии для себя. Невыносимо было представлять, что она станет стрелять по вампирам настоящими, рвущими плоть болтами. Она не хотела ранить и убивать carere morte, прежде чем сама до конца разберется, что они такое.

Бовенс повернул дверную ручку. Лира глубоко вдохнула и выдохнула, прогоняя сомнения и тяжелые, как чугунные грузики, мысли. Время охоты.

Обычно carere morte собирали несколько зачарованных во вскрытом грузовом вагоне, оставляя в неведении поезд. Сейчас все оказалось не так. В пассажирском вагоне

пассажиров не было совсем, но лежали их вещи: сумки, зонты, трости, перчатки. В середине ряда ярким пятном виднелась растоптанная в блин женская шляпка.

- Что тут было?! - лицо Карла вытянулось.

Бовенс поморщился:

- Carere morte решили устроить большой пир. Пассажиров согнали в один из соседних вагонов. Плохо! Вампиров тут большая группа. Достаем мечи, Карл. Лири, будь внимательна. Между жертв могут прятаться низшие.

Она кивнула. Карл потянул из ножен скрытый длинным плащом меч, то же проделал Бовенс. Они тихо прошли весь вагон. Вновь краткая подготовка и судорожный выдох-вдох перед следующим, и та же картина: брошенные вещи, билеты, деньги - и ни одного человека. По коридору гулял ветер, шелестел бумажками и перьями на дамских шляпах: в дальнем конце вагона было разбито окно.

Карл первым подбежал к нему, сдернул на пол закрывающую обзор, трепещущую багровыми волнами короткую занавесь.

- Похоже, carere morte зашли на поезд этим путем, - сообщил он, но по лицу было видно: еще не верит в подобные акробатические трюки, вовсе нередкие среди вампиров.

- Так и было, - тишайшим шепотом согласился Бовенс. - И наша задача не допустить, чтобы они ушли этим же путем.

Лири машинально взглянула в окно. Мимо как раз проплывала белая церковь Рафаэля. Говорят, здание-близнец знаменитой церкви Микаэля в Карде...

Все, чего ей сейчас хотелось - оттянуть встречу охотников с вампирами. Потому что менее всего хотелось участвовать в убийстве новых carere morte.

Это непросто объяснить... вдвойне непросто сейчас, глядя на брошенные, дорогие и просто дорогие сердцу вещи, хозяев которых, может быть, уже нет в живых, но ничто не было Лире так отвратительно, как ритуал охотников, в результате которого carere morte рассыпается в пыль. Такая смерть как от вампирских клыков ясна: бледная кожа и раны на крупных сосудах. Тело остается. Можно узнать лицо, можно попрощаться... От вампиров же в результате ритуала не остается ничего. Потому что сила охотников, пусть не проявляется внешне клыками, и крыльями равна, а то и превышает силу carere morte. Когда они действуют вместе на охотах, то уничтожают вампиров в пыль одними словами, крохой серебра и каплей воды источника. Против их силы даже плоть, вместилище жизни - ничто, поэтому от вампиров не остается тел, часто даже одежды. А Лири ненавидела силы, от которых ничем нельзя защититься, которые сводят на нет все попытки противостоят им. В них есть что-то... неправильное. Неправильно существование вампиров, но неправильно также и то, что делают с ними охотники. И вампиры, по крайней мере, не врут себе в том, кто они есть и что ими движет голод, а вот охотники лгут постоянно. Они убивают дикарей Доны как чудовищ, утверждая, что в них нет ничего человеческого, но позволяют столетним чудовищам из свиты Дэви бесноваться в Карде. Они исцеляют новообращенных высших, но позволяют и даже потворствуют низшим скорее переходить на стадию высших, чтобы получить мотив их убить. Неправильно это все.

Но как правильно - она не знала... поэтому, идеальная охотница, и таскала на все охоты большой тяжелый арбалет.

Carere morte нашлись в следующем вагоне. Еще в тамбуре, пошатываясь на лязгающих, расходящихся и сходящихся железных ребристых листах пола, Лири почувствовала их. Будто кусок тьмы, очень плотный и очень тяжелый был впереди, за хлипкой дверцей перехода.

Реальность оказалась еще хуже.

Вагон был заполнен пассажирами так, что свободных мест почти не осталось. Окинув голову на спинку сидения или прикорнув на плече соседа, люди спали. Глубокое медленное дыхание скрадывало быстрый стук колес поезда. В душной тишине пировали вампиры: восемь перемазанных кровью фигур. Двое стояли на страже на противоположных концах вагона. Им и достались первые болты.

Группы зашли одновременно с разных концов вагона. Щелчки арбалетов Марка и Бовенса слились в один, и крылатые тени охранников расточились, следующие болты пришились открывшимся вампирам в головы. Оба, мгновенно обезволев, упали: дальний на пол, перекрыв коридор, а ближний к Лире - на сидения, поперек спящих смертных. Резкий удар не вывел людей из сна, чары были сильны. Где же создавшие их низшие? Лира прищурилась, вглядываясь в одинаковые бледные, бессмысленные, спокойные, как у мертвецов, лица. Не нашла.

Carere morte бросились врассыпную. Лира выпустила сети по двоим, троих болтами в головы обездвигили Марк, Алекс и Бовенс. Карл застрелил бросившегося к окну carere morte, и шагнул в сторону от Лире, чтобы открылся для нового выстрела левый ряд окон. Бовенс сбрызнул тело упавшего на сидение вампира водой источника, и оно рассыпалось пылью. Продвинувшись еще на два шага, вонзил серебряный кинжал в сердце другого вампира, в отчаянии бросившегося на охотника. Тот упал, и Лира поняла, что carere morte кинулся на охотника не от безнадёжности, а защищая подругу, почти добравшуюся до окна. Лира вскинула арбалет, но Габриель опередила ее, пустив болт carere morte в шею. Подскочивший Марк обезглавил девушку, и Лира на время опустила арбалет в тяжело гудящих руках. В голове крутился нелепый, неважный вопрос: когда Марк отрубил carere morte голову, он провел удар над болтом в шее или под ним?

О чем это она! Нужно немедленно найти низших. Лира вновь присмотрелась к безмятежно спящим зачарованным. Белые лица некоторых теперь были покрыты черной россыпью брызг крови carere morte, но люди не просыпались. Последний оставшийся высший, посчитав ее слабым звеном, бросился по проходу навстречу, на ходу укутываясь в крылатую тень. Карл заступил ему дорогу, но вампир отшвырнул охотника на скамьи. Лира, чертыхнувшись, вскинула арбалет, совсем не желая стрелять в искаженное, человеческое даже под маской чудовища лицо, но ее опять опередила Габриель, пославшая болт с того конца вагона. Carere morte всплеснул руками и повалился ей под ноги. Черная крылатая тень вокруг него рассыпалась, и сверкнул серебряный стержень в спине против сердца.

Бовенс помог подняться Карлу - тот упал удачно, обошлось без травм. Потом окинул взглядом вагон. Зрелище было жуткое. Лужа черной крови на полу и у окна, еще цепляющееся за раму обезглавленное женское тело, забрызганная вампирской кровью одежда спящих... и море огней ничего не подозревающей столицы, медленно врывающееся в окна. Марк и Алекс оттащили в конец вагона всех обездвигенных carere morte, и Габриель махнула Лире: иди, помогай! Лира нащупала пузырек воды источника в кармашке и трудно сглотнула. Пришло время ненавистного ритуала.

Карл направился было к ним, но Бовенс остановил его.

- Больше никаких приближений к carere morte, - сказал он.

Карл, хоть и еще некрепко стоял на ногах, вскинулся:

- Почему? Я себя нормально чувствую.

- Вот именно. Нормально. Если б нападением carere morte была разбита твоя защита, ты

бы сейчас лежал без сознания. Значит, защиты у тебя попросту нет. Больше никаких охот.

- Нет защиты? Но я прошел посвящение!

- В наши дни это встречается все чаще, - процедил Бовенс. - Увы, время безверия...

- Но я...

- Прибери последствия нашего визита, - бросил Бовенс, и последняя надежда, что Карл подменит ее в ритуале, рухнула. Лира поплелась к Габриель. К счастью, охотники были быстры. Несколько капель воды источника в неподвижные лица, монотонный речитатив древней молитвы - и тела *carere morte* рассыпались в пыль. Одного *carere morte* Габриель оставила, обездвигив кинжалом и сетью. «На опыты», - подумала Лира и стало горько. Когда она узнала, что в лаборатории Академии ведутся настоящие научные исследования проклятия *carere morte*, сначала обрадовалась: может, наука докажет, что вампиры те же люди? Но то, как ученые с ними обращались, пока доказывало одно: что вампиры для охотников теперь еще и род подопытных зверей.

Карл уничтожил пятна крови более слабым раствором той же воды, а Марк открыл окно и подтолкнул тело *carere morte* через раму под колеса.

- Все равно скоро рассвет, истлеет быстро, - пояснил он.

Поле чар по-прежнему колыхалось в такт покачиванию вагона. Оно не утратило и доли силы. Низшие таились где-то среди пассажиров. Молчаливый уговор с охотниками: не трогайте нас и мы не снимем чары, чтобы поднялась невыгодная ордену паника. Но приказ главы был ясным: уничтожить всех. Алекс глянул на карманные часы.

- Осталось пятнадцать минут, - оповестил он.

Охотники быстро пошли вдоль рядов. Лира с Алексом проверяла пассажиров справа, Габриель с Марком слева.

После ритуала опять кружилась голова. Знакомая пустота разрасталась в теле, будто невидимый, сжигающий *carere morte* огонь, чьим проводником бывают в ритуале охотники, все выжег внутри. Болезненно громкими в тишине слышались удары сердца. Пустота молила заполнить ее... Руки дрожали, когда Лира разбрызгивала воду источника над спящими, воспаленные глаза едва успевали отмечать, не разрастаются ли язвы на коже от этой воды. Кровь шумела в ушах. Которая это охота для нее? Лучше не считать! И не считать, сколько еще впереди! Пятнадцать поколений на службе ордена, а на вершине она. Последняя Диос. Дочь лучших охотников. Знаменитых мертвых охотников. Всей своей жизнью Лира теперь должна доказать, что достойна их.

Последняя фраза-клятва не вызвала, как обычно, всплеска чувств. Пустоту внутри понемногу заполняло иное, откликнувшееся на мысль о мертвых родителях. Тягучая тоска, скользкое тяжелое отчаяние и... одиночество. Прозрачное, стеклянное, холодное, как глаза девушки, над которой она вот-вот рассыплет капли волшебной воды...

«Единственная. Последняя Диос. Дочь мертвых охотников, исполняющая мертвую клятву». -

Дрогнула и опустилась рука, державшая пузырек, и тут же над ухом что-то крикнул Алекс. Лира возвратилась из странного уединения в реальность. Пассажирка отшатывалась от них с Алексом, прикрывая лицо рукой в перчатке. Маленькая, в неприметном темном платье и круглой шляпке с кружевной вуалью... низшая!

- Отпустите меня, или я сниму чары! - крикнула *carere morte*. Поле чар, и правда, уже мерцало, понемногу спадая. Люди зашевелились, приходя в себя.

- Никаких разговоров с *carere morte*, - процедил Бовенс. Он еще не договорил, как Алекс

выхватил у Леры пузырек, а Марк метнул низшей в сердце кинжал.

По всему вагоны раздавались испуганные вскрики, люди вскакивали с мест. Перед взглядом Леры мелькнуло ошеломленное лицо с размазанной по нему вампирской кровью - человек недоуменно рассматривал свои такие же перепачканные руки. Карл подскочил к стоп-крану и с силой дернул его. Торможение вышло резким. Все попадали, кто на скамьи, кто в проход. Суматоха превратилась в настоящий хаос, но это охотникам сейчас и было нужно. Едва панические вопли и женский плач улеглись, Бовенс принялся объяснять впопыхах придуманную легенду о некоей уничтоженной опасности в других вагонах и о том, что туда теперь можно вернуться. Выдернутые чарами вампиров из привычной обстановки, люди слушались похвально быстро. Скоро вагон опустел, а Бовенс и Карл беседовали уже с подбежавшим начальником поезда. Он был в курсе ситуации - сам спустил для охотников подножки. Лира устало присела на свободную скамью. Хоть пассажиры ушли, полностью пуст вагон не был. Тут осталось сидеть, безвольно откинувшись на спинки или свесив носы на грудь, пять мертвых тел - итог начатой вампирской трапезы. Несчастные, которыми орден согласился пожертвовать, чтобы убить десятков вампиров - стандартная арифметика. Эти вампиры были хотя бы аккуратны, - безэмоционально отметила Лира. Укусы клыков заметили б только зоркие охотники. А вот, рассказывали, позавчера *carere morte* пировали так, что вагон от пола до потолка был забрызган кровью... Лира поежилась.

- Лира, ты как? - Габриель присела рядом. - Неважно выглядишь. Ты поняла, что эта низшая тебя чуть не зачаровала?

- Меня бы она не зачаровала, - Лира недовольно дернула плечом. Просто... мне всегда тяжело после убийства *carere morte*.

- Надо говорить «уничтожения».

Лира яростно замотала головой:

- Это убийство.

Габриель хмыкнула. Остроносая молоденькая бойкая шатенка, помимо рейдов она ассистировала главе ученой группы Меркесу в лаборатории, и науку любила куда больше охот. С ней можно было быть с ней откровенной.

- Если тебе тяжело, оставь охоты. Переходи к нам в лабораторию, - предложила Габриель. - Латэ согласится, я думаю. А занятие тебе найдем. Меркесу как раз нужен ассистент...

- Резать *carere morte*, как лягушек? - Лира не удержавшись фыркнула, и вот теперь подруга обиделась.

- Да, сначала резать. Это необходимый этап. Но то, что мы делаем, в итоге изменит землю страха куда сильнее и лучше, чем Избранный из никому не известной сказки, вот увидишь, - холодно сказала она. - Я лишь предложила. Не хочешь в лабораторию - думай сама, куда идти. Но от клятвы охотника просто так не отказаться, сама знаешь. Пути назад нет.

- Это я знаю, - вздохнула Лира.

Запал спора ушел. Только пустота отчаяния в груди стала еще в три раза сильнее, заморозила сердце.

Охотники проверили грузовые вагоны, и обнаружили еще двоих *carere morte*. После поезд вновь тронулся. Столица была уже совсем близко. Лира устроилась в пустом срединном пассажирском вагоне у окна, и, глядя, как мимо проплывает восточный район Доны - Ориенс, неожиданно для себя заснула, да так, что даже ухитрилась в неполные десять

минут, оставшиеся до вокзала, увидеть сон.

...Снилось детство и их дом, аккуратно напротив Академии. Лира бежит с прогулки, далеко обогнав няньку. Она взлетает на крыльцо в тени раскидистого клена, старательно тянет на себя тяжелую входную дверь. Радостно кричит родителям:

- Мама! Папа! Я нашла синее перышко сойки! Оно приносит счастье! -

Но перышко падает из детской пухлой ручки. Родители в холле. Папа пришил какого-то на вид совсем человека кинжалом к стене, а мама рассыпает над ним капли воды источника и шепчет молитву. Лицо несчастного искажено, но Лира узнает его. Этот низший вампир считался другом Диосов, Лира любила слушать его смешные истории... А сейчас он замер от страха и боли, как статуя. Еще через миг сила ордена испепеляет его, он рассыпается прахом.

Лира давно знает, что ее родители - охотники на вампиров. Кажется, она узнала это раньше, чем собственное имя. Но ей еще не доводилось видеть их за работой. Свой тонкий визг она слышит как бы со стороны...

...Визг торможения и легкий толчок полностью остановившегося вагона разбудил. Лира вздрогнула и широко распахнула глаза. Марк с Алексом обсуждали грядущую в ближайшие праздники большую облаву, а Бовенс приглушенно объяснял Карлу что-то про защиту. Никто не собирался делать ей выговор, что заснула на задании: последнюю Диос любили, о последней Диос заботились, последней Диос доверяли. Никто не знал, какие черные длиннопалые пауки сомнений ползали сейчас в ее душе.

На вокзале группы разошлись. Стража на сегодня была окончена, свободное время. Можно выкроить еще часик до рассвета поспать, но Лира не пошла домой. После смерти родителей она старалась проводить дома как можно меньше времени. Бовенс и Габриель увезли обездвиженного вампира в лабораторию, а она направилась в Академию пешком вместе с Карлом, который еще надеялся уговорить главу охотников оставить его в ордене. Лира же придумала наведаться в архив и посмотреть старинные сказки Карды. Габриель назвала сказку об Избранному «никому не известной», но, может, она есть в архиве ордена?

Добираться пришлось пешком: конки еще не ходили, а на извозчика у обоих денег не нашлось. Пока было время, Лира думала поговорить об Избранном с Карлом, но охотник был слишком расстроен фиаско в поезде.

- Что вообще такое «защита охотников», Диос? - спросил он ее, когда за нарядными зданиями одной из центральных улиц - улицы Славы показалась темная громада Академии. - Разве не посвящение в орден ее дает?

- Нет, - Лира помотала головой. Что такое защита охотников она узнала раньше таблицы умножения. - Я из потомственных охотников, так вот таких, как я, она сопровождает с рождения. Посвящение в орден здесь ни при чем. Просто один мой далекий предок дал клятву отдавать все последующие поколения Диосов служению ордену, и моя защита - своего рода знак предопределенности моей судьбы, - будто со стороны услышав, как кисло это звучит, Лира поморщилась.

- Тогда я перестаю что-либо понимать. Посвящение в охотники - тоже клятва, только личная. Почему одно дает гарантию защиты от вампиров, а другое нет?

- Ну.. нужно еще верить в то, что делаешь, - выдавила Лира, чувствуя, что разговор переходит на болезненную тему. - Может быть, ты не веришь в *carere morte* или в душе не считаешь их врагами... Такое часто бывает у тех, кто происходит из семей не-охотников. Вас же воспитывают, что вампиры - это сказки. Когда целиком не веришь в то, чему клянешься,

защита не возникнет.

Часы Солнечной башни Ратуши пробили пять утра. Тяжкий раскатистый бой заставил зеркало Сермы-реки задрожать. Лира машинально обернулась. Солнечная башня вздымалась над зданиями улицы Славы белой резной костью. Золотые листы на ее крыше блестели отражённым светом как второе солнце.

- Значит, дело в вере? - не унимался Карл. - Но тогда как защита может возникнуть у несмышленного младенца?

Лира пожала плечами:

- Наверное, родители верили за меня, а я просто доверяла им, как все дети, - скованно сказала она. К счастью, они уже выходили на перекресток Академии, и неприятную беседу можно было свернуть.

Перекресток Восточного проспекта и улицы Славы издавна называли перекрестком Академии, это высокое здание в пять этажей с декоративной башенкой на крыше распластало широкие крылья вдоль обеих улиц. Белыми были ступени, поднимающиеся к выходящему на перекресток центральному входу, и колонны, стражами охраняющие тяжелые дубовые двери. «Не для школы, но для жизни мы учимся», - сверкали золоченые буквы девиза с портика. Первая Королевская Академия была старейшим учебным заведением столицы, но немногие знали, что здесь к тому же находится цитадель ордена охотников. Эти крепкие стены цвета засохшей крови выдержали немало бурь. Они перенесли штурм 95-го года, затеянный Региной Вако, и визит Макты, Первого вампира. Отсюда каждую ночь рассылались патрули в Ориенс и центральный район, Сатур. Здесь на третьем этаже в кабинете в левом крыле обитал Латэ, глава охотников, в стенах библиотеки Академии скрывался архив ордена, а весь подземный этаж занимал огромный арсенал.

Вставало солнце. Парк Академии, оккупировавший целый квартал позади здания, накрыла прохладная, черная, как кусочек ночи, тень. Парк также считался исконной территорией ордена и был закрыт от *carere morte* одним с Академией Покровом. Лира даже подумала, не побродить ли там, в осколках ночи... Потому что едва громада здания нависла над ней, подавляя, заставляя вжать голову в плечи, она остро почувствовала себя лишней. Это здание, мелькавшее на всех ее детских рисунках, было как клятва неизвестного предка - гладкий холодный камень предопределенности судьбы последней Диос.

Встающее солнце отражалось в окнах мертвым оранжевым. Лира встряхнулась, прогоняя ощущение тяжести и тоскливого одиночества и поднялась к центральному входу Академии. Не дожидаясь помощи Карла, потянула дверь на себя. Та разинулась голодной бездонной пастью.

«Это место любили мать и отец. Это истинный дом Диосов. Почему же более всего хочется протестующе завопить и убежать?»

Холл Академии был буро-красным, как здание снаружи. Стены и ступени центральной лестницы, уходящей вразлет на этажи, выложены красным гранитом. Ослепительно белым сияли перила с пузатыми колоннами и циферблат больших часов над площадкой лестницы. Под часами приглушенно беседовали трое. Лира узнала свою крестную, герцогиню Адору Рете. Она, придерживая за плечо покровительственным жестом высокого светловолосого юношу, быстро говорила что-то Латэ, главе ордена. Латэ, пожилой, низенький профессор Академии, менее всего похожий на предводителя суровых охотников на вампиров, молча слушал ее и иногда быстро кивал. Лира, наученная не подслушивать чужие тайны, прошла бы мимо, но Карл придержал ее за локоть.

- Видишь мальчика с герцогиней Рете? Это Избранный, - сказал он. Лира удивленно ахнула:

- Откуда ты знаешь?

Он только загадочно приподнял бровь и усмехнулся. Лира прищурилась:

- Марк ведь сказал молчать о нем. Зачем ты мне рассказал?

В темных глазах охотника на миг померещилось то же неприятие лжи и тайн.

- Пусть как можно больше охотников это узнает, пока Избранного не спрятали покровители ордена.

- А что значит «Избранный»? Почему Марк назвал его Проклятым? Чем он особенный кроме умения предсказывать охоты *carere morte*?

Охотник пожал плечами:

- Я не знаю, в чем заключается его «избранность», кроме того, что это очень важно и в перспективе изменит мир. А о Проклятом... когда последний известный Избранный попал в руки владыки бессмертных Алитера, он, говорят, принял часть вампирского проклятия. Наверное, поэтому его теперь так зовут.

Сторож, со скучающим видом патрулирующий первый этаж Академии, поклонился Лире, узнав. Она прошла в библиотеку, оттуда в читальный зал. Студентов сейчас не было - время летних каникул. Столы и шкафы из одинакового дерева высились прямоугольниками обелесков, в воздухе витал смешанный запах пыли и старых книг. Лира нашла неприметную дверь за крайним в ряду книжным шкафом и толкнула ее. Дверь легко отворилась, за ней была длинная лестница вниз, в архив ордена. На ночь его открывали для интересующихся охотников.

Зал архива был небольшим, не зал даже - комнатка, ужасно тесная. Такие же, как в верхнем зале шкафы, полные книг, горами нависали над немногочисленными креслами и столиками для чтения: громада ненужных знаний. Нужные, понимала Лира, хранятся вовсе не здесь, а в закрытой части архива. Но туда навевались только глава ордена да главы районов Доны.

Она долго рылась на полке мифов и сказок о вампирах, подняла целое облако въедливой, старой, как сами фолианты, пыли, но об Избранном не нашла ничего. Видимо, эта сказка была настолько опасна, что хранилась в закрытой части архива. Тогда Лира наугад взяла «Хроники Первой Столицы», зажгла свечу и удобно устроилась с книгой в уютном кресле, обитом протертым темно-зеленым бархатом.

Довольно долго она читала главу о первых годах правления Макты Вастуса. В глаза то и дело бросались знакомые фамилии: Рете, Гесси, Вальде... Один раз Лира вздрогнула, найдя Диосов. Она торопливо перевернула сразу несколько страниц за этой фамилией и вскинула голову. Уставилась в дальний угол под потолок, давая отдых глазам.

В тишине лишь ветер, забредший из продуваемого коридора Академии, шелестел разноцветными картами пяти районов Доны, брошенными на угол шкафа, и чуть потрескивало разгоревшееся пламя свечи. Темнота из углов архива молчала, задумчиво глядя на девушку.

«Чего она ждёт?»

Лира вновь взялась за книгу, и через две страницы странно бросился в глаза один портрет. Она видела его куда яснее, чем окружающий текст, чем другие картинки. Это была не красочная репродукция картины - совсем небольшой рисунок, весьма схематичная копия какого-то написанного в старинной манере портрета. Молодой мужчина с тёмными

прямыми волосами до плеч, в роскошном, шитом золотом военном мундире позапрошлого века. Лира долго всматривалась в тонкие, красивые линии его бровей, губ, а его чёрные, чуть раскосые глаза точно следили за ней. Он был красив классически, совершенно. Лира гадала, кто он: должно быть, сын одного из владык Карды. В военной форме он не выглядел воином. Элегантный, изящный, с холодным и дерзким взглядом - Лире представился остроумный завсегдатай светских раутов. Но, заметив герб на его мундире, она испустила разочарованный вздох.

Крылатый лев с собачьим хвостом. Герб Первого вампира.

Теперь Лира догадалась прочесть подпись к рисунку. Оказалось, она залюбовалась нынешним владыкой вампиров, Александром Дэви. Лира не видела прежде его портретов. Она думала, их вовсе нет.

Разочарованная и немного смущенная, она перешла из архива в арсенал и долго тренировалась в вечном бое на деревянных болванках. Только не вампиров представляла на месте противников - дралась со своими сомнениями. Что с ней творится? Просто взросление или нечто иное? Пустоте внутри понравилось, когда ее наполнили яростью боя, она растеклась по телу силой - особой, кипящей холодным огнем.

Старинные свечные люстры - простые железные чаши, подвешенные на цепях, не могли осветить весь зал арсенала, дальние концы его тонули во мгле. Золотые всполохи пробегали по изящным линиям серебряного оружия на стойках и стендах. Призрачно светилось большое зеркало на стене, в нем мельтешила ловкая фигурка последней Диос, бьющаяся сразу со всей тьмой искусственной ночи вокруг. Отточенные движения, хорошо знакомые с самого раннего детства, когда наблюдала за тренировками матери и отца... Странно: ведь она не возьмет в руки меч в рейде, не использует против вампира, к какой же битве сейчас готовится? Не фигуры ли ушедших родителей встают там, во тьме? Не их ли поощряющие выкрики заставляют сильнее, яростнее биться сердце? Не на них ли она злится... не их ли ненавидит все это время, с тех пор, как осталась одна?! За то, что рано ушли, за то, что не объяснили ей смысл ужасных охот. За то, что легко оставили дочь с ярмом вовсе не ее личной клятвы на шее...

- Лира? - раздался голос герцогини Рете. - Вот ты где.

Лира обернулась излишне резко, будто уличённая в преступлении. Меч выскользнул из руки, зазвенел серебром, ударившись о каменный пол.

Знакомое сомнение было написано на добром старом лице Адоры Рете. Подойдя к воспитаннице, она ласково коснулась ее щеки, заставляя Лиру взглянуть ей в глаза.

- Я тревожусь за тебя, - просто сказала она. - Почему после рейда ты не идешь домой отдыхать?

Лира дернула плечом, недовольная тем, что Адора сразу так близко подобралась к ледяной броне, в которой она укрылась после смерти родителей.

- Все в порядке, я просто решила потренироваться, - выдавила она.

- Дом слишком пустой и молчаливый? Знаю, - герцогиня Рете, владелица огромного и столь же пустого дома вздохнула. - Я бы забрала тебя к себе, но я так же редко бываю дома: дела ордена... Впрочем, я придумала, как развеять твою тоску. Я хочу тебя кое с кем познакомиться.

Почему-то Лира сразу поняла, с кем. Сердце глухо, больно стукнуло.

- Кто он такой, этот Избранный? - слетело с губ.

- Значит, кто-то из охотников уже донес до тебя этот слух? Отлично, - Адора довольно

кивнула. - Только будет лучше, если ты станешь звать его Винсент.

Лира подобрала меч и аккуратно, со скользким, острым, взрезавшим слух звуком поставила его на место.

- Что за тайна с этим Изб... Винсентом? - тихо спросила она. - Откуда он взялся? О нем много сплетничают, но никто его и в лицо толком не видел.

- Я нашла его в ночь Большой Охоты в Карде. Мальчишка, увидев полчища *carere morte*, решил выйти против них, еще даже не зная о своем Даре, - герцогиня Рете вздохнула. - Как мне хотелось тогда скрыть его, не выдать герцогу Красу! Но он сам выдал Дар перед охотниками, и слух пошел... Сейчас покровитель ордена настаивает, чтобы Винсента звали исключительно «Проклятым», но я все равно веду линию «Избранного», и тебе советую. Надеюсь, кому-то из охотников она все же заронит что-то в сердце.

- А что значит «Избранный», «Проклятый»? У него есть какие-то волшебные способности? Вы сказали, Дар...

- Дар, да... - Адора грустно улыбнулась. - Эту сказку давно забыли, только мы, покровители ордена, ее и помним. Избранный - это человек с особенной золотой кровью, сияние которой придает некий Дар. Он способен одним касанием сжечь проклятие в крови вампира. Последний известный нам Избранный жил во времена владыки Алитера, и он запомнился, главным образом, тем, что пожелал бессмертия *carere morte* и стал Великим вампиром.

- Значит, и нынешний Избранный может стать Великим вампиром?

- Нет, Винсент не обладает необходимой для этого силой Голоса Бездны. Но Красу довольно и Проклятия Алитера. Оно вошло в Дар, когда Избранный двести лет назад пожелал бессмертия, и оно живо до сих пор. Оно не опасно для мира, но опасно для Избранного, оно - частица *carere morte* в живой крови, темная, загадочная... и она ослабляет Дар. Родерик привез сегодня вампира с вашей охоты, мы хотели посмотреть, как на него подействует золотая кровь - ничего.

- А где сейчас вампир?

- Вампир? - удивилась Адора. - *Carere morte* заинтересовал тебя больше Избранного? Он уничтожен, конечно.

- Могло ли быть иначе, - не удержавшись, проворчала Лира.

- Какая ты стала колючая, - Адора опять легонько коснулась ее щеки, но, наверное, почувствовала лишь мертвый холод, потому что быстро убрала руку. - Я все же надеюсь, ты поможешь Избранному вновь обрести уверенность в своих силах, а он поможет тебе... Он хороший юноша, хоть сейчас мрачный, точно как ты. Он недавно лишился матери, тоже сирота. Еще и поэтому, я надеюсь, вы сможете хорошо друг друга поддержать.

Состоялся ритуал знакомства. Винсент оказался симпатичным и улыбчивым вопреки заявленной «мрачности». Точно солнце... но чем ярче оно светило, тем Лира больше замыкалась. Слишком уж похожи они оказались - возрастом, историями, одиночеством. Что, если она и свои страхи, и свои сомнения в нем разглядит, увидит со стороны свою слабость? Отвратительно и опасно. Потом Адора ушла, и, совершенно внезапно, они остались одни. Винсент выхватил меч из стойки - неосознанно взял тот самый, с которым занималась Лира, сделал пару выпадов.

- Какой легкий, - неискренне удивился он, чтобы что-то сказать: Избранный был не из тех, кто легко терпит тишину. - Мой был потяжелее. Нет, я не из семьи охотников, - предупредил он ее вопрос. - Сражаться с *carere morte* как охотник меня учила тетушка. *Carere*

morte.

- Ого! - удивилась Лира. Собственный голос показался неприятно тонким... одиноким в пустом огромном зале. - А где она сейчас?

- Не знаю, - Винсент погрузился. - Но уверен, что на моей стороне.

- Адора сказала, ты сирота.

- Не совсем. У меня же есть тетя-carere morte, - он фальшиво улыбнулся. - А живу я сейчас у дяди по отцу. А вот ты круглая сирота, я слышал? - он вдруг в упор, резко взглянул на нее.

- Я живу с бабушкой. А зачем ты спрашиваешь? - хмуро бросила Лира, уже приготавливаясь к словесной дуэли. Но Избранный отступил также легко, как перед этим сделал выпад.

- Только что узнал от вашего главы, если герцог Крас прикажет, меня в любой момент могут забрать из семьи дяди. Вроде усыновления орденом. Вот я и решил узнать, насколько подобное у вас распространено. Вдруг, ты тоже удочеренная?

- Что за чушь, - ляпнула Лира, и, поняв, что нечаянно вскрыла перед незнакомцем еще одно странное противоречие ордена, огорченно замолчала.

- Ясно. Думаю, это все из-за моего Дара, - он сделал еще один злой и точный выпад в манекен, коснувшись намалеванного на нем черного сердца. - ...Или Проклятия.

Лири усмехнулась:

- Сам не понимаешь, кто ты такой? -

Вопрос болезненным комом застрял в горле. Спросить ее об этом же, Лира также задумается и не будет знать, что сказать... Кто она такая?

- Да, - Избранный вернул меч обратно на стойку. Лицо изменилось, быстро как у актера, и теперь Лира разглядела на нем затаенную глубокую боль. - Охотники объясняют очень мало. Судя по поведению вашего главы, меня здесь даже... боятся! А какое отношение к ордену имеет герцог Крас?

- Он покровитель ордена. Их несколько, но Крас самый влиятельный, приближенный Короля.

- Мне кажется, это он заставляет охотников меня опасаться, рассказывая всем, что я Проклятый, - очень тихо сказал Винсент.

- Как я поняла, дело в Проклятии Алитера. Оно темная, загадочная часть твоего Дара. Ты будто... наполовину вампир, наверное, поэтому покровитель тебя остерегается, - честно призналась Лира.

Винсент яростно толкнул стойку мечей, так что даже сдвинул ее с места:

- Крас не думает, что подобным недоверием, внушением всем страха передо мной, он только убедит меня принять какую угодно сторону, кроме ордена?!

- Какой бы ни была твоя сила, темной или светлой, ее явление в мир означает высокую опасность для самого мира, - очень тихо сказала Лира. - Если ты, правда, способен уничтожить carere morte одним касанием...

Она ожидала новой вспышки, но Винсент ее обманул. Спрятал внезапно задрожавшие руки в карманы и глухо признался, глядя в стенку:

- Не уничтожить - исцелить. Но, похоже, не способен. Сегодня меня проверяли, привели какого-то carere morte. Я не разглядел в нем ничего, кроме тьмы. Ничего не смог сделать.

- Слышала об этом. Жаль.

- Не «жаль». Ты не поймешь. Ты не знаешь, на что я был способен раньше. А теперь...

Может, насчет моего Проклятия Крас прав. С ночи Большой Охоты, я чувствую что-то... как грязь в крови, начало заражения, - лицо Винсента помрачнело, взгляд застыл, и Лире на миг померещилась в нем тень проклятия, что охотники так хорошо распознают в лицах *carere morte*. - Той ночью я только один раз подумал: как велика эта тьма, представил, как она накрывает мир - и все. Теперь не могу отделаться от мысли, что она больше Дара, сильнее Дара... Может быть, я сам себя проклял. Но хватит правды обо мне, - Винсент вновь надел фальшиво-веселую маску. - Я очень надеюсь, мне хоть кто-нибудь поведаст крупицу настоящей правды об ордене. Например, ты.

Видимо, сомнение чересчур явно было написано на ее лице, потому что он тут же вскинулся:

- Не думай, что я не понимаю, какая на мне, Избранном, ответственность! Это груз, который я даже не добровольно на себя взвалил, он просто всегда был со мной! Но теперь приходится его нести, - он доброжелательно и искательно поглядел на нее, и Лира почувствовала, что-то дрогнуло внутри, потянулось к нему, вопреки замеченной тени на лице Проклятого. О, она тоже много б могла рассказать об ответственности и клятвах!

- Ты не понял. Мне и самой хотелось бы узнать настоящую правду об ордене. Я... все рядовые охотники знают не больше, а то и меньше тебя.

- О, какое совпадение интересов! - он обезоруживающе улыбнулся. - Так давай вместе раскапывать тайны Краса?

Винсент проговорил ее тайные страхи и сомнения, но этим неожиданно... поддержал. Вот, в чем она не одна! Теперь замысел Адоры познакомить их открылся, и Лира искренне улыбнулась юноше:

- Давай.

Она вернулась домой уже за полдень. Привычно стукнула в дверь три раза, предупреждая, что заходит, хотя предупреждать вот уже два года было некого, больше охот на *carere morte* Лира в этом доме не увидит. Холл был темен, как всегда, и не потому, что мало окон или они были зашторены. Просто в каждом, закрывая небо и солнце, высилась Академия, занимающая другую сторону перекрестка.

Наверху скрипели половицы. Это бабушка Эльвира бродила там, как всегда днем. Переставляла вещи с место на место и непрерывно бормотала что-то под нос. Она переехала сюда два года назад воспитывать оставшуюся без родителей внучку, да только сама потихоньку сошла с ума. Лира не исключала, что причина безумия Эльвиры была все та же - треклятая Академия. Невозможно сохранить ясную голову рядом с этой вечно давящей тяжестью.

Крадучись, Лира поднялась по лестнице, чтобы быстро проскочить к себе в комнату незамеченной. Последний год Эльвира принимала внучку за свою дочь, и обращение к мертвой матери вгоняло Лиру в ужас. В этот раз удалось избежать встречи со старухой - бабушка осталась неясной тенью в конце коридора. Но в разум через уши все равно втекло жуткое безумное бормотание:

- Марта? Что ты прячешь лицо? Почему меня избегаешь? Я знаю, что ты вернулась. Ты несчастна, девочка моя, несчастна. Я говорила тебе: не выходи замуж за Диоса! Его семья - сумасшедшие. Говорила тебе, говорила тебе...

Лира заперлась. Достала было из сумки вышивку, но вышивать не хотелось. Кинув ее на стол, она растянулась на узкой кровати, из которой резко выросла еще два года назад и закрыла глаза, просто отдыхая, стараясь не думать ни о чем.

Ли́ра не помнила, чтобы сильно переживала весть о смерти родителей. Наверное, потому что не видела, как они погибли, не видела тел. Они всегда охотились вместе и однажды просто... не вернулись из очередного рейда. Но даже когда они еще считались пропавшими, а не погибшими, её уже утешали как сиротку и обещали позаботиться. Потому что оставить дела ордена и исчезнуть было не просто не похоже, а противоестественно для Диосов. Пока живы, они не прекратили бы охот. Значит, мертвы.

День она продремала, а вечером - перед этим полчаса постояв в коридоре, прислушиваясь к шорохам - Ли́ра тихонько спустилась на кухню и съела невкусный, пересоленный бабушкой ужин. Потом опять поднялась обратно. Ненадолго встала у зеркала в начале коридора. Из-за тёмного стекла смотрела милая красивая девушка, высокая и стройная, выглядящая старше своих лет - совершеннолетней, самостоятельной. Бледная от природы кожа, с быстро и ярко расцветающий румянец, облако золотисто-рыжих волос и зелёные спокойные глаза-бездны - все всегда говорили, она похожа на Фламму, родоначальницу фамилии... Ли́ра неуверенно улыбнулась себе, но в глазах мелькнула затаенная боль, а ямочки на щеках внезапно показались червоточинами в яблоке.

Дома она чувствовала себя одинокой, даже когда родители были живы...

Медленно темнело: нельзя разобрать, вечер еще или уже ночь. Следующая ее стража после полуночи - есть время поспать, но, хоть глаза слипались и приятное тепло сытости растекалось по телу, разум не спал. Ли́ра плавала в странном пограничном состоянии между явью и сном.

Она разделась, забилась под одеяло и долго дышала в темноте, согревая себя. Но пустота внутри лишь ощущалась в несколько раз сильнее - пропасть со стенами из гладкого темного льда. На самом дне шевелилось что-то - плети тени, точно конечности гигантского странного черного насекомого, многоножки, свернувшейся клубком. Тень ждала.

Огромная жёлтая луна таяла в небе, разливая по комнате больной, какой-то маслянистый свет. Ли́ра то подставляла ему лицо, то отворачивалась к стене. Вертелась, запутываясь в простыне, одеяло спеленывало тело, сомнения окутывали разум. Тяжело было дышать, будто на грудь навалили камней. Не страх, что-то другое - тяжёлое, скорое поднималось в ней. Этому невозможно было сопротивляться, это разрушало все заслоны, сметало все преграды, как разбушевавшаяся волна.

«Охотник на вампиров - навязанная роль, надо просто признать это и уйти из ордена...»

Дрожь прошла по телу, но скоро отпустила. Ли́ра расслабила тело, раскинула руки ладонями вверх. В молчании темноты чудился погребальный колокол и чей-то прозрачный смех, пленительная хрустальная мелодия незнакомого вальса и хруст, с которым наточенное лезвие входит в плоть, вой ветра в пустых коридорах покинутого здания и треск поленьев в ночном костре. Она грезилась... Замелькали образы - знакомые и незнакомые вперемежку. Ли́ра запомнила одно лицо, вернее, профиль, освещённый всполохами пламени.

«Кто это? Дэви?..»

Она потянулась к нему, - пахнуло жаром от близкого костра, - почти коснулась губами - и очнулась в своей холодной постели. Рядом в окно скреблась мертвая, безлиственная ветка клена - как сухая рука паралитика. Ли́ра долго бездумно глядела, как ее такая же скрюченная длиннопалая тень дрожит на стене, будто в решетку заключив картину на ней... и, наконец, уснула по-настоящему.

Во сне *carere morte* влетела в ее окно и устроилась на подоконнике, сложив небольшие ровные крылья автоматическим движением, как зонтик. Ли́ра следила за ней,

приподнявшись на постели. Каждое движение *carere morte* отдавалось болезненным уколом во вспоминающем сердце. Такой - миниатюрной, аккуратной, легкой была мама...

Потом, как часто бывает во снах, сразу перелистнулось несколько страниц. И вот, Лира уже вновь лежала на подушке, над ней склонялось мамино лицо, а знакомые мягкие руки приглаживали ее свалявшиеся кудри.

- Как ты, девочка моя?

- Почему вы ушли? - комок слез встал в горле. - Где вы сейчас?

- Мы с тобой, Лира. Для тебя мы никогда не умрем, - тревожно прозвенел мамин голос, и Лира неожиданно для себя не сдержалась. Больно срезонировала эта тревога собственным сомнениям, и она выпалила прежде чем поняла, полностью отдавшись эмоциям:

- Но вы уже умерли! Оставили меня одну с клятвой предков! Это не моя клятва, мама!

Черная многоногая тень поднялась со дна пустоты и вцепилась в маму всеми коготками-крючьями... Какая-то волна подхватила ее, понесла. Мама в ужасе отодвинулась, но Лира удержала ее. Стало легко, стоило лишь признать правду, и, окрыленная, она говорила еще и еще, прямо маме в лицо, не боясь, не стыдясь - быстро, малоразборчиво, жарко:

- Это не моя клятва, мама! Не мой путь! Я другая, я не такая, какой меня все хотят видеть, я не хочу служить ордену! Не хочу поддерживать их тайны, их ложь, их подлость по отношению к *carere morte*! И не смотри на меня так! Да, я не стану, как вы, убивать лишенных смерти! Пока сама не узнаю, сама не пойму, что они такое! - Она говорила, говорила, говорила, а мама отступала, отступала, отступала к распахнутому окну... Потом Лира будто со стороны услышала свое бормотание, похожее на ворчание безумной бабушки, и осеклась. А мамы у окна уже не было - там стояла крылатая фигура. Лира сделала робкий шаг к ней, и *carere morte* распахнула крылья. Холодная тень шелком проскользнула по лицу, *carere morte* шагнула в окно и растаяла в тумане, ползущем по улицам Доны от глубокого дыхания спящей Сермы-реки...

А потом Лира поняла, что и в реальности стоит посреди комнаты, протянув руки к окну. К окну, в которое уже не скреблась голая ветка клена. К распахнутому настежь окну. Многоногая тень вновь сворачивалась в пустоте под сердцем, и только ее острые коготки новыми сомнениями царапали клетку ребер изнутри.

Так все это было во сне... или по-настоящему?

воск. мелки Аня Ру

ГЛАВА 8 КУКЛОВОД

После Большой Охоты в столице всплеснулся интерес к Карде. Разумеется, что истинно творилось в городе в ту ночь, никто не знал: чары проклятия Терратиморэ быстро скрыли правду под шлейфом новых страхов. Одни утверждали, это была обычная давка, неуправляемая толпа, другие уверяли, что резню в Карде устроили шпионы северян - соседей из-за гор, третьи, с опаской косясь на восточного соседа - страну Восхода, где шла гражданская война, предполагали, что это дело рук местных сторонников революции. Любопытство Доны в конце концов вылилось в организацию выставки истории Карды в Большом зале Ратуши. Здесь были документы, гравюры, картины и фотографии, освещающие историю старой столицы со дней правления первого Короля - Арденса. Целый угол зала был отведен сказкам Карды. Тут были рисунки и муляжи вампиров - красноглазых чудовищ, покрытых звериной шестью с головы до ног и не имеющих ничего общего с реальным воплощением, оборотней - на деле за них приняли собак и птиц Либитины, и призраков - то были все те же куклы Либитины, только человеческие. Многолюдная выставка привлекла внимание настоящих вампиров... Вот и Гектор пришел поохотиться. Чего он не ожидал, так это того, что встретит здесь *carere morte* из свиты владыки Дэви.

Адам Митто с ироничной улыбкой рассматривал экспонат - высушенную кисть человеческой руки, выдаваемую за останки *carere morte*, в уголке сказок Карды. Гектор, ведущий в темный закуток девушку-жертву, оторопело замер на миг, и Митто заметил его. Он приветственно махнул открытой фляжкой и доброжелательно улыбнулся.

- Долус! - воскликнул он. Оклик снял чары со смертной, она ошеломленно заморгала. Гектор мягко развернул ее и подтолкнул обратно в зал. Оставшись без ужина, вздохнул. Крови для питания после смерти Конора ему требовалось гораздо больше.

- Митто? Я думал, *carere morte* Дэви ушли на восточные и южные границы, как обычно, - удивился он, оставаясь на месте. А про себя чертыхался. Если Митто доложит своему господину, на предателя неминуемо начнется охота!

- Дэви с Калькарами - да, - туманно сообщил Адам. - Но мы с Хеленой остались присматривать за обеими столицами. Скоро-скоро проснется Тень, ты чувствуешь?

Гектор двумя пальцами оттянул врезавшийся в шею накрахмаленный воротничок. Он нервничал все больше, но вовсе не из-за Тени, чье существование для него, как для всех *carere morte* отмечалось пока лишь присутствующим в каждом сне черным пятном. Он был голоден, и оттого не уверен ни в своей силе, ни в уме.

- Все еще ищете Голоса Бездны?

- Ну... - Адам неопределенно взмахнул рукой. - Ищем необычное. Следим за чудесами, вот такими, как ты.

Гектор оскалился, понимая, к чему вампир ведет.

- Мечта низших разбита. Что думаешь делать без нее? Сам ищешь какие-нибудь, - Митто хитро улыбнулся, - ...чудеса?

- В мире *carere morte* нет чудес, - Гектор с фальшивым добродушием почесал мохнатый муляж «*carere morte*» за ухом. - Есть факты, как открытые, так и скрытые тьмой лет. К чему ты завел этот разговор, Митто? Почему не сорвался доложить господину, что его противник

жив?

- Говорят, оставшиеся в живых после гибели партнера по мыслям вампиры приговорены Бездной и бродить по земле им остается недолго. Не очень приятная легенда, м-м? - заметил Адам и со вкусом отпил из фляжки. Довольно усмехнулся, когда Гектор не смог не проследить голодным взглядом это движение. - Не волнуйся, я не доложу о тебе. Многие решения Дэви сейчас не поддаются никакой логике. Владыка бессмертных, как многое в мире, стремительно устаревает. Ты же смог перенести смерть соседа по мыслям, крушение вашей общей мечты, и приговоренным Бездной не выглядишь. Наверняка, у тебя есть новый план, как достичь могущества. Может статься, как раз он, а не план Дэви в итоге окажется претворенным в реальность и, надеюсь, в этом случае ты не забудешь, что сегодня я не доложил о тебе господину.

Гектор, помедлив, кивнул. Скоро он покинул выставку. Все такой же несытый, он летел над городом на другую, теперь запланированную встречу. Последние слова Адама победным эхом отдавались в голове. Страх, накотивший волной в начале беседы с Митто, отступил. Да, Бездна не приговорила его... Она выбрала его! Гектор ясно видел коридор, дальним концом выводящий к новой цели, и чем увереннее шагал по нему, тем быстрее дорога сама бросалась под ноги. Боковые пути отсекались, впереди был триумф. Что это, как не воля Бездны, госпожи вампиров? Она благоволит ему, указывает путь, как прежде указывала Дэви!

Гектор сделал широкий круг над Ориенсом, восточным районом столицы. Когда-то здесь были его охотничьи угодья, теперь же на смену его банды пришли новые группировки вампиров-дикарей. Где-то среди них летала Мира... Вако, как и он, сорвалась из Карды вслед за Линтером. Они больше не встречались. Мира разыскала прежних знакомых - дикарей и охотилась с ними. Она, верно, думала, что охраняет Винсента, но была всего лишь фигурой на игровой доске Гектора. Однажды он воспользуется ее связью с племянником и получит своего Великого вампира, а Вако умрет. Если прежде Гектор и испытывал к Мире какие-то чувства, хотя бы желание причинить ей боль, то сейчас не осталось ничего. Только ощущение быстрого движения к новой цели, подсказанной новым соратником, да свист в ушах.

...Земля под ногами до сих пор качается, грозит обрушиться совсем - в пропасть смерти, где только что исчез Конор. В их общем мысленном море на месте партнера теперь дыра. Ни обломков мыслей и воспоминаний низшего, ни красок его последних эмоций - никаких отпечатков души, просто откушенный и поглощенный великим Ничто кусок вселенной. Такова смерть всех *carere morte* - Пустота, и Гектор отныне ближе к ней чем кто-либо, с дырой в искалеченной, но немертвой душе.

Наплевав на прежнюю гордыню, он стоит в преддверии Лабиринта Кукловода. Серо-зеленые стены из плотно сплетенных веток взмываются на высоту двух человеческих ростов. Над ними кружат черные птицы-тени.

- Либитина! Нефандус! ...Кукловод, - Гектор зовет так с полуночи, а уже почти утро. Птицы прекрасно слышат его, но хозяин Лабиринта не показывается. Нет, Либитина не оставит его без внимания, конечно, не оставит... Он все еще силен... Он пережил смерть партнера по мыслям. Он смог отказаться от мечты низших... Он найдет новую цель, достойную его! Он еще поборется с Дэви!

Наконец, высокая темноволосая дама выходит к нему. Простое белое платье соблазнительно обрисовывает ее фигуру, тонкие черты лица изобличают старинную аристократию Карды. На миг Гектору мерещится, что это сама хозяйка, но нет: в груди дамы

та же сухая чернота, что в куклах вокруг. И кльков незаметно, когда она широко, без чар, улыбается:

- Гектор Долус... Вернулся. За помощью?

- Да, - тяжело выдыхает он. Черная дыра в памяти, там, где прежде был Конор, начинает расти. - Владычица мертвых... Линтер у охотников, неподконтрольный нам, мечта низших разбита, Конор убит. Но я...

- Не желаешь сдаваться на милость Дэви?

Он покорно склоняет голову:

- Да. ...Как и ты, госпожа севера.

Дама кивает и подходит. Шагов не слышно: будто летит.

- Что же ты будешь делать теперь без мечты низших, без их силы за спиной?

- Еще не знаю, владычица, но погибать в Пустоте не собираюсь, - резковато говорит Гектор. Либитина склонив голову набок, загадочно улыбается.

- Может, ты еще поспоришь за власть с Дэви, - обнадеживает она и без перехода сообщает: - Только прежде тебе нужно будет защититься. Я подскажу как.

- Что ты попросишь за помощь?

- Ничего, Гектор, - Либитина смеется, и в этом смехе жестоко звенят маленькие ледяные колокольчики. - Вся жизнь Терратиморэ не более чем спектакль. Если согласишься, я просто понаблюдаю за твоей партией в нем.

В собственном доме на севере столицы Гектора ждал ставленник Вако, Клеменс Грата.

Изгнание проштрафившейся протееже Вако из свиты владыки ударило по Грате. Обычно сопровождавший Дэви в странствии на юг, Клеменс в этот раз остался в столице. Поговаривали, утративший доверие и приязнь владыки, он потерял всегдашнюю уверенность и лоск, сдулся... будто до этого только благоволение высшего поддерживало его. Но Грата успел застать допрос Конора и Миры и последние решения владыки в Карде. Надавить - быть может, Клеменс расскажет что-то полезное.

Дом Граты стоял в набирающем престиж в последние годы районе Доны - Северной Пенне. В отличие от Сатура, заповедника древней аристократии, тут селились нувориши. Пролетев столь же бурно растущий, но более бедный Ориенс, Гектор опустился у ворот роскошного особняка.

Справа и слева дом Граты подпирали купола Покрова: за звонкую монету орден хорошо охранял новую знать. Улица была пуста, патруль охотников прошел дальше, а дикари охотиться в Северной Пенне почти не рисковали: их уделом оставались Западная Пенна, пожираемая территориями огромных новых фабрик, да многолюдный Ориенс. Гектор легко перемахнул через ворота и пошел к дому. Зрение *carere morte* уже распознало там пульсирующие точки нескольких сердец. Должно быть, слуги.

Он надеялся, у Клеменса заведено угощать бессмертных визитеров. Голод, тщательно скрываемый даже от самого себя, рос и ширился внутри. Перелет через полгорода утомил вампира.

Клеменс ожидал в гостиной, обставленной в темных тонах. Темно-красный ковер, того же цвета обои отлично скрывали попадающие на них время от времени брызги крови. Грата устроился на обитом узорчатым шелком диване и поигрывал бокалом. Рисовался: кровь лизала самые края, но не выплескивалась.

- Рад, что ты жив, - тепло сказал он, указывая Гектору место в кресле напротив. Немного удивленный, он присел. Гектор ожидал увидеть боящегося собственной тени *carere*

morte, но слухи лгали: вампир и в опале совсем не потерял уверенности.

Для гостя был принесен такой же бокал. Гектор равнодушно повертел его в пальцах и отставил подальше. После смерти Конора его жажду не утолить и тремя такими бокалами.

- Лучше сразу позови служанку, какую не жаль, - бросил он.

Улыбка змейкой побежала по губам Грата и пропала:

- Сожалею, но нет. Смена слуг неминуемо привлечет нежелательное внимание ордена.

- Разве не по соглашению с орденом ты здесь живешь? Я слышал, богатые *carere morte* платят охотникам, чтобы те их не трогали.

- Вне зависимости от денег, охотники не трогают только тех высших, кто соглашается надеть серебряный ошейник. Никакого питания живой кровью и инициаций, только презрительное прозвище «шавка ордена». Желающих, как ты понимаешь, немного.

- К Дэви это не относится...

- Владыке благоволят покровители ордена, - Клеменс отпил немного из бокала.

Гектор подался вперед, ловя нужную фразу.

- Кто они? Говорят, один из них, герцог Крас, возглавлял особый отряд охотников в ночь Большой Охоты.

Грата пожал плечами:

- Владыка не рассказывал это свите. Впрочем, о покровителях толком не знают и рядовые охотники. Они держатся инкогнито с начала существования ордена. Кто-то говорит, их вообще нет и всем через подставных лиц заправляет Дэви. Но лично я так не думаю. Ходят упорные слухи, после ночи Большой Охоты к ордену присоединился какой-то очень особенный человек, может, даже Голос Бездны. Если б Дэви стоял над охотниками, он бы уже выяснил, кто это, и забрал его себе.

- Орден ведет свою игру, - пробормотал Гектор. - Ничего, найдется средство и на них.

- Что за средство? - заинтересовался Клеменс. Гектор довольно оскалился:

- Прежде, чем я скажу тебе это, Грата, принеси клятву Бездне, что станешь служить мне, как прежде приносил ее Дэви.

Клеменс дернул бровью, пока ничего не говоря. Гектор повел дальше:

- Я недавно видел Миру тут, в столице. Она вернулась к друзьям-дикарям.

- В Пустоту ее, - резко сказал Грата. - Я редко обманываюсь в людях и *carere morte*, но тут... Моя ошибка, - он вздохнул и снова взялся за бокал. - Когда я впервые увидел ее смелые хитроумные охоты и умножил их на гордость древнего рода Вако, я ожидал ошеломляющий, меняющий мир результат. А получил лишь опалу. Забвение...

- Дэви когда-нибудь говорил при тебе о Великом вампире?

- Он рассказывал немного, - Грата допил бокал и облизнулся быстрым, чуть звериным движением. - Видно, ему самому тяжело вспоминать то время своей вечности. По правде сказать, большую часть я не понял. Что-то о проклятии владыки Алитера...

- А-а, только-то.

Небрежное замечание укололо Клеменса, он ехидно заулыбался:

- Напекаешь, тебе известно об этом больше, чем владыке?

Оскал Гектора вновь не уступил его оскалу:

- У меня есть сильный союзник. А у тебя, Грата?

Клеменс мгновение, прищурившись, смотрел на него, затем расхохотался:

- Готовишь для меня место в своей свите, Долус? Я верен клятве Дэви.

- Дэви, когда вернется, вряд ли примет тебя.

Грата пожал плечами.

- Вероятно, - он преувеличенно аккуратно поставил бокал на стол. Пальцы мелко дрожали. - Вижу, мое вежливое отношение к предателю клятвы вызвало у тебя, Гектор, ложное впечатление, будто меня интересует твоя дружба и заступничество. Это вовсе не так. Я могу говорить тебе что угодно - это уже ничего не изменит. Это никому не навредит.

- Хм, - Гектор приподнял бровь, в уме уже прикидывая, как избавиться от строптивого Грата. Еще один свидетель, видевший его живым, был совсем не нужен.

- Я не расскажу Дэви, что ты остался в живых, - тут же успокоил Клеменс, довольно откинувшись на спинку кресла. - Но не потому, что боюсь твоей мести. Я все равно не успею.

- Не понимаю?

- Ты пережил смерть Конора, но ты приговорен Бездной к тому же, Долус. Я вижу Пустоту в твоих глазах, - Грата ядовито, с удовольствием улыбнулся. - Ты очень скоро умрешь сам, без помощи Дэви. Говорить с тобой не опаснее, чем с мертвецом.

Опять он летел над городом, только теперь не мысли о близкой победе давали ему крылья, а полету - направление. Не радость триумфа - предчувствие краха окутывало тело туманной тенью, спеленывало коконом, а нечувствительные, неутомимые как машина черные крылья отчаяния несли в зияющую пропасть спящего города за звездочками жизни. Он обманывается. Не одно бесчувствие движения к цели осталось после смерти Конора. Еще голод. И страх...

Гектор тряхнул головой, прогоняя дурные мысли. Он нарочно сделал крюк, пролетев над стыком Ориенса и Сатура - Восточным проспектом. Покружил высоко над зданием, черной галочкой помечающим перекресток двух улиц. Академия, цитадель ордена. Здесь развернется его новая игра. Охотники скрыли Линтера под невидимыми куполами, но у него есть игрок по ту сторону Покрова. В нужный момент он выведет Гектору Избранного.

Увы, голод лишь разрастался. Движения стали резкими, рваными, скоро он снизился в нервных, торопливых поисках добычи. Но улицы как назло были пусты, а близ стоянки извозчиков его спугнули охотники. И вот Гектор уже не искал, а просто бежал в ночь от страха, тенью преследующего его, до рассвета позабыв свои планы.

Он выдержал гибель партнера по мыслям, но страх смерти - бессмысленной, окончательной смерти *carere morte* теперь навсегда был с ним. И в полночь, когда поймал добычу ипил чужую жизнь, Страх маятником качался над головой, Страх пульсировал, словно ещё одно огромное сердце внутри. Небытие. Пустое, бессмысленное, окончательное. Пустота. Пустота-а-а... Что этот коридор впереди? Путь к триумфу, трону бессмертных... или же в пропасть? «Приговоренный Бездной» - никакие факты не подтверждают это, но все еще немертвое сердце знает. Его медленные удары в пустой безвоздушной клетке груди - точно бой часов, чьи стрелки волей жестокого часовщика крутятся в обратном направлении. К нулю и за него - в ничто. Конец его вечности близок. ...Если только он не решится на то, что предложила Либитина.

- От чего мне следует защититься, прежде чем вновь бороться за власть? - хмуро спрашивает Гектор, когда смех Либитины стихает.

- От этого... чувствуешь? - темноволосая марионетка стучит себя ногтем по виску, звук эхом боли отдается в его голове - эхом, пришедшим из черной дыры, из открытого смертью Конора провала в Пустоту в разуме. Гектор машинально тянется, массирует висок в этом же месте.

- Это погубит тебя очень скоро, Долус, - шепчет Либитина. - Клятвы Бездне, контракты

с Бездной, приговоры Бездны - не шутки. Смерть одного партнера по мыслям всегда ударяет второго, выживают немногие. Не беги от страха смерти, признай: он есть.

- Да... - тихо шепчет Гектор. С этим признанием сначала кажется, все силы его оставили, но постепенно упрямый огонек воли вновь разгорается в груди. - Как защититься от Пустоты?

- Тебе нужен Избранный. Тот, из сказки. Смертный с золотой кровью. Дашь Избранному исцелить тебя от проклятия и очнешься без дыры Пустоты в разуме.

- Но тогда я стану человеком?

- Безусловно.

- Как смертный может сражаться за могущество в мире *carere morte*? Что за чушь ты предлагаешь?

- Вовсе не чушь. Ты не даешь себе труда хоть чуть задуматься, какие горизонты это открывает, - Либитина отступает в Лабиринт, и на ее лицо падает густая тень стены. - Но, если этот вариант тебя не прельщает, есть другой. Еще переход в состояние духа способен спасти тебя от Пустоты. Не смертность - бессмертие, о котором мечтают истинные владыки. О нем втайне мечтает и сам Дэви, мечтает - и боится. Но ты не испугаешься, верно, Гектор?

- Не понимаю...

- В прошлый раз ты услышал не все о проклятии Алитера, хочешь узнать больше? - Либитина вновь смеется и манит за собой. Гектор, не раздумывая, шагает под свод прохладных лиственных стен Лабиринта:

- Говори.

- Когда-то ты просил сообщить тебе историю такой, какой она разворачивается перед глазами владыки Дэви. Что ж. Ты говоришь: Проклятие Алитера, но задумываешься ли, что это значит? Правда в том, что Алитер не погиб, когда отдал свою вечность Великому вампиру. Он перешел в Дар, и существует, меняя тела так называемых Избранных.

- И... что? - Гектор силится ухватить мысль Кукловода и не может. Перешел в Дар... Бестелесное бессмертие... - что за чушь? Как это поможет ему? Они меж тем все идут коридором, и кажется, стены Лабиринта постепенно сходятся.

- Ты можешь стать частью Дара, войти в Дар, как прежде Алитер. Ты станешь подлинно бессмертным, неуязвимым, и только ты будешь решать, каким станет новый мир, - шепчет Либитина.

- Но я... умру?

- Иссохнет тело с дырой Пустоты - меткой Бездны. Такова плата за подлинное бессмертие, Долус. Твой дух останется и станет управлять телом Избранного. Конечно, прежде нужно будет задавить, стереть личность Избранного, но он юн и слаб, ты справишься. Дэви также думает сейчас об этом, опереди его.

Следующим вечером Гектор встал засветло, не отдохнувший, а изможденный бесплотной борьбой с дневным светилом. Но, как бы то ни было, впереди была ночь возможно главного действия. Его ждали на очередном представлении театра Либитины.

Прежде он наведалься в подвал старого родительского дома, и скоро появился оттуда, таща на плече человеческое тело, с головы до ног укутанное в простыню. Тело он устроил на сидении однолошадного экипажа, угнанного двумя ночами ранее, а сам сел на место возницы.

Экипаж двинулся по быстро темнеющим улицам в сторону Восточного проспекта. Представление Кукловода должно было разыграться в Ориенсе, в парке заброшенной

городской больницы. Подарок гениальному режиссеру спектакля мерно покачивался на сидении экипажа, холодной, бесчувственной к боли головой деревянно стучаясь о стенку.

Гектор остановил экипаж перед парковыми воротами на стороне Ольховой улицы. Разросшийся парк совсем скрыл низенькое, желтоватое, как лунный лик, здание больницы, заброшенное после эпидемии полстолетия назад. Меж еще сохранивших белую краску колонн входа в парк, столь же мертвенно-бледная, расположилась кукла Нефандуса - знакомая дама в призрачно-светящемся в ночной тьме белом одеянии.

- Охотники найдут сюда с боем часов Солнечной башни через полчаса, - сообщила она, когда Гектор слез с козел. - Та, для которой будет разыграно представление, с ними. Прячься, где договаривались, - она повела носом, принюхиваясь. - Снова привез мне подарок?

- Да, его вторую часть, - Гектор ослабил и распахнул дверцу экипажа, показав завалившееся набок на сидении тело в простыне. - Вот.

Он откинул простыню с головы трупа. Показалось мужское лицо: широкоскулое, с правильными красивыми чертами, свидетельствующими о благородстве и древности рода. Тонкие губы были плотно сжаты, рыжеватые волосы вились надо лбом.

- Он... - кукла задумчиво прищурилась. - Последний Диос.

- У них осталась дочь.

- Она не будет носить эту фамилию всю жизнь, - кукла усмехнулась. - Премило наблюдать за судьбами смертных с высоты вечности! Видишь, как красиво замыкаются истории...

- Используешь его сегодня?

Кукла подошла ближе, коснулась скулы мертвеца ладонью.

- Он такой же, как его супруга?

- Да. После смерти я обоим ввел в сердце немного бессмертной крови. Мое проклятие хранит их тела от тления уже два года.

- Использовать его как марионетку ты не пытался?

- Нет.

- Верно, это может быть слишком опасно для кукловода, - Либитина склонилась к лицу мертвого. - Охотники остаются строптивыми и после смерти, такая кукла может снести голову собственному хозяину.

- Марту Диос тебе удалось подчинить, - заметил Гектор. Жену Диоса, Марту, он подарил Либитине две недели назад, и хозяйка кукол уже устроила представление с ней. Сейчас Гектор тихо добавил, до сих пор пораженный темной силой загадочного северного кукловода. - Как?!

- Когда-нибудь расскажу. Прежде ты расскажи, как к тебе попали Диосы? Ты ли убил их? Как ты прошел защиту сильнейших в ордене охотников? У Марты было перерезано горло - не совсем твой почерк. Что с этим? - бормоча, Либитина сдергивала простыню, накрывающую тело, все сильнее, пока не открылись черные метки пуль на груди и животе охотника. - О, ясно. Ты не сам с ними расправился, так, Долус?

- Так, - глухо сознался он. - Они натолкнулись на уличную банду смертных. Я только забрал тела.

Либитина мгновение непонимающе глядела на него, потом расхохоталась. Болью растущей ледяной ярости отдался в груди этот презрительный смех.

- Я убивал охотников! - рыкнул Гектор. - Не Диосов, но других! Я достаточно силен,

чтобы сломать защиту ордена!

- Я не сомневаюсь в твоей силе. Я лишь иронизирую над судьбой сильнейшей фамилии охотников, - марионетка примирительно подняла ладони. - А скоро и их дочь, совершив с твоей помощью предательство, окончательно уничтожит славное имя Диос...

Еще обиженный Гектор все же кивнул.

Он выбрал второй вариант - не исцелиться, но инициировать Линтера. Пусть Гектор станет духом, но могущественнейшим! Ведь кроме того, что Избранный, Линтер по словам Конора должен был быть еще и Голосом Бездны. После обращения в *carere morte* он станет Великим вампиром... то есть Гектор в его теле станет Великим вампиром: избавится от дыры Пустоты и обретет величайшую в мире *carere morte* силу одновременно. Но чтобы инициировать Избранного, его сначала нужно отнять у ордена. Подбираться придется через охотников, и - какая удача! - у него давно есть ключ - тела Диосов. Кукловоду удалось прочесть в памяти Марты тайны и слабости множества адептов ордена, но самой верной Гектор посчитал нить к оставшейся в живых дочери - Лире. Охотники безрассудно доверяли просто звучанию ее фамилии, она была юна, значит, податлива к чужому воздействию. При виде родителей в облике крылатых теней ее вера в орден пошатнется. Главное, чтобы представление было правдоподобным. Тогда ради новой встречи с родителями Лира отдаст Гектору и Избранного...

«Девочка тяготится общей клятвой всех Диосов», - задумчиво поведала Либитина, едва просмотрев память Марты. Она легко согласилась помочь, и первое представление с крылатой Мартой прошло успешно. Сегодня должно было быть второе. Только одно встревожило Гектора, когда Либитина рассказывала об итогах первого свидания матери с дочкой. Не все она сказала ему, не все! Что-то саму хозяйку кукол больно задело на той встрече, но поведать это сообщнику она не пожелала. Только оно все равно мерцало жгучими искорками на дне мертвых равнодушных глаз куклы, придавая им живое беспокойное выражение... Гектор спросил:

- У тебя личные счета к Диосам? Чем притянула твое внимание младшая? В моем плане важна не она, только Линтер.

Глаза марионетки сверкнули:

- Обещаю, ты все узнаешь сегодня.

Гектор нахмурился, собравшись возразить, но Либитина приложила палец к губам: «Тихо!» В далеком Сатуре били часы Солнечной башни Ратуши.

В ожидании представления Гектор устроился в здании заброшенной больницы. Кукловод готовился: парк вокруг ожил. Слышались неясные шорохи, меж деревьев мелькали тени. Потом резко, как по сигналу, все стихло. Охотники вступили в парк.

Их было трое - стандартная группа для патрулирования улиц. Но Гектор смотрел только на младшую - бледную рыжеволосую, красивую красотой ангела девушку. Лира Диос. Чем она так интересна Кукловоду?

Представление началось. Над кронами парка мелькнули черные крылья, через миг до охотников донесся короткий вскрик. Либитина сымитировала нападение дикарей на смертного и, разумеется, группа бросилась на помощь. У больницы, там, где от здания расходился веер тропок, они разделились, и скоро перед Лирой, осторожно крадущейся с тяжелым арбалетом наизготовку, опустилась крылатая тень. Гектор даже подался вперед, неосторожно выступив из оконного проема, сиюсь разглядеть подробности встречи.

Видно было, девушка узнала *carere morte* по повадкам, еще когда она опускалась. Ведь

совсем недавно эта тень уже влетала к ней в окно - считающаяся погибшей мать с черными крыльями *carere morte*. Лира не стреляла, хотя арбалет упирался *carere morte* в грудь.

- Мама?! - донесся до Гектора шепот младшей Диос.

- Я не могу уйти, не рассказав тебе об ордене... - кукла Марты говорила что-то еще, но Гектор уже не слышал. От стройной напряженной фигуры Леры распространились какие-то волны. Искажения воздуха. Неясная рябь, путающая картинку происходящего, глушащая звуки.

«Это что еще? Какая-то уловка Кукловода? Решил обмануть, пойти против плана? Захотел внушить Диос что-то свое?!» -

Разозленный, Гектор вышел разобраться, что происходит. Но все уже кончилось, рябь исчезла. Кукла улетала, а девушка бросилась догонять своих. Лиру пошатывало. Она отбросила арбалет за спину на ремне и иногда хваталась руками за стволы ближних к тропке деревьев, чтобы не упасть. Когда она скрылась из вида, Гектор отправился на поиски Кукловода.

Либитина устроилась у оставленного в глубине парка экипажа. Она выволокла тело старшего Диоса на дорожку и распеленала. Марионетка Кукловода была уже другая: фигура в белом плаще, напоминающем старинную униформу охотников, неопределенного пола, склонялась над мертвецом. Накинутый капюшон скрывал лицо, видны были только длинные пряди абсолютно белых волос. Вот она быстрым, почти неуловимым движением стянула тонкие перчатки. Гектор отметил, что руки под ними изуродованы старыми ожогами. Фигура потянулась за кинжалом на поясе, полоснула себе ладонь. «Готовится поднять очередную куклу», - подумал Гектор и его словно ударило: вот же он, Кукловод! Настоящий хозяин всей тысячи кукол! Марионетки не могут поднимать мертвецов. Чтобы внести в тело каплю бессмертной крови, кукловод должен прийти лично.

- Либитина, что за фокус сейчас был? - негромко спросил он, подходя. - Как ты ухитрилась скрыть завершение разговора с охотницей?

- Ты имеешь в виду то, что воздух вокруг девчонки поплыл? Это не я, - сказала фигура, не повернувшись. Тихий голос, почти шепот не давал ясного знания, мужчина или женщина говорит. Либитина прижала окровавленную ладонь к следу пули на груди мертвого. - Это сделала Лира Диос.

- Непохоже на защиту ордена, - Гектор нахмурился. Руки неосознанно сжались в кулаки. - Зачем ты меня обманываешь?

- Это не защита. Это проявление силы Голоса Бездны, - фигура выпрямилась. Кукловод оказался небольшого роста, охотничья одежда в светлых тонах мешком висела на худой, не поймешь, мужской или женской фигуре.

- Лира Диос - Голос Бездны?! Конор был уверен, что это Винсент Линтер!

- Конор принял пробуждающееся проклятие Алитера в нем за проявление силы Голоса Бездны. Но Линтер не способен чувствовать и управлять Бездной. Ты же вывел меня на истинного Голоса Бездны, Долус. Благодарю.

- Так в этом была твоя цель - найти Голос Бездны?!

- Да. Когда ты попросил помощи, я сказал, что взамен понаблюдаю за тобой, помнишь? Переживший потрясение *carere morte* с дырой Пустоты в душе, как ты, становится чувствителен к проявлениям Бездны в нашем мире. А Голос Бездны - сильнейшее из них. Ты мог надавить на Вако, чтобы выйти на Избранного через нее, мог переманить на свою сторону Митто, мог припугнуть Краса, но предпочел неизведанный, опасный путь

охотников. Это Бездна заставила тебя переступить через страх и воспользоваться семьей Диосов.

- Но ты сможешь мне найти Линтера, воспользоваться его Даром?

Кукловод цокнул языком:

- Только не через Диос. Я не смогу сделать Голос Бездны своей марионеткой и никто не сможет. Остается следить, как она вырастет, как обретает нужный опыт...

Гектор мотнул головой, едва слыша Либитину. Ярость кипела в теле, кулаки стали каменными.

- Но мне нужна Лира, как ниточка к Избранному! -

- Оставь этот путь. Выбери исцеление.

- Ты знаешь, что я этого не сделаю! - крикнул Гектор, угрожающе сжав кулаки. Шагнул к собеседнику. «Ведь это сам Нефандус, не марионетка! Кинжал в сердце - и с жутким кукловодом севера покончено!» - мелькнула шальная мысль.

Он не увидел, но почувствовал скрытую тень капюшона усмешку Кукловода:

- Думаешь, справишься со мной, Долус? Давай для начала проверим, справишься ли ты с собственной куклой!

Он вдохновенным, неожиданно сильным, красивым дирижерским жестом взмахнул уродливыми руками, и Гектор почувствовал, что сознание расколосось. Он стоял перед Кукловодом, и в то же время лежал на тропке и неподвижно глядел в мутное небо с расплывшимся в единый серый фон сиянием звезд.

Он понял, что почувствовал частичку своей крови в теле охотника и испуганно отступил. Кукловод все также улыбался.

- Когда я поднимал супругу Диоса, я прежде уничтожил твоё проклятие в её крови водой из источника Донума, поэтому её ты не почувствовал, - заметил он. - Но в теле Диоса твоё проклятие цело, у охотника два хозяина. Я управляю им как марионеткой, но и ты всё чувствуешь, - он хлопнул в ладоши, и мертвый охотник поднялся. Теперь Гектор одновременно видел бледное пустое лицо Диоса и своё лицо глазами куклы - перекошенное, перепуганное. Он видел страх на своём лице со стороны, и это было ужасно. Это было уже совершившееся падение в пропасть. В Пустоту.

- Если считаешь, что у тебя хватит сил удержать всю власть над Терратиморэ, если считаешь, что у тебя хватит сил хотя бы задержаться в этом мире вопреки приговору Бездны - докажи, - молвил Кукловод, и охотник двинулся на Гектора. Рядом опустилась крылатая тень Марты, на поясе у неё блеснул серебряный кинжал.

- Я уверен... - начал Гектор и замолчал. Падая в Пустоту, бесполезно было что-то говорить. Быстрый ветер заберется в рот, все слова превратит в безумный, безнадежный вой.

- Carere morte верно боятся поднимать кукол-охотников. Частица защиты ордена остается в их телах и после смерти. Когда в мертвую кровь поступает проклятие carere morte, защита охотника принимает его за врага и последним посмертным движением уничтожает. Кукла или кромсает себя, или, что чаще, обращается против хозяина проклятия. - Тонкий уродливый палец уперся в грудь Гектора. - Твоё проклятие было в жилах Диоса куда дольше, чем мое, и сейчас он выбрал главным хозяином тебя. Соберись.

- Но Марта...

- Я заключил контракт с отпечатком души, оставшимся в её теле. Женщина перед смертью хотела напоследок увидеть дочь, сказать ей нечто важное. Я позволил это, и пока желание Марты осуществлялось, последнее проявление защиты ордена было заперто.

Отсрочено. Сейчас срок настал.

Марта быстрым движением выхватила кинжал из ножен и сильным широким движением перерезала себе горло - прямо поверх полосы шва, пересекающего шею. Голова откинулась назад, черная кровь залила ей грудь. Дергающиеся руки довершили дело, начисто отделив серебром голову от тела, оно мягко свалилось на дорожку. Диос успел выхватить у супруги кинжал и опять пугающе механически двинулся на хозяина.

- Нет... -

Гектор осекся. Кинжал был уже у него в сердце. Он осел на землю. Перед парализованными глазами теперь было звездное небо в обрамлении темной кромки деревьев, будто в изрезанной ножом разинутой пасти. И еще - хищно улыбающееся лицо Кукловода. Увидев его, Гектор понял то, что надо было понять давно: узнавшие истинный лик Либитины не живут более пяти минут. Следовало бежать, еще когда он увидел склоняющегося над телом охотника Кукловода.

- Увы, твой большой план может помешать моему большому плану, - с театральным сожалением сказал Нефандус. - Твоя партия завершена, Гектор Долус.

Косой молнией сверкнула длинная полоса серебряного меча, и Гектор уже не мог заслониться от удара, как прежде заслонился от Вако. Страх был сильнее. Страх победил его. Он падал в пропасть Пустоты и прямо в падении исчезал, истаивал... рассыпался.

Меч охотника замер, не завершив удар. На дорожке больше не было вампира. Только легкую пыль сожженного собственным страхом разметал ветер.

Глава 9 Проклятие Алитера

В этот раз после Большой Охоты Дэви не стал уезжать далеко. Пустыми остались поместья в южном порту Прэсто и на востоке. Владыка же инкогнито поселился в Меторе, городе между Кардой и Доной. Никто из свиты, расплзшейся до следующего сбора по всей земле страха, не подумал бы, что скромный двухэтажный дом на окраине городка занимает последний владелец «Тени Стража». Сейчас владыке необходимо было находиться поблизости к городам, в которых, едва приходит час вновь проснуться Тени, разворачиваются важнейшие события.

Избранный, он знал, находится в Доне, у охотников. С ночи Большой Охоты Дар более не проявлял себя, орден не давал Винсенту свободы, боясь того же, что владыка вампиров - нарушения Равновесия. Сила же Голоса Бездны, кем бы он ни был, напротив, крепла, все более ясной нитью просматривалась в общем переплетении путей и судеб мира.

Дэви ждал. Два столетия назад забывший сон, он бродил по дому дни и ночи. То перебирал воспоминания о давно минувшей эпохе, то обращался мыслями в будущее. Вновь приходит Избранный, и владыке вампиров вновь приходится пустить в ход единственное проверенное средство от целителя вампиров - проклятие *carere morte*. Подобное уже случалось, когда бессмертными Карды правил Улисс Алитер, а Александр Дэви был всего лишь его слугой. За двести лет вечности Дэви почти забыл тот свой облик: юный, едва узнавший проклятие вампир. Еще не управляющий, а слабо, по-человечески барахтающийся в сети вечности *carere morte*... кто мог предположить тогда, что ему внезапно достанется вся власть над миром лишенных смерти?

Люди танцуют, и по стенам скудно освещённой залы пляшут их тени. Они то раздуваются, касаясь поблёкшими пальцами узких окон, то съёживаются и наливаются чернотой. Объявлен первый весёлый танец бала, и музыканты расстарались - дико воют флейты, струны хищно лязгают. Незатейливая песенка звенит, ударяясь о закопчённый потолок, и возвращается вниз, оглушая танцующих. Звуки тонут лишь в глубокой нише балкона, откуда мельтешащие яркие платья внизу кажутся рассыпавшейся мозаикой.

Они с Алитером на балконе, среди белых статуй, дразняще похожих на живых людей. Улисс коллекционирует их, и иногда Дэви мерещится, владыка и вампиров себе в свиту подбирает подобным образом: красивых, искусных в чем-либо одном, но пустых в остальном.

- Погляди на этого юношу, Александр. Это Голос Бездны, - молвит владыка и указывает кого-то в зале. Но Дэви не смотрит туда, он сперва изучает Алитера. Румяный, как живой человек, бессмертный с тихим голосом и повадками волка сегодня встревожен. Почему? Дэви смотрит в зал. У стены стоит указанный владыкой человек. На вид обыкновенный: молодой, сильный... но сколько точно таких же молодых, сильных томится в подвале дома Алитера?

- Такой обычный человек - и Голос Бездны? - осторожно задает Дэви вопрос. Алитер смеется, но его лицо искажается как от крика:

- Да, Бездна всегда приходит через таких - незаметных, обыкновенных. Но он наше главное оружие в грядущей войне с охотниками. Только представь, какую силу даст проклятие *carere morte*, объединенное со способностью направлять Тень...

- Вы хотите инициировать его, господин? - увы, Дэви мало интересовался планами

владыки в последнее время и, видно, упустил много. После женитьбы мысли и эмоции замкнулись на «Тени Стража» и том, как примут его юную супругу в древнем оплоте герцогов... Дэви приглядывается к юноше и теперь замечает неожиданное.

- Знакомое лицо, господин! - восклицает он. - Не его ли в городе зовут Избранным?

- Что?

- Избранный, способный исцелять вампиров - по городу ходит такая сказка... Полагаете, его Дар не помешает инициации? Он не опасен для нас?

- Исцеление вампиров сказка, Дар - пустышка, - фыркает Алитер. - Темная сила Голоса Бездны всегда будет сильнее... Сейчас ты увидишь ее! - неясная угроза мерещится в его голосе.

Алитер поднимается из кресла - выныривает из темноты и повелительно взмахивает рукой, приглашая Избранного наверх. Человек, до того искавший взгляда владыки, спешит к лестнице.

- Но если Дар действительно... - Дэви не успевает закончить: «опасен». Юноша уже на балконе. Он вежливо кланяется владыке. Кидает один короткий взгляд на Дэви, но тот замирает под ним, будто серебряный кинжал охотника вонзился в сердце. Опять, как при первой встрече с владельцем Дара, этот взгляд пронзает до самой сути, до самой черноты и за нее - к свету погребенной под грузом проклятия, искаженной, но немертвой человеческой души. Это больно, это как почувствовать кусочек жгучего полуденного солнца внутри себя. Дэви снова неосознанно отступает к перилам балкона, стискивает холодный мрамор сильными пальцами и чувствует глубоко в наполненных мертвой кровью сосудах человеческое тепло.

- То, что ты пришел на мой Бал, значит, что ты выбрал мой путь? - холодно спрашивает Алитер юношу.

- Да, владыка, - смиренно отвечает тот, только глаза блестят все так же.

- Для какой же высокой цели тебе понадобилась вечность? - недоверчиво спрашивает Дэви.

- ...Цели? Я знаю, какие планы на меня у ордена... Цель проста: не умереть! -

Юноша смеется в наступившей грозной тишине. Только статуи взирают на сцену с высоты двух человеческих ростов слепыми глазами.

- Господин, вы сейчас... - юноша не успевает договорить. Владыка взметывается, прижимает его к колонне балкона. В зале гремит вступление к следующему танцу, а Алитер приступает к трапезе. Он голоден и нетерпелив, и сразу раздирает клыками горло юноши. Дэви удивленно вздыхает, увидев брызжущую из порванного сосуда кровь. Она светит не мягко, пепельно-лунно, как кровь обычных смертных - она сияет, как солнечные лучи.

Алитер делает глоток и усмехается: «Горчит...» Приникает к ране. Владыка захвачен одной идеей: создать сильнейшего *carere morte* земли страха, он пьет странную кровь, пока ему не становится плохо. Тогда сгибается, словно ломается пополам, падает...

- Владыка, довольно!

Алитер молчит. Ввалившиеся глаза мутны, как у умирающего. Он взрезает свое запястье кинжалом, протягивает пораненную руку ображаемому. Дэви подаётся вперед, но останавливается, не сделав ни шага. Сама Бездна пожирает владыку - ему ли, рабу, мешать Госпоже?

«Возможно, ему, рабу, быть новым богом *carere morte*!»

Скоро инициация завершается, новообращенный поднимается. Алитер лежит

неподвижно, тело бессмертного обратилось жёлтой мумией. Бальное одеяние распласталось пёстрым ковром, владыка в нём кажется не больше ребёнка...

Дэви еще не видел подобного. Избранный выпил вампира до дна, как *carere morte* делают это с людьми. Но если по венам *carere morte* после трапезы течет живая кровь, то что сейчас течет по венам этого юного вампира?

Дэви с внутренним страхом присматривается к лицу новообращенного. Прежние черты стёрты, словно кто-то одним взмахом смазал ещё не высохший рисунок, глубокие складки с черными тенями пролегли от углов рта. И когда юный вампир резко, потрясенно глядит на него, Дэви вдруг понимает:

- Владыка Алитер?! - шепчет он.

Алитер не погиб при инициации. Он избавился от сковывающей телесности, но не канул в Пустоту, как все *carere morte*. Стал духом. Этому нет объяснения, но это так. В крови Избранного теперь прячется вся вечность владыки бессмертных.

От силы Голоса Бездны вокруг плавится воздух, волна искажения отбрасывает взбежавших на балкон охотников - они валятся на пол бездыханными.

- Великий вампир! - шепчет испуганная Сесилия Калькар.

Carere morte свиты теснятся за спиной Дэви: и Калькары, и Мелисса, и Виола... Их пугает сила новообращенного, и еще больше - безумие в глазах на лице-маске, похожем то на Избранного, то на Алитера. Они надеются на Дэви, как на сильнейшего. Он новичок в свите но все бессмертные чувствуют его силу... Это ощущение окрыляет.

«Кто подчинит Великого, тот будет новым владыкой вампиров», - понимает Дэви.

Он идет к Избранному-Алитеру - шаг, еще шаг. Они связываются взглядами и так замирают. Этот поединок краток, как бросок хищного зверя за жертвой. Время останавливается, пространство уплотняется, сжимается, оставляя лишь узкий коридор, по которому ты несёшься навстречу темному ничто. И нельзя бояться, нужно впустить его в себя, пропустить сквозь сердце и разум.

- Госпожа... - шепчет Дэви, обращаясь вовсе не к Алитеру и даже не к обезумевшему Избранному. - Госпожа... Подари мне благосклонность, поделись предвидением... и я подарю тебе весь мир!

Затаив дыхание, Дэви отступает к лестнице. Новообращенный послушно, как прирученный зверь, трогается следом.

- Не бойтесь, *carere morte*, - раздаётся звучный голос незаметно подошедшего Гедеона Вако, одного из первых бессмертных. - Перед вами Великий вампир, - Гедеон взмахивает рукой, указывая на новообращённого. Ещё взмах, и Дэви чувствует на лице холодный ветерок от широкого рукава его свободного одеяния. Старейший указывает на него. - ...И новый владыка *carere morte*, Александр Дэви!

В первое же лето Адам доложил марионеткам Оскара, выступающим связными между владыкой и свитой, сначала о встрече с Долусом и чуть позже о внезапном исчезновении Гектора. «Будто пылью рассыпался», - прокомментировал это Митто, и Дэви не сомневался: так оно и было. Пустота пожрала своего должника. Последний противник из оставленного мечтою низших шлейфа был повержен, путь к Избранному чист. Но Дэви не спешил идти за ним.

«Пришло ли его время перейти от бессмертного тела к бессмертному духу?»

Конечно, можно было попробовать отдать Избранному как первую жертву вампира послабее, но достаточно ли будет этого, чтобы потушить золотое сияние? Даже проклятия

владыки Алитера хватило лишь на два столетия. Чтобы погасить Дар навсегда, нужен вампир еще более сильный.

Он правил вампирами двести лет, быть может, настала пора подняться выше? Войти в кровь Избранного ядом, погасить исцеляющий Дар и править отныне не телами, но душами земли страха. Держать в кулаке не власть над Терратиморэ, но саму надежду края на исцеление проклятия.

Дэви все больше нравилась эта идея...

Он - сильнейший и могущественнейший *carere morte* в земле страха, и все же тело, пусть бессмертное и нестареющее, всегда будет сковывать его голодом к крови, чувствительностью к серебру, солнцу, внутренним страхом Пустоты. Лишь дух свободен, лишь идея имеет истинную власть. Став проклятием золотой крови, Дэви вознесется над всеми. Ни один враг более не сможет пошатнуть его трон.

А через два с половиной года после Большой Охоты, в декабре, очередная марионетка Оскара сообщила давно ожидаемое: Тень на пустоши отыскала точку в городе и тянется за ней всеми своими отростками. Голос Бездны наконец-то посетил Карду!

Следующим утром Дэви в закрытом экипаже покинул Метор, направляясь на север. Пришло время вернуться в цитадель *carere morte*, к началу старой-новой истории. Над «Тенью Стража» вновь взвилось серо-красное знамя с гербом Первого вампира, приглашая Голос Бездны на учение к тому, кто больше всех в земле страха знает о Госпоже, а свита опять собралась в большой трапезной замка Дэви, чтобы обсудить затянувшуюся историю Избранного.

Бессмертные выглядели встревоженными. Сесилия Калькар сразу взяла напористый, беспокойный тон:

- Господин, мы с братом отправили по сотне марионеток в город. Пока установить, кто Голос Бездны, не удалось. Слухов о необычных проявлениях силы Бездны нет.

- Их и не должно быть, - оборвал ее Адам. - Голос Бездны еще не осознает свою силу. Не надо искать, он сам явится к владыке вампиров, как всегда было прежде. Поговорим о другом. О других.

- О Гекторе Долусе ничего не слышно, - заметил Хиам. - Мои звери не видели его уже три года.

- Долус исчез в Бездне, иначе и быть не могло, - заметила Мелисса. - Что слышно о Мире Вако?

- Она охотится с дикарями в Доне, - сказал Магнус Калькар.

- Что Избранный? - глухо спросила скрывшая лицо под вуалью Виола.

- Он у ордена, - быстро сказал Хиам Калькар. - Дона, район Центра - Ориенс. Я чую его там, хотя за пределы куполов Покрова он, к сожалению, не выходит.

- Не пора ли нам заняться Избранным, владыка? - осторожно предложил Адам. - Долус повержен, местонахождение Избранного примерно известно. Миру Вако можно будет использовать как первую жертву.

Дэви поморщился и недовольно махнул рукой, по случайности задев собственный бокал на столе. Несколько капель крови пролилось на гладкую, выскобленную добела поверхность. Он по-прежнему молчал, давая высказаться всем в свите.

- Достать Избранного будет непросто, - заметила Сесилия. - Орден хорошо охраняет его, раз он до сих пор не сбежал.

- Может быть, его удерживают не решетками, а посулами или... ложью, - задумчиво

заметила Хелена. - Интересно, что Крас намеревается с ним делать?

- В прошлый раз охотники хотели убить Избранного особым ритуалом, - сказала Мелисса. - Потому он и пришел на поклон к Алитеру.

- Тогда чего охотники ждут сейчас? Может, все же колеблются, не использовать ли Дар? Господин! - потеряв терпение, крикнул Адам Митто. Но Дэви еще помолчал, вглядываясь в узор упавших на стол капель крови. Несколько сливалось в одну, напоминающую сердце. Владыка все в той же задумчивости раздавил его пальцем.

- Избранный не исцелит *carere morte*, пока проклятие Алитера течет в его жилах, - негромко напомнил он. - Если охотники сомневаются, пусть на примере Линтера убедятся, что сказка о Даре лжет в главном и вампиров не исцелить. Остатки сияния потухнут, когда мы обратим Избранного в *carere morte*.

Мелисса нахмурилась:

- Я как раз хотела сказать, господин. Мира совсем молодая вампирка, дикарка. Достаточно ли будет ее проклятия, чтобы заместить проклятие Алитера и потушить свет Дара?

- Я думал и об этом, графиня Лакус, - Дэви поднялся. - И решил, что обращу Избранного... я.

Потрясенный вздох пронесся по трапезной.

- Но господин, - первой очнулась Мелисса. - Вы же погибнете!

- Это не конец для обращающего, если он достаточно силен. Смерть тела, но не духа.

- Владыка Алитер был силен, но став заложником крови Великого, сошел с ума, - опомнившийся Магнус покачал головой. Дэви одним залпом осушил бокал и преувеличенно аккуратно поставил его на стол.

- Алитер не был готов к такой вечности, потому стал заложником Дара. Тот же, кто к ней готов, станет повелителем Дара. Кроме того, Линтер - не Голос Бездны, каким был тот, он обычный смертный. Я легко изгоню его дух в Пустоту и останусь хозяином тела.

- Когда, господин? - тихо потребовал неугомонившийся Митто.

Дэви небрежно взмахнул рукой.

- Я отдаю этот выбор Бездне, - молвил он.

Собрание было окончено. *Carere morte* свиты покинули зал. Дэви не смотрел, как они уходят. Спиной к выходу из трапезной, он остановился у потухшего очага в центре зала и глядел на угли, и такими же черными, тусклыми, лишенными малейшей искорки жизни были сейчас его глаза.

Инициировать Избранного... - Дэви был уверен, что окажется достаточно силен для этого. Вот только достаточно ли он холоден для того, чтобы окончательно отречься от тела, всей его памяти ощущений и чувств? Его последние слова на собрании были не более чем слабостью, отступлением вместо решительного шага, и теперь терзало, что эту слабость увидела свита.

Кто-то один до сих пор не уходил, он видел эту тень краем глаза. После такого объявления несложно догадаться, кто.

- Мелисса? - громко спросил он тишину, не нарушаемую ничьим дыханием. - Почему ты осталась?

Этот вопрос перерубил цепь, приковавшую лишенную смерти к месту. Она рванулась к нему, но снова замерла, не дойдя шага, как всегда остановленная его холодностью.

- Владыка, если инициация Избранного осуществится... Не верится, что вы покинете

нас, - прошептала она.

- Я останусь с вами в ином обличье.

- Но Я любила это.

Ее чары почти осязаемым облаком заполняли зал трапезной, как и терпко-сладкий аромат духов. Но Дэви, нечувствительный к ним с самого обращения, лишь усмехнулся:

- Полюбишь и новое, Мелисса.

...Если он решится. Какой бы горькой ни была память о далеком человеческом прошлом: давно не сияющая звезда надежды - лишь песок, утекающий меж пальцев, но владыка *carere morte* все еще не хотел ее терять.

«Александр Дэви - владыка *carere morte*!» - Дэви кажется, эта фраза всё ещё звенит в опустевшем зале.

Седьмой Бал Карды завершён. В доме Алитера остались бессмертные. Люди удрали, только служителям ордена в большинстве своем уйти не удалось, новое оружие вампиров - Великий насыщается сейчас их кровью. А новому владыке *carere morte* уже грезится: завтра он очистит от охотников Корону, послезавтра - Карду...

И вновь незаметно подошедший Гедеон Вако, старейший бессмертный, отвлекает Дэви.

- Я назвал вас владыкой, милорд, перед гостями Бала, но только завтра объявлю это совету старейших, - молвит он.

- Почему не сейчас? Время до рассвета есть. Завтра я хочу заняться очисткой Короны от охотников.

- Не торопитесь, господин. Впереди вечность. К тому же вам ещё предстоит испытание, которое покажет старейшим, достойны ли вы истинно быть владыкой вампиров.

- Что за испытание?

- Не могу сказать, Александр. Я поклялся. Но вы узнаете скоро. Сегодня.

Тогда Дэви возвращается домой.

Он входит в замок родителей и проходит в свои покои. Его с супругой комнаты расположены в левой из двух центральных башен, куда утром заглядывает солнце. Сейчас жена занавесила все окна в ожидании своего бессмертного супруга.

Спит ли она? Дверь в её спальню призывно открыта на полпальца, но света в комнате нет. Вампир прислушивается и улавливает быстрый стук сердца бодрствующего человека. Он прислушивается ещё... - Слишком быстрый стук! Она взволнована... напугана? Кто обидел её?

Не переодевшись, в том же бальном костюме, он заходит в спальню супруги и теперь понимает, что ошибся. Жена, сидящая на постели спиной к нему, поворачивается, и он видит спящее у неё на руках обряженное в кружева крохотное дитя. Их четырёхмесячный сын. Стук его сердца Дэви слышал в коридоре.

Тёмные волосы женщины распущены, гладкой волной они спускаются ниже талии - последняя её краса. Лицо и тело страшно исхудали, глаза обвела кругами бессонница. Тонкие губы обветрены.

Краткий вежливый поцелуй. Они не виделись почти неделю и могли бы позволить себе более тёплые ласки, если б смертная не сторонилась поцелуев лишённого смерти.

- Бал окончен? - спрашивает жена, едва он отстраняется. - Город волнуется, я чувствую.

- Хозяин Дома Бала погиб.

Она не ахает потрясённо, он напрасно ищет признаки хотя бы удивления на её лице. Когда она облеклась в доспех этого страшного равнодушия?

- Алитера убили охотники? - переспрашивает она. - Орден празднует победу?

- Нет.

Он тихо рассказывает, что произошло. Говорит об инициации и странной крови иницируемого, о гибели Алитера, о Великом вампире, способном убить любого, не коснувшись. Жена внимательно слушает, но её лицо не меняется. Каменная маска. Из них двоих она сейчас больше напоминает *carere morte*.

- Алитер мёртв, - без выражения говорит она, когда он заканчивает. - Что ж, это очень хорошо.

Малыш вдруг всхлипывает и заливается плачем. Жена вскакивает. Она кружится по комнате, вновь убаюкивая сына, а Дэви провожает их неприязненным взглядом. Этот ребёнок, зачатый в последний месяц его смертной жизни, родная ему кровь, - тревожит его. Он - бьющаяся точка света, разрастающаяся с каждой пульсацией. В нём почти нет пустоты, на вкус он должен быть настоящим эликсиром жизни, слишком крепким даже для *carere morte*. Это дитя - родная кровь! - одновременно чуждо и близко Дэви, и страшит бессмертного.

- Позовите няньку, - предлагает он. - Три ждут очереди под дверями покоев. Спустите его с рук хоть на пару часов, вам нужен сон.

- Не отдам! - сверкает глазами она и добавляет, совсем тихо. - Никому в этом доме!

Молчание. Дэви разглядывает её лицо, обращённое к сыну. Сейчас оно кажется некрасивым. Простовато, даже грубовато. Раньше оно не выдавало так её...

...Происхождение. Младшему сыну герцога Дэви прочили в жёны прекраснейшую Мелиссу, дочь графа Лакуса, но он женился на простой девушке и тем восстановил против себя семью. Лишь после вмешательства Алитера, советника Короля, они благословили их брак. Но каждую ночь в огромном холодном замке молодая жена раздражалась слезами и твердила, что её здесь ненавидят и хотят сжить со свету. Когда она узнала о своей беременности, страх перекинулся на ребёнка, и скоро Дэви понял: этот страх не беспочвенен.

Тогда ему пришлось вновь обратиться к Алитеру и на сей раз заплатить своей душой...

Малыш уснул. Жена бережно кладёт его в колыбель, поставленную у их постели. Вдруг убегает, взметнув вихрь волос, и возвращается с простой фляжкой в руке.

- Что это? - Дэви принимает фляжку, откупоривает. Внутри жидкость без запаха, похожа на обычную воду.

- Выпейте, милорд, - её голос напряженно звенит. Он поднимает глаза. Как изменилось её лицо! Оно вдохновенно и открыто, оно ясно и юно. Оно прекрасно!

- Сегодня я увидел золотую кровь и Великого. Чем Вы хотите удивить меня?

- Воланс, выпей. Это снадобье, которое вернёт тебе жизнь.

Вновь молчание. В тишине слышно дыхание спящего ребёнка. Рот вампир кривится:

- Моя госпожа. Возлюбленная моя... Такого снадобья не существует!

- Все легенды *carere morte* когда-то были историей. Я была у старейшего. У Гедона Вако. Он дал мне его!

- О, эти легенды *carere morte*! Что он дал Вам? Слезы семи старейших? Вареву из крови семи кукловодов? Что?

- Воду. Воду из Источника.

- Из источника Донума?

- Да.

Дэви усмехается.

- Полей мне на ладонь. Только немного!

Жена слушается. Она быстро бормочет заклинание из сказки - о луче, мече и звездопаде, но скоро обрывается и вскрикивает, отбрасывает фляжку. Хватает его руку, рукавом платья осушает упавшие из горлышка фляги капли. На его коже там, куда попала вода, чернеют глубокие язвы.

- Воланс... Больно?

- Немного. Видишь, эта вода разрушает меня. Ею можно исцелить только новообращённых.

- Гедеон говорил, она исцелит тебя, если ты захочешь, если усмиришь хоть на миг свою пустоту. Невозможное станет возможным.

Вода выливается из упавшей фляжки, лужица разрастается и стекает ему под ноги. Дэви отступает, а она, теперь вспомнив о фляге, падает на колени, нелепо пытается собрать воду обратно.

- Гедеон Вако, как и все старейшие, мечтает о том, чтобы моя вечность завершилась. Вы едва не стали его орудием, моя госпожа!

- Нет же, Воланс! Ты и сам знаешь, что лжёшь. Это волшебная вода! Не отвергай исцеление, прошу тебя! Нужно попробовать ещё раз.

Он опускается рядом, обнимает, радостно изумляясь теплоте её кожи.

- Это не спасёт тебя, моё сокровище. Я не хочу бежать, не хочу, чтобы наш сын был презираем Короной. Завтра Вако объявит меня владыкой перед старейшими. Скоро *carere morte* вернут власть над Кардой. Тогда мы перестанем скрываться. Мы будем править этой землёй. Я буду владыкой ночного мира, ты - королевой дневного.

- Это смешно, - она задумывается и через секунду качает головой. - Так не будет никогда. Прощу тебя, вернись ко мне... к солнцу!

Она ждёт его слов, но Дэви молчит. Там, в незримом мире, перед ним расстилается новый путь, бесконечный как небо. Завтра начнётся война за Карду. Скоро, ведомые новым владыкой, *carere morte* вернут свою цитадель! Или царственный лев напрасно изображён на гербе Первого из бессмертных?

- Воланс?

Жена хочет сказать что-то, но не решается. Она отходит к окну, печально трогает створку из плотно пригнанных досок и, только отвернувшись, шепчет:

- Я не умею любить того, кем ты стал...

Мелисса вслед за свитой ушла в дневное убежище «Тени Стража», и, разобиженная, заказала слугам столь изысканный и роскошный ужин, что они с ног сбились, разыскивая по клетям в подвале достойную бессмертной жизнь. Дэви же спустился в подземелье под замком. «Тень Стража» не удалось выстроить на неприступном Страже, но предка привлекли обширные пещеры под горой. Некоторые ходы, выточенные в древней породе тихой подземной речкой, высокопарно прозванной Стигием, уводили далеко в горы, на край Терратиморэ и еще дальше, в земли северян.

Дэви неспешно прогуливался, вдоль течения. Выше остались залы приемов и трапез, хранилища запасов крови и клетки с живыми пленниками в подвалах. Здесь было только черное зеркало реки. Высокий свод пещеры полукруглой формой напоминал разверстую чудовищную пасть - с белыми наростами извести, торчащими с пола и потолка, как клыки.

В задумчивости владыка вел рукой по стене, пока пальцы не провалились в пустоту -

ответвление главной пещеры. Из узкой дыры тянуло сыростью и гнилой кровью. На том конце короткого тоннеля была небольшая как для узника камера, и ее занимал вампир, управляющий всеми куклами-слугами «Тени Стража», Оскар. Дэви постоянно отдавал указания марионеткам в серых ливреях, но самого хозяина не видел с тех пор, как Оскар поступил ему на службу после Либитины. Увидев, как управление куклами меняет его тело, кукловод в первый же год укрылся от хозяина. Дэви еще смутно помнил тоненького четырнадцатилетнего юношу.. но в каморку Оскара не заходил. Не хотел видеть страшное, заполняющее собой всю камеру, переполненное чужой кровью тело кукловода, одновременно, активно использующего сотни кукол-слуг.

Дэви остановился у входа в тоннель. Никакого света тут не было: дыра крошечной тьмы.

- Оскар! - негромко позвал владыка. В темноте зашевелилось что-то, и не угасший до конца и за двухсотлетие вечности человеческий страх немедленно нарисовал на том конце тоннеля неясное чудовище, ворочающее щупальцами толщиной в тело питона.

- Господин? - хриплый, какой-то замусоренный голос существа, за столетия разучившегося управлять собственными голосовыми связками.

- Пошли кукол за Кларой. Сейчас.

- ...Кларой?

- Клариссой-Пророчицей, - машинально поправился Дэви и, развернувшись на каблуках, пошел обратно. Можно было передать повеление любой кукле в замке, но Дэви не хотел, чтобы кто-либо еще услышал его слабость. Простую человеческую цепкую слабость, с которой жертвы хватаются за твою одежду, когда тянешь из них последние капли жизни... Клара - пророчица лишь на словах, сбывается едва ли половина ее мрачных пророчеств, это Дэви помнил. И все же хотел увидеть ее до того, как примет окончательное решение, отрезающее от всего, что еще раскрашивало какими-то красками его вечность.

Стигий черным языком тянулся к далекому выходу из пещеры. Дэви остановился на берегу, холод от его тени упал на воду, и черное зеркало тут же заволновалось. Это белые большие слепые рыбы приплыли, неведомым чутьем узнав хозяина. Дэви держал их тут два столетия. Холоднокровных не обратить бессмертными, но ему нравилось наблюдать за сменой поколений. Сначала рыбы с зарощенными кожей глазами были редкостью среди них, сейчас не осталось зрячих. За два столетия они все стали слепы, передав свое нежелание видеть солнце потомкам. Интересно, если люди уйдут жить в пещеры, случится с ними то же самое?..

Дэви пошарил в карманах, кинул рыбам немного их же высушенного мяса, те ринулись, как голодные дикари на живую добычу. От их быстрых движений зеркало воды разбилось совсем и показалось, зубы-наросты в пасти пещеры задвигались, то смыкаясь, то размыкаясь. Будто чудовище заговорило что-то, зашептало неразличимо, на границе слышимости... Дэви прислушался, и тут глотку пещеры заполнил дикий рев. Стая марионеток Оскара, радостно воя от возможности размять крылья, пронеслась вдоль течения к выходу реки на поверхность. Вернутся они уже с Кларой.

Рука с очередной пригоршней мясных волокон замерла. Этот безумный, не человеческий - звериный вой, этот яростный сильный рывок, эта разинутая пасть пещеры и мерно колышущийся в ней язык-Стигий, разбудили новые воспоминания. Последние человеческие - и первые по-настоящему вампирские. Окрашенные ярче прочих, но цвет тут был лишь один - кровь.

...У этой ночи цвет и запах крови, как у всех ночей его еще юной вечности. Но сегодня к привычному железу примешивается резкий, неприятный и в то же время необъяснимо притягательный, как животный мускус, запах - родная кровь, а пятна багрянца покрыли гербы в замке Дэви.

Владыка идет берегом Стигия - неспешно... неумолимо. Впереди бегут фигурки - мелкие, слабые, жалкие. Последние остатки большой фамилии Дэви, его бывшая семья - старший брат, отец. Они уже никуда не успеют. У берега покачивается лодка, доверху заполненная снадью и реликвиями рода вперемешку, рядом тела слуг: одно в воде, два на берегу, изрубленные тем же мечом, что владыка держит в руке. Но их кровь на лезвии не смыла следы другой, легкой на клинок ранее, голову кружит от ее терпкого, родного запаха. Недаром *carere morte* избегают пить кровь своих родных, а многие защищают семьи смертных родичей. Ее запах будит мысли о тонкой нити, тянущейся к твоей человеческой жизни, а пить ее - это будто сжигать в Пустоте самого себя.

Но Дэви уже обагрил ею меч. И довершит начатое.

- Воланс, - хрипит, задыхаясь от бега, отец, когда он подходит. Морщины углубились на искаженном, поблевшем лице - совсем старик. Рот разинут как у мертвеца и глаза уже неживые, смирившиеся:

- Воланс, послушай...

Он обрывает фразу, глаза, парализованные ужасом, останавливаются на окровавленном клинке. Он будто чует тот же запах, что *carere morte*.

- Ты... убил их?! - шепчет герцог Альбер, и владыка медленно кивает. Его бессмертные прислужники поймали большую часть сбежавшей фамилии близ истока Стигия. Дэви сам вырезал их, и сейчас с ненавистью бросает в лица последних:

- Да! -

Так же, как ему бросили в лицо весть о смерти сына и исчезновении жены. Большая война с орденом, управление оружием - Великим, полностью поглотили молодого владыку вампиров, отец с братом воспользовались этим и выжгли загрязненную простолюдинкой каплю герцогской крови. Тот его разговор с супругой оказался последним, те её слова о невозможности любви - последними, обращёнными к нему.

А старик опять шепчет что-то, и Дэви мерещится, это мольба о прощении.

- Ты отнял у меня жену и сына, - почти спокойно говорит он и неожиданно для себя срывается на крик. - Ты отнял у меня последний кусочек жизни, превратил в тварь, лишённую смерти! Что ты хочешь теперь от чудовища?! Прощения?! Не будет тебе прощения! Никогда! Не будет продолжения твоему роду! С этим ты умрешь!

Дэви взметывает меч, но тут старший брат выступает вперед. В его руках щелкает охотничий арбалет, серебряный болт летит вампиру в сердце. Но и это сегодня не остановит его ярость. Дэви только пошатывается, а разросшееся проклятие в его теле уже сжигает ядовитое серебро. Он довершает удар, разрубая старику грудь, и все вокруг заливают запах родной крови. Место всех мыслей заполняют пустота и ненависть. Будто, разбив клетку ребер отцу, он выпустил и собственную душу, пленницу проклятия, последнее человеческое. Выпустил... и навсегда потерял.

- Воланс? - на миг пригрезилось, знакомый голос Пророчицы прозвенел в далеком воспоминании, но то была реальность. Клара незаметно подошла, пока он грезил на берегу Стигия, встала рядом. Обтянутым шелком плечом она лишь чуть коснулась его плеча, а его точно молния прошила насквозь и пригвоздила к месту.

- Ты позвал меня, Воланс.

- Да, Клара.

- Кларисса, господин. Вы, наверное, хотите услышать пророчество о Голосе Бездны? - ее тонкий, чуть дребезжащий голос пронесся по подземелью, вызвав непрошенную ассоциацию с тонким искусно сделанным, но треснувшим стеклянным бокалом, к тому же висящим на туго натянутой струне. Дэви мягко улыбнулся:

- Нет.

- И вы не спросите о золотой крови? Мое пророчество сбылось: Избранный уже начал губить землю страха.

- Я просто хотел увидеть тебя, Клара. Напоследок.

- Кларисса...

- Клара, - их отражения текли в холодной воде подземной реки, оставаясь на месте. Они были так близко - и на разных концах Вселенной. - Жена моя, почему я должен называть тебя чужим именем?

Клара отвернулась, привычно опустила черную прядь шторкой, закрывая лицо.

- Наша любовь не прошла испытания вечностью, господин. Забудьте Клару Лимен, - надтреснутость сильнее стала слышна в ее голосе: стеклянный бокал грозил разлететься. Струна-нить, задрожала и оборвалась. Дэви поймал себя на том, что ждет звона осколков.

- Сказка о герцогине, вызволявшей мужа из плена владыки вампиров... наша сказка - самая лживая из всех сказок Карды, - добавила Клара и замолчала. Молчал и он. Но *carere morte* не уходила, все также стояла рядом, чуть касаясь плечом его плеча. Заметно было, ее задело упоминание собственной давно похороненной роли - жены младшего из герцогов Дэви. Ее сердце едва слышно, глухо колотилось - призрак настоящего биения.

...Тогда, двести лет назад, они встретились вновь только после большой войны с охотниками. Победенный орден ушел в Дону, но в Карде юному владыке не удалось создать открытого общества господ-бессмертных и стад смертных, как грезил Алигер. Великий недолго был с вампирами: безумный, он вышел на солнце и сгорел, вечность двух бессмертных сознаний в одном теле показалась обоим ужаснее Пустоты. Ни страх перед Великим, ни охотники более не контролировали бессмертную молодежь, и скоро город заполонили стаи вампиров-дикарей. Вампирам владыки пришлось вновь уйти в легенды, стать сказкой, а не былью Карды... и постепенно Дэви понял, что такое положение дел ему даже нравится больше.

Воспоминания о человеческом прошлом тревожили все реже. Вначале подобные ярому пламени большого костра, они истаяли до слабого огонька свечи, не жгущего, лишь покусывающего пальцы. Там ярче и больнее вспыхнул этот огонь при первой встрече с той, что поклялась ему в любви, а потом отреклась от нее.

Клара, как и он обрела бессмертие *carere morte*, и теперь уже не могла назвать его чудовищем. Почему она выбрала этот путь, Дэви так и не узнал. Она представляла, что играет с миром на манер Либитины, но на деле обманывала лишь саму себя, называясь Клариссой и вещая всем об открывшемся пророческом даре. Владыка хотел уже прогнать ее, но прежде спросил о сыне. И тогда в глазах Клары полыхнула такая боль, что он не смог отвернуться, отвергнуть ее. Не прогнал тогда и не гнал сейчас, даже делал вид, что верит ее пророчествам.

Но сам верил больше всего ее боли.

- Вы сказали, что хотели увидеть меня напоследок, господин, - вымолвила скоро Клара,

не выдержав молчания. - Что это значит, вы оставляете Карду?

- Я оставляю этот облик, Клара, - усмехнулся он, рукой поведя вдоль тела.

- Инициация Избранного... Зачем это тебе, Воланс?

Стигий лизал края его мантии. Дэви подобрал ее, и от движения вода у берега чуть колыхнулась, исказив их отражения, как искажают образы *saere morte* треснувшие зеркала.

- Таков путь истинных вампирских владык, - подумав, сказал он. - Превращение в настоящее бестелесное существо, духа крови...

- А если Избранный при встрече исцелит тебя?

Он даже передернулся, на миг представив это:

- Вампиров-дикарей - может быть. Но старейших, двухсотлетних, не исцелить, слишком далеко мы ушли от людей. А ты веришь в исцеление для себя?

Клара долго не отвечала, вновь замкнувшись. Наконец, когда владыка, устав ждать, отвернулся от их отражений, тихо выдохнула:

- Я помню нашего ребенка, Воланс. Я до сих пор иногда чувствую тепло в груди, там, где он засыпал котенком... Пока я помню это, я жива, а значит, меня можно исцелить, - она ломко улыбнулась, когда Дэви удивленно повернулся к ней. - А тебя вовсе ничего не держит в этом облике?

«Нет», - хотел заверить он, но ничего не сказал. Дэви не успел запомнить сына, но его руки, пальцы хорошо помнили другое: тяжесть меча и ожоги от бьющей из разрубленных артерий крови с пряным и сильным родным запахом... Почему с таким упорством он не желает оказываться от этой страшной памяти?

...Покончив с братом, Дэви вновь разворачивается к отцу. Старый герцог еще жив, видно, как трепещет сердце в расколотой ударом *saere morte* груди. А губы снова шепчут что-то. Дэви склоняется к нему: что это? Мольба?..

...Проклятие!

«Будто проклят ты... и кровь твоя... и пусть ты увидишь гибель последнего из своих детей... и пустую вечность впереди...»

- Ты уже убил мое дитя, старик! - кричит Дэви, но герцог Альбер не отвечает. Он мертв.

В старых сказках написано: Макта, Первый вампир, расправлялся с врагами, выдирая им сердца. А потом он выжимал кровь из них в свой бокал. И владыка одним движением вырывает из груди отца еще теплое сердце, хватая из лодки кубок с гербом Дэви... Только эта кровь не приносит насыщения. Она сжигает изнутри, наверное, как та, золотая, сжигала Алитера, потому скоро Дэви с криком боли отбрасывает кубок.

- Дар Избранного нарушает Равновесие. А нарушение Равновесия, в конце концов, может привести к гибели всех моих детей, - медленно сказал Дэви Кларе. Пророчица как-то испуганно дернулась:

- Каких детей?

- *Saere morte*. Я их владыка, они мои дети. И я буду защищать их, пусть ценой своей вечности, - тихо, но четко сказал он.

Клара усмехнулась, и эта усмешка была как кривой кинжал, легко взрезающий брюхо его нелепой лжи:

- Если тебе так легко оставить телесный облик, что же ты медлишь, Воланс?

- Я жду знака Бездны.

- Бездна не говорит ни «Да», ни «Нет», - Клара развернулась к нему, близко-близко Дэви увидел ее ожившие беспокойные глаза. - Может быть, Ее вовсе не существует, Воланс?

Есть только мы... и наши чувства, идеи, эмоции, которыми мы стремимся заполнить пустоту вечности. Мы возводим их на пьедестал, надеваем короны, поклоняемся им. Один зовет Бездной Одиночество, другой - Гордыню, третий Печаль... Мы... мы просто болеем ими! Только от этих болезней нет лекарств, кроме серебра и солнца.

Чьи-то шаги наполнили отраженным гулом пещеру. Дэви обернулся. К нему спешил мажордом в серой ливрее с золотой окантовкой.

- Господин, к нам едет необычная гостья, - с легким поклоном доложил он, подойдя.

- Кто?

- Девчонка, охотница. Она говорит, у нее к вам дело, касающееся Избранного.

Дэви развернулся опять к Кларе. Сейчас он бессилён был согнать с губ победную усмешку:

- Вот и знак Бездны!

Да, он! Пусть не сам Избранный придет к нему, но тот, что принимает участие в судьбе Избранного, друг... или личный враг. Бездна сталкивает их в решающем поединке, и он готов. Дэви окончательно сотрет из вечности Алитера, сам станет всемогущим непобедимым духом. Такому ему не страшен будет ни Макта, Первый вампир, ни нарушение Равновесия. Он сам будет новым Равновесием!

Клара ничего не ответила, она уже забыла свою странную, болезненно тревожащую догадку о Бездне. Лицо опять помертвело, глаза заволкли туманом.

...и известная картиночка... просто для поднятия настроения.

почему-то над владыкой Дэви меня всегда тянет поиздеваться)))

Глава 10 Голос Бездны

Экипаж был необычный, с деревянными ставнями в окнах, и доски были пригнаны так плотно, что не пропускали ни малейшего лучика солнца. Внутри тесно, как в гробу - вампирское средство перемещения! Лира затворила дверцу, предупредив движение возницы, и оказалась в крошечной тьме. Через мгновение экипаж тронулся. Благодаря мягкому сидению и хорошим рессорам, неровности дороги почти не ощущались, казалось, она плывет по спокойной равнинной реке. Как во сне...

Лира закрыла глаза, надеясь отрешиться от странной реальности, в которой ее везут в замок владыки вампиров, да не как пленницу - как дорогую гостью! Но выбор был сделан. Многое случилось за эти три года, было много потрясших и изменивших ее открытий. Немудрено было запутаться... но все же сейчас она была уверена, что поступает правильно. Отдать Избранного и его Дар владыке вампиров будет наилучшим решением.

Она хотела бы уснуть на пару часов, пока дорога вьется по предгорью до «Тени Стража», но память, как густо смазанный маслом, только что заведенный механизм часов споро и упрямо отщелкивала прошедшие месяцы. Все события, толкнувшие последнюю Диос на путь отступницы, приведшие ее в темный вампирский экипаж-гроб. Снова и снова. Один и тот же, без надежды вырваться из него, круг.

...- Повтори еще раз про ритуал, - задыхаясь, предложил Винсент, когда они присели на скамью в арсенале после короткого боя на мечах. Лира прислонилась спиной к стене. Дышала она ровно: многолетние тренировки с родителями научили в битве долго не сбивать дыхание. А Линтер, даром что Избранный, растерял свое в первую же минуту схватки. Не открывая глаз, она обронила:

- Твоя тетка, может быть, научила тебя некоторым приемчикам, но в бою против настоящего *carere morte* ты не выдержишься и двух минут.

- Тетушка говорила, с помощью «некоторых приемчиков» можно закончить битву с *carere morte*-дикарем за секунды, - не остался в долгу он. - Конечно, старшие вампиры на них не купятся... но разве сражаются охотники со свитой Дэви? И когда ты последний раз видела дуэль вампира и охотника на мечах? Это не мое обучение недостаточно, твое обучение чрезмерно.

Лира вздохнула, признавая некоторую справедливость последнего замечания... по крайней мере, его вторую половину. А Винсент, хоть и не отдышался, опять вскочил. Серебряное лезвие его меча разрезало воздух - Лира по звуку угадала «восьмерку».

- Так что насчет ритуала? - повторил он. Пришлось открыть глаза: с закрытыми Лира плохо справлялась с выражением лица. А сейчас нельзя показать, что тема ритуалов охотников ее неприятно задевает.

- Описание ритуала есть во всех сказках о *carere morte*, да и тетюшка тебе его наверняка живописала. Зачем ты спрашиваешь? - стараясь сохранять холодность, спросила она.

- Ну... интересно, - безыскусно признался Винсент. - В ритуале обычно участвует вся группа, верно? Один вгоняет в сердце *carere morte* серебряный кинжал - вампира это парализует. Другой брызгает в лицо вампира водой источника, а третий читает специальную ритуальную формулу, так? И вампир рассыпается пеплом.

- Так. И что тут непонятного? - резковато спросила Лира. Слишком много картин убиваемых ритуалом *carere morte* встали в памяти.

- Но по отдельности ни серебро в сердце, ни вода источника, ни ритуальная формула не приведут *carere morte* к смерти, насколько я знаю. Что же тогда их убивает в ритуале?

Лира вздохнула.

- Частица Бездны, - скупно сказала она. - Охотники владеют некоторой частью силы Бездны, противоположной силе *carere morte*. Она действует, когда все средства используются вместе...

- Понятно, - он обезоруживающе улыбнулся. - Последний вопрос: почему ты все время говоришь об ордене «охотники» и никогда: «мы»?

Лицо застыло от негодования, но Лира сдержалась, шутливо указала мечом на его горло.

- Кажется, я знаю, как заставить тебя замолчать на целых две минуты, пока у тебя опять не кончится дыхание. Дуэль?

- Не сердись, я знал *carere morte* которая точно так же никогда не говорила «мы» о вампирах, - примирительно сказал Винсент, но Лира все равно поднялась, подоткнула опять юбку. Последовал еще короткий, но яростный поединок на деревянных мечах, и теперь раскраснелся не только он, но и она. Победила Лира, приставив к шее Избранного меч.

- Отрубив вампиру голову, его также хорошо можно вывести из битвы: новая не вырастет, - прокомментировала это она. - Правда, возникает проблема: как спрятать тело от горожан, не ведающих, что творится на улицах Доны ночью.

- Эту проблему легко исправить, - сообщил, тяжело отдыхиваясь, Винсент и осторожно отвел ладонью меч, упершийся ему в ямку между ключицами. - Нужно просто рассказать горожанам о вампирах. И, возможно, очень скоро мы это сделаем. Как только разгадаем тайны главы ордена, а случится это сегодня, - он выудил из кармана ключ со сложной фигурной бородкой.

- Закрытая часть архива?! Как ты... - охнула Лира, но тут в арсенал зашла группа охотников, и она поспешно оборвала фразу. Винсент опять спрятал ключ.

- Боишься? - шепнул он, глаза Избранного блестели легкомысленным весельем, что сейчас показалось бы сумасшествием. Но добавил он уже иначе, серьезно и чуть замороженно:

- Не бойся. В ордене говорят по-другому, но моя тетушка рассказывала, в ритуале *carere morte* убивает именно страх.

Он, насвистывая, двинулся к переходу из арсенала в библиотеку Академии в дальнем конце зала. Чертыхнувшись дважды, Лира двинулась следом.

Шла путанная, пятая для нее и третья для Винсента зима в ордене. Об Избранном по-прежнему ходили странные противоречивые слухи. В орден его принимать не торопились, и большинство охотников сторонилось, шепча «Проклятый!» В последнее время он даже в Академии бывал редко. Боялся, что герцог Крас выполнит давнюю угрозу и заберет его от родственников, посадит под замок под видом «усыновления орденом». Винсент приходил только затем, чтобы в очередной раз разругаться с главой ордена и повидать Лиру. А Лира... она незаметно для себя сдружилась с Избранным. Пусть их характеры были ужасно разными, но судьбы завораживающе сходились, что подметила еще Адора. Как Винсент ощущал себя будто за стеной тюрьмы, так и Лира. Только стены его тюрьмы были реальными запретами покровителя ордена, Краса, а ее - невидимыми, но столь же крепкими стенами клятвы родителей, отдавших единственного ребенка служению охотников еще до рождения.

История с *carere morte*, смутно напоминающей мать, постепенно забывалась. Лира уже

почти не сомневалась, что ей это приснилось... или привиделось, ведь во вторую встречу она бодрствовала... вроде бы. Тут тоже было сомнение. Станным в Призрачном парке была не только призрачная фигура матери, окутанная крылатой тенью, но и неведомая сила, поднявшаяся в Лире в миг встречи. Непонятная, но мощная, сплетенная крепкими нитями с чем-то столь же невидимым, неведомым, мощным, разлитым в мире.

«...С Бездной?» -

Едва почувствовав, Лира тут же запуталась в переплетениях этих нитей, задержалась... и точно так же дергаться-дрожать стала окружающая реальность, колеблющиеся нити пробуждали то неведомое, сильное, огромное, не воспринимаемое органами чувств других людей. Невозможное ощущение, слишком странное для настоящего, поэтому, наверное, такой же сон, как *matrè-carere morte*... Ясно во всем этом безумии Лира помнила только слова мамы:

«Я не могу уйти, не рассказав тебе про орден и его покровителей. Прежде, чем начнешь истинное Служение, проберись в закрытую часть архива. История Кармель...»

Мама говорила еще, но слова исказил зарябивший вокруг Лире воздух. Наверное, так она просыпалась от безумного сна... Вот и идея пробраться в закрытую часть архива, несомненно, пришла из собственных мыслей о тайнах ордена. Сон был всего лишь проекцией разговоров, что они порой вели с Винсентом, - убеждала себя Лира, но с каждым днем все сильнее хотела уступить безумию собственного воображения и проникнуть в закрытый архив.

Доступ в архив имели покровители, глава ордена и главы пяти районов. И ее отец, как глава Центра... Но дочери он никогда не рассказывал о том, что там узнал. Интересно, рассказывал ли жене? Что там такое, в этом архиве, что нельзя знать ни рядовым охотникам, ни даже родным, тянущим груз той же клятвы?

Лира догнала Винсента в конце лестницы в библиотеку. Оступившись на последней ступеньке, схватилась за его руку в поиске поддержки, и он ответил легким пожатием. Пальцы юноши были ледяными от волнения.

- Где ты стащил ключ?

- У Латэ.

- Как? ...Ты уверен, что это тот самый ключ?!

- О, это была сложная комбинация, - они вышли в читальный зал, где по вечернему времени еще осталось несколько дремлющих над учебниками студентов. Винсент продолжил рассказ, ничуть не смущаясь их. - Пришлось огорошить его важным сообщением о Даре. Пока он в волнении бродил по кабинету, оставив связку ключей на столе, я снял с нее единственный неопознанный ключ. А тут звонок на лекцию...

Лира кивнула. Латэ, кроме того, что был главой ордена, также оставался преподавателем Академии.

- Думаешь, после лекции он ключа не хватится? Или успеем вернуть? ...А если Крас после такого выполнит свою угрозу?!

- После того, что мы узнаем, нас должны либо убить, либо сделать главами районов, включив в единую цепь подконтрольных покровителям, - Винсент подмигнул, приоткрывая дверь в архив. - А Крас... ха! Мне через месяц восемнадцать, какое усыновление? Если же он захочет запереть меня силой, я просто сбегу. Можем сбежать вместе, если хочешь.

Лиру так ошеломила это предложение, что о нарушенном запрете: на глазах у простых людей не отворять дверь в архив ордена, она вспомнила лишь за дверью.

Шкафы с книгами стояли стражами со всех сторон - стражами недоброжелательными, суровыми, готовыми в любой миг зажать преступников. Винсент прошел за них, к неприметной двери в закрытый архив. Ключ подошел. Два поворота, и отворилась еще одна дверь в совсем маленькую, темную каморку. Лира зажгла лампаду и передала ее Винсенту, и тут чуть приотворенную первую дверь захлопнуло сквозняком. Оба резко обернулись на звук. «Похоже на то, будто мы попали в коробку фокусника, - невпопад подумала Лира. - Большая коробка - это читальный зал Академии, за ней коробка поменьше - архив ордена, а внутри той - самая маленькая, хранящая страшные тайны и кошмарных чудовищ под замочком, запертым крохотным серебряным ключиком...»

Винсент поставил лампаду на стол. Бледный огонек фитиля осветил сгрудившиеся вокруг шкафы со старинными фолиантами. Многие книги казались ветхими настолько, что их было боязно тронуть: вдруг рассыплются в пыль, как *carere morte* в ритуале? На столе рулоном лежала какая-то карта. Винсент развернул ее. Это оказалось родословное древо, раскинувшее ветви не менее чем на четыре столетия.

- Лазар Арденс, - прищурившись, прошептал Винсент имя основателя рода. - Первый Король Терратиморэ! Интересно...

Он повел пальцем, прослеживая рост ветвей в настоящее.

- Тут и нынешняя династия есть! - скоро шепнул он. - А еще, Вальде, Керте, Красы конечно... Ого! Род Рете! Значит, Адора тоже. Интересно... Вдруг, тут и Вако есть? Или Диос...

- По-моему, ты отвлекся, - дрогнувшим голосом сказала Лира. Увидеть ветвь «Диос» в родословном древе Арденсов очень не хотелось. Это было бы похоже на еще один ярлык, клятву. Хватит ярлыка охотницы!

- Да, пожалуй, - легко согласился Винсент и повернулся к шкафу. - Знать бы, где искать, - скоро пробормотал он, с безнадежностью оглядев гору древних фолиантов.

- А что ты ищешь?

- Что-то о временах правления Короля Константина и истинного тогдашнего владыки Карды, Алитера.

- Почему именно это?

Он туманно взглянул на нее:

- Оттуда начинается документированная история Дара.

- Поищи еще историю Кармель, - после секундной задумчивости попросила Лира.

«Иду по пути безумного сна. А, пусть! Вдруг сон был действительно пророческим?»

История Кармель нашлась в рукописных «Хрониках Нарро» не в шкафу - на столе, будто нарочно заложенная закладкой. Лира тут же углубилась в чтение.

«Лазар Арденс при поддержке Королевы Юга Режины взошел на трон Терратиморэ и настали сто спокойных лет. Призрак... дальше шло неразборчиво то ли имя, то ли какое-то обозначение на древнем языке: «Витали Фонс»... - не тревожил Короля. Узнать на себе гнев приведенного в мир предком порождения Бездны пришлось Кармель, внучке Лазара.

«Витали Фонс» - опять это странное имя! - явился в землю страха спустя сто лет после Лазара. Он убил Короля, правнука Лазара, вырвав ему сердце и выпив из него кровь. А затем нарек себя спасителем Терратиморэ. Но народ все равно звал его не Спасителем, но Убийцей, Мактой, ибо его ненависть к потомкам Лазара была неутолима...»

- Макта, Первый вампир! - вслух прошептала Лира. Винсент поднял голову от кипы рукописей:

- Что?

Ли́ра замахала руками: не отвлекай пока! Она читала дальше.

«Он убивал, вырывая сердца, всех, в ком была хоть капля крови Лазара, как ни молили Арденсы о пощаде. И Кармель первой поняла, темному порождению Бездны неведомы сострадание и милосердие.

Тогда она призвала к себе Лоренса Гесси, породнившегося с Арденсами через жену. И сказала:

- Мствь Макты не успокоится, Лоренс. Он не уйдет, пока не перебьет всех потомков Лазара.

- Но в чем вина Лазара перед ним? - спросил Гесси.

- В ритуале алхимика Атера мой предок отнял у Виталия Фонса жизнь, чтобы за счет ее продлить свою. Но Атер-хитрец отнял у Виталия Фонса также и смерть, отдав его тело Бездне. Вскормленная ненавистью жертвы, Бездна разрослась и породила Макту - бессмертного и лишеного жизни убийцу Арденсов.

Они долго молчали после этого: Гесси нужно было принять ношу всех Арденсов. А потом Лоренс сказал:

- Я скажу, что вы виновны, Кармель, потому что скрывали это. Но истинно виновен перед Мактой Лазар Арденс, только он умер, не успев ответить. Лежит ли ответственность за деяние предка на моих детях? Или на ваших? Или на всей сотне потомков Лазара? - Нет! Я стану защищать их от несправедливого гнева Макты как любого человека, клянусь.

- Я знаю, как можно защитить наших детей от гнева Макты, - уверившись в правдивости его слов, промолвила Кармель. - Наша кровь несет метку родства с Лазаром, - так мне сказал последователь Атера, Ари. По этой метке нас сейчас находит Макта. Но если мы отречемся от Лазара и его деяний, метка исчезнет.

И когда Макта вступил в город Арденсов - Карду, когда он постучал в ворота их дворца, все потомки Лазара собрались в покоях Кармель и произнесли клятву отречения от предка. Кармель выпила ядовитое зелье алхимика Ари, оно растворило метку и в ее крови, и в крови Арденсов. Макта утратил нить к потомкам своего создателя... и тогда его ненависть обратилась на весь людской род. Он создал крылатых тварей - *carere morte*, и отправил их собирать людские жизни, пока истинные виновники Арденсы не покаются и не отдадут Макте то, что их предок обманом отнял у него. Мучимый чувством вины, Лоренс Гесси создал орден охотников для борьбы с *carere morte*...»

Дочитав, Ли́ра долго еще сидела над рукописью, не поднимая головы. Если покажет, жестом ли, взглядом, что закончила, Винсент захочет узнать какую тайну она прочитала. А Ли́ра совсем не готова была обсуждать историю Кармель. Даже с Избранным.

... Не просто обсуждать, она не знала, как к прочитанному относиться. Получается, Первый вампир был искусственным созданием, жертвой алхимического опыта, а не человеком с настолько черной душой, что в его сердце нашла путь великая злая сила Бездны, как учили в ордене! И виновен в создании Первого вампира Первый Король Терратиморэ, прославляемый вот уже четыре века. Лазар Арденс.

Гесси, Рете, Крас - получается, все они связаны родством с Основателем... и общей виной. Вот она, главная тайна, что так тщательно скрывают от рядовых адептов ордена: охотники служат тем, кто создал вампиров! Но в то же время Ли́ра понимала и Арденсов. Дети не ответственны за грехи родителей... как не ответственны они за их клятвы.

Она вскинула голову - гордо, резко, уже не заботясь, что Винсент заметит, но, когда

увидела его, первая фраза замерла на губах. Избранный тоже отыскивал нужную книжку, и так поразила его, что он не видел ничего вокруг. Он замер, склонившись, будто его, как *carere morte*, пронзили кинжалом в сердце. Взгляд застыл на одной иллюстрации: старинная дворцовая зала с закопченным от свечей потолком и длинным балконом, тянущимся по периметру второго этажа. За балюстрадой угадывались какие-то фигуры, слишком неподвижные для гостей бала, застывшие в красивых, но неестественных позах. Статуи.

- Что с тобой? - участливо спросила Лира, когда молчание и неподвижность друга начали пугать. Винсент услышал не сразу. Он сглотнул, резко поднял на нее глаза и тут же снова спрятал, так же, как Лира боясь поведать правду.

- Я... нашел рисунок, - медленно заговорил он. - Здесь указано, что это бальная зала владыки Алитера.

- Да? Не знала, - Лира обошла стол, чтобы рассмотреть книгу. - И почему ты так... побледнел?

Она выбрала самое легкое определение, хотя Винсент казался скорее мертвым.

- Я уже видел это место. И рисовал его, - он опять сглотнул. - Расширенные в ужасе глаза снова зафиксировались на иллюстрации как приклеенные. - Оно мне с ночи Большой Охоты снится... Что-то из старинного времени. Эта зала... Музыка и узоры пар на паркете, будто я смотрю на них с балкона. И еще, другое. Какой-то жуткий подвал с пыточными инструментами... Вампирские охоты, трапезы... И лица. Например, это, - он ткнул соседнюю иллюстрацию, и Лира с холодным трепетом узрела портрет молодого Дэви, что зацепил ее сердце еще три года назад.

- Может, это потому, что ты, неподготовленный, увидел Большую Охоту владыки? - осторожно предположила она. - Многие охотники после первого рейда годами потом мучаются от кошмарных снов.

Винсент решительно помотал головой:

- Это не совсем сон. После этих видений я часто обнаруживаю, что гулял во сне. И не отдыхаю ничуть. Эти сны будто часть меня... часть настоящего. Понимаешь?

- Понимаю, - Лира похолодела, сообразив, к чему он ведет. Проклятие Алитера! Кровь Алитера, соединившись с Даром, не просто загрязнила его, она еще дала Избранному воспоминания ушедшего вампирского владыки. А, может, и не только память? И эмоции тоже? И.. - о, как это страшно! - ...мысли?

- Да, это проклятие Алитера, - задумчиво и заворуженно протянул Винсент. - Знаешь, Диос, я понимаю и принимаю его в себе все больше... Это не просто память, а полноценная часть меня, способная управлять моим телом, мыслями... всем.

- По-моему, ты даешь этому «проклятию» слишком много воли! - воспротивилась Лира. Хватит с нее страшных сказок! - В доказательство того, она громко захлопнула треклятые «Хроники».

- Теперь я тоже боюсь, как Крас, - Винсент нервно усмехнулся. - Однажды это проклятие возобладает... и я просто не проснусь, проснется только он, в чьей памяти охоты и пыточный подвал. И тогда я стану *carere morte*.

Лира покачала головой:

- Нельзя стать вампиром без обмена кровью с вампиром. Но, кстати, в твоем случае, может быть, *carere morte* - это и не худший путь.

У Винсента даже голос изменился:

- Стать вампиром - не худший путь? Ты шутишь, дочь охотников?

- «Проклятый» - это просто ярлык, который тебе сейчас стремятся приклеить. Потому что боятся, потому что не понимают. Но это только твой выбор, соответствовать чужим ярлыкам или нет, играть ли навязанные другими роли. Став *carere morte*, может, ты как раз и научишься справляться с темной частью себя? Вон, твоя тетюшка разве была плохой? *Carere morte*, а ты вспоминаешь ее только добром.

Винсент нахмурился, а потом просветлел и улыбнулся.

- Звучит куда веселее и логичнее, чем слова Латэ и Краса, - согласился он. - Они, кажется, совсем не знают, что со мной делать... Мне повезло с таким другом, как ты.

- Просто я на своей шкуре очень хорошо узнала, каково это: носить чужой приклеенный ярлык, - проворчала Лира. Взгляд все не отрывался от портрета Дэви. Интересно, какой он, владыка вампиров? Быть может, орден лжет о нем, так же как о Лазаре Арденсе?

- А ты нашла историю Кармель? - вдруг спросил Винсент. Лира вздрогнула: это вернуло в новую, непонятную реальность, в которой покровители ордена были создателями вампиров.

- Нашла, - глухо сказала Лира.

- Эта рукопись на столе, да? - Винсент подошел, перелистал «Хроники Нарро» и остановился на той же предательской странице с историей Кармель. Лира механически следила за ним.

Крас - Арденс. И Гесси тоже. И Адора Рете. Они все служат создателям вампиров, ее отец знал это, и ничего не говорил? ...Зная все, продолжал твердить, что дочь обязана продолжить дело всех Диосов?!

Опять, как в Призрачном парке, она ощущала что-то вокруг. Нечто, напоминающее переплетение нитей, и за сетью таилось что-то еще. Огромное, неопознанное. То, что в прошлый раз в ответ на ее отчаяние поколебало нити. Оно рвалось в мир и сейчас. Как голодный вампир, оно ловило ее злость, непонимание, обиду.

Пальцы словно удлинились там, в невидимом мире. Раздвинули нити плетения, и, длинные, тонкие, зашарили в реальности. Выросли еще, хлестнули плетью по полу, промяв паркет как теплый воск, по столу...

Винсент испуганно вскрикнул и выпустил «Хроники». А пальцы-плети уже нашли источник злости и обиды Лире - рукопись. Обвили ее, разорвали на кусочки. Лира встряхнула кистями рук, прогоняя ощущение опутавших их нитей, и сила ушла также быстро и внезапно, как появилась. И темные эмоции с нею.

- Лира Диос! - раздался оклик. Не Винсент. В дверях архива стоял глава ордена, Латэ.

Главу ордена, Филиппа Латэ, Лира видела редко и ещё реже бывала в его кабинете на третьем этаже, хотя он находился в Академии почти беспрерывно. Многие охотники задавались вопросом, есть ли у него вообще собственная квартира... В редкие визиты к главе Лира чувствовала себя неуютно. Собственно, сколько их было? Один раз, когда ей сообщили, что исчезновение родителей пора переименовать в их смерть, еще один - когда обсуждали ее вступление в орден. На третий раз Латэ вызвал ее к себе после посвящения, когда на охотах руководитель юной Диос, Бовенс, заметил, что она всячески избегает убийств *carere morte*. И последний - сейчас.

... Когда она вслед за Избранным-Проклятым пробралась в тайный закрытый архив ордена и уничтожила ценную рукопись совершенно невообразимым способом.

Кабинет, как и его хозяин, не вызывали ассоциаций с серьезной организацией убийц бессмертных. Обычная четырехугольная комнатка с одним окном, заставленная шкафами с

трудами по истории и папками учебных планов. На стене висело расписание занятий студентов. Расписание страж охотников, знала Лира, повешено дальше, в закутке для отдыха. Но проход туда был перегороден массивным столом, за которым и восседал глава охотников.

Латэ, возвратившись с ней из архива, пока молчал и не глядел на гостью, вертел в чуть дрожащих, по-старчески узловатых пальцах карандаш. Щуплая низкорослая фигура в темном костюме хорошего покроя, но странным образом лишь подчеркивающим его незначительность. Поредевшие, наполовину седые волосы были зачесаны набок, создавая самый тривиальный образ.

Лира помнила, на пост главы охотников прочили ее отца. Но он пропал, а скоро выяснилось, погиб. Латэ внезапно даже для себя получил высший в ордене пост, и, кажется, все не мог на нем удобно устроиться. Лира вздохнула, зачем-то опять вспомнив Дэви. Если бы охотниками руководил кто-то подобный владыке вампиров, уверенный, сильный, благородный, она смогла бы честно поговорить с ним и обо всем, что узнала о Кармель, и обо всем странном, что с ней в последнее время творится... Но не с Латэ.

- Лира, зачем ты влезла в архив вслед за Винсентом? - строго спросил Латэ, наконец подняв на нее глаза - светлые стекляшки за прозрачными стеклышками очков. Голос у главы ордена был единственным не под стать суетливой тощей фигуре: звучный, спокойный голос старого преподавателя, которому до сих пор приходится читать много лекций.

- Я... - Лира сбилась на миг. - Я давно считаю, что орден скрывает от рядовых охотников слишком много.

- Поэтому разорвала в клочья ценную старинную рукопись: чтобы больше никто не узнал и тебе нечем было бы подтвердить свои слова?

Лира вздохнула, опустила глаза. Сама бы она, конечно, не стала рвать рукопись, такой вандализм ей вовсе отвратителен. Дело в ее непонятной силе... Но - рассказать о ней Латэ? Он, несомненно, знает больше, вот только не используют ли это против нее, как используют против Винсента его же силу?

- Ты помнишь правило: в закрытую часть архива имеют доступ только поддерживающие Покров?

- Да, но...

- Разумеется, ты особенная, нерядовая охотница. Как Диос, я рассказал бы все, что тебе следует знать из закрытой части архива... с течением времени.

- Только «все, что следует знать»? - вырвалось у нее. Сейчас Лире было плевать и на возраст собеседника, и на статус, и на простую вежливость. - Все одно: тайны!

- Разумеется, - сухо сказал Латэ. - Охотники знают только то, что им полезно для эффективной работы. Потому что мы, прежде всего, «щит человечества пред созданиями ночи». Все, что способствует быстрому истреблению вампиров, в ордене известно всем, а игры в сыщиков следует оставить в детстве.

- А я считаю, что правда помогла бы нам понять вампиров и действовать более разумно...

- Лира Диос! - глава ордена возвысил голос. - Ты нарушила запрет. Наказание будет строгим.

Лира повела плечами. После того, что узнала в архиве, правила и наказания ордена не имели власти над ее волей.

- Что ты прочитала в архиве? - видя, что правилами и запретами не достучаться, Латэ

вдруг смягчился.

- «Хроники Нарро», - Лира ахнула, сообразив. - Они словно нарочно лежали на столе, и история Кармель была заложена закладкой! Вы, как и мама хотели, чтобы это прочитали? Вы нарочно позволили Винсенту забрать ключ?!

- Стой, стой, - Латэ, посмеиваясь, поднял ладони. - Что значит, «как мама»? Марта что-то успела перед смертью рассказать тебе? Я предполагал, что Винсент наведается в архив, но не знал, что он потащит туда тебя. Ему необходимо было узнать историю Кармель. Тебе вовсе нет, но раз ты прочла ее, что ж... Хочешь это обсудить?

Она мотнула головой: «Не с вами». Латэ быстро глянул в лицо и опять опустил взгляд. «Боится!» - мелькнуло у головокружительно осмелевшей в последние полчаса Леры. Конечно, не ее, но... может быть, ее отца, призраком в ее чертах?

- Зачем Винсенту знать историю Кармель?

Глава печально вздохнул:

- Винсенту, как и Кармель скоро предстоит решить, быть дальше носителем опасности для людей или избавить мир от нее. Я говорю о Проклятии Алитера. Это не просто фигура речи, Лира, и не выдумки выживших из ума стариков. Проклятие Алитера проснулось в ночь Большой Охоты и смерти его матери, и, к сожалению, Винсент до сих пор не научился ставить преграды на его пути. Тонкая чувствительность, понимание *carere morte* играют с ним дурную шутку. Там, где могло бы защитить отвращение к вампирам, его, наоборот, все ближе подталкивают к пропасти проклятия приязнь к тетке и мечта об исцелении мира от проклятия Макты.

- Но даже если он станет вампиром, разве обязательно он будет противником нам? Разве не могут ордену служить вампиры? Наше противостояние с *carere morte* во многом навязанное извне, наигранное, - тихо, но уверенно сказала Лира. Собственная искренность и пугала, и воодушевляла. То, что она сказала, было ужасно для охотника и кошунственно для Диос, но она впервые чувствовала себя на своем месте: вне ордена и над ним, сильная, как никогда, и вовсе не пустая. В сердце разгорался теплый светлый огонек. Звездочка - надежда.

Латэ, добродушно усмехаясь, откинулся на спинку кресла. Ее слова его совсем не поразили.

- Лира, Лира, - он нарочито вздохнул. - Как быстро ты выросла! А я помню, как малышка показывала мне свои рисунки...

- Это было так давно! - голос-предатель дрогнул.

- Для меня только вчера, - старик улыбнулся, но глаза глядели все так же льдисто, прозрачно, едва отличимые от стеклышек очков. - А через пять лет после тех рисунков я принимал тебя в орден! Твоё посвящение было первым и для меня, всего месяц со дня вступления в новую должность - впервые я поручался за охотника, как глава ордена... Я не порицаю, но я и за тебя беспокоюсь, как за Винсента. Я хорошо знаю ваш возраст. Помни, ты не всемогуща. Даже когда бесстрашно вскрываешь тайный архив ордена, даже когда говоришь немыслимые для охотника вещи, ты всё ещё слабее многих *carere morte*. Ты можешь остановить вампира взглядом, но не заметишь, как Бездна, мать *carere morte*, проникнет в твою душу. И я вижу, тебя тревожит что-то. Во все иное, чем история Кармель и Проклятый... Что?

Мгновение Лира колебалась, не рассказать ли про свою странную силу, уничтожившую рукопись в архиве. Но решила промолчать. Глава вряд ли вообще поймет ее слова.

Сверхсилы и странности, как тот же Избранный, его пугают, это видно. Услышав о ее силе, он не поможет. Ею будут лишь пугать всех, как пугают Проклятым.

- Нет, все в порядке, - машинально ответила она. - Я думаю, почему отец не рассказал мне...

- О связи Арденсов и *carere morte*?

Лира кивнула. Глава ордена опять облокотился на стол, теперь сцепив пальцы - признак волнения и сомнения.

- Каждый охотник сам решает, рассказывать подробности своей работы близким или нет. Многие, оберегая покой семьи, вовсе скрывают существование ордена. Если отец что-то недоговаривал тебе, поверь, для твоего же блага.

- Ложь не может быть благом.

- Он не лгал, - впервые за время беседы в ледяных светлых глазах Латэ блеснули живые искорки. - Он, как все родители во все эпохи, рассказывал тебе сказки про охотников, чтобы ты подольше сохраняла веру в чудеса. С нее начинается надежда, Лира.

Покинув кабинет, Лира в задумчивости медленно пошла по коридору. Остановилась на площадке широкой центральной лестницы. Квадраты трех окон отпечатывались на каменном полу пятнами лунного бледного света. Глядя на них, Лира опять вспомнила ту ночь, когда впервые почувствовала ворочающуюся внутри огромную мрачную тень...

«Что за сила у меня? Вдруг я тоже проклята?»

«Проклята... Бездной».

Какая-то фигура в пальто и круглой шляпе быстро поднималась по лестнице. Лира пригляделась - Карл. Из охотников его разжаловали, но юноше удалось задержаться в ордене, став секретарем у Латэ. Вот и сейчас он тащил в кабинет главы несколько увесистых папок с отчетами.

- Диос, - он тоже ее узнал, кивнул, приветствуя. Шляпу снять не смог - руки заняты. - Спускайся скорее, не то слуги Краса увезут Линтера.

- Как... Почему увезут? - пробормотала она. Нахлынуло запоздалое раскаяние: она даже не спросила главу, каким будет наказание для Винсента, не попыталась его защитить! - Крас не имеет права!

- Ты же знаешь, если человек или вампир начинает считаться представляющим настоящую опасность для ордена, перестают иметь значение его возраст, социальное положение, родственные связи, - надлежало скучным голосом сказал Карл и добавил, теплее. - Беги, Винсент ждет тебя в парке, в беседке.

Деревянная, выкрашенная белой краской беседка в конце центральной аллеи, в лунном свете сияла так же, как покрывший дорожки парка первый снег. Черные скелеты облетевших деревьев царапали острыми крючьями пальцев-ветвей низко нависшее небо. Здесь заканчивалась территория ордена и начиналась обычная, городская, на центральной аллее до сих пор можно было встретить гуляющие пары. Подходя к беседке, Лира поймала себя на мысли, что и они с Винсентом сейчас напоминают назначившую свидание пару. За три года он здорово вытянулся, хотя по повадкам остался все тем же мальчишкой, подросла и она...

Лира хмыкнула. К Избранному она испытывала весьма теплые чувства, но вряд ли те, что называют любовью. «Любовь», «страсть», «безумие» - почему при этих словах опять вспоминается портрет владыки вампиров Дэви?

- Привет, - смущенно поздоровалась она, поднявшись в беседку. Со стороны это, наверное, также можно было бы принять за смущение влюбленной девушки, но было совсем

не тем: Лира стеснялась странных мыслей о Дэви. Винсент обернулся.

- Привет, - немного растерянно сказал он. - Где ты была так долго? Тебя допрашивал Латэ?

Лира усмехнулась, вспомнив разговор с главой.

- Это не было допросом.

- Про то, как именно ты порвала с рукопись, я ему не сказал, - он поглядел с опаской, будто ожидал продолжения странного представления. - Но что это было, Диос?

- Не знаю! - неожиданно резко воспротивилась Лира. - Мне сказали, Крас тебя увозит. Куда?

Винсент отвернулся. Облокотившись о перила беседки, он глядел сквозь кроны спускающихся к реке деревьев на текучее черное зеркало еще не скованной льдом Сермы.

- Я останусь в Доне, но больше мы не увидимся, - ровно сказал он. - Больше я не увижусь ни с кем из ордена... Мое проклятие становится опасным. Я рассказал Латэ о совпадении моих видений с прошлым, с памятью Алитера, и он признал это, как и герцог. В ближайший месяц мое проклятие должно быть уничтожено.

- Так это же хорошо!

Винсент улыбнулся, но эта улыбка была больше похожа на оскал:

- Уничтожено вместе со мной, Лира. Крас уже отыскал какого-то древнего алхимика из *carere morte*. Он приготовит зелье, которое мне поможет совершить переход.

- Подожди, ты что, соглашаешься?! На собственную казнь?!

- Лучше называй это жертвоприношением. Так легче. Чтобы яд подействовал, нужна добровольная жертва.

Наступило молчание. Винсент по-прежнему смотрел на Серму, а Лира не отводила взгляд от его тонких рук, пальцев, с какой-то особенной безнадежностью сжимающих перила беседки.

- Насчет моего Проклятия все правда, - глухо, по-прежнему не глядя на нее, признался Винсент. - Я теперь сам это увидел. Эта частица Алитера - частица Бездны вампиров. Я долго не верил, что такое вообще возможно, а сейчас понимаю: просто она так глубоко проросла внутри, что стало полноценной моей частью.

- Может, ее можно убрать без твоей жертвы?

- Как? - он вновь замороженно, страшно улыбнулся. - Ее не вырежешь ножом, как опухоль! С кровью она давным-давно распространилась по всем клеткам тела, ее не вычленишь, не достать. Только растворить другим ядом, который убьет и меня.

- Как Кармель. Ну, нет, - тихим, но грозным шепотом воспротивилась Лира. - Надскачать нормальный путь, без твоей жертвы! Частицу Алитера, наверное, можно заглушить более сильной частицей Бездны? - она потрясла его за рукав. - Слышишь?!

Винсент или не услышал, или предпочел не отвечать. Измученное сомнением лицо было бледным как у *carere morte*, а глаза словно напитались холодной чернотой недалекой реки. Позади послышался скрип ворот парка. Лира обернулась. Со стороны улицы Славы подъехал большой экипаж с гербом Красов на дверце. Из него вышел сам герцог - Лира узнала невысокую сухощавую, немного по-женски изящную фигуру. Вслед за ней к воротам повернулся и Винсент.

- О, это за мной, - удивительно безжизненно прозвучала фраза, должна показаться легкомысленной. - Прощай, Лира.

- Ты же хотел сбежать!

- Зачем? Чтобы окончательно сойти с ума в чужом городе, чтоб меня затравили, как зверя? - Винсент помолчал, потом усмехнулся: - Наверное, некоторые тайны лучше не узнавать. Прости, что тебя втянул.

И он направился по главной аллее к ждущему Красу. Лира не бросилась за ним. До боли вцепилась пальцами в перила и не пошла, лишь негромко сказала вслед, так, чтобы он услышал, но только он, никто больше:

- Я придумаю, как тебе помочь! -

Обещание обожгло горло, меткой осталось в нем. Не выполнить его теперь было невозможно. Две недели Лира металась... и тут кстати подоспело наказание от главы ордена. Будто узнав о ее обещании, он назло разбросал их с Винсентом вовсе по разным городам, отправив ее в Карду со специальным заданием. Адоре и Лире нужно было проверить слухи о расплотившихся в отсутствие Дэви дикарях. Лира с крайней неохотой собиралась, но в Карде воспрянула духом. Потому что еще на вокзале Адора показала далекое зелено-красное пятнышко в горах.

- Знамя Первого вампира. Дэви возвратился в Карду, - сообщила старая герцогиня. - Напрасно мы приехали, Лира. С дикарями владыка, когда приезжает, разбирается сам.

«Дэви здесь!» - это известие словно ударило ее. Неделю, пока Адора проверяла окрестности Карды, Лира сопровождала ее как во сне, а потом сбежала. «Тень Стража» манила, взгляд владыки жег даже сквозь вуаль полустершихся воспоминаний о его портрете. Почему-то казалось ясным и открытым: он поможет ей. Согласится помочь Винсенту, объяснит и про ее странную силу. И ничего ужасного нет в их встрече. Ее отец встречался с Калькарами, Адора, говорят, беседовала с Дэви. И они с владыкой поговорят и разойдутся. Ничего особенного.

Это не предательство. Это...

«Бездна подсказывает?..»

Лира услышала от Адоры и о слугах Дэви - вампирах в серых ливреях. Покараулив на кардинском кладбище, она поймала сетью одного и потребовала провести в замок Дэви. Carere morte обещал прислать за ней экипаж к рассвету и обещание сдержал. И вот, Лира едет в самую «Тень Стража» в наглухо закрытой коробке-гробе. А где-то там, вовне, как во сне проплывает оставшаяся незнакомой Карда, белоснежная и тихая, засыпающая глубоким зимним сном под плотным одеялом снега...

Лира очнулась от резкой остановки экипажа. Дверца распахнулась. Она невольно прищурилась, ожидая увидеть ослепительный день, но снаружи оказалось почти так же темно, как внутри кареты. Они остановились во внутреннем дворе огромного замка, и почти на всём нём лежала гигантская тень. Лира вышла из экипажа, огляделась. Страху по-прежнему не чувствовалось, как и вины. Только интерес, завораживающий, холодящий, от которого волосы встают дыбом на затылке, с каким заглядываешь в пропасть, стоя на самом краю.

«Тень Стража» - была первым настоящим старинным замком, который Лира видела. Сложенный из тёмного, почти чёрного камня у подножия одинокой, такой же чёрной горы, он казался приземистым, несмотря на немалую высоту двух главных, когда-то одинаковых башен. Сейчас одна из них была наполовину разрушена: замок не раз подвергался осадам. Толстые стены казались продолжением скал вокруг, широкие круглые сторожевые башни по углам усиливали впечатление массивности. Во внутреннем дворе стояло несколько одинаковых закрытых наглухо экипажей-коробок.

«Я иду в настоящее вампирское гнездо», - Лира ухмыльнулась, подбадривая себя.

В стене целой главной башни отворилась неприметная дверь. Человек в серой ливрее быстрым шагом направился к гостю. В нем не было ни капли жизни - кукла. Рука Леры машинально скользнула по юбке, тихонько проверяя потайные карманы, пальцы стиснули пузырёк с водой из источника Донума, но она усилием воли подавила всплеснувшееся отвращение к неживым марионеткам *carere morte*, усвоенное по сказкам мамы, и расслабила хватку.

Слуга владыки приблизился, сделал знак следовать за собой. Лира подчинилась. Они вошли в дверь в башне замка и сразу потянулись бесконечные коридоры и лестницы.

«Если придётся убегать, я вряд ли найду обратную дорогу!» - мелькнула непрошенная мысль.

Постепенно коридоры и лестницы расширялись, расцветивались красками, обрастали светильниками, картинами, коврами, начали встречаться другие лакеи. Очередные двери распахнулись. За ними был зал, где ее ждали.

Зал был небольшим. Раза в четыре меньше арсенала в Академии. Когда-то в восточной стене его были окна, но сейчас они были заложены камнем. Несколько светильников создавали светлый коридор до кресла владыки, углы зала тонули в темноте. Было заметно, что светильники зажгли несколько минут назад, исключительно для гостя. Свита владыки расположилась у стен - Лира нашла бледные пятна лиц. Неясные фигуры двигались угловато, неровно, хищно. Это напоминало какой-то танец пауков. В глаза бросилось одно лицо - женское, безучастное, но туманный взгляд был живым. Около дамы вилось несколько *carere morte*.

Трапеза вампиров... Это опять вызвало секундное отвращение, но не большее, чем ритуалы охотников. Не дойдя трёх шагов до кресла, Лира остановилась, решив не кланяться. Она приглядывалась к *carere morte*, сидевшему перед ней. Вот и настала эта минута... Темноволосый, темноглазый, с правильными чертами лица, владыка вампиров был действительно красив. И он оказался удивительно похож на тот старинный портрет, как не бывают похожи живые люди даже на свои фотографии.

- Дитя, зачем ты пришла? - спросил вампир. Голос был низким и приятным, бархатистым. Лира опешила, поняв, что совершенно не готова ответить на этот вопрос.

- Я пришла к Дэви, владыке вампиров... -

Тишина вокруг казалась осязаемой, плотной. *Carere morte* вперили в гостью копьё взглядов.

- Я - Александр Дэви, хозяин этого замка и владыка *carere morte*! - звонче возгласил вампир, но глаза его остались тусклыми. - Мне хотелось бы больше узнать о моей странной госте. На тебе защита охотников, но явились ты без отряда, по личному делу. Поведай же, кто ты и зачем пришла ко мне? Тебе понадобилось бессмертие?

Он помогал ей начать. Лира разомкнула губы.

- Не мне, - хрипло сказала она. - Моему другу.

- Ваш друг также охотник?

- Он Избранный.

По рядам вампиров побежал шёпот. Трапеза была забыта, напряжение звенело в воздухе. Один Дэви сохранил спокойствие каменной статуи.

- Его зовут Винсент Линтер, не так ли?

- Верно, - вот теперь испуганно подтвердила Лира. Внезапно пришло в голову, что их

встреча была предначертана. Кем же?

«Бездной...» -

Уже в который раз за последнее время является это не то слово, не то имя! Лира сжала губы, боясь, что они неожиданно выдадут вампирам... что?

Неясно что. Когда она внутри себя глядит туда, все также видит черноту пропасти и ворочающее множеством множеств ног членистое чудовище...

- Я предполагал, что орден потребует от Избранного высочайшей жертвы - жизни. И я ждал, что он однажды обратится ко мне, - задумчиво сказал Дэви. - С охотниками Проклятому Алитером делать нечего. Но почему он не сам пришел ко мне, послал юную девушку?

- Это я пришла просить за него! Винсент не понимает... Владыка! - наконец, будто плотина прорвалась - слова полились потоком, мысли перехлестывали друг друга бурунами волн. - Покровители ордена хотят его убить! Его готовят к самоубийству, и он их слушается, потому что не видит пути к спасению. Но я знаю! Стать бессмертным, и контролировать проклятие в своей крови! Уничтожить частицу Алитера более сильной частицей Бездны! Винсент не видит хорошей стороны *carere morte*, но вы сможете показать ему, что она есть! Обратите его вампиром, пока не произошло страшное!

Дэви бесшумно поднялся из кресла, направился к ней.

- Странное предложение для охотника, - вампир остановился против нее, взял холодными пальцами за подбородок. Лира послушно вскинула голову, позволяя Дэви изучить своё лицо. Владыка оказался не таким уж высоким и мощным, как можно было бы вообразить по сказкам. Но ощущение исходящей от него силы было настолько ясным и тяжелым, что, не будь не ней защиты родителей, свалило бы с ног.

- Твоё дыхание не греет, - он резко отпустил её. - Кто ты, наконец?

- Лира... Последняя из рода Диос.

Дэви монотонно рассмеялся.

- Что же, словам Диос можно верить.

Он внезапно вышел из коридора света - и пропал. Потухли светильники. Лишь тьма вокруг да мерцающие в ней вечно несытые глаза. Лира судорожно вздохнула.

- Полагаешь, Винсент согласится с той участью, что ты ему готовишь? - раздался низкий голос владыки.

Лира опять вздохнула. Остался самый важный вопрос.

- Я не уверена в этом, - все же слабо для главных слов сказала она. - Если он откажется... Тогда обещайте, что оставите его и позволите идти своей дорогой. Она не будет длинной.

- Что же я получу в этом случае?

- Меня. Я останусь с вами по доброй воле. Если захотите, стану *carere morte*... господин.

- Согласен. -

Вновь вспыхнул свет. Дэви сидел в своем кресле. Прежде тусклые глаза полыхали отраженным огнем. Довольством.

- Клятвы сделаны, - небрежно бросил он. - Поговорим о деле, Лира Диос. Адрес, где держат Избранного, тебе известен?

- Нет. Но это несложно будет определить. Недавно глава распорядился перенести частицу Покрова в Ориенс, район Родниковой улицы. Туда же направляют на стражу лучшие отряды охотников. Нужно просто проверить дома в радиусе Покрова.

- Сможешь ли ты убрать частицу Покрова или же вывести Избранного из-под него?

- Второе. Но кто-то все время поисков должны отвлекать отряды охотников из округи.

- Разумеется, это дело моих слуг. Когда ты сможешь сделать свою часть?

Что-то звякнуло - это с ослабевшей руки жертвы вампиров скатился браслет. Лира встрепенулась, но не проснулась. Прямо на нее неслась буря, а ноги словно приросли к земле... Вяло - весь запал ушел в предыдущие слова - она бросила:

- Когда захотите.

- Адам, разыщите с Хеленой Миру Вако и начинайте, - повернувшись к кому-то в темноте, быстро приказал владыка.

- За пытками Вако вы хотите проследить лично? - зловеще спокойно спросил в ответ Адам, и Лира очнулась. Содрогнулась: никаких жертв, даже среди вампиров вызывать своим решением она не хотела.

- Владыка, если тетушка Винсента вам нужна, чтобы выманить его из-под Покрова, я уговорю его и без этого!

- Зачем нам Вако тебя не касается, Лира Диос, - холодно заметил владыка, и вот теперь Лира споткнулась... и полетела в пропасть, на краю которой все это время стояла.

Будут жертвы. Если Дэви ее обманул, возможно, будет много жертв. Что она наделала!

Бездна, что она наделала!

Насытившись ее ужасом, многоногая тень поднялась со дна сердца... и тут же сцепилась когтями-крючьями с какой-то другой Тенью, чей центр был далеко отсюда, за пределами замка и города. Далекая Тень тянула силу из той, что лежала у Лире в сердце. Огромная, неясная, она постепенно обретала форму, и этой формой был человек - черный плотный силуэт с белыми глазами. На миг они сверкнули звездами через мили, разделяющие обе тени... и очередное странное ощущение ушло. Лира долго выдохнула, ошарашенным взглядом ища в уже знакомой тьме зала Дэви.

- Владыка...

«Вы тоже почувствовал это?» - хотела спросить она, отчаянно желая услышать в ответ смех и слова, что ей померещилось. Но увидела лишь перекошенное тем же ужасом бледное лицо вампира. Повскакивали в страхе *carere morte* свиты. «Тень пробудилась!» - донесся чей-то шепоток.

- Что это было, владыка?!

- Расскажу, когда ты приведешь мне Избранного, - еще через мгновение раздался ровный голос взявшего себя в руки Дэви. - Рад был познакомиться с тобой, Лира Диос.

Лира коротко, неуклюже поклонилась и выскользнула из зала. Не было долгих прощаний и благодарностей, никто не проводил ее до выхода из замка, просто отворили нужные двери, направляя путь. «Может, потому что Дэви, как истинный благородный, уверенный и сильный владыка не поощряет предательства?» - подумалось, уже когда «Тень Стража» была далеко позади.

Глава 11 Избранный

Глава 11

ИЗБРАННЫЙ

Это ужасно было похоже на прежние беседы с главой ордена в Академии. Опять Латэ, удобно устроившись за большим письменным столом, задавал каверзные вопросы о Даре... Только теперь беседа проходила в нежилом в остальное время кабинете в доме, который Крас назначил для Избранного тюрьмой, и на этих беседах всегда присутствовал сам герцог. Изменился и тон бесед. В Академии Винсент спорил, сейчас же скованно кивал на все заключения Краса и Латэ о Проклятии Алитера.

За единственным узким окном кабинета мела метель. Январская или уже февральская, Винсент не знал: в заключении быстро теряешь счет времени. С самого начала он не догадался отмечать дни зарубками, а потом стало поздно. Выматывающие видения о прошлом, жизни Алитера теперь приходили чаще, даже в светлые часы, так что границу между коротким зимним днем и бесконечной ночью он быстро потерял. Вот и сейчас: вечер ли, утро - не поймешь, только ветер скребет по стеклу снежными когтями. В белой мути утонула Родниковая улица Ориенса, да и высокая игла шпиля башенки Академии, все прошедшее в заточении время бывшая ориентиром для его взгляда, безнадежно потерялась.

- Проклятие владыки Алитера берёт над тобой верх, - глава жевал губами, в задумчивости рассматривая очередной рисунок Винсента, на котором были изображены руины Старого города, какими они были двести лет назад: почти целый, большой кусок крепостной стены и не ушедший в землю остов дворца Макты, белеющий как скелет в густых травах. - Что-то новое ты чувствуешь?

- Видения стали приходиться и в дневное время, при солнце.

- Тебе не хочется последовать им? - Латэ брезгливо, точно боялся запачкаться, взял следующий набросок, серым и красным. На нем огромные полувошки-полусобаки пожирали еще живых, обескровленных вампирами людей.

- Нет! - что-то слабо всплеснулось: усталая-усталая, почти погасшая ярость. - Я не собираюсь становиться *carere morte*, бежать от вас к Дэви или к дикарям за обращением. Вампиры мне отвратительны.

Винсент тут же пожалел о сказанном. Вспомнил о Мире, и стало гадко, будто он бросил это ей в лицо. Зато собеседникам понравился такой ответ, Крас довольно кивнул из темноты кресла в углу кабинета. Латэ отложил рисунки в сторону и вздохнул:

- Плохо! Но ты не оставляешь попытки бороться с проклятием?

Винсент пожал плечами, не равнодушно, скорее отстраненно. Он прекрасно понимал, к чему эти взрослые, серьезные люди его склоняют - к самоубийству. Но возражений не находилось: ведь и заточение, и алхимический яд обставлялось, как необходимое для избавления от ужасного проклятия. И он был бы рад от него избавиться! Только, чтобы не думать, какой ценой, приходилось все время отстраняться.

- Бороться? Как? Я читаю ваши молитвы, ритуальные формулы, но они слабы, - глухо сказал Винсент. - Может, мне помогло бы посвящение в орден...

Крас вскинулся, его маленькая узкая ступня в дорогом ботинке - единственная, попавшая в полосу света, дернулась:

- Посвящение Проклятого? Немыслимо!

- Посвящение не поможет, - печально покачал головой Латэ. - Защита охотника не подпустит *carere morte* близко к тебе, но она не поможет от частицы проклятия, которая уже проникла внутрь, в твою кровь.

- Можно растворить эту частицу, - удовлетворенно сказал Крас и опять начал монолог про яд, который надлежало звать просто «зельем»... Винсента разобрал смех: Проклятый и зелье, которым надо уничтожить его проклятие! Но если заменить слова на те, что нежелательны, выйдет...

«Избранный и яд, которым нужно уничтожить его Дар...» - мысль мелькнула и ушла, погребенная серой холодной горой других, о Проклятии Алитера, смешок стих. Но глава ордена будто успел прочитать ее. В светлых глазах вспыхнула искра понимания и сочувствия.

- Ты читал сказку о герое и Драконе? - Латэ локтями оперся на стол, сложив ладони домиком, пронзительно взглянул на Винсента. - В ее финале герой приходит в пещеру-сокровищницу, но видит вместо клада дракона. То не драгоценные камни сверкают во тьме - глаза чудовища, то не золото рассыпано по подземелью - чешуя блестит на его боках, то не резная слоновая кость лежит на красном бархате - клыки в раззявленной пасти чудовища и его двойной как у змеи язык! - возвышением голоса он нарочно отметил цитату из сказки. Но заканчивать не стал, только загадочно посмотрел на собеседника поверх очков. Винсент, помедлив, кивнул.

- Читал, - смиренно сказал он. - Вы хотите сказать, проклятие встало на место моего Дара, как чудовище на место сокровища?

- Иди к себе, скоро придет алхимик, - Крас поднялся из кресла. - Дай теперь, юноша, мне поговорить с главой охотников.

Винсент вышел. Постаравшись ни в коем случае не хлопнуть дверью, направился ровным шагом по пустому коридору в свою комнату. Хлопки дверью, вспышки ярости, крики, даже слезы остались в первой неделе заключения, затерялись в белой вьюге, заметающей Дону. В последние дни он стал тих, послушен, задумчив, так что ему оставили всего одного надзирателя - Теренса. Дом, при кажущейся ненадежности в качестве тюрьмы, тюрьмой был неплохой. Купол Покрова накрывал его, защищая от проникновения вампиров, и границы Покрова по уверению Краса были заклеты так, что, задумай он перейти их, защита дала бы сигнал охотникам и окрестные отряды быстро вернули б его на место. Впрочем, Винсент не пытался бежать. Лучше Покрова и угроз герцога держало сознание опасности своего Проклятия.

Он прошел до конца коридора мимо своей комнаты, вышел на балкон. Ажурные перила обледенели. Винсент ухватился за них покрепче и, рискуя упасть, высунулся на улицу. Но далекий шпиль башенки Академии все равно не нашел. Будто той и нет уже на свете...

...Как и его самого. Мела метель, а Винсент совсем не чувствовал внешний холод. Медленно подкрадывался другой, внутренний - то частица проклятия Алитера, умножающаяся с каждой новой ночью, искала пути к его сердцу, слепая, шарила по коже ледяными пальцами... Винсент провел по лицу ладонью. Дурная привычка, появившаяся в последние дни заточения: этим жестом он будто удостоверился, что с ним все еще собственный облик. Далекое прошлое погибшего владыки вампиров становилось собственным и перетекало в настоящее, путая мысли. Мерещились застывшие то ли статуи, то ли люди с белыми холодными лицами, теснили со всех сторон.

Как от радостной надежды на исцеление мира он пришел к темным мыслям о смерти?

Просто понял: всего, случившегося с ним - гибели мамы, памяти о страшной ночи Большой Охоты не исцелить ничем и никогда. А тот, кто бессилён исцелить себя, сможет ли исцелить другого? Наверное, Избранный лишается Дара в тот миг, когда сам называет его проклятием... Золото становится ядом, и он проникает всюду, во все эмоции и мысли. Мервеет тело, изъязвляется душа.

Дважды в эти недели Винсент ухитрялся стащить с кухни нож. Не чтобы угрозой вынудить выпустить себя, нет. Он приставлял его к груди и представлял, как вонзится сейчас себе в сердце. В первый раз даже проделал это при Красе: хотел испытать герцога, ведь тот планировал убить Проклятого не любым, а строго определенным способом - специальным ядом. Но Крас отнесся очень спокойно. Сразу разгадал, что Винсент сам боится. Действительно, замерла рука, едва кончик ножа коснулся груди у сердца. Слишком страшно. Во второй раз Винсент проверял себя уже один и опять отложил нож в сторону через мгновение. Нет. Он оказался слишком слаб не только чтобы сражаться с Красом и его «Проклятым», но чтобы просто умереть и избавиться от происходящего кошмара.

После этого он и сломался. И начал покорно, как животное на бойне, ждать, когда же алхимик приготовит яд.

Громкий стук в запертую балконную дверь заставил вынырнуть из мрачных мыслей. Теренс, камердинер, вернее сказать, надзиратель. Небольшого роста, без особых примет человек со стальным непреклонным блеском в глазах в те моменты, когда пленник осмеливался его послушаться. Тюремщик в камере смертника.

- Вы замёрзнете, - принялся утешать Теренс. - Уходите с балкона.

- Замёрзну, заболею и умру, - огрызнулся Винсент с усталой злостью. - Так разве моя смерть - не главная цель твоего нанимателя?

На балкон он вышел не просто так. Винсент ждал... и вот, над куполом Покрова, накрывающем его дом и пять соседних, пронеслись быстрые крылатые тени. Среди них, как и вчера и позавчера была одна, в которой Избранный до сих пор видел яркую звездочку - живое сердце. Мира... Винсент давно перестал видеть человеческое в других *carere morte*, их образы сливались в единую черную сильную тень, накрывающую край, все города и селения, но Мира оставалась для его взгляда прежней, маленьким маячком. Она часто летала над Ориенсом, точно искала тут кого-то...

Винсент точно знал кого. Много раз пришлось подавлять желание подать ей знак. К чему? Ей не перейти черту Покрова, а если решится на хитрость - район охраняют сильнейшие охотники. Слишком опасно. И, кроме всего, им просто не нужно больше видеться. Его судьба - судьба проклятого Алитером, предрешена, но для Мира «Избранный» пусть останется живым. Не нужно ей видеть его таким - отчаявшимся. Если Мира до сих пор верит в исцеляющую силу Дара, пусть продолжает верить.

Когда *carere morte* скрылись из виду, Винсент позволил Теренсу увести себя в комнату. Гость-алхимик уже ждал его тут, но Винсент сначала вовсе не обратил внимания на худощавую фигуру очередного посланника Либитины. В красноватом тревожном свете потухающего камина со всех сторон надвинулись прямоугольники холстов, натянутых на раму - его этюды. Раньше Винсент занавешивал их, но в последние дни перестал. Нельзя занавесить память, а в его памяти, как и на этих быстрых рисунках, было одно и то же: дом, заставленный античными статуями, лица *carere morte* - Калькаров, Дэви и еще полусотни незнакомых, и темные подвалы с клетями, в которых заперты полуживые люди - пища вампиров. Его прошлое, настоящее и будущее, если кто-то попробует сделать его вампиром.

Гость шевельнулся в темноте комнаты. Винсент даже не вздрогнул. К повадкам Либитины он уже привык. Да, именно с Либитиной, северной хозяйкой кукол, связался Крас в надежде приготовить свое зелье... В архиве Либитины было все что угодно, даже рецепт зелья, которое алхимик Ари готовил для Кармель. Оно могло разрушить и проклятие Алитера - так объяснил герцог. Теперь Либитина раз в неделю или даже чаще посылала в дом-тюрьму своих кукол. То взять у Винсента зачем-то каплю крови, то посмотреть очередные рисунки из времен Алитера... а вернее всего, просто надеялась подслушать интересные сведения от Краса и Латэ, чтобы запихнуть потом в свой безразмерный архив.

Винсент зажег побольше свечей. Теперь он мог рассмотреть очередного посетителя. Сегодня к Проклятому Либитина отправила, пожалуй, самую гротескную марионетку из всех, что тут бывали прежде. Невысокий худой то ли старик, то ли мальчик: по фигуре юноша вроде Винсента, но лицо избороздено морщинами. На кукле был светлый костюм: сюртук и брюки, что вкупе с белыми длинными волосами и бледным лицом создавало фантастическую картину нарисованного мелом человечка.

Марионетка кивнула Винсенту и снова уткнулась в картину на мольберте, которую изучала все это время. Длинный нос ехидно уткнулся в нагромождение пятен в нижнем правом углу - бальный зал.

- Знакомые лица, - иронично молвила кукла. - Собственно, ясно прорисованных тут нет, но тебе удалось ухватить суть всех давно ушедших, так что я их узнал. -

- Что тебе нужно? - с неприязнью спросил Винсент.

Марионетка обернулась и оскалилась, изображая улыбку:

- Как обычно: каплю твоей крови, художник. Яркий был Бал...

Винсент подошел ближе, на ходу расстегнул манжет рубашки и закатал рукав.

- Как продвигается изготовление яда... зелья? - с убийственной вежливостью спросил он. Кукла ухмыльнулась.

- Полагаю, он на той же стадии, что и твоя готовность к жертвоприношению: почти готов.

Вроде бы, классика гримас и шуточек Либитины, но марионетка сегодня была какой-то... другой. Прежние механически забирали его кровь, механически шутили и улетали, взмахивая крыльями быстро и четко, как настоящие куклы на проволочках, управляемые ловким кукловодом. Эта же была другой, слишком тщательно для мертвой прятала взгляд и по-человечески неуклюжим жестом зажимала ладони скрещенных на груди рук под мышками, когда рассматривала картину. Либитина волновалась сегодня. Волновалась, оттого выдавала кукле больше собственных эмоций, чем обычно.

- Что, развязка действительно близко? - не удержавшись, спросил он.

- Сейчас узнаем, - пробормотала марионетка и шагнула к нему, взрезала Винсенту запястье маленьким серебряным кинжалом и собрала выступившую кровь в тонкую стеклянную трубку. Винсента, как всегда при этой манипуляции, так и подмывало спросить, видит ли вампир золотое сияние Дара, но он не спрашивал. Хоть и не верил, что сможет когда-либо использовать его исцеляющую сторону, слышать однозначный приговор: «сияния больше нет», не хотел.

Кукла извлекла из кармана пузырек с прозрачным порошком и выдула в него собранную кровь. Она действовал аккуратно, ловко, хотя на руках были плотные, кожаные, такие же белые, как вся одежда, перчатки. Еще одна странность. Прежде марионетки Либитины для лучшей координации движений всегда снимали перчатки перед манипуляцией... если

перчатки у них вообще были.

Конечно, оставался вариант, что в необычном облике марионетки хозяйка кукол зашифровала какое-то послание Проклятому. Но Винсент не представлял, за что и братья, как распутывать-разгадывать его.

- Кто ты? - наобум ляпнул он. Кукла вскинула взгляд и неожиданно разгадка пришла. Он уже видел это гротескное создание! Там, на ярком Балу в доме Алитера... Он так же испугался, когда из-за неподвижных прекрасных статуй вдруг выступил этот кукольный человечек с кривой, будто неаккуратно нарисованной улыбкой на лице... -

Видение впервые накрыло с головой уже не в одиночестве - при собеседнике. И это было страшно, потому что Винсент снова обратился к кукле, но не своим, монотонным, машинным голосом. Черты лица застыли маской, и он бессилён был изменить эту гримасу ненависти. Насколько же глубоко чужая частица уже проникла в его разум?! Что еще она сотворит, а он будет смотреть бесправным, бессловесным наблюдателем?

- Я узнал тебя, - только сказал он, и беловолосый вампир отшатнулся, точно увидел не обычного пленника, а злейшего врага.

Также внезапно ощущение маски, слепленной прямо из собственного лица, ушло. Винсент глубоко вздохнул, убеждаясь, что опять способен управлять собственным телом. Марионетка также пришла в себя, выпрямилась. Прищурившись, поглядела задумчиво, лицо спокойное, будто и не было ничего... А потом привычным механическим жестом взболтала пузырек с кровью, скрыв склянку в ладони. Винсент много раз видел это прежде, но затем - опять неожиданность! - вампир не убрал склянку в карман, а показал результат смешивания крови с порошком. Дно пузырька густо покрывала грязь.

- Что это значит? - дрогнувшим голосом спросил Винсент. Кукла грустно щелкнула языком:

- Ты и сам понимаешь. Память, голос, маска на твоём лице - все - Алитера. Его Проклятие берет над тобой верх.

- Скоро я стану вампиром без обращения?

- Это невозможно. Ты просто сдашься, потеряешь разум, и в твоём теле хозяином останется Алитер.

Предсказуемый, но от этого не менее болезненный ответ. Винсент отвернулся, чтобы больше не видеть треклятый пузырек с грязью вместо крови.

- Тогда поскорее бы твой яд был готов! - прошептал он.

Марионетка склонила голову набок, хозяйка кукол с искренним интересом изучала его.

- Почему избранный для исцеления мира мечтает быть убитым?

Винсент усмехнулся:

- Ты готовишь зелье для Проклятого, неужели не знаешь? Чтобы уничтожить твоим ядом проклятие Алитера.

Марионетка прищурилась.

- Яд, о котором ты так мечтаешь, я делаю по заказу Краса, чтобы он уничтожил не Проклятие, а Дар. «Чтобы следующий Избранный не пришел никогда», - так он сказал. Проклятие же Алитера, когда оно соберется воедино, можно уничтожить, как проклятие любого *carere morte* - серебром или солнцем.

Это было так нелепо, что даже не тянуло на очередную импровизированную загадку Либитины. Винсент слабо улыбнулся:

- Крас хочет уничтожить Дар... Но ведь если б Дар исцелил вампиров, герцогу не

пришлось бы тратить деньги на содержание ордена!

- Парадокс, не правда ли? Поразмысли над этим... Но! - при этом «Но!» марионетка шуточно подняла указательный палец, грозя. - Оставим Краса и его заблуждения. Как Избранному, я должен сообщить тебе еще кое-что. За этим я сегодня и пришел лично. Никакого исцеляющего Дара нет.

Слабая улыбка будто приклеилась к его устам, Винсент подумал, наверное, так улыбаются мертвые:

- Нет... у меня?

- Его нет совсем. Никогда не было. Золотое сияние - только признак Дара из выдуманной сказки, искусственно выросший в твоей крови, занесенный извне как болезнь. Он сияет, веришь ты в него или не веришь, полагаешь себя способным исцелять вампиров или нет. Он позволяет тебе видеть вампиров, но ничего не лечит. Огонь зажигает свечу, а его зажигает сказка о Даре.

- Что?! -

Все-таки Кукловод «разбудил» его. Винсент даже эмоционально взмахнул рукой, то ли отрицая нелепые слова вампира, то ли вовсе желая лжеца ударить:

- Что значит, Дара нет? Как это: «ничего не лечит»? Вампиров нельзя исцелить? Но я же видел Миру, видел живую частичку под всей тьмой проклятия! Хочешь сказать, ее не исцелить?!

- Поразмысли и над этим, - кукла ухмыльнулась опять, как в начале разговора, и отступила к окну. - Большинство сказок о *carere morte* когда-то были правдой, но не сказка о Даре. Она лжет.

- А тебе-то что нужно от меня всеми своими жуткими загадками?! - он вскипел по-настоящему. Рванулся к уже укутывающемуся в тень чудовищного обличья вампиру, дернул его крылья как плащ.

- Зачем ты пришел? Ты не марионетка, верно?!

Вампир брезгливо встряхнул крыльями, освобождаясь.

- Сколько вопросов, - прогудел из-под маски чудовища неузнаваемо искаженный голос. - А Избранные не задают вопросов, художник. Они действуют.

Он взмахнул крыльями и окончательно освободился, завалился вниз с балкона. Широкая тень тут же подхватила его, вознесла над городом. Винсент чертыхнулся. Кукловод Лабиринта в вечной своей манере оставил жертву с неразрешимыми загадками, но злость уже спадала. Оставалась воспрянувшая сила и... бесстрашие. Он со стороны услышал свой главный, непроговариваемый прежде страх: невозможность исцеления для *carere morte*, и это разбило страх в пыль, а с ним и оковы апатии, в которые - теперь он понял - он сам себя заковал. И даже страшной горой нависающее над головой Проклятие Алитера не вызывало отчаяния.

В комнате Винсенту почудилось движение. Он быстро оглянулся - ничего, только ветер играл с отклеившимся с одного края рамы куском холста, да что-то блеснуло на полу серебряной полоской. Винсент подобрал оброненный вампиром кинжальчик. Он умещался в ладони целиком и казался легче обычных охотничьих.

«Похоже, чистое серебро».

Он бездумно положил кинжал в карман. Теперь и думалось легче. Не про Либитину, не про последний разговор с Латэ. К чему глава напомнил ту сказку про героя и Дракона? Он рассказал финал, но не самую концовку... Ах, вон оно что!

Винсент выскочил из комнаты, надеясь застать главу. Теренс тут же заступил дорогу. Крас и Латэ все еще беседовали в кабинете, и никак нельзя было, чтобы Проклятый услышал хоть слово.

Что ж, обратно в комнату он не пошел, остался в коридоре. Чтобы не видеть надзирателя, закрыл глаза. Так стало лучше слышно. Скоро в кабинете послышались шаги, голоса. Скрипнула дверь.

- Не допустить сочувствия охотников к Проклятому было твоей задачей как главы ордена, Филипп, - раздраженно выговаривал Крас.

- Надзор за легендами не входит в мои обязанности, как главы ордена, Доминус. Сказками Карды распоряжаются те, кто сами являются их частью - Арденсы, - тонкое ехидство действительно было в незнакомом, по-военному четком тоне Латэ, или лишь послышалось? - Многие в ордене до сих пор сочувствуют Винсенту, говорят о Даре. Почему не устроить его встречу с охотниками в последний раз?

Они вышли из кабинета, но пока не заметили Винсента.

- Слишком опасно, Проклятый стал очень неуравновешенным, - Крас оборвался, увидев Винсента.

Винсент шагнул к Латэ, Крас неосознанно отступил к кабинету. Удивительно! Тюремщиками и распорядителями его судьбы здесь были они, он - лишь их пленником, и все же его боялись, как не покорившуюся до конца силу.

- Мне нужно вам сказать, - смело начал Винсент, обращаясь исключительно к Латэ. - Вы можете считать меня Проклятым, и я соглашусь с любым вашим решением насчет зелья, но прежде дайте мне шанс снова попробовать исцелить *carere morte*. Вы сами сказали, слух об исцеляющем Даре до сих пор ходит среди охотников... Так пусть этот опыт исцеления состоится при них.

- Ересь! - тут же оборвал его Крас. - Кошунство!

Перекрикивать покровителя ордена Винсент не стал, сообразив, что это будет выглядеть по-детски. Он шагнул ближе к Латэ, так, чтобы старик не мог уйти от его взгляда.

- Дайте мне один шанс проявить свой Дар, - тихо, но уверенно попросил он, и на лице Латэ на миг отразилась приязнь и поддержка. Он коротко кивнул:

- Я пришлю за тобой человека, когда подготовлю все в Академии для опыта. И когда ты будешь готов, - быстро сказал он, и поднял ладонь, останавливая возражение Краса: - Вы упрекнули меня, Доминус, что я не занимаюсь историей Избранного. Что ж, я ею займусь.

Крас хотел было сказать что-то, но под взглядом Винсента не решился. Отозвал Теренса и принялся что-то втолковывать ему в стороне.

«Как будто герцог вновь начал видеть во мне Избранного, а не Проклятого и, Бездна возьми, это его пугает!» - как же ему нравились эти новые смелые мысли.

- Вы упомянули сказку о Драконе и герое, но не рассказали концовку, - пока было время, сказал Винсент Латэ. - Там герой убивает дракона мечом, и из его брюха сыплются драгоценности и золото. Это тоже была метафора Проклятия и Дара?

Латэ вновь коротко кивнул и чуть улыбнулся:

- Когда ты победишь Проклятие Алитера, твой Дар засияет в полную силу. Тогда охотники смогут помочь тебе в борьбе с Красом, - быстро сказал он. - Но я не отпущу их сражаться плечом к плечу с человеком, в котором в любой момент может возобладать темная часть. Справишься с Проклятием - обретешь способность исцелять, тогда и устроим опыт в Академии. Я замедляю приготовления Краса, насколько могу, но и тебе надо

поторопиться, разобраться с частицей Алитера.

- Но почему не попробовать опыт с исцелением вампира прямо сейчас, вдруг он будет удачным? Что вы теряете? Если все поверят, что я Избранный... - начал Винсент, и напрасно. Во взгляде главы тут же вспыхнула резкость.

- Ты опять торопишься... Избранный! - он вдруг больно ткнул ему в грудь указательным пальцем. - Мы теряем все, когда Ты приходишь. Мир, покой, разум... жизни! Ты просишь дать тебе возможность совершить чудо, скорее, немедленно, сейчас! Но чудо - опаснейшее оружие на свете! Посмотри не внутрь - вокруг себя, задай вопрос: а нужен ли миру мой Дар? Что станет с миром, когда я открою ему мой Дар? Избранность - это ответственность не за себя - за всех! Как ты узнал, что справишься с ней? - он мелко, сухо засмеялся. - Ты решил, что зажжешь факел, и осветится все вокруг, и люди увидят путь к солнцу истины... но, может быть, этим огнем ты только разожжешь пожар большой войны? Подумай об этом! Ты готов к войне, к тысячам смертей? К смертям близких тебе?! Не торопись!

- Я думаю три года, - упрямо сказал Винсент. - Только и делаю, что думаю. А давно пора - действовать! -

Латэ промолчал: Крас уже подходил.

- Филипп, этот шаг может быть твоим последним шагом на посту главы ордена, - угрожающе сообщил герцог.

Латэ хитро улыбнулся, уже не глядя на Избранного:

- Но ведь опыт с исцелением вампира - пожалуй, единственный способ оборвать слух об Избранном среди охотников, Доминус?

- Почему оборвать? - вскинулся Винсент.

- Лишь когда исцеление не удастся, а оно не удастся, надежда на Дар и Избранного среди охотников уступит место разочарованию.

Он опять коротко кивнул им обоим, прощаясь, и быстро вышел. Винсенту осталось только выругаться ему вслед. Так кого глава ордена сейчас обдурил: Краса или его?

Уснул он, как обычно, под утро. За три года в столице Винсент постепенно перешел на режим сна и бодрствования охотников. Утреннее солнце ушло из его жизни, какое-то время помелькало на этюдах, а потом исчезло. Везде - и на картинах, и в яви осталась ночь. Черная, бесконечная, прячущая в тенях деревьев, домов, людских фигур иные тени - крылатые, с серовато-бледными и круглыми как полная луна ликами... Иногда Винсенту казалось, за всеми ними проступает еще какая-то тень. Чем она была, прародителем вампиров или самой Бездной? Невозможно было одним взглядом ухватить весь ее образ, чтобы это понять.

«Так и проклятие Алитера», - была последняя ясная мысль, на границе реального и воображаемого. - Нужно скорее уничтожить его. Но как? Пока оно разделено, разнесено по телу, его не коснешься, не достанешь! Просто не увидишь целиком.

А вот Дар не таков. Он как солнце, только порой его застилают тучи. Надолго, так что начинаешь отчаиваться, явится ли оно вновь когда-нибудь...»

Сон оказался тревожным. В нем Винсент поставил большой чистый лист бумаги на мольберт и набрасывал тень. Контуры его комнаты: мебели, вещей расплывались и таяли в белизне листа, как в яростной вспышке света. Оставалась лишь тень, набрасывающаяся из углов, сползающая с уже законченных картин, стекающая в окно с городских улиц. Постепенно она складывалась в фигуру человека, но, как и на портрете Миры, нужен был его взгляд, чтобы закончить рисунок. А теневой человек отворачивался, скрывал глаза. Тревога

все росла, росла...

Во сне Винсент знал, тревогу на самом деле вызывает вовсе не новый набросок. Суть ее пряталась, как тень *carere morte*... И только когда взгляд упал на один из старых этюдов - о ночи Большой Охоты, Винсент вспомнил.

Здесь была узкая улочка Карды и брошенная на мостовой из темного мелкого камня меховая маска. Звездное небо, срезанное с двух сторон стенами и крышами домов, казалось еще одним узким коридорчиком. А в небе парила крылатая тень, и звездочка в области ее груди то ли просвечивала маячком с неба, как сквозь облака, то ли была ее живым сердцем...

Мира!

Винсент очнулся. Теперь тревога стала ясна. Этой ночью он проследил ее путь по Ориенсу, но обратно в Центр под утро тетушка не вернулась. Раньше в своих путешествиях она и туда и обратно всегда летала одним маршрутом. Он всегда и встречал, и провожал ее тайно. А сегодня встретил - и не проводил.

Где же она? Осталась в Ориенсе? Но у кого? И почему, ее дом в другом районе Доны! Вдруг Мира попалась охотникам? ...Или кто-то из вампиров Дэви до нее добрался?

Винсент вскочил с постели... и обнаружил, что, оказывается, заснул на маленькой кушетке, в одежде, в которой ходил весь день. Подушка, которую он обхватывал, была в черной угольной пыли, как и руки. А на мольберте посреди комнаты красовался угольный набросок, сделанный во сне. Комната и тень посреди комнаты, точно на том месте, на котором он сейчас стоял. В последний миг Винсент успел дорисовать теневому человеку глаза, и он обрел имя. Владыка бессмертных, Алигер.

Спал... или грезил наяву?.. он долго: за окном вновь был вечер. Пока Винсент силился привести мысли в порядок, снизу донёлся стук шагов... а потом и грохот. Он подскочил к двери, оказавшейся запертой снаружи. Пока он бестолково тряс ее, чьи-то быстрые шаги пробарабанили по коридору и остановились у его комнаты. Винсент замер. Послышался приглушенный, странно робкий для решительного визита, знакомый голос Лиры Диос:

- Винс, ты тут?

Щелкнул засов, девушка отперла дверь дверь. В темном платье и пальто со шляпкой, с вечным своим красивым здоровым румянцем на щеках. В руках Лира бесцельно вертела серебряный кинжал с собственными инициалами на рукояти.

- Лира, ты зачем пришла? - ошеломленно спросил Винсент, одергивая мятую рубашку. - Как Теренс тебя впустил?

- Я... ох, - ее щеки окончательно залил румянец. - Я сыграла, будто прибежала со срочным сообщением от охраняющего тебя отряда. А когда твой охранник повернулся боком, оглушила...

- А Крас?

Девушка мотнула головой:

- Его тут нет. Винсент, мне сказано отвести тебя на встречу.

Он кивнул. Латэ. Глава ордена все же не обманул. Отлично! А Мира... Уж не потому ли тетушка пропала, что ее поймали охотники, чтобы дать Избранному возможность исцелить своего первого *carere morte* - ее?

- Идем, - радостно согласился он, уже поверив чуду. Лира опять вздрогнула, на миг подняла на него расширившиеся глаза, почему-то испуганные его быстрым согласием.

- Только вот... Покров заклят так, что дает охотникам в округе сигнал, едва я переступаю его.

- Отряды отвлекают, - заверила Лира, подала все еще дрожащую руку. Наверное, переволновалась после стычки с Теренсом. Винсент горячо пожал ледяные от волнения пальцы:

- Все будет хорошо, я знаю. Идем же!

В холле он схватил пальто и шляпу с вешалки. Тут же, рядом, лежал ничком Теренс. Без сознания, но живой - Винсент успокоил этим Лиру, и они вышли на улицу. Хлопнула позади дверь. И пусть узкий коридорчик Родниковой улицы все также сдавливал с двух сторон, а Покров нависал над головой невидимым куполом, Избранный почувствовал себя свободным.

Часы Солнечной башни били одиннадцать вечера над самым ухом. В компании дикарей-вампиров Мира гуляла по Набережной Сермы близ Ратуши. По правую руку, за Ратушей, лежал старейший и богатейший район Доны - Сатур, с огромными каменными домами, что и изящно украшенные в ночной тьме казались просто серыми глыбами. Позади, там, откуда они прилетели - бедная Западная Пенна, фабричный район, впереди, там, куда шли, растущий как на дрожжах, но тесный, как и пятнадцать лет назад Ориенс, за рекой - залитый огнями Центр и дальше - красивейшая Северная Пенна. За тяжелым чугунным узором перил, разливалась широкая Серма, отделяющая Сатур от остальных районов Доны. Вода этой реки обжигала *carere morte*. Дикари поговаривали, потому что орден заклил источник в горах...

- Где мы будем охотиться? - спросила Мира предводителя группы, но Эрик только неопределенно пожал плечами. Сейчас они гуляли близ очередной территории ордена - парка Академии, и она начинала нервничать. То тут, то там мерещились быстрые тени в серых плащах, с арбалетами. Но уходить от компании Мира не собиралась. За три года ей так и не удалось стать в полной мере своей для свободных «детей ночи», но она не сдавалась. Ведь ей понадобится поддержка целой армии, если Дэви начнет охоту за Избранным.

Тогда, после Большой Охоты, она решила искать помощи столичных вампиров-дикарей. Это была огромная, неподконтрольная никому и, главное, хорошо знакомая сила. Дикари приняли ее неплохо. В их среде изгнанные из свиты Дэви считались своеобразными героями: достаточно сильные, чтобы владыка их заприметил, но оставшиеся ненасытными и свободными, как подобает настоящим дикарям. Потом Мира думала: нужно было пользоваться волной первоначальной популярности, ворочать большие дела - но она растерялась. Она боялась, Гектор и Дэви ведут за ней слежку и быстро пресекут попытки сколотить шайку. Она слишком хорошо помнила, что стало с Конором... А тем временем среди дикарей интерес к ней угас. Окончательно его потушили ее привычки в питании. Мира не убивала. Каждый раз во время трапезы мерещилось лицо Винсента, кривящееся в отвращении, как в ночь Большой Охоты: «Значит, ты убиваешь людей?!» - и она выпускала человека. Кроме того, некоторые дикари не забыли азы арифметики, и, подсчитав, сколько лет провела Вако в свите владыки, присвистнули: спустя восемь лет службы изгонят не настоящую дикарку - та сорвалась бы с цепи в первый же год. Очевидно, Дэви прогнал слугу, распознав ее слабость и глупость.

Вместо настоящих дел остался сбор знаний о дикарях столицы. Мира успокаивала себя тем, что армию соберет в последний, решающий час перед битвой с владыкой... А пока списывала тетрадку за тетрадкой данными по всем столичным группам вампиров, тянула нити связей между ними, указывала взаимные симпатии и антипатии, набрасывала идеи, чем воздействовать на каждую, когда придет время. Но открывшаяся картина также не вдохновляла.

Мира пыталась пугать их большой войной, которую Дэви однажды развяжет с орденом за Дону. Но новые-старые друзья не смотрели в будущее так далеко. Часто они не знали, где и когда будут в следующий раз ужинать.

- Все же надо решать, куда мы летим, - опять подала голос упрямая Мира. - В полночь у охотников смена стражи, надо успеть в пустой промежуток.

Ника беззаботно махнула рукой:

- Можно поохотиться прямо здесь.

- Здесь? В центре Сатура? - скептически заметил Сайрус. - А тела убитых мы потом красиво развесим на Ратуше! Ты с ума сошла? Патрули охотников бывают тут каждые семь минут, вон, следующий уже спешит, - он указал кивком. Действительно, от Ратуши сюда направлялся маленький однолошадный экипаж. Оповестительного знака ордена на дверце не было, возница казался обычным человеком, но и вампиры оделись сегодня неотличимо от простых горожан. Своеобразная игра в маски, только и охотники, и вампиры все равно мгновенно опознавали врагов: по колющему ощущению опасности и внушающему дрожь отвращению, которые вызывало их приближение.

Взглянул на экипаж и лидер, Эрик, и помрачнел:

- Летим в Ориенс, - скомандовал он.

Впереди, у беседки, выходящей на реку, потух фонарь, та часть Набережной выделялась черным пятном на фоне остального, залитого теплым желто-оранжевым светом пространства. Белые колонны беседки, как холеные сильные пальцы, заключили в горсти-клетке кусочек ночи. Смеясь и подталкивая друг друга, дикари бросились туда - по виду просто веселая группа молодежи. Но из тьмы беседки никто не вышел. Скрытые от глаз смертных, они преобразились, и в обличьях крылатых чудовищ понеслись над рекой, близко-близко к черной воде.

Мира летела со всеми, только встряхивала иногда головой, прогоняя знакомый дурман, окутывавший голову на каждой подобной охоте с Аланом. За годы в свите Дэви она совсем забыла, что такое охота дикарей на ночных улицах, и не хотела вспоминать. Это стремительное скольжение теней, ведомых луной, под грохот чужих живых сердец... Этот ветер, парусами раздувающий крылья, превращающий волосы в гриву... Это непрерывное чувство опасности, перебиваемое голодом, и неотступный голод, перебиваемый тревогой, когда в темноте проулков и зеркальной пустоте окон вдруг мерещатся молнии серебряных клинков... Это сладостное и страшное ощущение, будто не ты сам летишь и убиваешь, а невидимый кукловод дергает тебя за ниточки, будто ночь, голод и страх делают тебя своей игрушкой... Она сопротивлялась как могла, но лишь чувствовала, что ее все глубже затягивает пропасть безумия.

В Ориенсе Сайрус и Эрик, летевшие впереди, резко ушли вправо. Ника, сделав красивый пируэт, помчалась за ними, а Мира, задумавшись, по инерции пролетела дальше. Скоро, спохватившись, неуклюже повернула и бросилась догонять компанию. Но все равно, догнав, опустившись на какую-то крышу, скинув крылатую тень, услышала смех Сайруса. Дикарь радовался её промаху.

- А ведь про тебя говорили: ты убила не одного охотника еще до службы Дэви. Значит, очень сильная и ловкая, - заметила Ника, когда они скинули тени. - Пустота возьми, что с тобой сейчас?

Мира вздохнула. Как объяснить, что сопротивление чарам ночи и зверю-голоду, отнимают, а не дают силу и ловкость? Эти дикари, привыкшие удовлетворять самые малые

свои желания, опять поднимают её на смех.

В поисках вдохновения для подходящей лжи она огляделась. Группу занесло в район бывшей Второй городской больницы и Призрачного парка. Почти весь дом захватывал Покров, им пришлось устроиться на самом краю крыши, чтобы не коснуться его, но присутствие невидимой защиты ордена все равно холодило спины. Вот сумасшедшие дикари! Мира тихонько коснулась купола Покрова позади кончиками пальцев. Ощущение каменной стены. Где-то за одной из таких стен, расставленных по всему городу, охотники прячут Винсента, она знала это.

Сначала она пыталась искать Винсента - не для встречи, просто посмотреть, как ему живется. Но к дому Линтеров оказалось не подобраться - Покров, и соседние улицы ночами стерегли сильные отряды охотников. Мира пробовала поймать в городе старшего Линтера, поговорить с ним, но... едва унесла ноги от сопровождавших его служителей ордена. Оставалось радоваться, что через столь плотный кордон к Избранному не проникнут и вампиры Дэви. Последний год она просто высматривала на улицах похожих на племянника прохожих, но всякий раз обманывалась.

Мира вдавила пальцы в стену, и та... рассыпалась, теперь это стало похоже на очень плотный поток воздуха, затягивающий еще глубже. Она отдернула руку. Нет, этим путем до Избранного не дотянуться! *Carere morte* порой попадали под Покров, случайно или нарочно: бывало, дикари расправлялись с конкурентами, швыряя их на территорию ордена. И все попавшие, без исключения, теряли сознание и беспомощными оказывались в руках врагов. Назад никто не возвращался.

В Ориенсе Покров захватывал пол-Родниковой улицы, но парк и больница были чисты. Мира обратила взор туда. Заледеневшие иглы ветвей целым лесом нацелились прямо в дикарей. Парк казался пустым, как всегда, но цепкий взгляд распознал меж деревьев в заброшенном здании больницы какое-то движение.

- Тут в районе назревает что-то, - заметила она друзьям. - Кто-то... то ли орден, то ли Дэви готовят акцию.

Сайрус фыркнул, а Ника рассмеялась:

- Ну, все знают, больницу охотники часто используют как свой перевалочный пункт!

- Тогда б нам их было не видно и не слышно. Приглядишься, в больнице кто-то ходит. Или у охотников что-то пошло не так, или это не они, а *carere morte*.

- Может, группа Детера? - предположил Эрик. - Они в последнее время совсем голову потеряли, бесстрашные. Уже на законную территорию ордена заходят.

Мира вздохнула, приглядываясь к больнице, но больше ничего не смогла различить. Может быть, это Детер, а, может...

Призрачный парк и все местное переплетение улиц Ориенса часто посещали куклы Калькаров - точно следили за кем-то, провожали кого-то. Тут же, по слухам, пропал Гектор полтора года назад. Орден скрывал здесь что-то ценное: охрана улиц была многократно усилена в сравнении с Центром и другими улицами Ориенса. Может быть, Избранного?

Становилось все беспокойней. Странные приготовления в больнице - и затишье вокруг. Словно подготовка к чему-то очень важному... Мира помнила, Дэви также притих перед Большой Охотой, чтобы потом сильно ударить один раз и сразу повергнуть в прах врага.

- Я все-таки думаю, это не дикари, - поделилась она. - Если б Детер куражился, мы бы все и видели, и слышали, а здесь тайные приготовления. Стилль владыки.

- Опять ты нас запугиваешь! - Сайрус поморщился. - Снова заладила: «владыка».

владыка...» Здесь он - фикция! В Доне его нет и никогда не будет, его вотчина - Карда, а тут территория ордена.

- Я раньше тоже думала, что его власть фикция. Нет! Он очень терпелив. Ему уже двести лет. Все, что ему действительно нужно, он берет, никого не спрашивая. Пока Дона была неинтересна ему, вы его тут не видели-не слышали. А в последние три года, когда он якобы «уехал отдыхать» из своего замка, сколько незнакомых странных молчаливых вампиров встречалось вам на улицах во время охоты? Сколько тел ваших жертв после трапезы неизвестно куда пропало? Это все куклы Калькаров! Живые мертвецы, я вам про них рассказывала. Они готовят тут что-то, будьте уверены, для своего владыки. Когда Дэви решит, что час настал, Дона, как и Карда будет его. Вы и пискнуть не успеете, а вас уже не будет.

- Охотники его сюда не пустят, - пробормотал Эрик, а вверху, к парку, как нарочно, пронеслись еще три куклы госпожи Калькар, синхронно взмахивая крыльями. Мира инстинктивно вжала голову в плечи, будто этим могла сделать себя невидимой для них. Все три года они ее будто не замечали, только Мира все равно ощущала себя в клетке их внимательных взглядов.

- Уже пустили! - усмехнулась она. - В Карде орден отлично договаривался с владыкой, даже позволил Дэви Большую Охоту в самом городе. Они и насчет Доны договорятся, не сомневайся. Поразмысли, что ордену выгоднее: соблюдающие строгие правила поведения и питания вампиры Дэви или вы, бешеные дикари? Да охотники объединятся с Дэви и вас всех тут выкосят! - может, живописуя страшные подробности будущего, Мира немного увлеклась, но внушение наконец-то действовало. Уже не улыбалась Ника, и Сайрус сидел, приоткрыв рот для возражений, но не мог найти слов. Эрик пока играл непробиваемость. Он раскинулся на крыше, заложил руки за голову, скрывая их нервное напряжение и деланно-спокойно сказал:

- Ну, ладно. Даже пусть Дэви приходит, мы его встретим. И ему, и охотникам найдем, чем ответить! Нас больше. В нас нет страха. Мы не слабые-неуклюжие, как ты, от недоедания. Мы победим.

Мира рассмеялась. Странно, леденяще прозвучал даже для самой себя этот смех. Кажется, она поняла, как упрочить свое положение среди этих безумцев. Им нельзя показывать слабость, им надо показывать силу... и сила у нее есть!

- Показать тебе бессилие и неуклюжесть высших из высших, Эрик? Свита Дэви экономит силы не все время. Когда приходит час битвы, она освобождает такую бездну силы, что всем дикарям столицы вместе не пересилить! Вы не управляете своим голодом, когда охотитесь, и смеетесь над теми, кто управляют, напрасно. Вы кормите Пустоту, и она пожирает вас, высшие из высших кормят Бездну ненависти, и она дарит им сверхсилу!

Ника следила за ней как замороженная. Подбадриваемая этим, Мира поднялась. Повернувшись спиной к парку, стянула перчатку и ощупала контуры ближайших домов голой ладонью. Скоро махнула друзьям: «За мной!»

- Старейшие редко хватают добычу на улицах. Они в силах разрушить защиту почти любого дома. Они разбивают её как стекло и входят в жилище смертных, как хозяева... -

Мира воскресила в памяти картинку Большой Охоты. Представила жаркое пламя факелов и опьянённых потоком жизни, бьющим отовсюду, рыщущих в ночи бессмертных... Лицо Винсента в ее памяти, это любимое лицо, поблекло и исчезло. Она взмыла с крыши и понеслась впереди всех - по тонкому лунному лучу:

- А как накормить Бездну? - спросил Эрик, когда они опустились у выбранного дома. Мира улыбнулась, и, заметив эту улыбку, отразившуюся в стекле окна, подивилась, как похожа она на улыбку на портрете Регины Вако.

- Нужно давать ей, что она любит, - даже голос изменился: стал низким, грудным, завораживающим. - Всё настоящее. Неподдельное чувство, не заглушённую морфием боль, разрушающую все иллюзии смерть, искреннюю любовь к жестокости. Давайте Ей это - и Она будет вашей слугой. Её силой можно открывать любые засовы, разбивать любые стены, побеждать врагов, не рискуя быть побеждённым...

Небольшой дом-особняк перед ними, имел ухоженный вид. Светлые занавеси, цветы на балконе, декоративный плющ оплетал два окна на первом этаже. Жилище было хорошо защищено. Прорыв его защиты был бы очень болезненным для *carere morte*-дикаря, но Мира нарочно не искала другое.

- Проще всего дать Бездне смерть. Многих старейших зрелище агонии бодрит больше, чем зрелище юной красивой любви! - Мира мелодично засмеялась и услышала свой смех словно со стороны. Она словно смотрела сон...

Увлечшись, она упустила момент, когда перестала сверяться с разумом в своих словах и действиях, пропустила лишь миг - и ночь с голодом подхватили ниточки и сделали ее своей марионеткой.

...Мира не куражились так даже с Аланом, в первый, самый безумный год. Она растягивала мучения жертвы возможно дольше, и чувствовала, как с каждой новой принесенной на алтарь Бездны жизнью ее переполняет новая, небывалая сила. Непроглядно темная и бесконечно протяженная, она соединяла ее со всеми *carere morte* земли страха и в то же время возносила над ними. Вот, что чувствовал Дэви, говоря про пьедестал бессмертных богов! Дикари вышли из дома нескоро и - изменившимися до неузнаваемости. Лица посерели, глаза обесмыслились. К принятию в себе столь огромной и черной силы никто не был готов. Мира понимала их. Вампиры-дикари много убивают, но не запоминают своих жертв. Она отнимают жизнь просто, быстро. Мучения и мольбы людей, если вдруг дрогнет рука, считаются досадной помехой. А сейчас...

Сайрус только раз взглянул на них дикими глазами, и, обратившись крылатой тенью, взлетел, затерялся где-то над городом. Эрик опустился на тротуар в трех шагах от особняка, устало свесил руки на колени - и руки била крупная дрожь, когда он вспоминал что было там, в доме. Мира дрожащей ладонью провела по лицу, только зачем: вся чужая живая кровь давно впиталась в кожу. Что там было, в чистом красивом доме? Окна забрызганы алым, дверь распахнута, и оттуда тянет сырым, мерзким железистым запахом крови, перемешанным с вонью требухи. Теперь этот дом был как выпотрошенный труп.

- Да-а, вот это сила, - протянул Эрик, обращаясь сам к себе, как зачарованный, и теперь все тело Миры пробила крупная дрожь. То, к чему призывал Дэви, свершилось: она узнала, что значит быть высшей из высших. Бессмертной... Богиней! Но это не радовало, лишь пугало.

- И вот такая сила будет направлена против нас, если Дэви придет в Дону? - прошептал Эрик.

- Еще большая.

- Значит, мы должны ответить, - он поднялся, но его качнуло. - Такой же силой...

- А ты хочешь еще хоть раз к такой силе прикасаться?! - взвизгнула Ника. Как ножом по нервам, а Мираи забыла, что она здесь! - Ужас... Я не за этим шла в *carere morte*! Не за этим!

Эрик усмехнулся: не всегда мечты сбываются. Мира жжала голову, но последние воспоминания выдать не получалось. Зато опять явился Избранный, взглянул чуждо, с ненавистью.

«Винсент, но ведь и это - для тебя!» - она тут же осознала ядовитую ложь этой мысли, сглотнула горький комок в горле.

- Не обязательно отвечать Дэви именно такой силой, - лихорадочно прошептала Мира, уже вовсе не стремясь убедить вампиров действовать с нею заодно, просто чтобы успокоить саму себя. - Есть другой путь: Избранного... и его исцеляющего Дара. Если мы встанем на его сторону, поддержим, за нас встанут и охотники, и просто люди Терратиморэ. Это будет самая сильная... сила. Вот увидите.

- Исцеляющий Дар? - на лице Ники почему-то отразилось омерзение. - Как это?

- Он проявляется, как золотое сияние в крови Избранного. Если любой вампир прикоснется к нему, он может исцелиться. Стать человеком, смертным, но - живым. Избранный сейчас в Доне, я уже три года наблюдаю за ним. -

Мира прежде берегла сказку о Даре, не рассказывала никому. Чувствовала, не время: дикари поднимут ее на смех. Но сейчас рисковала, даже не думая, как рискует. Надо было вспомнить светлую сказку самой. Успокоиться. Поверить в хорошее.

- Даже если предположить, что такая сила есть... Стать человеком вот после этого?! - маленькая рыжая Ника яростным взмахом указала на развороченный дом. - Зачем?! Чтобы помнить, каким была монстром?! Я теперь уже не смогу! А ты сможешь?!

- Ника...

Вот за этим ты таскаешься с нами три года? Чтобы мы помогли тебе воплотить дикую идею об Избранном?! - *carere morte* расхохоталась. - Не к тем ты пошла за помощью, Мира Вако! Надо было сразу идти к охотникам!

Мира уже вдохнула воздух, чтобы разразиться гневной тирадой. Приближающийся сзади свист крыльев она приняла за возвращающегося Сайруса, потому не сразу смогла взять в толк, почему дикари отскочили от нее, вмиг обратившись крылатыми теньями. Все поняла, только когда ледяные каменные руки марионеток госпожи Калькар ухватили за плечи.

Мира готовилась к тому, что Дэви узнает имя Избранного и, конечно, захочет побеседовать с ней. Потому на всех охотах проверяла близлежащие улицы и небо: не спешат ли марионетки Калькаров не по своим делам, а прямо к ней, не пора ли удирать со всех ног? Только страшная охота выбила из привычной колеи. Разумеется, именно в этот момент Миру и настигла отсроченная судьба всех предателей.

- Мира Вако, - на лицах трех кукол было одинаковое выражение: радость от ее поимки. Мира про себя застонала. - Пришло тебе время побеседовать с владыкой.

- О чем? - ровно спросила она, стараясь придать лицу абсолютно спокойное выражение, но следующая реплика заставила оцепенеть от ужаса:

- О твоей лжи... и твоём наказании.

Вот и все. На встречу к Винсенту Лира собралась быстро. Из оружия взяла серебряный кинжал со своими инициалами, которым раньше не пользовалась. И не для того, чтобы воспользоваться сегодня. Просто на память.

Она надела платье, что шила в последний год, мысленно представляя великосветский Бал, холодного темноволосого господина с точеными чертами, Дэви, и себя тут же, в этом наряде. Черный шелк, фиолетовое кружево и черный жемчуг как отделка... Это был ее новый образ. Образ, что она примет в грядущую ночь в Призрачном парке.

«Возврата к охотникам после такого быть не может», - убеждала себя Лира, когда они уже шли улицей к заброшенной больнице. Слуги Дэви отвлекали отряды охотников из окружи, создавая для нее и Избранного чистый коридор для побега. Орден, естественно, расценит такое как предательство. Впрочем, плевать. Свобода друга важнее. -

Она исподтишка глянула на Винсента, идущего рядом, и слегка улыбнулась. Избранный, и правда, был совершенно счастлив. Оказалось, достаточно просто вытащить его из проклятого дома-тюрьмы на улицу. Вот он опять послал ей радостную улыбку, и Лира опустила голову. Все же тяготило, что она до сих пор не рассказала ему, куда ведет. Про вампиров он вовсе не подозревает, думает, все устроил Латэ...

- Что делается в округе? - предательски задрожавшим голосом спросила она. - Видишь что-нибудь, как Избранный?

Винсент прищурился.

- Вампиров вокруг много, - задумчиво сказал он. - Но как-то странно: почти по периметру вокруг нас. А внутри чисто. И... тихо как! Чувствуешь напряжение?

Лира теперь промолчала. Да, вокруг царило безмолвие, и это было затишье перед бурей. Только легчайший ветерок липкой, холодной, отвратительно мягкой паутиной скользил по лицу. Впереди с каждым шагом вырастала стена Призрачного парка, а дома Родниковой улицы по сторонам словно умялись. Парк сегодня оправдывал свое название: меж высоких деревьев скользили бесформенные тени... или это просто стволы выступают друг за другом? Слышался невнятный шепот... или просто шуршали необлетевшей листвой окаменевшие от холода ветви? Казалось, они идут прямо в логово чудовища.

Винсент остановился, и Лира испугалась, что он прочитал ее неясные мысли и страх.

- Что ты встал? - поторопила она, даже потянула его за рукав. - Идем!

- Здесь кончается Покров, - он мотнул головой, указывая номер последнего в ряду дома, около которого они встали: «9». - Крас узнает, что я сбежал, едва я переступлю эту черту.

- Ничего, - тихо сказала Лира. - Мы от него сбежим.

- Глава ордена прислал за нами экипаж? Где он?

Лира добросовестно огляделась в поисках повозки, чувствуя себя шутком. Неприятное чувство! Ведь она знала, никакого экипажа Латэ не отправлял, и вовсе не глава охотников ожидает, когда же Избранный решится пересечь невидимую границу.

- Нужно перейти парк, - наконец, нашлась она. - Пошли же! Но теперь Винсент остановил ее, прихватив двумя пальцами рукав у плеча.

- Чуть подождем, - прошептал он. - В парке только что появилась какая-то тень.

Лира выругалась про себя. Неужели Дэви решил не ждать?! Он же обещал, что появится, когда они с Избранным будут идти парком!

Впрочем, не стоило себя обманывать: прямо Дэви обещал лишь отпустить Избранного, если тот не захочет обращения. Подробности плана владыка с нею вовсе не обсуждал, и просьбу не трогать Миру Вако проигнорировал. Лира подумала об этом и похолодела. Что, если Дэви все же попытается надавить на Избранного, пригрозив его тетке?

- Винсент, послушай, - выдавила она. - Мне нужно тебе кое-что сказать. Меня прислал не Латэ.

Но он не слышал. Вдруг, радостно вскрикнув, сам переступил Покров, бросился к парку.

- Тут Мира! - крикнул он ей, махнул приглашая за собой. - Латэ привез Миру сюда! Это будет лучше всего...

Очень дурное предчувствие стиснуло холодными сильными пальцами сердце.

- А если это не Мира? - очень тихо спросила Лира. Будто этим могла исправить то, что уже произошло. Разумеется, она! Не доверяя Лире полностью, Дэви притащил сюда вампирку, чтобы выманить Винсента!

«Точно, точно так», - звенели деревья, стучаясь окаменевшими от холода ветками. Чудовище в парке стерегло свежую добычу.

Винсент тряхнул головой, словно избавлялся от того же наваждения.

- Это она, - заверил он. - Я узнал ее тень. Мира там, в парке! Ну, вот и все, Диос, - его голос радостно возвысился. - Сейчас вся земля страха узнает о моем Даре, что бы там ни говорили Крас и Нефандус!

Он улыбнулся ей, и Лира вдруг подумала: что бы ни случилось дальше, она всегда будет помнить Избранного именно таким: легким и быстрым в движениях и веселым, несмотря на груз проклятия, и даже в страшный ночной час - без холода и отчаяния в глазах. С встрепанными, давно не стриженными волосами и в пальто с чужого плеча... Лира тоже улыбнулась Винсенту. Сил ответить ему не было. Поднимался ветер. Чёрный, страшный ветер - дурные вести. Избранный ещё не понимал, но Лира уже знала...

Дэви обманул ее. Во всем. Так же, как родители.

Они ступили в парк. Винсент уверенно шёл вперёд, он уже знал, где его *carere morte*. Потом, издав радостный возглас, побежал... и вдруг остановился. Лира подошла к нему. Черная стена деревьев разомкнулась на стройный ряд колонн, и у одной из них, в шаге от дорожки, стояла маленькая дама в черном, вычурном по-дикарски платье. Мира Вако. Её голова была странно откинута: в сторону и чуть-чуть назад, светлые вьющиеся волосы рассыпались по плечам. Казалось, она беззвучно кричит - рот был открыт, зиял темной ямой. Рук видно не было - должно быть, связали за спиной. Она и к дереву была привязана, а не просто прислонялась, скоро разглядела Лира, шею, грудь, талию, бедра пересекали лезвия веревок.

Винсент замер, также разглядывая *carere morte*, её странную неловкую позу и слишком чёрные, огромные, пустые глаза. Его губы искривились.

- Это не она... не может быть, - забормотал он быстро, неразборчиво как умалишенный. - Но... она! Не такая темная, пустая внутри, как другие... я же чувствую... - не договорив, он побежал к Мире. Лира осталась на месте. Сейчас холод декабрьской ночи показался ей, заледеневшей внутренне, летним зноем. Смотри же, Диос: вот первая жертва твоего решения. Твоего предательства! Что это... с её глазами?!

Винсент в шаге от Мира остановился, точно наткнулся на преграду. Он слабо потянул к ней руку, но не коснулся, без сил опустился в снег. Лира бросилась на помощь. Сверкнул кинжал, выходя из ножен у пояса, она разрезала верёвку, связывавшую тело, Мира сползла вниз. Лира подхватила её. Свет луны осветил лицо *carere morte*, и Лира поняла: у той нет ни языка, ни глаз. Глазницы - чёрно-красные дыры, кровавым снегом забит рот. Тот, кто пытал ее, был неаккуратен: на щеках, в углах губ, глазницах кожа была изрезана в лоскуты.

Лира не удержала ее. Мира упала лицом в снег, и у шеи под волосами что-то блеснуло. Лира слабо окликнула Винсента, показала. Он откинул в сторону ее волосы и оба увидели рукоятку охотничьего кинжала. Все лезвие было вогнано Мире в голову, наискось вверх.

- Может, принести ей пищу, кровь? Что надо делать? - крикнула Лира. От ужаса она совсем забыла, как они оказались здесь, что будет дальше. - Скажи! Я принесу ей жертву... Что?!

Лицо Винсента казалось безразлично-спокойным, но чувствовалось, что это сложный

баланс на грани безумия. Он ничего не ответил, будто и не услышал. Пришлось крепко встряхнуть его, чтобы взгляд хотя бы зафиксировался на ней.

- Винсент, я помогу, - быстро заговорила Лира. - Только скажи, что нужно делать? Если ей мою кровь прямо сейчас дать - поможет?!

Он моргнул и заговорил - глухой, незнакомый, неживой голос, от которого делалось еще страшнее, чем от вида измученной *carere morte*.

- Чтобы восстановиться, ей нужно будет столько крови, что голод потом невозможно будет удержать в узде. Серебро в голову - тяжелейшее повреждение, она сама говорила... Сколько кинжал уже у нее в мозгу? Час? Сутки? Может, она уже потеряла всю память. Она станет безумной дикаркой. Ладно, пусть даже так! - вскричал он, гневно посмотрел на Лиру, будто она с ним спорила. - Все равно. Ее глаза... Язык... Это не восстановить, дав ей сколько угодно крови.

- Так я достану кинжал! - Лира уже потянулась к рукояти, но Винсент ее остановил:

- Нет. Не надо, пока я не принесу ей крови. Она очнется в такой боли... Жди здесь. Я пойду за Латэ.

- ...Латэ?

- Пусть своей жизнью ответит за то, что с ней сделал! - лучше бы он сейчас плакал, смотреть в эти сухие бешеные глаза было совершенно невозможно. - Почему?! Он же... Я думал, глава мне помогает!

- Винсент, - прошептала Лира, удивляясь, как замерзшие нечувствительные губы еще двигаются. - Это не Латэ.

Уже поднявшийся, чтобы уйти, он обернулся к ней, как последним движением оборачиваются к врагу, выстрелившему в спину:

- Что?

- Это не Латэ, это Дэви. Это с ним у тебя сегодня встреча, - она нервно улыбнулась, так страшно и весело прозвучали эти немыслимые слова.

- Что?!

- Крас хочет тебя убить. Потому что проклятие Алитера... Я решила, что тебе лучше присоединиться к вампирам Дэви, - почему она раньше не поняла, как грубо и подло прозвучит то, что она так хорошо придумала? Даже и слов новых не находится, хочется крикнуть одно: Прости! - Охотники наклеили на тебя ярлык Проклятого, и на всех вампиров также! А ты покажешь им, что это не так, когда станешь *carere morte*... но не злобным чудовищем! Я верю, ты таким и станешь! Верила...

- Ты... Или дура, или сумасшедшая... Что ты сейчас говоришь? - Винсент все еще не мог ей поверить. Лира отползла от тела Миры, поднялась, держась за дерево. Надо как-то привести мысли в порядок. Убедить его, что стать *carere morte* будет правильно, ведь иначе только смерть. Но как?! Когда его любимая лежит тут в парке, запятанная владыкой, без глаз и языка...

- Дэви мне обещал, что отпустит тебя, если ты не согласишься стать *carere morte*. В ордене тебя ждет только смерть. Я решила, что все же лучше тебе будет...

- Да с чего ты взяла, что можешь решать за меня?! Диос?! - Винсент в ажитации схватился за голову. - Когда они здесь будут?! - он оборвался. Вскинул голову. Лира тоже. Пришлось подождать с полминуты, и она увидела то же, что и он: крылатые тени спешили к ним со всех краев парка. Они образовали большой круг над тропинкой, где они с Избранным стояли, круг, постепенно проваливающийся к земле воронкой.

- Винсент, - не удержалась Лира. - Если ты не хочешь бессмертия, беги сейчас под Покров! Я задержу владыку.

Он бросил взгляд на неподвижную Миру и решительно мотнул головой.

- Беги! У меня сильная защита, - прошептала Лира. Она подобралась внутренне, готовясь к первой настоящей битве с вампирами.

- Я останусь, - тихо, раздельно сказал Избранный и недобро усмехнулся. - Если владыка будет упорствовать, он просто станет первым исцеленным.

Carere morte снижались. Касаясь земли, они обретали человеческий облик. Через мгновение Лира с Винсентом были окружены, и тогда явился Дэви. Разорвав круг, темноволосый господин с властным холодным мёртвым взглядом, в белой маске с длинным носом и широкой развевающейся одежде неторопливо пошел к Избранному. Жаль, что выражение его черных глаз в прорезах маски невозможно было разглядеть! Сдержит ли владыка слово? После того, что он сделал с Мирой, уверенности в этом у Лире не было совсем. Человек... тварь, способная на подобную жестокость, будет способна и на отвратительнейшую ложь.

- Подходи, - прошептал Винсент ему. Избранный гордо вскинул голову. - Ты в шаге от того, чтобы быть исцеленным.

Дэви засмеялся, ничуть не утратив уверенности:

- Ты в шаге от того, чтобы быть поглощенным собственным проклятием, мальчик!

Владыка взмахнул, но черная чудовищная тень взвилась вокруг Избранного, заключила его в кокон. Лира закрыла глаза и призвала защиту родителей. Пусть она встанет на пути владыки серебряным щитом! Только впервые в жизни не получилось. В ушах звенело: «С чего ты взяла, что можешь решать за меня?!» - и она запоздало понимала, что сама была такой же, как родители. Не хуже них клеила ярлыки на других и ждала, что они будут действовать согласно с ними, или заставляла действовать согласно с ними... Он не дала Избранному свободу - забрала, как родители забрали ее свободу! А теперь Дэви заберет и жизнь Винсента.

Сейчас как никогда нужна была ее защита, но вампир подходил все ближе, а щит не возникал. Только потеряв ее, Лира поняла, чем она была: уверенностью в правильности собственных поступков.

и опять картинка для поднятия настроения)

Глава 12 Призрачный парк

«Изумрудный сад» - летняя резиденция Его Высочества находилась в глубине Сатура. Вечнозеленый садовый лабиринт, окружающий богатый дом, с высоты четкими гранями действительно напоминал драгоценный камень. Мира мгновенно узнала, куда ее тащат, хоть и летала тут редко. Но... зачем к Наследному Принцу? Он что, друг владыки вампиров?

Впрочем, все лишние мысли пропали, когда куклы Калькаров опустили ее на ковер в кабинете. Тут было тесно: собралась вся свита Дэви. Марионетки встали кругом, владыка вольготно расположился в кресле перед ней.

- Мира! - радостно поприветствовал он, только в бездонной глубине темных глаз плясали злые огоньки. - Ты, конечно, уже догадалась, почему здесь. Недавно до меня дошли интересные сведения. Орден скрывает в Доне некоего «Избранного» или «Проклятого» и имя ему - Винсент Линтер.

- О-о, - Мира сумела прошептать только это: губы онемели от страха.

- Ты саботировала поиски Избранного в Карде, ты обманула меня в Зеркальной галерее, скрыв имя Избранного. Ты осмелилась поспорить с моей властью и силой, поставила себя выше владыки вампиров и заслуживаешь... - он прервался, наслаждаясь ее смятением, потом закончил: - ...испытания, что покажет, достойна ли ты звания высшей из высших.

- Что?

Дэви коротко кивнул Магнусу Калькару, и тот развернул кресло рядом с собой, до сих пор повернутое к окну. В кресле полулежала молодая светловолосая женщина в простом темном в крупную клетку платье. Она словно спала, поза была естественной, руки и платье красиво уложены, голова повернула к собранию. Только голубоватая, лишённая красок жизни кожа подсказывала, что дама мертва.

- Испытание это - изготовление первой куклы! - горделиво объявил владыка. - Все высшие из высших должны уметь создавать марионеток, пусть не всем доведется этим пользоваться. Вот твоя первая марионетка. Оживи её, и станешь зваться хозяйкой кукол.

- Я н-никогда не пробовала делать кукол, господин.

- Ты сегодня отлично поохотилась, достойно высшей из высших, Сесилия наблюдала. Сделаешь и марионетку.

Кто-то, посмеиваясь, подтолкнул ее к покойнице.

- Я н-не готова сегодня, господин. -

Мира со страхом и надеждой огляделась, но поддержки не нашла ни в ком. Хелена шептала что-то Адаму на ухо. Калькары статуями, почти неотличимые от своих кукол, встали у окон. Дэви зло засмеялся:

- Мы готовы, этого достаточно! Сегодня, Мира! Я так хочу.

Не подчиниться было невозможно. Мира подступила к креслу с мёртвой, тронула холодную руку дамы.

Она чужла ловушку, но найти её не могла. Ясно было одно: что бы ни задумал Дэви в эту ночь, всё направлено против неё и Избранного.

- Ты ведь обращала живых, дикарка. Обращение мертвых от этого почти не отличается, - Дэви засмеялся. Мира судорожно глотнула воздуха и склонилась над покойницей. Нашла рану у той на груди - узкую, кинжальную. Магнус, бывший наготове, немедленно протянул по виду тот самый, убивший женщину, нож. Мира машинально взвесила его в ладони.

«Метнуть бы в Дэви», - лишь мысль мелькнула, а куклы тотчас сомкнули круг, скрыв владыку.

- Смелее, - усмехнулся из-за стены марионеток Дэви. - Посмотри, я старался. Эта кукла так похожа на тебя! Телосложение, рост, даже черты лица и цвет волос - всё, чтобы тебе легче было ею управлять. Она мертва уже сутки - удобное, холодное, лишённое памяти прежней жизни тело. Вперёд!

Мира поморщилась от боли, когда вскрывала себе вену на запястье. Кровь полилась ровной медленной струёй в рану мёртвой, и скоро всё было закончено. Обессилевшую Миру отнесли в сторону, так чтобы она не видела куклу. Выждав минуту, Дэви приказал:

- Хелена, проверь!

Мира следила, как подруга Адама подходит к мертвой. Хелена вынула из причёски острую шпильку, кольнула безвольно свесившуюся руку покойницы, и Мира дернула рукой от боли.

- Отлично! - дал оценку Дэви. - Мира Вако безусловно достойна отныне именоваться хозяйкой кукол.

- Впрочем, ненадолго, - сейчас же подал голос Адам, и владыка приказал:

- Переоденьте куклу.

Марионетки Сесилии унесли тело в соседнюю комнату, туда же прошла Хелена. Дэви поднял бровь:

- И ты, высшая из высших, иди к ним.

Мира встала, держась за стену. Медленно, мелкими шажками, хватаясь за мебель пошла за куклами. Поднявшись, она поняла, что чувствует себя неплохо, но вовремя сообразила, что следует разыгрывать крайнюю степень слабости. Затаиться и выждать. У нее будет всего один шанс на всего один удар.

Комната оказалась женской спальней. Куклы Сесилии встали у окна и дверей комнаты, о побеге можно было пока забыть. Хелена распахнула белый с позолотой шкаф, принялась перебирать наряды:

- Слишком богато... нарядно... ярко... а это мелькнуло в газетах, - шептала она себе под нос под шуршание тафты и шелка. - Нет, знаешь, лучше снимай свое!

- Зачем?

Хелена захихикала. Непонимающая Мира расстегнула застёжки платья, и его тут же стащили марионетки, оставив ее в корсете и нижней юбке. Хелена также до нижней одежды раздела покойницу и принялась натягивать на нее Мирино платье. Фантомное ощущение, будто одевают тебя саму, поразило Миру. Она, не удержавшись, охнула.

- Зачем вам все это?

- Пора бы догадаться, - протянула Хелена. Теперь она была поглощена самой сложной работой - созданием возможно более точной копии Миры. Лишь время от времени она окидывала Миру взглядом художника, пишущего портрет. И у неё получалось. Платье *carere morte* на куклу село идеально, а ее светлые вьющиеся волосы Хелена растрепала и оставила небрежными в причёску. Мира пока переоделась в простое платье мертвой, стараясь не отвлекаться на фантомные сигналы от марионетки.

- Лицо, конечно, непохоже, но Адам перекроит как надо, - отрывисто бросила Хелена через полчаса. - Идём, Мира. Знаешь, ты слишком отвлекаешься на ощущения куклы. Дистанцируйся, иначе и ее боль будешь испытывать в полной мере.

Мира осторожно кивнула. Странное, не похожее ни на что ощущение все больше пугало.

Ужасное раздвоение! Она видела куклу и в то же время видела себя глазами куклы. Она стояла, держась за стену, и в то же время лежала на постели. Впрочем, новое тело, надо признать, было весьма удобным. Холодным, но не окоченелым, только некоторая скованность мышц лица...

Мира сделала первый шаг и зашаталась, и тело на постели зашевелилось.

- Эй, эй! - крикнула Хелена. - Оставь её, сосредоточься на себе!

Страх в голосе дал Мире понять, что она действует в правильном направлении. А если попробовать разнести ощущения, двигаться по очереди? Запретив второй себе двигаться, Мира взмахнула рукой. Кукла осталась неподвижной. Воспрянув духом, она проделала обратный опыт. Замерла сама, и приказала приподняться кукле - та села на постели...

- Эй, хватит! - снова крикнула Хелена.

Кукла Миры вцепилась в опешившую марионетку Сесилии, и Мира кинулась к освободившемуся окну. Но госпожа Калькар легко отшвырнула куклу обратно на постель, и Мира, опять не выдержав раздвоения ощущений, споткнулась. Потеряв равновесие, повалилась на пол.

- Достаточно! - громко сказала Хелена. Это слово было сигналом. В комнату вошли ещё двое марионеток... и Митто. Марионетки прижали Миру к полу, не давая подняться. Тогда она полностью отдала себя кукле, резво вскочила с постели, но первая марионетка Сесилии легко обездвижила и ту ее.

- Сопротивляется? Отлично, - заметил Адам. - Связь Миры с куклой достаточно крепка, господин! - крикнул он Дэви. - Винсент не отличит проклятие в теле куклы от Миры.

- Приступай, - через мгновение раздался холодный голос владыки. Мира отчаянно дёрнулась, но её лишь сильнее вдавили в пол. В руке Адама сверкнул серебряный кинжал.

- Не подходи! - заорала Мира. - Не смей меня трогать!

Митто пошёл не к ней. Он склонился над куклой, махнул рукой, и Мира близко-близко увидела сияющее лезвие. Лезвие вошло в глаз куклы, и Мира закричала.

Больно! Она извивалась, пытаясь уйти от режущего лезвия, но лишь нанизывала себя на него - на иглу дикой боли. Митто мало было просто выколоть глаза, он выскребал их ножом, как масло из маслёнки. И она кричала. Крик помогал немного избыть боль, но лишь усиливал её ужас.

- Что она так орёт? - раздражённо сказала кукла Сесилии голосом госпожи Калькар. - Прекрати это!

Адам усмехнулся, дёрнул куклу Миры за подбородок так, что челюсть вылетела из сустава. Рот нелепо разинулся. Митто вырвал кукле маленькие человеческие клыки, отрезал язык у самого основания, и Мира, захлебнувшись ужасом и новой болью, завывала.

- Адам! - прорычал из комнаты чем-то недовольный Дэви.

- Я уже закончил, - бросил Митто. Он вогнал кинжал в затылок куклы, и боль исчезла, но с ней исчезло и ощущение собственного тела... Когда очнулась, Мира снова была в кабинете. Глаза болели от яркого света, во рту было солоно от крови. Мира коснулась кончиком языка зубов и облегчённо вздохнула. Язык на месте. Просто ее будили, вливая в рот холодную стабилизированную кровь. Куклу она более не чувствовала.

Увидев, что Мира пришла в себя, Хелена крикнула что-то марионеткам Сесилии. Миру тут же подхватили под руки. Она попыталась твёрдо встать на ноги, но ударом по щиколоткам её поставили на колени. Тогда она подняла голову. Она была в двух шагах от владыки, так и не вылезшего из кресла.

- Мира Вако! - спокойно и в то же время странно резко проговорил Дэви. - Как высшая из высших, предавшая владыку вампиров, ты должна быть казнена до сегодняшнего рассвета.

Мира сдержала всхлип ужаса. Сердце билось так, что выскочило бы из груди, если б не корсет.

- Тебя следовало бы убить на месте сразу, без испытаний. Но нам на сегодняшнюю ночь будет нужна твоя кукла. Ты же не откажешься подарить своё творение владыке, правда? Поэтому твоя вечность немного продлена.

- Господин, - прошептала Мира. - Вы позволите мне...

- Оправдаться? Нет, бессмертная. Твоя история ясна мне, твоя судьба также.

- Нет! Я только хочу сказать... Владыка! - отчаянно крикнула она, дёрнувшись: показалось, что её хотят вывести из комнаты. - Вы же дадите Избранному выбор?! Если он не уступит вам, вы же отпустите его, господин?! Вы - бессмертный бог! Не будьте мелочно мстительны, отпустите его, если он не пожелает вечности! Умоляю вас!

Владыка поднялся и отошёл в сторону. На Миру он даже не взглянул.

- То же мне говорила Голос Бездны, и ей я обещал пощадить Избранного, если он не захочет обращения. Но я не могу отпустить Винсента с его исцеляющим Даром, - ровно сказал он, будто сам себе, глядя в зимнюю тьму за окном. - Поэтому я просто убрал варианты, когда он может отказаться от вечности *carere morte*, и мне придется исполнить клятву, данную Голосу Бездны. Он может не подчиниться мне, изуродованной куклы тебя может оказаться недостаточно, чтобы сломить его, но его точно убедит угроза тебе... По доброй воле или нет, Избранный обретет сегодня бессмертие.

Вампиры встрепнулись, Дэви же обернулся к Сесилии и тихо приказал:

- Вако запри на складе кукол в Ориенсе Возможно, до конца ночи она нам еще понадобится.

Они летели над городом...

Одна кукла Сесилии впереди - указывала путь, еще по одной справа, слева и снизу, две позади - чтобы предупредить попытки побега. Всего шесть - кажущаяся немногочисленность. Но Мира теперь понимала на собственном опыте: большое количество кукол рассеивает внимание хозяйки. Для сопровождения пленницы госпожа Калькар отрядила ровно столько марионеток, сколько легко и без проблем справятся с взбалмошной, но одной-единственной Вако.

Марионетка впереди изящно, сильно расправила крылья, делая резкий поворот вправо, остальные повторили синхронно, лишь уставшая Мира выбилась из общего ритма. Холодный порыв ветра налетел неожиданно, и тонкая слабая тень её крыльев задрожала, борясь с ним. С каждым махом она всё больше уставала, всё больше отставала мыслью от бешено несущихся событий, всё больше отчаивалась:

«Что же делать?! Позволить сопроводить себя до склада и запереть? И ждать, когда Дэви притащит туда упрямого Избранного, к ней на встречу? А что, если хватит куклы, и эта встреча вовсе не понадобится?!» -

Она даже мысленно застонала, представив Винсента-вампира, как две капли похожего на Алана... Но что делать? Чтобы начать действовать, надо избавиться от конвоя! Как?! Без оружия, без сил, одна против шестерых!

Хуже всего было, что опять начинал просыпаться голод. Раскормленный последними жертвами, он был силен как никогда, уже не туманом проползал в мысли - закрывал их непрозрачным черным покрывалом.

Сейчас они летели в Ориенс по прямой от «Изумрудного сада», через реку и Восточный проспект. Сесилия торопилась. Мира попробовала обратиться к кукле, но на том конце нити было темно и пусто.

Внизу маслянисто блестела Серма. Вдалеке, на берегу, чернело пятно. Деревья голыми острыми макушками царапали небо. Парк Королевской Академии под Покровом.

«Покров! Орден!» - сверкнула мысль, и к ней почему-то моментально прицепилось недавнее воспоминание. Слова Ники:

«Тебе давно следовало обратиться за помощью к охотникам!»

Казалось, ее опять сейчас затягивает очень плотным потоком воздуха сквозь невидимую стену - в неизвестность...

Назад из-под Покрова *carere morte* не возвращались. Должно быть, их убивали ритуалом. Но, чтобы убить ритуалом вампира, тот должен быть в сознании: те, кто лежат без чувств, не испугаются Пустоты так, чтобы сгореть в ней. Перед ритуалом их как-то приводят в чувство. Значит, приведут в чувство и ее... У нее будет несколько мгновений, чтобы рассказать о Винсенте и о том, что готовят ему вампиры Дэви. Охотники направят отряды в Призрачный парк и защитят Избранного! -

Не слишком хороша была эта логическая цепочка, в ней так и зияли дыры, но Мира ухватилась за нее. Стая кукол проплывала высоко над парком, показалась Академия, черной галочкой помечающая перекресток широких улиц, и Мира, сложив крылья, кинулась вниз. Всем телом ударила нижнюю куклу, рванулась еще, еще ниже, отчаянно стараясь добавить скорости, пока полет не превратился в очень быстрое падение. Деревья парка выросли и приблизились, вытянули скрюченные худые пальцы голых ветвей. Куклы нагоняли, одна ухватила край ее крыльев, и Мира скинула тень, оставив клочья в руках преследователей. На миг мелькнули перед глазами марионетки. Они тянули к беглянке руки, а потом вдруг резко расправили крылья, и сразу отделились. А Мира уже плыла в плотном потоке ветра и словно скользила по поверхности огромной полусферы куда-то в засасывающую тьму...

Одна марионетка взвыла, рванулась за ней, схватила, и в крону дерева они врезались вместе. Замерзшие веточки сломались со звоном, оставив длинные глубокие порезы на лице, плечах, спине. Сцепившиеся вампиры провалились сквозь них. Мира попыталась вновь обернуться крылатой, но поздно. Пребольно ударившись спиной о толстую ветку и опять перекувырнувшись, она мешком свалилась в снег. Кукла рядом. Жадно хватая воздух ртом, будто ей как человеку не хватало дыхания, Мира вскочила. Голова кружилась. Она провалилась сквозь Покров и осталась в сознании. Быть не может! Или они упали за пределами Покрова?!

Мира кинула испуганный взгляд на марионетку. Мертвец скалил желтые зубы в небо, но не двигался, несомненно, плененный куполом охотников. Она спасена!

- *Carere morte*? - произнес явно шокированный молодой голос. Мира резко обернулась. Голод черной пеленой падал на глаза, но она слышала испуганный стук сердца человека перед ней в унисон со своим, разогнавшимся за время бегства от марионеток. Пустота внутри молила согреть ее теплом чужой жизни.

Борясь с собой, она сделала один слепой, неуверенный шаг на голос и стук, и нечто невидимое отшвырнуло назад в снег. Защита охотника.

Мира очумело замотала головой. Голод схлынул: страх был сильнее. Внутри все сжималось в ожидании удара меча или серебряной стрелы. Лучше б она потеряла сознание при падении.

- Carere morte, - повторил охотник уже спокойнее. - Как вы прошли Покров?

Мира мотнула последний раз головой и пришла в себя. Перед ней был всего один охотник и без оружия. Обыкновенный на вид молодой человек, темноволосый, с симпатичным, располагающим к себе лицом.

- Как вы прошли Покров и остались в сознании? - повторил он. Мира приподнялась. Он с машинальной вежливостью подал ей руку, помогая встать. Прикосновение, хоть и в перчатке, обожгло живым теплом.

- Не знаю. Мне просто была нужна ваша помощь, - пролепетала Мира. Она готовилась к тому, чтобы быстро выпалить план Дэви охотникам в лицо и умереть, и к простым вопросам оказалась совсем не готова.

- Моя?! - охотник оторопел не меньше ее. Мира чертыхнулась.

- Помощь ордена. Владыка вампиров сегодня решил забрать Избранного!

- Избранного? - переспросил он, но в глазах вспыхнуло понимание. Знание того, о чем она говорит. Обрадованная Мира чуть не затрясла его за плечи, но вовремя вспомнила об опасной защите:

- Да! Избранного! Винсента! Он скрывается где-то в Ориенсе, верно? Под Покровом! Дэви нашел способ выманить его!

- Идемте в часовню, там расскажете, - быстро сказал охотник, нервно поглядев в сторону Академии. Там только что слышно хлопнула дверь.

- Что такое? - насторожилась Мира.

- Глава почувствовал нарушение целостности Покрова и отправил на поиски вас отряд, - просто объяснил охотник, все еще с привычной вежливостью, хотя к вампирам служители ордена никогда не обращались на «вы». - Лучше вам с ними сейчас не встречаться. Они стреляют сразу, не слушая.

- А меня... - она осеклась, боясь спугнуть надежду: «...меня выпустят отсюда живой?». Охотник снял короткое пальто и предложил ей. Кажется, он немного покраснел. Боялся попасть под чары carere morte или с механической вежливостью заботился о «замерзающей девушке»? Так или иначе, Мира позволила накинуть пальто себе на плечи, поморщилась от шершавости его шерстинок. На долю секунды даже стало весело. Все-таки от охотников она ждала куда худшего приема.

Они зашли в небольшую часовню в глубине парка. Молодой охотник встал в решетчатом пятне лунного света, бросаемого на пол окном-витражом, и потребовал:

- Говорите!

Мира в три вдоха поведала свои догадки насчет плана Дэви, молясь только о том, чтоб после он отпустил ее скорее. Хотя она по-прежнему находилась на территории охотников, врагов, страха не было. Мира вновь становилась отчаянно смелой. Сейчас она тихонько покинет парк, полетит в Ориенс. Если Винсент увидит ее там, непобежденную, Избранный воспрянет духом, и тогда... тогда Дэви не победить! Но, когда она закончила, охотник с тем же доброжелательным выражением лица сообщил:

- Хорошо. К Винсенту на помощь будут отправлены отряды. А вы пока повторите все это главе ордена...

- Нет! - неожиданно громко воспротивилась она, крик эхом зазвенел, оттолкнувшись от каменных стен часовни. - Отпустите меня! Так мало времени! Где вы скрываете Винсента? Дэви, наверное, уже там!

- Вы должны подтвердить свои слова главе ордена...

- О, Бездна! Я быстрее ваших экипажей! Я буду на месте первой!

Охотник смотрел на нее минуту, испытующе, но с приязнью. Мира тщетно пыталась успокоиться, но сердце все равно сильно, отчаянно, как у человека билось, и щеки горели не от мороза - волнение раскрасило их румянцем. Как там Винсент?.. Мира представила холодный жестокий взгляд Дэви, и ее затрясло.

- Где вы прячете Избранного?! Скажите, умоляю! Я вернусь... Я буду вам служить... Хоть всю вечность...

- Как ваше имя? - сдался охотник.

- Мира... Мира Вако.

- Ждите здесь, я принесу оружие, - пообещал он и вышел. Мира прислонилась спиной к стене часовни, с безнадежностью закрыла глаза. Сейчас этот охотник притащит сюда тот отряд... или своего главу. А Винсент тем временем найдет ее жуткую куклу!

Охотник быстро возвратился. Один, и с обещанным оружием. Арбалет Мира забраковала: «Не умею обращаться», серебряный меч взяла. Он оказался неожиданно легким, и она подумала: головы марионеток поскачут как мячики...

- Родниковая улица, дом 12, - кратко сообщил охотник. Мира вернула ему ненужное пальто.

- Пожелай мне удачи хоть ты, незнакомец, - уронила она. - И передай главе мои извинения за отложенную первую встречу.

Шаг в ночь и шелест распахивающихся за спиной крыльев. Мгновение Мире казалось, она так и упадет на землю, слишком тяжелая, переполненная тревогой за судьбу Винсента... Но тень привычно легко подхватила ее. Она понеслась в Ориенс.

«Родниковая улица, 12. Бездна возьми, это недалеко от того места, где мы охотились!» -

Мира выбрала кратчайшую дорогу, но скоро пришлось с нее свернуть. Всюду в поисках беглянки кружили куклы Калькаров. Осталось пробираться к Родниковой окольными путями. Хуже всего было, что голод вновь заявил свои права. На середине пути крылатое обличье вовсе отказалось служить. Мира едва успела снизиться, как тень рассыпалась ключьями, она кубарем покатила по мостовой.

Кто-то испуганно завопил в стороне. Запоздалый прохожий. Мира кинулась на крик и свет жизни, за полминуты выпила их до дна. «Залпом», - называл это Алан... Больше на улице не было никого. Она побежала, и стук ее каблучков был таким же быстрым как стук сердца. Потом взлетела.

Внизу в ту же сторону вереницей неслись четыре экипажа. Мира узнавала их - свою бешеную скорость и скрываемое напряжение силы. Охотники. Глава ордена выслал отряды на помощь Избранному. Увы, она не опередила их, но их присутствие все равно подбодрило. Впереди показался парк Второй Городской больницы, и над ним кружила целая стая крылатых теней, медленно формируя воронку.

Завидев предательницу, наперехват бросилось несколько кукол Магнуса. Мира обреченно приготовила меч. Она удачно отразила первый удар и своим рассекла чудовищную тень противника, так что открылось сидящее в ней как в коконе иссохшее тело мертвеца. Двое напали сзади, пронзили и ее тень. Мира рванула вверх, но лишилась половины крыла.

- Снижайся! - знакомый голос с земли. Тот же охотник, что встретил ее близ Академии, махал с дорожки парка. Рядом еще трое, и у всех заряженные арбалеты.

- Спускайся вниз! - снова крикнул охотник. Мира сложила крылья, очертя голову

понеслась к земле. Куклы за ней - и сейчас же защелкали арбалеты охотников. Мира дрогнула, подсознательно ожидая, что серебряные болты вонзятся и в ее тело, но стреляли только по марионеткам. Куклы Магнуса попадали на землю, а Мира влетела в парк, пронеслась над головами охотников. Она уже видела, что там, впереди, на дорожке. Владыка вампиров и стоящий против него Избранный. Неясная черная тень обнимала фигуру Винсента, будто он уже был *carere morte*...

Винсент ясно видел спускавшихся в парк вампиров и их предводителя, он отслеживал все их перемещения, все переливы их черных теней в небе над парком. И всё же почему-то пропустил момент, когда владыка вампиров возник перед ним: в маске и широкой одежде - обезличенная фигура, скрывающая пол и возраст. Кажется, он сказал Дэви что-то насмешливое... Лира Диос выступила вперед, но вампир подошел к ней, будто у нее вовсе не было защиты охотников, небрежным жестом взял за подбородок, заставляя посмотреть близко, глаза-в-глаза.

- Где твоя защита, дочь охотников? - тихо сказал он. - Ушла навсегда!

Он отшвырнул Лиру, обернулся к Избранному.. и в тот же миг детский план Винсента разбился в пыль, как весь мир вокруг. Исчез Призрачный парк, исчезла спутница-предательница и несчастная искалеченная Мира на снегу, он не знал, жив ли он сам или уже нет, исчезли звуки и запахи - исчезло всякое ощущение пространства. Та чернота, что проклятием всегда была в его крови, восстала и сделалась главной, теперь не она была скрыта в нем, он был заточен в ней. Дух владыки Алитер узнал своего преемника Дэви... и он не собирался уступать ему. Начался поединок двух бессмертных. Избранный был в нем никем.

Винсент пытался по кусочкам собрать собственную память, чувства, мысли, но все разваливалось. Им завладели другие воспоминания - чужие, не принадлежащие ему, всего восемнадцать лет живущему на свете... и все же - его, спрятанные глубоко в крови. Винсент опять видел бал, мелькавший почти в каждом этюде, и то же лицо будущего владыки бессмертных Дэви, юное и еще не лишившееся живой человеческой мимики:

«Что, если Дар Избранного опасен для нас?»

«Избранный сказка, его Дар - пустышка», - ответил Алитер в воспоминании, и монотонный голос вампира долго звенел в пустоте вокруг. Винсент в отчаянии сжал кулаки - и ощущение впившихся в ладони ногтей стало первым реальным, его собственным ощущением. Алитер в прошлом говорил то же, что Нефандус сказал в настоящем: Избранный бессилен. Сказка лжет.

Есть лишь Проклятие. Вот и Мира, когда-то рассказавшая ему чудесную историю об исцелении вампиров, лежит неподвижная, безглазая и немая. Искалеченная, как их сказка.

Ненависть, желание отомстить вспыхнули - первая яркая собственная эмоция. Если бы найти Дэви в непроглядной черноте, дотянуться хоть взглядом, кажется, он испепелил бы владыку...

Чернота вокруг пульсировала и уплотнялась. Винсент бездумно прислушивался к ее шорохам, пока не понял: тень ритмично колышется, набирает силу в такт биению его сердца. Оно стало центром кокона тьмы, оно давало давно ушедшему владыке бессмертных силу воплощаться в реальности.

«Если ударить в центр, в источник, питающий проклятие, это уничтожит Алитера», - это была первая, страшная своей кристальной ясностью собственная мысль. Да, он же слышал это совсем недавно: «Собранное воедино, проклятие Алитера, как любое проклятие

carere morte, падет пред серебром или солнцем».

«Жаль, что до рассвета еще далеко», - Винсент позволил себе одну слабость: представить этот рассвет. А потом выхватил из кармана кинжал из чистого серебра, забытый Нефандусом.

Уже два раза он вот так чувствовал пульсацию своего сердца кончиком приставленного к груди лезвия. Но слишком дрожали руки. Слишком страшно. Тогда его еще грела надежда на Дар, теперь же было лишь знание о Проклятии, которое нужно уничтожить... которое он один может уничтожить! Если он решится... если только он решится, чистый золотой свет Дара засияет очень скоро у другого Избранного - сильный, не загрязненный никаким проклятием. Тогда никто не посмеет сказать, что Дар бессилён. Что сказка - лжет.

Губы непроизвольно разошлись в улыбке. В сложных ситуациях Винсент всегда старался подбодрить себя ею, но сейчас это была замороженная улыбка-оскал. Последняя, прощальная. Больше ни о чем не думая, он быстрым движением всадил серебро кинжала в источник проклятия - центр тени - свое сердце.

Он ожидал резкой боли удара, но вместо этого словно ледяной жидкий металл разлился по телу, сковал руки и ноги. Серебро? Скорчившись, Винсент упал на колени, потом завалился в снег. Черная тень вокруг таяла, и вместе с нею распадался жгучий яд внутри. Ударил по глазам яркий после крошечной черноты лунный свет, отраженный от снега, стали слышны звуки: поблизости кипела битва. На помощь подошли охотники.

Винсент теперь медленным, вялым движением выдернул кинжал. Серебряное лезвие покрыли черные язвы, будто его вонзали в сердце вампира.

«Проклятия Алитера больше нет».

Владыка бессмертных по-прежнему стоял в двух шагах от него. Он снял маску. Выражение триумфа на его лице сменилось выражением крайнего изумления и разочарования.

- Ты был прав тогда, Избранный может быть опасен, - сказал Винсент побеждённой владыке и засмеялся. И поперхнулся, почувствовав железный вкус крови, тяжело распершей грудь и поднявшейся до горла.

- У тебя все еще есть выбор стать carere morte, - замороженно отозвался владыка. Винсент попробовал приподняться, но упал обратно в снег. Начали возвращаться собственные ощущения. Холод, боль... По рубашке в середине груди расплзлось пятно крови. Он только увидел это, и страх близкой смерти сразу небрежно взял ледяными пальцами за виски... резко дернув, опрокинул в пропасть:

Он уничтожил Проклятие Алитера, но этим убил и себя.

Кто-то пробивался к нему сквозь пелену холода, боли и страха. Чьи-то руки подхватили - мягкие, но сильные, знакомые. Бледное лицо и ореол золотистых волос. Он сумел дотронуться до них. Тонкие, но жесткие, совсем как у...

- Мира? - не веря, прошептал Винсент. Да, это была она. Видение или счастливый сон перед смертью, но ее лицо было вновь прекрасным, неповрежденным, только живые синие глаза полны слез.

- Это я, я, - зашептала она. - Дэви обманул тебя! Моей марионеткой!

Да... Теперь он понимал это. Изуродованная кукла была вовсе не похожа на Миру, Винсент напрасно поверил одному из самых сильных своих страхов: что тетушка пострадает из-за него. Пусть частичка хозяйки досталась кукле, но истинная яркая звездочка-жизнь, чей мягкий теплый свет просвечивает сейчас всю черную фигуру carere morte, может быть

только у Миры.

- Мира...

- Молчи! Бездна, зачем ты это сделал! - прорычала она. Осторожным движением склонилась к нему, коснулась губами раны на груди, будто как в детстве царапину надеялась ее тем залечить. Тут же замерла, осознав бессмысленность этого порыва.

- Бездна, что же ты наделал! - рыдание, больше похожее на стон. - Я уже ничего не смогу сделать! Только это...

Она резким движением поднесла свою руку к губам, прокусила ладонь. Сознание все больше заволакивалось туманом, но Винсент понял, что она хочет сделать - понял не столько по ее жесту, сколько по невидимой, но довлеющей над ними фигуре владыки вампиров. Ведь Дэви никуда не ушел. Он ждал, когда Мира закончит то, что проделать владыке Винсент бы не позволил - сделает его *carere morte*.

- Нет, - воспротивился он. Еле слышное слово вызвало такую резкую боль в груди, что пришлось прикрыть глаза, чтобы договорить и не выдать ее взглядом. - Не надо мне обращения. Обещай.

- Винсент, для тебя это последняя надежда!

Ее лицо казалось удивительно светлым. Искаженное его болью и его страхом, как отражение в зеркале, оно хранило также и золотой отсвет. Его Дар... Без грязи Проклятия Алитера он стал всемогущим. Винсент хотел взять Миру за руку, но слабость уже завладела телом. Он смог лишь коснуться ее запястья кончиками пальцев. Она вздрогнула, вспомнив сейчас то же, что и он: поцелуй, такое же легкое прикосновение его губ к ее запястью в танце.

- Ты сейчас должна... - его прервала опять поднявшаяся горлом кровь.

- Пожалуйста, молчи! - взмолилась Мира, будто молчанием он мог продлить себе жизнь. - Это не конец! Не конец...

- ...исцелиться, - все же выдохнул Винсент.

Тело онемело от близкого небытия - как в кошмарном сне, в миг, когда под ногами вдруг разверзается пропасть. Только этот миг длился и длился... Он сошел бы с ума от одного этого ощущения, если б рядом не было Миры, если бы Винсента не держала еще над пропастью связывающая их тонкая, золотая нить - общая надежда. Почувствовал это и Дэви, только не как надежду - как угрозу для бессмертных. Владыка глухо скомандовал что-то Калькарам, и вновь упала тьма: это Мира расправила черные крылья, укрывая его от бросившихся к ним марионеток.

- Ты видишь Дар? - прошептал Винсент, едва слыша себя, но надеясь, что она услышит. И прочитал беззвучный ответ по движению губ Миры:

- Да.

- Мне говорили, его нет. Называли Проклятым.

- Ложь! - все-таки она чисто, ясно взглянула ему в глаза, говоря это. И нить натянулась. Избранный поймал *carere morte*. Зацепил, обмотал золотой нитью, повлек из тьмы - к свету. Она смотрела прямо на солнце Дара в его глазах. Винсент улыбнулся.

- Вот так. Иди на свет! Иди... - шептал он, пока не кончилось дыхание. Темнота вокруг была уже не только от крыльев *carere morte* - меркло зрение, но Винсент знал, Мира все также цепляется за его взгляд. Все так же верит... Дрожь заколотила тело. Он услышал полузадушенное отчаянное рыдание-стон, одно слово, которое могло быть только его именем, и почувствовал, что руки Миры поднимают его, прижимают к себе, как в детстве

успокаивая, убаюкивая, унимая страх. Тогда Винсент согласился закрыть ослепшие глаза.

Дэви был уверен, Избранный в конце концов станет *carere morte*. Если сам он не уступит в страхе перед близкой неизвестностью смерти, то не выдержит Мира и отдаст племяннику свою вечность, чтобы только не узнавать в лицо его смерть. Когда вампирка кинулась к Избранному сквозь строй кукол Калькаров, он не стал ее останавливать, уверенный, что все опять сложится наилучшим образом. Оказалось, Дэви заблуждался, когда думал, что бессмертие Алитера вечное, неуязвимое. А оно уничтожается простым серебром, как любой *carere morte*! Хорошо, что он не потратил ни капли своей вечности, чтобы узнать это, Избранный сделал все сам. Теперь Мира отдаст Винсенту свою вечность, и на Дар вновь падет печать проклятия.

Охотники, примчавшиеся в парк одновременно с Вако, вступили в бой с марионетками Калькаров, и легко теснили кукол, сужая круг. Магнусу и Сесилии пришлось кликнуть помощь из-за периметра парка.

Сияние Дара, очищенное от проклятия Алитера, было таким, что, казалось, это еще одно солнце. Сияла не только кровь, от всей фигуры Избранного шел свет. И нападать на него, пытаться потушить казалось таким же странным и бессмысленным, как сражаться с настоящим солнцем в небе. Свет Дара возвращал *carere morte* к началу, ко времени, когда в их жилах текла горячая кровь, когда эмоции и мысли не были протравлены черным ядом вампирского голода, когда призрак Пустоты не вставал в каждом сне. Холодная вечность *carere morte* - бесконечная, продуваемая северным ветром галерея зеркал, растворялась, заливаемая золотым светом встающего солнца. Светом истинной вечности, сплавляющей воедино жизнь, а не смерть...

Адам и Хелена, как замороженные, сделали шаг к этому свету, Магнус и Сесилия напротив, отступили, в глазах кукол метался многократно отраженный ужас их хозяев. А Мира... - Дэви бросил на нее взгляд и вздрогнул: она была ближе их всех к исцелению. Это вернуло в реальность. Вампиром Винсент не станет. Еще мгновение, и эта ночь станет ночью первого настоящего исцеления *carere morte*! Дэви крикнул марионеткам оттащить Вако и скорее добить Избранного. Сесилия направила двух кукол к Мире, но охотники тут же прорвали круг. Полетели болты, владыка укрылся от них в крылатой тени, как и Калькары. И тут непонятное волнение пошло по воздуху, пропорции деревьев исказились как в кривом зеркале... Дэви обернулся. Позабытая всеми Лира Диос, поднималась, и воздух вокруг нее плавился, невидимые канаты силы взрывали снег и, взметываясь вверх, скручивали и ломали ветви крон.

- «Голос Бездны!» - прошептала Сесилия, и теперь на юную Диос обратили внимание все. Наступила тишина. Охотники замерли, вода арбалетами за движениями волн воздуха, еще не решив, стрелять ли в их направительницу. А черная тень крыльев Миры расточилась. Вако рыдала, прижимая к себе неподвижного Винсента и раскачиваясь как умалишенная. Золотое сияние вокруг Избранного тускнело, и вместе с этим вновь замедлялось биение сердца Миры, резкая тень проклятия опять ложилась под ее скулы, под глаза. Она не исцелилась.

«Кончено».

Странная ночь, давшая больше вопросов, чем ответов! Она должна была упрочить власть Дэви в земле страха, а вместо этого пошатнула его трон. Исцеление было близко. Близко, как золотой меч солнца у горла бессмертного... Дэви коснулся шеи, смахивая иллюзорное ощущение.

- Он не исцелили ее. Дар оказался слаб! - прошептала Сесилия. Дэви мотнул головой:

- Возможно, ему просто не хватило времени, - вымолвил он. - Уходим.

Это был не конец. Только вызов владыке. «Очередной вызов», - сказал он себе, ободряя, но живое сердце, разбуженное золотым светом, все также сильно, больно билось в ледяном бессмертном теле, подсказывая: вызов будет не очередным, но главным в его вечности. Что ж, здесь осталось забрать то, что по праву принадлежит теперь владыке вампиров. Дэви ринулся к Лире Диос. Один раз волна ее силы так качнула, что он едва не потерял крылатую тень, но успел схватить девушку. Она туманно, безумно взглянула на него и закрыла глаза, соглашаясь сдаться на его волю.

- За мной! - скомандовал Дэви. Чудовищная тень исказила голос, превратив слова в переливчатый вой, и скоро в эту песнь ликования и сомнения влились голоса свиты. Они взмыли над парком, понеслись в Сатур, в «Изумрудный сад». Дальше, дальше от восточного горизонта, за которым пробуждалось солнце...

Когда Винсент затих, Мира осторожно, будто уснувшего положила его головой себе на колени. Сияние Дара угасало, и становилось видно, что это не расплавленное солнце текло по венам Избранного - обычная красная страшная человеческая кровь.

- Винсент, - позвала она и зарыдала, когда он не ответил. Она не слышала ничего вокруг. Когда *carere morte* Дэви улетели, а к ней подошли охотники, Мира даже не подняла головы. Знакомый молодой охотник опустился на колени рядом с ними, тронул вену на шее Винсента и скоро негромко сказал своим:

- Мертв.

Это привело Миру в чувство. Приподняв голову, она пролепетала:

- Нет.

Охотник печально качнул головой, тихо коснулся, утешая, но она почувствовала лишь тяжесть и холод, будто его рука, легшая ей на плечо, была каменной. Не нужно ей сочувствие... совсем не нужно ей сочувствие, она еще не приняла того, что произошло! Мира повела плечом, освобождаясь. Судя по звукам, подъехал еще один экипаж. Охотник пошел его встречать, оставив с Мирой двоих на страже. Но охранять ее не требовалось, она никуда б не сбежала сейчас. Она заледенела, обратилась в статую-надгробие. Скорбящий ангел с перепончатыми крыльями демона.

Мертв. Зачем охотник сказал это? Как в это поверить? Как она могла услышать это... и после остаться жива? Что делать теперь с этой правдой?... нет, ложью! Конечно, это ложь! Он не мог уйти... так. Так рано, так глупо! Он, больше всех заслуживающий жизни!

- Винсент, - снова еле слышно позвала она, надеясь, что он ответит согласием на то, что она собирается сделать дальше. Но он лежал безмолвный, неподвижный, только ветер трепал светлые длинные волосы да загадочно поблескивал серый драгоценный камень полуприкрытых глаз. Незнакомый... взрослый, каким она его еще не успела - и очень хочет! - узнать. Сияние Дара угасло совсем, на рубашке проступило темное пятно крови. И на его руках, и на ее руках... Это следовало сделать раньше, но тогда Мира не смогла. Винсент так отчаянно просил не обращать его вампиром, не хотел судьбы *carere morte*. Его побелевшее, с печатью боли лицо напоминало лицо Алана - Алана, просящего не отдавать его Тьме. Но сейчас это уже неважно.

Мира медленным движением опустила прокушенную ладонь на грудь Винсенту, закрыв рану. Только б ее крови хватило, чтобы вытащить его из той, бездонной пропасти! Ей случалось обращать людей вампирами в последние мгновения жизни, когда сердце уже не

бьется, лишь трепещет, но таких - затихших, застывших - она не могла даже мысленно сказать: мертвых - нет.

Только б не было поздно! Она придумает как объяснить ему, что сделала. Он поймет. Пройдет время, и Дар засияет у нового Избранного. Тогда она найдет его, и попросит исцеления для Винсента. Это будет долгий путь, но они пройдут его вместе, как вместе начали, поверив одной сказке.

Стража ничего не поняла, решила, что она просто прощается. Но вот, подошел кто-то новый, приехавший с последним экипажем. Пожилой неприметный человечек, с которым, однако, все разговаривали как с главным. Он мгновенно сообразил, что происходит, перехватил ее руку:

- Вы куда смотрели?! - набросился он на охотников.

- Позвольте обратить его! - выдохнула Мира. Двое подхватили ее под руки, она дернулась, но тут же замерла: если будет сопротивляться, не сделает ли еще хуже?

- Позвольте мне завершить обращение! Дар ушел, ему не повредит мое проклятие! Я обещала, и я буду вам служить!

Глава приблизился, и Мира теперь разглядела, какие у него холодные и хитрые глаза.

- Сколько клятв ты уже нарушила, *carere morte*? - с усмешкой спросил он. - Мне не нужны твои клятвы, ты мне и так послужишь... Карл!

Подошел знакомый молодой охотник. В руках у него была серебристая изогнутая полоска металла. Мира все не могла взять в толк, что это, пока он не охватил этой полосой ее шею. Сзади звонко щелкнул замок. Серебряный ошейник!

Перехватило горло, как удавкой. Мира поперхнулась. Но она не дергалась, стояла ровно. Нельзя показывать им свою ненависть, нельзя показывать страх. Ведь глава охотников склонялся над Винсентом, он один сейчас обладал силой решить его судьбу.

- Она дала ему бессмертной крови, - заговорил кто-то из охотников. - Добить его серебром, пока не поздно?

- Нет, - глава поднялся. Живое, горькое выражение сожаления на миг исказило его лицо. - Он доказал, что был Избранным. Проклятие побеждено, Дару это не повредит.

- Господин! - отчаянно крикнула Мира. Глава вздрогнул и обернулся к ней, удивленно, будто только что вспомнил о ее существовании.

- Ладно... завершай обращение, - он неловко махнул охотникам. Ее отпустили. Мира опять упала на колени перед Винсентом. Ее проклятие уже начало работу в его теле, рана заживала. Но пустой бессмертной крови мало. Чтобы он очнулся, нужна живая, не загрязненная проклятием *carere morte*.

- Мне... мне нужна кровь, - пролепетала Мира, отчетливо понимая, что те, к кому обращается за помощью в этом, за такую просьбу могут и убить. Глава ордена и бровью не повел. Подошел все тот же Карл, протянул *carere morte* закупоренную бутылку из темного стекла. Стабилизированная кровь. У Дэви такой все кладовые забиты.

- Нужна живая кровь... - снова начала Мира, но глава раздраженно махнул:

- Довольно будет этого! Привыкай, *carere morte*.

Мира зубами вытащила пробку из бутылки, приподняв Винсенту голову, принялась его поить.

Деревья вокруг качали кронами - поднимался сильный ветер. Стучали их сухие, звонкие сучья. Мире слышался в этом звуке ехидный смех. И тонкий месяц в небе улыбался, насмехаясь именно над ней: столько пыталась избежать судьбы *carere morte* для племянника,

и вот, обращаешь его сама! Охотники стояли вокруг - ее новые тюремщики, но Мира покорно шла в клетку. Мысли занимало одно. Она жаждала, чтобы Винсент вновь открыл глаза, но в то же время молилась: не сейчас! Бездна, пусть он придет в себя немного позже! Когда она сама найдет силы посмотреть в его непонимающее, пораженное, испуганное, обвиняющее лицо...

От стебных картинок перейду обратно к крррасоте.

Последняя иллюстрация от Alle Alle. Винсент тут наверное чуть старше, чем по тексту, но пусть будет собирательный образ по 2-м томам)

Часть 3 Глава 13 Отступить, не бежать

Внизу плясали дикарский танец огоньки фонарей и окон домов, чёрная лента реки извивалась меж ними. Вверху в прорехах туч проносились звезды. Рядом, только руку протяни, невозмутимо скалился в улыбке месяц. Он сопровождал полет стаи крылатых теней... Ее полет. Ее бегство.

Лира чувствовала ветер, но не его холод. словно уже заледенела, стала статуей, и все, что теперь угрожало ее холодному бесчувственному телу - это разбиться на тысячу осколков. Чёрные крылья огромной твари, что несла ее, то закрывали полнеба, то бесшумно укрывали девушку шатром. Острые когти чудовища порвали на спине пальто и новое платье, поцарапали кожу. Владыка вампиров уносил её, равнодушную, замёрзшую, в своё логово...

И все было спокойно и неплохо - ведь каким еще может быть существование статуи? - пока куски города внизу перемещивались как стеклышки в калейдоскопе перед затуманенным взором, пока огни фонарей менялись местами с огоньками звезд, как пары в сложном танце. Но вот, путешествие закончилось. Ее опустили в светлой теплой комнате. Ровный пол, навеки определенные четкие линии стен, углов. Ничего больше не плавало, не дрожало, не менялось. Огоньки фонарей за большим окном перестали плясать, выстроились тривиальной цепочкой, и хаос пережитого в Призрачном парке навалился грузом правды. Ужасной, неподъемной. Лира повалилась на пол.

Она думала, что спасает Винсента, а вместо этого Избранный лежит сейчас там в снегу неподвижный... мертвый. Не она убила его, не она... Она не представляла, что будет так, что он решится, но...

Если б она не связалась с владыкой вампиров, если б не позвала Винсента в роковую ночь в парк, он был бы жив. Да, сейчас он был бы жив и с улыбкой говорил ей: «Знаешь, Диос, я передумал слушаться Краса. Глава ордена дает моему Дару еще шанс...»

Тело задрожало, отогреваясь. Лира обхватила плечи, отчаянно желая задержать эту дрожь, вновь застыть статуей. «Лира Диос!» - позвал монотонный голос Дэви, а она даже не подняла головы. Сейчас Лира ненавидела свое имя. Здесь, среди черных крылатых теней, оно звучало так... так...

«Предательница».

- Лира, - тот же голос, острейшим гладким лезвием разрезающий нагромождения грез, что она силилась воздвигнуть между собой и реальностью... Руки вампира заскользили по ее плечам, небрежно, как ласкают кошку. Это было б приятно, если бы его ладони не казались такими каменно-холодными и тяжелыми. Лира всхлинула. Владыка поднял ее, поставил перед собой. Теперь пришлось терпеть почти нежные прикосновения платка к лицу. Хозяин прихорашивал любимую куклу. Лучшую в коллекции... Лиру затряс беззвучный смех.

- Лира, помнишь наш договор? - спокойно спросил Дэви. Она резко, точно в нервном припадке затрясла головой. О да, помнит! Владыка, и правда, не нарушил данного слова. Не он убил Винсента, и изуродованная *carere morte*, что они нашли в парке, оказалась просто марионеткой. Дэви был честен. Справедлив. Так справедлив и благороден, что хотелось завывать. Ведь сама Лира и для ордена, и для Избранного, и даже для свиты владыки сейчас всего лишь...

«Отвратительная предательница».

- Избранного я не получил. Он отказался от пути *carere morte*.

- Он умер? - выдохнула Лира, все же надеясь неизвестно на что. Так, уже падая в пропасть, хватаются за воздух.

- Он умер и стал марионеткой *carere morte*.

Винсента сделали вампирской куклой? Ей даже горло перехватило. Если б Дэви просто сказал, что Избранный мертв, она бы приняла это, но как принять такое?

- Вы со всеми противниками так поступаете после смерти? - выдавила она.

- Он - не моя кукла и не кукла кого-либо из моих бессмертных, - холодно сказал Дэви. - Теперь, согласно обещанию, ты должна занять место Винсента в моей свите.

- Я помню.

- Господин! - громко прошипела госпожа Калькар, она, как многие вампиры свиты, все еще не скинула до конца крылатую тень, будто впереди была новая битва. - Господин, если вы дадите нам Великую, я клянусь... - она оборвалась по взмаху Дэви. Владыка привлек Лиру ближе, и теперь она не противилась. Странные слова и поведение свиты не пугали дочь охотников, пугала их причина: очередное непонятное проявление силы Лире в Призрачном парке.

- Что такое Голос Бездны? - прошептала Лира. - Вы обещали объяснить. В парке мне опять это кричали. Так прежде называли ведьму-Регину.

- Я объясню тебе в Карде. У истока Бездны, - также тихо сказал владыка. - А теперь... Ты обещала, что станешь *carere morte*, если я пожелаю того. Я желаю.

В его руке блеснуло серебро кинжала. Ее кинжала! Ее успели обыскать, а она и не заметила. На миг опять стало очень горько - Лира вспомнила, что лишилась своей защиты... Что теперь, обратиться в *carere morte*? Но зачем ей, предательнице, вечность сожалений о предательстве?!

- Нанеси удар сама, - молвил владыка и передал кинжал. Слабые вялые руки едва удержали его небольшой вес. Свита молчала, но вновь, как в замке Дэви, Лира чувствовала скрываемое напряжение вокруг, его можно было б разрезать этим ножом, как масло... Что это для вампиров, любопытный спектакль или нечто большее?

Разум зашевелился, наконец пробуждаясь. Лира укутывалась в остатки чести, как в лохмотья, тем не менее, способные закрыть обнажившееся тело. У нее в руках серебряный кинжал. Она может вонзить его в сердце владыки и погибнуть от клыков его свиты, не искупив предательство, но хотя бы крикнув последнее «Нет!» Она может вонзить кинжал в себя, как Винсент, и через час или меньше очнуться бессмертной и безумной, сжегшей всю память о прошлом в ордене, навеки потерянной даже для самой себя. Бездна, не может быть, чтобы это были единственные возможности!

«Отступай», - учил в детстве отец. Лира запомнила этот урок, он противоречил его прежним урокам, учащим быть бесстрашным и бескомпромиссным охотником. - «Если не уверена в ситуации, не видишь дороги перед собой хотя бы на три шага вперед - отступай. На шагок. На полшага... Это не бегство. Опрись на отставленную ногу, на известную, пройденную часть дороги, потом ударь».

Лира слегка кольнула острием кинжала свою ладонь и, раскрытую, протянула ее владыке вместе с кинжалом.

- Я готова принять от вас каплю бессмертной крови, господин, - молвила она.

Пусть так. Смерть сейчас не даст ей искупить вину в смерти Избранного, а бездумный прыжок в пропасть вечности высших убьет все хорошее, что еще есть в ней, сделает безумной. Лучше она станет низшей *carere morte* и отсрочит истинное проклятие на

несколько лет. Будет время подумать, попытаться построить тактику в новом странном окружении, решить, что делать дальше. Она отступит, как учил отец, потом ударит.

Дэви удивленно поднял бровь, глядя на выступившую на ее ладони каплю крови, и рассмеялся:

- Хочешь стать низшей? Этого я не рассчитал... Ты готовила Винсента к участи вампира, решила все за него, а сама, что же, боишься истинной вечности, дочь охотников?»

Однако настал его черед исполнять клятву. Поморщившись, Дэви разрезал тем же кинжалом свою руку. Они соприкоснулись окровавленными ладонями. Соприкоснулись ранами... и скоро Лира почувствовала, как холодная снежинка крохотного проклятия уколола возле сердца. Вот и всё. Так просто, так быстро. Тело приняло проклятие вечной недо-жизни, душу заложницей забрала Бездна.

- Отдыхай, - велел Дэви, разорвав пожатие. Свита молчала. Владыка кивнул и пошел к выходу, вампиры потянулись за ним. Теперь все сбросили крылатые тени - с облегчением, как скидывают в теплом доме тяжелую зимнюю одежду.

Лира, оставшись одна, долго, бездумно ворошила угли в камине, пока огонь не начал задыхаться. Она прислушивалась к себе, гадая, началось ли преобразование, но пока не чувствовала ничего необычного.

Преобразование в низшую коварно и лживо. Изменения происходят постепенно, незаметно, тоже по капле. Как, чем теперь ударить, чтобы победить? Если она не узнает этого, останется лишь отступать все дальше и дальше - в смерть, или побежать вперед, не разбирая дороги, в безумие высших...

Лира долго пыталась уснуть, но не получалось. Не уходили из памяти черные колонны деревьев больничного парка. Утренний свет медленно наполнял комнату, а она, лежа на узкой кушетке, следила за своим отражением в зеркале. В свете дня кожа теряла фарфоровую белизну, серела, старела, синие тени легли под глазами. Когда терпеть свою некрасоту стало невыносимо, Лира оставила зеркало, поднялась, подошла к окну.

Она привычно искала знакомый шпиль башенки Академии, но напрасно. За окнами огромный сад да редкие крыши особняков Сатура. Академия исчезла из ее настоящего. А скоро владыка вовсе покинет Дону, вернется на север... И с ним, новым лоскутком в его длинном шлейфе, в Карду полетит она.

«Голос Бездны - что это? Может, ответ на эту и загадку станет моей новой дорогой?» - мысль немного подбодрила. Вспыхнула яркой вспышкой, и Лира на миг смогла забыть Призрачный парк. И заснула.

Еще несколько суматошных дней, наполненных разговорами о делах с неизвестными Лире людьми и бессмертными, и, отдав последние распоряжения в столице, владыка со свитой направился в Карду. Впрочем, тоже ненадолго. Город недавно пережил Большую Охоту, тревожить жителей раньше времени было опасно: могла пойти неконтролируемая чарами волна агрессии против *carere morte*. Поэтому, воротившись в северную цитадель, Дэви не стал даже поднимать флаг Первого вампира на башне. В ближайшее время он собирался отдохнуть от суеты в тайном поместье где-то на востоке земли страха.

Пока ехала в Карду в закрытом экипаже с Хеленой и Адамом Митто, Лира тщательно перебирала в уме все знания о «Голосе Бездны», какие успела получить в ордене. Но тщетно. Все перемешалось в памяти: эпоха Алитера и более ранняя... Одно помнилось четко: последним Голосом Бездны была Регина Вако. Эта жуткая ведьма-*carere morte*, превосходящая по силе самого владыку, чуть не разрушила Академию, когда там укрывалась

Королева из ненавистного вампирам рода Рете. Ходили слухи, свою ужасную силу Регина черпала напрямую из Бездны. Неужели, так способна делать и Лира?

Пока то, что случилось с ней дома, в архиве и в парке скорее подтверждало это. Потому еще задолго до того, как Дэви откроет правду, Лира начала бояться... себя. Грустно, но сейчас она гораздо больше понимала Винсента, страшась имени Проклятого. И в архиве, и в парке ее также захватывали неясные темные эмоции - полностью и без остатка. А затем, через нее обретая форму, воплощение, они выплескивались в мир и разрушали его. Кто же она? На что еще способна?!

Страх кормили и взгляды, шепотки вампиров свиты. Лишенную защиты родителей, слабую низшую, ее боялись почти также как Макту, прародителя вампиров. Во всяком случае, имена «Макта» и «Лира Диос» произносились Калькарами и Мелиссой с одинаковым благоговейным трепетом. Только Адам и Хелена то ли из-за их сравнительно юной вечности, то ли из-за легкого нрава, вели себя спокойнее. Всю долгую дорогу в Карду они попеременно отпускали шуточки, веселя ее, но главного - что такое Голос Бездны, увы, не сказали.

И вот, Карда. Вновь Лира глядела на тихий, низкорослый в сравнении с Доной город, будто застрявший в позапрошлом медленном и сером веке, и... вновь боялась. Казалось, мягкое покрывало ночи над городом прячет огромную дыру. Дерни - и пропасть откроется. А, может, она уже и летит в ту пропасть, не чувствуя ни тела, ни биения сердца? Бесконечное падение во тьму...

Пока старейшие вампиры собирались на совет, Лира бродила по замку, а многочисленные слуги кланялись ей как заведенные и старались удовлетворить малейшую прихоть. Сделало их столь подобострастными известие о Голосе Бездны, или раздраженной Лире уже мерещилось раболепное преклонение там, где был просто чуть более вычурный этикет ушедшей с Алитером эпохи? Кончилось все тем, что она уже бегала от их предупредительного внимания: коридоры, залы, спальни гостей, кладовые...

Очнулась во внутреннем дворе замка. Марионеток тут - о счастье! - не было, только в отдалении крутилась стая собак. Движения животных не были бессистемны, они четко выполняли чьи-то неслышные приказы: разворачивались или репетировали окружение, нападение. Скоро Лира разглядела, кто отдает команды. Высокий худощавый юноша фигурой и растрепанными длинноватыми волосами смутно, но болезненно напомнил Винсента. Но он хотя бы не был стеклянноглазой, прямой как палка марионеткой, поэтому, пока ее не отыскивали слуги, Лира пошла к нему.

Они поздоровались и немедленно смутились, замолчали надолго. Это оказался совсем молодой вампир, воспринимать его отвлеченно, как ожившую легенду, не получалось. Хиам Калькар, - представился он, и Лира почувствовала толику тепла, приязни. Оба - младшее поколение, росшее в тени великих предков, вынужденное всеми силами оправдывать громкую фамилию... и так ли важно, Калькар или Диос?

Они немного поговорили о погоде - дань человеческому этикету. Собаки, завилявшие хвостами при приближении девушки, тем временем, чинно сели рядком, повинаясь взгляду хозяина.

- Как они спокойны! - удивилась Лира. - Обычно, животные начинают тревожиться в присутствии *carere morte*.

- Эти - моё продолжение от кончика носа до кончика хвоста, - улыбнулся Хиам. Лире понравилась его резковатая, но непохожая на оскал улыбка. - Я кукловод. Вы понимаете, что

это значит?

Ли́ра нахмурилась. Кукловод? Это уже не живые звери? Рука, собиравшаяся потрепать самую большую и лохматую собаку, замерла. Наверное, омерзение отразилось на лице, и вампир засмеялся:

- Да, леди! Вы в ордене не знали, что мёртвых животных можно делать рабами точно также, как человеческих покойников?

- Прежде я только читала об этом... в сказках Карды.

- У меня редкий талант, - послушная его взгляду крайняя жёлтая собака поднялась и медленно направилась к хозяину. - Животными мало кто занимается, разве что, Либи́тина. Считается, это сложнее, чем управлять человеческими куклами. К незнакомому человеческому телу привыкнуть бывает непросто, а к телу животного, имеющему свои анатомические особенности, и вовсе почти невозможно.

- Остановите её! Не надо!

Собака немедленно послушалась. «Правильнее сказать, кукловод меня послушался», - подумала Ли́ра.

- Не бойтесь. Вы наверняка видели рабов Сесилии и Магнуса.

- Но они были - люди!

- О, да, - Хиам помолчал. - Но, по-моему, человеческие покойники страшнее, чем эти чучела.

- Я бы лучше прогулялась по замку, - отступила Ли́ра, решив пока не задумываться, почему ее, в ордене выступавшую «за» вампиров, теперь так отвращает бытие *carere morte*. - Покажете мне его?

Они пошли тем же путем: трапезная, залы, винтовые лестницы в башнях. Остановились в Разрушенной башне. Пол почти под ногами обрывался в многозвездную ночь, серые во тьме соседние башни горбились спиной громадного уродливого дракона. Во внутреннем дворе - брюхе чудовища, пока они гуляли, собралось множество экипажей. Вампиры Карды прибыли посмотреть на пополнение в свите владыки.

- О, - выдохнула Ли́ра, - скоро совет.

- Да, - Хиам чуть тревожно посмотрел на нее. - Бойтесь, леди Ли́ра?

- Я боюсь того, что меня здесь словно боятся... все. Кроме, пожалуй, тебя.

Хиам пожал плечами:

Возможно, их пугает фамилия Диос? Меня - нет. Это фамилия людей чести. Страшнее бесчестный союзник, чем честный враг.

Ли́ра сглотнула горький комок. Просто молодой вампир еще не узнал, что младшая Диос - предательница.

- Спасибо. Теперь оставь меня, Хиам, - вымолвила она. - Мне нужно... нужно подготовиться.

Оставшись одна, Ли́ра недолго стояла на башне. Скоро отступила в тень стены, потом вовсе бежала. Перепутав двери, выскочила в незнакомый длинный коридор с высокими стрельчатыми окнами, увешенный зеркалами.

Зеркальная галерея. Это место упоминалось не в одной сказке о вампирах...

Зеркала тут, и правда, были везде - на потолке, на стенах, на полу, и почти все покрыты как паутиной тонкой сетью трещин. Это значило, что какой-то *carere morte* уже посмотрелся в него и увидел свой чудовищный облик. А что увидит она?.. Ли́ра склонилась над более-менее целым, гладким крупным осколком, серебряной лужицей растекшимся в центре

галереи. Ничего особенного. Все та же красивая сильная девушка, может, немного побледневшая. Лира ободряюще улыбнулась себе, и ей понравилась эта улыбка. Почти прежняя, с мягкими ямочками на щеках. Но, чуть погодя она отметила перемену в лице - отныне улыбались только её губы. Глаза остались холодными, зелёно-прозрачными, жестокими.

«Пора на совет. Какой бы ни была роль Голоса Бездны, она не может быть хуже роли предательницы».

Слуги проводили ее в знакомый зал первой встречи с Дэви. В креслах, поставленных большим кругом, сидело два десятка мужчин и женщин. Старейшие Карды. Молодые и старые, красивые и уродливые, в нарядах разных эпох. Дэви громко объявлял фамилии, пришедших посмотреть на дочь Диосов, и всё это были знаменитые фамилии из числа тридцати Родов Карды. Но больше их всех Лиру заинтересовала другая дама, оставшаяся непредставленной. Она пряталась в тени под заложёнными камнями окном. Длинные прямые волосы дождём струились по её плечам, странные туманные глаза делались необычайно пронзительными, когда она смотрела на девушку. Этот взгляд жёг!

Старейшие завели долгий разговор, не касающийся Лире, и она немного успокоилась. Нервная дрожь ушла. Пока вампиров больше занимала Миры Вако.

- Несомненно, это Вако привела в парк охотников! - убежденно говорил Адам Митто. Сесилия кривила губы:

- Да, скорее всего. Моя марионетка потеряла ее над Покровом Академии. Вако провалилась сквозь купол защиты, и охотники каким-то чудом привели ее в чувство.

Магнус Калькар задал волновавший всех без исключения вопрос:

- Почему вы скомандовали отступить, не расправившись с Вако, господин? Орден наверняка нацепил на нее серебряный ошейник!

Дэви сидел рядом с Лирой, и она исподтишка изучала его подзабытое, такое непростое лицо. Даже после всего, оно немного зачаровывало ее.. как ортрет в архиве. Но теперь, когда она стала ближе ему, куда яснее проступила дистанция, вечная неразрушимая стена меж ними: разные стороны, противоположные идеи, пропасть лет.

- Мира продолжит служить Бездне *carere morte* и служить охотникам, - невозмутимо сказал владыка. Лира нашла и тут же потеряла на его лице лёгкую мудрую улыбку. - Вместе с ней в орден войдёт частица ее проклятия. Войдёт, чтобы однажды разрушить его...

- Не сходится... Охотники и Вако слишком быстро прибыли в парк, будто ее допросили сразу же, едва она провалилась сквозь Покров. Может, эта граница была попросту легко проходима для нее и на той стороне ждали союзники? - Мелисса красиво нахмурилась и шелестяще заметила: - Пора расспросить нашу юную подругу из охотников. Пусть поведает, служила ли Вако ордену прежде, и не заклят ли Покров так, что под него могут проходить отдельные предатели-*carere morte*.

Лира окаменела, вцепившись в подлокотники. Вампиры смотрели на «Голос Бездны» как прежде настороженно и боязливо, но Мелиссе близость девушки к любимому владыке, наоборот, придала злых сил. Она саркастично улыбнулась:

- Что, Диос? Ты все еще слишком охотник, чтобы поведать новому господину тайны ордена?

- Вовсе нет, - хрипло сказала Лира. - Но меня взяли в свиту не в качестве информанта. Я обещала служить действием, а не болтать. Поэтому, даже если б знала о Мире Вако и Покрове что-то, не сказала бы вам.

- Ого! - брови чаровницы взлетели к волосам. - Да это неповиновение, владыка?

- Мелисса! - шикнула Сеселия. Дэви равнодушно махнул рукой:

- Оставь ее. Лира не знает ничего, неизвестного нам. Все разочаровавшиеся адепты

Служения приходят к нам на одной и той же ступени знания: тайне основателей ордена. Верно, Лира?

- Да, - удивленно признала она.

- Для Вако бегство за Покров было неожиданным последним отчаянным ходом, не то она сбежала бы к охотникам раньше, - спокойно продолжил Дэви. - Эта какая-то... необычная случайность. Теперь же, - он взглянул на Лиру, - ...настала пора официально представить тебя собравшимся. Итак, Лира Диос, Голос Бездны.

Эффекта заявление не произвело: свита уже не раз успела обсудить загадочную гостью. Но вампиры явственно вжались в спинки кресел при последних словах Дэви. Крепка же до сих пор память о ведьме-Регине, раз пугает даже спустя сто лет!

- Девочка сильна, - тихо, через нежелание признала Мелисса. - Не страшно, что у нас нет Избранного, господин. Нам достался Голос Бездны.

Калькары шевельнулись.

- Если вы решите повторить расправу над орденом в Доне, как это прежде было в Карде, мы с вами, владыка, - сказал Магнус. Сквозь почитательность в тоне пробивался неумолимый голод до свежей крови.

- Наши армии достаточны для наступления на столицу уже сейчас, - добавила Сеселия. - Но, если вы захотите подождать несколько лет, пока Голос Бездны учится управлять своим даром, мы еще увеличим и усилим их.

Дэви скривился:

- Мне не нужна Дона. Две вампирские столицы выбьют мир из равновесия, следующий удар придется по нам.

Лира на протяжении диалога нервничала все больше. Голос Бездны - это оружие? Ее взяли в свиту, как оружие?! Чтобы, как в парке деревья, она корежила своей силой людские тела?! О нет, нет, она слишком долго была серебряным мечом в нечистых руках покровителя ордена... Довольно!

Длинноволосая *carere morte*, прячущаяся в тени, наблюдала за волнением Лиры. Взгляд ее то яснил, но угасал, повторяя удары еще человеческого сердца низшей. Но за все собрание незнакомка так и не проронила ни слова и ушла первой, не попрощавшись. Скоро и остальные вампиры перешли в трапезную. Лира не пошла со свитой. Она понимала, что к особенностям питания *carere morte*, так или иначе, придется привыкать, но опять отступала.

Вновь по винтовой лестнице Разрушенной башни она направилась в Зеркальную галерею. Большинство слуг к счастью было отвлечено на обслуживание вампирского пиршества, никто не сковывал ее вниманием. Лире хотелось побыть одной. Совсем одной. Может, она поболтает со своими разными и одинаковыми отражениями в галерее и придумает, что делать дальше.

Конец лестницы терялся во мгле. Казалось, она поднимается в безлунное, беззвездное, бездонное небо.

Шорох одежды... Мимо проскользнула какая-то тень, спускаясь. Ещё не привыкшая к почти мгновенным перемещениям *carere morte*, Лира испуганно вздрогнула. Тень замерла несколькими ступеньками ниже. Та самая длинноволосая незнакомка.

- Лира Диос, - прошелестела она.

- Да. А вы?

- Называй меня Кларисса.

- Я чувствовала ваш взгляд на собрании, Кларисса. Что вы хотели мне сказать?

- Только одно, Лира Диос, - она не приблизилась, но зашептала громче. - Не переживай и не спорь с обстоятельствами. Тебе судьбой Голоса Бездны не дано самой выбирать путь. Не питай вредных иллюзий. Ты инструмент. Оружие, но не воин.

- Зачем вы говорите это? - насколько возможно холодно спросила Лира.

- Ты можешь поверить, что владыка влюблен в тебя... - Кларисса ступила в тень, проглатывающую лестницу, и исчезла, но Лира расслышала её последние слова:

- Но он любит лишь Пустоту на дне твоих глаз. Пустоту, что сам зовет Бездной.

В Зеркальной галерее Лира уселась прямо на пол и за час собрала сложный узор из осколков. Ветер то и дело засыпал зеркальца снежной крупой, и она осторожно протирала их рукавом. За пределами жилища замка бушевала январская буря, но Лире не было холодно. Став *carere morte*, она перестала чувствовать холод. Или это случилось раньше, нечувствительность пришла после смерти родителей? Сейчас она не помнила.

Лира не видела и не слышала появления владыки, но почувствовала: Дэви здесь. Не поворачивая головы, она спросила:

- Господин, кто такая Кларисса?

- Её называют Пророчицей. Что она сказала тебе?

- Чтобы я не питала вредных иллюзий.

Владыка не стал переспрашивать. В узор на полу Лира видела отражение вампира - изорванную острыми краями осколков стекла тень.

- Что такое Голос Бездны, господин?

- Люди, подобные тебе, рождаются редко, не чаще раза в столетие. Это люди, способные слышать Бездну и говорить Её голосом. Их след в истории в разные эпохи легко проследить - они оставляли после себя коридор пустоты, - Дэви тихо присел рядом. - Я скажу лишь о тех, кто принял участие в недлинной в масштабе настоящей вечности истории *carere morte*. Их всего четверо. Первым был алхимик Атер. Он нашёл дверь, пускающую Бездну в наш мир, и отворил её. Он - создатель Первого вампира, Макты. Следующим, через сто лет после алхимика, был тот, кто известен сейчас как Великий вампир. Смертный, обладавший способностями Голоса Бездны и Избранного и загрязнивший Дар проклятием Алитера. После него Бездна заговорила голосом дамы - Регины Вако, прабабки известной тебе Миры. Четвёртой стала ты, и твоя сила уже пробудила Тень пустоши. Она обрела своей истинный облик - Макты, Первого вампира.

- Макта - тот темный человек с глазами-звездами! - вспомнила Лира. Дэви с усилием кивнул:

- Да. У него есть и человеческое обличье, но тем, кто чутко чувствует Бездну, он в видениях является таким - средоточием тьмы с пылающими белой яростью глазами.

- Он не похож на других *carere morte*.

- Он иное, чем мы. Обретшая плоть ненависть, и ты можешь направить ее на что угодно.

- Так вампиры боятся не меня, они боятся того, что я могу направить Макту на убийство вас?

- Прежде подобное случалось, - владыка вздохнул. - В эпоху моего владыки, Алитера...

- Где сейчас Макта? В Карде я его не чувствую так, как в прошлый раз.

- Он покинул пустошь и рыщет по земле страха в поисках известных ему врагов.

В зеркалах галереи проносились отраженные тени облаков на ночном небе. Рваными краями и быстротой они напоминали крылатые маски *carere morte*. Лира опустила голову к узору из кусочков зеркала. В нем тоже плясали какие-то тени, перебегая из осколка в осколок, дразнили взгляд, как дразнят водящего в детской игре в догонялки.

- А меня Макта ищет?

- Вы с Мактой связаны нитью твоих эмоций, она вытащила его из пустоты, где он пребывал сто лет, и он вновь уйдет в небытие после твоей кончины. Но сам Первый вовсе не знает, кто его пробудил. И не узнает, пока я не скажу тебе найти его и представиться.

- Я понимаю... - прошептала Лира, но вампир уловил сомнение в ее голосе. Уже привычным жестом взял холодными пальцами за подбородок, заставляя взглянуть глаза в глаза.

- Что ты понимаешь?

- Вы хотите, чтобы я натравливала Макту на ваших врагов, охотников. И каждый мой шаг будет контролироваться, потому что я - оружие, опасное в том числе и для вас.

- Нет! - Дэви искренне засмеялся. Глаза заискрились странно живо, крохотное проклятие низшей потянулось за этим огоньком, голодное до ярких эмоций. - Это Сесилия с Магнусом смутили тебя? Калькары уже двести лет грезят захватом Доны, прежде те земли были их вотчиной. Но я не стану вступать в открытый конфликт с охотниками. Я хранитель, а не разрушитель Равновесия. И тебя я не боюсь, потому что ты тоже отлично понимаешь важность Равновесия. Разумеется, ты должна будешь научиться управляться с Мактой, чтобы по моему приказу направлять его против моих врагов - любых, и смертных, и бессмертных... Но первым я не нарушу Равновесие и войну с орденом развязывать не стану. Сейчас же мне больше Макты нужен твой дар чувствовать Бездну. Ты станешь направлять меня в моих решениях, покажешь, как пользоваться силой Бездны...

- Тогда зачем вы обратили меня, господин, если вам не нужен Великий вампир в моем лице? Я могла бы остаться человеком.

- Я хочу, чтобы Ты дольше была со мной.

Лира закрыла глаза. В тишине ветер рисовал на незащищенном лице странные замысловатые узоры снегом. Все это было так нелепо похоже на сказки о столетних вампирах, влюбившихся в юных невинных дев, что ее затрясло от смеха. Вот бы рассказать это Габриель, Карлу... Да всем! В арсенале после рейда... Стены Академии задрожат от хохота! - Но тут же она вспомнила, что рассказать это никому из охотников уже не сможет.

«Он любит Пустоту в твоих глазах, ту, что сам зовет Бездной», - подумала она и также неожиданно, как только что было смешно, стало горько. Она как человек неинтересна Дэви, впрочем, что ждать от двухсотлетнего бессмертного? В Лире он видит бездну силы... и все.

- Что такое Бездна, господин?

Владыка отвернулся от ее узора, встал спиной к ней, к распахнутому окну галереи. Почему он не хочет сейчас показывать свое лицо?

- Всем *carere morte* дано чувствовать Бездну. Она - извечная часть нашего мира и всего, что населяет наш мир, часть меня и часть тебя. Она старше Бога, была прежде Его и будет после Него. Она - пустота между атомами, составляющими всё материальное. Ее знают не только в Терратиморэ. На Севере, Юге свои проявления Бездны, где-то им поклоняются, где-то уничтожают. Но до конца людям Ее не подчинить, не уничтожить, ведь люди смертны, а Она вечна. Только вампиры могут - и смеют к Ней приближаться... Мы носим частицу Ее в крови. Она дарит нам бессмертие, крылья, умение зачаровывать живых и управлять телами

мертвых, но Она же сжигает нас в ритуале охотников, присоединяет к своей Пустоте... Ты, как голос Бездны, для нее эталон. Она идет в материальный мир на свет твоих чувств, как на свет маяка. Название «Голос Бездны» пришло из глубины веков, мы до сих пор употребляем его, но оно неверно. На самом деле ты не Ее Голос, но Голос, призывающий Бездну.

- Какой страшный образ! - прошептала Лира. Дэви усмехнулся:

- Я не хочу использовать твою силу для больших войн. Твоя предшественница Регина, до того, как обезумела от злости, направляла свои возможности в получение нового знания о Бездне, и с тобой я хочу продолжить эту работу. Исследовать новые грани Бездны, раздвинуть границы известного, подобраться к неизведанному... К тому, что есть настоящая вечность, вечность богов. Согласна помочь мне, дочь охотников?

Лира взглядом очертила профиль Дэви, белый, словно вырезанный из мрамора, смело задержалась на глубоких, чёрных, заманчиво-равнодушных глазах, когда он обернулся. Как спрятать детский восторг, воодушевление? Слова Дэви почти успокоили ее, растревоженную пророчествами Клариссы. Но как сказать ясное чистое «да», после того, к чему привела ее прошлая уверенность? Довольно! Больше она ни единой клятвы не принесет, пока не будет точно знать, что та не приведет ко злу!

- Я... буду верна тому, что скажет Бездна, - нашлась Лира. Владыка снова засмеялся:

- Слышу волю Бездны в этом голосе! Иди сюда, ко мне.

Лира поднялась, с трудом разогнув заледеневшие колени, подошла к владыке. Из Зеркальной галереи открывался великолепный вид. Тёмный внутренний двор замка, в раме двух толстых сторожевых башен, дальше - небо с дырявыми серыми тучами, горы... и далеко на горизонте, в узком провале меж двух скал, виднелась белой полосой Корона, верхний район Карды.

- Скоро мы покинем этот холодный город, отправимся на восток, - сказал Дэви. - Нужно отдохнуть перед новыми поисками Дара.

- Избранный... он все равно нужен вам?

- Разумеется. Сияние Дара необходимо погасить, пока оно не зажгло многих. Надеюсь ты, как Мира, не очарована идеей исцеления *carere morte*?

Лира нахмурилась. Исцеление *carere morte*... Раньше она полагала, оно невозможно. То, что случилось в парке доказало обратное. Охотники не могли видеть сияние золотой крови, зато они все - и она тоже! - видели, как свет Дара отражается на лицах *carere morte*, делая их живыми... Нет, уничтожать это Лира не хотела, хоть и понимала страх владыки. Дар нарушит Равновесие? Что ж, пусть. После парка она готова принести в жертву Равновесие, только б оставить свободу всему, что уже успело родиться. Не загонять чудеса в железные клетки запретов! Не решать, чему быть, а чему не быть, как решали за нее родители, как она сама решила за Винсента... Но что сказать сейчас Дэви? Соврать?

- Я открою вам истинный лик Бездны, господин. Думаю, пред Нею никому уже не будет дела до Дара, - нашлась она.

«Нужно найти того, кто мог бы дать еще одну точку зрения на владыку и его планы», - холодно рассудил разумный внутренний голос, вряд ли принадлежащий хаотичной Бездне. Кстати во двор замка вновь вышел Хиам со своими собаками.

- Вы сказали, Тень Макты пробудилась на пустоши? - быстро спросила Лира. - Я еще не была там...

Дэви прищурился:

- Голос Бездны потянуло прогуляться к истоку Бездны?

- Да.

- Иди, - легко согласился он и махнул Хиаму. - Юный Калькар будет твоим провожатым.

- Куда вы идете, леди Лира? - с тревогой спросил Хиам в конце кардинского кладбища. Но Лира упрямо шагала вперед. Что-то тянуло дальше, дальше на север. Будто огромная воронка далеко в море: ее пока не видно, но она уже тащит тебя, добычу, на самое дно, по широкому-широкому, неизбежному кругу...

- Что за кладбищем, Хиам?

Молодой хозяин зверей нахмурился:

Пустошь. Руины Старого города. А дальше земли Либитины до самой границы.

Руины... Дэви полагал, Голос Бездны пойдет к истоку, где родился Макта. Но Лире вовсе не хотелось идти в логово Тени. Владыка говорит, она со своей силой способна управиться и с Первым, но это только пугало еще больше... Нет! Ей совсем не хотелось узнавать новые, расширенные границы своей темной силы. Представлений в парке и архиве довольно.

- Либитина? Это тот кукловод, которого в ордене зовут Нефандус?

- Он. Безумный хозяин тысяч кукол. Если пойти сейчас туда, - Хиам указал на полосу лесов на горизонте, - к вечеру можно выйти к его Лабиринту. Это начало его владений.

- И он дает ответы на любые вопросы тем, кто пройдет Лабиринт? - уточнила Лира, вспомнив все, что слышала от охотников о Нефандусе. Хиам хмурился все сильнее:

- Очень немногие сумели пройти Лабиринт хотя бы до середины. Многие вовсе сходят с ума от представлений кукольного театра. И ответы на вопросы Нефандус всегда дает так, что они начинают играть против тебя... Уж не собрались ли вы в гости к Кукловоду, леди Лира?

Она усмехнулась:

- Давно не была в театре. Хочу развлечься.

- Дэви не отпускал вас так надолго!

- Он не уточнил, как надолго меня отпускает, - Лира засмеялась, с вызовом поглядела на рыжеволосого вампира. - Ты со мной, Калькар?

Тот сумрачно поглядел на далекую полосу леса, потом на нее... и снова вдаль. Видно было, Хиам колеблется.

- Я бы проводил вас куда пожелаете, леди Лира, но... солнце встает, - примирительно сказал он. - Давайте, вернемся в замок, соберем оружие и пищу, и выйдем в путь в вечерних сумерках.

Лира мгновенно разгадала его наивную хитрость: ответ в «Тень Стража» да и сдаст Дэви! Она скривила губы:

- Раз так, я пойду одна. Сейчас, Хиам. Мне, низшей, не страшно солнце.

Вот же она, третья сторона, которая может дать четкие ответы и об ордене, и о владыке! А она... о, Голос Бездны найдет, чем заинтересовать Нефандуса, чтобы он пропустил ее до самого центра Лабиринта!

Она обошла руины стороной и нарочно ускорила шаг, хотя полуденное солнце, даже неяркое, зимнее, жгло невыносимо. Хотелось побыстрее проскочить место рождения Первого. К трем часам дня полоса леса расширилась и разрослась ввысь, а в снегу под ногами отчетливо выделилась тонкая звериная тропка марионеток Нефандуса. Людские селения остались по левую руку, впереди было совершенно пусто... мертво. Даже птицы не кричали. Лиране переставала радоваться выносливости, данной проклятием: человек без

еды и воды, после десяти часов непрерывного бега свалился бы замертво. Но, в сумерках зайдя в последний перед Лабиринтом лесок, Ли́ра чувствовала себя также свежо, как прошлым утром.

Лес кончился, и открылся Лабиринт. Он оказался не каменным, как Ли́ра ожидала. Обычный декоративный, только непомерно большой. Стена - высокий, аккуратно подстриженный кустарник. Над ним, едва не задевая крыльями, носились куклы-вороны. Ли́ра попыталась просунуть руку сквозь ветки, чтобы определить толщину стены, и птицы сразу снизились, с громким криком закружились над головой, больно дёргая за волосы: «Трогать нельзя!»

- Хорошо, - пробормотала Ли́ра. Отступила и двинулась вдоль стены в поисках входа.

Зелёно-бурая стена тянулась и тянулась. Скоро закралась мысль, что она ходит по кругу. Птицы кружили невысоко, навевая нехорошие ассоциации с воронами на поле боя, ждущими смерти тяжелораненного. На землю спустилась ночь, и Ли́ра начала уставать. Стена Лабиринта словно выросла, закрыла полнеба... Наконец Нефандус сжалился: впереди открылся вход. Красивый, ровный, с идеально вычерченной аркой. Ли́ра, не раздумывая, шагнула в него.

Сверху Лабиринт оказался прикрыт чем-то вроде шкур или плотной ткани, но внутри было светло: на земле через каждые десять шагов были расставлены зажжённые лампы. Довольно широкий коридор уходил далеко вперёд.

«Насколько ж огромен весь Лабиринт? Или это первая иллюзия Нефандуса?»

Через три лампы появилась серая тварь вроде медведя, на которого было натянуто несколько сшитых вместе волчьих шкур. Зверь мотнул головой: «Следуй за мной».

Ли́ра постаралась не показать оторопи. Ясно, почему люди тут частенько сходят с ума! Только вот дочь охотников видела и склады вампирских кукол, и ритуальную смерть *saegere morte*, когда он рассыпается прахом. Манекенами, даже самыми уродливыми, ее не напугать.

Почувствовав ее спокойствие, нехарактерное для гостей Лабиринта, зверь вдавился во тьму стены... и слился с ней. Вместо него выскочила стая волков. Вожак призывно завыл: «За мной!»

Пришлось бежать, чтобы не отстать. Волки впереди неестественно, страшно выгибали спину и выбрасывали лапы при беге, словно все их кости были переломаны и сращены намеренно неправильно. Ли́ра старалась не смотреть на них и в тоже время не упускать дорогу... Сложная задача!

Коридор по-прежнему шёл прямо. Что за чушь?

Ещё две лампы. Коридор открылся большим открытым залом, не меньше оружейного зала Дэви. Здесь сиял свет и гуляли люди. Играла музыка. Поражённая Ли́ра замерла на мгновение, затем вновь кинулась за зверями. Она чуть не сбила с ног какую-то даму, разбила прогуливавшуюся парочку. Но стая исчезла. Ли́ра остановилась, напряжённо оглядываясь в поисках серых проводников. Она старалась не обращать внимания на гуляющих, не смотреть в их лица. Все-таки толпа прекрасных мертвецов навевала ужас.

Слева мелькнуло серое пятно, Ли́ра бросилась за ним.

Это было похоже на страшный сон: она бежала теперь сужающимися коридорами за дразнящимися тварями и никак не могла догнать. Лёгкая музыка, звучащая отовсюду, только усиливала ощущение нереальности происходящего. От нее убегали уже не волки. Нефандус сменил обличье на человеческое: худой маленький старик в серой накидке скакал с несвойственной его возрасту резвостью и хихикал.

Наверное, можно было прекратить это безумие... Но Лира не могла. Странная игра захватила, она должна, должна, должна догнать и поймать того, кто впереди.

Коридор шёл сужающимися кругами. Он закруглялся очень плавно, бежать было легко. Поэтому, когда дорога внезапно сделала крутой поворот вправо, Лира не сумела остановиться и ударилась о стену листьев. Старик впереди снова захихикал... Мерзкий старик! Нефандус показал госте язык и сменил обличье: старика поглотила тьма, и вместо него серый плащ взметнул крылом другой персонаж: девочка-подросток, высокая и худая как она сама.

Погоня продолжилась. Коридор теперь делал резкие углы, и Лира то и дело слепотыкалась в стену. Она устала, спотыкалась на бегу и уронила несколько лампад.

Коридор открылся новым залом, и в нём шла похоронная церемония. Музыкальное сопровождение изменилось: тихая, навевающая грусть и заползающая в самую душу мелодия. Лира только раз глянула на открытый гроб и отвернулась. В гробу лежала опрятная старушка, и ей на мгновение показалось, что это бабушка.

...А где бабушка сейчас? Забрали ли ее к себе Адора или сдала в дом скорби? Она даже не попыталась узнать...

Нелепая и страшная погоня не кончалась. Нефандус менял обличья как перчатки: старуха, стая собак, крохотное дитя в светлом платье, едва научившееся ходить, чёрная птица с жирно блестящими перьями. Менялась и экспозиция в залах: то великосветский приём, то вгоняющий во тьму безумия детский праздник: веселье крохотных нарядных мёртвых кукол. Небо вверху зачернело, как оно чернеет только перед рассветом, и Лира совсем выбилась из сил.

Ворон взмыл и растаял в небе. Лира остановилась. Проводила последнюю тварь злым взглядом и села у стены, устало уронив руки на колени. Она закрыла глаза, изображая крайнюю степень усталости, и Кукловод купился. Новая его тварь, треща крыльями, бесстрашно подлетела к самому лицу Леры, и та мгновенно очнулась, протянула руку ухватить новую птицу.

Птичка увернулась, но отлетела недалеко. Она была совсем маленькая. Серая, с яркой полоской на голове.

«Королёк» - вот как она называется...»

Лира поднялась, попыталась поймать королька. Птичка дразнилась, не давалась. Она вспорхнула на стену, поглядела оттуда бусинами глаз, а потом нырнула вниз и скрылась в новом повороте коридора. Лира кинулась за ней. Птичка летела невысоко - протяни руку и схвати. Лира запнулась о лампаду, та разбилась, и позади вспыхнул пожар. Лира не обратила на это внимания: важно было достать птицу. Поворот, ещё один... Прыжок. Вытянувшись вперёд как змея, она наконец схватила королька. Тварь затрепыхалась в кулаке, Лира сжала пальцы посильнее и... раздавила птичку.

- О-ох!

Затошнило от отвращения. Она разжала кулак, отбросила то, что было там, подальше и долго судорожно тёрла руки носовым платком. Крови, к счастью, не было. От птички осталась пыль и перья.

- Либитина всё шутит, - дрожащим голосом сказала Лира темноте, не сразу заметив, что от мужской ипостаси Кукловода перешла к женской. - Ха-ха. Я удивлена, поражена, восхищена. Я аплодирую! - Она замолчала.

Музыка изменилась. Неведомо откуда полилась знакомая, жившая на задворках памяти

мелодия: старая колыбельная, которую так любят петь в Карде и в Доне. В стене прямо перед Лирой открылся длинный тоннель. В конце его был свет - неровный неяркий тёплый свет открытого пламени нескольких свечей. Впереди, была знакомая, скромно обставленная гостиная. Красными отсветами пламени камина поблёскивали мечи, арбалеты, развешанные на дальней стене и занимавшие её от пола до потолка. Оружие охотников.

В комнате были двое. Лира увидела эту пару издалека и, пока шла тоннелем, сердце гулко ухало в пустом теле, грозя разрушить его изнутри. Это были знакомые фигуры! Мужчина лет сорока сидел на диване, повернувшись к Лире в профиль. Его рубашка была расстёгнута и спущена с одного плеча. Темноволосая женщина склонялась над ним и нежными движениями втирала в больное плечо душистую мазь.

Лира замерла на пороге гостиной, боясь спугнуть видение из далёкого детства: родители возвратились из рейда. Папа опять потянул плечо, и мама взяла свою волшебную болеутоляющую мазь. Травяной и свежий запах снадобья дурманил, как в детстве. Казалось, она снова, таясь, заглядывает в гостиную в старом родительском доме. Даже бледный свет наступающего утра, едва пробивающийся из-за громады Академии за окнами был тем же самым. Звенела знакомая песня-колыбельная.

Лира глубоко вздохнула и приказала сердцу успокоиться. Потом отвернулась от родителей.

- Ты немного проштрафился, Нефандус! - крикнула она в темноту тоннеля. - Да, мои родители были убиты, их тела до сих пор не найдены, не похоронены, но напрасно ты думал обмануть меня этими... этими... куклами! Это не они. И хорошо. Потому что если б ты надругался над их настоящими телами, я бы разнесла здесь все до пылинки силой Голоса Бездны!

Нефандус молчал. Свет потух, за одно мгновение темноты и тишины сцена вместе с куклами была убрана. Стены камеры, в которой она помещалась, сдвинулись, став продолжением коридора, в котором стояла Лира.

В конце удлинившегося тоннеля вновь вспыхнул свет. Лира, заслонив глаза козырьком ладони, сумрачно поглядела туда: «Чем ещё думает напугать её Кукловод?»

Открылась еще одна площадка. Когда Лира вышла туда, увидела, стены камеры все в дырах от сходящихся тоннелей. Меж дырами горели факелы. Она была в центре Лабиринта Либитины.

Хозяйка поднялась с высокого кресла-трона в центре камеры, приветствуя гостью. Очень высокая, с чудесными чёрными прямыми волосами, спускающимися ниже талии, лицо было лицом богини. «Старая красота, - почему-то подумала Лира. - Как с древней фрески, как тысячелетняя статуя...» Неужели, сама Либитина?

Худая фигура Кукловодши была скрыта тёмными бесформенными одеяниями, и Лире привиделось, что ткань платья Либитины зашевелилась, словно кто-то юркий, маленький прополз в ногах богини.

- Дочь охотников, - прошелестела дама. - Ты оказалась упряма. Зачем ты пришла ко мне?

- Мне нужны подсказки, - пролепетала Лира, внезапно поняв, что вовсе не готова к разговору с самой северной Хозяйкой кукол. - Я лишь недавно узнала, кто я, узнала о себе очень важное, необычное...

- И теперь тебе нужно, чтобы кто-то подумал об этом за тебя. Еще одна хочет стать моей марионеткой... Но я уже давала тебе подсказку. Тела твоих родителей были недолго

подвластны мне. Ты воспользовалась тем, что твоя мать успела передать?

Так встреча с мамой была в действительности?! Лира сжала кулаки, чувствуя, как внутри закипает ярость, как воздух вокруг опять начинает плавиться от ее силы, словно от очень жаркого солнца. Дама не испугалась. Она рывком подалась вперед, в мертвых, безучастных прежде глазах блеснул интерес:

- Давай, дочь охотников. Не сдерживай силу Голоса Бездны. Я хочу посмотреть, на что ты способна.

Лира заставила себя разжать пальцы. И - точно узлы распустились - ткань мироздания вновь стала гладкой, спокойной. Впервые ей удалось успокоить проявление своей силы, это воодушевило.

- Я здесь не за этим, - в тон марионетке... или самой Хозяйке? - ровно сказала она. - Я хочу знать...

- Голос Бездны. Пред тобой склонятся все: и орден, и владыка Дэви, и сам Макта. Первый вампир, - равнодушно, будто не слыша, перебила дама. - Как можно не желать использовать такую силу? Я бы могла помочь тебе управлять ею.

- Я подозревала, что много будет таких желающих, - неприязненно оборвала Лира. - Мне не нужна помощь в этом!

- В таком случае, зачем ты здесь? - дама подперла рукой голову, глядя с неким сожалением.

- Я думаю, мы с владыкой вампиров смотрим на Избранного слишком по-разному. Однажды может случиться конфликт. Как я могу противостоять Дэви, не используя силу Голоса Бездны?

- Ты уже собралась противостоять Дэви? - женщина засмеялась. - В чем?

- Он хочет запереть Дар в клетке нового проклятия. Я не хочу. Как мне помешать ему, не обращаясь к силе Бездны?

- Ты всегда будешь обращаться к Ней в большей или меньшей степени, это твоя суть. Ты пользуешься Ей и сейчас, - дама задумчивым взглядом окинула ее фигуру, - плетешь из самых тонких ее нитей новый узор... Впрочем, у тебя есть другой отличный щит и одновременно кинжал против владыки. Кто надумил тебя стать низшей? Bravo!

- Как это поможет? - Лира сощурилась.

- Низшим вампирам открыт доступ в эмоции всех: и людей, и охотников и даже высших вампиров, включая владыку. Ты можешь направлять их, управлять ими так, как нужно тебе. Если только подобная власть и сила вызывает у тебя меньшее отвращение, чем честная чистая сила Голоса Бездны, - женщина тонко усмехнулась.

- Я не инструмент!

- В некотором смысле весь мир - инструмент. Но таков твой свободный выбор, - Либитина задумалась. Одевание у её ног снова зашевелилось, и Лира вздрогнула от отвращения: там несомненно ползало какое-то существо. Очертания фигуры проступали под тонкой тканью, и фигура эта была невообразимо уродлива. Словно смятый бумажный человечек... - смерть так поиграла с этим телом или существо было уродливо с рождения? Тварь двигалась как-то коротко, рвано, дёргано. Один раз она тихо застонала.

- Дэви непохож на того, кто открывает свои эмоции... даже наедине с самим собой, - заметила Лира, не отводя взгляда от твари.

- Неужели? - женщина засмеялась. - О, силу темных эмоций владыки вампиров я испытала на себе!

Ли́ра содрогнулась, вспомнив, что рассказывали в ордене: владыка прогнал хозяйку кукол, неузнаваемо искалечив.

- Почему он так поступил с тобой?

- Боязно быть его игрушкой? - женщина откинулась на спинку, почти скрывшись в тени кресла, только глаза горели отраженным огнем факелов. - Ты уже почувствовала черную силу, исходящую от него? Будто осторожна, не то однажды пламя его ярости сожжет и тебя... А пока учись чувствовать тоньше. Тебе мешают собственные эмоции, низшая. Чем меньше собственной жизни у высшего вампира, тем ярче он чувствует чужие жизни. Чем меньше собственных эмоций у низшего... Мне продолжать?

Ли́ра не слушала, опять отвлекшись на шевелящееся одеяние дамы. Уловив взгляд, существо неожиданно высунуло голову. Ли́ра едва удержалась от вскрика. Голова существа не была уродлива, как тело. Это была головка юной прекрасной девушки, круглолицей и румяной. Её кожа была фарфоровой белизны совсем как у Ли́ры, волосы медно блестели. Заметив взгляд гостьи, девушка улыбнулась, показав маленькие острые клыки, и вновь скрылась в складках одеяния Ли́битины.

«Проклятие! Кукловод всё дурачит меня! «Испытала на себе силу черной ярости Дэви...» Калека - вот же она, Ли́битина! А богиня в кресле лишь маска... последняя маска!»

Открытие придало силы. Ли́битина заметила это. Она взмахнула, и в коридоре за ее спиной вспыхнул свет. Ярким белым осветил тонкую высокую фигуру. Мужскую, вернее, юношескую.

- Вот, к кому до сих пор привязаны твои эмоции. Освободись! - прошептала дама.

Силуэт, казавшийся сначала призраком, тенью, ступая к ней, обретал плоть. Ли́ра уже могла различить детали. Простая одежда, небрежно накинутое пальто, растрепанные волосы... Черты лица были пока неясны, но Ли́ре хватило кинжала в его руке, сверкнувшего красным в свете факелов.

Винсент... Злость, и скорбь, и ужас смешались в единый клубящийся ком, метеором пронеслись через всю камеру, вновь плавя воздух. От клубка во все стороны метнулись нити-струны, разрезая реальность. Косо срезало правую стену Лабиринта, кресло перерезало по ножкам, зацепило и существо в ногах богини. Медноволосая голова выкатилась из складок одеяния, и по Лабиринту пронесся вздох и шелест оседающих наземь кукол, оставленных погибающей хозяйкой. Только юноши сила Голоса Бездны не коснулась. Он продолжал идти к Ли́ре сквозь камеру, полыхающую от упавших факелов.

«Так он не кукла! Боже! Настоящий!»

Этого дочь охотников не выдержала. Ли́ра бросилась бежать. Она не помнила, как выбиралась из Лабиринта. Только заметила, что обратная дорога показалась короче. Очнулась в знакомом лесочке. Она сидела под деревом, обхватив колени, и ее всю трясло. Сквозь туман забытья доносился чей-то увещающий голос.

- Владыка, - пробормотала Ли́ра.

- Леди Диос! Что с вами?

Реальность вернулась окончательно. Перед ней был молодой рыжеволосый хозяин зверей, Хиам. На Карду спустились новые сумерки, и вампир прилетел за ней.

- Что вы там видели, леди Ли́ра? Кукловод напугал вас?

Ли́ра сглотнула.

- Я... я убила Ли́битину, Хиам! Нечаянно! Силой Голоса Бездны! Я не хотела...

Опять затошнило. Ее первое убийство. Ушла из ордена из-за неприятия насилия над

carere morte, и вот...

Хиам рассмеялся:

- Леди Лира, оглянитесь.

Лира, еще всхлипывая, обернулась. Лабиринт виднелся из-за редких тощих деревьев леса. В быстро сгущавшихся сумерках знакомые волки Нефандуса стояли на страже у стены, знакомые чёрные птицы кружили в небе.

- Я не знаю, что Либитина приготовила для вас, но... Это было лишь представление, - успокаивающе сказал Хиам. Лира заметила: при упоминании Голоса Бездны он чуть отстранился от нее. Все-таки испугался. Как все.

- Ну и шуточки у нее, - пробормотала Лира и залилась беззвучным смехом. Встреча со странной хозяйкой кукол, несмотря малые и большие ужасы Лабиринта, взбодрила. Теперь Лира знала свою новую цель и знала, какой новой силой надо будет воспользоваться, чтобы достичь ее. Она не даст Дэви внести в Дар новое проклятие, чтобы жертва Винсента не была напрасна, и ее оружием будет не Бездна, ни к чему ни ей, ни миру такая сила. У Леры есть тонкие, незаметные даже цепкому уму владыки чары низшей...

Глава 14 Мышка в мышеловке

Из парка охотники долго везли Миру и Винсента куда-то в закрытой карете. Под прицелом двух арбалетов она бездумно прихорашивала спящего юношу: убрала мокрые волосы со лба, стёрла засохшую кровь с губ.

«Пусть спит еще. Пусть спит хоть всю вечность, пока я не найду Дар», - Мира застонала, закрыла глаза. В темноте, не отвлекаясь ни на что, можно было расслышать редкие удары его сердца. Не как у живых, но и не оглушительная тишина смерти.

По коже пробежал знакомый холодок, значит, они въехали под Покров. Скоро экипаж остановился. Выйдя, Мира окинула взглядом окрестные улицы и сообразила, что находится в ближней к реке части Центра. Оглядеться как следует не дали. Сопровождающий охотник толкнул в спину, чтоб шла быстрее, и слабого толчка ей, уставшей, оказалось достаточно. Мира упала и уже не поднялась. Веки смыкались. Тогда её опять подхватили, потащили...

Она очнулась от того, что в рот вливали холодную стабилизированную кровь, открыла глаза. Она была в нарочно затемненной для *carere morte* комнатке, а перед ней в кресле, на манер Дэви, восседал глава ордена.

Комната была очень тесной из-за загромождавшей мебели. Обширный стол с письменными принадлежностями говорил в пользу кабинета, кресла и камин в пользу гостиной. Комнатка была кабинетом... или гостиной, а скорее и тем, и другим, и ещё библиотекой: по стенам сплошь полки с книгами. Кроме Миры и главы тут никого не было, но двое людей - отметило обострённое чутьё *carere morte* - находились в коридоре.

- Где я? - спросила она. - Где Винсент?

- Ты у меня в гостях. Твой племянник в соседней комнате, спит, - Мира привстала, но глава охотников остановил её. - Подожди. Сначала мои вопросы.

- Вы всё врётё! - теперь она вскочила. - Где он?!

- В соседней комнате. Сядь и успокойся!

Защита охотника отшвырнула заартачившуюся Миру обратно в кресло. Глава довольно усмехнулся и подал ей простую жестяную фляжку:

- Вот. Выпей ещё, если нужно, и отвечай на вопросы. Начнем с начала. Как ты прошла Покров?

- Я не знаю. Я уже говорила...

- Прежде ты проникала за защиту ордена? Пыталась проникнуть?

- Нет. Я к ней и близко не подходила! Я полетела в Академию от безысходности. Тот охотник рассказал вам?

Глава нервно дернул щекой:

- Расскажи об обращении Винсента. Меня интересует Дар.

- Мне о нем нечего сказать. Дар ушел, когда я обращала Винсента, сияние потухло. Дар сейчас у кого-то другого, - она чуть было не завела ту же шарманку о немедленных поисках Избранного... Глава предупредил ее, подняв ладонь:

- Иными словами, Винсент уже умер, когда ты его обращала?

Это "умер" резануло по сердцу. Мира дёрнулась вперёд, но не вскочила. Закрыла лицо руками.

- Бездна! - простонала она. - Да, да, если так хотите, его сердце уже не билось! Но что мне было делать? Что?! - на мгновение Мире показалось, она оглохла от своего же

отчаянного крика. Но старик лишь коротко кивнул.

- Ты должна знать, что получается вместо обращения в этом случае, - тихо заметил он. - Вампирская марионетка.

Мира больно сглотнула - серебряный ошейник сдавливал горло.

- Я это проверю, - пообещала она.

«Нет, не может быть! Его сердце снова бьется. И все совсем не так, как с той куклой, которую заставил сделать Дэви. Винсент не марионетка! Потому что... потому что, если он кукла, ничто больше не имеет смысла. Ни Дар, ни мир, ничто».

Глава опять кивнул - ее сомнениям - и поднялся.

- Последний вопрос, - теперь неестественно ровно, будто тема причиняла ему сильную боль. - В парке была рыжеволосая девушка, охотник. Ее унес Дэви. Прежде ты видела ее в свите владыки?

- Что? Кто? Нет, - неприязненно сказала Мира. - По крайней мере в ночь, когда Дэви меня поймал, нет. Я три года была отлучена от свиты и понятия не имею, кого Дэви в нее принимал. Все? Я могу идти к Винсенту?

- Иди... - глава почему-то вздохнул.

Мира бросилась в коридор, охотники, ведущие тихий разговор, расступились перед ней. Она пролетела до двери второй комнаты и толкнула её.

Эта комната оказалась спальней, и Латэ не соврал: Винсент был здесь. Юный вампир безмятежно спал на нерасправленной постели. Он не дышал во сне, по коже разливалась та же смертельная бледность... но он не был мёртв, что бы ни утверждал глава охотников. Его переодели, расчесали спутанные светлые волосы, - и Мира ничего этого не почувствовала. Совсем не так как в прошлый раз, когда ее куклу переодевала Хелена.

Мира глубоко вздохнула, чувствуя, как скоро, совсем как у человека бьется собственный пульс на шее. Кажется, серебро ошейника жгло кровь даже сквозь кожу... Какие бы доводы ни приводил рассудок, есть только один точный способ проверить, осталась ли в этом теле на постели, теле ангела, живая душа.

Она мысленно резко приказала Винсенту поднять руку. Ничего. Никакого раздвоения ощущений, его кисть даже не шевельнулась.

- Уф-ф, - тяжело выдохнула Мира и упала в кресло у стены. Вот и все, один простой опыт. Она даже не успела по-настоящему испугаться. Винсент не марионетка, и перед нею ясный определенный путь: отыскать нового Избранного и исцелить племянника.

В коридоре хлопнула дверь. Глава ордена вышел из кабинета, завел неразборчивую беседу с охотниками. Потом стража вышла на улицу. Мира осталась наедине со своим новым созданием.

Она затравленно огляделась. Теперь она была б не против, чтобы охотники остались в доме... «Я всё сделала правильно!» - ещё раз резко повторила Мира, смело глядя на спящего. Прозвучало жутко неуверительно. Всякая решимость оставляла её. Больше всего хотелось очутиться сейчас где-нибудь на другом краю света...

До полудня Мира бродила по незнакомой квартирке, изредка воровато оборачиваясь к кровати, где всё также отдыхал последний, обращённый ею: взгляды сначала виноватые, потом испуганные, наконец, панические. Потом новая, ужасная мысль посетила её. Шторы тут загодя задёрнули плотно, и в комнату не проникало ни единого луча солнца, но этого Мире теперь показалось мало. Она поднялась и подвинула шкаф, чтобы он закрыл окно.

Винсент проснулся вскоре после того. Она дремала в кресле, поставленном так, чтобы

перекрыть дверь, когда донеслось тихое:

- Мира?

Мира вздрогнула, открыла ничуть не отдохнувшие, распухшие от слез глаза, машинально дёрнулась на зов - и замерла. Открыла рот и не смогла ничего сказать. А что сказать? «Привет»?

- Ты пришла, - пробормотал юноша. - Ты пришла по приказу Латэ, чтобы я попробовал тебя исцелить... Так? Скажи!

Она смогла отрицательно помотать головой.

- Скажи! - простонал Винсент и уткнулся головой в подушку. - Парк, владыка вампиров... - это же сон!

Мира вздохнула.

- ...Не сон?! -

Винсент вскочил, заходил по комнате.

- Не чувствую тепла. И сердце... не бьётся?! - он неуверенно коснулся халата на груди. - Голос какой... чужой. Я, что, вампир теперь? *Carere morte*?! - по-детски беспомощно, жалобно спросил он.

Мира все молчала. Привыкала к нему.. такому. Порывистость движений превратилась в скользящее изящество ночных убийц, лицо, когда искажалось эмоциями, на миг застывало как на фотографии, эмоции не перетекали друг в друга - сменялись резко, как маски, взгляд обрел особую стеклянность, прозрачность, и лип к ней, как... как лед к живой теплой коже в морозный сухой день. Никогда прежде ей не бросались так в глаза отличия живого человека от *carere morte*.

Винсент упал на кровать, отвернулся от неё.

- Но... Дар? Он же чист от проклятия?

Мира кивнула, не подумав, что он не увидит этого знака.

- Нет, это не может быть правдой, - неуверенно сказал Винсент. Опять сел, замеченным еще у Алана жестом закрыл лицо ладонями: только глаза и лоб.

- Что ты сделала со мной... - не вопросительно, только удивлённо. Как-то растерянно.

«Это был единственный шанс», - хотела сказать Мира и опять не сказала. Винсент оглядел комнату и, естественно, задержался на шкафе.

- Где мы находимся? - хрипло, почти беззвучно спросил он. - На мне чужая одежда. А что означает этот шкаф у окна?

Мира вздохнула, но не отвела настороженный, молящий взгляд от его лица.

- Ха-ха! - Винсент опять вскочил. - Думаешь, если я сейчас захочу выйти... да хотя бы и на солнце! Это, - он постучал по шкафу, - меня остановит?

Мира наконец разжала губы.

- Винсент, пожалуйста, - жалобно попросила она, вставая с кресла. Он вновь сел, обхватив голову, и надолго наступила тишина.

- Это же тюрьма, тюрьма, - прошептал Винсент; поднял голову, первый раз за утро посмотрел ей в лицо: взгляд пристальный, внимательный, светлый, как у ребёнка, впервые в жизни столкнувшегося с несправедливостью. - Я просил отпустить меня, а ты...

Мира сломалась. Опустилась у двери на пол, по-прежнему закрывая выход из комнаты своим телом, простонала:

- Не мучай меня!

- Прости, - тихо, скованно сказал Винсент.

- Быть вампиром не так страшно, как ты думаешь. Послушай! Днём ты прячешься, зато ночью - абсолютная свобода. Чтобы утолить голод, не обязательно убивать. Если не эксплуатировать без необходимости возможности преобразования и отдыхать днём, можно насыщаться небольшим количеством крови. Конечно, это трудный путь и безрадостная... - Мира не закончила.

«...жизнь?»

Она начинала понимать, что он, Избранный, ставший вампиром, может сейчас чувствовать. Слов утешения не находилось.

Дверь скрипнула, отворяясь. Мира поспешно отодвинула кресло, впуская главу ордена. С ним в этот раз пришла незнакомая пожилая дама.

- Очнулся, - пробормотал Латэ, увидев Винсента. - Кажется, ему первый разговор с бывшим Избранным представлялся столь же тяжелым. Дама мягко обняла Миру за плечи, увлекла в коридор.

- Ты проверила, что должна была? - тихо спросила она за дверью. - Он подчинился твоим мысленным приказам?

- Про-про-верила, - заикаясь, прошептала Мира. - Я приказала ему... Приказала поднять руку - ничего. Он не кукла!

- Хорошо, - кивнул женщина, но в глазах было сомнение. - Жди здесь, - велела она, когда Мира вслед за ней рванулась обратно в комнату. Дверь хлопнула. Мира осталась в коридоре, заламывая руки.

Через час ее позвали. Мира постаралась придать лицу спокойное ясное выражение, когда вновь входила в спальню. Винсент все также сидел на кровати, безвольно опустив руки, свесив голову так, что волосы совсем закрыли лицо. Дама оценивающе взглянула на нее и кивнула, разрешая говорить.

- Винсент, послушай, - ровно сказала Мира. - Твой Дар ушел, но это лишь значит, что он сейчас есть у кого-то. У нового Избранного. Я найду его, и он исцелит тебя. Обещаю. Я только потому, что увидела эту возможность, обратила тебя. Чтобы не потерять совсем. Я научу тебя справляться с голодом. Это... не настолько ужасное состояние, чтобы так злиться на меня, ты поймешь.

- Я ведь умер, я помню, - размеренно, холодно сказал Винсент сам себе. На нее он даже не посмотрел. - Но ты... Что она сделала со мной? - беспомощно спросил он главу. - Это же... чудовищно.

- Ты почти исцелил меня. Ты доказал, что исцеление *carere morte* возможно. Твое состояние временно. Винсент, ну посмотри на меня...

Он отвернулся. Мира видела: он всё прикладывает ладонь к губам, будто боится проговориться о чём-то.

- Я очень скоро найду Дар! Вот увидишь.

- Ты чудовище! - выпалил он, не сдержавшись. - Что ты сделала со мной?! Кто я теперь? Кто я теперь?! - голос поднялся до визга. Мира испуганно отступила к двери.

- Вако, тебе лучше выйти, - заметил глава ордена. Она упрямо мотнула головой. Винсент тяжело вздохнул несколько раз и успокоился. Поднялся. Отошел к окну, заслоненному шкафом - старался быть как можно дальше от нее.

- Ненавижу тебя, - выдохнул он, безнадежно глядя на громаду шкафа, заслоняющую бушующее над миром солнце. - Ненавижу ваш мир. Ищи Дар, если хочешь. Может, кого-то это действительно спасет. А я... - Винсент все-таки обернулся, но взгляд был столь

холодным и закрытым, как если б на нее глядела настоящая кукла. - Я больше не хочу тебя видеть. Мне ничего от тебя не нужно, хватит вечности. Уходи.

Лицо опять скривилось от рыданий. Мира резко отвернулась. Ломко, как кукла на ниточках, отступила за порог. Только выдохнула напоследок сквозь зубы:

- Я все исправлю, помни это. Обещаю.

До заката они сидели по разным комнатам. Когда тикание часов на столе у главы охотников становилось невыносимым, Мира вскакивала и начинала мерить кабинет шагами и, казалось, шаги отдаются двойным эхом, Винсент также кружит сейчас по спальне... С приближением ночи набирал силу голод, и если она еще могла справиться с ним, то для обращенного менее суток назад он должен был быть невыносимым. Когда Мира почти решилась опять пойти к нему, послышался скрип двери. Она радостно кинулась навстречу, но это был не Винсент. Пере ней стояла давешняя пожилая дама.

- Девочка, ты уже собралась? - спросила она. - Идем. Я отведу тебя в твой новый дом.

- Новый... дом? - Мира опять машинально схватилась за ошейник. Первый раз за суматошный день пришло в голову: а как она собирается искать Избранного будучи на службе ордена? Ох, надо было им с Винсентом бежать... только как увести его от них, если он ее вовсе не хочет видеть?

- Да. Защищенный куполом Покрова дом, - подтвердила дама. - Ты меня боишься? Прости, я не представилась. Адора Рете.

Теперь Мира другими глазами посмотрела на нее. Рете! Высший свет столицы! И в ордене, кто бы мог подумать.

- Герцогиня Рете...

- Мы, как и дикари-*carere morte*, предпочитаем общение без титулов. Зови меня просто по имени. Отныне ты служишь ордену, и мы ответственны за твою безопасность.

- Я... я... Я обещала Винсенту, что найду Дар! - выпалила Мира, отступая вглубь комнаты. - Если служба ордену помешает этому...

- Не помешает. Когда глава объявит поиски Избранного, ты встанешь во главе группы ищущих. Но даже если б и помешала, прежде ты обещала охотникам службу, - более холодно напомнила Адора. - Так что идем.

Понурившись, Мира подчинилась.

- А Винсент? - в коридоре она все же обернулась к закрытой двери в его комнату. - Он не пойдет с нами?

- Он сообщил главе охотников, что намерен возвратиться в Карду в родовой особняк и жить там. Филипп согласился.

«А мое согласие или несогласие Винсенту неинтересно...» Мира опустила голову, скрывая глаза.

- Все ясно, - пробормотала она. Ждушие очереди слезы встали комком в горле. - Только я волнуюсь за него. Я должна быть на его первой охоте, хотя бы тайно.

Адора потянула ее за собой на улицу и тут вежливо, добро улыбнулась:

- Девочка, более никаких охот, ни для тебя, ни для него, не будет. Только стабилизированная кровь. Не тревожься о племяннике, он справится со всем, мы уверены.

Мира сглотнула опять, но не заплакала. Скрестила руки на груди и прерывисто выдохнула. Каким бы ужасным ни было настоящее, оно не может быть хуже прошлого... того, совсем недавнего прошлого, в котором Винсент сказал, что больше не хочет ее видеть.

«Новый дом» оказался четырехэтажным многоквартирным доходным домом. Мира

долго стояла у единственного подъезда, вздернув голову и считала квартиры. У нее, *carere morte*, будет четыре десятка живых вкусных соседей. О чем думает орден?!

- О чем задумалась, девочка? - окликнула Адора. Мира усмехнулась:

- О чем вы думаете? Или в этом доме живут исключительно охотники, или вы подвергаете жизни невинных людей ужасному риску, поселив меня здесь, - пустила шпильку она, но герцогиня Рете серьезно и уверенно заметила:

- А мы и не думаем, что подвергаем. В случае срыва тебя остановит ошейник, но, я думаю, срывов вовсе не будет. Как и у Винсента.

Мира вздохнула. Насчет последнего она не была уверена. Чем ближе человек к смерти в момент обращения, чем больше потерял сил, пока умирал, тем более голодным и менее управляемым *carere morte* он становится. И ведь Винсенту даже не надели ошейник, как ей!

Весь первый день она провалялась на кушетке в квартирке, еще меньше и теснее комнат Латэ: всего одна комнатка под крышей, со скошенным к узкому окну потолком, да узкий коридор-прихожая. Весь день изо всех сил зажимала уши ладонями и монотонно напевала себе под нос как сумасшедшая - только так грохот живых сердец справа, слева, снизу становился чуть тише. На второй день под дверью появилась связка бутылей в коробке. Стабилизированная кровь. Адора наказала ждать письма от главы ордена, но с бутылками его не было. Придет ли?

Комната показалась в три раза теснее... Поможет ли она Винсенту, оставшись с охотниками? Может быть, сбежать, пока не поздно, пока ее не заперли навсегда под куполом Покрова?.. О, если б еще было, куда, к кому бежать! Кто послушает ее, *carere morte* с позорным ошейником на горле? Мира повалилась обратно на кушетку.

На третий день она сдернула покрывало с темного четырехугольного предмета у стены, занимавшего добрую треть комнатки. Как и догадывалась - фортепиано.

Мира откинула разохшуюся от времени, залитую свечным воском крышку. Даже не пододвинув стула начала наигрывать... и только через минуту поняла, что играет. Это было её собственное сочинение, еще из человеческой юности, до встречи с фатальной любовью - незатейливая мелодия в ля-миноре, многократно повторяющийся набор грустных, шелестящих фраз - как шум осеннего дождя.

Когда она путалась в аккордах или забывала мелодию, просто закрывала глаза и печальная музыка лилась дальше. Про себя Мира усмехалась детской наивности музыкальных фраз, но продолжала. Простая мелодия качала на волнах, все дальше и дальше относя ее от дыбющегося скалами берега в спокойное, глубокое море: от прошлого дикарки и слуги владыки - в необъятное и непонятное будущее...

Вечером четвертого дня Мира решила сама навеститься в Академию.

На перекрестке перед Академией она долго стояла, боясь перейти Покров. Странное ощущение... будто шагнув за эту границу, она не вернется назад, навсегда останется заключенной в невидимую полусферу... Но преграда вновь осталась позади, а Мира вновь осталась в сознании, даже не закружилась голова. Огромное здание горой выросло над головой: меньше и ниже «Тени Стража», но столь же гордое, внушительное, подавляющее своей мощью. Мира быстро, воровато взбежала по лестнице главного входа к колоннам. От кого пряталась, непонятно: ни дикари, ни Дэви не следили за ней.

Она уже взялась за холодную металлическую ручку, напомнившую почему-то сжатый кулак, когда дверь толкнули на неё. Мира увернулась и нерешительно заглянула в холл, придерживая дверь. Но человек, распахнувший дверь, придерживал ее открытой со своей

стороны, так что их пальцы встретились. От холодного касания лишённой жизни рослый крепкий охотник отдернул руку словно ужаленный, да и Мира дернулась назад. Дверь захлопнулась бы, но охотник вновь придержал её.

- Вот и она сама! - крикнул он куда-то вглубь здания и пригласил мрачно. - Проходи, не бойся.

А Мира на свою беду слишком уж задержала взгляд на его руке, по-прежнему держащей дверь приоткрытой. Сильная большая рука мужчины, тонкие чёрные волосы на кисти, фалангах пальцев. Она представила серебряный кинжал в этой руке... и содрогнулась.

- Марк, не дурачься! - крикнули охотнику издалека. - Пусть её хоть допросят сначала!

- Ты куда? - буркнул Марк с высоты немалого как у Гектора роста. Мира сжалась:

- К главе ордена. Где его можно найти?

- Так ты еще и без приглашения... - начал он, но кто-то из глубины здания опять его оборвал:

- Пусть Латэ решает, что с ней делать. Третий этаж. Кабинет с табличкой.

- С...спасибо.

Быстрым шагом, скрестив руки на груди, Мира прошла первый этаж до центральной лестницы. Картина была фантастическая: десятка два охотников - половина с оружием, половина без, зато серебром, водой источника и сухой пылью сожженных *carere morte*, от них так и разило. Отлично, она еще и умудрилась прийти аккуратно между стражами, когда на всех базах полно народа! Кто-то прервал беседу, другие продолжали как ни в чём ни бывало, но все без исключения следили за ней, пока Мира, чувствуя себя примой оперы, проходила холл. Только, в отличие от примы, одобрительных взглядов она не ощутила и аплодисментов не услышала. Ледяное молчание.

Она остановилась перед дверью кабинета в середине коридора третьего этажа. Обыкновенная дверь светлого дерева, медная ручка была тёплой, во всяком случае, теплее её ладоней. Загадочно поблёскивали серебристые буквы на табличке у двери: «Филипп Б. Латэ, доктор исторических наук, профессор». Мира подняла было руку, чтобы постучать, оповещая о своём приходе, но передумала: много им чести! Сразу резко потянула дверь на себя.

В кабинете Латэ не было. За большим письменным столом вольготно расположился молодой охотник, с которым они встречались в первый визит под Покров Академии. Он и в Призрачном парке был... Карл, кажется. Охотник попивал чернейший кофе из изящной фарфоровой чашки и сосредоточено вычерчивал что-то на листе бумаги.

- Доброй ночи! - решительно поздоровалась Мира. - Мне нужен глава ордена. Он здесь?

Охотник оторвался от схемы и, глянув на посетительницу, удивлённо прищурился.

- Ого, как быстро, - протянул он. - Извещение от главы ордена было отправлено тебе полчаса назад. Ты что, на крыльях добиралась?

- Неважно, как я сюда добиралась, важно, что мне нужно поговорить с Латэ. Срочно.

- Главы пока нет. Уехал в Центр. Отправляя письмо, мы рассчитывали, что ты воспользуешься экипажем, который придет к твоему дому в указанное в послании время...

- На меня надели ошейник, но я не на цепи, - немного обиделась Мира. - Я пришла сама и подожду главу здесь.

Она готовилась к новым возражениям, но охотник великодушно разрешил: «Жди!» и снова взялся за кофе. Мире почудилась ирония в его тоне.

- Мы, *carere morte*, умеем ждать долго, - заметила она. Охотник лишь улыбнулся.

- Да, знаю, - заметил он. - ...До рассвета.

Недовольная, оскорблённая, Мира забила в кресло в самом тёмном углу. Наобум схватил толстую рукопись со столика, раздраженно листнула, но стало только хуже. Рукопись была настоящая, охотничья, и посвящалась организации редкого для ордена сотрудничества с «дикими» *carere morte*.

Мира долистала до картинки, на которой один охотник заковывал вампира в такой же ошейник, как у нее, только к этому ошейнику была присоединена цепь. Другой охотник в этом же время выдирал *carere morte* клыки. Что, и ее на цепь посадят, и ей зубы выдернут?! Мира украдкой языком коснулась острых кончиков клыков... и почувствовала чужой взгляд. Резко подняла голову, но охотник за столом уже опустил глаза, старательно не замечая ее присутствия.

Он был постарше Винсента, ниже ростом, но шире в плечах. Одет с педантичной аккуратностью, темный приталенный сюртук и брюки вряд ли были удобны для охот. Скучная монотонность внешности усугублялась строгой причёской - гладко зачёсанные назад черные волосы. «Кабинетная крыса», - хотела уже обозвать его про себя Мира, но передумала. Тёплый, живой взгляд охотника контрастировал с сухостью облика. Она так привыкла к пустым колодцам глаз Дэви, что забыла: темно-карие глаза могут быть и другими. Располагало к себе и его приятное симметричное лицо - из тех, что неосознанно вызывают доверие. Мира поискала, откуда это ощущение, и нашла: уголки губ охотника были чуть приподняты - в них таилась улыбка, даже если он вовсе не был расположен улыбаться.

Если отставить пикировку, эту встречу можно обратить на пользу, - отметила она. В Призрачном парке охотник понял ее буквально с двух слов, то есть был вовлечен в странную историю Избранного в ордене. Можно выпросить у него, почему Винсенту внушали, что Дара нет, почему называли Проклятым. Почему довели до того, что он смог без страха вонзить кинжал себе в сердце... - Тут Мира почувствовала, как опять сильно забило собственное - от злости и тоски.

Она аккуратно вернула рукопись на стол. Эмоции отставить. Спокойный взгляд, дружеская улыбка... - так следует начать этот разговор.

- У меня есть вопросы и к тебе, - негромко сказала Мира. Охотник чего-то такого и ждал, потому что опять быстро отложил свою схему. Глянул пристально, как владыка, но не холодно:

- Слушаю?

- Винсент успел мне рассказать... Почему, зная о Даре, его тут называли Проклятым? Почему говорили, что Дара нет?

- Почему ты думаешь, я расскажу это тебе?

- Ты отпустил меня по моей просьбе при первой встрече, и... стабилизированную кровь в Призрачный парк ты ведь для меня захватил?

Охотник приподнял брови, удивленный точности ее догадки, но кивнул.

- Кстати, зачем? Думал подманить на лакомство, как собачонку?

- Нет, - он нахмурился, но взгляд остался прежним, дружеским. - Я подумал, если ты в парке с голоду кинешься еще на кого-нибудь из наших, те не станут разбираться и просто убьют тебя на месте. Надеюсь, в крайнем случае кровь тебя отвлечет.

- О, - настал черед Мире отступить в растрепанных чувствах. - Что ж, тогда вернемся к главному вопросу о Проклятом...

- Я не знаю, что именно внушал Избранному покровитель ордена, - охотник подался к

ней для доверительности. - Правда, не знаю. Я не глава района, чтобы знать подоплеку действий покровителей, только секретарь Латэ. Но о том, что скрывается за названием «Проклятый», легко догадаться. Герцог Крас думал, Винсент одержим Проклятием Алитера.

- Что за чушь! - Мира осеклась, вспомнив черную тень вокруг Избранного. - Ладно допустим так... Но сейчас-то этого проклятия нет?

- Нет. У него теперь есть твое проклятие.

- Это я помню! - она даже зарычала от внезапной боли. - Адора Рете сказала, орден будет искать нового Избранного, и меня поставят во главе группы. Ее словам можно верить?

- Если я скажу: нет, нельзя, ты будешь больше доверять моим словам, чем ее? - он усмехнулся. - По-моему, ты просто выбираешь то, что тебе сейчас приятно будет услышать. Если хочешь найти Дар с помощью ордена, я одно скажу: не жди, что путь будет легким.

- Я понимаю.

- Ты не видишь и десятой доли препятствий, которые есть на этом пути.

- О, а ты видишь?

- Не все, - теперь он взглянул ей в глаза, честно. - Знаю чуть больше тебя, но многие препятствия предугадываю. Вчера Латэ встречался с Красом. Герцог продолжает утверждать, что Дар загрязнен проклятием Алитера. Он не желает принять, что Винсент уничтожил Проклятие, даже как один из возможных вариантов. Видимо, что-то в идее чистого Дара пугает покровителя.

- Что же?

- Я еще не знаю. Но узнаю. Тогда и скажу. Наверное, нам пора познакомиться... Карл Хортор.

Мира холодно улыбнулась:

- Ты разговариваешь со мной как с девочкой, Карл Хортор. А ведь я ровесница твоей матери.

Его улыбка ничуть не уступила её:

- К тому, кто пытается тебя съесть, как-то не принято обращаться на «вы». Но, если желаете... Леди Вако, хотите еще совет?

- Да? - Внезапная холодная серьезность его тона напугала, Мира вцепилась в подлокотники.

- Не ждите быстрой организации новых поисков Дара.

«Жалость опять только почудилась ей в его взгляде?»

Хлопнула дверь - явился Латэ. Увидев *carere morte*, глава охотников добродушно улыбнулся:

- А-а, Мира... Уже? Рад, что быстро. Это означает, ты готова поведать ордену все известные тебе тайны свиты Дэви и адреса групп дикарей?

Мира испуганно глянула на Карла, но тот только развел руками.

- Не-ет, - испуганно пробормотала она. - Я не ваша информантка, Пустота вас заберите!

- В письме, которое было отправлено вам сегодня, ваш визит в Академию означал, что вы готовы сотрудничать с орденом в самой полной мере.

- Я не буду вам ничего рассказывать!

- Включить *carere morte* в группу поисков Дара будет возможно, если она докажет верную службу ордену, - Латэ прошел к своему столу. Карл уже поднялся, отошел к окну. Видно было, и для него слова главы стали неожиданностью. Он нервно барабанил пальцами по подоконнику, наигрывая какой-то быстрый марш.

- Порвите с вампирским прошлым, начните доказывать свою верность, - глава ордена сложил ладони домиком, взглянул на нее поверх очков - прозрачные бездушные глаза. - Могу понять, некоторые дикари были вашими друзьями. Но мы все равно уничтожим их раньше или позже, только, если вы не поделитесь адресами, людских жертв будет больше... и отношение к вам охотников, соответственно, будет хуже. Защиты и поддержки от них в поисках Избранного можете не ждать. Что касается Дэви, рассказать про него будет даже выгодно. Владыка вампиров не отступится от Дара. Давайте вместе сдержим его, насколько сможем, оборвав нити его связей с правящими кругами Доны и Карды.

Мира глубоко вздохнула.

- Вы хотите, чтобы я была верна ордену, но до вас я приносила такую же клятву верности Дэви и клятвы дикарям быть друг другу опорой и защитой, - слабо сказала она. - Если я теперь нарушу их, разве вы будете уверены в моей верности? Это будет значит лишь, что я и вас предаю, если кто-то предложит мне лучшие условия.

В светлых глазах Латэ блеснула живая искорка:

- Что вы предлагаете?

- Я укажу, где скрываются наиболее безумные и опасные для людей дикари столицы, - прошептала Мира. - А про Дэви... Вы слишком высоко цените мой уровень знаний. Я говорила, последние три года я не летала в его свите, мои сведения устарели. К тому же Дэви понимает, что я у вас, и предугадает выдачу охотникам некоторых сведений. Он расставит ловушки на этих путях, вы потеряете много людей.

Карл, посветлев, одобрительно кивнул ей. Мира чуть улыбнулась поддержке. Латэ откинулся на спинку кресла, также добродушно улыбаясь:

- Хорошо. Пусть пока так. Как понимаю, вторую часть письма вы также не читали?

Мира растерянно развела руками.

- Ясно. А в ней вам было предписано отныне являться в Академию четыре раза в неделю...

- Зачем?

- Наши ученые последнее десятилетие ведут исследование проклятия *carere morte*, но для прорыва на новый уровень понимания им необходим живой и готовый сотрудничать экземпляр «лишенного смерти». Нашим новичкам также необходимо учиться охоте на крылатых высших, и на их тренировках вы отныне будете выступать как подвижная модель.

- А поиски Дара?

- Они будут. Позже. А теперь, - Латэ придвинул к ней лист бумаги и стальное перо. - Пишите адреса «самых безумных и опасных» дикарей. За один неверный потребую пять адресов ваших бывших друзей. Пока пишете, я расскажу свои догадки о том, кто в окружении Его Величества и Высочеств присягнул на верность Дэви, а вы подтвердите или опровергнете. Если в каком-то ответе мне почудится ложь, я переспрошу столько раз, сколько потребуется, чтобы добраться до правды. Если закончим быстро, вы успеете попрощаться с Винсентом. Он сегодня уезжает в Карду.

Мира вскинула на главу охотников взгляд. Латэ не лгал. Она покорно кивнула, перо зацарапало бумагу.

На вокзал Кардо, откуда уходили поезда в северную цитадель, Мира успела за пять минут до отправления. Еще подбегая, увидела Винсента - его светловолосая голова возвышалась над немногочисленными провожающими: Адорой и несколькими охотниками. Мира боялась, племянник сделает вид, что не заметил ее, но за три прошедших дня тот

решил сменить гнев на милость. Увидев ее, Винсент улыбнулся и распахнул руки. Мира влетела в его объятия.

- Прощайте, тетушка.

- Подожди... У меня есть для тебя подарок.

- Вы уже подарили мне вечность.

Он все так же улыбался, но теперь Мира заметила: это некрасивый, болезненный выжидательный оскал, и глаза прежние - стеклянные, неживые. Она глубоко вдохнула и призвала крылатую тень.

- Зачем ты так. Это хороший подарок, если он в хороших руках, - глухо. - Вдохни.

- А, крылья, - равнодушно сказал Винсент. - Хорошо.

Черная клубящаяся тень окутала их, но скоро схлынула. Теперь нужно было сказать главное, чего она боялась: только не сдавайся голоду! Но Мира кусала губы и молчала. Что, если он обидится: как посмела такое подумать о нем?

- Я иногда буду к тебе приезжать, - тихо сказала она наконец. Слишком упрямо для просьбы и слишком робко для требования.

Он оскалился еще злобнее:

- Я подчиняюсь, хозяйка.

- Винсент! - попробовала урезонить его Адора.

- Я не хотела этого, - сокрушенно прошептала Мира. - Я, правда, не хотела, чтобы все было так.

Винсент вдруг резко наклонился к ней. Близко-близко Мира увидела его светлые глаза - замороженное отчаяние с искрами безумия. Глаза Алана.

- А чего ты хотела? - с знакомой ледяной усмешкой спросил он. Что это... она сошла с ума и вернулась в прошлое, в знакомство с Аланом?! Мира рванулась назад, но Винсент цепко, грубо ухватил за запястье, чтобы они остались на том же безумном уровне близости, когда тела касаются друг друга, так что можно было б услышать биение чужого сердца, будь они оба подлинно живы.

- Чего ты хотела?! Признайся! - прошептали знакомые капризно изогнутые губы, и он отпустил ее запястье.

Мира смогла вздохнуть, только когда поезд совсем скрылся вдали. Рассеялось в морозной дымке облако дыма из трубы паровоза, и с ним растворились последние завязанные на прошлом иллюзии. Оказалось, она может предать друзей, может принять покорность ордену с ошейником на горле, может даже принять Винсента таким - насмешливым и резким как Алан. А впереди было самое странное будущее для *carere morte*. Сотрудничество с орденом.

...Оно началось следующим же вечером. Едва стемнело, Мира вновь направилась в Академию, теперь на первую встречу с учеными. Их руководитель, Модест Меркес, встретил ее тепло, но тем разительней был контраст с тем, что пришлось на этой встрече испытать. Мира вытерпела десяток экспериментов с различными разведениями воды источника и искусственно созданными аналогичными ей растворами, чуть не ослепла от трех модификаций искусственного света, а на десерт отдала им чуть ли не целую бутылку своей бессмертной крови и перенесла уколы в сердце и поясницу, где пряталось второе вампирское сердце. Какую-то симпатию, желание поговорить с ней как с человеком высказала только одна ассистентка, Габриель, впрочем, ложно-доброе отношение к лишенной смерти скоро разъяснилось. На самом деле Габриель интересовала рыжеволосая

девчонка, Диос.

- Голос Бездны! С ума сойти! Она ничем не выдавала своей силы, - обескураженно поделилась она. Мира пожалала плечами:

- В парке я не обратила на нее внимания.

- И проявлений силы Голоса Бездны не видела? - лицо Габриель вытянулось от огорчения. - Жаль! Ее бы сейчас в лабораторию. Новорожденная наука о созданиях Бездны сразу продвинулась бы...

- Вы со всеми друзьями в ордене обращаетесь как с подопытными зверями? - уколола Мира, опять не сдержавшись. Но Габриель не выглядела задетой.

- Даже если не учитывать Диос как источник новых знаний о мире, лучше, чтобы Голос Бездны был здесь, под нашим контролем, чем неизвестно где и под контролем Дэви, - резонно заметила она. - Если она действительно может все, что ее предшественники...

Услышавший их разговор Меркес заспорил с ассистенткой, что Дэви не станет нарушать Равновесие и использовать Голос Бездны как оружие... А к Мире до окончания исследований уже не обращались как к человеку.

Следующим вечером была тренировка. В парке Академии *carere morte* ждали четверо охотников, большинство уже знакомые: Карл, Габриель, Марк. Последний, молодой человек лет двадцати пяти, с грустными тёмно-серыми глазами, представился также просто как остальные: Алекс.

- Начнем тренировку? - Мира подбоченилась, скрывая страх. Обещанных новичков тут не было, все охотники точно не впервые видели *carere morte*. В специально под охоты сшитой неброской одежде с потайными кармашками и ножнами для кинжалов, со здоровенными арбалетами для ловчих сетей в руках - они выглядели, точно собрались в настоящий рейд. Подсознательно эта картина вызывала ужас.

- Не волнуйтесь, - успокоительно сказал Алекс, разгадав ее тревогу. - Подобная практика была у ордена раньше. Никакого ущерба вашему.. здоровью нанесено не будет. Никаких кинжалов, мечей. Вы видите, арбалеты только с сетями, без болтов. Когда будем моделировать ритуал, воду источника заменим обычной.

Мира раздражённо дёргала головой на каждую фразу, только этим выражая несогласие. Слов не находилось.

Алекс на правах главного повел всех в дальнюю часть парка, к реке. Старые, толстые деревья росли тут густо, скрывая от глаз случайных прохожих небольшую расчищенную площадку. Встав посреди нее, Мира сумрачно оглядела противников:

- Я готова. Что от меня требуется?

Алекс слегка обескураженно переглянулся с Карлом. Похоже, несмотря на уверенные слова, последняя подобная практика у ордена была давненько и вовсе не на его памяти; он и сам плохо представлял, что это будет.

Вынужденный сказать что-нибудь, он предложил:

- Просто преобразись и уворачивайся от нас. Высоко не взлетай, будь в пределах досягаемости.

Она коротко кивнула. Преобразиться, к счастью, получилось мгновенно: тело понемногу подстраивалось под питание дрянной неживой кровью. Марк привычно пробормотал короткую защитную молитву.

- Какая она маленькая, - тихо заметил Алекс Карлу.

Мира обиделась.

Она взмыла под самые кроны деревьев, и охотники вскинули арбалеты. Рванулась еще выше... Алекс остерегающе крикнул. Пришлось спуститься и плясать как бабочка, уворачиваясь от их сетей. Две сети запутались в кронах у Миры над головой, одна скользнула по ногам, еще одна чуть не спутала крылья... Тесновато тут! Мира рванула вдоль тропки, ведущей к Академии, но, опутанная сразу двумя сетями, грохнулась наземь. Карл и Алекс успели ее подхватить. Мира испуганно дернулась, освобождаясь. Как же это жутко, чувствовать хватку их рук!

- Отпустите меня! - она почти кричала.

- Наверное, ей это напомнило ритуал, - заметила Габриель. Марк усмехнулся:

- В следующий раз не ловите, пусть расшибется.

Оскорбившись, Мира отказалась от помощи охотников. Принялась выпутываться из сетей сама.

- Что тебе не нравится? - негромко спросил Карл. Мира сначала зло глянула на него, но смилостивилась: в конце концов, вытерпела же она ночь в лаборатории. А тренировки и вовсе могут стать интересным развлечением, если убрать барьер «врагов» между ней и охотниками... Она сказала спокойно:

- Мне мало простора для передвижений. А вам?

- Настоящее сражение? - Алекс задумался. - Хм... Почему же нет? Задача первого занятия - проверить твои возможности, чтобы составить план дальнейших тренировок. Попробуем сымитировать охоту и с твоей, и с нашей стороны.

Спустя полчаса, Мира кралась по парку. Впереди быстро, нервно двигалась женская фигурка: Габриель изображала заплутавшую девушку. По сценарию Мире нужно было кинуться на нее как на добычу, и тогда остальные охотники поймали бы ее сетями. Типичная «приманка для вампиров», каждую неделю - помнила Мира еще с юности - кто-нибудь из дикарей так попадался.

Сейчас она различала следящих за ней охотников меж деревьев, ведь это была лишь тренировка. Охотники не использовали в полной мере свою защиту, также как она темную силу, и все же ловить на себе их взгляды было неприятно - взгляды убийц, прикидывающих, как точнее и быстрее тебя умертвить, чтобы это событие прошло беззвучно и незаметно.

Габриель играла хорошо. Она растерянно оглядывалась, то срывалась на бег, то замедляла шаг, прислушиваясь к шорохам ночи. Но все было обманом. Едва *carere morte*, пусть даже в крылатой тени нападет, как вскроется главное отличие девушки от настоящей без пяти минут жертвы: защита охотника отбросит *carere morte* и, оглушенную, ее примут охотники в свои сети.

Мира медлила. Глупо подставляться совершенно не хотелось. Может, орден поймал ее очередной клятвой верности, но своей марионеткой не сделал. Охотники полагают, она будет нападать вполсилы... Что будет, если она покажет им истинную мощь высших из высших?

Рассчитав нападение, Мира бесшумно взлетела в густое сплетение крон. Краем глаз отметила, что охотники проводили это движение. Ничего, сейчас она оторвется! Она скинула крылатую тень. Пока черные лохмотья таяли, переместилась на другое дерево, опять выдохнула тень и снова скинула. Черный туман поплыл по парку, цепляясь за ветви. Невидимая в нем, она взмыла над кронами.

Щелчок арбалета: один из охотников принял ее рассеивающуюся тень за саму *carere morte*. Мира довольно усмехнулась. Габриель теперь также чувствовала себя неуверенно.

Девушка еще не боялась, но начинала волноваться. Мира видела, как трепыхается в переплетении ветвей как в клетке ее далекая маленькая звездочка-сердце.

Уже пора? Да, сейчас! Охотники умели сверхъестественно быстро успокаиваться, обращаясь к своей защите. Но Габриель она этого сделать не даст.

Мира сложила крылья ринулась вниз сквозь кроны. Упала на дорожку как раз перед Габриель. Распахнула крылья, заслоняя от жертвы все источники света вокруг. Габриель опешила. Сейчас она должна была ударить *saegre morte* защитой, но защита не пришла. Сердце девушки сильно стукнуло, глаза закатились. Она потеряла сознание.

Опять щелчок арбалета. Мира бездумно, машинальным движением подставила летящей раскрывающейся сети Габриель, взлетела. Еще одна сеть скользнула по ногам, но она уже вырвалась из цепких пальцев крон, понеслась к Академии. Охотники следовали за ней. Очень довольная собой, Мира сделала над ними издевательский пируэт. Парк кончился, теперь внизу была серая речка тротуара, и Мира поднялась повыше, чтобы тяжелые сети не достали. Полетела по периметру здания. «Хаха», - пело сердце. - «Обвела четверых охотников... Так вам! Никогда вы меня по-настоящему не подчините...»

На повороте за здание ее совершенно неожиданно накрыла сеть. Мира взмахнула крыльями, стряхивая ее, но одно крыло все же запуталось. Кренясь на скованной серебряной паутиной бок, она свернула к парку. Кроны деревьев опять закачались под ней бурным морем, а крылья лишь слабели. Многократное использование крылатой тени отняло силы. Скоро очередная темная волна ветвей приняла ее.

Если б упала в мягкий снег, может, удалось бы беззвучно сбежать от охотников, но по злому стечению обстоятельств Миру вынесло на часовню. Она зацепила крылом край крыши, загрохотала вниз. Тут же вскочила, скинула тень вместе с сетью. Охотники подходили. Все четверо: Карл, Алекс, Марк и еще пошатывающаяся Габриель. Теперь волноваться начинала Мира. Это было совсем нехорошо похоже на настоящую охоту.

«Они же не брали кинжалы на тренировку?..»

Ее окружили. Мира прижалась к стене часовни.

- Кто бросил сеть? - дрожащим голосом спросила она. - Я специально летела выше.

- Я подстрелил тебя с пожарной лестницы, - сказал Марк. - Готова к смерти, *saegre morte*?

Играл, конечно, но, Бездна, как похоже на настоящую подготовку к ритуалу! Мира засмеялась. Также смеялся Алан, перед тем как рассыпаться пылью:

- Еще нет!

Призвав остатки сил, она выдохнула крылатую тень. Не так, как в начале тренировки, будто надевала маску - так, как делал это Дэви: надевая мантию властителя. Выход был один, попытаться прорвать защиту слабейшего в группе и удрать.

Марк оставался непоколебимым как скала. Защита Алекса немного мерцала, но Мира знала такие: за ней стоял прозрачный, но сильный щит веры. Взяв себя в руки Габриель глядела непроницаемо, но истинная ее защита была очень слабой. Едва восстановившаяся, она была как хрупкий росток. Мира хотела уже кинуться на нее, но внимание неожиданно привлек Карл. Он... кажется, он вовсе отбросил свой щит. Никакой защиты, как у простого человека. Охотник сам предлагал ей себя в жертву.

Что ж, не в ее положении выбирать. Мира кинулась на него. Думала, сомнет, оставит на снегу без сознания, но он остался на ногах. Уцепился за нее, пролетавшую, ухватил шлейф тени, дернул на себя. Тень сползла как вуаль. Мира с разгона пролетела дальше, кубарем

покатилась в снег.

- Достаточно, заканчиваем! - донесся крик Алекса. Но заканчивать она не торопилась. Еще разгоряченная битвой, вскочила. Фигуры врагов, качаясь, росли перед глазами - охотники подходили к ней.

- Уберите оружие! - крикнул Карл. - Марк, да убери же арбалет!

Теперь осознав, что сами провоцируют ее, они опустили оружие. Мира перевела дух. Ноги позорно дрожали.

- Неплохо, - подвела она итог, более всего боясь, что от избытка противоположных эмоций, не удержит слезы. - Но... Бездна, как ты меня обманул? Защиты не было!

Карл пожал плечами:

- Ты кинулась бы на Габриель, а две потери защиты за одну ночь - это слишком. Вот я и...

- Не видела такого раньше. Если защита не возникает в момент нападения, для охотника это всегда потрясение. Ее нельзя снимать и надевать по желанию, как крылатую тень! - зачем-то пробило на спор. Наверное, чтобы спрятать негаснущий страх перед охотниками и их оружием, за болтовней... Алекс покачал головой:

- Я немного читал об этом. Редко, но бывает особого рода защита: сверхъестественно гибкая в сравнении с обычной, даваемой клятвой охотника. Ее образует не слепая вера в орден, а какие-то личные мысли, воспоминания, эмоции...

- Получается, она более индивидуальна?

- Да, и... Также, как любую личную тайну, ее невозможно разбить никакому вампиру. Ни дикарю, ни высшему из высших. По силе она равно той, которую дает кровь Гесси или Диосов, а по гибкости, безопасности для владельца превосходит все. Конечно, это нужно еще проверить в рейде...

Мира думала, Карл загордится или смутится, но охотник опять обманул ее ожидания.

- К рейдам я давно готов, - спокойно сказал он.

- Не думала, что Вако настолько сильна, - Габриель покосилась на нее. - Я, наверное, слишком привыкла к бестолковым голодным дикарям. Ты не простая дикарка, верно?

- Да, я умею говорить и даже читать, - буркнула Мира, мстя за лабораторию. - Только кушать с ложки не научилась...

- Ничего, научим, - Карл улыбнулся, гася их ссору. - Обсудим итоги первой тренировки?

- С ней? - хмыкнул Марк.

- Разумеется с Мирой, - вступил Алекс. - Латэ сказал, она должна быть равноправной участницей тренировок.

- Да ну? И чему она на них научится: как нападать на нас?

- Да. Но чтобы в конечном счете мы запомнили ее приемы и продумали противодействие им... - Карл говорил что-то еще, но Мира не стала дослушивать.

- Очень умно: выспросили у меня вещи, за которые сородичи меня убьют. Теперь я и шагу сделать не могу за ваш Покров, и со мной можно делать, что угодно, - дрожащим голосом сказала она. - Чем гордитесь? Поймали... мышку в мышеловку!

Выразительно сплюнув, она пошла прочь. Пусть обсуждают без нее. Неплохо начавшись, захватывающе продолжившись, окончилась тренировка все же ожидаемо отвратительно.

И ужасно вовсе не отношение к ней охотников. Другим оно быть не могло. Ужасно, что она подсознательно ждала другого. И ужасно, что все это для нее будто бы... нормально:

имитация охоты, дружеское общение с охотниками. Будто это развлечение! А ведь благодаря ему охотники убьют в рейдах многих дикарей, может быть, Эрика, Нику, Сайруса... Каким будет ее следующий шаг: самостоятельное убийство сородичей?

И самое ужасное, что она пойдет и на убийство сородичей, если это поможет найти Дар и исцелить Винсента. О, если б он тут был! Свет его взгляда стал бы маячком на новом странном пути. Но вокруг лишь тьма, и даже если б Винсент шел сейчас рядом, она бы сама боялась взглянуть в его потухшие мертвые глаза...

Постепенно Мира начала навещать Винсента в Карде, но они скупое недолго говорили и расходились. Он был таким же - циничным и жестоким, пугая сходством с Аланом все больше. А она, увы, не могла сказать ему ничего обнадеживающего о поисках Дара. Латэ ждал, что Избранного начнет искать Дэви, владыка судя по всему ждал, когда это начнут охотники. Мира также... ждала. Тренировки и испытания с учеными, свободные дни в архиве в бдении над очередной хроникой Карды или Доны... К счастью, за постоянными занятиями хотя бы время летело быстро.

Суетливый ритм человеческой жизни понемногу захватывал, новая дорога уводила все дальше, и противоречия тренировок - странной игры в смерть-несмерть, становились все зримей. Охотники не обижали Миру, в ее присутствии не отпускали шуточек об особенностях питания вампиров или их страшном истинном облике, но неприязнь она чувствовала кожей, а от взглядов некоторых иногда предпочла бы сгореть. Карл скоро перестал появляться на тренировках - увяз в своих долгожданных рейдах. Алекс вроде бы внешне выказывал дружелюбие, но тут уж Мира сама усугубляла положение, отмалчиваясь и не желая устанавливать дружеские отношения даже с главным по тренировкам. Марк же... просто искренне ненавидел ее. Спустя год она была, можно сказать, на том же месте: одинокая, нелюдимая, беспрерывно огрызающаяся на охотников.

Эта тренировка, спустя год после Призрачного парка, вроде бы не предвещала ничего особенного. По заведенной традиции у Академии Миру ждала группа охотников. Алекс, Даниель Гесси - младший отпрыск известнейшей фамилии охотников, и еще один юный новичок, Доминик. Последний немного вызывал тревогу - уж очень знакомая, личная неприязнь померещилась в его глазах. Но Алексу Миры о своем сомнении не сказала. Пришедшие отомстить за убитых родных и друзей охотники мерещились ей почти на каждой тренировке, в каждом незнакомце.

Тренировка началась, и Мира постаралась выбросить сомнение и страх из головы. Не получалось. Всегда предупредительный Алекс сегодня словно не замечал растущего напряжения между охотником и *carere morte*. Мира старалась взлетать и опускаться так, чтобы ни в коем случае не оказаться к Доминику спиной, но все равно помнила, чем по плану должна закончиться тренировка - имитацией ритуала, и оттого нервничала еще больше.

Доминик послушно выполнял указания Алекса, только смотрел на *carere morte* не так, как прочие новички. Он не боялся, и не любопытствовал - наблюдал, ждал момент. Мира не раз и не два бросала взгляд на его перевязь, но ножны от кинжала были пусты.

Напряжение нарастало и притягивало больше зрителей, как магнитом. Вот остановилась неподалеку группа, пришедшая из рейда, но не торопящаяся по домам. И грозный Марк, встав в конце аллеи, на которой развернулось шуточное сражение, скрестил руки на груди - как судия...

Скоро охотники загнали Миру в угол. Даниель Гесси поймал её сетью. Он с Алексом

прижали ее к дереву.

- Доминик, начинай ритуал! - крикнул Алекс.

Мира машинально дернулась. Не в первый раз приходилось играть ритуал, и все равно было страшно. Доминик подошел, на ходу доставая из кармана зимнего подбитого мехом плаща пузырьёк с водой. Его шляпу в первые секунды боя сбило взмахом крыла *carere morte*, светлые волосы были взлохмачены как у мальчишки и забиты снегом. Теперь Мира вспомнила, что точно где-то видела кого-то похожего на него. Давно, мельком...

- Молитву забыл? - крикнул Алекс, которому, как и Мире, пауза показалась чрезмерной.

Доминик молчал, сжав губы в узкую, презрительно изогнутую полоску. Быстрым, едва уловимым движением он достал серебряный кинжал, спрятанный в рукаве, и без раздумий, точным, резким движением всадил его Мире в сердце, глубоко, так что кончик длинного лезвия вонзился в дерево.

Мира захлебнулась на вдохе, не успев крикнуть. Серебряный кинжал поражает не только тело, парализуя, он наносит удар в самую сущность: рассекает, размыкает тьму проклятия внутри на хаос отдельных элементов, и каждый из них может обратиться ее смертью. Миг страха - и распадется один элемент, и повлечет за собой распад остальных вместе с ее телом. Последнее мгновение паники: нельзя ни пошевелинуться, ни вскрикнуть - парализованы даже глаза! - перед тем, как охотник откроет пузырьёк...

Доминик плеснул водой Мире в лицо и наконец разомкнул губы:

- Благодарю, что это не вода Источника! - голос срывался. - Надо было оставить тебе метку... За сестру!

На аллее кто-то поаплодировал, но большинство молчало.

- Доминик, с ума сошел?! - крикнул Алекс, выскочив из-за дерева. - Откуда кинжал?! Ты сдал мне свой...

- Разберетесь, - холодно сказал тот, уже утратив весь пыл, и молча двинулся к аллее. Алекс пригляделся к рукоятке кинжала:

- «Марк Тэго». Ну, всё понятно!

Даниель выпустил руку пригвождённой к дереву Миры.

- Доминик поступил неправильно, - заметил он. - Но прежде неправильно поступил глава ордена, организовав эти тренировки. Каково на них тем, кто прежде пострадал от Вако? У Доминика она обратила сестру.

- Я знаю, - Алекс с усилием вытащил кинжал. Мира, все еще не чувствуя тела, осела на землю. Хорошо, что охотник придержал ее, не то бы упала лицом в снег как кукла. - Держись. Садись. Вот так.

- Хорттор говорит, однажды Вако примут в орден, но, по-моему, это чушь, - продолжил Даниель. Сублильный, совсем юный, он держался увереннее главного по тренировкам. В осанке, гордо приподнятой голове и холодно-снисходительном взгляде светлых глаз был тот же божественный снобизм, что у Дэви, хотя семьи Дэви и Гесси издавна считались злейшими врагами.

- Исследования Меркеса доказывают, *carere morte* - такие же люди, - зачем-то сказал Алекс. Мира горько посмеялась бы, если б могла: нашел, что говорить чистокровному инквизитору Гесси! Даниель, разумеется, и бровью не повел.

- Законы природы не работают с *carere morte*, Кустос. Бездна - не природная сила. Она - враг живого мира, как и вампиры, ее дети. Узнать врага ближе, чтобы правильно сражаться с ним, полезно, но зачем каждого новичка в ордене знакомить с Вако? Многие неизбежно

обманутся в ней и подружатся... Поколение предателей. Лишенной смерти должна была заниматься специальная группа опытных. Латэ будто забыл, что мы на войне.

- Может быть, мы действительно воюем не с теми, - тихо заметил Алекс. Даниель назидательно приподнял палец.

- Вот! И ты попал под ее чары.

Гесси ушёл победителем. Охотники с аллеи также расходились. Скоро они остались одни. Алекс провёл пальцем по лезвию кинжала. Серебро потемнело и местами было словно изъедено.

- Кинжалу конец, - заметил он и пояснил: - Обычно серебро очищается «огнём» в ритуале, когда вампир рассыпается прахом. А в таких случаях...

- Немногие вампиры могут похвалиться тем, что знают ощущение серебряного кинжала в сердце, - слабо сказала Мира. Говорить было больно. Внутри дрожала, качалась лопнувшая струна, обычно всегда туго натянутая. Сейчас она была беспомощна, как маленький ребёнок.

- Да... Я тоже, как правило, подбираю кинжал из кучки пепла, а не вытаскиваю его из тела ещё живой *carere morte*, - охотник опустил рядом с ней. - Придётся теперь тебя лечить человеческой кровью. Мечтаешь вспомнить вкус?

- Откуда ты всё знаешь, охотник? - пять слов - один медленный выдох, через боль.

- Я сам едва не стал вампиром, - признался Алекс Кустос. - Стал новообращённым, к счастью, не успел совершить непоправимого. Меня исцелили.

- Повезло, - сквозь зубы заметила Мира.

- О, да... Наверное, я всё ещё помню и понимаю вас. Поэтому Латэ и поручил мне организовать тренировки... Ты идти можешь?

- Нет, ещё немного.

Беззвучно падали мелкие снежинки. Скоро новый январь. Только подумать! - прошел уже год. Сначала Мира считала дни, потом недели, месяцы... А потом вовсе забыла о счёте.

- Я не помню, когда и как обратила сестру Доминика, - глухо сказала Мира. - Раньше я не запоминала эти... детали. Что с ней стало?

- Это было четыре года назад, в Карде. Ты дала ей каплю крови, кажется, за какую-то информацию о племяннике. Сейчас ее уже нет. Была убита вскоре после обращения. Ее растерзали горожане, насколько я знаю. После Большой Охоты люди искали, на ком выместить злость.

- Угу.

Мира дотронулась до костюма на груди. Корсет был прорезан, и пятно крови медленно расплывалось по блузе: чёрное на чёрном. «Костюму конец», - праздная мысль. Она тщетно пыталась отвлечься, не вспоминать прошлую зиму и другую рану в сердце.

- Я думаю, в этом есть и хорошее, - тихо сказал Алекс. - Я ждал, что случится нечто подобное. Неприязнь охотников к вампиру в ордене выльется в конкретное действие... и на этом исчезнет. Поэтому я не остановил Доминика. Прости.

- Хочешь, чтобы на следующей тренировке меня убили совсем? - Мира нервно усмехнулась.

- Забудь слова Даниеля. Гесси оправданием всех своих действий считают священную войну с вампирами. Но большинство охотников не такие, даже Доминик. Когда мы впервые видим ритуал убийства вампира, все чувствуем в этот миг, что уничтожается... нежить. Но об этом некогда задуматься: вампир рассыпается прахом. А сейчас с тобой охотники увидели, что *carere morte* не так сильно отличаются от людей. Испытывают тот же страх, ту

же боль перед смертью. Смотри, все разошлись. Никто не потребовал завершить твою казнь.

Мира уже могла поднять голову, но не стала заглядывать охотнику в лицо. Его серьезность и искренность казались совершенно неуместными. В чем Даниель Гесси был прав, так это в том, что никогда ей не войти в орден. Да и стараться не хотелось.

- Латэ запретил нам носить кинжалы на тренировки с тобой, - продолжил Алекс. - А я хочу, чтобы мы все их носили, и никому б не приходило в голову вонзить серебро в тебя. Понимаешь?

- Ты идеалист, - Мира усмехнулась. - Гесси прав, *carere morte* не место в ордене.

- А вот это ты зря. Карл считает, ты уже в ордене и твое посвящение не за горами. Он в ближнем круге главы, ему можно верить. У Латэ на тебя большие планы...

Следующие две недели Мира отдыхала и от тренировок, и от лаборатории. Бешеный бег времени наконец-то замедлился. От ордена ей передали связку бутылей человеческой крови - Мира постановила на первой же тренировке ехидно поинтересоваться, где они достали столько доноров и живы ли эти несчастные. А пока тихонько лечилась, чтобы к концу недели слетать в Карду, теперь подольше, чем на несколько часов.

Однако, она смогла лишь три дня провести в комнатке под крышей. Каким бы странным ни было общение с охотниками, Мира к нему привыкла. Привыкла к гулу их голосов в арсенале во время смены страж, привыкла к быстрым черным фигурам, пересекающим парк.

Сторговавшись с сомнениями, вторую стражу она провожала, устроившись на крыше Академии, вдали от чьих-либо глаз, но все же ощущая себя причастной большому механизму ночных рейдов. Когда отряды разошлись, Мира вышла из тени на край крыши и принялась прохаживаться у низкого ограждения, пугая редких прохожих. Сегодня, благодаря настоящей человеческой крови на завтрак и обед, она чувствовала подзабытую за годы легкость и силу. Распахнуть бы крылья, промчаться над Доной свободно, а не трусливыми прыжками зайца от купола до купола Покрова... Но нельзя: дикари, а то и свита Дэви, которому чистка ордена во дворце спутала немало карт, будут рады ее догнать и поймать.

Осталось любоваться миром вокруг. Башенка со шпилем в центре сходящихся крыльев Академии возвышалась прямо за ее спиной, на собственном постаменте, как памятник, закрывая Сатур, но перед Мирой расстилалась вся остальная Дона. Две-трети купола неба тоже были - ее. Безлунная ночь высыпала на черную ткань весь запас звезд, кажется, протяни руку - и соберешь пригоршню.

Когда позади послышались шаги, Мира испугалась. Забыв о стене Покрова, она вообразила, что это дикари Доны или Дэви пришли расправиться с предательницей. Она чуть было не кинулась с крыши, очертя голову, но тут раздался оклик:

- Это я. Не бойся!

Мира обернулась. Карл приветственно поднимал руку, осторожно подходя к ней по короткой узкой лестнице из башенки.

- О, это ты, - успокоенно вздохнула она. - Что ты тут делаешь?

- Дежурю за телескопом. Что ты тут делаешь? Ты должна отдыхать.

- Я и отдыхаю, - Мира пригляделась к башенке. Там, и правда, был установлен телескоп. Сегодня он был нацелен не в небо для учебных занятий, а ниже, на город и окрестности.

- Я тебе мешаю? - Мира прищурилась. - Могу уйти.

- Наоборот, можешь помочь, - Карл замялся. - На улице Медеора разворачиваются интересные события. Твое мнение, как специалиста, было бы полезно. Взглянешь? - он

указал на телескоп.

Уголки губ искривились: что на этот раз? Сдать охотникам еще какого-нибудь знакомого дикаря, натравить орден на бывших друзей?

- Опять хочешь использовать мои знания и умения, чтобы перенаправить их и противодействовать таким, как я? - сумрачно спросила Мира.

- В этот раз, нет, - Карл загадочно улыбнулся. - Это, правда, интересно и важно... именно для тебя.

Мира пожалала плечами.

- Идем, - неожиданно для самой себя быстро согласилась она.

Карл помог ей подняться по лестнице в башенку. Он действовал неуклюже - одной левой рукой. Мира заметила: под накинутым сюртуком правая рука была на перевязи.

- О-о, что это с тобой?

- Сломал руку в рейде. Не повезло. Как и тебе недавно... Похоже, - он подмигнул, - нас с тобой обоих сослали отдыхать.

- Неужели, уникальная защита не помогла? - Мира огляделась. Обзор с башенки и без телескопа был отличный: Дона была видна до самых окраин. Желтые теплые огоньки окон и фонарей перемигивались с холодными белыми огнями звезд.

- Вампир сильный попался, - охотник устроился у телескопа, подкрутил какой-то винтик. - Бывший священник. Их так мало осталось... мы и забыли, какую силу может давать вера - как светлую, так и темную. Обычную, даваемую клятвой защиту он разбивал за мгновения. Пришлось обмануть его, как тебя на самой первой тренировке. Помнишь?

- Ага.

- Только сорвать с вампира крылатую тень на земле не получилось, - Карл усмехнулся. - Пришлось уцепиться за него и немного полетать... - он приткнулся к окуляру и скоро поманил ее к телескопу. - Погляди сюда. Видишь здание Университета?

Мира послушно поглядела в окуляр:

- Вижу.

- Прямо за ним улица Медеора, - он покрутил винтик для лучшей четкости. - Теперь видишь?

- Carere morte на крыше.

- Пройдись по всей улице.

- Там на многих крышах вампиры, - Мира вежливо улыбнулась. - Ну и что?

- А то, что это, возможно, начало поисков Дара со стороны Дэви.

- О!

- Начало, - он резковато подчеркнул последнее слово. - Еще рано для надежды.

- Почему?

- С поисками Дара не все просто, - Карл, аккуратно придерживая сломанную руку, откинулся на спинку стула. - Скорее даже плохо, если они начнутся сейчас.

- Помнишь, ты обещал мне рассказать тайны Краса, когда узнаешь?

- Я их еще не узнал, - охотник недовольно дернул плечом. - Но узнаю, скоро. К весне я получу назначение в Центр, это новый уровень информированности.

- Будешь главой Центра? Поздравляю.

Карл поглядел холодно:

- Спасибо. Но опять рано для надежды. Будь я сейчас хоть главой ордена, я совершенно не готов к немедленным поискам Дара. Да и ты тоже.

- Ну, нет, - резко воспротивилась Мира. - Я готова! - она эмоционально взмахнула рукой, задев телескоп. - Когда угодно!

Карл, нехотя вздохнув, поправил невидимое нарушение положения телескопа.

- Я говорил тебе: ожидание может быть очень долгим, и путь - сложным.

Они долго молчали, просто глядя на обманчиво тихий город. Куклы по - прежнему сидели стражами на крышах, но групп дикарей видно не было. Часы Солнечной башни Ратуши пробили три. Карл извлек из кармана серебряные часы и подвел их.

- Вчера на Рябиновой на крышу вылез какой-то дикарь. Я наблюдал за ним отсюда. Он сидел там до самого рассвета, - заметил он зачем-то. - Видимо, хотел покончить жизнь самоубийством.

Мира вздрогнула. Почему-то её тронула эта история - ещё одна маленькая трагедия мира *carere morte*.

- И что ты сделал?

- Я? - немного удивился Карл. - А что я должен был делать? Начало светать, и он передумал, убрался в своё логово. Днём туда отправили группу.

Опять наступило молчание. Мира задумчиво изучала собеседника. Знакомого ей юноши - расторопного секретаря Латэ, имеющего информацию и собственное суждение обо всем в ордене и втайне от руководства симпатизирующего *carere morte*, кажется, больше не было. Перед ней была старая, пугающая фигура - охотник на *carere morte*. Знакомая каменная неподвижность нижней челюсти, будто на лице всегда платок-маска, тёмные глаза глядят холодно, сильные ловкие руки привыкли к резким точным движениям - собрать арбалет, прицелиться, выстрелить, вогнать кинжал вампиру в сердце... "Сколько таких как я он уже убил?" - запоздало подумала Мира. Но чувствовать неприязнь почему-то не хотелось.

- Мы знакомы год, но я почти ничего не знаю о тебе. Расскажи, кто ты, Карл Хортор?

Он обернулся к ней, удивленный.

- Что ты хочешь узнать? - настороженно.

- Например, чем ты еще занимаешься? Кроме охоты на вампиров.

- Настройкой инструментов. И еще иногда пишу в "Вестник". Отдел музыкальной критики.

- Музыка? Я думала, ты студент Академии.

- Я учился тут два года, математике. Математика - та же музыка, - шутливо сказал Карл.

- Это всё, что ты хочешь знать?

- Почему ты так стараешься отшутиться? Откуда ты? Кто твои родители?

- Я родился здесь, в Доне. Мои родители был самыми обычными людьми, далёкими от мира *carere morte* и их убийц. Мама умерла, давно, отец живёт в Плоро.

- А сёстры, братья? ...Жена, дети?

- Нет никого. С моей смертью род оборвётся.

Она улыбнулась, почувствовав еще одну нить симпатии к нему:

- Я тоже последняя Вако.

- Впрочем, у меня должны быть живы родственники со стороны матери, просто я не знаю их, - добавил Карл, сам заинтересовавшись разговором. - Её фамилия была Переннис, как у владельца старого Донума. Меня и называли в его честь.

- Это было двести лет назад, - Мира прищурилась. - Подожди, так твое полное имя - Каролус? - она не удержалась от смешка. - Сочувствую.

Карл обиделся. Ребячливо нахмурился, и Мира, наконец, узнала юношу, который помог

ей в жуткую ночь в Призрачном парке.

- Что смеёшься? Мира тоже сокращение. Ты сама в лучшем случае Мирабелла или Миранда. ...Или Мирандолина?

- Нет! - Мира с удовольствием помотала головой. - Никаких Мирандолин... Мира! Что значит «Удивительная».

- Тебе подходит, - согласился он, и заволновался, сообразив, что фразу можно расценить как начало флирта. Избавляя охотника от смущения, Мира не стала продолжать тему. Она вскинула голову, разминая шею, и хмыкнула. Потолок башенки оказался неожиданно низким: большая часть купола была завешена парусиной.

- Тут что-то спрятано, в куполе? - не удержавшись, спросила она.

Карл поглядел вверх.

- А? Ну да. Там колокол, такой же как в Карде в церкви Микаэля: оповещать город о больших вампирских охотах. К счастью, до сих пор он не пригодился.

-...В отличие от того, что в Карде, - Мира поежилась, будто мерзла. - Мне в этот год в ордене начал сниться жуткий сон, будто за мной в Академию приходит владыка вампиров...

Охотник покровительственно улыбнулся:

- Дэви не перейдет Покров. Не бойся.

- А в Карде говорят, Дэви однажды прорвал Покров.

- Когда это?

- В год Седьмого Бала вампиров владыка Дэви развязал с охотниками войну за Карду, - на память, словами из книжки начала Мира. - Последним оплотом ордена стала церковь Микаэля. Ночами под ее Покровом спасался весь город. Но Дэви сумел пройти даже сильнейшую защиту ордена...

- Вот ты о чем, - Карл уверенно кивнул. - Ерунда. Покров невозможно пройти лишнему смерти, но можно вынести за пределы купола то, что создает защиту, и купол разобьется. Нашу защиту создает кусочек знамени Лазара Арденса, как и купола Покрова по всей столице. Обычно их хранят в серебрянном ларце вмурованном в фундамент, стену или крышу здания. В Академии ларец с Покровом хранится на крыше, в церкви Микаэля был также. Но один из спасавшихся в ней в ту ночь жителей вынес из здания ларец вместе с кусочком знамени. Он хотел отнести его домой, где оставалась больная жена, но Покров должен быть прикреплен к месту, движение его разрушает. Он только разрушил защитный купол вокруг церкви, а новый не создал. И владыке бессмертных нечем гордиться, ведь...

- ...Ведь трое оставшихся в живых охотников все равно держали оборону последнего убежища до самого рассвета, - Мира усмехнулась. - Знаю. Но если даже Дэви не смог разорвать границу Покрова, как я до сих пор ухитряюсь ее пересекать?

- Глава говорил, в момент наложения Покрова он допустил в ритуальной формуле крохотную ошибку, и эта ошибка выделила тебя меж всех *carere morte*. Но Латэ не рассказывает, в чем именно ты уникальна, - загадочно сказал Карл. - Ты, и правда, удивительная, и удивишь всех еще больше, когда вступишь в орден.

Мира поспешно отвернулась.

- И ты о том же, - она звонко, напряженно рассмеялась. - Не хочу быть охотником. Я уже изменилась слишком сильно. Ты себе не представляешь, как... Я теперь совсем не знаю, кто я. Я не готова к такому шагу.

Она ждала резкой отповеди, но Карл ободряюще улыбнулся.

- Этап сомнений все в ордене проходят. И ты пройдешь. Думай не «кто ты», а «зачем ты

здесь». Ты ведь лучше всех помнишь, зачем?

Сердце сильно, больно забилось, как отклик на его слова... как память об обещании Винсенту. Мира машинально прижала руку к груди.

- Рана еще болит? - понизив голос, спросил охотник. - Мира помотала головой:

- Это другая рана.

- Если нужно собрать тебе еще крови - скажи, - также тихо, серьезно сказал он. Тут уж Мира подскочила:

- Стоп! Чью кровь мне дали для лечения? Вашу? Кровь охотников?!

- Конечно, - она узнала новый вид его улыбки - обезоруживающую. - Чью же еще? Все дали понемногу. И Габриель, и Доминик, и Марк и... кто там тебя еще не любит. И не потому, что охотники на тебе «учатся противодействовать таким как ты», мышка. В лабораторию, отдать тебе частицу своей жизни, мы пришли не по приказу. Просто твоя история у многих вызвала сопереживание.

- Мда-а, - протянула Мира. Отодвинулась, скрестив руки на груди закрытым жестом. Карл больше ничего не говорил, он опять занялся телескопом. Молчала и она, делая вид, что наблюдает за танцем огоньков Набережной в чернильной воде Сермы. Только разбуженное сердце все также сильно, больно и непривычно ровно билось в груди. Будто для него это было самым обычным делом. Как у всех живых...

Чутка юмора и своеобразной логики автора.

К седьмой редакции в авторе проснулся талант рисовальщика /ну такой... зачаточный/. Получились своеобразные комиксы по роману.

И вот этот иллюстрирует престранное спасение Миры в конце 2 части, слишком напоминающее "рояль в кустах". (но оно еще будет объяснено далее)

Глава 15 Особенности защиты

В театр Греди Карл успел к началу второго акта. Сегодня давали оперу «Похищение принцессы» - старинную легенду о любви младшей дочери Короля Юга и принца Севера. Когда охотник зашел в ложу, воздух сотрясаясь от гулких ударов жезла церемониймейстера, призывающего публику вернуться на места. Другие театры столицы в гонке прогресса спешно проводили электрическое освещение и оповещение, но старейший остался верен традициям: здесь до сих пор объявляли начала пьес и антракты стуком старинной дубовой палки, на протяжении всего спектакля чадили масляные лампы, а в вечера премьер и высочайших визитов свечи большой старинной золоченой люстры, зажигаемой по особым случаям, капали воском на головы публике.

Впрочем, чудачества консервативности театр Греди мог себе позволить. Кроме оваянного славой имени, у его зала была великолепнейшая акустика в столице. Карл с некоторым сожалением проводил взглядом ушедшее какому-то господину «свое» место в восьмом ряду партера, слева от центра, которое вычислил долгим методом проб и ошибок. Звук там был совершенным, но сегодня охотнику пришлось подняться выше, в ложу аристократии. Оперу собирался инкогнито посетить Принц Констант Асседи. Здесь ему должны были представить нового главу Центра, Карла Хортора.

Ложа была пуста, не считая Бовенса. Охотник кратким кивком поприветствовал Карла и снова со скучающим видом окинул зал. Подобную безмятежность сегодня можно было себе позволить: здание театра во все высочайшие визиты кого-либо из королевской семьи накрывали Покровом, *carere morte* тут не было и быть не могло.

Карл сел рядом, так же окинул взглядом потемневший быстро, как небо на осеннем закате, зал. Дополнительные лампы, внесенные на время прохода публики, уже убрали. В разлившейся внизу темноте сияли белые пятна декольте дам, да иногда драгоценный камень в диадеме или серьгах бросал жестокий холодный блик, как льдинку, в глаза. Одна королевская ложа, прямо против сцены, сияла собственным освещением. Старый король с супругой в светлых церемониальных нарядах сидела рука об руку - точно парадный портрет в золотой раме лепнины.

Взгляд в сторону Короля заставил непроизвольно сжать пальцы. Только позавчера Карл, главы остальных четырех районов Доны, Латэ и Крас принесли клятву на знамени Первого Арденса, создающего Покров, тогда же он получил ключ от закрытой части архива. ...А еще через полчаса двойная тяжесть новой ответственности и нового знания полной мерой обрушилась охотнику на плечи. Собственно, это новое знание - о Династии и связи Арденсов с *carere morte* - Карл до сегодняшнего вечера не успел еще полностью осмыслить.

- Ищешь вампиров? - спросил Бовенс, неправильно истолковавший его напряженную позу. - Нет их тут. Но люди подчас опаснее.

Карл усмехнулся, вспомнив раскидистое родословное древо Арденсов, что в последние два дня учил наизусть:

- Определенно.
- Каково тебе на новом месте? Центр - обширный район.
- Хорошо знакомый район. Все нормально.
- Диос с Центром справлялся. Я - нет. Надеюсь, с Северной Пенной будет полегче. Ты...
- Бовенс понизил голос, - уже ознакомился с архивом и родословием? И как, многое... не

совпало с твоими ожиданиями?

- Покровители ордена являются потомками Лазара Арденса, создателя Первого вампира. Также в родстве с Арденсом правящая династия. Они связаны с *saegere morte* особенной нитью и зависимы друг от друга, как сросшиеся близнецы. В задачи ордена входит борьба с распространением проклятия *saegere morte*... но только до той границы, за которой скрывается загадочная угроза для самих Арденсов, и Арденсы дадут понять, если ты к ней слишком близко подойдешь. В тайну Арденсов посвящены лишь шесть держателей Покрова. Все ясно. Чего-то похожего я и ждал.

- Тебе сказали, каким будет первое испытание?

- Еще нет, - Карл помолчал. - А каким оно может быть?

- Соответствующим твоим ожиданиям, - Бовенс ухмыльнулся, откидываясь на спинку кресла. Повернулся к залу и Карл. Родерик наслаждался редким для охотников покоем, публика, предвкушая, ждала очередного погружения в мир фантазии композитора... а Карл раздумывал, как вести разговор с Принцем. Как в достаточной мере подтвердить свою верность идеалам ордена, в то же время подчеркнуть независимость суждений, и при этом оставить у высочайшего из покровителей - королевской семьи благоприятное впечатление о себе? После того, что узнал, лавировать меж двух огней - целей покровителей ордена и собственной целью станет во много раз сложнее...

Шорох платьев, шелест голосов понемного стихал, только порой резко, внезапно, как бредящий во сне, вскрикивали настраиваемые скрипки и трубы оркестра. Под тревожное стаккато увертюры ко второму акту занавес с тяжелым шелестом разошелся, открыв аляповато-яркий бумажный сад и тред красивых, как цветы, девушек в разноцветных платьях. Сейчас трио подружек Лестерры заведет мелодичный спор, какой из женихов больше подходит их принцессе...

Он слышал «Похищение принцессы» не раз, но сегодня грохнувшая музыка вступления к арии заставила вздрогнуть и неприятно срезонировала сердцу. С юности, со времени, когда мечтал посвятить жизнь сочинению музыки, у Карла осталась привычка представлять свои рассуждения, наблюдения или настроение разными мелодиями. Обычно в опере или на концерте чужая мелодия сплеталась с собственной в единое целое, но сейчас не желала. Легкомысленная песенка подружек Лестерры, «похищенной принцессы» никак не хотела складываться в единый гармоничный аккорд с внутренним смутным ощущением... тревоги. Карл слышал лишь хаос звуков.

Его Высочество появился эффектно и мрачно-загадочно, в стиле вампирского владыки - с последним, тревожным аккордом первой арии. Он и одет был в черное, подчеркнутая бледность точеного лица навевала сходство со статуей. Далекого предка Лазара Арденса он не напоминал внешне, но Карл все же нашел небольшую схожесть его улыбки с той, что была отпечатана на старинных монетах времен правления Первого Короля. Принца Константа сопровождали герцог Краса и трое глав районов Доны.

- Здесь все спокойно? Никаких обращений, конечно же? - первое, что спросил Принц. Но заданные спокойным тоном вопросы вкупе с равнодушным взглядом в зал подсказывали: ситуация с *saegere morte* в опере, а равно и во всей Доне не беспокоит Его Высочество.

- Пока гости Бала находятся в пределах купола Покрова, они в безопасности, - сказал Бовенс. - Вот когда они станут расходиться, могут начаться... неприятности.

- В округе достаточно отрядов охотников для сопровождения людей после представления. Также орден позаботился о посадных возницах, - сказал Карл.

Констант Асседи кивнул. Взгляд с любопытством задержался на охотнике.

- Новый глава Центра? Сложностей с ритуальной формулой наложения Покрова не возникло?

- Нет, Доминус, - опередил Карла герцог Крас и перехватил инициативу в разговоре:

- Я помню, Филипп говорил о тебе прежде. Глава вывел тебя из рейдов из-за отсутствия защиты. Ты получил ее только в ночь прибытия Дэви в Призрачный парк...

Карл постарался сохранить равнодушно-доброжелательное выражение лица. Ничего не говоря пока, он ждал продолжения.

- Откуда пришла твоя защита? Если она сцеплена не с посвящением, то с чем?

- Глава ордена говорил, мне не хватает веры в *carere morte*. Я обрел защиту, когда увидел истинный облик бессмертных. В ночь в Призрачном парке.

- Твою кровь проверяли? - нахмурился Принц.

Ах, вот он о чём. Потомки Арденса, как и *carere morte*, отличались от обычных людей сильной спонтанной защитой от *carere morte* и, кроме того, особенной частицей в крови. По архивным хроникам, ее, «метку Арденсов» должна была уничтожить Кармель Крас еще триста лет назад, но в недавних исследованиях Меркес нашел в крови Арденсов то, что назвал «призраком проклятия». Это была все та же «метка»... Пока Арденсы пытались свыкнуться с тем, что жертвоприношение Кармель было напрасным, в ордене началась проверка: нет ли среди адептов неучтенных потомков Лазара.

- Проверяли. Результат был отрицательным.

- Я смотрел твое личное дело, - Крас прищурился. - Твоя мать перед смертью сказала, что у нее и ее детей особенная кровь.

- Она сказала «грязная кровь», - суше, чем полагалось бы по этикету, поправил Карл. - Не думаю, что она бы могла сказать такое о роде Основателя, Доминус. Но, если угодно, я пройду повторную проверку.

- Посвящение в орден своего рода лотерея, - вступил Бовенс, которому в их речах померещилась угроза. - Большинство посвященных укладывается в ряд известных чисел, их защиту создает вера в клятву: «Щит человечества пред созданиями ночи...» Но иной раз выпадает зеро. Иная защита от вампиров, не просчитываемая, не обозначаемая словами. Неизвестно, что ее создает, но и разрушить извне ее невозможно. Хортор очень сильный охотник, Доминус.

- Вряд ли его защита справится с Мактой, - Констант мелко засмеялся. - Первый вампир такая же непросчитываемая, неизвестная величина, - в глазах Принца мелькнула боль, но он скрыл ее, отвернувшись. Равнодушно окинул взглядом сцену, обратился к опере и Карл. Третья ария Лестерры подходила к концу, а черноволосая «подружка принцессы» все бросала взгляды в зал, на «его» место. Должно быть, искала самого молодого, но жестокого своей прямоотой музыкального критика «Вестника», однажды защитившего ее от приставаний некоей темной личности у выхода для артистов. Ей было невдомек, что от «темной личности» тогда осталась лишь кучка пепла в переулке... Сейчас она надеялась на новую жаркую встречу, только Карл не встречался с пассиями дважды, верный правилу наиболее ревностных охотников не заводить долгосрочных привязанностей. Не из фанатизма - лишь подчиняясь рациональности.

Меллис, глава Сатура, шевельнулся:

- Макту, Первого вампира, Ваше Высочество, недавно видели в Карде. Полагаем, он вернулся за долгом жизни к Рете... -

Охотник почему-то решил, Его Высочество не прочь сейчас поговорить о Макте. Выражение лица Принца не изменилось, но то, как он вдруг съежился, будто желая спрятаться в тени кресла, то как резко прижал руку к губам, удерживая испуганный вопль, напомнило загнанную в угол жертву.

В тех же хрониках закрытого архива Карл прочитал, что все четыреста лет Макта, Первый вампир, искал потомков своего создателя. Сначала по сиянию их крови, а после жертвы Кармель, когда сияние погасло, в крови Арденсов остался след этого сияния - метка. Арденса стало можно найти не по свету, но по вкусу... И тогда Первый наплодил вампиров. Он чувствовал вкус крови, той, что пили его дети, и искал метку Арденса. Найдя - находил родных жертвы и убивал всех. Кроме того, кровь одного Арденса выводила его на боковые родственные ветви - иные фамилии. А сто лет назад Регина Вако подбросила Макте сведения о крови Рете и Вальде, своих врагов, - и он начал истребление семейств.

- Рете пусть, - проговорил Принц. - Тупиковая ветвь. На кровь кого-либо из ныне живущих Арденсов он через нее не выйдет. Но вот Вальде... - он глянул на Краса. Тот коротко кивнул и подался вперед, пристально взглянул на Карла. «Вот оно, испытание», - мгновенно понял тот.

- Прадед Вальде сто лет назад, узнав о приговоре своей фамилии, ухитрился породниться с Красами. Теперь, если Макта выпьет кровь кого-либо из его потомков, это выведет Первого сразу на Красов, Гесси и Асседи, - сообщил герцог Крас. - Прадед Вальде думал, мы из-за этого станем защищать его потомство, как свое. Но мы наказали его за предательство. Последний граф Вальде, Себастиан, скрывался от гнева Арденсов за границей, но недавно зачем-то возвратился в Карду. Он остановился в своем доме и требует встречи с Арденсами. Выясни, что ему нужно Хортор, но не внимай мольбам. Убей, пока до его крови не добрался Макта. Задание ясно?

- Да, Доминус, - быстро, смиренно сказал Карл, а в уме уже прокручивал многочисленные возможности и варианты действий.

Вот, значит, каково первое испытание! Низведение держателей Покрова до уровня наемных убийц без чести и совести. Обычных охотников орден привязывает убийством *carere morte*, высших в ордене - убийством человека. Проверка на верность не клятве защитников смертных, но клятве защитников Арденсов... Карл, подобно Бовенсу, откинулся на спинку кресла с довольным видом, наконец-то наслаждаясь оперой. Тревожиться было больше не о чем, он сумеет защитить потомков Лазара, не марая рук... Он был уверен, что сумеет.

Карл возвратился в Академию под утро, когда вся публика была препровождена по домам. Отдыхая от многоголосия и грохота множества экипажей, развозивших театралов, он выбрал путь через парк.

По дорожкам меж темных стволов деревьев разливался прозрачно-чистый предутренний свет. Робкий шелест юной листвы вверху, шорохи травы, дробь шагов и ритмичные отметки трости у края дорожки вкупе с неяркими мягкими красками создавали удивительно гармоничное сочетание. Изредка в него врывались возгласы и шум в отдалении у беседки тренировалась в охоте на *carere morte* группа Алекса. Но звуки не вносили элемента хаоса, наоборот, раскрашивали предрассветную мелодию особенными волнующими мазками. Заливистый смех Миры стал ей завершающим аккордом.

Самая маленькая фигурка у беседки вскинула руки, и их обхватила крылатая тень. Мира ловко нырнула куда-то в кроны деревьев и скоро заплясала над парком. Внизу

заплодировали, раздались поощряющие вопли: «Наша мышка!» А *carere morte* танцевала в небе. Ее мягкая сероватая тень не гасила свет звёзд, как у других вампиров, наоборот, сквозь нее они светили ярче. Мира вертелась, воздевая руки ввысь, касаясь тонкими пальцами сияющих небесных бриллиантов. От взмахов её крыльев по кронам пробегали волны.

Ровная предрассветная мелодия сбилась, как сбивалась любая мелодия дум Карла с появлением Миры - с самой первой их встречи в парке. Началась иная - колдовская, пугающая и манящая хаотическими сменами тональности и странными переливами. А Мира все танцевала, удивительно точно попадая в её сумасшедший ритм...

Алекс, заметив охотника, приветственно махнул и пошел навстречу. Карл с сожалением отвлекся от зрелища играющей со звездами фигурки.

- Давно не видел тебя. Поздравляю с назначением, - по лицу друга видно было, это далеко не все, что он хочет рассказать.

- Спасибо, - они пожали руки. - В Академию?

- Да, нужно заскочить в арсенал за сетями.

- Еще один прогон охоты? Но уже светает.

- Да? - Алекс рассеянно глянул на небо. - Ну, ничего.

- Мира успеет добраться домой до рассвета?

- За ней придет закрытый экипаж, - они меж тем дошли до старого входа в здание на стороне парка. Алекс распахнул дверь. - Кажется, я сделал интересное открытие, Карл.

- Что? - он все-таки не удержался, обернулся последний раз. Мира, изящно сложив крылья, как раз нырнула в невидимый просвет в кронах. Тень закружилась вокруг нее, распадаясь.

- Я сказал, что сделал интересное открытие... - Алекс хитро улыбнулся. - Недавно я провел денек в архиве, читал об охотниках с такой защитой, как у тебя, и отметил любопытную деталь, - он понизил голос. - Мартин Алгор был влюблен в вампирку, Керно двадцать лет прятал от ордена ставшего *carere morte* сына, Агнату приписывали жену-*carere morte*. И Охотника и Майю все, конечно, помнят...

Карл пожал плечами:

- Обычные слухи.

- Все эти охотники имели такую же защиту как у тебя, вот я и подумал: что же ее создает? Может, искреннее человеческое чувство к... *carere morte*? Что побеждает все на свете во всех сказках? - Любовь.

- Если так, в ближайшее время можешь ждать появления ещё десятка подобных охотников. Замечал, сколько новичков провожают Миру влюблёнными взглядами на тренировках?

- Я - нет, - Алекс усмехнулся. - А вот, что ты это замечал, само по себе любопытно.

- Это твои доказательства? Где факты?

- На моей стороне истории из архива.

- В открытой части архива нет имеющих вес фактов, - парировал Карл. - Все тамошние истории - сказки. Чему ты поверил? -

Обменявшись дружескими ударами, но так и не договорившись, они разошлись. Алекс сбежал вниз, в арсенал, а Карл отправился наверх - на встречу к главе ордена.

Стол Латэ опять был завален картами Сатура и Центра. Старик склонился над одной, карандашом он отмечал, где этой ночью были замечены куклы госпожи Калькар. Карл с досадой подумал, что задание Его Величества будто нарочно неудобное: ведь Вальде живут в

Карде. Придется уехать, и неизвестно, что за это время взбредет в голову Мире, ждущей поиски Избранного со дня на день.

- Слуги владыки за эту ночь прошли еще одну улицу, верно? - тихо спросил он.

- Сделали вид, что прошли, - туманно сказал глава, но подвинул карты к себе, закрыв рукой, будто хотел спрятать.

- Полагаете, Дэви сбивает нас с толку имитацией поисков Дара, как прежде сбил с толку Валерия Конора?

- Да. Как только владыка поймет, что мы не реагируем, все прекратится, - уверенно сказал Латэ. - Перейдем к настоящим делам. Крас сегодня был у меня. Ты получаешь первым заданием дело Себастиана Вальде.

- Я уже знаю. Поезд в Карду через два часа. Остановлюсь у Гесси.

- Как сам оцениваешь, справишься?

Карл кивнул, и по лицу главы ордена пробежала тень:

- Однако... Ты точно все обдумал? Быстро же ты соглашаешься на убийство человека!

- Почему непременно на убийство?

Латэ теперь взглянул с интересом:

- Хм-м?

- Себастиан Вальде последние десять лет жил в Южной Империи. Зачем он вернулся? Он знает, что его тут ждет, и все же едет через всю страну в Карду, туда, где чаще всего видели Макту. От южного Прэсто он незамеченным пробирается на самый север, и тут, когда до пустоши Первого остается пара миль, останавливается в собственном доме и сообщает о своем визите Арденсам. Если б он хотел отдать свою кровь Макте и тем отомстить Арденсам, он не стал бы сообщать о визите. Он надеется на переговоры.

- Это обыкновенный шантаж.

- Я думаю, у Вальде есть, что предложить Арденсам. Он нашел, как договориться с Первым, чтобы тот не убивал его. Если так, его способ может понравиться всем Арденсам.

- Тебе дали ясное задание убить его после любых переговоров, - Латэ прищурился. - Его кровь опасна. В ней метка, которая выведет Макту на другие фамилии.

- Метка материальна, значит, ее можно разрушить, спрятать, изменить. Может, Вальде нашел способ? Ему было для кого стараться: по слухам, он женат и у него есть сын, имеющий ту же метку в крови.

- Это лишь догадки.

- Вальде жил в Южной Империи. Там свои вековые знания о Бездне и ее проявлениях. Есть, чем воспользоваться, в какой области работать.

- Ты судишь, как поступил бы ты, но он может думать иначе.

- Понимаю. Если мое предположение неверно, я убью Вальде, чтобы не было большего количества жертв. Но... воззванием к моей совести, уж не надеялись ли вы, Филипп, заставить меня отказаться от задания?

- Нет, - неожиданно тихо, глухо воспротивился глава ордена. - Я.. - он надолго замолчал, подбирая слова, а Карл только теперь заметил, как дрожат его пальцы, бессмысленно вертящие карандаш. Чего старик боится?

- Тебе повезло с заданием, - сдержанно сказал Латэ. - Чтобы ты понял, я расскажу, каким было мое. Ты знаешь, до вступления в должность главы ордена я даже не был главой района... -

Он опять замолчал надолго, бесцельно вертя карандаш. На столе светился первый

золотой блик солнца. Карл глянул в окно, выходящее на сторону Восточного проспекта, и успел увидеть экипаж с наглухо зашторенными окнами, спешащий в сторону Ориенса. Мира уехала домой. Хорошо и... плохо, ведь до отъезда он не успеет с ней поговорить.

- Моим заданием стало убить Диосов, - собравшись с духом, ясно, четко проговорил Латэ. Карл, пораженный, повернулся к нему:

- Охотников?!

На лице старика появилась легкая гримаса отвращения:

- Охотники не высшая каста, Карл.

- Дело не в том. Убийство соратников - разрушение ордена изнутри.

- Диос готовил переворот в ордене. Я... я подкупил бандита, Соллерса. Диосы отправились к его банде в засаду, думая, что там логово дикарей, - выдавил Латэ. Карандаш выпал из его ослабевших пальцев, звонко, сухо стукнул по столешнице.

- Какой переворот? Диос, идеальный охотник? - Карл остановился, поняв, что излишне частит, взял себя в руки. - Какими средствами он располагал?

- Когда он узнал о скором побуждении Макты, стал сам не свой. Полагаю, он уже тогда понял, Голос Бездны не кто иной, как их с Мартой дочь. Может, он надеялся с помощью Лиры направить Первого вампира против Арденсов... Доминик Гесси раскрыл часть плана Диоса и сдал его Красу. А дальше... Я выполнил задание и, обойдя пост главы района, получил пост главы ордена вместо Диоса.

- Хм...

- Почему я на это пошел? - вскрикнул старик, хотя Карлу меньше всего хотелось копаться в его мотивах. - Тогда я думал, большая война, последняя война Макты и Арденсов, вампиров и охотников - это худшее несчастье, которое может случиться с землей страха! Наша история четыреста лет не знает войн, но Равновесие держится на лжи. Его крах был бы ужасен! Я верил, что убийством Диоса смогу предотвратить его. Но через два года после того явился Избранный, и я понял, Равновесия уже нет... и не будет. Макта и Арденсы, вампиры и охотники уничтожат друг друга.

- Вы сгущаете краски. Вампиры и охотники, Макта и Арденсы могут договориться.

Латэ едко усмехнулся.

- На краткий миг я поверил в Винсента, и Лира наказала меня. Не зная того, отомстила за гибель родителей, выдав Избранного Дэви. Вот такая... история. Хочу, чтобы ты помнил ее, когда начнешь свою.

- Свою? - глухо проговорил Карл. Теперь нужно было как-то скрыть замешательство. Да, естественно, получив пост главы Центра, он смог серьезно задуматься, как бы перестроил орден на посту главы охотников, но пока это были лишь неясные мысли, идеи, черновики вариантов. Настройка инструментов перед концертом.

- Разумеется. Как охотник с особенной защитой ты должен видеть путь ордена совсем иным, чем видим мы. Итак, - почувствовав себя увереннее, как было всегда, когда разговор переводился на собеседника, Латэ подался вперед. Сложил ладони домиком, - ты на месте главы ордена чем бы занялся в первую очередь?

- Поисками Дара, - ни секунды не думая, сказал Карл.

- Чтобы опередить Дэви?

- Чтобы дать *carere morte* возможность исцелиться.

- О, - выдохнул Латэ, играя удивление, хотя сам именно такого ответа и ждал. - Понимаешь ли ты, что исцеляющий Дар изменит всю землю страха и повлечет куда больше

жертв, чем пришествие Великого вампира?

- Вы опять сгущаете краски. Нужно искать способ обойтись без войны.

- Не все есть даже в закрытой части архива, - Латэ лбом уперся в сложенные руки, совсем спрятав лицо. - Арденсы верят, исцеляющий Дар уничтожит их. Открытие Меркесом метки в их крови они связали с рождением Избранного: якобы одно вызвало другое. Теперь они боятся, что метка сожжет их, как проклятие сжигает *carere morte*.

- Нелепый, недоказанный страх. Дар не уничтожает, а исцеляет вампиров, разрушая проклятие, значит, он и метку таким образом разрушит, избавит Арденсов от связи с Мактой. Когда у ордена будет Избранный, можно организовать исследование его Дара.

Латэ подался к нему. В глазах вспыхнула заинтересованность.

- А если Дар не подействует на метку? - он не стремился отговорить, а будто экзаменовал.

- Исследования займут годы. Те *carere morte*, что хотят исцелиться, успеют прикоснуться к Дару.

- Дэви никогда не позволит тебе это. Времени для спокойных методичных исследований не будет. Будет война.

- Она будет недолгой. Дэви проиграл еще в Призрачном парке. Задачей ордена будет не допустить войны, создать такие условия мира, при которых большинство подданных Дэви перейдут на нашу сторону без войны.

- Будут противники и без *carere morte*. Арденсы. Люди, которые захотят обвинить Арденсов в грехе их предка... А последней, в которой сгорит вся земля страха, будет война с соседями, - голос Латэ зазвучал глухо, устало, точно все это он говорил уже много раз... отговаривал самого себя. - Север давно задыхается в тисках гор, от нападения его сдерживает только проклятие нашей земли. Ослабнет оно, и сюда придет Север, а за ним и Запад, и Восток, и Юг. И все будет, как в эпоху перед Лазаром Арденсом, когда край рвали на части. Готов ли ты, сможешь ли принять ответственность за это? Стоит ли вся будущая кровь и боль твоей цели?

- Я буду искать баланс... - нерешительно сказал Карл, не в силах глядеть сейчас в печальные прозрачные глаза главы. - Стал бы искать. Это лишь гипотетические рассуждения, Филипп.

Латэ помолчал.

- Я понял, что не смогу сам принять такую ответственность, - тихо признался он. - Я ищу того, кто сможет. Преобразование мира уже началось, мы либо возглавим его, либо будем сметены. Думай. В твоём плане есть слабое место.

- Существование Дара?

- Призрачный парк тебе не доказал, что он есть? Неверен твой тезис, что все *carere morte* захотят исцеления. Спроси для начала... да хотя бы Миру, хочет ли она этого для себя.

- Хочет, я уверен, - тихо сказал Карл, машинально опять глянув на посветлевшую улицу, где давно скрылся ее экипаж.

Он был в этом уверен с самой первой встречи, когда Мира провалилась сквозь Покров, чуть ли не ему на голову. Врезалось в память не ее рывок на охотника, голодно оскалившийся рот, а тот единственный миг, когда она боролась со своим проклятием. Лишенная смерти закусил губы клыками - и вдруг перевоплотилась. Румянец прорезался сквозь мраморную бледность щек, глаза полыхнули огнем, но не дьявольским - присущим сильнейшим из смертных. Карл увидел тогда: она в плену чего-то темного, чему нет имени,

но борется с ним. Маленькая *carere morte* показала ему суть вампиров, и эта суть была... человек.

С тех пор он видел этот огонь во взгляде каждого *carere morte*. Воспоминание об увиденном однажды тайном, настоящем, светлом лице Миры, позволило ему видеть истинный облик всех бессмертных, спрятанный за масками прекрасных чудовищ. Оно дало Карлу защиту и стало его личным проклятием, ведь он понимал теперь, что убивает не чудовищ.

- Не пора ли сказать Мире, что Винсент...

- Нет. Посмотри на нее. Пока она слаба, чтобы вынести правду, - Латэ вздохнул. - Что ж, пора отпустить тебя. Удачи в Карде. Дэви там сейчас нет, все должно пройти спокойно.

Когда он возвратился домой, до поезда оставалось чуть меньше часа. Квартиру в Центре, как глава района, Карл получил на днях, и его немногочисленные вещи пока занимали лишь угол в одной из пустых больших комнат.

Сама эта квартира, как и резко выросший счет в банке должны были быть еще одним залогом его преданности Арденсам. И, также, как сведениями из архива, также, как заданием в Карде, Карл волен был распоряжаться ими по своему усмотрению. Конечно, это была просто более длинная цепь - иллюзия свободной воли. Шаг в сторону - и пропадешь, как Диосы... Но, и само знание об этом может стать его оружием.

Он быстро собрал чемодан в дорогу. Оружие брать не стал, рассудив, что наведается в арсенал в доме Гесси в Карде.

Через полтора часа поезд уже ехал в окрестностях Плоро. Карл то задремывал, то вновь резко распахивал глаза. Он понимал, что все равно очень скоро заснет после суматошной ночи, и знал, что, едва уснет, явится старый кошмарный сон. Разговор с Принцем, упоминание «грязной крови» подтолкнули к поверхности океана памяти ранние и горькие воспоминания. Едва он уснет, опять явится безумное перекошенное лицо матери, простоволосой, босой, стоящей на старом дощатом мосту через Серму, на краю Плоро... Мать прижимает к себе его сестру-погодку, Валерию, а Карл... он сумел вырваться из ее рук. Он мечется: надо бежать за помощью в селение, но как отвернуться, как оторвать от мамы взгляд, ведь он - единственное, что удерживает ее от того, чтобы сейчас же прыгнуть в реку! А Серма в Плоро не та, что в Доне: уже и глубже, быстрее и холоднее...

Кажется, кто-то бежит к ним на помощь, во тьме осенней ночи мерещатся далекие людские фигуры. Крикнуть, позвать? - но если это напугает ее? Мама избавляет сына от смятения колебаний. Кричит то же, что бормотала на улице, когда вела их сюда: - Слишком грязная кровь! - и спиной переваливается через перила моста, вместе с Валерией. Вниз.

Конечно, он все равно уснул. И во сне прошлое смешалось с настоящим. Искаженное лицо безумной на мосту было лицом Миры. Она также перекидывалась через перила, падала, и в падении оборачивалась крылатой. Карл бросался за ней, но крылатая тень выскользнула из пальцев, смешивалась с черной тенью то ли реки, то ли просто ночи, текущей вокруг, сливалась с ней, навсегда пропадала...

Вопреки словам Латэ, до спокойствия в Карде было далеко. В новой ночи носились вампиры - быстрые бесшумные тени сновали над остроконечными крышами построенных по-старинке домов. В Доне дикари не вели себя так нагло даже во время летнего безумия. Зато в Карде жители были лучше научены правильному в вампирском мире поведению: на улицах не видно прохожих.

На вокзале его ждал Давид Гесси - старший брат Даниеля.

Как у Калькаров было заведено отдавать одного потомка из каждого поколения на службу владыке вампиров, так у Гесси было принято одного из каждого поколения воспитывать охотником. В последнем поколении эта судьба была отдана Даниелю, а старший, ровесник Карла, по еще одной традиции фамилии присягнул на личную преданность его величеству. Карл ожидал увидеть человека ещё более холодного и строгого, чем Даниель - служба Королю обязывает, но Давид оказался совершенно иным. Теплый взгляд, мягкие линии лица - этот, редкость среди Гесси, воином от рождения не был.

- Карл Хорттор, верно? Едем сразу к дому Вальде, - сообщил Давид, когда Карл забрался на козлы.

- Я рассчитывал на ваш арсенал.

- Оружие для тебя в карете. Я полагал, ты поедешь в ней.

- Хочу изучить город, - Карл обратил лицо к небу. По самым скромным подсчетам в тучах пряталось десятка три крылатых *carere morte*. - Такая ночь в Карде считается спокойной? Латэ говорил, тут должно быть тихо.

Давид с досадой глянул наверх.

- Это марионетки кукловода Дэви, их не учитывай, - за излишней ровностью речи пряталась неприязнь. - Людей, сверх оговоренной небольшой цифры в месяц, они не уносят.

- Зачем тогда их так много? Если не охотятся, значит, они ищут кого-то...

- Это не наше дело.

- А это? - Карл указал на парочку - юношу и девушку, скользнувших в ближайший переулок.

- Это не дикари, - не очень уверенно сказал Давид. - Те не выходят на улицу, если поблизости много слуг Дэви.

- Если это люди, их нужно проводить до дома, - заметил Карл. Губы Гесси тронула улыбка - не усмешка, как у младшего брата:

- Я и забыл, что ты из столицы! Сейчас ты в Карде, Хорттор. Привыкай жить по местным законам. Те, кто бездумно выходят ночью - добыча Дэви, марионетки забирают их без звука... - его оборвал взвизг из переулка, куда ушли прохожие. Карл развел руками, добродушно усмехаясь в свой черед: закон зова о помощи был одинаков и в Карде, и в Доне. Выругавшись сквозь зубы, Гесси стегнул лошадь, направляя экипаж за людьми.

Проулок был слепым. В самой черноте тупика дикари-вампиры, те самые юноша и девушка, устроили трапезу. Давид остановил экипаж, перегородив выход из проулка. Неловко отстегнул арбалет с пояса - недостаток умений охотника сказывался. *Carere morte* отскочили от небольшой жертвы, которую почти разорвали пополам. Та свалилась на тротуар с мерзким хлюпающим звуком.

Карл соскочил с козел, распахнул дверцу кареты. На полу стояла сумка, в ней блестели серебристые детали арбалета, болты. Собирать арбалет было некогда, он схватил с сидения меч. Недалеко щелкнул арбалет - Давид выстрелил в девушку, и ее напарник взвыл, ринулся к охотникам, на бегу укутываясь в крылатую тень. Карл шагнул к Давиду, заслонил, отвлекая вампира своей защитой. Дикарь купился, протянул к мнимо беззащитному пальцы-крючья в обрывках тени... Карл взмахнул мечом и снес ему голову. Отскочить только не успел, тело, окутанное клубящейся тенью, обрушилось на него, потащило, уже безвольное, одним весом, впечатало спиной в угол экипажа, и тут тень окончательно расточилась. У ног охотников лежал высохший безголовый мертвец.

Карл поднял взгляд от тела. Давид выглядел ошеломленным - новичок на первой охоте.

- Ты как? - спросил Гесси.

- Жить буду, - успокоил Карл. Последствия удара о карету появятся завтра - полосами синяков, а пока только ныла недавно зажившая рука.

Он прошел до конца проулка. Девушка начинала приходить в сознание. Арбалетный болт косо вошел ей в грудь, задев лишь край сердца. Она шевелила руками, вертела головой и скалила зубы.

Карл сбрызнул ее водой источника Донума, быстро шепча ритуальную формулу. *Carere morte* рассыпалась прахом, будто ее прошила молния, сухая волна жара от сгорающего вместе с одеждой тела ударила и его. Карл отступил, прикрыв лицо рукой. Самая неприятная часть работы охотника была позади. Гесси подошел, хлопнул по плечу, безмолвно высказывая одобрение. Карл промолчал. Зарубки на рукояти личного кинжала по числу убитых *carere morte* он никогда не ставил.

А потом он разглядел жертву дикарей, и стало еще хуже. Добычей вампиров был не ребенок, как сначала показалось. Просто большая собака.

Экипаж покати́л дальше. Улица сузилась так, что остроугольные крыши по ее сторонам почти смыкались - зубы в оскаленной пасти.

- У тебя необычная защита, - заметил Давид.

- По словам Алекса, не такой уж редкий случай.

- Такая защита хорошо оберегает владельца. Но если подобный тебе человек станет во главе охотников, его защита может превратиться в опасность для всего ордена.

- Каким же образом?

- Ты верен какой-то личной цели, мечте... чувству - я не знаю, что держит твою защиту - но не общей клятве, - менторский тон Давиду, как и младшему брату, удавался отлично. - Если за тобой как за главой ордена пойдут охотники, ты разрушишь их общую клятву, но новой взамен не дашь. Орден рухнет.

Карл улыбнулся:

- Я с уважением отношусь к чужим клятвам.

Гесси тоже улыбнулся, неожиданно для мягкого лица холодно:

- Это мы скоро проверим.

Сплошная стена домов справа и слева расступилась - они въехали на площадь Карды, за которой к небу вздымались белые зубцы Короны. Там стоял и дом Вальде.

- Вальде приехал два дня назад и сразу отправил письмо Гесси и Красам, - сообщил Давид. - В письме просьба о встрече, он сказал, что не покинет особняк, пока не дожидается кого-либо из Арденсов, и свое слово держит.

- Почему Крас не подослал к нему убийц сразу? Вам что-то известно об исканиях Вальде в Южной Империи? Он нашел способ уйти от мести Арденсов и Макты, и предлагал его вам?

Гесси замороженно улыбнулся.

- Оптимист. Нет, судьба Вальде предрешена. Дом охраняют наемники Краса, они убьют его, если он тронется с места. Просто Крас решил совместить расправу над графом с твоим испытанием.

- Тебе это не очень-то нравится...

- Поддержание Равновесия - кровавое дело, но все же менее кровавое, чем хаос, который может прийти ему на смену, - Давид дернул поводья, останавливая лошадей. Карета замерла перед воротами сада Вальде.

- Охрана предупреждена. Я подожду результата здесь. Карл... - нежданно севшим голосом сказал он. - Если ты попытаешься вывести Вальде из дома, вы оба будете убиты на месте.

- Да, Латэ посвятил меня в методы семьи Гесси.

Улыбка Давида дрогнула, но он ничего не сказал. Карл не спеша прошел к дому, изучая обстановку. Охранники Краса, скучавшие в саду, при его появлении подобрались и взялись за оружие, но лица были еще сонными, безмысленными. В небе над домом было чисто, слуги Дэви изучали Патенс.

Особняк, белый, как большинство зданий в Короне, в лунном свете казался слегка нереальным, будто вырезанным из мела. Стояла сверхъестественная тишина, даже ни одна мелодия не шла на ум: только ритм трости, отмечающей шаги до ступеней главного хода, как метроном. Окна дома были черны, внутри ни движения - Вальде приехал один, без слуг.

Карл поправил меч, спрятанный в перевязи под плащом на спине. Еще из оружия был стилет в трости. Хороший выбор для охоты на дикарей, но неудачный сейчас, когда, может быть, придется убить человека, - подумалось вдруг. На охотах он предпочитал меч арбалету и кинжалу, это было оружие ближнего боя, переводящее обычное для охотников истребление дикарей-carere morte в подобие настоящего поединка. Но если придется убивать Вальде, Карл лучше взял бы арбалет или револьвер - что-то, дистанцирующее убийцу от жертвы.

Вальде нашелся в бальном зале в глубине дома. Окон тут не было, в зеркалах по стенам плясал хоровод огней-отражений единственной зажженной в центре зала лампы. Темные арки - выходы в коридоры дома - по одной в каждой стене, казались колодцами, только тянуло из них не сыростью, а застарелой пылью. Граф расположился в кресле у дальней стены, под драпировкой с гербом Вальде. На полу у кресла - пара пустых винных бутылок и остатки простой трапезы. Что-то слабо поблескивало в руке графа... Обычный нож, каким режут мясо.

- Наконец-то кто-то пришел. Я уже думал, придется опустошить весь погреб, - ровно сказал он, завидев охотника.

- Карл Хортор, охотник. Новый глава Центра Доны.

- Значит, вы явились меня убить. Знаю об этом испытании... -

Все тот же ровный, ненарочито равнодушный тон. Знакомая манера речи, построения фраз. Если б Карл не говорил недавно с его высочеством, возможно, этого бы не заметил, но сейчас ассоциация пришла быстро. Та же мелодика речи, что у Принца - вариация на ту же музыкальную тему, ясную и без метки в крови. Еще один Арденс. Только их общая живость движений у Вальде куда-то делась. Еще молодой граф, немногим старше Карла, сидел в кресле истуканом.

- Если б ваше убийство было моей единственной целью, ваша светлость, вы бы не успели произнести эту фразу.

- И это знаю, - его глаза чуть блеснули в темноте, откликнувшись на какой-то крошечный источник света. - Пока вы - лишь формальный глава Центра. Вам нужно, зная о связи Арденсов и вампиров, убить для них, доказывая преданность. Сейчас вы - сомневающийся. Такого я и ждал.

- Вы ждали, что не Крас явится к вам на встречу?

- Разумеется, - едва заметная кривая усмешка - вот все, что осталось у Вальде от легкости мимики и жестов всех Арденсов. - Арденсы вычеркнули род Вальде из

родословного древа, начиная с моего прадеда и, верные решению, отказываются даже говорить со мной. Но они все равно надеются. Они никогда вслух не признают этого, но они мечтают также как я, как вы, что средство избавления от Макты найдется. Они не пришли бы сами, но не отправили бы и бездумных убийц за мной. Они захотели бы выяснить, какие вести я принес с Юга.

- Где ваша семья? Жена, сын?

- Их больше нет.

- Сожалею. Это сделали Арденсы или...

- Это сделали слова, как все на нашей проклятой земле, - небольшое повышение тона.

- Не понимаю?

Карл вложил меч обратно в ножны, показывая, что готов слушать. Жаль, в зале не было второго кресла - для доверительности. Сейчас его тень возвышалась над графом, как палач. Видеть это и самому было неприятно, а каково жертве?

- Любая клятва обретает волшебную власть, если там упоминаются Арденсы, а в земле страха Основателей упоминают постоянно, - невыразительно сказал Вальде. - Свадебная клятва, ритуал наречения имени младенцу, формула делового союза... - все начинаются с: «На земле Арденсов». Имя Арденсов заменило даже имя Бога в молитвах. «Шагнешь за границу земли Арденсов - упадешь мертвым!» - это вовсе не глупое суеверие. Я поздно это понял... Имя Арденс привязано к Бездне, Она прорастает из него также, как из крови *carere morte* или клятвы охотника, только дает не бессмертие и не защиту - уязвимость. За пределами Терратиморэ эта частица Бездны обращается ядом и губит владельца. Конечно, не мгновенно, как в поговорке, наоборот, очень медленно, но также неотвратимо. Первой угасла моя жена - за жизнь она много раз произнесла имя Арденсов как клятву. Потом и сын.

Карл вздохнул.

- Это страшное совпадение, граф.

- Я узнал о пробуждении Макты полгода назад, - Вальде взял паузу, будто ему тяжело было дышать. - Я уже тогда был один. Я ждал смерти от того же яда, что убил Стеллу и Матиаса. Но подумал: нечего терять. Я вернулся в Терратиморэ, чтобы закончить то, что должен был закончить мой предок четыреста лет назад.

Карл поощряюще кивнул: вот Вальде и подобрался к главной интересующей его теме расплаты Арденсов с Мактой.

- Я знаю, вы не хотите убивать меня. Крас или другой Арденс, сказали вам: нужна смерть одного, чтобы не было смертей многих. Но я нашел способ обойтись вовсе без смертей.

- Какой же?

Близко, за стенами дома пролетел *carere morte*, концом крыла поцарапав крышу. Вальде вскинул голову и слабо улыбнулся. Лицо было бледным и осунувшимся, как у вампира.

- Дэви меня ищет, - прошептал он. - Я знаю, зачем. Хочет предложить помощь. Владыка давно мечтает получить преданность, доверие какого-нибудь Арденса. Но то, что я затеял, Дэви не понравится...

- Значит, точно понравится ордену. Говорите, - уже не попросил - потребовал Карл. Огни в зеркалах, казалось, приближались, стены зала сдвигались. Духота так давит или подвисшая загадка графа?

Вальде, почувствовав его состояние, усмехнулся.

- Арденсы думали, метку уничтожила Кармель, но исследование Меркеса показало, что

она по-прежнему существует. Она материальна, значит, ее можно разрушить. Надо только найти средство, также в области науки. Я нашел его.

- ...В Южной Империи?

Карл разволновался. Возможность использовать бурно развивающиеся в последние десятилетия науки для решения проблемы *saegere morte* завораживала его, как других завораживали сказки. Что, если Вальде действительно нашли бескровный способ решения давней вендетты с Мактой? Какие откроются перспективы! Страна, где Арденсам не нужно бояться вампиров, Макты и Избранного, где охотники, поддерживаемые покровителями, вернут себе Карду. Мир, где разрешено сиять солнцу Дара, и все желающие исцеления *saegere morte* могут прикоснуться к нему...

Но и подозрение оставалось: если средство так легко досталось Вальде, что ж он не воспользовался им раньше?

- Нет. Не в Южной Империи. Там я был... дураком, думал, за границами земли страха спасусь от проклятия, - голос Вальде слабел, паузы между словами удлинялись, да что с ним такое?! - Это зелье изготовила Либити́на. Еще для моего отца.

- Что за зелье?

- Я уже принял его. Осталось встретиться с Мактой и убедиться, что метка в моей крови разрушена. Вы проведете меня на пустошь?

Карл вздохнул. Зелье Либити́ны, известной обманщицы - это было разочарование.

- Опасно. Если метка не разрушена, ничто не остановит Первого от того, чтобы попробовать вашу кровь. К тому же сейчас нам вместе не дадут покинуть дом. Я должен встретиться с Гесси и Красом и убедить сперва их. Нужно исследовать ваше зелье в Академии... - Карл говорил, а подозрение все росло. Он склонился к креслу, и Вальде отодвинулся вглубь. Только глаза графа блестели - упрямо, но слабо, как затухающий огонек в лампаде.

- Рецепт зелья вам изначально следовало показать в Академии, - размеренно сказал Карл. - Там вам никто не стал бы препятствовать, граф. Чего вы ждали? Чего ждал ваш отец? Не все так просто с зельем Нефандуса?

Что-то дрогнуло в лице Вальде, но он не ответил.

- Я приготовился и к тому, что сразу вы мне не поверите, - с усилием прошептал он. - Поэтому пригласил Макту сюда...

- Что?!

Опять что-то пронеслось над самой крышей, тень, больше и сильнее прошлой. Люстра звякнула подвесками.

Вальде слабо приподнял руку с ножом. Карл был наготове и перехватил запястье, вывернул болевым приемом. Нож упал на пол. Но Вальде и не покушался на его жизнь. Рука графа была холодной, липкой и мокрой. Ножом он вскрыл себе вены на предплечьях еще перед началом разговора.

- Макта почует и придет на след, - Вальде улыбнулся. - Он слеп, но нашу кровь чувствует... всегда чувял. Все все равно совершится... А вам нет резона меня убивать. Мы можем стать союзниками. Не марайте руки.

Издали донесся звон разбиваемых окон. Шум не прекращался с минуту - ливень стекла. Карл представил, как черная многокрылая тень вливается в окна дома Вальде, и помянул треклятую Бездну. Кто-то, Макта или Дэви, все же добрался сюда.

- Вот и Первый... - радостно прошептал Вальде. Он закрыл глаза, забормотал что-то.

Сначала показалось, молитву. Но нет: какая-то другая словесная формула. В ней часто упоминалось имя «Арденс».

Карл огляделся. Арки коридоров, ведущих в бальный зал, пока были пусты, тень обследовала дом и, судя по клокотанию из-за стен, бесновалась в саду. Где же Давид, наемники Краса? Впрочем, если явился Макта, никакая защита не поможет.

Он достал стилет и отбросил футляр-трость прочь, вновь потянул меч из ножен. Граф, услышав лязг лезвия, поднял голову.

- Что вы читаете? - хрипло спросил Карл. - Вы не хотели больше говорить имя «Арденс».

- Это моя последняя клятва с именем Арденса, - выдохнул Вальде. - Снадобье не подействует одно, Бездне всегда нужны еще чувства. Это формула покаяния. Либитина сказала, желающий избавиться от метки должен признать грех первого Арденса перед Мактой и раскаяться в нем. Я стану первым. Остальные последуют моему примеру: соберутся вместе и вместе выпьют зелье, тогда Макта будет свободен. Такой ритуал... - он бормотал все неразборчивей, а взгляд не отрывался от меча в руке охотника. - Вы все равно мне не верите?.. Даже если так, отдайте меня Макте. Если не осуществится мечта - осуществится месть! А вам я успел дать цель...

Карл молчал. Он все яснее понимал, финал может быть только один. Вот, что Латэ пытался донести до него своей историей, вопросами и мрачными пророчествами: убить Вальде все равно придется. В несложной арифметической задачке соотношения целей и средств не находится места этому человеку.

Вальде вжался в спинку кресла еще до того, как Карл стиснул оружие, готовясь к единственному точному удару. Но граф не бросился бежать, даже не заслонился рукой. Уже было в нем знание и покорность всех жертв - принятие того, что ты добыча.

- Я знаю, что вы чувствуете, - еле слышно зашептал он. - Сомнение. Убивать людей охотники не приспособлены, это противоречит вашей первой клятве. Это совсем не то, что убивать *carere morte*. Зелье Либитины может стать началом мира, где не нужно будет убивать людей во имя целей покровителей. Подумайте!

- Я знаю все это, - Карл не узнал свой холодно зазвучавший голос. - И я добьюсь изучения зелья Либитины, клянусь вам. Но чтобы Арденсы дали его начать, сейчас задание должно быть выполнено до конца.

Вальде все смотрел на меч, губы беззвучно шевелились. Чтобы не тянуть его мучения, Карл ударил его стилетом в сердце, - точно, как на охотах. Успел поймать испуганный, замерший от боли взгляд, провернул лезвие, и глаза графа затуманились. Карл вытащил стилет. Вальде осел в кресле в знакомой жуткой тишине, без вскрика, без вдоха. Только собственное сердце росло и росло, беззвучно пульсируя, в груди.

Граф ошибся в последнем предположении. Убийство человека для Карла ничем не отличалось от убийства вампира. То и другое было одинаково отвратительно - и подчас необходимо.

Он сначала подумал, что перед глазами встала черная пелена, но это тень, сотканная из сотни крыльев, влилась в бальную залу. Тень тянула отростки и к нему. Карл рубанул один мечом, и из черного кокона вывалилось высохшее тело вампирской марионетки.

«Не Макта. Дэви со слугами».

Тьма расступилась, одна фигура в старинной длинной одежде вышла вперед. Карл мгновенно узнал владыку вампиров, хотя видел лишь раз, издалека, в Призрачном парке. Что

ему тут нужно?

Он встал перед креслом с телом Вальде, чтобы каждый рискнувший приблизиться *carere morte* был отброшен защитой. Перехватил удобнее меч.

- Охотник, ты немного поторопился, - насмешливо проговорил Дэви. - Я надеялся побеседовать с Себастианом Вальде. Но что ж, случилось то, что случилось, о планах герцога Краса относительно графа я был осведомлен. Теперь отдай мне его тело.

- Зачем?

Тень вокруг вампира уплотнилась и вдруг взорвалась, расплзлась по стенам.

«Морок или нет?»

- В Карде мне не задают вопросы охотник, а исполняют повеления. Все, в том числе, служители ордена, - Дэви метнул холодный, требовательный взгляд... но это копьё разбилось о защиту охотника.

Карл ответил ему насмешливым взглядом. Он видел истинный облик Дэви под масками и мантиями, под доспехом темной силы: это был иссушенный двухсотлетней вечностью человек, худой и длинноволосый. Зачем ему, с его тысячами слуг, еще один мертвец? Или... или ему нужна память Вальде? - Карл слышал, сильные кукловоды способны читать память недавно умерших. Если так, отдавать ему Вальде со всеми сведениями о зелье Либитины, о деталях плана Либитины нельзя! Где же Гесси?

- Если ваш кукловод изготовит марионетку из Арденса, пусть предателя, покровители ордена расценят это как оскорбление, - возразил он владыке. - Нет.

Дэви удивленно приподнял бровь:

- Не тебе думать об этом, ты лишь исполнитель. Кстати, кто ты? Ты из Гесси? ...Диосов?

Carere morte владыки окружали, но к бою не переходили. Это были одинаковые безоружные куклы. Одна ступила чуть ближе, и Карл машинальным, но точным движением обезглавил ее. Остальные единой черной волной отхлынули на шаг. Карл довольно усмехнулся. Дэви нахмурился и сам осторожно двинулся к охотнику, а его расплескавшаяся по залу тень всё также липла к стенам и теперь словно вытягивалась.

- Отдай мне Вальде, охотник, - свистяще сказал владыка. - Сейчас!

Кошачье-изящные движения вампира были полны ярости, настоящей - не показной, для свиты. Дэви понял, что противник силен. «Проломит защиту или нет?» - со странной отстраненностью успел подумать Карл. Повел меч, уже встречая удар владыки... но Дэви шатнулся, будто его оттолкнуло что-то. Едва не упал, так и не ударив.

Звон лопающихся стекол пронесся по залу - ярость владыки, не сумевшего добраться до врага, нашла выход. Карл стряхнул оцепенение. Метнул в вампира стилет, но Дэви увернулся и скрылся в гигантской тени кукол.

Одна за другой, тьму зала прошили серебристые вспышки - наконец подоспел Давид. Вампиры вспорхнули испугнутыми птицами. Через полминуты все крылатые тени вымелись в зала в коридоры и за пределы дома... И вот теперь пришла реакция - будто всю силу разом вынули. Карл опустился на пол там, где стоял.

- Бездна... С ними был Дэви?! - выдохнул Давид. - Ты не ранен, Хортор?

- Нет.

- А Вальде?

- Он мертв, - Карл прислонился к креслу, все еще мокрому, липкому от крови графа. - Задание выполнено.

- А-аа... - начал Давид и замолчал.

- Он хотел, чтобы сюда пришел Макта, вскрыл себе вены, приманивая его.

- Значит, это была просто месть Вальде Арденсам, - разочарование слышалось в голосе Гесси. Карл прикрыл глаза, чтоб лучше слышать до сих пор эхом блуждающие здесь слова Вальде.

«Арденсы никогда не признаются в этом, но они мечтают...»

- Не совсем, Давид. Он надеялся на некое зелье, которое для него изготовил Нефандус. - Снадобье, уничтожающее метку Арденсов.

- Северный Кукловод? Он великий обманщик.

Карл поднялся, держась за кресло.

- Мне нужна встреча с ним, Гесси. Где он обычно появляется?

Следующим же вечером они встали на краю кладбища, за церковью Микаэля. Отсюда была видна вся пустошь, залитая лунным светом.

- Винсент бывает тут, - тихо сказал Давид. - Я думал, мы сегодня его встретим.

- На кладбище?

- Нет. Он рисует на колокольне церкви. Жаль его. Ситуация, в которой они с Мирой оказались, ужасна. Латэ не хочет ее изменить?

- Он считает, Мира еще не готова, - сухо сказал Карл. - Она сойдет с ума, не перенесет правды, -

Закончил он совсем резко, не скрывая раздражение. Хорошо, что отсюда не был виден дом Вако в далекой Короне. За все время в Карде Карл нарочно объезжал район где сейчас жил... существовал Винсент. Неточная формулировка, но как правильно назвать бытие куклы?

Мертвых вампирами не обращают, это закон, и в Призрачном парке Винсент был, несомненно, мертв. Мира уверяла, что Винсент не подчиняется ее командам, но Латэ считал, управление марионеткой может быть подсознательным, а прямые команды кукла не исполняет, как раз подчиняясь эмоциям хозяйки, не желающей принимать, что всего лишь подняла мертвеца. Прежде в истории такое случалось. Глава раскрыл Карлу и возможный мотив Миры: внешне Винсент был похож на ее сводного брата Алана, убитого орденом много лет назад, и из Винсента она сделала себе копию погибшего возлюбленного. «Разумом Вако это не осознает, но ее проклятие оживило Алана, потому что к нему тянется ее сердце», - так Латэ сказал в первый месяц Миры в ордене, а Карлу до сих пор было неприятно об этом думать.

Может быть, Латэ был не прав, и Мира отдала часть своего проклятия Винсенту, а не Алану, именно племянника желая воскресить... Узнать это можно было, спросив *carere morte* напрямую, но Карл отступал всякий раз еще в преддверии этого разговора. Какую альтернативу он предложит ей? Захочет ли она альтернативу? Если Мира скажет, что все понимает, но хочет остаться с куклой Алана? Что тогда?

- Думаешь, Либитина захочет с тобой встретиться? - сменил тему Давид.

Карл отпил из фляжки кофе с коньяком. Ночь спускалась холодная, кроме того, днем, несмотря на всю усталость, он так и не смог заснуть. И сейчас реальность уже начала причудливо мешаться в сознании с образами сновидений. То снова мерещилась тень, заполняющая бальный зал, то в сыром северо-восточном ветре, хлещущем порывами, чудилось липкое прикосновение графа Вальде.

- Она... или он, явится, Гесси. Ты говорил, важные события в истории Нефандус не пропускает. Охотник, давший отпор владыке вампиров, это событие, по крайней мере, в

истории Карды. Кукловод заинтересуется.

Давид поежился от очередного порыва ветра.

- Либитина стала часто присылать сюда марионеток, - негромко сказал он. - Похоже, Кукловод Севера готовит свою армию. Одного из трех умерших в Карде забирает себе, я посчитал. Куклы подземными тоннелями добираются до кладбища и утаскивают тела из могил, не выходя на поверхность.

- Может, сразу приносить мертвецов к ее Лабиринту и не тратить время на церемонии?

Они посмеялись. Но Давид скоро оборвал смех.

- Либитина вмешивается в дела Арденсов и Макты. Это она надоумила Избранного уничтожить проклятие Алитера, чтобы Дар обрел полную силу. Арденсы такое не потерпят, - сказал он. - Думаю, не ошибусь, сказав, что Либитина доживает последние годы. Крас скоро объявит на нее охоту.

- И что ты хочешь, защитить Кукловода от гнева Краса? Ты недавно звал Нефандуса великим обманщиком.

Давид мотнул головой.

- Я все обдумываю, что ты рассказал про Вальде и его дела с Либитиной. Кое в чем Нефандус прав. Было мнение еще во времена Кармель, что метка в нашей крови - это вовсе не проклятие, а просто... печать лжецов. Первый ненавидит нас и стремится убить не за то, что мы живем, но за то, что мы живем во лжи. Молчим от связи с вампирами, отрекаемся от связи с нашим общим предком в распространении проклятия... Если признать правду - нашу связь с Лазаром Арденсом, если раскаяться, он успокоится. Тебе нужно было дать Вальде воспользоваться зельем!

- Не ты ли был прислан Арденсами проконтролировать его смерть от моей руки?

Вдали закаркала ворона - странные ритмичные крики. Точно звала кого-то.

- Если б я узнал о зелье раньше, я б нашел способ сбережь вас обоих, - громче чем прежде заметил Давид. Карл подал ему фляжку.

- Держи, погрейся. Не стоит возлагать на зелье Либитины надежды, Гесси, как и не стоит сообщать о нем кому-либо еще. Мы найдем другой способ без жертв. Сейчас подожди меня у церкви, - он все вглядывался в лес, где пряталась птица. - Нефандус хочет встречи один-на-один.

Внезапно вставшего перед ним в середине кладбища, на полпути к лесу бледного тщедушного человечка Карл сначала принял за очередной провал в сон. В белой одежде, с белыми волосами и мраморно-бледным лицом, он показался ожившей статуей с надгробия. Только когда человечек криво улыбнулся большим, точно нарисованным шутовским ртом и громко присвистнул, Карл понял, что не спит.

- И это ты - победитель владыки Дэви? - человечек усмехнулся, показав острые вампирские клыки.

- Ты - Нефандус?

- Его рупор, - марионетка оскалилась. - Так это ты - победитель Дэви?

- Владыка ушел, я еще не победитель, - Карл усмехнулся ему в тон.

- Но уже думаешь об этом... Хорошо. Я наблюдал за тобой в доме Вальде.

- Я понял. Какое тебе дело до Арденсов и Макты?

Марионетка картинно пожалала плечами:

- Я наблюдаю...

- Зелья не существует, ведь так?

Кукла ошеломленно всплеснула руками, но сощурилась довольно, будто кукловода обрадовала эта реплика:

- Как ты понял?

- Вальде принял «зелье» в ожидании Макты. Я сохранил немного крови графа стабилизатором и сегодня днем проверил ее. Гесси подтвердил, метка Арденсов в ней по-прежнему цела.

- Может, Вальде недостаточно раскаялся?

- Милую ложь про раскаяние оставь для Давида. Это просто слова, они ни на что не влияют. Вальде по твоему плану должен был стать приманкой для остальных Арденсов. После его «успеха» Арденсы соберутся вместе, выпьют то же зелье... и помолятся Макте, чтобы он простил. Чушь. Единственная цель этого представления - собрать Арденсов вместе, а дальше... Ты собирался дать им вместо зелья какой-то яд, верно? Или просто заколоть? Так или иначе, Себастиан Вальде из мести согласился тебя поддержать. Никому до сих пор не удавалось собрать всех потомков Лазара в одном месте, в один час, они осторожны. Но единой мечтой - удастся... Очень удобно.

- Ого, разгадал! Отличный план, не правда ли? - глаза куклы заблестели как живые.

- Я не понял одно: как ты собирался обставить «успех» Вальде? Зелье не разрушило метку, для Макты он остался Арденсом, объектом мести.

Марионетка шутливо развела руками:

- Ну, это просто. Я договорился с Мактой, чтобы он пощадил графа. Потерпит один раз - получит роскошное угощение для своей ненависти в следующий.

- Значит, твоя истинная цель не месть Дэви, а месть Арденсам?

- Я наблюдаю! - глаза куклы сверкнули уже недобро. - А ты хочешь сам осуществить план расправы над Арденсами?

- Нет. Буду искать способ без жертв. Не рассчитывай на меня в своих играх. Увижу поблизости твою марионетку - покровители ордена узнают, что ты для чего-то собираешь армию. Крас все еще зол на тебя за Призрачный парк... Дальнейшее развитие событий угадаешь?

- Что ж, - марионетка хохотнула. - Хорошо-о, Хорттор. Но, если передумаешь, мой чудесный план с ядом для создателей вампиров можно воплотить в реальность в любой момент! Только не глупи... - вампир так быстро, скользко придвинулся, что Карл не успел ни отступить, ни поставить защиту. Зашептал на ухо: - Не теряй время в поисках Дара. Твою вампирку он не спасет.

Карл вздрогнул от неожиданного упоминания Миры. Но тут же пришел в себя, схватил куклу за ворот.

- Что ты знаешь о ней? Где мог видеть? У тебя есть доступ под Покров?

- Тот же волшебный билет, что у нее, - процедила марионетка и вырвалась без видимого усилия. - То есть, что Мира «твоя», ты опротестовывать не собираешься?

Он опять сухо засмеялся и, также незаметно, как появился, растворился среди надгробий.

Новости в столице были большие: скоропостижно умер Король, и его высочество, еще недавно так легкомысленно дававший Карлу задание-испытание, принимал трон и примерял корону. В суеде похоронных и коронационных церемоний Констант не смог выделить время на визит в Академию, отчет перенесли на день. Завтра явится Крас, завтра продолжатся беседы с Латэ о пугающем своей реальностью будущем, а сегодня охотник был свободен.

Домой Карл не поехал, отправился на прогулку. Ночь только наступала, а он как многие охотники слишком привык засыпать под утро - проваливаться во тьму, когда над миром разливается свет нового солнца. Это приближало охотников к *carere morte*. За годы в ордене Карл начал слышать голос ночи и научился разбирать, что она шепчет, не хуже вампиров.

Carere morte-дикари называли голоса-в-ночи «сном Бездны», говорили, что ночью мир отражается в Ней, как в зеркале, а шёпот ночи - голос Её вечных раздумий... И сегодня весь ночной мир повторял: подумай, представь, осознай. Это звенели звезды, это шелестела река. Задание было выполнено, только кожу рук все еще жгло там, где на нее брызнула живая кровь. Пока непривычное ощущение - такое же, как когда-то сухая волна жара в лицо от рассыпающегося вампира. Вальде, назвав его сомневающимся, был прав, хотя Карл не сразу согласился признать это. После убийства человека он испытывал отвращение к пути войны, который они обсуждали с Латэ, и в то же время, знал: это лишь до первой охоты, и человеческих глаз очередного не-чудовища, рассыпающегося пылью.

- Плоро, - бросил он вознице. В местечке Плоро, к востоку от Доны, жил отец, но Карл не собирался навещать его сейчас. Бездумно, он отправился в церковь Рафаэля-исцелителя - место посвящения всех охотников.

Близ церкви пробивал дорогу на поверхность знаменитый источник, чья вода использовалась в ритуалах ордена, и место посвящения находилось как раз там, в подземельях недалеко от церкви.

В последнем третьем подземном зале с низким потолком и сырыми неровными стенами стоял неумолчный гул воды, вырывающейся из расщелины меж камней на высоте человеческого роста. Падающая вода за века прорубила в полу узкую, но глубокую чашу, и над ней возвели что-то вроде беседки: белая мраморная колоннада и крыша, а вместо пола был мостик над бездонным черным колодцем. С треугольного портика над входом в беседку сияло золотое солнце и серебряный кинжал - эмблема ордена, но сюда могли приходиться не только охотники. Покров над церковью не установили, проход к источнику был открыт для всех: и для новообращённых *carere morte*, и для дикарей, и для свиты Дэви. Впрочем, бессмертных, желающих посмотреть на исток смертельно опасной для самих себя воды, все триста лет существования этого места не находилось.

...Только не сегодня. Тонкая фигурка нерешительно застыла на краю моста, боясь ступить дальше. Еще не окликнув ее, не взглянув в лицо, Карл догадался, кто эта неслучайная гостя Источника: по робкой и в то же время резкой, неудобной позе, по хрупким рукам, с неженской силой вцепившимся в перила, по легкому быстрому дыханию, которое сама *carere morte* не замечала. Это была Мира.

- Эй, привет, - тихо, чтобы не напугать, позвал Карл, чувствуя теперь покой, будто все загадки были решены, на все вопросы найдены ответы. Отразившись от стен, голос многократно усилился. Мира вздрогнула, подняла лицо от черной воды.

- Доброй ночи, - поздоровалась она. Кажется, на ее лице отразилась... радость?

- Доброй. Не думал, что когда-либо увижу тебя здесь.

- На Набережной коронационные торжества. В парке Академии шуметь опасно, и тренировку сегодня провели у церкви.

Карл задумчиво улыбнулся:

- Хорошо, что мы встретились.

- Да, - Мира рискнула ступить на мостик, опять заглянула в чашу.

- Если я случайно упаду туда, то исчезну, растворюсь без следа, - нервно заметила она. -

Это была плохая попытка пошутить...

- Шляпка останется, - уточнил Карл. Он остановился у другого конца мостика, присел, зачерпнул прозрачную близкую воду ладонью. Мира все глядела на свое отражение, а её губы печально кривились:

- Я и раньше пугалась своего облика в зеркале, но не так. Какая же я стала... некрасивая!

- Ты выглядишь сейчас гораздо лучше, чем в первые месяцы в ордене.

- Ну да?

- Я всегда видел тебя без чар. Я точен как фотографический аппарат, - зачем-то заверил он. Мира не засмеялась.

- Я слышала сегодня от Алекса, ты встречался с нашим владыкой?

- Алекс болтун. Да, мы встретились в Карде, у Вальде.

- И... что было? - судя по насмешливому тону, *carece morte* слабо представляла себе этот поединок.

- Ничего особенного. А чего ты ждёшь? Боя как на тренировках, с сетями, стрелами? Интересно, сколько веков назад владыка в последний раз так развлекался? Это был обычный поединок взглядов, ты тоже в таких сильна. Дэви разбил все зеркала в зале и ушёл.

- Не верю, - Мира покачала головой. - Я его помню... всё ещё слишком хорошо. Тебе нисколько не было страшно?

В этот миг она поглядела ему прямо в глаза. Карл улыбнулся, чувствуя себя более незащищённым, чем в доме Вальде, когда явилась тень, а он еще не знал, Дэви это или Макта. Совершенно живые глаза, которым невозможно врать. И невозможно отречься от того, что видишь их на худом, заостренном лице лишенной смерти, невозможно принять треклятое Равновесие мира, лелеемое Красом и владыкой вампиров: без войн, без множества смертей, но и без настоящей жизни...

- Прогнать вампира легко, - Карл поднялся, тростью коснулся своего отражения в воде. - Исцелить, к сожалению, сложнее!

Мира загадочно засмеялась:

- А ты хоть чего-нибудь боишься, Карл Хортор?

- Мостов, - он сглотнул, все же признался до конца. - Мне неприятно находиться на мосту. Это ощущение, что под тобой ничего нет, пропасть... Только знание, что мост - это лишь продолжение дороги и иначе путь не завершить, успокаивает.

- Станный страх.

- Моя мать бросилась с моста в Плоро и утонула. Вместе с моей сестрой. Я смог вырваться, но не смог ей помешать. Наверное, вот оттуда пошел мой страх, а объяснение ему я придумал, когда повзрослел.

- Моя мать умерла при родах, - видимо, решив, что нужно сказать что-то для равновесия, призналась Мира. - Я иногда думаю: можно ли сказать, что это я виновата в ее смерти?

- Эти вопросы никуда не ведут, в отличие от мостов, - заметил Карл, и Мира послала с того конца моста улыбку: будто над пропастью вопросов без ответов, прорезался золотой луч солнца.

Девушки и юноши, те, что вступили в орден, но не смогли отречься от нормальной жизни до конца, часто встречались у Источника. Целовались на этом самом мостике, обнявшись. Карл зачем-то представил, как они с Мирой идут сейчас навстречу друг другу... Но нет. Даже если он осмелится выйти к ней на середину моста, забыв о пропасти под

ногами, она не доберется, брызги от близкого водопада сожгут ее бледную кожу.

- Что-нибудь новое слышно о поисках Дара? - тихо спросила carere morte. - Помнишь тех марионеток на крышах, которых мы видели зимой?

- Латэ полагает, это обманка Дэви для нас. Владыка бессмертных хочет, чтобы мы бросили все силы на поиски Дара, желая опередить его, а сам он в это время будет тихо следить и ждать, когда наши силы иссякнут. Как он сделал с Валерием Конором.

- Значит, сейчас мы не будем отвечать поисками?

- Лучше подождать еще. Винсент не рассказал тебе, что с Даром хотел сделать Крас?

- Нет, - она заметно забеспокоилась: взгляд забегал. - Это что-то важное?

- Крас хотел уничтожить Дар Избранного. Он и сейчас позволит охотникам поиски только для того, чтобы убить нового владельца Дара. Так что лучше пусть он пока медлит.

- Почему уничтожить?! - крикнула в сердцах Мира. Вода в чаше заколыхалась, зарыбила, будто также ощутила их тревогу, напряжение момента.

- Я скажу, - заверил Карл и рассказал... все, что узнал об Арденсах из архива и от Вальде. Мира слушала внимательно, старательно придав лицу бесстрастное выражение, но рот все равно жалко кривился.

- И Латэ позволит Красу убить Избранного, когда он будет найден? Уничтожить Дар?! - только спросила она, когда охотник закончил.

- Ему придется подчиниться. С покровителями орден до сих пор не спорил.

- Давно ты узнал это? - Мира не скрывала злости. Карл вновь опустил глаза к её отражению.

- Догадывался давно. Но мотивы Арденсов стали понятны, только когда мне как главе Центра открыли тайный архив ордена.

- Здорово! Вместо ответа на мои вопросы Латэ отводит глаза, на мне науськивают вашу свору, а я всё терплю, потому что жду от вас помощи в поиске Дара!

Еще можно было прекратить все это: рассказать ей о невозможности исцеления Винсента, чтобы она прекратила страдать за свою нелепую надежду. Чтобы сдалась, и не пришлось бы менять целый мир по ее безумному желанию... Но Карл молчал.

Эгоистично, но он не хотел, чтобы она через него вспоминала Алана, даже так. Это все равно, что самому себе вонзить кинжал в грудь. Безумие, сродни безумию Миры, желающей воскресить мертвого, но и корень у них один - болезненная сильная страсть.

Его сострадание к Мире, понял Карл сейчас, лишь верхушка айсберга. А основание погружено в ледяную кашу из осколков - злости, страха, ревности... Злости - за то, что одним взглядом в парке Академии она навсегда лишила его покоя, страха - не сумеет защитить эту хрупкую странную девочку от самой себя и от такого враждебного к ней мира. Ревности - нелепой, но иссушающей - к ее давно мертвой любви, воплотившейся в кукле...

- Я сразу сказал тебе: этот путь может быть очень долгим и сложным. Но мы пройдем его до конца, - ровно сказал Карл.

- Мы? - прошептала Мира едва слышно. Шум потока заглушил ее, но он разобрал слово по движению губ. Наступило долгое молчание. Потом вода вдруг опять качнулась: лишенная смерти сделала шаг на мост и вошла в облако водяной взвеси. Заслонила лицо от капель рукой в тонкой бессмысленной перчатке. Шагнула еще.

- Ты с ума сошла?!

Карл не заметил, как выскочил на середину моста, заслонил Миру от холодных тяжелых брызг.

- Если вместе, тогда мы оба должны ничего не бояться, - снова почти неслышно прошептала она.

- Да...

Сомнения сгинули, в раздумья пришла долгожданная ясность. Пугающие нечеткостью, громадностью фигуры возможных противников - Арденсов, владыки обрели зримые масштабы, и Карл готов был поднять против них свой меч. Выбора, сражаться ли, больше не было - впереди разверзлась пропасть. Остался один путь: над бездной, по прозрачному стеклянному мосту к сияющему солнцу впереди. Можно рассказать Мире о Винсенте - и она откажется от Дара... навсегда откажется от возможности исцеления для себя. Но о том, чтобы отрезать этот путь перед ней, Карл и помыслить не мог.

Осколки злости, страха, ревности таяли, становилось видимым основание всего - любовь. Та самая, погубившая Керно, Агната, Мартина Алгора и Охотника из сказки. Не ведающая границ сословий и цепей законов. Смеющаяся над правилами четырехсотлетней войны воинов света и созданий ночи. Одной крови с Даром - мечтой об исцелении мира...

У входа в зал послышались веселые голоса охотников, обсуждающих тренировку. Мира, услышав их, испуганно отпрянула от Карла, пока их не застигли вместе. Они одновременно разорвали нить взглядов, смутившись. Карл помог ей перейти мост.

На твердой земле и думалось, и чувствовалось иначе: четче, логичнее. Охотник все яснее понимал, насколько опасным будет выбранный путь. И он может оборваться, едва кто-то укажет Красу его особое отношение к Мире... пока Карл слаб, чтобы ответить герцогу.

- Думаю, лучше, чтобы нас не видели вместе, - выдохнул Карл. «Конечно», - с облегчением согласилась Мира. Но верно ли поняла: он делает это лишь затем, чтоб уберечь ее и Дар - мостик к ней, исцеленной - только Бездна знает.

Глава 16 Эрвин и Лелия

Винсент осознал это ещё в доме Латэ в первое в вечности утро. Осознание пришло внезапно. Единственный ответ на все вопросы нашёлся мгновенно, но это был такое странное... такое страшное слово, что он долго отказывался его принять. О, принять переход от Избранного к голодной твари-вампиру было бы куда легче!

- Я не понимаю, - решился заметить он тогда Латэ и Адоре. - Если Мира говорит, что видела, как пропало золотое сияние, значит, Дар меня покинул? Но Дар покидает человека после смерти!

Глава и герцогиня замолчали, и Винсент совсем тихо повёл дальше:

- Вампирами обращают только живых. Из мертвецов изготавливают кукол. Кто я? Я же умер до обращения?

- Да.

Он смог заговорить вновь не скоро:

- Куклы лишены памяти, так?! А я всё помню, всё, что было. Правда, смутно, и чем глубже хочу заглянуть, тем размытвей картинка... Но это моя память! ...А почему, Бездна возьми, вы надели ошейник только Мире?!

- Он тебе не нужен, - честно сказал Латэ. - У тебя никогда не вырастут вампирские клыки. У тебя не может быть и собственного чувства голода. Твой голод - голод Миры и контролировать его - задача твоей создательницы.

- Ты не такой, как обычные куклы, - попыталась утешить Адора. - Кукла - мертвец, покорный воле хозяина и часто полное его отражение. Это продолжение «я» хозяина. Пустое тело куклы - как одежда, в которой хозяин выходит в мир, тебе же разрешена определенная свобода помнить, чувствовать, мыслить. Мира сказала, что не управляла тобой как куклой на ниточках, и она тобой, действительно, не управляет так и вряд ли когда-то будет. Но...

- Что?!

Глава сделал Адоре знак молчать. Подошел ближе, положил юноше руку на плечо. И в печальных прозрачных глазах Винсент прочитал свой приговор.

- Возможно и такое, что сложно описать словами, - тихо сказал Латэ. - Когда хозяин делает куклу из знакомого, любимого человека, он может неосознанно наделить её теми чертами умершего, которые знал и любил. В этом случае кукла может рассуждать, чувствовать, действовать, как умерший при жизни. Иногда хозяин создаёт настолько точную копию, что она вводит в заблуждение его самого, и он начинает верить, что действительно воскресил любимого. Но кукла остаётся куклой.

- То есть, может быть, я уже не я? ...И я сам этого не знаю?!

- Почитай историю Эрвина и Лелии.

- А Мира? Мира знает это? Нет?!

Адора и Латэ переглянулись.

- Я говорил с ней, - сдержанно сказал глава. - Она сейчас безумна. Она отмечает правду. Она пока не хочет никого слушать, но не вини ее. Так её разум сопротивляется разрушению.

- А как же я?! Постойте... Как же тогда моя память? Я помню и дни, и годы без Миры!

- Если хозяин берёт для новой куклы ещё не остывшее тело, он может поймать обрывки чужих воспоминаний. Иногда они причудливо мешаются в его голове с собственными.

- Мира говорила, что хочет вернуть мне жизнь.

- Это невозможно. Винсент, ты мёртв, и твой хозяин не Бог, а проклятый *carere morte*. Я жесток, говоря такое, но делаю это лишь затем, чтобы избавить тебя от иллюзий...

- Что же мне делать?!

Латэ долго молчал, только глядел слезящимися от напряжения глазами. Потом его неожиданно тяжелая рука опять упала Винсенту на плечо.

- Искать свой путь, а не тот, который избрали для тебя. Все равно, - глухо сказал старик и вдруг усмехнулся. - Ты же помнишь, мне никогда не нравилось это определение: «Избранный»...

Солнце полностью вышло из-за горизонта и в огромной чаше пустоши заплескалось жидкое золото. Река света разлилась до самой церкви Микаэля на краю Вастуса, она уже лизала белые ступени, ведущие на вершину холма.

Винсент продолжал уверенными быстрыми мазками накладывать краски на холст, только крыльями прикрыл от солнечного диска голову. Когда же солнце прожгло незащищённую правую руку до кости, так что невозможно стало держать кисть, он согласился покинуть убежище на колокольне церкви Микаэля. Через люк в полу по винтовой лестнице он спустился в тёмный зал, заваленный хламом из остатков скамей и церковного убранства.

Крылатая тень, наполовину сожженная за краткие мгновения спуска, осыпалась ключьями. Винсент прислонился к стене, прижался щекой к холодному камню и застыл так, боясь малейшего движения воздуха. Боль от ожогов, которую не замечал на колокольне, пришла как всегда резко, одной ужасной, топящей остальные ощущения волной. В который раз он, чужая кукла, пожалел, что не может хотя бы потерять сознание, если на то нет воли его хозяйки.

Темнота шевельнулась. Девушка - маленькая, очень юная шатенка оторвалась от запертой двери и пошла к вампиру. Не дойдя шага, остановилась и принялась расстёгивать пуговицы на горловине платья.

Потом он пил её кровь - крохотными глоточками, чтобы она оставалась в сознании и могла остановить его в любой момент. Девушка слабо вскрикнула только в момент укуса. Дальше она молчала, тело тряслось мелкой дрожью - от страха и желания. Она готова была отдать бессмертному всю свою кровь и не помышляла прекратить ритуал. Неприятно. Поэтому Винсент скоро отступил, машинально утёр губы.

- Что ты! Так мало... - искренне огорчилась девушка.

- Мне хватит. Стелла, не делай так больше. Здесь достаточно пищи.

- Летучих мышей?!

- Нет.

Винсент улыбнулся. Боль от ожогов ушла, но повреждения едва начали восстанавливаться. Держась за стену, он добрался до угла зала и отыскал свою сумку.

- Что там? Стабилизированная кровь? - спросила Стелла, обнаруживая неплохое знакомство с предметом. Винсент кивнул, открыл бутылку и, теперь не пытаясь сдерживаться, ополовинил её.

- Ты мною совсем не насытился! - хихикнула подруга.

Винсент улыбнулся, кончиками пальцев проверяя: да, от ожогов не осталось и следа. Если б тут было зеркало, он увидел бы ту же красивую фарфоровую куклу, какой был уже два года. Навеки застывшая, несбывшаяся мечта его дражайшей тетушки...

Хорошо, что зеркала здесь не было.

Стелла, не подозревающая о темных думах друга, с обожанием смотрела на него. Винсент испугался, что сейчас она, как и позавчера, заговорит о «капле бессмертной крови» и поторопился изменить направление её мыслей поцелуем.

Юный красивый крылатый вампир без клейма ночного убийцы, он пользовался немалым успехом у столь же юных жительниц Короны. «Винсент, ты прекрасен, я твоя жизнь!», «Да, дитя Тьмы, возьми меня всю до капли!», «Мы полетим над спящей Кардой и будем смеяться в лицо ночи!» - с разными вариациями Винсент слышал это почти каждую ночь. Число поклонниц возросло, когда он познакомился с Агером и его компанией «революционеров», а живые горячие тела еще способны были согреть его, как любого *carere morte*. Это отвлекало... на время. Но суть вставала пред глазами всякий раз, когда Винсент провожал очередную девушку в холле дома Вако. В самый неожиданный момент он встречался взглядом с собственным отражением в зеркале Регины... и видел куклу, пляшущую на ниточках безмолвного невидимого кукловода без собственной воли и цели - и более ничего.

Он был избавлен от вампирского голода, живая кровь нужна марионеткам только чтобы заживить повреждения. Хотя Винсент скорее согласился бороться с голодом, чем с тем, что ему досталось... Как осознать подчиненное существование марионетки, когда не уверен ни в собственной памяти, ни в чувствах, ни даже в мыслях? Как принимать слезы и клятвы Миры, надеющейся исцелить его вопреки всему этому? И он не мог просто прекратить все и умереть: хозяйка запретила ему умирать. Сколько ни старался Винсент задержаться подольше на солнце, сколько ни клонился над чашей источника в Доне, невидимая сила отталкивала обратно. Возвращала в заданное хозяйкой состояние не-жизни и не-смерти.

Оставалось забыться - в новых картинах. Перекладывать в краски впечатления, которые были только его, личные, просто потому, что хозяйка сейчас была в другом городе. Создавать себе малое подобие жизни...

Первый год Винсент рисовал руины старого города: в сумерках и ночью, когда старые камни призрачно светились в темноте, на второй год он надолго был заморожен предрассветной пустошью. Но всё было не то. Он безжалостно уничтожал почти законченные этюды, пока однажды на колокольне церкви Микаэля не обернулся к городу перед самым рассветом - и сюжет был найден.

Винсент работал увлеченно, почти переселился в церковь. Он бесстрашно взял самый большой холст, хотя до сих пор не рисовал картины таких размеров. В этот раз он был заведомо уверен в успехе...

Они со Стеллой устроились на полу, на его расстеленном плаще. Пришлось опять распахнуть крылья - девушка любила дремать в их холодной, мягкой как ласковая смерть колыбели. Стелла уютно устроилась у него на груди и скоро залезла любопытными пальцами в вырез рубашки. Винсент не отвечал на робкую ласку, он равнодушно следил за огоньком свечи. Когда-то пламя вызывало в нем живой отклик, он еще помнил, но со смертью все исчезло. Только яростное рассветное солнце еще будило какие-то прежние чувства, эмоции. Когда он смотрел на него, даже просто нарисованное, хотелось, так хотелось обрезать нить хозяйки, держащую его. Кануть уже в пустоту навсегда... или взлететь в небо!

- Я давно хотела спросить, - шепнула Стелла. Девушка вела пальцем по следу от серебряного кинжала. - Откуда этот ужасный шрам?

- Это от серебра. Повреждения от посеребрённого оружия долго заживают у вампиров.

- Тебя ловили охотники?

- Нет, - он замялся. - Этот удар... прекратил мою смертную жизнь.

- Так ты умирал?

Винсент поморщился как от краткой боли, хотя той боли совсем не помнил - вряд ли это хотела помнить Мира. Отвечать он не желал и сделал вид, что ему все равно. Он равнодушно уставился в разбитое окно старой церкви. Там, в шумном мире смертных, солнце продолжало свой путь... Стелла затихла, убрала руку. Потом, испугавшись молчания, порывисто обняла.

- Ты узнал, что там, за гранью?

- Там? - удивительно, простой вопрос почти растопил лед, почти зажег интерес. Взгляд Винсента не отрывался от золотистого рассветного неба за искореженной решеткой церковного окна. - Знаешь, там... ветер.

- Ты странный. Точно кукла на ниточках, - прошептала девушка. Прижалась крепче: доверяла сокровенное. - То совсем-совсем равнодушный, безвольный... неживой. А то вдруг словно что-то потянет за ниточки - и оживаешь. Когда ты рисуешь, когда рассказываешь о будущих картинах, когда целуешь меня, когда, вот как сейчас о ветре, говоришь что-то хорошее - ты живее многих, многих моих живых друзей! А потом что-то отпустит ниточки, и тебя снова... будто и нет.

Он вяло улыбнулся:

- Подходящее сравнение.

- Ну вот, опять! Не уходи, - она вцепилась ему в ворот смешными коготками. - Скажи еще что-нибудь. Расскажи сказку.

«Сказку...» - слишком много воспоминаний о том времени, когда они с Мирой были влюблены в одну сказку, навалилось. Светлые, ясные в смертной жизни, сейчас, сквозь вуаль безнадежности, они виделись тусклыми и тяжелыми как грязно-серая, лишенная солнечного света мазня неумелого художника... Винсент закрыл глаза.

- Хорошо, - свой глуховатый голос он услышал словно со стороны. - Но ты заснешь уже в середине, как обычно.

- Сказку про любовь... Только не про Охотника и Майю. Не люблю сказки про охотников.

- Хорошо, - Винсент усмехнулся. - Это будет сказка про другую бессмертную любовь. История Эрвина и Лелии...

Под закрытыми веками вспышками замигали выхваченные памятью строки из старой книжки, что Латэ дал почитать сразу после обращения. «История Эрвина и Лелии повторяется через века», - сказал тогда глава. А Винсент читал, читал, и все никак не мог взять в толк, что старик имеет в виду. Только сердце уже все поняло и стыло в груди ледышкой.

Эрвин был вампиром, Лелия, его возлюбленная, смертной - дочерью герцогов Карды. Она была юной девушкой, любила солнце, ветер, утреннюю росу на траве... Она любила смотреть на облака в небе и представлять их сказочными птицами. Она рисовала цветы яркими красками, и сама была как цветок. Она знала лишь день, а ночью, как и все смертные, закрывала глаза и видела сны. Строгие родители запирали её в комнате в самой высокой башне замка. Там она засыпала, и Эрвин тихо входил в её окно.

Лелия считала Эрвина сном. Он был её-крылатый-сон. Они летали над спящей Кардой. Он надеялся, что, увидев красоты Ночи, она полюбит и Её, но Лелия не смотрела вокруг и не

видела ничего, только его. Перед рассветом они прощались.

- Почему ты не можешь остаться? - спрашивала Лелия и протягивала к нему руки.

- Я не такой, как ты, - отвечал он и уходил.

Однажды она попросила:

- Так расскажи, как стать такой, как ты? Я хочу быть с тобой всегда: и ночи, и дни.

Carere morte не вправе отказывать в своём проклятии тому, кто жаждет бессмертия. Но Эрвин оставил Лелию смертной. Он видел, солнце было ей всё же милее, чем он.

Больше он не приходил к ней. Только издали любовался ею, ночами охраняя её дом и её сон. А Лелия уже не могла обрести при свете солнца ни любви, ни покоя. Она грезила встречами с Эрвином. Она была слишком юна, чтобы различать сны и явь! Каждый вечер она молилась, чтобы вернулся её крылатый сон, и возлюбленный приходил к ней. Они держались за руки, она улыбалась ему... а на самом деле темноте и пустоте своей комнаты, ведь это был лишь сон, обман.

Она начала болеть, таять, всё больше времени проводя во снах и всё меньше в жизни. Родители приглашали докторов, а те лишь обескуражено разводили руками и советовали поспешить с замужеством. Но однажды «Эрвин» вновь пригласил Лелию полетать, и она шагнула за ним в окно: она не умела узнавать сны и обман!

Она упала с самой высокой башни замка и разбилась насмерть. Настоящий Эрвин не успел подхватить её! Когда он пришёл к её дому, родители уже погребли тело Лелии в склепе. Он нашёл свою возлюбленную мёртвой, твёрдой и холодной как камень.

В тёмном зале горели свечи, она лежала на каменном ложе, усыпанном яркими цветами. Лицо её было закрыто вуалью: она сильно разбила его при падении, но Эрвин откинул вуаль, не испугавшись, не отвратившись, поцеловал её истерзанные разбитые губы, а потом закричал, отрицая её смерть, споря со Смертью: «Она жива! Она будет моей!» Должно быть, он плохо видел от слёз, ведь Лелия была мертва, давно мертва.

Но он поделился с покойницей бессмертием, и девушка очнулась, открыла глаза, приподнялась. Ненужная вуаль, рассыпав цветы, легла на каменный пол, и слёзы Эрвина высохли: Лелия вновь была прекрасна, юна, весела; она улыбалась, протягивая к нему руки.

Теперь они могли быть вместе всегда: и ночи, и дни. Эрвин забрал Лелию к себе, поселил в лучшей комнате своего дома. У неё появился собственный новенький гроб из светлого дерева. Ночами Лелия была послушна и весела, лицо её светилось в лунном свете, и радостная улыбка не сходила с него, она вновь не смотрела вокруг - только на него. «Ты забыла солнце?» - спрашивал Эрвин, ревновавший её к вечному источнику света. «Да, - отвечала Лелия. - Я люблю тебя». Днём же, когда Эрвин крепко спал, она, бессонная, вертелась в своём гробу. Она не знала солнце, но помнила, что мертва, давно мертва. Она была в тоске и сдирала в кровь пальцы, царапая изнутри свой новенький красивый гроб... -

Стелла, как Винсент и предрекал, быстро заснула. Лицо, и так бледное после кровопотери, побелело ещё больше, пальцы совсем заледенели. Конечно, замерзла в объятиях лишённого жизни! Винсент уложил ее, укрыл своим плащом, как одеялом. Солнце взбиралось на высшую точку небосвода, яркие желтые пятна света медленно, как облака по небу, плыли по серому пыльному полу церкви. Он ушел в самый темный угол, там опять прислонился к стене, закрыл глаза.

История Эрвина и Лелии... Их с Мирой история. Поддавшись безумию, carere morte подняла его своим проклятием. Подняла - но не воскресила... Его в этом теле вовсе нет. Его память - это то, что помнит о нем она, его мысли - то, что, она думает, должен думать он,

его чувства - то, что ему позволено чувствовать ее подсознанием. Его злость, ярость, апатия - это ее злость, ярость, апатия, ее островки разума в океане сумасшествия. Злость на себя - за то, что заперла племянника в клетке, не найдя силы отпустить, ненависть к смерти, что на самом деле победила, апатия оттого, что случившееся в Призрачном парке невозможно исправить никаким Даром.

Винсент вздрогнул и открыл глаза. Оказалось, он продремал несколько часов. Эти бредовые мысли о собственном не-существовании еще отвратительней Проклятия Алитера - затягивают, как болото... Кем бы он ни был, он существует. Сейчас. Пусть мысли, чувства, память нанизаны на стержень воли хозяйки, но так и чары Карды туманят разум здешних жителей, нанизывают на свою нить, и все же это зовется жизнью.

Стелла уже проснулась и ужинала захваченным из дома съестным. Увидев, что друг проснулся, она улыбнулась:

- Агер сегодня собирает наших под мостом. Ты идешь?

- Иду, - нежданно для себя легко согласился Винсент, хотя еще утром собирался отказаться.

На собрания к Агеру ходили в основном молодые люди, жители небогатого Сальтуса и многолюдного разнолицего Патенса. Все те, кому в год Большой Охоты Дэви было, как и Винсенту, пятнадцать-семнадцать, и все, как и он, лишились в ту ночь кого-то: матери, отца, сестры или брата, друга, любимого. Собрания начались с целью организовать противостояние Дэви - подобные спонтанные сборища в Карде возникали всякий раз, как владыка покидал город, и ни Дэви, ни орден не препятствовали им. Чары Карды все равно быстро брали верх над прозревшими горожанами, и собрания рассасывались сами собой. Потому Винсент редко ходил туда - как помочь им сбросить новое покрывало чар, он не знал, и не хотел видеть еще одну гибель нужного начинания.

А сегодня подумалось: вдруг, его судьба связана с судьбами молодых людей Агера? Они несвободны точно так же как он, может, они помогут друг другу освободиться?

Вечер был пасмурным. Пока они со Стеллой добирались до Старого моста, Винсент то и дело поглядывал в серое небо, мокрой шалью нависшее над Кардой: похоже, работу над картиной придется отложить... Под мостом собралось добрых три десятка человек, места почти не было. Кое-кому пришлось даже забраться по колено в воду. Только в одном месте на берегу толпа расступалась, обозначая главаря, направляющего - рыжеволосого, крепко-сбитого, очень уверенного и энергичного парня - Агера. Он был электрической искрой, от которой ток распространялся по толпе, заставляя биться угасающую волю. Винсент не сомневался, Агер сдастся чарам последним. Если сдастся... Возможно, бунтовщик останется зрячим до конца, и его убьют или Дэви, или орден, как многих нарушителей Равновесия до него.

Агер приветственно кивнул подходящим, остальные радостно загалдели. Одобрительная разноголосица и аплодисменты на миг ошеломили Винсента. Сколько он ни бывал на собраниях, каждый раз приводила в замешательство реакция этих странных людей на вампиров. После ночи «Большой Охоты» они должны были ненавидеть любую крылатую тень, но молодежь оказалась то ли легкомысленнее, то ли мудрее. Ненавидели тут только Дэви со свитой, а вампиров-дикарей, наоборот, привечали, видя в них собратьев-бунтарей. Бывший Избранный своей печальной историей так и вовсе вызывал жаркое сочувствие. Жертва прихвостня Асседи и Дэви - герцога Краса... Хитросплетения борьбы с проклятием Алитера, очищения Дара тут никто не понял. Выйти из клетки власть имущих у некоторых

получается лишь ключом смерти - вот, какая идея осела в их умах куда лучше.

Винсент чуть улыбнулся, отвечая на приветствие. Он был смущен, но в то же время обрадован. Эта реакция на него людей, хоть и была построена не совсем на правде, все же была достаточно ярка, чтобы вновь разбудить крохотные капли жизни.

Собрание обсуждало бесчинства вампиров Дэви в последние две ночи. Знамени над «Тенью Стража» не было, но крылатых слуг владыки в городе видели то тут, то там.

- Вчера всю ночь кружили над домом Вальде, - говорил Агер. - Совсем не скрываются.

- Орден даже не выставил против Дэви отряды, - вяло дополнил кто-то. Еще недели назад тут кипели споры и на ходу создавались лозунги... и вот, все затихало, серело под новым покрывалом чар. К счастью, голос Агера был все так же громок:

- Охотники, пока они служат Красу, нам такие же враги как Дэви. Как Асседи! - крикнул он. И продолжил тише, но очень уверенно: - Интересно другое: что выход слуг Дэви в город совпал с коронацией Константа Асседи в Доне! -

Агер в последнее время будто и сам чувствовал: инициатива уходит от группы, люди сдаются вампирским чарам. Его ненависть обратилась не на Дэви - на Династию. Интуитивно он нашел другую чашу весов - Арденсов и, не в силах расшатать вампирские законы Равновесия, занялся другой его половиной, другим главным законом земли страха: быть покорными воле Арденсов.

Слова были встречены общим одобрительным гулом, все на миг стряхнули чары. Агер вновь взглянул на Винсента и поощряюще кивнул, надеясь на какие-то его слова... Но что он, кукла, может сказать?

- О связи Асседи с *carere morte* я прочитал в архиве ордена, - заметил Винсент. - В закрытой части архива, куда имеют доступ очень немногие, присягающие на верность лично Красу.

- И вскоре после того Крас тебя запер! По приказу Асседи! - эмоционально дополнил Агер. Винсент вздохнул. Совсем не хотелось вновь вспоминать все, что на самом деле тогда произошло.

- Это длинная даже без моего в ней участия история, - сказал он. Стелла шикнула на кого-то, приготавливаясь слушать. Она глядела на *carere morte* со знакомым обожанием. Сейчас она опять видела в нем что-то... живое, это вдохновляло говорить дальше.

- Первый Арденс был создателем первого *carere morte*... - начал он. Его слушали вроде бы внимательно, но голос понемногу угасал - Винсент видел, что глаза людей заволакивает знакомый туман чар. Это был туман безысходности: они знали о вампирах и об Арденсах, только не знали, что с этим знанием делать. Как разрушить столь мощное проклятие, которое днем и ночью, неустанно пожирает твою волю?

- Крепкая цепь, - пробормотал Агер, когда Винсент закончил. - Чем же ее разрушить?

- Не знаю. Но я думаю, проклятие *carere morte* сцеплено не только с вампирами и Арденсами. С чарами оно попадает внутрь каждого из нас, - нежданно севшим голосом сказал Винсент.

Меж тем подошли еще люди, и под мостом стало совсем тесно. К тому же зашелестел дождь. Тогда Винсент махнул рукой.

- Ай-да в дом Вако, - весело сказал он. - Приглашаю, как хозяин. Продолжим обсуждение в жилище ведьмы.

Прошедшие годы не оставили следа на старинном доме. Только внутри стало пустовато: чтобы раздобыть денег на краски и холсты, Винсент начал распродавать мебель. Зато всем

гостям теперь хватало места.

Разговоры затянулись до глубокой ночи, и Дэви с Асседи в них упоминались все реже. Двое парней принесли ящик пива и хлеб с копчеными колбасками. Винсент же последний час не принимал участия в разговорах. Опять нахлынуло равнодушие ко всему. Напрасно он пошел на это собрание! Смеющиеся, спорящие гости казались одинаковыми куклами, бестолково пляшущими на ниточках кукловода- Агера, а собственная речь под мостом осталась без вывода, без цели - без смысла. Все в Терратиморэ давным-давно прокляты, и уничтожить проклятие *carere morte* они могут лишь вместе с собой. Вырвать с кровью, с мясом... с жизнью. Без этих чар их не существует, точно также, как и Винсента Линтера не существует без проклятия хозяйки... Винсент вышел в холл и остановился у зеркала Регины, лбом упершись в верхнюю часть рамы. Глядел в глаза своему расколотому отражению... и ничего не видел. В черноте зрачков была Пустота - и ничего более. Она даже не таилась, безыскусно, просто смотрела из разбитой зеркальной глубины - остановившийся, пустой взгляд мертвеца.

- Винс? - Стелла робко подошла, но остановилась в нескольких шагах, напуганная его неживой неподвижностью. - Пойдем завтра на колокольню?

- Нет.

- Почему?

- Солнца завтра не будет.

Она подошла ближе, так что тонкая фигурка отразилась в зеркале: неожиданное светлое пятно платья и лица посреди крошечной тьмы.

- Жуткое зеркало, - ее губы кривились. - Разбитые зеркала приносят несчастья, зачем оно здесь?

- Оно охраняет тайник Регины.

- О-о... - протянула Стелла, и Винсент поспешил ее перебить:

- Вскрывать этот тайник нельзя. Кто-то мне давно рассказал, Регина перед смертью напороочила: когда вскроют ее тайник, рухнет, может, дом, а может... мир.

- Зря ты смотришься в ее зеркало.

Винсент раздраженно дернул плечами:

- Ничего особенно ужасного я в нем не вижу.

Неизвестно почему эта обыкновенная фраза, сказанная глухим, неэмоциональным голосом, ужасно расстроила ее. Стелла убежала в слезах. Вскоре после того разошлись и все гости. Остался один Агер. Он нарочно ждал, когда останется с вампиром один на один, и Винсент уже примерно представлял, что тот хочет сказать.

Агер в ночь Большой Охоты никого не лишился. Его семья разбилась и рассыпалась раньше: отца сослали на каторгу по приказу Короля за поддержку революционной страны Восхода, мать с младшими детьми бежала на восточную границу, и там сгинула. Агер не пострадал от Дэви, его жажда мести алкала другого - Асседи. Молодежью Карды он пользовался, чтобы провести свою идею.

- Ты хорошо сегодня сказал, - похвалил он, как и Стелла. - Я бы не додумался. Вон, как завернул: проклятие внутри каждого из нас. Только непонятно вышло. Сказал бы просто: страх наш враг. Страх тоже есть в каждом.

- Я говорю то, что сам про себя знаю. Страх во мне не осталось, - тихо сказал Винсент.

- А ярости? Злости?

Винсент молчал.

- Это ведь Арденсы сделали с тобой, - Агер чиркнул спичкой, закурил. - Крас, Асседи... Найди для них злость, ярость, и побольше. Но холодных, расчётливых. Вы, *carere morte*, ярко и жарко разгораетесь, да быстро тухнете. Для того, что я хочу сделать, мне нужен соратник, который горел бы ровно и долго. Ты мне нужен, Линтер, как идейный лидер. Я чувствую, люди уходят от меня. Опять под чары Карды... Ты сможешь сказать им правильные вещи.

- Я, Агер, кукла, а не кукловод, - пробурчал Винсент то ли ему, то ли собственному отражению.

- Куклы не живут. Я думал, ты хочешь жить.

- Я... думаю над этим, -

На миг показалось, в хищной кривой ухмылке растянулись собственные губы, но нет, просто морок ведьмы-Регины. В Пустоте, где его подвесило проклятие Миры, не было места эмоциям, даже злым.

Агер, не дождавшись более развернутого ответа, нахлобучил помятую шляпу, под широкими полями которой можно было легко спрятать от дождя огонек сигареты, и вышел.

Тетушка решила навестить его дождливой осенью. Раньше она выбирала зимнее время: январь, февраль, Винсент полагал, из-за воспоминаний о Призрачном парке. Он, как и всегда, почувствовал ее издали, когда *carere morte* еще даже не влетела в пределы Карды. Ничего похожего на прежнюю чувствительность Избранного, теперь это была железная цепь связи с хозяйкой. И она натягивалась и натягивалась, обматывала по рукам и ногам, окончательно спеленывая волю, пока Мира летела над городом. Винсент успел только прикрыть летнюю картину, что рисовал на колокольне. Остальные впечатления-картины, что ж, придется разделить с хозяйкой. Он больше ничего не мог делать. Только стоять посреди пустой, не считая этюдов, гостиной, последним самостоятельным движением скрестив руки на груди, и ждать.

Мира неслышно, осторожно скользнула в окно и, скинув мокрую от дождя тень, устроилась на подоконнике.

- В Карду пришли дожди, - звонко заметила она, с любопытством оглядывая без мебели кажущуюся огромной как зал комнату. - Вижу, ты решил избавиться от старой мебели? Молодец!

Винсент, хоть и знал наперед эту ее реплику, смутился:

- Прости. Мне нужны были деньги на краски и холсты. Добрый вечер, тётушка.

- Да, чудесный...

Мира соскочила с подоконника, прошла по гостиной. Шаги гулко отдавались в пустом зале. Маленькая, бойкая фигурка в латанной-перелатанной черной блузе и брюках - костюме для тренировок с охотниками. На спине, на левом бедре полусмытые пятна желтой краски от попавших «тренировочных» болтов, а во взлохмаченных как всегда волосах запуталась веточка рябины с несколькими ягодами: торопясь, Мира сократила дорогу через Приречный парк, тесноватый для ее тени. Винсент с доброжелательной, будто приклеившейся к губам улыбкой следил за перемещениями тетушки. Только б сейчас не встретиться с ней взглядом...

Вопреки окружившей тело цепи связи, он не чувствовал уже ненависти, злости к той, что его заковала. Вблизи Винсент видел хрупкость и нервозность Миры. Хрустальная статуэтка, пошедшая трещинами - то было ее безумие. Но каждый изгиб - любим. Он никогда не был полностью свободен от запретного чувства к ней: ни в жизни, ни в смерти.

- Как красиво! А что здесь? - вот она и обратила внимание на его последнюю, закрытую

покрывалом картину на мольберте.

- Сама не угадаешь? - ровно спросил Винсент, стараясь не выдать теперь всплеснувшие, совсем живые эмоции голосом.

- Чей-то портрет? - сделал догадку Мира. Прищурившись, нахмурилась. - Хм... Да точно. Портрет кого-то из друзей?

- Почему ты решила, что там портрет? - дрогнувшим от надежды голосом заметил он. Неужели, удалось сохранить нетронутым от хозяйки кусочек нового себя?

- А что еще ты мог бы захотеть от меня скрыть? Должно быть, там какая-то девушка... - сделав круг по комнате, Мира вернулась к окну. Племянника обошла стороной и также старалась не смотреть на Винсента, как и он на нее, опасаясь поймать взгляд - как кинжал сердцем.

Винсент усмехнулся: ревнует?

- И не одна, тетушка. Групповой портрет в будуаре.

- Ты ведь... Не обратил никого из своих любовниц? - тревога прорезалась в ее голосе. - Девушки бывают очень настойчивы, когда речь заходит о бессмертии...

Теперь нахлынуло раздражение: до какой же степени она до сих пор не понимает ситуацию! Когда наконец она осознает: он не может никого обращать! Даже если б захотел... Куклы не способны обращать!

Винсент криво улыбнулся, теперь другим уголком рта:

- Что вы, тетушка! Конечно, нет. Я примерный мальчик.

- Я слышала, летом в Карду возвращался Дэви. Вы с ним не встречались?

- Его куклы следили за мной, когда я рисовал на колокольне, но сам владыка не приходил, нет.

- И в наш дом он не входил?

- Проклятие Регины, тетя. Да и... без Дара и без Проклятия Алитера владыке неинтересен.

- Ну да, - она резко усмехнулась. - Так же, как и я. После Большой Охоты он меня помиловал, думая воздействовать на тебя через меня, а сейчас мы оба для него мусор. Но это и неплохо. Он совершенно не ждет от меня удара. -

Мира ждала, племянник спросит, что она задумала, но Винсент молчал. Знал все и так. И что в ордене у нее нашелся помощник - знал. Может быть, когда-нибудь они с Хортором и правда отыщут нового Избранного... Винсента же более всего занимало, как не выдать то, что его сейчас переполняло: ни взглядом, ни тоном, ни выражением лица, ни жестом. Когда они сближаются так, расколотое надвое единое, их начинает тянуть друг к другу, как две планеты. Разрывающее до пылинок притяжение - она ведь тоже его сейчас чувствует? Потому что если он кукла - то, что чувствует он - лишь ее отраженная подавленная страсть...

Мира опять прошла по комнате и остановилась, теперь ближе к нему, в двух шагах за спиной - так что цепь, связавшая их, не выдержав, рассыпалась. Осталась другая, еще крепче - вздрагивающая нить биения ее медленного сердца, дающего каплю жизни и ему.

- Я заметила в холле под зеркалом связку бутылей, которую оставила в прошлый раз, - тихо сказала Мира.

- Ну и что?

- Она вся на месте. Ты не пьешь кровь, что я привожу. Значит, сам охотишься? - голос напряженно зазвенел.

- ...Да, - помедлив, соврал Винсент. Но от лжи стало тошно. Сейчас бы повернуться,

сделать те два шага к ней, взять ее лицо в ладони, чтоб не вывернулась, и вывалить сразу всю правду! Да пострашнее, пожестче. Выкричать сразу все ругательства, которые крутятся в голове с ночи обращения, чтобы Мира объяснила, наконец, зачем сделала это. Призналась себе, что она чувствует!

- Винсент, только не сорвись сейчас, когда до излечения осталось совсем чуть-чуть, - прошептала Мира. - Ты же не убиваешь, когда пьешь кровь?

- Нет. Не тревожься.

- Как тебе... такое существование? Мы так и не поговорили...

- Ты же справляешься с вечностью. Почему думаешь, не справлюсь я? - все-таки злость, вовсе не связанная с тем, что говорил и чувствовал, вырвалась наружу. В тоне прорезались нервные визгливые нотки, абсолютно чуждые ему при жизни. Теперь он был ее задавленной истерикой. - Думаешь, я слишком слабый для этого? Я знаю Пустоту так же глубоко, как ты. О, да! Пустота без целей, без идей, без смысла, без страха, без конца... Гармония Ничего. Мое... наше существование можно назвать идеальным, тетя.

Лицо Мира искажилось в ужасе. Какого призрака она увидела? На миг их взгляды все же встретились, и Винсент понял. Она увидела в нем Алана, свою первую любовь.

Эту версию безжалостный Латэ тоже ему поведал - что Мира сделала куклу даже не в память о нем, а в память об Алане... Думать об этом было тошно. Будто его обрядили в нелепую чужую одежду и выставили на посмешище. Неужели, действительно? То, что чувствует он - не его мучительная страсть, а романтическое представление Мира о том, что когда-то чувствовал к ней тот, давно канувший в Пустоту, ее брат?!

- Винсент? - пролепетала Мира, хотя совсем другое имя рвалось с ее губ. Винсент тяжело выдохнул и повернулся к ней. Прошел проклятые два шага и притянул ее лицо к себе. Грубо запустил пальцы в ее волосы, которых столько лет, затаив дыхание, мечтал хотя бы коснуться. Прижался губами к ее холодным мягким губам. Кого она хочет видеть сейчас на месте бесправной марионетки? Винсента? Алана?.. Ее губы не раскрылись навстречу ищущему, жадному поцелую - по-прежнему тайник. Миг оторопи прошел. Мира вырвалась и отвесила ему пощечину.

- Ты... - выдохнула она.

Пока она не назвала какое-нибудь, все равно, какое его имя, Винсент выскочил в холл.

Осознание, что он только что сделал, потрясло, он вцепился в раму тяжелого старинного зеркала, так что едва не свернул его на пол.

Хозяйка внушила ему поцеловать ее или это был собственный порыв? И что, если благодаря ему, Мира сейчас поймет суть их связи?!

Последнего Винсент вовсе не хотел. Нет, нет, не сейчас. Трещины безумия в ее разуме еще слишком велики. Мира не выдержит, разобьется...

Он хорошо помнил, чем кончилась сказка об Эрвине и Лелии.

...Долго так продолжалось: годы, десятилетия, века... Но, говорят, однажды крышка гроба Лелии истончилась настолько, что начала пропускать лучи солнца. Заметив ожоги на её чудесной бледной коже, Эрвин уложил её спать в свой гроб, а сам лёг в её постель. Тогда он заметил ужасные зарубки. «Отпусти меня», - прочитал он в неровных, тёмных от пропитавшей их крови полосках. И он постиг ужас своего деяния: его Лелия мертва, давно мертва! Перед ним лишь кукла, сплетённая из нитей его воспоминаний, призрак, который он сотворил своим проклятием! Нет, меньше чем призрак: тень настоящей Лелии! Нет, меньше чем тень: сон-обманщик...

Следующей ночью он призвал свою рабыню и спросил:

- Здесь ли ты? С кем я говорю?

- Её нет здесь. Одно твоё проклятие, - сказал призрак Лелии.

Но Эрвин подошёл к ней, обнял, покрыл поцелуями её лицо и руки. Она была холодна и безжизненна, как все *carere morte*, но радостно отвечала на его ласки, как все, кто любит и любим. И он увидел на её лице отражение собственной улыбки...

- Я всё ещё люблю память о тебе, - тогда сказал Эрвин. - Но я помню! - крикнул он, указывая на её гроб, - вспоминаю во сне, когда заботы отступают, как ты любила солнце! Иди. Я отпускаю тебя.

Тогда Лелия улыбнулась. Другой, не его улыбкой. То была знакомая всем *carere morte* пустая, холодная усмешка из разбитого зеркала:

- Только прикажите, куда идти, господин.

- Иди, посмотри, как рассветает, - еле выговорил Эрвин. - Раньше ты это любила...

Лелия послушалась. Она выполнила его приказ с похвальной точностью, и её пыль кружилась в воздухе, поблёскивала искорками, встречаясь с лучами солнца, до самого вечера. Эрвин пережил Лелию всего на одну ночь. Этой последней ночью он сжёг её страшный гроб, сжёг весь свой дом. Но, бессильный сжечь свою память, встретил следующий рассвет там же, где его любимая.

История Эрвина и Лелии... Их с Мирой история. Не так важно, как именно Мира узнает правду, важно, что будет, когда она узнает правду. Сможет ли жить дальше без него, если один раз не смогла?.. Винсент возвратился в гостиную - спокойный, холодный, нарочито тихий - как в начале разговора. *Carere morte* застыла у окна, вцепившись в подоконник, спиной к нему. Услышав шаги племянника, Мира не обернулась, но разомкнула губы.

- В последнее время ко мне на тренировки зачастил Даниель Гесси, - будничным тоном сказала она. - Ходят слухи, он собирает отряд для поисков Дара, присматривается и ко мне. Так что, может быть, уже скоро... - она не закончила, надеясь, что закончит он, поддержит ее надеждой. Винсент снова промолчал.

- Слышала, ты связался с какими-то революционерами... - неестественно бесстрастным тоном наугад заметила она.

Винсент усмехнулся, подошел близко, так, что, будь они живыми, почувствовали бы тепло тела рядом. Осторожно выбрал у Миры из волос рябинки. Злости, страсти больше не было, было смирение, и собственное или вновь внушенное - неважно.

- Они неплохие ребята. Как твои бывшие друзья-дикари. Только недолго продлится эта дружба.

- Почему?

- Скоро они разбредутся кто куда. Чары Карды туманят им мысли. Как всем нам.

Он совсем не хотел ее задеть, но опять причинил боль. Лицо Миры нервно дернулось и застыло маской противоестественного спокойствия.

- Скажи им, чтобы не клялись больше Арденсами. Эта фамилия сама как чары.

- Кто тебе сказал?

- Карл. А ему - граф Вальде. Неважно. Винсент, когда я найду Дар...

- А это уже - мне неважно.

Опять наступило молчание. Мира опустила голову. Винсент чувствовал ее позу как свою, а ее скрываемое напряжение кололо и его тело.

- Я всё равно найду способ помочь тебе, - сквозь зубы пообещала она его отражению в

оконном стекле. Винсент вздохнул.

- Неважно, потому что Дар не спасёт меня, - предельно мягко, как говорят с детьми и больными, сказал он. - Оставь это, Мира. И оставь нового Избранного - он ведь такой же человек, каким был я! Не делай с ним то, что спор Дэви и Краса сделал со мной. Дай ему просто жить. И сама живи. Занимайся тренировками, заводи новых друзей...

- Я найду способ!

Carere morte преобразилась. Несколько взмахов сильных крыльев, и ночь за окном вновь поглотила ее. Винсент же, едва цепь их связи разомкнулась, откинул покрывало и вновь обратился к картине. И скоро совсем забыл и о мучительной встрече с Мирой, и о безнадежности своего существования, и о времени...

Под утро пришла Стелла. Как всегда, замороженная темной глубиной зеркала Регины, надолго остановилась в холле. Потом прошла в гостиную.

- Винсент, - робко позвала она. Он едва кивнул, и девушка скользнула к нему.

- Ого, как ярко! Так не бывает! - она даже прищурилась, увидев картину. Недовольный, Винсент все же отвлекся.

- Что? Гм, может быть. Настоящего солнца осенью нет, приходится выдумывать.

- Все равно красиво. Винсент, Агер просил, чтобы ты непременно пришел сегодня на собрание.

К Агеру он не являлся уже давно, поглощенный творчеством... Винсент нахмурился:

- Что, совсем плохо, Агер хватается за соломинку?

- Ну... да. Только ты хорошо подумай, что им скажешь.

- Мне нечего... - уже привычно начал Винсент и застыл с кистью в руке, поняв: после визита Миры есть, что сказать людям Агера! И это даже необходимо сказать! Разбредется группа или нет, это в земле страха должен узнать каждый.

Он выскочил из дома без верхней одежды и зонта, оставив картину незаконченной. Стелла едва поспевала за ним.

Под Старым мостом теперь легко помещались все пришедшие - десять человек. Но Агер до сих пор не утратил веры в них, он по-прежнему был центром и искрой собрания. Злость, подпитывающая его, была неиссякаема. Что ж, Винсент знал, как сделать его призывы к свержению власти вампиров более действенными.

Увидев Винсента, Агер быстро свернул речь. Он посветлел, будто лицом встал к его последней незаконченной картине. Винсент знал, что так отражается на лицах, видел прежде - в Призрачном парке, сквозь туман боли и безнадежности смерти - на лице Миры. Надежда.

- Ты пришел без страха? - спросил Агер. - Я сейчас у всех это спрашиваю.

- Я уже говорил.

- А... со злостью?

- Я летом оборвал речь, не сказав главного. Потому что тогда не знал. Теперь есть, чем продолжить. Позволишь?

- Валяй! - глаза Агера энергично сверкнули.

- Я тогда сказал, что чары Карды внутри каждого из нас, но не сказал, как мы заражаемся проклятием, - Винсент, еще решаясь, обвел толпу взглядом. - Это важно понимать, чтобы с ним бороться... Мы заражаемся им через слова.

- Какие слова? - глухо спросил Агер.

- Мне вчера передали это как тайну отступника-Арденса, графа Вальде. Ритуал

наречения имени, свадебный ритуал, клятвы... Во все внесена фраза «На земле Лазара Арденса», и это слова обладают той же идущей из Бездны силой, что проклятие *carere morte* или защита охотников. Произнося их, мы принимаем судьбу - жить, любить, рожать детей, умирать на земле создателя вампиров. Эти клятвы - клеймо, а люди Терратиморэ - клейменное стадо без собственных мыслей о происходящем, бесстрашное... и покорное.

- Это только риторика, - усмехнулся какой-то парень.

- Нет! - увлекшись, Винсент заговорил громче. - Если бы было так, границы земли страха были бы открыты. Нас держат тут слова! «Шагнешь за границу земли Арденсов - упадешь мертвым» - все помнят эту поговорку? Теперь замечаете в ней те же самые волшебные слова?!

Теперь толпа окончательно затихла. Осмысление поговорки, которую все знали с детства, убедило их больше всех высоких слов.

- Винс, скажи им еще раз, кем ты был раньше, - прошептала Стелла в наступившей тишине. - До Краса, до... до обращения...

Комом встало в горле это слово - очень давно он не произносил его. Винсент и забыл, что прежде оно было связано с ним, а не с нынешней безумной целью Миры.

- Избранный, - выдохнул он и сглотнул. - Я был Избранным. Есть такая сказка... Но это такая же сказка, как сказки Карды о вампирах. В них больше правды, чем в учебниках истории. Избранный должен исцелить землю страха от проклятия. Но мой Дар не поделили вампиры с Арденсами. Хотя что им было делить? И Дэви, и Крас, оба одинаково хотели его уничтожить. Чтобы проклятие стояло вечно.

- С таким Даром мы победили бы Дэви, - задумчиво сказал кто-то.

- Можно и без него, хватит легенды о нем, - хмыкнул Агер. - Но Дэви - это меньшая из бед Терратиморэ...

Винсент быстро кивнул.

- Да! Даже если уничтожить Дэви, чары не утратят власть над землей страха. Придет новый владыка - и все. Нужно смотреть дальше... И помнить, чары проклятия - это не вуаль, не ткань. Они не стоят над городом куполом, как Покров ордена. Вы же чувствуете это! - сам он чувствовал, что его будто несут бурные волны, но лишь радовался этому. - Бывало у вас чувство, что вашими эмоциями, мыслями, желаниями управляют, будто к каждой привязана ниточка? Это чары! Виола Нэко, певичка Дэви, прекрасная Мелисса Лакус - они лишь пользуются тем, что было создано задолго до начала их вечности!

- Как же их снять? - пробормотала Стелла.

- Не произносить слова! - крикнул Агер. Глаза лидера горели яростью и радостью: он нашел, как вывести слова Винсента на то, что выгодно ему. - Не произносить слова клятв! Убрать «Арденса» со свадеб и похорон! Скажем прямо сейчас: «Арденсы не владеют моей волей. На земле Арденсов у меня собственная воля!» Это будет новая, единственно правильная клятва!

- Это невозможно. Закон... Наказание... - пробормотал кто-то и его тут же освистали.

- Так мы уберем Асседи и все законы, заставляющие говорить именно эти слова! - заявил Агер. - Теперь вы знаете, принося любую клятву - не произносите проклятое имя создателя Макты! Начнем с этого. А враг... враг скоро нас заметит! Знаете, кто желает посетить Карду? Константин Асседи!

Толпа загудела, обсуждая последнюю новость. Винсент, еще опьяненный речью, глянул на Агера:

«Акция по случаю приезда Короля? Ты серьезно?!»

Агер довольно кивнул, прочитав его вопрос.

- Это наш шанс заявить о себе. Устроим его величеству радушный прием!

- Я с вами, - негромко, но уверенно сказал Винсент. Его захватывала новая идея - точно живое дыхание открывалось. - Но перед визитом Короля наведемся в Приречный парк.

Взоры собравшихся опять обратились на него:

- Зачем?

- Там много рябин, - он достал из кармана веточку рябины, что снял с волос Миры, приложил к груди ближайшей девушки как брошь. Девушка зарделась.

- Нужен определяющий нас значок. В нас нет страха, но страх при нашем появлении должен нарастать в других. Рябина сейчас хороша: зрелая, красная...

- Если ягоды лопнут, вся одежда будет в их соке, - заметил кто-то. Винсент указал на него, отмечая эту реплику:

- Точно! Как пятно крови на груди. Арденсам напомним... то, что с ними делает Макта, когда находит. Еще один импульс страха.

- Да, напугаем Арденсов! - взревел Агер. - Теперь мы зовемся «Гроздья рябины»! Мы снимем чары со всей земли страха!

Винсент поддержал их клич. Сейчас он чувствовал себя единым с этими людьми, хоть они были живы, а он давно мертв. Так ли важно, своим путем он идет, или другие как кукловоды дергают его за ниточки? Главное действовать, только в этом жизнь.

Акция через две недели удалась, и им пришлось «разбежаться». Не разойтись совсем - об этом речи уже не было, но на время. Новую клятву: «на земле Арденсов у меня собственная воля», приняли все. В назначенный час они соберутся вновь в Доне, а пока Агер отправился за помощью на Восток, в страну Восхода. Винсент с ним.

Две недели подготовки он не мог вернуться закончить картину. Лишь в последний перед отъездом день взял в руки кисти... и, глянув на холст, понял, что ничего менять не нужно. Пусть остается неестественно яркой и размытой в деталях как набросок. Такой она и должна быть. Не фотография действительности - фантазия, но в бытии марионетки фантазии и есть реальность. Просто свет, запечатленный на картине, это свет настоящего, а будущего Терратиморэ. Его отблески сияли сейчас в глазах новых друзей-«Гроздьев», и Винсент был готов принять роль их Избранного. Пусть для него, куклы, эта роль будет лишь очередной маской - путь, которым они пойдут к солнцу впереди, будет настоящим.

Глава 17 Тысяча и одна жизнь

После небольшой разминки - в крылатой тени, уворачиваясь от сетей и мешочков с краской, которые заменяли болты, Мира опустила в беседке в парке Академии. Сюда же скоро подошла и группа охотников.

Шел уже седьмой ее год в ордене, а это была не привычная по тренировкам веселая группа новичков или старые друзья, захотевшие устроить с *carere morte* честное соревнование. И командовал теперь не Алекс. Возглавлял пришедших Даниель Гесси, а его охотники готовились уже не к дракам с дикарями - к битвам с вампирами свиты Дэви. Отряд Гесси должен был очень скоро приступить к поискам Избранного и постоянно давать отпор Митто и Калькарам, ищущим Дар со стороны Дэви. Разумеется, в отряд входила единственная *carere morte* в ордене, и основное время тренировок было посвящено не имитации охоты на вампиров, а противоположной ситуации - организации защиты Мира от всех возможных угроз.

- Неплохо размялись, - сдержанно похвалил Гесси, но взгляд холодных светлых глаз не задержался на Мире, похвала адресовалась только охотникам. - Диана молодец.

Диана кивнула. Ее пес, которого она таскала на все тренировки, огромная лохматая овчарка нечистых кровей, звонко гавкнул, будто понял похвалу. Гесси покосился на него и не преминул отметить:

- На поиски Дара твоя собака, Лернер, с нами не пойдет.

- Почему? В рейдах Дик выступает лучше некоторых охотников! -

Диана подбоченилась. Она не боялась спорить даже с Гесси. Порой и Миру увлекала ее бойкость и задор, и она вставала с девушкой плечом к плечу против него.

- Я не убежден, что он будет исполнять мои команды четко и точно, - отчеканил Даниель. Тут уж Мира не удержалась, саркастично улыбнулась:

- А разве насчет меня - убежден?

- Я все сказал. Больше не обсуждается, - отрезал Гесси. - А вы, - наконец-то взгляд на Миру, - повторите-ка еще раз устав охотника.

Неприятная у него была манера общения: к *carere morte* он обращался на «вы», но ухитрялся этим выражать не уважение, а наоборот вечное презрение охотников к лишенным смерти. А уж за глаза Даниель звал ее вовсе пренебрежительным «вампирика». Мира усмехнулась, надеясь, что получилось в тон ему:

- Я подчиняюсь главе группы, как все охотники.

- Ты не пробовала больше делать марионеток? - вставил Доминик, бывший четвертым участником группы. - Быстрее бы искали Дар, к тому же, нам бы не приходилось отвлекаться на защиту *carere morte*... А, Даниель?

Гесси отмахнулся от этого предложения.

- Ни к чему. Истинное сражение за Дар развернется не на улицах и победит в нем не тот, у кого будет армия большей численности. Победит тот, кто выпутается из всех ловушек и в итоге «передумает» противника.

Мира оскалилась: уж она поняла истинную причину, почему в поисках ей запрещено использовать кукол! Гесси просто боится, что она направит их против собственной группы! Но идея интересная, - тут же задумалась она, - что, если сделать несколько марионеток втайне от группы? Конечно, не для проверок людей, это быстро заметят, но вот когда

Избранный попадется группе и его придется отбивать у Гесси...

Мира не испытывала иллюзий и отучила себя преждевременно радоваться. Начало поисков Дара для нее значило, что все лишь станет в десять раз сложнее, чем было. Ведь Даниель Гесси подчинялся напрямую Красу. Едва Дар будет найден, Избранного передадут герцогу, и не для спасения всех - для уничтожения последней надежды на исцеление. Потому ее задача помешать это сделать.

- Вако, - холодно обратился Даниель, будто прочитал ее мысли. - Отследить, что вампир использует марионеток, легко: по растущему потреблению крови хозяином, по моментам «отключения» хозяина от реальности. Знайте, если у меня возникнет хотя бы подозрение, что вы используете кукол без согласия с группы, с вами поступят как с любым дикарем, встреченным на охоте. Все ясно?

- О, да, - пробурчала она, про себя кляня Гесси. Охотники, пришедшие в орден после Миры, все приняли *carere morte* легко, как данность. Они не припоминали ей прошлого зла и не ждали от нее нового зла, Диана и вовсе стала подругой. Даже служители ордена старой закалки - Марк, Доминик сменили ненависть на сдержанное равнодушие. Охотники понемногу понимали, их истинные враги - не дикари, как она, а вампиры Дэви и все, кто поддерживают старинное жестокое равновесие. Если б было объявлено о поисках Дара, Мира была уверена, все поддержали бы безумную еще пять лет назад идею исцеления вампиров... Но только не Даниель! Гесси был едва выше ее и младше чуть не на три десятилетия - но победить этого юнца и его «благородную», но устаревшую двести лет назад мораль казалось еще более сложным делом, чем победить владыку Дэви. Мира надеялась, после ее вступления в орден Даниель все же будет вынужден считаться с ней, как с охотником - равным членом группы.

- Начнем основное занятие, - принялся распоряжаться Гесси. - Сегодня отработаем ситуацию, когда *carere morte* выступает в роли приманки для наших противников. Вако! Изображаете, будто решились на одинокую охоту на улице. Охотники скрытно сопровождают...

Только через два часа, уставшие как после рейда, они покинули парк. Академия не спала, к тому же сегодня в Ориенсе была объявлена большая охота на дикарей. На перекрестке улиц выстроилась вереница экипажей, что увезут группы и отряды. Подсвеченная желтым пасть большого входа часто щелкала челюстями-дверьми, впуская и выпуская новые группы охотников.

Они спустились в арсенал. Толика веселья просочилась сегодня в вечно хмурые, строгие стены Академии: то и дело какая-нибудь из собравшихся групп взрывалась хохотом. Наверное, это новая весна кружила им головы. Она спала за окнами и глубоко дышала во сне, готовясь утром расцвести, ударить по глазам свежей зеленью парков и лесов... Но обычные шуточки охотников, как и спокойная ночь, особенно болезненно контрастировали с настроением Миры. Диана щебетала о чем-то в самое ухо, она не слушала. Мира представляла, что еще ей предстоит сделать в ближайшие часы, и становилось все горше. Сегодня должно было состояться первое испытание перед ее вступлением в орден - охота на вампира-дикаря. Убить такого же как сама необходимо для повышения ее статуса в ордене в преддверие поисков - была в этой определенности какая-то ужасающая машинность, бездушность, сродни Пустоте, толкающей вампиров на охоту за живыми. А после еще одно задание: вспомнить и записать имена всех, убитых и обращенных ею. Видимо, перед посвящением Латэ непременно нужно было, чтобы она почувствовала себя окончательным

чудовищем.

Но и к этому Мира была готова. Если поможет приблизиться к цели всех мытарств в ордене - пусть будет. Вот только... - хмурая складка пролегла между бровями вопреки желанию казаться спокойной и равнодушной. Последняя встреча с Винсентом, минувшей осенью, растревожила ее. На миг он показался по-настоящему похожим на Алана. Тем самым Аланом. И - поцелуй. Дерзкий, отчаянный, безрассудный - так Алан целовался, чувствуя хохот Пустоты у себя за спиной... Что ударило Винсенту в голову, ведь еще в его юности они все решили?!

Ей в тот миг будто землю вышибло из-под ног, показалось, все странное время в ордене она летит в бесконечную пропасть, и ничем нельзя задержать это падение. Можно лишь соврать себе, что не падаешь, а летишь. Даже когда иллюзия полного сходства Винсента с Аланом рассеялась, ужасное, сосущее под ложечкой ощущение падения осталось. Когда Дар будет найден, захочет ли Винсент воспользоваться им? И сможет ли? Вдруг, его раньше убьют, как безумного дикаря, как Алана...

- Ты не слушаешь! Но это важно! - кипятилась Диана, а Дик, привлекая внимание, горячим мокрым языком лизал ладонь.

- Что?

- Даниель сказал, пока мы к тебе в парк на тренировку шли, что мы уедем в Прэсто через две недели. Уже решено, оттуда начнутся поиски Дара. Со всеми заданиями Латэ и с посвящением ты должна управиться за две недели, если, конечно, хочешь войти в группу именно охотником...

- А кем еще? Цепной собакой? - вспыхнула Мира. - Конечно, хочу!

Она решительно направилась к стойке с мечами. Что же взять? Мечи в ритуале убийства *carere morte* используют редко, тут нужен кинжал, но Мире вовсе не хотелось настолько сокращать дистанцию с тем, кого предстоит убить. Не потому, что опасно: чтобы не видеть близко его искаженное лицо, безумные испуганные глаза.

В конце концов, Мира обошла мечи и взяла со стола небольшой аккуратный кинжал. Он очень удачно поместился в потайной кармашек на корсете - Мира по старой дикарской привычке пришила его с внутренней стороны, прямо посередине. Правда, рукоятка немного была видна в ложбинке между грудей. Но подошедший Даниель, который должен был сопровождать ее в первом рейде, остался доволен. Он кивнул одобрительно, но все равно очень, очень холодно:

- Совершенно верно. И не забудьте арбалет.

- Я не умею обращаться с арбалетом.

- Тогда испытание отменяется. Вы должны владеть всеми видами оружия, в том числе арбалетом. Что, если *carere morte* попытается улететь?

Мира осклабилась:

- Так я его по воздуху догоню!

Даниель приподнял бровь:

- В любом случае, для завершения ритуала, Вако, вам нужна еще вода.

Мира хмыкнула. Развернувшись, излишне чётким, чеканным шагом отправилась к бочонку. В нем покачивалась обычная на вид темная вода с расплывшимися отражениями огоньков свечей, но *carere morte* прекрасно помнила, какое действие она оказывает на всех вампиров... включая ее. Запах быстро пропал, на последних шагах задрожали ноги. Позади раздался смешок, Мира затравленно оглянулась. Но смеялись не над ней. За ней следила

только собака Дианы, смешно наклонив ухо.

«Ох, посмотрела б я на вас, будь в этом бочонке серная кислота!»

Мира приготовила широкогорлый хрустальный пузырьёк: сняла притёртую пробку и поставила его на стол у бочонка, подальше от себя. Перчатки у нее сегодня были неподходящие: тонкие, легко промокающие... лучше уж голыми руками, чтоб потом не отирать ткань вместе с кожей! Мира сняла их и, привстав на цыпочки, черпнула из бочонка специальным ковшиком. Осталось налить до краёв пузырьёк, но она разволновалась. Рука, державшая ковш, задрожала, и вода перелилась через край. Мире показалось, она вот-вот лизнёт пальцы... Она отскочила от стола, выпустила ковш. Тот упал в бочонок, глухо булькнув.

Теперь на неё посмотрели все, Мира же зло уставилась в единственный пустой угол арсенала.

- Дурацкий день! Самый дурацкий в жизни! - прошептала она.

- Позволь тебе помочь, - сказал знакомый голос. Мира обернулась. Конечно же, это Карл уже шёл к ней через весь зал. Мира отступила в сторону и равнодушно ждала, когда охотник выудит из бочонка оброненный ею ковш.

- Что, воду из-за меня придётся менять? - любопытствовала она.

- Её и так меняют каждую стражу, - Карл наполнил пузырьёк и сейчас же закупорил. Мира протянула руку за водой, но охотник остановил её. - Постой. В рейд я иду с тобой. Пузырёк подержу у себя, ты возьмёшь его перед самым ритуалом. Кто вообще послал тебя взять отсюда воду? Для тебя она опасна.

Она опять не удержалась от ехидного оскала:

- Даниель Гесси, мой будущий начальник. Что за глупый вопрос, охотник? Видишь же: я готовлюсь, экипируюсь...

- Вижу. Кинжал за корсажем, как у дикарки. Эффектно, но неудобно.

Мира усмехнулась, но кинжал достала.

- Признайся честно, вы же получаете наслаждение от убийства вампира, - едко заметила она. - Это, наверное, здорово возбуждает - всадить кинжал в грудь юной дикарки? Вампиры честнее: они убивают из-за голода, а охотники...

Стоило бы выпалить это постоянно подначивающему Даниелю в лицо, Карл совершенно не заслуживал оскорбительных реплик. В эти годы он помогал ей, как обещал. Они нашли старый след - слух о золотой крови в Доне, втайне от ордена проверили его - но он шел еще с ночи Большой Охоты, когда Избранным был Винсент. И все же Мира боялась доверять охотнику целиком. Радость открытия: кто-то все же поддерживает ее в ордене! - быстро ушла, она задумалась, что может стоять за этим его: «Мы». Зачем Карлу помогать ей? Зачем ему Дар? Может, это все обман, двойная игра? Точно также, как она играла с Гектором, теперь Карл играет с ней. Соглашается на словах, чтобы в последний момент предать и отдать найденного ею Избранного на расправу Красу...

- Не говори чуши, - лицо Карла было непроницаемым. Он отошел к Марку, но в рейд отправились еще не скоро. Даниель зачем-то ушел к Латэ, пришлось ждать его. Впрочем, без Гесси в арсенале сразу стало веселее. Подошла группа Алекса, и Габриель спустилась из лаборатории. Скоро Мира обнаружила себя весело болтающей в центре группы слушателей.

- Вы всё-таки плохо представляете себе *carere morte*, - Мира оседлала любимую тему. - Вы мало знаете, ещё меньше понимаете. Кого вы ловите в Доне? Только молодых дикарей. Владыка не причисляет их к высшим из высших. Против взрослого *carere morte*, хотя бы как

я, в действительности выйдет мало кто из вас. И вы всё равно будете обречены на неудачу. Вампирам, отметившим тридцатилетие, шуточки ордена не страшны. Это правило, и исключений из него я, пожалуй, не припомню.

- Ты считаешь, тридцатилетнего опыта достаточно, чтобы избегать всех ловушек ордена? - заметил Карл, также как она ожидающий Гесси. - Интересно. А следующий критический возраст?

- Сто лет.

- Грызня за право войти в число старейших? - Карл улыбался. Но непонятно было, обижен или нет. - А ты слышала про средний срок жизни бессмертных?

- Это уж слишком, - пробормотала Диана.

Мира не повела бровью:

- Нашу вечность не измерить!

- Триста лет. Дальше помрачение разума, подобное старческому слабоумию. Тело - может быть, но рассудок не приспособлено к вечности, что бы ваш «господин» себе ни воображал.

- Печально! - огорчилась Диана.

- Калькары и Дэви уже старше этого возраста, - нахмурилась Мира.

- Калькары - да, а Дэви ещё нет, владыка вампиров только приближается к нему.

- В любом случае, это в восемь раз больше среднего срока жизни смертных.

Карл покорно развёл руками, соглашаясь, и отступил. Диана успокоенно вздохнула:

- Наконец-то снова будет весело.

Мира хмыкнула:

- Вы в Академии совсем не умеете веселиться! Знаете, что *carere morte* творят на менес безопасных балах Доны? Ещё десять лет назад... - она закрыла глаза и тихонько напела мелодию танца. - Знаете «Солнце и Луну»? Вампирский танец! -

Что на нее нашло? Или виновато предстоящее испытание? Все эти охотники никогда не видели в ней настоящую *carere morte*, так пусть узнают единственный раз, последний раз! И Мира окончательно отдалась быстрому течению злого веселья. Она закрыла глаза, мечтательно напела мелодию.

- В Карде его еще называют «Охотник и жертва». Да, его любят *carere morte*! В нём недаром так затянуты некоторые паузы: за их время расторопный вампир успевает полакомиться кровью партнёра, не выходя из круга. А если танцевать со сменой партнёров...

- Можно попробовать многих, - ляпнул кто-то.

- Совершенно верно. Из тебя бы получился расторопный *carere morte*!

- И это говорит наша новая кандидатка! - Карл не удержался от замечания - все ж удалось его разозлить. Он скорым шагом возвратился к ним. - «Солнце и Луна?» Не верю. Покажи.

Мира с удовольствием приняла его вызов. Ее несла черная волна злости. Очень скоро она станет охотником, так пусть напоследок эти люди увидят в ней что-то вампирское!

Охотники расступились, но танцевать в кругу Карл и Мира не захотели. Он увёл её подальше, за стойки с мечами.

- Только попробуй кусаться по-настоящему, - предупредил Карл. Мира хитро прищурилась:

- А зачем тогда ты меня пригласил?

Без грохочущей музыки оркестра, в полутёмном, гулко-пустом зале, провожаемые

взглядами десятка людей, они, тем не менее, увлеклись. Это был не танец, а поединок. Зачем они взяли такой ураганный темп? Быстрая смена движений, повороты, поддержки... Подчиняясь рисунку танца, она все время убегала от партнера то на полшага, то на шаг, дразнила. Карл догонял ее, но их руки сплетались лишь на миг - призрак прикосновения, и погоня начиналась вновь. Еще короткая эффектная поддержка - и опять тот же круг вечного бега двух светил. Оказалось, охотник неплохо танцует, правда, без изящества, отличающего человека, которому это умение прививали с детства. Но в то же время он вел так спокойно, плавно, подстраховывая ее движения, оберегая от падения, что танцевать было чрезвычайно комфортно, не задумываясь о сложности очередной поддержки. Вальсовую часть, добавленную в последние пятьдесят лет, они, пролетели, едва касаясь пола. Этот танец не был похож на ее прежние, с Аланом, потом Гектором. Не было вариаций и фантазий, порой переходящих в грубость, первого, не было размеренной подчиненности всем движениям второго, отчего Мира чувствовала себя его куклой... Но зачем она, вообще, вспоминает своих прежних любовников?!

В груди медленно разгорался костерок, подчиняясь пробуждающемуся ритму сердца... и ритму сердца партнера-охотника. Живое, горячее, оно билось так быстро и совсем рядом, оно будило голод, перед которым вампирская жажда крови была ничем - голод по себе живой. Неужели всем вампирам также кружит голову «Солнце и Луна»? Ясно теперь, за что они его любят! А дразнящий рисунок танца создан вовсе не для услаждения глаз гостей бала - чтобы распалить танцующих *carere morte*.

Финальная часть: вновь погоня, перебиваемая четырьмя тактами вальса. Сумасшедшая карусель, даже голова закружилась. Но Мира все равно мгновенно находила партнера по ауре тепла, по колеблющейся в такт убыстрившемуся пульсу нити его сердца, как зачарованная. Их руки сплетались еще точнее, изящнее, чем в начале танца, все более сложные поддержки становилось все легче выполнять, будто их тела давно знали друг друга. Карл улыбался... или она опять приняла за легкую улыбку замеченную давно особенность его губ с немного приподнятыми уголками? Так или иначе, он, кажется, и забыл, что танцует с *carere morte* - взгляд был мечтательный и одновременно серьезный, как там, на мостике над источником. Это неожиданно болезненно укололо: Мира не хотела его обманывать.

Она взлетела на последнюю поддержку... Но тут уже не оперлась о его плечи ладонями - вцепилась в них когтями. Опустившись на пол, рывком потянула Карла на себя. Белый воротничок вечного аккуратиста мешал, но она слышала близкую пульсацию вены на его шее. Мира успела царапнуть кожу над ней клыками, и тут горло ожгло как плетью. Карл остановил ее, удержав за кольцо ошейника.

Серебро обруча сдавило шею, Мира, задохнувшись, отпрянула от охотника. А он уже сам был не рад такому окончанию танца.

Мира потерла шею. Ощущения давления уже прошло, теперь на коже набухла полоса ожога.

- Значит, вот как ты развлекалась десять лет назад? - решившись разрядить обстановку, с притворной строгостью спросила Диана, и протянула, то ли с осуждением, то ли с завистью. - Да-а...

- По правде сказать, нет, - хрипло созналась Мира. - У меня нет силы, чтобы зачаровать весь зал. Пожалуй, я не уверена, что мне б удалось зачаровать хотя бы своего партнёра. В Карде этот танец сейчас танцуют даже люди, дурачатся. Истинное исполнение «Солнца и Луны» я видела один раз, на балу у Дэви, но не танцевала тогда, стояла у стены. Так что это

и для меня первый «вампирский» танец, -

Последнее было сказано извиняющимся тоном, специально для Карла. Но тот не смотрел на неё. Приложив к пораненной шее платок, охотник с уже знакомым неподвижным лицом изучал стену. Решил вспомнить о старом правиле заговорщиков: «Никто не должен видеть нас вместе». Мира вздохнула и зачем-то опять потрогала ошейник, о котором ей не напоминали с тех пор, как надели.

- В одной кардинской сказке есть эпизод... Охотник и Майя танцуют этот же танец, - сказал кто-то. Марк усмехнулся:

- В той сказке плохой финал!

- Неправда, есть и хороший, - заспорила Диана, но ее не поддержали.

- Хороших концов в сказках о *carere morte* вообще не бывает, - попытожил Бовенс.

«Удар серебряным кинжалом в сердце, чаще всего используемый в ритуале, парализует тело вампира на две-три минуты, при этом необходимое для успешного завершения ритуала сознание у *carere morte* сохраняется. Дополнительный удар клинком в область первых поясничных позвонков продлевает время паралича до десяти и более минут, но используется значительно реже из-за плохой анатомической доступности второго вампирского сердца - утолщения брюшного сосуда», - всплыл зачем-то в памяти отрывок из архивного материала. Хотя тут была практика, не теория. Вампира удерживали, прижав к стене дома, Карл и Даниель. Мира встала напротив, достала кинжал из ножен. Дикарь, которому происходящее до сего момента представлялось сном, безумно захохотал, увидев серебряный клинок в её руке. Меж туч мелькнул месяц, белый и тонкий как кость.

Мира, примерившись, вонзила кинжал точно вампиру в сердце. Шепча ритуальную формулу, открыла хрустальный пузырёк с водой источника, но плескать не понадобилось. *Carere morte* почернел и рассыпался пылью от одного серебра. Страх перед небытием убил его еще до окончания ритуала. Забрал в Пустоту.

- Закрывай пузырек, - скомандовал Карл, которого во всем происходящем больше всего волновало, как бы она не обожгла руки. Мира осторожно закупорила склянку, убрала в специальный кармашек на поясе. Руки еще дрожали.

«Вода из Источника в сочетании с серебром приводит к мгновенной деструкции тканей тела, соприкасающихся с ними. Страх вампира распространяет разрушительное действие на весь организм, вовлекая в цепь уничтожения и не соприкасавшиеся с чуждой, убийственной силой клетки. В огне этой реакции сгорают и такие мёртвые ткани, как волосы и ногти, такие крепкие, как кости и зубы. От вампира, как правило, не остаётся даже одежды...»

Не нарушая вновь воцарившееся молчание, Мира подобрала кинжал из кучки праха у стены. Повертела в руках, случайно коснулась лезвия и отёрнула руку: горячо! Очень горячо!

- Хорошо, - без малейшего настоящего одобрения сказал Даниель за спиной. Мира резко усмехнулась:

- Можно поставить на рукояти крестик?

Охотник и бровью не повел:

- Если хочешь.

Мира не обернулась, зато наградила злым взглядом Карла. Ветер уже размел всё, что осталось от *carere morte*, по тротуару, смешал прах еще одного проклятого с городской грязью...

«Столь бурная и страшная реакция объясняется разрушительным действием Бездны,

носителями которой являются все вампиры. Во время ритуала *carere morte* утрачивают над ней контроль, и Она пожирает их тела. Интересно, что в мгновения ритуала температура тела у вампиров резко повышается - как у людей при борьбе с заразным началом. Но жизненные силы *carere morte* слишком малы...»

«Этот вампир вряд ли когда-либо убивал людей, - думала Мира, уходя, - Дикарь, из тех, что тягостятся своим проклятием. Только охотников это не интересует, ритуал для всех один».

Она молчала, замкнувшись в себе, всю обратную дорогу до Академии.

Неудивительно, что после такого выступления, следующей же ночью Карл пришел в ее келью на вокзальной площади. Мира высмотрела его в окно, но встречать не вышла. Даже когда после троекратного стука скрипнула дверь, отворяясь, она не повернула головы, оставшись сидеть на подоконнике - давняя привычка дикарки. Последнее нелепое вампирское, что она пока могла себе оставить.

- Доброй ночи, - осторожно сказал Карл.

Мира усмехнулась:

- Столь поздним визитом, сударь, вы компрометируете одинокую девушку.

- Как у тебя темно, - заметил охотник, теперь уверенно проходя в комнату. - Все в порядке?

- Разумеется. Я же идеально прошла вчера первое испытание.

- Ясно, - коротко сказал Карл. Он добрался до ее фортепиано, откинул крышку. Взял пару тихих, задумчивых аккордов.

- Ого! - не удержалась Мира.

- Не привыкла видеть охотников за каким-то иным занятием, нежели стрельба из арбалета или ритуал? - Карл усмехнулся резко, ей под стать. - Кажется, наши руки созданы лишь для меча или кинжала. Клавиши, книга, кисть, перо... - это для нас что-то немыслимое, верно?

- Может быть, - пробормотала она, ошеломленная его прямоотой. - Нет, я не считаю вас убийцами, но...

- Отвратительно фальшиво, - заявил он, закрывая клавиши.

- Неправда, - обиделась Мира. - Я недавно приглашала настройщика.

- Я не об этом, хотя инструмент, безусловно, фальшивит. Довольно лгать, Мира!

Она так и не соскочила с подоконника, позволив ему подойти к ней. Ее глаза были на одном уровне с его, и Мира недолго выдержала взгляд охотника... Вновь отвернулась к светлomu кругу вокзальной площади под окном.

- Я понимаю, почему ты вчера была такая. Знаю, что с тобой, - тихо, серьезно сказал Карл. - Первое уничтожение вампира всегда тяжело переживается. И второе... и двадцатое. Потому что ты каждый раз знаешь, что убиваешь людей, это не игра с тенями в театре. *Carere morte* просто больные люди, а мы - убийцы. Я это тоже вижу. Но теперь уже многие в ордене видят, общаясь с тобой, сравнивая реальность с тем, что написано о *carere morte* в книгах ордена...

Мира молчала. И молча подчинилась, когда Карл развернул ее к себе, держа за плечи.

- Прости за ошейник, - негромко сказал он. - Я не хотела причинять тебе боль, но лучше так, чем если б тебя отшвырнула защита. К счастью, противостояние *carere morte* и ордена доживает последние дни. Очень скоро я разверну все так, чтобы убийства и людей, и вампиров вовсе прекратились. Понимаешь, мышка?

- С помощью Дара? - она все ж не выдержала молчания. - Так Избранного у меня может отнять Даниель Гесси! Рано для радости, как ты раньше любил говорить... Группа поисков Дара для меня группа надсмотрщиков.

- Пока вы будете искать Дар, я займусь другой частью плана, - невозмутимо возразил охотник. - Крас недавно пожелал убрать с арены действий Либитину, и меня назначили вести этот поход. Победа над северной хозяйкой кукол откроет победителю дверь на вершину власти в ордене. Так что не беспокойся: я подготовлю и охотников, и прокровителей к тому, чтобы они приняли Дар.

Как похоже было то, что говорил охотник, на утопические мечты Гектора! Карл и сам будто стал похож на Долуса, Мира как впервые отметила четкий, тяжеловатый абрис его лица, и точно такую же упрямую искорку в глазах, как у того, канувшего в Пустоту. Такая же уверенность в себе, способная сокрушить горы, если понадобится... Манило закрыть глаза и просто довериться его словам и его симпатии. Но если он обманывает ее, как она сама когда-то обманывала Долуса? Мира вдруг почувствовала себя ужасно уставшей.

- Остановись, Карл, хватит, - тихо попросила она.

- Ты мне не веришь? - темные глаза сощурились. Сейчас в них глядеть было так же сложно, как в глаза Дэви. Доброжелательный взгляд стал жестоко-пронзительным.

- Я не понимаю, почему ты помогаешь мне! Я не знаю, зачем тебе Дар. То, что ты говоришь - прекрасно, но... слишком похоже на мою мечту. А мечты редко совпадают у столь разных людей, старинных врагов! Я подумала, может, ты специально втираешься ко мне в доверие по приказу Латэ? Я нужна Красу, чтобы найти Дар, но меня нужно контролировать. И вот вы придумываете этот хитрый план... Собираете целый отряд, чтобы он следил за мной, а, если я все же уйду из-под надзора Даниеля Гесси, тут-то и нужен ты! Конечно, найдя Избранного, я прибегу к тебе за обещанной помощью! И тогда ты...

- Что? Сдам Избранного Красу? - Карл засмеялся. - У тебя богатая фантазия!

- Это не фантазия! - яростно прошипела Мира. Бездна, он не принимает ее всерьез? - Ну, попробуй, докажи, что я не права! Может, тебе и пост главы обещали за предательство меня?

- Ты серьезно... считаешь, что я тебя обманываю? - охотник был и удивлен, и опечален.

- Пусти!

Но он только сильнее сжал ей плечи:

- Нет, постой. Ты сама не веришь в то, что говоришь. Зачем ты сейчас всё это мне сказала, глупая? Я же, по твоей догадке, должен немедленно броситься к Красу и Латэ и доложить: «План провалился, она нас раскрыла!»

Волнение не стерло легкую улыбку с его губ, хотелось прикоснуться к ним своими, чтобы узнать ее вкус... Сейчас, как в танце, они были слишком близко. Мира слышала, как бьются их сердца, почти в унисон, хоть ее чуть отставало. Сильные, но не грубые руки Карла, осторожно держали ее за плечи... удерживали на тонкой нити над Пустотой. В ауре его живого тепла она чувствовала и себя вновь живой.

- Я не хочу тебе лгать, - выдохнула Мира. - Я не хочу, чтобы между нами стояла эта стена. Ненавижу её! Но и до конца поверить не могу! Я сама подобным образом уже обманывала... ради Избранного.

Карл успокоился, хмурая складка между бровей разгладилась:

- Я не обманываю тебя, мышка.

- Как ты докажешь, что я ошибаюсь? Никак!

- Остается мне все-таки поверить? Хочешь, для твоего спокойствия заключим пари? - Карл шутливо нахмурился, задумываясь. - ...Если ты, придя с Избранным ко мне, убедишься, что ошиблась, ты... немедленно должна будешь попросить исцеления для себя!

Мира отшатнулась - он будто снова ожог ее серебром:

- Мне... исцелиться?

- Да, тебе. ...Ну и взгляд, я сказал что-то кошунственное? Тебе не сложно будет исцелиться.

Она рассмеялась, торопливо прерывая его:

- Так вот, для чего тебе Дар, Карл Хортор? Исцелять вампиров?

- Разумеется. Почему ты не хочешь поверить, что у двоих может быть общая мечта?

Мира глубоко вздохнула. Скучный, странный разговор. Что здесь объяснить?

«Но почему, Бездна возьми, дрожит-срывается голос?»

- Я мечтаю заполучить Дар для Винсента, и только, - честно сказала она. - Что с Избранным дальше будет, мне неважно.

- А я все же думаю, в этой мечте отражается твое неосознаваемое желание исцелиться, - Карл непобежденно улыбнулся. Мира отвернулась, опять безнадежно глядя вдаль, за окно, на крыши Доны.

- Не надо меня жалеть, - как могла сухо сказала она. - Знаешь, что я еще должна сделать перед посвящением в охотники? Записать и отдать Латэ имена всех убитых мной и всех обращенных мной. Это больше тысячи имен! Какое исцеление? Пари не считается. Таких как я уже никто и ничто не спасет.

- Не изображай из себя чудовище. Не похожа, - опять он улыбался из-за стены своей ничем не прошибаемой защиты. - Лучше делай работу поскорее.

- Не распоряжайся. Ты пока не глава ордена.

- Перед отъездом на задание я надеюсь с тобой еще увидеться...

- Зачем? - прошептала Мира, и этим его все-таки задела. Лицо дрогнуло и знакомо застыло.

Долго они молчали, думая каждый о своём. Карл смотрел на неё, а Мире упрямо изучала безлико-ровный круг вокзальной площади.

- У Охотника и Майи была общая мечта, - наконец прошептала она, будто оправдывалась. - И она их погубила.

- Я не читал сказки Карды, - хмуро сказал охотник.

Она усмехнулась:

- Напрасно!

Карл ушел, не попрощавшись. Лишь тогда Мира слезла с подоконника, открыла окно.

«Пора приниматься за работу».

Оставалось всего полчаса до рассвета, и в душную комнатку немедленно ворвалась ночь, спасающаяся от охотника - солнца, чьи лучи уже шарили по восточному горизонту. Ночь наполнила келью прохладой и свежестью, и, свернувшись клубком в углу, уснула до следующего вечера... Тогда Мира затворила и зашторила окно. Она взяла из настенного шкафчика стальное перо, чернильницу и тетрадь, отнесла на стол. Спohватившись, вернулась за свечкой. Вот так. Теперь тут была полная иллюзия ночи с тьмой и прохладой, с колеблющимся огоньком единственного источника света над девственно чистым листом раскрытой тетради... Мира еще раз вздохнула, обмакивая перо в чернильницу.

Тишины в этом доме не было никогда. Кажется, в двух шагах грохочут поезда. Мира

всегда любила вокзальный шум: стук колёс, свистки паровозов, гомон толпы, в чёткое определённое время то вливающейся, то выливающейся из здания вокзала. Это зов дороги, этим голосом говорят приключения... Но сейчас шум мешал сосредоточиться. В голове хаос имён, событий, дат. Смешно: как можно вспомнить все двадцать лет вечности и тысячу имен? Разве люди помнят, что ели на завтрак хотя бы неделю назад? Это просто невозможно!

В задумчивости она глядела на огонек свечи...

«Конечно, что-то вспоминается. Липкая холодная от страха кожа на шее, которую приходится раздирать клыками, потому что опять забыла на охоту кинжал. Руки, слабые, но цепкие, теребящие твою одежду, пока трапезничаешь. Полные ужаса глаза... и отражение чудовища - собственное отражение в расширенных зрачках...»

- А он говорит мне об исцелении! - некстати вспомнив беседу с Карлом, яростно прошептала Мира. Отбросив перо, вытянула перед собой руки - белые, холодные, с тонкой сетью темных вен. - Мне - об исцелении! Мне, прирождённому вампиру!

Тысяча жизней... Неужели так много? В её памяти не осталось ни имён, ни лиц. Их крики сливались в единый вопль, их предсмертные вздохи были ветром, дующим в пустоте ее сердца. Только рука всё ещё помнила, как быстро и чётко нанести смертельный удар...

Все эти отнятые жизни были едой - и только, - еще слабо противилась Мира. Да, даже последние, убитые в тихом красивом доме в Ориенсе накануне Призрачного парка... Темное голодное чудовище, что восставало и убивало, было Бездной - она охотилась, подчиняясь ему, его зову! Она кормила его, как кормят все дикари, а когда последняя охота поставила ее, Эрика, Нику выше чудовища-Бездны, они с отвращением отказались так кормиться. Она... не так уж виновна, не так, как это теперь пытаются представить охотники, с собственными зарубками на рукоятях кинжалов!

И все же придется найти и написать все! Тысячу имен! Как же хотя бы просто вспомнить лица, обстоятельства убийства?

«Их убило чудовище... То чудовище, что встречаешь по ту сторону зеркала...»

Мира вскочила, сняла единственное зеркало с дверцы шкафа: четырёхугольное, высотой в пол-роста. Треснуло оно уже давно, переносить на стол его пришлось осторожно. Поставив зеркало перед собой, она долго вглядывалась в изломанное отражение в нем. Главное не бояться - ни пустых зрачков, ни клубящейся тьмы вокруг, окружающей *saegre morte*, как аура тепла окружает любого смертного. Все жизни, что утонули в бездонном колодце ее голода, должны были оставить следы: отпечатки, подобные древним окаменелостям в слоях горной породы...

Скоро Мира отложила зеркало, вновь схватила перо. Первый образ мелькнул в зрачках ее отражения, и она успела ухватить его.

«Первая жертва - женщина, темноволосая, лет тридцати. Худая, больная», - записала она на первом листе тетради и поморщилась: как сухо! Но как описать искажённое страхом лицо, всплывшее сейчас, спустя столько лет, из глубин памяти Бездны? Как найти верные слова, чтобы рассказать, как постепенно растворился, разгладился этот страх, как побледневшее лицо засияло, и умирающая радостно вздохнула? Они с Аланом стали её избавителями. Там, на старом мосту через Несс, женщина перегнулась через перила и глядела в тёмное зеркало воды, и только страх посмертной кары удерживал её от прыжка. Тогда явились они - юные голодные вампиры. «Избавители», - шептала она им перед смертью. Первая жертва... - вот шутка судьбы!

«Вторая жертва - мужчина, - застрочила она, ухватив очередной образ.- Мы поймали его на пороге дома, и, оказывается, я помню этот дом. У Старого моста, на Карнавальной улице. Помню номер дома - пять».

Мира увлеклась, работа закипела. Она то исписывала лист за листом, то смотрела в разбитое зеркало, пока не начинали болеть глаза. Всё дальше и дальше она уходила по коридору Пустоты. Скоро свет реальности позади исчез, его съела сгустившаяся темнота, но впереди не забрезжило ни лучика. Она уходила дальше и дальше, в самые тёмные и мрачные свои годы.

Тетрадь заполнялась: Октябрь пятьдесят четвёртого, Энимы из Северной Пенны - вся семья, вампиры не успокоились, пока не оставили тот дом пустым. Январь пятьдесят пятого, Большой Бал Сатура - убиты певичка и младший из сыновей герцога Керте. Май пятьдесят пятого - компания дикарей, а с ними и она, навестила трущобы Западной Пенны, об этой резне много писали в газетах... Пятнадцатая страница... Двадцатая...

Пустота всегда голодна.

Через две недели работа закончена: три разбухшие, заполненные мелким, тонким почерком тетради. Глава ордена оказался приблизительно прав: тысяча жизней, вышитых ею для восполнения недостатка собственной.

«Тысяча! Население небольшого городка за двадцать лет! Сколько же тогда жизней отнял Дэви за свои двести?!»

Мира собрала тетради, собираясь к Академию. Получилась увесистая связка. И сейчас она, прирождённый вампир, вдруг порадовалась, что тетрадей только три, что годы в ордене не добавили в эту стопку ещё одну...

- Впечатляюще, - отметил и глава, пролистав последнюю тетрадь. - Долгий путь. Здесь всё?

- Да. Более или менее, - столь же обыденным тоном сказала Мира, словно речь шла о вещах... неодушевлённых. - Здесь мало имён, в основном даты, места охоты ну и... внешность жертв. Я не знаю, поможет ли это узнать их...

Латэ кивнул, пододвинул тетради к себе.

- Полтысячи тут моих, - тихо сказала Мира. - Ещё полтысячи - тех, кого я обратила. Сведения об их жертвах я искала в вашем архиве, но нашла не все.

Латэ кивнул опять.

- Ты что-то хочешь спросить? - глухо заметил он.

- Да. Я... - Мира глубоко вздохнула. - Вы считаете, я виновна во всех этих смертях? Потому что не держала в узде проклятие и распространяла его?

- Ты сама обозначила степень своей вины, - столь же глухо сказал Латэ, а глаза заблестели - верный признак, что это лишь начало его речи. - Но вспомнить все эти жизни я приказал не поэтому.

- Тогда, почему?

Латэ поднялся из-за стола. Старик вдруг заволновался: снял очки, протер - суматошные, ненужные движения, ведь стекла были идеально чисты.

- Мои охотники уничтожают много вампиров, - сказал он. - И я отправляю их в рейды, при этом представляя, что они будут убивать больных, порабощенных проклятием людей, а не нежить.

- В этих тетрадях тысяча и одна жизнь. Последняя - того дикаря, что я убила на испытании, - призналась Мира. Латэ кивнул:

- Все верно. Раньше нам можно было скрыться за постулатом о невозможности исцеления вампиров, но случай в Призрачном парке все изменил. Дар Винсента вышиб у нас всех почву из-под ног: и у охотников, и у вампиров. Безусловно, ты виновна в каждой отнятой жизни, но я не хотел бы, чтоб это сломало тебя, раздавило. Я хочу, чтобы ты сейчас посмотрела чуть выше, над своей виной. Чтобы увидела чудовище, проклятие, толкавшее тебя охотиться.

- Я... думала о нем. Много, - глухо призналась Мира. - Я думала, что я не так уж виновна - виновно оно.

Латэ пронзительно, долго глядел ей в лицо, потом опять резко кивнул, соглашаясь с неведомыми *carere morte* выводами.

- Пусть так. В нашей ситуации - я говорю сейчас и о тебе, и о всех вампирах, и о всех охотниках - это лучший выход: найти общего врага. Враг - проклятие *carere morte*, и это оно должно быть уничтожено. Не его носители поодиночке, как делает орден, а все проклятие... И ты нам в этом обязана помочь. Тысяча жизней за одну, - он помолчал, пожевал губами. - Пусть эта одна теперь послужит великому делу уничтожения проклятия лишенных смерти! Помни всех, всех кто сгинул в твоей Пустоте! Их так много... Мира, ты понимаешь это? Теперь у тебя один путь - верная служба тем, кто также желает уничтожить все проклятие *carere morte*. Единственный путь, пока не кончится твоя вечность, и уж после твоей смерти люди решат, была ли ты достойна прощения!

Мира опустила голову. Тяжело было слушать это. Латэ, успокоившись, возвратился за стол, вновь скрестил пальцы в замок.

- Ты понимаешь, чем отличается проклятие Макты от проклятия Арденсов? - очень тихо спросил он.

- Проклятие Макты - это вампиры, а проклятие Арденсов это... это... ммм...

- Ну?

- Сам Макта? - прошептала Мира. Латэ резко утвердительно качнул головой.

- Совершенно верно. Можешь не говорить, кто рассказал тебе про Арденсов, - он усмехнулся. - Так вот, я скажу сейчас то, что тебя подбодрит. Ты задумывалась, что позволяет тебе проходить на территорию ордена, под Покров?

- Карл говорил, была ошибка в ритуальной формуле, когда Покров накладывали.

- Моя ошибка, - Латэ улыбнулся. - На той церемонии наложения Покрова я был зол: я недавно узнал о участии первого Арденса в создании Первого вампира. В ритуальной формуле есть фраза: «Защити, укрой тех, кто борется с проклятием Макты...» Я со злости проговорил: «Борется с проклятием Арденса»... Вот эта ошибка позволила тебе проходить границу защиты ордена, Мира. Сила Покрова, также как сила *carere morte*, приходит из Бездны, а Бездна вне времени и пространства, в центре паутины связей прошедшего, настоящего и грядущего. Она увидела в тебе ту, что станет бороться с проклятием Арденса - самой сутью проклятия вампиров. Сейчас, я вижу, это действительно так. Пусть сама ты не воин - вокруг тебя собираются ядро армии, что избавит землю страха от проклятия вампиризма.

Оторопевшая Мира кивнула, соглашаясь, хотя то, что сказал глава, пока не задержалось в сердце. Слишком полно оно было другой целью.

- Готовься к посвящению через два дня. Подумай, кто выступит на нем в качестве твоих поручителей.

- Поручителей? - несмело спросила Мира. Она была осведомлена об этом правиле: двое

охотников должны поручиться на посвящении за новичка. Но кто это будет для нее, до сих пор не задумывалась.

- Советую выбрать одним из поручителей Даниеля Гесси, - продолжил меж тем Латэ. - Герцог Крас будет доволен. И Даниель будет тебе больше... хм... симпатизировать, когда вы начнете поиски Избранного.

- Воспользуюсь вашим советом, - Мира улыбнулась. - А вторым можно выбрать Хортора?

Злость за две недели совсем улеглась, теперь терзал стыд за жестокие слова к Карлу.

- Его уже нет в Доне, - заметил Латэ. - Карл готовит поход на Либитину, лучше его не отвлекать по пустякам.

- Ясно...

Значит, Карла уже нет в столице. Зачем бы он ни хотел встретиться с ней, встречи не будет. Впрочем, может быть, так лучше? Слишком она привязалась к нему, слишком на него надеется, разменивает собственную силу на слабость. Нельзя, чтобы он один нес груз ответственности за их общее решение, они оба должны быть сильными! А она сильнее всего в одиночестве, пусть так и будет. Может, в походе Карл влюбится в какую-нибудь девушку... Хорошо, если б так. Пусть они забудут друг друга сейчас, пока ее проклятие не погубило его, как в недаром упомянутой истории Охотника и Майи... Мира вздохнула, и прямо, ясно взглянула на встревожившегося от ее молчания Латэ, показывая, что все в порядке. Да, она отпустит Карла, пусть и больно представлять, как он с другой женщиной - с живой женщиной - кружится в том же танце.

- Не жди, что поиски Дара будут легкой прогулкой, - Латэ задумчиво глядел сквозь нее. - В Меторе уже сейчас собираются вампиры свиты Дэви и с ними Лира Диос. Голос Бездны... До сих пор она не проявляла свою силу и, я верю, потому, что не хотела ее применять против людей. Я знаю, она не хочет большой войны. Но в бою за Дар Лира может выступить против вас.

- Винсент говорил, она поддерживала его, пусть... своеобразно. Может, она еще вернется на нашу сторону?

- Точно не на сторону Арденсов, - глаза Латэ хитро блеснули. - Подумай, чем ее увлечь, но будь осторожна: Лира потенциально опаснее Дэви и Макты вместе взятых - не буди в ней эту силу. А сейчас готовься к посвящению. Его ты заслужила.

Мира смущенно улыбнулась и так, с легкой улыбкой на губах, покинула кабинет главы ордена. Все складывалось... неплохо.

...Вот только тем же днем приснился сон о Винсенте. Она, охотник, должна была убить его, вампира. «Не медли!» - кричала группа Даниеля, но Мира медлила, и пузырёк с водой из источника Донума дрожал в её руке, грозя расплескаться. Она не могла, даже глядя в его уже мертвые глаза на еще живом лице - знакомые глаза брата-убийцы... Винсент же не сопротивлялся, пока она медлила, он расслабленно улыбался и хохотал. Совсем как Алан. И до самого часа посвящения отголоски этого безумного смеха звенели в ушах.

Сначала собравшиеся в подземном зале - зале Источника охотники шумели так, что даже заглушили водопад. Обсудить было что: первое в истории посвящение *carere morte* в орден. Потом к собравшимся вышли Латэ и Мира, и гул сразу стих, остался лишь монотонный шум низвергающейся с выступа пещеры воды. Мира встала у беседки, под самым золоченым солнцем портика, напротив - глава ордена, поручители - Даниель и Диана встали справа и слева от *carere morte*.

- Твоё имя? - спросил глава ордена.

- Мира Вако.

- Кто ты?

- Лишённая жизни, живущая чужими; несущая проклятие; мать многих *carere morte*. Я - вампир, - ровно сказала Мира. Это все было ужасно похоже на клятву Дэви: там была капле́ль фонтана в зимнем саду и приглушенный гул голосов в зале Бала. И - те же строгие вопросы ее будущего господина.

- Зачем ты здесь? -

- Я хочу служить вам.

Нет, все же отличие было. В зимнем саду, ее пронзали настороженные или презрительные взгляды свиты владыки, здесь же были подбадривающие и радостные - друзей, охотников. Веселая Габриель, смущенный, но довольный Алекс, придерживающий за ошейник Дика. Даже вечно хмурый Марк, глядел на нее сегодня не мрачно, лишь серьезно. Только она... не знала, как смотреть на них. Слова старинного ритуала не вызывали отклика в сердце. По-прежнему слишком полно было оно другой целью - ее личной целью, безумной надеждой.

- Клянусь... - беззвучно подсказал Даниель, стоявший по ее правую руку.

- Клянусь служить ордену всем своим разумом, всем сердцем своим и всей силой, быть послушной воле вашей и тех, кого вы назначите старшими надо мной, - торопливо подхватила Мира. - Нареките меня охотником, Щитом Человечества пред Созданиями Ночи, и по слову вашему я встану на страже с последним лучом заката, - договорила она древний, увы, мертвый для нее текст. Неизвестно, понял ли Латэ, насколько равнодушна к служению новая кандидатка, но кивнул. Подошел и разомкнул серебряный ошейник, снял его. Мира, ещё не веря, робко вздохнула и потёрла место, прежде закрытое полоской металла. Ошейник тут все равно остался: полосой недавнего ожога.

- Теперь ты охотник, - невозмутимый глава начал первую из трёх заключительных формул. - Глаза твои всегда должны быть открыты и взор ясен, ибо твой рубеж единственный, первый и последний. Ты одна стоишь на пути проклятия, древнего зла, пришедшего, чтобы пожрать мир. Зло это хитро, многолико и скрывает суть свою от людей, но тебе, охотнику, она открыта. Вера в орден даёт тебе Силу, побеждающую древнее проклятие. Клянись же бороться и уничтожать это зло, какие бы обличия оно не принимало, помня о единой его сути.

- Клянусь, - выдавила Мира.

- Теперь ты охотник. Древнее проклятие не властно над тобой, и древнее зло не коснётся тебя. Но в вечной битве с порождениями Бездны не забывай о первой и главной из ценностей - человеческой жизни, ибо ты - не убийца бессмертных, прежде всего, но защитник смертных. Клянись же ничто не ставить выше ценности человеческой жизни.

- Клянусь, - с горькой усмешкой пообещала Мира.

- Теперь ты охотник. Один из многих служителей тайного ордена. Мы скрываем лица под масками и дела под покровом ночи с тех пор как мир, забывший свою ось, оказался во власти хитрого, мудрого проклятия, а Покров ордена - вечная, неуничтожимая преграда Бездне *carere morte*, пока существуют защитники, создающие его. Клянись же хранить в тайне, хотя бы и ценой жизни, имена и дела всех, кто стоит с тобой рядом - Щитом Человечества пред Созданиями Ночи.

- Клянусь, - ровно сказала Мира, теперь бесстрашно, доверчиво глядя старику в глаза.

Вот и все. Позади раздалось нестройное хлопание: друзья радовались. Один Даниель Гесси глядел все так же холодно. Ее посвящение в охотники ничуть не изменило его мнение о *carere morte*.

- Причуда Латэ, - процедил он, ведя ее к выходу из зала источника. - Вашей заслуги в том, что вы стали охотником, нет, леди Вако. Вы можете обмануть их, - он кивнул на друзей, - но не меня. В последние перед Метором дни попрактикуйтесь, хотя бы, в обращении с арбалетом.

Вместо тренировок с арбалетом Мира сбежала в Карду. Только дом Вако в этот раз нашла пустым. Винсент съехал отсюда, должно быть, сорвался на восток вслед за «Гроздьями рябины», своими новыми товарищами. Мира побрела по гулким комнатам, ища какую-нибудь записку, послание для нее. И с каждым шагом становилось... все легче.

Сейчас она поняла, что вовсе не хочет больше видеть Винсента, ни ему, ни ей, давно не нужны глупые обещания. Наступает время действий, а не слов. Не надо его взгляда - даже радостного, любящего, прощающего - любого! Не надо всей правды! Не надо Истины! Сомнения вытягивают остатки сил. Для Мира истина сейчас должна быть одна - золотое сияние крови. Ведь лишь целью об исцелении своего Избранного она живет...

Она надолго замерла перед зеркалом Регины Вако. Из темноты за тонким стеклом смотрела очередная незнакомка. Невысокая женщина в экстравагантном, больше не идущем ей чёрно-красном наряде. Эти платья носила мечтательница, фантазерка, а новой ей остались лишь руины сказочных замков. Худая, как после долгой болезни, глаза лихорадочно блестят, тусклые волосы, впалые скулы, хмурая складка у переносицы, печальные в углах рта... Тьма по-прежнему клубилась туманом за спиной... - это ей «не сложно будет исцелиться»?

Последней в доме Вако Мира обследовала гостиную. Уверенно остановилась у одной из самых больших картин, накрытой покрывалом, - воспоминание о последнем разговоре с Винсентом вело ее.

«Что же он так не хотел мне показывать»?

Мира сняла накрывающую холст ткань и на секунду зажмурилась, словно настоящее солнце ударило по забывшим свет глазам.

Рассвет. Небывалое солнце вставало над Кардой, цитаделью вампиров, видимой с высоты колокольни церкви Микаэля: золотая Корона, полукружьем за ней тени гор... Струился вниз Несс, полный светлых бликов. Листва ближних к Пустоши деревьев, пронзённая светом, была прозрачно-зелёной, чистой. Позолоченные пики растворялись в ослепительно белом небе. Невидимое солнце царило над нарисованным миром. Его мощь восхищала и ужасала одновременно, всё тонуло в его сиянии. Солнце поглощало мир. Нет: сам мир стремился солнцем.

Мира осторожно провела пальцем вдоль прозрачной змейки Несса. Такую картину не мог бы нарисовать убийца... Вот она, мечта Винсента! И он не хочет ее поведать, потому что знает: Мира округит себя еще одной тяжелой клятвой, чтобы только исполнить ее.

Винсент мечтает об исцелении, пусть и говорит, что ему не нужен Дар. А значит, она снимет нового Избранного хоть с самого солнца, достанет Дар со дна Бездны... Мира побродила по гостиной, потом снова остановилась у открытой картины, легонько коснулась её ладонью. И поклялась еще раз, чувствуя, что эта клятва теперь напиталась не кровью - светом нарисованного солнца, а, значит, достаточно сильна, чтобы быть исполненной вопреки всем сомнениям и страхам, независимо от любых обстоятельств:

«Ты вернёшься в мир живых, мой мальчик. Обещаю».

Конкурсная иллюстрация Alle Alle

...И авторский комикс!

Превратности любовных линий -1. Когда герои сходятся слишком рано.

Карл: Мы друг другу не подходим совершенно.

Мира: Абсолютно.

Карл: Это невозможно.

Мира: Никогда.

Оба:

Автор: Та-ак! Кому-то срочно пора в командировку!

Автор: И тебе тоже! В другую.

Мира: Н-но...

Автор: Перед кульминацией сойдётся. Для драматизму.

Глава 18 Песни Литы

На подъезде к Метору владыка объявил, что Лира оставляет его и отправляется с группой Митто. Вереница черных экипажей свиты встала, и они вдвоем покинули дормез, где отдыхали.

- Ты хорошо приглядишь за Митто, верно? - скорее утвердительно сказал Дэви. Лира тряхнула головой, пробуждаясь от грез, в которых, на грани яви и сна, пребывала всю дорогу.

- Думаете, он сможет утаить Избранного от вас, господин? И даже если б ему хватило смелости скрыть от вас имя владельца Дара, зачем ему делать это?

- Я сказал это затем, чтобы ты вернулась в реальность, - его губы тронула легкая улыбка. - А в твоей силе, как и в слабости Митто, я не сомневаюсь.

Лира тоже улыбнулась - вежливо. Перед ними по холмам вилась широкая, длиннейшая в стране дорога, связывающая Дону с Кардой. Метор виднелся в ложбине между холмов впереди: серо-синие в сумерках громады домов. Будто отрубили кусок скучного Ориенса или Сальтуса и бросили в полях.

- В Меторе вы не задержитесь. Сразу поездом отправитесь на юг, в Прэсто. Недавно среди вампиров-дикарей пошел слух, в Прэсто появился некий «волшебник» - человек, способный песней чар вернуть *carere morte*, даже высшего, в смертную жизнь, к свету солнца. Правда, ненадолго: часы и дни. Сесилии Калькар удалось поймать распространительницу слухов, которую «волшебник» вернул к свету на целые сутки. К сожалению, подробностей дикарка сообщить не пожелала.

- Сесилия ее еще не убила? - встрепелась Лира. - Я могла бы попробовать воздействовать на нее чарами. Я уже неплохо читаю мысли даже высших вампиров, - во взгляде Дэви тут же появилась стена, поэтому она поспешила поправиться. - Разумеется, не мысли высших из высших, господин.

- Дикарка испугалась, что прочитав ее мысли пришлют низшего. Выдавать же имя Избранного не желала никому, - сухо сказал владыка. - Она снова вышла на солнце и без защиты «волшебника», естественно, сгорела.

- Какова преданность!

- Потому твоя задача - скрытно проверить дикарей Прэсто и определить, кто туманит им разум: настоящий Избранный или низший, как ты.

- Полагаете, низший мог так загипнотизировать ту *carere morte*, чтобы она на день поверила, что исцелилась? И она не сгорела под солнцем?

- Вампиров сжигает дотла прежде всего страх. Вся кожа вампирки была в шрамах заживших ожогов - солнце продолжало действовать на нее, исцеление не было настоящим, просто она поверила и не боялась. Сработало сочетание условий: пасмурная погода, сильное внушение... Ищи следы воздействия низшего, как ты, на разум дикарей. Митто в это время займется нашими конкурентами - охотниками.

- Орден направил в Прэсто отряд? -

Пересохло в горле. Встретаться с бывшими союзниками совсем не входило в планы Голоса Бездны. Больше чем их мечей Лира боялась осуждающих взглядов.

- Скоро направит. Куклы Калькаров уже в городе, они неминуемо привлекут внимание охотников. Глава ордена знает, что я ищу... - владыка усмехнулся. - Но Адам хорошо встретит охотников, в этом я также не сомневаюсь. Его ненависть к ордену сильнее даже

моей. Тебя бывшие коллеги не потревожат, будь покойна.

- Благодарю, господин, - промямлила Лира.

- Я же возвращаюсь в Карду. Теперь надолго: когда приедешь с известиями, увидишь знамя над башнями замка, - в глазах Дэви мелькнули и тут же потухли мимолетные живые искры. - Немного рано: с Большой Охоты не прошло и десяти лет, но это необходимо.

- Это я понимаю, - не подумав, ляпнула Лира, и вот тут взгляд владыки сделался пронзительным, жгучим, страшным:

- Что ты понимаешь?

- Ну... орден направил большой отряд на север, сражаться с Либитиной. Я думала, вы захотите помешать им.

- Вот теперь верю, что мысли высших из высших тебе действительно недоступны! - Дэви рассмеялся, но все та же неясная, но тревожащая жесткость была в его взгляде. - Северный поход ордена равно выгоден и мне, я не стану препятствовать. У Либитины большой архив. Если охотникам удастся добратся сквозь Лабиринт до него - вот тогда я вмешаюсь, но не раньше.

- Какие сведения вас интересуют, господин?

- Самые разнообразные, - он поманил за собой. Они пошли к замыкающему цепь дормезу, из которого выбирались заспанные Адам с Хеленой.

- Более всего в северном походе меня интересует личность предводителя охотников, - признался Дэви. - Карла Хортора. Что ты помнишь о нем?

- О Карле? - Лира смешалась. Она не видела причин не говорить владыке о ком-либо из бывших коллег и в то же время не хотела говорить. Это было бы слишком подло даже для предательницы Диос.

- Карл - секретарь главы, во всяком случае, был им, когда я числилась в охотниках. Он вроде умный: сам разгадал, что орден скрывается под личиной Студенческого Общества Академии, так и попал к нам... Близко мы не общались.

- Он может быть потомком Арденса?

- Нет, господин, определенно нет. Латэ сделал Хортора своим секретарем, потому что ему запретили выходить в рейды после первых охот. У него не было защиты от вампиров, ни малейшей.

- Интересно, - повторил Дэви, в беспокойной задумчивости побарабанил пальцами по губам. - Сейчас у него сильная защита. Мы встречались у Вальде... Щит, как у Гесси или тебя, который не разбить силой *carere morte*.

Лира внутренне напряглась. Да, несколько лет назад был странный случай, когда владыка внезапно сорвался в Карду на несколько дней, а, возвратившись, долго допрашивал Лиру про Арденсов. Но о покровителях ордена она мало что смогла сказать. Как поняла Лира, Дэви хотел предложить опальному графу Вальде, возвратившемуся из империи Юга? помощь, и тем самым подчинить себе одного из потомков Лазара. Но возвратился он ни с чем, раздраженный и злой. Какому-то охотнику удалось увести Вальде у владыки из-под носа. Лира как низшая сумела прочесть, что стояло за злостью Дэви, что ее порождало: страх. Владыке встретился по-настоящему сильный противник, он не знал, как сражаться с ним. И было еще что-то... Другое, горькое чувство, залегающее так глубоко, что ей пока не удавалось его хотя бы рассмотреть его, попробовать на вкус.

- Я не знаю, при каких обстоятельствах Карл получил защиту, - тихо сказала Лира. - Но если бы и знала... Вы сказали, силой вампира эту защиту не разбить.

- Ее можно разбить изнутри: слабостью охотника. Для этого нужно знать, что создает защиту.

Она поперхнулась. Так вот он о чем: разбить сильную защиту осознанием своей слабости! Как похоже на ее историю! Значит, с ней вампир тоже заранее определил слабость и воспользовался? Лира сжала губы. Слов сожаления или обиды Дэви от нее не услышит.

- Вы это выясните, господин, - успокоила она. А про себя отметила, что уже нашла слабость Дэви, только спрятана она глубоко. Придется поискать подходящий крючок, чтобы вытащить.

Владыка остановился, будто что-то почувствовал. Развернул ее к себе, держа за плечи.

- Я не враг тебе, Лира Диос, - спокойно сказал он. - Помнишь это?

- Да, господин. Вы с моей Госпожой союзники.

- Дай мне руку.

Лира покорно подчинилась. Дэви накрыл ее кисть своей.

- Давай, - приказал он.

Лира пошевелила пальцами, ощупывая невидимые нити, из которых было соткано мироздание, владыка повторил движение за ней. Он все еще надеялся через нее почувствовать Бездну, поиграть с Нею. Лира зареклась повторять опыты архива и Призрачного парка, переводя силу Бездны в оружие, но другому так не научилась, хотя прилежно искала, чем еще можно сделать Бездну. Ведь не может же Она быть всего лишь олицетворенной яростью?! Найти созидающее начало силы не получалось. Какой-то барьер сдерживал тут *carere morte*, Лира все сильнее ощущала его вместе с растущей в крови частицей проклятия.

- Не получается, - прошептала она.

- Не понимаю, почему?

- Может, меня следовало оставить смертной, господин?

- Регина Вако, став *carere morte*, пользовалась силой Бездны. Также как Великий вампир, - Дэви резко отпустил ее руку. - Ты недостаточно стараешься, занимайся больше! Бездна должна владеть твоим телом, Лира Диос, - его пальцы больно сдавили ее плечо. - Если же нет, оно мне не нужно.

Лира нервно кивнула, вспомнив зачем-то Лабиринт и слова Либитины: «Не боишься испытать на себе его ярость?»

- Адам, все отчеты о поисках передаете через кукол Магнуса, - как ни в чем не бывало обратился Дэви к подходящему Митто. - Лира вам поможет.

Адам поклонился и наградил Лиру фальшивой улыбкой. Дэви отступил - будто тяжелая холодная глыба льда отодвинулась, Лира наконец смогла вздохнуть полной грудью.

Вместе с Адамом и Хеленой они смотрели, как змейка экипажей уползает на север. Безвладыки Митто сбросил благожелательную улыбку, лицо перекосила ехидная усмешка.

- Зачем Дэви оставил мне надсмотрщиком Голос Бездны, хотел бы я знать? - процедил он, когда кареты свиты окончательно скрылись в лесистых холмах на горизонте.

Хелена пожала плечами.

- Может, он так ее испытывает, а не тебя? - спросила она воющую ветренную тишину и засмеялась. Выдохнула тень, и черное облако окутало ее светлое, обильно украшенное кружевами платье, распахнулось за спиной крыльями. Обратился и Адам, подхватил Лиру. Сегодня он с ней не церемонился, дернул резко вверх, как марионетку на ниточках. Лира решила, в поезде ему это припомнит.

Прэсто сразу понравился Лире. Старинный город у тёплого моря в последние годы приобрел славу лучшего в стране курорта. Богатые приезжали сюда лечить хронические болячки, и большинство правда исцелялось. В Прэсто не было ни тени, ни чар, окутывавших Карду и Дону. Этот кусочек земли страха был живым, не то что блёклый север! Вампирского, тёмного - того, что печатью лежало на северных землях, здесь было совсем немного. Как капли черной краски в стакане воды, они растворялись и исчезали незаметно для глаз.

Одним из кусочков такой тьмы был дом, в котором они с Митто и Калькарами остановились. Несмотря на всю красоту увитых плющом окон и великолепного сада вокруг, он, как большинство вампирских укрытий, казался удивительно неуютным. К тому же из подвала, где хранились незадействованные марионетки и была организована маленькая бойня для пополнения запасов кукловодов, тянуло жуткой смесью запахов крови и разложения. Ночи Лира предпочитала проводить в розовом саду, а днем уходила к морю. Она отыскивала пустынное местечко на берегу и ходила туда любоваться закатами и восходами. Сидела на горячем сухом песке, пересыпала песок из горсти в горсть или просто держала на открытой ладони и ждала, когда песчинки унесёт ветер. Песок сыпался с лёгким шелестом, и Лире казалось, это она сама истончается и рассыпается, это её по крупичкам тёплый ветер уносит в небо. Иногда она проходила дальше, до галечного пляжа, и перебирала гладкие камни, обведённые кругами соли, выкладывала из них узоры или просто грела в руках - занятие, достойное двухлетнего ребёнка. Порой Лира вспоминала, что эти камни, холодные и тяжёлые, бессчётное число эпох назад были живыми, странными существами, населявшими совсем ещё молодую планету, и эти мысли нравились ей. Они приближали её к жизни, заставляли почувствовать связь между всеми когда-либо жившими существами.

Она надеялась, отдохнув, сможет лучше почувствовать Бездну, чтобы удивить потом владыку новыми умениями Ее Голоса, но ничего не получалось. Она забывала даже то, что смогла проделать в архиве и парке. Что такое ярость Бездны рядом с мощью огромного тёплого моря, огромного звёздного неба? Тьма таяла здесь, на краю земли. Таяла и скоро совсем исчезала... Горизонт в Прэсто был чист, как нигде, и, глядя на кромку воды и неба, Лира порой забывала, что она - *carere morte*. Она забывалась: владыка, его свита, вся её странная жизнь казалась глупым сном. И Лира закрывала глаза, смешно надеясь, что таким образом очнётся для новой жизни там, у кромки земли и неба...

Адам, услышав, что ее задачей будет проверка местных низших, успокоился и под холодным взглядом Голоса Бездны поспешил принести извинения. Кроме него и Хелены тут были еще Магнус и Хиам, младший из Калькаров. С собаками последнего Лира играла в саду, отвлекая их от задания. А ей самой для путешествий по городу и за город Хиам сделал марионетку-лошадь. Лира, хоть и понимала, что животное мертво, все же дала ей кличку - Мирта. О своей лошадке она мечтала когда-то... в детстве. странном детстве, словно совсем не принадлежавшем *carere morte* Диос.

Поиски Избранного грозили затянуться. Скоро в Прэсто подтянулась группа охотников, и поиски Дара превратились в поиски истинного следа Дара. Противники успели подставить друг другу обычных людей, выдав их за объекты поиска, пару раз организовать переговоры и на этих переговорах подраться. Избранный же скрывался и от тех, и от других. Выехать из города он не мог - все пути были перекрыты дважды: стражей вампиров и стражей охотников. Оставалось прятаться в городе, постоянно перемещаясь.

Слухов о золотой крови, в отличие от прошлого раза, не было: Избранный ухитрялся не получать повреждений. Искать приходилось вслепую. Сначала Митто предположил, что Избранный предпочитает дома со слабой защитой, чтобы туда легко могли войти просящие помощи дикари, и марионетки Калькаров проверяли их. Охотники в это же время занялись проверкой домов с сильной защитой, рассудив, что Избранный видит обилие вампирской тени в городе и укрывается от нее под крепкой защитой стен. Потом группы поменяли мнение, но и новая проверка не дала ничего. Избранный водил их за нос, только сказки о нем складывались все фантастичней. Дикари после случая, о котором рассказал Дэви, взяли за правило, попав в плен, заканчивать свою вечность самоубийством. Лира как низшая пыталась вызывать их на мысленный разговор, проявление эмоций, но чаще всего не успевала или же полученные из их мыслей данные различались: один вспоминал волшебника, другой - волшебницу. Эти образы мелькали быстро, как крылья бабочки, и также быстро рассыпались золотой пылью. А вскоре случаи «исцелений» вовсе прекратились, Избранный затаился. Проверка низших ничего не дала, Лира не смогла найти в городе таких же, как сама.

С самого начала поисков Лира максимально дистанцировалась от Митто. Она вовсе не хотела, чтобы Избранный попал к вампирам Дэви, так же, как и к охотникам. Когда Лира найдет его или ее - поможет сбежать из города, а там пусть делает, что хочет. Потом она подумала: неплохо бы заручиться поддержкой на стороне охотников, и тогда в памяти сразу всплыло одно имя: Мира Вако.

За что *carere morte* сражается сейчас? Лира знала, она на стороне ордена, но по своей ли воле? Может, и ей нужна помощь, чтобы сбежать?

Увы, на встречи конкурентов Гесси ее не привозил. Охотники берегли единственную *carere morte*, на редкие вылазки Мира выбиралась только в сопровождении всей группы. Лира уже отчаивалась, когда в самый разгар лета, душной июльской ночью вдруг почувствовала одинокий след ее эмоций. Она так и привскочила со скамьи в саду. Вако вышла одна, без охотников. И это была именно она, а не безымянная дикарка. Лира быстро научилась отличать Миру от прочих, в волнах мыслей и эмоций смертных и бессмертных она являлась как камешек, горькое семя полыни. Несчастливая, безумная, замкнутая на одну неназываемую, но хорошо знакомую Лире идею - найти Избранного не потому, что так велели хозяева - потому, что так велело болящее сердце.

Лира, стараясь не выдавать волнения, небыстро пошла по садовой дорожке к воротам, но уже через несколько шагов в ладонь ткнулся холодный сухой нос собаки Хиама.

«Куда ты?»

- Я нашла один след, - прошептала Лира виновато. - Не сопровождай меня».

«Опасно!» - собака заступила дорогу. Лира рассмеялась.

- Это не опасно для Голоса Бездны. Ничто не опасно для Голоса Бездны. Только... Хиам, не говори ничего Митто».

Собака медленно кивнула. Завороженно и преданно глядя ей в глаза, отступила. Лира выскочила за ворота, помчалась через улицу.

След Вако становился ярче. Скоро водоворот ее эмоций закружил низшую так, что ноги заплелись. Лира вынужденно оперлась о стену дома... и увидела опускающуюся в пяти шагах небольшую неяркую крылатую тень. Коснувшись тротуара, она рассыпалась клочьями. Перед ней стояла Мира Вако.

- Лира Диос, - прошелестела *carere morte*.

- Мира Вако... Почему ты вышла ночью одна?

- А ты?

- Нам нужно поговорить, - выдохнула Лири. Мира кивнула:

- Я тоже так думаю. Только надо уйти с улицы.

- Крыша? - предложила Лири. Мира мотнула головой.

- Лучше подвал. Крыши просматриваются Калькаром. Да и нашей группой также.

Они спустились в сырой колодец подвала, остановились сразу за незапирающейся дверью, чтобы в скупом наружном свете хоть чуть видеть собеседницу нормальным человеческим - не вампирским зрением. Но в первые минуты обе молчали. Изучали друг друга. Мира прислонилась к склизко-блестящей стене, скрестила руки на груди. Но, несмотря на закрытую позу, настроена она была решительно и начала первой.

- Почему ты удрала от своей группы?

- А ты от своей?

- Я ищу Избранного, - опасный огонек вспыхнул в глазах Вако.

- Я тоже. -

Беседа с отражением в зеркале! Лире во что бы то ни стало захотелось разбить гладкую стеклянную поверхность недоговоренности:

- Тогда, в Призрачном парке... я хотела дать Избранному свободу от Арденсов. Я не видела иного пути, как защитить его силой Дэви. Но сейчас я ищу Дар не для Дэви.

Мира хмыкнула:

- Как я когда-то. А сейчас я в ордене, как ты раньше, не хочу отдавать Дар Арденсам. Избранный должен жить.

- Жить и быть свободным, да! - радостно и чуть громче, чем нужно согласилась Лири. - Мы можем друг другу помочь.

Пауза. Взгляд *carere morte* медленно теплел. Она чуть улыбнулась и вдруг болезненно напомнила Лире Винсента. Улыбки у них были одинаковые. Доверчивые...

- Можем помочь, - глухо согласилась Мира.

- Нужно вывезти Избранного из города, подальше от ловушек!

- Сначала его нужно найти. Ты сможешь достать для меня несколько тел?

- Тел?

- Я сделаю марионеток, чтобы быстрее искать. У Калькаров же бесперебойная поставка мертвецов?

- Ну... в общем, да. Я смогу изъять пару трупов и спрятать... хотя бы тут.

- К завтрашнему вечеру справишься?

- Постараюсь.

- Очень хорошо. Тогда это и будет твой вступительный взнос в наш маленький клуб, Голос Бездны, - Мира развернулась к двери. Лири придерживала ее:

- Стой! А дальше что?

- Пока ничего. Будем идти вперед маленькими шажками.

Вроде все было ясно, но Лири не отпускала руку. Еще нужно было сказать Мире про Винсента... Нужно, но слишком тяжело! Рука опустилась. Вако, прочитав ее мысли, усмехнулась.

- А твой каков взнос? - любопытствовала Лири, неосознанно отталкивая удар этой усмешки.

- Я тебе доверяю.

Она обратилась крылатой тенью, вылетела прочь.

«Первый шажок» удался: Мира получила двух марионетков во владение. В ожидании результата ее поисков расхрабрившаяся Ли́ра решила попробовать другой путь. Раз Вако откалывает такие штуки под носом Даниеля Гесси, почему она не сможет обмануть Адама? Она решила притвориться ищущей исцеления *carere morte*. Может, Избранный клюнет на эту уловку? Даже затворника выманят на свет чары низшей.

Тренироваться в чарах она решила, не покидая любимого розового сада. Устраивалась поудобнее на скамье, закрывала глаза и, мысленно обращаясь сразу ко всему городу, звала: найди меня! Розы на кустах медленно склоняли тяжелые головы, роняя шелковые лепестки на аллеи, и также и ее голова тихонько клонилась на грудь. В душном тяжелом аромате увядающих цветов к сладости розы примешивалась, растворяясь, иная сладость - разложения. Запах набивался в одежду, волосы... мысли. Сладкое липкое море обволакивало и влекло за пределы тела, за пределы сада. Ли́ра вспоминала все с самого детства, без анализа, что было хорошо и что плохо. Эти воспоминания были петельками, цепляясь за которые можно было вернуться, не потеряться. Иногда она так долго блуждала в неосознаваемом другими море, что ее будил лишь оклик возвратившегося с охоты Адама или Хи́ама. Ли́ра вздрагивала и в этот миг болезненней обычного ощущала пульсацию своего сердца - и все цепи проклятия *carere morte* на нем.

В этот раз она тоже сначала подумала, что ее окликнул Хи́ам. Открыла глаза. Но у ворот сада стояла какая-то незнакомая фигура, и собаки кукловода не крутились, как обычно, поблизости.

- Кто это? - тихо, но звонко спросила Ли́ра. Волнение нарастало. Она вспомнила, что сегодня Магнус Калькар вывел всех марионеток в город - и вампиры, и охотники по словам Митто наткнулись на один и тот же «верный след». Охранять дом осталось только несколько марионеток Хи́ама... но, похоже, не было уже и их, не то подняли бы лай.

Фигура у ворот шевельнулась, и в лунном свете блеснуло лезвие опущенного меча в руке.

- Кто вы? - громче повторила Ли́ра.

- Вы звали, - утвердительно сказала фигура. Голос был похож на голос Хи́ама, но принадлежал он не вампиру, чувствовалось дыхание жизни. - Вы *carere morte*, желающая исцеления. Я пришел за вами.

- Вы Избранный? - Ли́ра порывисто вскочила, но тут же спохватилась: не нужно напора, можно спугнуть! И к незнакомцу не побежала, осталась на месте.

- Я пришел, чтобы вас проводить, - упрямо повторил он, и теперь сам двинулся к ней. Ли́ра молча ждала, пока просто изучала. Это был молодой мужчина, длинноволосый, с благородными чертами лица. «Какая-то фамилия кардинской Короны», - машинально подумала Ли́ра. Одет в охотничий костюм, немного слишком вычурный. Кожаные штаны и плащ с оплечьем-пелериной и удлиненным капюшоном, красный платок закрывал нос и рот. Никто из охотников так уже двести лет не одевался, но этот носил старинный костюм с тем же статным изяществом, что Дэви.

- Идемте со мной, и вы получите исцеление, - он подал руку в грубой кожаной перчатке. Ли́ра сглотнула, но вложила свою ладонь в его. Как низшая, она чувствовала: не лжет. По крайней мере сам верит в то, что говорит.

- Мой сад охраняли куклы-собаки. Где они? - хрипло от волнения спросила Ли́ра.

- Отвлек, - равнодушно сказал человек. - Они убежали на улицу.

- Но вы не причинили им вреда?

Он жестко усмехнулся:

- Нет. Чтобы вам потом не причинил вреда их хозяин. Он ведь и ваш хозяин?

- Благодарю. Вовсе нет. Вы не из группы Гесси, я вижу... Как ваше имя?

Он не сказал. Они вышли за ворота, и мужчина повел Лиру куда-то сквозь город, волшебным образом угадывая непросматриваемые Калькарами куски улиц. Точно, Избранный! Лира осмелела:

- Вы знаете, что в городе на вас охотятся? И *carere morte*, и орден.

Он кивнул. Жаль, из-за тени капюшона невозможно было различить выражение его глаз.

- Если б вы назвали хотя бы свою фамилию... По происхождению вы из кардинской Короны, верно?

- Корвус, - отрывисто сказал, точно каркнул он.

Лира ждала, что они задержатся у какого-нибудь дома или гостиницы, но они спускались все ниже, в ближние к морю кварталы. Крыши домов впереди блестели как грибные шляпки после дождя. А потом и они остались позади, впереди было только побережье. Светлая полоса песчаного берега и темное, покачивающееся, бормочущее на тысячу голосов-шепотков море. Лунная дорожка плескалась кипящим серебром, уводя к пустому чистому горизонту. Дальше идти было некуда. Лира нерешительно оглянулась на спутника. В уме она перебирала возможные варианты начала беседы с Избранным, но все мешалось в кашу. Его меч, покачивающийся в ножнах под плащом, притягивал взгляд.

- Я благодарна вам, что не побоялись прийти за мной в сад, - наконец, сказала она. - Признаться, я не ожидала, что Избранный сам за мной явится, да еще так быстро...

- Я не боюсь *carere morte*, - отрывисто заверил он. - И я не Избранный. Целитель ждет вас здесь.

Теперь Лира разглядела: там, где вода встречалась с песком, в самом начале серебряной лунной дорожки танцевала девушка.

Сначала она показалась призраком или духом - очень уж непривычен был ее вид. Неубранные в прическу длинные, ниже талии темные волосы танцевали свой танец, то взметываясь, то опять дождем спадая на плечи. Тонкую фигуру не сковывало платье на корсете, девушка замоталась в узорчатое зеленое покрывало, подражая жительницам Империи Юга.

Спутник не стал окликать ее, притихла и Лира. Странный танец девушки завораживал. В нем угадывались элементы многих распространенных танцев, и все же этот был особенным. Была неправильность, присущая непрофессионалам, и она и завораживала, не вызывала снисходительную улыбку. Неправильность - в сбоях ритма, в незавершенности, неустойчивости движений была намеренной... но для чего? Загадка заставляла следить за танцем, не отрывая глаз, почти не моргая из опаски пропустить дающую разгадку фигуру. А еще верней, подобрать бы юбки, расплести косы вокруг головы, распустить корсет, чтобы стан мог также свободно изгибаться, и в кромке прибоя присоединиться к танцующей... Вот значит, какова Избранная!

Девушка оборвала движение, повернулась к ним. Даже издали Лира ощутила, как пронзает ее взгляд, высвечивая всю суть. Она машинально отступила в сторону, желая не то спрятаться за спутника, не то вовсе убежать. Эта Избранная разглядела сразу все, и хорошее, и плохое, что было в ней... Плохого было больше.

Избранная быстро пошла-полетела к ним. Рука мужчины тут же легла на эфес меча, он послал остерегающий взгляд Лире: только дернись! Лира усмехнулась: оружия при себе не носила.

- Вот и ты, - прошептала Избранная и подала руки. На худых запястьях звякнули тонкие витые браслеты, какими торговали на приморском рынке. Ладони девушки были разрисованы изящной вязью узоров, такой же, как на ее покрывале. - Ульрик, все в порядке. Она не опасна, я знаю, - успокоила Избранная мужчину и опять обратилась к Лире. - Я услышала тебя издалека. Не бойся.

Ее ладони нетерпеливо покачнулись в ожидании соприкосновения с ладонями Лире, но та не подала рук.

- Что ты услышала? Кто ты? - выдохнула она, начисто забыв о чарах, что сама недавно плела, такое странное действие оказывала эта Избранная. Даже неподвижная, молчащая, она вся была как танец, как песня. Не хотелось вычислять, кто она и зачем, холодным разумом, хотелось отдаться ее волшебству.

Колдовству...

- Я услышала зов твоего сердца. Оно хочет освобождения. Ты хочешь исцеления, - Избранная вскинула на нее глаза, и Лира отметила, что их на простоватом незаметном лице будет очень сложно забыть. Лучистые, ясные, как у дитя или мудрого старика.

- Ты слышишь зов всех *carere morte*? Это о тебе ходят слухи, что ты их лечишь?

- Обо мне, - немного растерянно пробормотала Избранная. - Но это ничего. Мы скрываемся и сами находим тех, кто зовет искренне. Как ты.

- Говорят, ты на час или день возвращаешь *carere morte* к жизни при свете солнца. Как это?

Избранная улыбнулась:

- Ты все спрашиваешь, но сама до сих пор не подала мне руки. Как я смогу объяснить это, не прикоснувшись?

Теперь Лира позволила их ладоням соприкоснуться, и по ним, поднимаясь выше, до самых плеч пробежала волна мелкой дрожи.

- Ох! - выдохнула она.

- Она из «темных»? - неприязненно спросил Ульрик.

- Нет, наоборот! Из самых «светлых», - Избранная расцепила пожатие. - Она недолго пробыла с детьми Пустоты и мало взяла от них. Ты и без моей помощи сможешь пройти под солнцем, верно?

- Да. У *carere morte* это называется «низшая», - уточнила Лира. Отвращение Ульрика, неизвестно почему, покорило.

- Вот потому, услышав тебя, я подумала: может, эту *carere morte* мне удастся вернуть к жизни полностью и навсегда? И послала за тобой моего рыцаря, - очень тихо призналась девушка. Лира отступила. Вопрос Избранной больно уколол. Она не для исцеления звала Избранную. Исцеление ей вовсе не нужно. Чары низшей - ее главное оружие против Дэви. Она справляется с диетой и до сих пор получает удовольствие от человеческой пищи. Ей неплохо быть *carere morte*.

- Я звала тебя не за исцелением, а чтобы сказать, - пробормотала она. - Тебе нужно как можно скорее покинуть город. Я помогу. Я и... еще одна *carere morte*. Тебя ищут: одни, чтобы убить, другие, чтобы лишить воли и свободы.

Теперь отступила Избранная.

- До сих пор я неврежденной выходила из крылатой тени. Не вижу необходимости уезжать отсюда насовсем. Это единственное место в Терратиморэ, чистое от тени. Мои исцеления получаются только здесь.

- Ты же Избранная! - в поисках поддержки Лира взглянула на Ульрика. - Ты не представляешь, какие масштабные планы на тебя и у Дэви, и у Краса!

- Она права, - неожиданно поддержал мужчину и удостоился от Лире теперь благодарного взгляда, но Избранная капризно помотала головой.

- Я не Избранная, - внезапно холодно сказала она. Этот холод показался особенно страшным по контрасту с ее прежним светом, будто душа-огонь, покинул тело. - Я просто пою и танцую для детей Пустоты. Дарю им свет, и, пока он горит, они не чувствуют цепей проклятия. Только у тех, кто внутри темен, он горит, увы, недолго...

- Просто ты не все о себе не знаешь, - прошептала Лира. Избранная легко рассмеялась, мгновенно вернувшись к прежнему весело-легкомысленному настроению.

- Зато я все знаю о тебе!

Она взмахнула, приглашая сесть. Лира повиновалась. Избранная опустилась рядом, на колени, достала из складок покрывала простую деревянную флейту. Заиграла. Странная мелодия, такая же странная, как недавний танец. Какой-то дикий ритм и долгие трели, прерываемые ещё более долгими паузами.

- Что это? - прошептала Лира. Странная мелодия покачивала ее, кружила. Такая же знакомая, как собственный голос, как биение своего сердца, эта мелодия была... ее музыкальным портретом.

- Это? Волшебство! - серьезно прошептала Избранная, на миг оборвав трель.

Да, это было волшебство. Мелодия выправлялась, становилась все более гармоничной... все более уверенной. Но небыстро, не сразу - шажками, давая Лире время осмыслить все происходящие изменения. Мелодия вела за собой и меняла её, меняясь сама... Что это? - Слезы на щеках. Лира торопливо осушила их рукавом платья, опустила голову, прячась от странной флейтистки за волосами.

Бездна, руки дрожат. И сердце бьётся испуганно, сильно. Что эта музыка делает с ней?!

- Хватит, прекрати! - почти крикнула она, но Избранная продолжала. Дойдя до головокружительно высокой точки, мелодия окончательно обрела гармонию. Лира снова вскрикнула - теперь от восторга - и музыка оборвалась.

- Вот так, - сказала Избранная, вновь пряча флейту. - Чувствуешь что-нибудь новое?

Лира молчала, прислушиваясь к ощущениям. Сердце все еще билось сильно и уже согрелась кровь - она чувствовала, как жар румянца разливается по щекам. Все эмоции теперь ощущались иначе. Прежде они были тусклыми запыленными кристаллами, а сейчас их протерли, и все грани засверкали. И... кажется, она чувствовала вокруг Ее - настоящую незлую Бездну. Лира шевельнула пальцами и по лунной дорожке до самого горизонта побежала рябь, будто великан пальцем провел по поверхности моря.

- Что ты со мной сделала?!

- Исцелила, - прошептала девушка. Лира потрясенно вздохнула.

- Это не навсегда, - Ульрик глядел внимательно, испытующе. - Обычно, это длится час или два.

Лира подобрала гладкий холодный камень и, привстав, запустила его скакать по волнам. Более всего хотелось вскочить и запрыгать, подобно щенку, подобно этой странной девушке. Исцелила! Ее! Просто так! На целый час! Вот оно, сокровище, что ищет и Дэви, и

орден!

- Я благодарю тебя, но повторяю: здесь очень опасно. Вам нужно немедленно бежать из Прэсто. Ульрик, вы со мной согласны?

Тот, помедлив, кивнул.

- Нет! - Избранная опять в волнении схватила Лиру за руки. Ладони были сухи и горячи. Она вся была как... спичка - тонкая, ярко, но недолго пылающая, сгорающая в свете, который дает, дотла. - Мой Дар раскрылся здесь, где много солнца! Куда вы предлагаете бежать? В Дону, в Карду?! Там он погаснет! Тень его потушит!

- Здесь вам грозит смерть, - Лира поднялась. - Удивительно, как вы до сих пор живы! Вы не спросили ни моего имени, не уточнили, кому принадлежит сад, в который пришли за мной. А ведь я в группе тех, кто ищет ваш Дар, чтобы его погасить.

После этих слов Избранная присмирела, но все же не покорилась до конца.

Ульрик проводил Лиру обратно. Теперь он относился к ней куда благосклонней и согласился поддержать беседу.

- Вы охотник, Ульрик? Почему вы не с группой Гесси?

- Я не учился охоте на вампиров.

- Не подумала бы... Вы с самого начала сопровождаете Литу?

- Мы приехали весной, остановились в гостинице на Ольховой улице. Лита Фабер - моя кузина, но мне как родная сестра. После смерти отца она десять лет жила в доме Корвусов в Карде, но все рвалась обратно на юг, где был дом ее родителей. Говорила, Тень севера сдерживает ее дар. Она его чувствовала с детства и называла: Свет.

- А мы называем его: Дар, - улыбнулась Лира. - Ваша кузина - Избранная. И я найду для нее такое место, где ее Дар сможет светить свободно.

- Леди, - он скинул капюшон, открыл лицо. Блеснули взволнованные глаза - юношеские, на десять лет моложе самого лица. - Прошу простить, что был резок и даже груб с вами. Сестра жалеет всех *carere morte*, но я - нет. Я считаю, большинство из них уродливые твари, недостойные исцеления. Простите опять мою прямоту...

- Вы помогаете Лите, как и я. Это главное.

- Я не считаю всех *carere morte* достойными исцеления, - серьезно сказал он. - Но я не могу отрицать, что свет, исцеляющий их, существует. Пока Лита говорит, что он помогает, и может помочь больше, я буду помогать ей.

- Тогда увезите ее отсюда! И сегодня же поменяйте убежище. Мы не можем быть точно уверены, что нас не заметил никто из врагов.

- Да, я понял, что мы ввязались в опасную игру. Лита вернется на север, я спрячу ее в старом доме Корвусов, на восточном краю Карды. Сам же, думаю... - он замаялся.

- Что?

- Думаю, обращусь в Академию. Стану настоящим охотником, как те, что тут противостоят *carere morte* Дэви.

Лита улыбнулась:

- Истинное Служение делу истребления проклятия посложнее, чем в сказках.

Они остановились у решетки сада. Аромат роз опять кружил голову. Сейчас в нем совсем не замечалась струя гнили.

- Вы, я чувствую, иная, чем другие *carere morte*. Настолько иная, что, - Ульрик помолчал, подбирая слова, - я хочу узнать ваше имя, чтобы обращаться к вам по имени, думать о вас, зная его.

Лири неловко улыбноулась:

- Лири. Лири Диос.

- Диос? Слышал, это фамилия охотников.

- Да, - вздохнула она.

Струя гнили совсем не ощущалась в нежном цветочном аромате. Но Лири знала: она тут есть - это отравляло всю сладость.

- Как же вы оказались...

- Низшей *carere morte*? Это был мой долг, - сухо сказало она, но в глазах Ульрика блеснуло восхищение. Миг тишины и звона натянувшейся нити их взглядов - и он преклонил пред ней колени как какой-нибудь старинный рыцарь.

- Я чувствую, вы человек чести, и *carere morte* стали не потому, что вам приятна их вечность и убийства людей, - сказал он.

Лири немного натянуто улыбноулась. Сердце молило поскорей прогнать Корвуса, пока от его слов не стало слишком по-живому больно.

- Может быть. Теперь уходите: *carere morte* близко, а у вас пока нет защиты.

- Защита будет! - вскинулся он. Лири улыбноулась теперь искренне:

- Да, вижу. Из вас получится отличный охотник, Ульрик.

- Не лучший чем вы, леди Диос, - быстро сказал он. Сухими от волнения губами коснулся ее запястья, и, церемонно поклонившись, ушел. Лири, оставшись одна, прислонилась к решетке и беззвучно рассмеялась. Интересно, кем он ее представил, разведчицей в стане врага?

Но смеяться над Ульриком не смогла. Он не играл в охотника старинных времен, он... был им. Будто благородный рыцарь сошел с картинки в книжке сказок. Яркие эмоции юности причудливо мешаются у него с зрелой жесткостью суждений - завораживающий образ! Рядом с Ульриком Лири чувствовала себя иной, или это все еще эффект исцеления? Очищенной. Человеком чести - да, эти его слова польстили. Ободрили. Честь - вот, что Лири действительно ценила. Сразу после свободы.

- Леди Лири? - из тени зарослей жасмина вышел Хиам.

- О, - выдохнула Лири, сообразив, что еще даже не придумала, что совет вампирам. - Адам с Хеленой тоже возвратились?

- Еще нет.

- Хорошо...

- Что за человек вас провожал?

- Это мой... информант.

Хиам с усмешкой кивнул. Глаза кукловода остались холодными, равнодушными, но Лири чутьем низшей ощущала, какая буря бушует сейчас у него в сердце. Он тревожился за нее. Боялся за нее.

- Что такое, Хиам? - вырвалось помимо воли. Хозяин зверей вздрогнул и неосознанно отступил немного, почувствовав, что она прочла его эмоции.

- Я вижу, вы хотите пойти против того, что поручил владыка Дэви, - тихо сказал он. - Почему, леди Лири? Я не выдам вас Адаму, но я должен знать.

- Я иду против того, что нам здесь поручил владыка, но я не иду против владыки, - выдавила Лири. - Ты еще помнишь, что такое свобода, Калькар? Я хочу, чтобы хоть кто-нибудь помнил. Хотя бы Избранный.

Она задела верную струну: Хиам, с детства отданный в слуги бессмертным Магнусу и

Сесилии, сглотнул и нервно дернул головой - соглашаясь.

- Лита Фабер? - Мира в волнении меряла шагами все тот же подвал, а ее широкая юбка собирала на себя паутину и пыль со стен узкого коридорчика. - В Прэсто с весны, и это к ней дикари бегут за исцелением... Но светится ли ее кровь, ты не проверяла?

- Как я могу проверить? Низшие этого не видят. А ты не проверяла гостиницу на Ольховой?

- Проверяла, последний раз две недели назад. Все было чисто.

- Может, она в это время также танцевала на берегу? Неужели тебе мало того, что она ощущает вампирскую тень в городе? Что указала нам с Ульриком чистый от марионеток путь до побережья? Того, что она исцелила меня, наконец, тебе недостаточно?!

- Чуткость к проклятию *carere morte* порой встречается у простых смертных, - глухо заметила Мира и остановилась. - И она тебя не исцелила. Это что-то вроде гипноза, - она прищурилась. - Твое сердце сейчас бьется сильно, быстро, как у живой, но этим истощает твои ресурсы. Самовнушение пройдет, и ты очнешься лишенной смерти и очень голодной.

- Но...

- Как давно у нее дар лечить вампиров? Лита должна была почувствовать его только в последние семь лет, не раньше. Раньше Винсент был Избранным! Нужно было задать ей простой вопрос: как давно она чувствует вампиров!

- Ульрик сказал, она чувствует Дар с детства. Сейчас ей лет семнадцать. Все сходится, - проворчала Лира. - А ты как точно узнала, что Винсент - Избранный?

- Заметила его золотую кровь, - Мира вздохнула. - Когда рассказала ему сказку о Даре, еще в его детстве. А до того не знаю, было ли в его крови сияние... - Она немного помолчала, о чем-то задумавшись. - Вот что, Диос. Я проверю гостиницу на Ольховой сейчас же. Если нужно, расскажу Лите сказку...

- Не надо! - пробормотала Лира, из всей речи Вако понявшая только, что она собралась к Лите Фабер прямо сейчас. - Подожди, надо подумать. А если за тобой проследят?!

- За вами уже проследили, - послышался голос. Полосу света из приоткрытой подвальной двери заслонили черные фигуры. Даниель Гесси и Адам Митто.

- Вот вы и попались, - неестественно спокойно отметил Даниель.

Мира сначала в бессознательном испуге отступила к стене, но быстро взяла себя в руки.

- Мы решили устроить небольшие переговоры, - сказала она. - Простите, что не сообщила группе. Поисков Дара они не касаются. Нам есть, что обсудить в прошлом, - она метнула резкий взгляд на сообщницу. Лира внутренне подобралась. Сердце в панике билось так быстро, что, казалось, этот грохот слышали б не только вампиры, но и люди. Как Мира ухитряется так без запинки врать?

- Новой ложью ты только что усугубила свою вину, Вако, - безэмоционально заметил Даниель. - Диос удалось сегодня ночью уйти от марионеток Калькаров, но от глаз охотников - нет. Лира прогуливалась без сопровождения группы. Я размышлял, как этим можно воспользоваться и не следует ли сообщать Митто о тайных прогулках его сторонницы, когда пришло извещение от самого Адама. Из хранилища Калькаров пропало два тела-болванки, и Магнус видел их в городе. Они подчинялись другому хозяину, Митто предположил, Мире Вако.

- После этого мы решили на время объединить усилия, чтобы выяснить, не связались ли два слабейших звена наших групп, не задумали ли организовать третью. И очень скоро удача нам улыбнулась, - закончил Адам и хищно оскалился.

- Зачем тебе марионетки, Вако? - спросил Гесси. - Вы с Диос отыскивали след Избранного?

- Прогуляемся по адресу, что они тут кричали? - предложил Митто. - Все вместе.

Даниель холодно кивнул.

Лира машинально взглянула на Миру. Бледное лицо той казалось постаревшим и усталым, и Лиру пронзила догадка: для Вако это было повторение старой ситуации. Старого краха.

- Я проверила марионеток, - улучив момент, когда Адам и Даниель увлеклись обсуждением правил новой встречи групп, шепнула Мира. - Они целы, но их стерегут куклы Калькара. Я попробую прорваться, но и ты будь готова применить силу Голоса Бездны.

- Я плохо управляю ей, - еле слышным шепотом сказала Лира, все еще упрямясь использовать, что судьбой предначертано. Если Бездна - оружие, то оружие самого последнего часа! - Я не пробовала... с Призрачного парка.

Выражение лица Миры не изменилось: замороженное, равнодушное, бесконечно усталое.

- Тогда у нас немного шансов, - ровно заметила она.

Митто забрал Миру в свой закрытый экипаж, а Лира осталась с Даниелем. Охотник сел напротив. Лира ожидала, он наставит на нее арбалет, но Гесси был так в себе уверен, что ограничился пронизывающим взглядом.

- Зачем ты связался с Митто? Если вы заметили меня, мы могли бы поговорить. Договориться, - заметила Лира нарочито спокойным тоном, хотя мурашки лжи так и кололи тело. - Может, еще не поздно?

Даниель усмехнулся.

- Давно, ты предала клятву охотников из-за какого-то своего нелепого заблуждения, теперь предала клятву верности владыке из-за другого. С такими как ты бессмысленно и опасно говорить.

- Может, это вы ошибаетесь: и Дэви, и орден, - прошептала Лира.

- А ты - единственная правая в целом свете. Избранная, о, да, - Даниель усмехнулся.

- Я не делаю того, что сама в глубине души не считаю справедливым и верным, вот и все. Клятву Арденсам я не посчитала честной. Как и не кажется мне правильным решение Дэви заточить Дар в клетку проклятия. А ты все, что тебе приказывают делать Арденсы, считаешь справедливым и верным?

Охотник молчал. Но Лире показалось, он готов прислушаться к ней, и она не сдержалась:

- Даниель! Там, в гостинице, Избранная! И ты сейчас допускаешь, чтобы туда прибыл Митто со своими *carere morte*...

Что-то дрогнуло в лице младшего Гесси. Но это был лишь миг.

- Гостиница была проверена не раз обоими группами. Или Избранная соврала тебе, где живет, или она не Избранная, а мошенница.

- А вдруг...

- *Carere morte* набивается в помощницы охотнику? - холодный вопрос ударил жестоко, как кнут. - Принимать вашу помощь может быть опаснее, чем быть вашим врагом.

Дальше они ехали молча. Потом карета встала. Они уже на месте? Лира глянула в окно: точно, гостиница на Ольховой. Увитое плющом здание за высоким беленым забором, что под полуденным солнцем сверкало как кусок сахара. Даниель первый покинул карету, подал

Лири руку. Лири хмыкнула, выскочила сама... и тут же была невежливо ухвачена за запястье.

- Идем, - сказал Гесси. Вампиры уже скользнули в гостиницу, укутавшись в плащи с капюшонами. Лири подчинилась. Что же делать? Если Ульрик послушался ее, их уже не должно быть в этой гостинице. Но если нет...

«Будь готова применить силу Голоса Бездны», - вспомнила она слова Миры. Что ж, похоже, придется. Только б не зацепить невинных.

В холле Адам и Мири скинули капюшоны. Мири быстро глянула на Лиру, а в глазах был все тот же вопрос:

«Готова?»

Даниель принялся методично расспрашивать хозяйку обо всех постояльцах. Женщина еще в предыдущие проверки была осведомлена об их группах. Она заметно нервничала, но отвечала быстро, четко. Времени оставалось все меньше. И Лири решила на отчаянный шаг. Как низшая она поймала волну эмоций хозяйки и, вскоре оседлав ее, влетела в ее мысленное море. Теперь только подменить правду ложью. Даниель как раз принялся описывать внешность «спутника Лиры» - Ульрика. Лири мгновенно прочитала всплеск мыслей смертной: такой постоялец есть! - и заменила его иным:

- Такого постояльца у меня не было, - сообщила хозяйка. Тонкое воздействие удалось - никакого изменения ни в выражении лица, ни в голосе, ни в фоне эмоций. Лири выдохнула: кажется, получилось. Но тут взвился Митто.

- Врет! Я прекрасно помню этого человека по прошлой проверке. Калькар подтвердит! Мне еще тогда показалось, что он не спит, следит за нами. Почему ты его скрываешь? - напустился он на женщину, оскалив клыки, и Лиру закружил и вытолкнул из мысленного моря поднявшийся вихрь страха хозяйки.

Она всего лишь моргнула, приходя в себя, а Адам и это заметил.

- Так это ты! - крикнул он. - Низшая!

- Всем нужно успокоиться, - холодно заметил Даниель. - Постоялец сейчас здесь? У него есть спутники? - обратился он к хозяйке.

- Да, девушка. Они у себя в номерах. Рано утром воротились и не выходили. Номера семнадцать и восемнадцать, - пролепетала она, и сердце у Лиры упало.

Гесси кивнул.

- Мы с коллегами обсудим план дальнейший действий в столовой, - вежливо молвил он. - Заприте оба номера и ключи оставьте в замке.

Они вчетвером чинно прошли в пустую общую столовую на первом этаже. Небольшой уютный зал в желтых тонах располагал к теплой дружеской беседе, вот только и Митто, и Гесси глядели друг на друга уже вовсе не дружески.

Шторы задернули, но вечернего полумрака не было. Электрическая люстра заливала ярким искусственным светом овальный стол, за которым все собрались. Адам Митто был настороже, но привычно скалился в улыбке, а его взгляд перебежал с одной дамы-предательницы на другую. Даниель Гесси откинулся на спинку кресла, скрестив руки на груди. Он, наоборот, ни разу не взглянул в сторону Лиры или Миры, отдав все внимание противнику-вампиру. А Вако была все такая же - отрешенное, уставшее лицо. Только быстрые сильные пальцы, сжимающие край скатерти, выдавали ее истинное состояние: готовность к скорой битве.

- Даниель, ты напрасно так сосредоточился на мне, - начал Митто, привычно улыбаясь. - На улице солнце. Ни старший, ни младший Калькар не рискнут рвануть мне на выручку, да

они и не знают, где я. Я один против твоей непрошибаемой защиты. И я в этой ситуации друг тебе.

- Друг? - равнодушно изобразил удивление Гесси.

- Ваш покровитель не желает, чтобы Дар исцелял *carere morte*, мой владыка также. Мы оба хотим уничтожить его, только разными способами. Так может, стоит поговорить об этих способах, а не о противодействии друг другу?

Лира усмехнулась. Она-то понимала, Митто согласился на беседу в столовой, не из слабости, а из желания потянуть время. Ясно, что очень скоро сюда придут Калькары с армиями марионеток, наплевав на солнце, ведь всем им было сейчас куда важнее другое солнце - Дара.

- Области влияния и взаимодействия моих покровителей и вашего владыки были четко разграничены двести лет назад. Я не стану нарушать эти границы, - отрезал Даниель. - Я предлагаю побеседовать с нашими дамами, это то, в чем заинтересованы обе группы. Мира, Лира, вы намерены были скрыть от групп то, что нашли Избранную?

Ладонь Миры скользнула к кинжалу у пояса. Она, что, хочет начать сражение прямо сейчас?!

- Мы вовсе не были уверены, что это Избранная, - хрипло сказала Мира.

- Она сама меня нашла, - добавила Лира, - когда я отдыхала в саду. Я не искала Избранную.

- ...Но обе не поторопились доложить это главе своей группы?

Адам разочарованно отвернулся, зарыскал взглядом по комнате.

- Ненужный разговор, - молвил он. - Дэви разберется с Диос, а ваш глава с Вако - и Пустота с ними. Нет, нет, дамы, убивать вас никто не будет! - тут же оскалился он. - Вы слишком ценны для ваших владельцев. Вот на цепь обеих посадят... - он оборвался. Из холла послышался испуганный вскрик, шаги и шелест теней, из приоткрытой двери повеяло холодом и гнилью. Калькары привели своих марионеток.

- О, у нас наконец-то гости, - заявил Даниель, словно только этого и ждал, и поднялся.

Марионетки уже ворвались в столовую. Многие обгорели на солнце до черноты, от других разило канализацией. Явился и их хозяин, Магнус.

- Митто, ты будешь должен мне ящик крови, - заявил он с порога, раздраженный болью от всех покалеченных кукол.

Гесси приподнял бровь:

- Нет, человеческую кровь я вам здесь, господа, пить не позволю! Можешь заживить повреждения прямо сейчас, Магнус. Мира, - обратился он к *carere morte*, - поделись с сородичем.

- Ты же у себя держишь мою фляжку. Делись сам, - проворчала Вако, но, когда снова встретилась глазами с Лирой, взгляд был удивленным до крайности.

- На втором этаже охотники, - оповестил Калькар через мгновение. - Стерегут коридор. В каком номере Избранная? Придется облететь с окон.

Лицо Митто раздосадованно вытянулось.

- Здесь охотники... - разочарованно пробормотал он. - Значит, Избранной тут уже нет. Ловушка! - он резко развернулся к Гесси, но охотник был все таким же спокойным и миролюбивым на вид.

- Я же предлагал вам: подкрепитесь и уходите, - он швырнул Магнусу фляжку стабилизированной крови. - Подарок за то, что Адам зря гонял тебя через весь город под

солнцем. Пей это здесь, сейчас. Я не хочу жертв среди смертных.

- Калькар, там отравы, - прошептал Адам. Магнус хмыкнул и вложил фляжку в руку Мире.

- Проверим, - сказал он. - Пусть сначала Вако.

Мира усмехнулась, но спокойно выпила глоток. Облизнула губы, вопросительно глядя на Даниеля. Все было в порядке. Самая поврежденная марионетка Калькара выхватила у нее фляжку, начала пить.

- А не так плохо, Адам, - поделился Магнус. - Чувствуется присутствие человеческой... - он не договорил. Даниель метнул серебряный кинжал ему в сердце. Ближайшая марионетка рванулась закрыть собой хозяина, но опоздала. Магнус повалился на пол, сам как кукла, и за ним осели и все марионетки.

Адам, выбрав, рванулся к Вако через стол. Мира выставила кинжал, но вампир одним движением сломал ее запястье, направил кинжал ей же в сердце. Гесси выстрелил в него из арбалета, но теперь промахнулся. Адам и Мира грохнулись на пол вместе со стулом, Митто сверху. Но вампир тут же слабо вскрикнул и завалился набок. Вовсе не парализованная, Вако ухитрилась всадить другой кинжал ему в грудь. Встрепанная Мира поднялась, с брезгливым выражением лица вытянула ранивший ее кинжал. Он был не серебряный. Обычный, стальной.

- Умно, - коротко похвалил Гесси. Он подскочил к Магнусу и брызнул на неподвижного кукловода водой из пузырька. Калькар рассыпался пылью, а с ним и все марионетки, сожженные проклятием хозяина. Гесси закупорил пузырек и кинул Мире, вставшей над Адамом.

- Ритуал, Вако!

- Не так быстро, Даниель, - ясно сказала Лири. Взмахнула руками, вызывая в памяти образ толстых веревок, чтобы сплести их из Бездны вокруг. Особое вдохновение битвы захватило и ее, и - получилось! Бездна оплела охотника, скрутила ему руки.

- Где сейчас Избранная? Отвечай! - крикнула Лири. В дверях мелькнула новая фигура, женская. От вампиров или от охотников? Женщина скидывала арбалет. Лири взмахнула рукой опутать и ее, но опоздала. Серебряный болт ударил Миру, шептавшую ритуал, в висок, она упала. А женщина метнулась в освещенную комнату, наплевав на Голос Бездны. Всхлипывая, бросилась к Адаму. Это была Хелена, а ее любимый уже приходил в себя.

Лири на одно мгновение ослабила контроль, но мига хватило, чтобы нити Бездны расточились. Восстановить их она не смогла. Настиг обещанный Мирой эффект фальшивого исцеления - она почувствовала дикий голод.

Ноги переставали держать. Лири опустилась на пол. Светлые пятна светильников закружились перед глазами. Несмотря на беспорядок, подушки пыли на полу от тел марионеток, зал все еще ухитрялся быть уютным. Скатерть съехав с половины стола, застыла желтым водопадом, люстра чуть покачивалась. Раз-два, раз-два, в ритме медленного траурного марша.

- Полагаю, на этом мы сегодня остановимся, - слабо сказал Адам, однако, кинжал у горла лежащей без сознания Мире он держал вполне уверенно. - Я сказал, остановимся, Данни, или я перережу ей глотку!

Гесси, потянувшийся за арбалетом, замер.

- Где Избранная? - повторил Адам вопрос Лиры. Даниель усмехнулся.

- Она не Избранная. Кровь Избранного кроме того, что сияет, еще должна горчить и

отнимать силы у вампира, который ее пьет. Но Калькар и Вако только что глотнули крови предполагаемой Избранной и ничего не почувствовали. Здешняя постоялица - не Избранная, обычная гипнотизерка.

Лира испытала облегчение и одновременно... разочарование? Бездна, да! Она все-таки попала под чары старой сказки!

- Ты меня разыгрываешь, - неуверенно побормотал Адам.

- Сегодня ночью мои охотники проследили не только за Лирой, но и за ее спутником, когда они расстались. Нашли гостиницу. Поговорили и с Ульриком, и с Литой Фабер. Она утверждала, что ее кровь твои вампиры проверяли неоднократно и ничего не нашли, но я на всякий случай взял немного во фляжку. Для полного исключения обмана с их стороны. Сейчас они уже за пределами Прэсто, с Домиником, ждут моего окончательного решения. Я их отпущу на все четыре стороны, и вам предлагаю сделать то же, Адам. Не тратьте время, Избранного в Прэсто никогда не было.

- Зачем же ты зазвал нас в гостиницу?

- Не ты ли предложил прогуляться? - Гесси усмехнулся. - Впрочем, да, я предполагал, что ты захочешь именно этого, и расставил ловушку. Осталось только дожидаться, когда в нее прилетит Калькар. Теперь Дэви лишился одного из двух своих главнокомандующих и одной из двух своих армий, - он, уже не скрывая довольства, широко улыбнулся.

- Уходим, - сухо сказал Адам Хелене и поднялся. Уже дошел до дверей, но, вспомнив, обернулся, поманил Лиру.

- А ты, Голос Бездны, идешь? Или думаешь, у охотников тебя ждут дружеские объятия? Идем-идем, - голос теплел. - Ты защитила меня - я, так и быть, не расскажу владыке о твоём временном помрачении рассудка и сговоре с Вако.

Лира поднялась, держась за стол, поплелась к вампирам. Мира все еще была без сознания, оставалось надеяться, охотники о ней позаботятся.

В розовом саду она упала на скамью, закрыла глаза. Голод разросся - дыра в груди, сводил с ума. Теперь она понимала высших. Или уступишь ему, или упадешь в безумие. Что за нелепые ночь и день! Она толком и не поняла, как все потеряла: новое знакомство, надежду на обретение Дара, покровительство владыки вампиров. Также, как в прошлый раз с орденом. Адам все равно растреплет... Что тогда скажет Дэви? Что он с ней сделает?.. Лира зачем-то опять вспомнила Либитину и поежилась.

И все-таки... Все-таки в глубине души она чувствовала радость. Она не предала свое достоинство, не переметнулась из трусости на сторону охотников, когда Даниель начал побеждать. Она осталась верной своим принципам до конца.

- Леди Лира! - окликнул Хиам Калькар. Она отняла ладони от лица.

- Хиам... Мне жаль, что ты лишился дяди.

- А мне не жаль, - усмешка искривила губы молодого хозяина зверей. - Я стал *carere morte*, пошел на службу Дэви, потому что только так можно было избежать гнева Сесилии и Магнуса. Они завели традицию: смертные члены фамилии отдают двух потомков из каждого поколения на службу владыке. Если б я отказался, ярость родоначальников обрушилась бы на моих родителей... Но сейчас Магнуса нет и Сесилия не продержится долго без брата. Я уже могу не опасаться ее.

Лира улыбнулась:

- Тогда это хорошо, Хиам. Потому что... потому что мне тоже ни капли не было жаль Магнуса.

Хозяин зверей шумно вздохнул - точь-в-точь как его хвостатые куклы.

- Я думаю, сейчас я мог бы сбежать со службы. Дэви будет вдвойне дорожить армией Сесилии и не пустит ее за мной в погоню. И... леди Лира. Это все ради вас. Вы тоже должны бежать, пока в Прэсто не явился Дэви. Я бы оберегал вас в пути, - Хиам замолчал, будто испугавшись своих слов.

- Я?

- Вы, леди Лира! Вы всегда были лишняя здесь. А сейчас, после истории с Литой Фабер рискуете узнать пыточный подвал «Тени Стража», как Либитина, - наверное, только знание того, что Дэви и правда способен на крайнюю жестокость, могло подвигнуть младшего Калькара на столь быстрое, резкое и чёткое заключение. Лира опять закрыла глаза, выпадая из реальности в дыру голода. Увы, она не чувствовала ни радости, что небезразлична молодому кукловоду, ни нетерпеливого желания действовать ради возможности освободиться. Она понимала: свободы нет и никогда не будет для нее, как для Голоса Бездны. Дэви не отпустит ее просто так. А применять силу Бездны, даже ради собственного освобождения, слишком опасно. Этим она развяжет войну, как Регина Вако столетие назад.

- Я останусь с владыкой, Хиам. Не беспокойся, я не думаю, что он причинит мне зло. А ты беги, если так решил. Я буду рада, если это освободит тебя.

Лицо вампира дрогнуло и застыло - ледяная маска:

- Тогда я останусь, леди Лира.

- Нет, Хиам! Если служба тебе постыла...

- Наверное, вам будет интересно узнать, что мои собаки взяли след несостоявшейся Избранной и ее спутника...

- Ты уходишь от темы... Что?

- Лита Фабер и Ульрик Корвус. Я знаю, где они сейчас. Вас к ним проводить?

Вечером Лира взяла на конюшне свою лошадку Мирту и, подконтрольная кукловоду, как и собаки, она легко и быстро домчала ее на побережье, далеко за городом, где встали лагерем беглецы. Охотника с ними не было - значит, уже получил весть от Гесси, что Лита - не Избранная.

Море вдали от городских огней казалось чернее неба, припорошенного неисчислимыми звездами как мукой. Лира опять танцевала на берегу, протягивая руки к волнам, будто переговаривалась с ними. Лира остановилась в отдалении на всхолмье и долго просто смотрела на несостоявшуюся Избранную. Нечаянную мошенницу, подарившую ей три часа человеческой жизни и познакомившую после с настоящим вампирским голодом. Перед тем, как отправиться сюда, Лира опустошила две бутылки стабилизированной крови, но этого было ничтожно мало. Холодеющее тело отчаянно просило другую - живую, горячую, изливающуюся в горло с последними толчками судорожно дергающегося сердца жертвы. О чем теперь говорить с Литой? Об этом?

Первым гостью заметил Ульрик. Он сначала напрягся, опять скользнув рукой на эфес меча. Потом, узнав, улыбнулся:

- Леди Диос, почему вы не идете к нам?

Лира оставила Мирту на холме, спустилась на берег. Лита тут же бросилась к ней, заключила в объятия, звеня браслетами.

- Лира! Я так рада, что с тобой все в порядке!

Немедленно начавшая оттаивать, Лира тем не менее холодно, строго отстранила девушку.

- Ты много раз давала carere morte проверять свою кровь, и они ничего не нашли?

Лита вскинула на нее прозрачные недоумевающие глаза.

- Да. Я же говорила! Я научилась впускать тень, давать ей пройти сквозь себя и уйти... Я их не боялась, и они всякий раз быстро уходили, едва царапнув мне руку.

- У тебя нет золотой крови. Ты не Избранная! - прошептала Лира. Слабое разочарование скользнуло: три часа жизни все же были лишь иллюзией, но ушли, осталось облегчение.

Лита нахмурилась:

- А что значит «Избранная»? Я исцеляю - этого недостаточно?

- Есть такая сказка...

- Расскажи!

Лира вздохнула. Села на прибрежный камень и поманила Литу к себе.

- Я не слышала саму сказку.. Но знаю, о чем она. Давным-давно первый Арденс возмечтал о вечности, и эта мечта открыла Бездне ненависти дорогу в мир... -

Она говорила, не глядя на Литу. Уставилась на серебристую лунную дорожку в море и иногда смаргивала слезы. Невозможно было не вспоминать прошлое и последнего Избранного, рассказывая эту легенду. Сейчас, владея подобной, слишком большой для одного силой, Лира чувствовала всю тяжесть ноши Избранного.

- Не слышала эту сказку, - пробормотала Лита, когда она закончила. - Хотя, кажется, я знаю каждую сказку мира...

- В Терратиморэ ее приказано забыть, - Лира криво улыбнулась. - И не просто так... Тебе повезло, что ты не Избранная.

- Но я все равно могу исцелять, пусть ненадолго! Хочешь, я снова тебе сыграю? -

Лита уже потянула флейту из футляра на поясе. Лира остановила ее.

- Не надо. И я не советую тебе исцелять еще кого-то, когда -либо.

- Почему? Дэви меня не подозревает в «избранности», охотники тоже. Это не опасно!

- Потому что это ненастоящие исцеления! Иллюзия жизни, за которую вампиры потом расплачиваются ужасным голодом, таким, от которого легко сойти с ума, убить... Многие дикари, которых ты исцеляла, после выбирали сгореть на солнце - теперь я понимаю, почему... - лишь бы не голод! Твои исцеления не уменьшают, не рассеивают тень над Терратиморэ, они делают ее гуще. Добавляют новые жертвы.

- Нет, - Лита жалобно взглянула на нее, потом на спутника. - Ульрик... Это же не так!

Охотник качнул головой:

- Очень немногие carere morte достойны исцеления, Лита.

- Нет! - обескураженно прошептала девушка.

- Я очень рада, что познакомилась с тобой, но о правде молчать не буду, - Лира поднялась. - Даже если б у тебя была вся сила Дара, лучше всего молчать о ней, счастья она не принесла бы ни тебе, ни другим, только развязала войну. А так - тем более молчи и радуйся, что Дар обошел тебя.

Она поднялась с камня, отступила от беззвучно заплакавшей Литы. Ульрик догнал ее на берегу.

- Зачем вы пришли, если не за исцелением, леди Диос? - спросил он. Лира вздохнула. Сердце отчаянно желало поговорить с женщиной, разум твердил, что совершенно незачем.

- Потому что вы стали дороги мне, и я хотела убедиться, что с вами все в порядке, - все же тихо призналась она.

- А с вами... - Ульрик осекся. Потом вдруг горячо сжал ей руки и тут же смутился

своему порыву. - После всего вы продолжите служение владыке?

Лири прищурилась:

- Я не ему служу, Корвус. Своим принципам.

- Я верю в это, леди Диос! - пламенно сказал он и настал черед смущаться Лире.

Больше в ту ночь Избранная не танцевала. Когда Лири уходила, Лита сидела на камне, поджав ноги, и уже громко, горестно плакала. Как ребенок, переживший крушение первой большой мечты.

Дэви явился через два дня. Позвал сначала Адама и Хиаму и долго говорил с ними. Потом повеление прийти к владыке получила Лири. Внутренне готовая ко всему, она зашла в дом. Дэви расположился в гостиной. Еще из холла Лири почувствовала звенящее напряжение его эмоций. Ох, и зол же он!

Она тяжело вздохнула и толкнула дверь гостиной. Дэви вскинул голову.

- Доброй ночи, владыка, - выговорила Лири. - Как наши дела на севере?

На лице вампира промелькнуло восхищение силой ее духа.

- Дела идут отлично, - уверенно заявил он. - Готовится новый союз, давно предсказанный, и все же неожиданный своей силой, своим возможным влиянием на Терратиморэ...

Большого он говорить не пожелал. Лири хотела заглянуть в его мысли, но отказалась от этой затеи. Пробраться в мысленное море можно на волне эмоции, но владыка сейчас был захвачен злостью. Если это злость против нее, она просто сгорит в ней.

- А Либитина? - хрипло спросила Лири неважное.

- Почти побеждена орденом, - также походя заметил Дэви. - Но я явился, чтобы поговорить не о Севере, а о тебе, Лири Диос, - монотонный голос полился тягучим ядовитым темным медом. - Хиам рассказал, ты связалась с Мирой Вако и организовала совместные поиски Избранной втайне от обеих групп.

Так Хиам сдал ее, не Адам Митто?! Лири потрясенно вздохнула.

- Я не клялась поддерживать ваши планы относительно Дара, господин, - напомнила она.

- Ты сказала, что поддерживаешь Равновесие, - Дэви подался вперед, так и прожигая взглядом. - Дар нарушает Равновесие.

- Да, но... Свобода любого человека представляется мне высшей ценностью, - упрямо сказала Лири. Дэви мгновение смотрел на нее, потом рассмеялся.

- Я ценю твою честность, Лири Диос! Ее так мало в моем окружении...

- Мне жаль, что вы лишились Магнуса. Адама я смогла защитить, но...

- Старшие Калькары давно выжили из ума. Они приносят больше вреда, чем пользы. В смерти Магнуса я тебя не виню. Но связаться с Мирой?

- Я чувствую перед ней долю вины, господин. Из-за Винсента.

Дэви потянулся за бутылкой на столике, наполнил кровью два бокала.

- Ты голодна, Голос Бездны. Выпей, - предложил он, подавая ей бокал.

- Спасибо, - Лири неосознанно отодвинулась. - Я сегодня уже выпила две бутылки.

- И тебе их оказалось недостаточно, - вампир улыбнулся. - Не пугайся. Ты превращаешься в высшую, и только.

- Ох, нет, - выдохнула Лири.

- Исцеление фальшивой Избранной запустило процесс, - владыка ухмыльнулся. - Кто бы мог подумать...

Разумеется, он был рад, что она становится высшей. Скоро для Лиры закроется раздражающий его доступ в его эмоции и мысли.

- Ты станешь высшей из высших - разве тебе не радостно? - Дэви приподнял бокал в ее честь. - Голос Бездны - высший вампир! Это значит, Великий вампир.

Лира передернулась.

- Я не хочу использовать свою силу, как оружие.

- Я помню, - Дэви поднялся с бокалом в руке, отошел, попивая кровь. Лира следила за ним с ноткой обреченности: владыка точно задумал что-то дурное. Его злость никуда не делась, Лира слышала, как она клокочет.

- Покажи, чего достигла, пока тренировалась без меня, - взмахнув пустым бокалом, предложил Дэви.

Лира чертыхнулась про себя. С тренировками у нее не получалось. Один-единственный раз, когда она смогла призвать и направить Бездну, был во время короткого исцеления. Но она послушно закрыла глаза: попытаться все же надо.

Аромат увядающих роз пробрался и в дом. Тут пахло также сладко и тяжело, как в саду. Запах мешал. И не меньше мешали духота и теснота стен. Лира предпочла бы другое, чтобы сосредоточиться.

...Терпко-свежий запах моря, соленый привкус от ветра на губах, бездонная чаша неба над головой, шорох песка под босыми ногами Избранной, звяканье ее браслетов... Улыбка Ульрика.

Она взмахнула кистью, проверяя ощущения... Есть! Бездна потянулась за направляющей, взвилась серебристыми нитями. Пальцы Лиры затрепетали, будто она играла на музыкальном инструменте. Нити сплетались, повинаясь этим движениям и мелодии Избранной, что она про себя напевала - песне солнца и звезд. Сплетались... в подобие цветка: сказочное кружево лепестков на тонкой угловатой еще робкой ножке застыло в воздухе над ее раскрытой ладонью.

- Что это, Диос? - голос Дэви изменился. Сколько б он ни знал Голосов Бездны прежде, такое проявление их силы видел впервые, она чувствовала, как, погребая под собой злость, его мысли заливают удивление.

- Сама не знаю, господин, - вымолвила Лира. Пальцы дрогнули, и цветок рассыпался без следа.

- Я просто представила место, где мне было хорошо.

Теперь Лира не раздумывая взяла бокал и одним махом его осушила. Упражнение отняло сил не меньше, чем те три часа, когда после исцеления сердце билось как у живой. Как же тогда были голодны Регина Вако или Великий вампир, если своей силой рушили целые здания и направляли Макту на убийства? Или они использовали другую частицу Бездны? Ту, которую Лире вовсе не хочется трогать - сплетенную с проклятием *carere morte* частицу Бездны ненависти? Да, все так! Они управляли Бездной своей ненавистью к живому заливали потом голод бочками крови, и не знали: все, чего они достигли - лишь малая, слабая, жалкая частица настоящей Бездны...

- Проклятие *carere morte* мешает истинному проявлению силы Бездны, - тихо сказала Лира. - Вот, что я думаю, господин.

- Наоборот, оно помогает. Ты на пороге превращения в высшую, потому и растет твоя чувствительность к Бездне.

Она помотала головой. Сил ответить словами не находилось.

- Высшие из высших *carere morte* стоят ближе всех существ в мире к Бездне, не считая тебя. Наши бессмертные тела - наилучшие Ее проводники, - продолжал Дэви, убеждая неясно ее или себя. Его удивление ослабевало, опять поднималась злость. Не на нее - теперь различила Лира - на весь мир.

- Твои предшественники, Регина и Великий, владели Бездной куда лучше тебя! - заключил в конце концов вампир. Громче обычного, разозленный до крайности... Но Лира все же разомкнула губы. Довольно она молчала о правде, когда была в ордене!

- Они пользовались малой частицей настоящей Бездны, той, что может быть только разрушительным оружием. Я учусь управлять другой, но проклятие мешает. Потому что *carere morte* - неправильные создания Бездны, господин. Наши бессмертные тела искажают Бездну, мы видим в ней только ненависть. А Она куда больше, но в нас недостаточно жизни, наши чувства недостаточно сильны, чтобы отразить Ее такой, какая Она есть. Когда истинная Бездна проходит сквозь нас, то сжигает изнутри, поэтому я сейчас так голодна...

- Молчать! - взревел владыка. Швырнул бокал. Тот ударился о край столика, разлетелся на тысячу кровавых рубинов осколков. Злость владыки взорвалась яркой вспышкой прямо у нее в голове. Слишком сильная эмоция! Лира всхлипнула, сжимая виски.

- Дама, позже взявшая себе имя Либирина, говорила то же самое! Помнишь, что с нею стало?! Под красивыми словами: «Пустить Бездну на благие дела», она внушала страшные мысли - снять с себя власть владыки, дать Избранному возможность исцелять, убрать Равновесие! Она хотела уничтожить меня и погрузить мир в хаос. Но Я - уничтожил ее.

Дэви шагнул к ней, и его фигура выросла. Тень за клубилась за его спиной, все распространяясь, заполняя собой комнату, дом... мир. Зазвенели стекла в окнах, рассыпаясь, взорвались - бах! бах! - вспышки поменьше - электрические свечи в люстре.

- Вот это - сила Бездны! Не бойся ее, не стыдись. Ты способна на гораздо большее, чем я.

- Вы обещали, что не будете использовать силу Голоса Бездны, как оружие, - прошептала Лира. - Вы говорили, что хотите познать все грани Бездны с моей помощью. Я нашла новую грань. Почему она вам не нравится?

Владыка, конечно, не ответил, но его эмоции все говорили за него. Он не мог принять, что проклятие *carere morte* - это искаженная частица Бездны. Идеей, что вампиры - лучшие создания Бездны он жил двести лет и двести лет бредил божественностью бессмертия, питаемого чужими жизнями. Таков был его мост над пропастью, в которую канула смертная жизнь. Что там, на ее далеком дне, какие разрушенные замки смыслов и привязанностей?.. Лира попробовала осторожно коснуться клубящегося чернотой, как тень в комнате, дна пропасти. Все еще верящая, что Дэви достаточно мудр и справедлив, чтобы к ней прислушаться, она не боялась. Она думала, сейчас ласково извлечет на свет страшные руины прошлого и вылечит их или сотрет из его памяти. Она совсем забыла, что стало с Либириной.

- Господин, вы выбрали не ту дорогу, но я покажу.. - она не договорила. От хлесткой пощечины вампира голова мотнулась в сторону. Лира пошатнулась, отступила на шаг. Щека набухла подушкой, кровь потекла из разбитых губ.

- Вы губите этим себя, господин, не меня, - нашла силы прошептать она. - Кто я? - лишь Голос. Придёт другой мне на смену и скажет то же...

Дэви шагнул к ней, встав вплотную. Лира отступила ещё, спиной уперлась в закрытую дверь. Глаза вампира зло блестели.

- Не пугай меня карой Бездны, Ли́ра Диос! Мне ли, владыке, не знать нашу Госпожу? Тебя ведёт месть. Тобою говорит вина. Ты мстишь мне за совершённую тобою же ошибку, винишь себя за слабость в Призрачном парке!

- Это не так! -

Дэви ещё ступил вперёд, и Ли́ра вжала голову в плечи. Все-таки он дождался, чтобы она сама, по собственной воле стала оружием! «Госпожа!» - позвала она как давно, в Призрачном парке, и частица Бездны ненависти вылилась в мир. Оформилась в привычные нити. Ли́ра расплющила их в ленты и заострила как лезвия мечей. Владыка отступил. А невидимая сила уже пошла на него, оставляя глубокие порезы там, где касалась.

- Вы ЭТОГО хотите?! - прокричала Ли́ра. Внутри поднималась жгучая волна ненависти разливалась по крови, накрепко сцепляясь с частицами проклятия, делая ее иной. Делая ее чем-то иным, всесильным как бог.. Вот, что чувствовали Великий и Регина Вако! Всемогущество. И можно не смотреть на то, что уничтожаешь - черная пелена затмевает взор.

Из памяти, из сна ли, или правда в окно влетела далекая, но ясно слышимая мелодия Литы Фабер... и руки Ли́ры опустились. Частица Бездны рассеялась. Может, Избранная не исцелила ее, но она показала, чему Голосу Бездны стоит служить.

Звуки флейты смолкли. Дэви опустил располосованные руки, которыми прикрывал лицо и грудь. Опять двинулся к ней. Ли́ра отвернулась, чтобы не видеть его глаз.

- Решила, что достаточно сильна, глашатай? Жаль! Я надеялся, за годы Бездна *carere morte* заместит тебя собой. Но этого так и не произошло. Ты упрямая. Придется мне помочь Госпоже.

- Услышьте меня, Владыка!

- Разве я не был добр к тебе? Разве не принял в сердце, несмотря на твою историю предательства?! - голос владыки стал жестоко-ласковым. - Разве не дал свободу решать, что ты хочешь делать? Разве заключал в клетку вины или долга? И вот, чем ты платишь! Теперь я больше не хочу слышать тебя, Ли́ра Диос. Только Ее, - звук его голоса ударил невыносимой, холодно-жгучей болью.

- Вы всегда слышали не Ее, а себя, - выдавила Ли́ра. Дэви зло усмехнулся. Склонился близко-близко, повернул её голову к себе. Лицо владыки было покрыто мелкими тонкими порезами, особенно много на губах.

- Тыходишь к состоянию высшей, но нужно помочь тебе, как Валерию Конору, - бесстрастно сказал он. - Полагаю, зрелище большой вампирской охоты тебя не впечатлит как его, ты же в глубине души все еще презираешь вампиров, дочь охотников, и их манера питания тебя отвращает, верно? Остается одно: заложить голод и ненависть высших в саму тебя вместе с частицей чужого проклятия. Обменяемся кровью, Ли́ра. Ты сгинешь, и в теле Голоса Бездны останемся я... и Она.

Раздирающе скрежетнул его кинжал. Дэви жутко улыбнулся изрезанными в кровь губами, взмахнул лезвием и полоснул ее едва начавшие заживать губы. Поцеловал. Не холодно, отстранённо как можно было бы ждать, - он кусал её, он хотел её всю... Ли́ра не отвечала на поцелуй, но и не сопротивлялась. Она опять обратилась в статую, как когда вампир уносил ее из Призрачного парка. Пусть эта буря пронесется мимо. Она не сгинет. Она опять отступит, потом ударит. Как учил отец... Их кровь смешалась, и скоро Ли́ра почувствовала, как новая частица чужого проклятия холодно уколола возле сердца.

Она не успела поставить барьеры, да и можно ли было это сделать? Чужая ненависть

черным ядом разлилась по сосудам, чужой голод расцвел язвой под сердцем. Лира провалилась в Пустоту...

Больше книг на сайте - Knigolub.net